Третий пол

Арон Исаакович Белкин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Привычный взгляд, будто род человеческий состоит из мужчин и женщин, не выдерживает строгой проверки. Между двумя полами нет четкой границы. Есть обширное нейтральное пространство. Его наполняют люди, которых нельзя отнести ни к мужскому, ни к женскому полу.

В подавляющем большинстве это люди глубоко несчастные. Они кажутся окружающим странными, «ненормальными», они вызывают недоумение, а иногда даже страх. Но это живые люди. Такими, какие они есть их создала природа. Общество обязано признать факт их существования. И первый шаг к этому, попытка сделанная в этой книге, собрать их вместе под знаком особого, третьего пола, пусть даже официально не признанного.

По составу третий пол разнообразен. Одних его представителей можно сразу угадать по непривычному строению тела. Другие, наоборот, внешних отличий не имеют. Но во всех случаях есть биологическая основа этой выпадающей из нормы половой принадлежности. Есть своеобразная психология. И есть специфические черты поведения, которые во многом зависят не только от психологии, но и от невозможности найти свое, законное место в обществе, построенном на взаимодействии двух основных полов.

Автор книги, известный психиатр, профессор А. И. Белкин в течение многих десятилетий оказывает представителям третьего пола врачебную помощь. На его глазах возможности медицины существенно расширились. Но положение этих людей в обществе почти не изменилось. Слишком мало известно о третьем поле, слишком много нелепостей и небылиц намешано вокруг него в массовом сознании. Желание защитить своих пациентов, утвердить их право на жизнь и счастье заставило врача взяться за идею.

Но книга «Третий пол» не только об этом… Она приоткрывает и тайну двух полов, которая, наверное, никогда не перестанет дразнить воображение. В чем суть мужского и женского начала? Должны ли два пола сближаться или, наоборот, увеличивать существующую между ними дистанцию? Материал книги дает увлекательную возможность совместить в поисках ответов на эти вечные вопросы биологический, социальный и социально-психологический подходы.

Книга адресована всем, кому свойственно задумываться над загадками человеческой и своей собственной природы. Написана она легко, сложные научные и философские проблемы изложены

в форме, доступной массовому читателю.

-
- Аннотация
- Что такое третий пол?
- Ошибка природы
- Сыновья и дочери
- Старинная сказка
- Без вины виноватые
- Как молоды мы были…
- Быть всем – или оставаться ничем
- Мертвый хватает живого
- Тайна пола
- Камень Сизифа
- Темный страх
- Сознательный гермафродитизм
- Обратная связь
- Мы все немного лошади…
- Призраки третьего пола
- Сотворение Адама
- Третий суд
- Последний скопец
- Средний род
- Лица и маски
- Огненное крещение
- Враги человечества
- Под сенью скопческого мифа
- Забытые имена
- Государство в государстве
- Параллельная реальность
- Кондратий Селиванов против Зигмунда Фрейда
- «Интересный мужчина хочет познакомиться…»
- Свой среди своих
- Преступление или болезнь?
- Голубой свет Луны
- Что может сделать врач?
- От крыс к человеку
- «Не упустил противоположный пол…»
- Бегство от женщины
- Резерв главного командования
- Традиционные радости нетрадиционной семьи
- Высшая степень свободы
- Душа, разминувшаяся с телом
- Танец бабочки

- Житие святой Аполлинарии
- Колдовство бегущих огней
- На одно лицо
- Посеешь характер – пожнешь судьбу
- «Что Вы со мной сделали?»
- Человек нарождается вновь

Арон Исаакович Белкин
Третий пол

Аннотация

Привычный взгляд, будто род человеческий состоит из мужчин и женщин, не выдерживает строгой проверки. Между двумя полами нет четкой границы. Есть обширное нейтральное пространство. Его наполняют люди, которых нельзя отнести ни к мужскому, ни к женскому полу.

В подавляющем большинстве это люди глубоко несчастные. Они кажутся окружающим странными, «ненормальными», они вызывают недоумение, а иногда даже страх. Но это живые люди. Такими, какие они есть их создала природа. Общество обязано признать факт их существования. И первый шаг к этому, попытка сделанная в этой книге, собрать их вместе под знаком особого, третьего пола, пусть даже официально не признанного.

По составу третий пол разнообразен. Одних его представителей можно сразу угадать по непривычному строению тела. Другие, наоборот, внешних отличий не имеют. Но во всех случаях есть биологическая основа этой выпадающей из нормы половой принадлежности. Есть своеобразная психология. И есть специфические черты поведения, которые во многом зависят не только от психологии, но и от невозможности найти свое, законное место в обществе, построенном на взаимодействии двух основных полов.

Автор книги, известный психиатр, профессор А. И. Белкин в течение многих десятилетий оказывает представителям третьего пола врачебную помощь. На его глазах возможности медицины существенно расширились. Но положение этих людей в обществе почти не изменилось. Слишком мало известно о третьем поле, слишком много нелепостей и небылиц намешано вокруг него в массовом сознании. Желание защитить своих пациентов, утвердить их право на жизнь и счастье заставило врача взяться за идею.

Но книга «Третий пол» не только об этом… Она приоткрывает и тайну двух полов, которая, наверное, никогда не перестанет дразнить воображение. В чем суть мужского и женского начала? Должны ли два пола сближаться или, наоборот, увеличивать существующую между ними дистанцию? Материал книги дает увлекательную возможность совместить в поисках ответов на эти вечные вопросы биологический, социальный и социально-психологический подходы.

Книга адресована всем, кому свойственно задумываться над загадками человеческой и своей собственной природы. Написана она легко, сложные научные и философские проблемы изложены

в форме, доступной массовому читателю.

Что такое третий пол?

При первом подходе, нечто абсурдное, подобное жареному льду: то, чего не может быть на белом свете. Если вы не женщина, значит, вы мужчина. Если вы не мужчина, значит, вы женщина. И точка. Какие еще могут быть варианты? Фантазия человеческая, она, как известно, никаких рамок не признает и что угодно может сконструировать. Но здесь есть жесткий ограничитель: закон природы. Два пола действительно необходимы, чтобы жизнь могла продолжаться. Но только два, и никак не больше.

Эта истина, одна из первых, которые мы постигаем, едва научившись говорить. Как-то раз, играя с моей маленькой внучкой Натали, я навел разговор на различие между девочками и мальчиками. Внучка был еще так мала, что я даже не был уверен, понятен ли ей вопрос. Но малышка ответила, не задумываясь: «Когда девочки вырастут, они будут мамами, а мальчики станут папами». По сути, трехлетний ребенок дал исчерпывающе точное и полное определение пола! Сравните хотя бы с толкованием, какое дают словари русского языка. «Пол, читаем в „Толковом словаре“ Ушакова, понятие, связанное с особым типом размножения посредством слияния половых клеток, один из двух разрядов живых существ, мужчин и женщин, самцов и самок, размножающихся особыми физическими признаками». Дети, понятно, такой лексикой не оперируют, но суть явления угадывают безошибочно. Пол зависит не от того, кто как одет, кто в какие играет игрушки и как себя ведет, хотя это прежде всего бросается в глаза. Пол, функция в великом процессе воспроизводства поколений. И поскольку биологический механизм воспроизводства, восторжествовавший на нашей планете в ходе эволюции, построен на взаимодействии мужского и женского начала, то ни для каких иных разновидностей пола просто не остается места.

Но есть, оказывается, у природы, не только любимые дети, но и пасынки. Любимых детей она предусмотрительно распределяет между мужским и женским полом, под знаком которого каждый проживает свою жизнь, длинную или короткую, удачную или не очень, это уж как кому выпадет. А пасынки остаются в стороне, поскольку по разным причинам они не вписываются ни в первый, ни во второй. Причина всех несчастий, было прямым обращением взгляда на них других людей, начиная с ближайших родственников…

Мне хочется верить, что эти две линии, тесно взаимосвязанные, сохранятся в решении проблем третьего пола и

в будущем.

Вопросы, на которые должна ответить наука, уже были очерчены в ходе моего рассказа, и вряд ли стоит сейчас повторяться. Мне вовсе не кажется несбыточным чудом возможность контролировать процессы внутриутробного развития, предупреждая возникновение тяжелых аномалий, в том числе и не связанных с полом. И все же мне почему-то представляется, что третий пол при этом не исчезнет, даже задачи такой выдвинуто не будет. Более вероятным кажется нечто вроде его легализации. За каждым человеком будет признано право быть таким, каков он есть, и его отличия от большинства не будут рассматриваться как уродство, «ненормальность», «неполноценность». В самом деле, что, по большому счету, мы может предъявить этим людям? Чем они хуже тех, чья половая принадлежность несомненна? Единственным, и то с каких позиций это рассматривать, их изъян, невозможность иметь потомство. Но если оценить перспективы, которые уже сегодня открывает клонирование, то и эта трудность начинает выглядеть преодолимой…

Не такая уж большая беда, родиться пасынком природы. Лишь бы общество не рассматривало тебя как своего пасынка.

Ошибка природы

В моем архиве хранятся несколько десятков историй болезни, по виду напоминающих судебные дела. Такие же распухшие папки, в которых, помимо моих записей и назначений, множество фотографий, свидетельских показаний. И такой же предельный драматизм запечатленных в них событий.

Впрочем, можно провести и более глубокую аналогию. Если вчитаться, в каждом отдельном случае мои больные выступают в роли истцов, требующих возмещения колоссального ущерба. Вчиняют они свой иск природе, которая жестоко ошиблась, когда производила их на свет. Почти в каждом деле есть и соответчики, люди, причастные к судьбе больного. В широком смысле, общество.

Судьей же, а одновременно и исполнителем собственного решения всякий раз приходилось становиться мне.

Откроем наугад одну из папок.

«Я жила, как дикий зверь.»

«Мне 22 года. Много это или мало? По обычным меркам, совсем немного. Но для человека, которому через несколько дней предстоит родиться вторично, а значит перечеркнуть все, что с ним было до сих пор, срок очень большой.

Я знаю, на что иду. Мои годы прожиты в деревне, где каждый плетень на виду, не говоря уже о людях. Приезжая к матери, непременно буду оказываться в центре общего внимания. Сенсация номер один! Смогу ли когда-нибудь к этому привыкнуть?

А друзья? Никто из них даже близко не может представить себе того, что вскоре должно случиться. Им известно, что мне предстоит операция, но после нее они ждут меня домой. Меня, то есть ту же самую Женьку, которую совсем недавно проводили они в Москву. Им и в голову не приходит, что этой Женьки, их подруги, больше не будет на свете.»

Эта исповедь, как и многие подобные ей, была написана по моей просьбе. Я преследовал двойную цель. Жене и в самом деле предстояло явиться на свет вторично, пройти тяжелейшее, чрезвычайно рискованное психологическое испытание, практически не известное даже самым опытным психологам. Конечно, мы вели долгие разговоры. Поскольку я стал первым и единственным человеком, пользовавшимся полным Жениным доверием, вынести из этих бесед удалось очень много. Яснее становилось, как помочь Жене, а сверх того, и всем подобным больным. Но человеку, прожившему долгие годы под игом обета

молчания, трудно разговориться, раскрыть перед другими свой внутренний мир. Откровенность требует навыка. Я надеялся (и не ошибся в итоге), что наедине с бумагой Женя скорее преодолеет эту скованность, дальше продвинется по пути самопознания, перепроверит свои мысли и суждения, взглянув на них как бы со стороны. Ну, а впридачу я рассчитывал убить еще одного маленького зайца. Зная, как тяжелы для молодого, энергичного существа монотонные больничные будни, я использовал любую возможность заполнить их интересным занятием.

Жене мое предложение понравилось, и уже через несколько дней передо мной лежала толстая рукопись.

«Родилась и выросла я в небольшой глухой деревеньке такого же глухого района Ивановской области. Первые воспоминания относятся годам к трем, то есть примерно за год до того, как погиб своей глупой смертью мой отец. Помню, как он басил что-то пьяным голосом, подыгрывая себе на старенькой гармошке, как усаживал меня на колени и качал на ноге. Помню, как показывал свою силу и удаль перед матерью, жестоко избивал ее, совершенно невинную, первым попавшимся под руку предметом. Помню и трагический для нашей семьи момент: под воздействием винных паров отец решил похвастаться, как хорошо умеет он плавать. Результат, мать стала вдовой в 30 лет с тремя детьми, один другого меньше.

Только сейчас я начинаю понимать, какой груз свалился на ее плечи. Она почти целый день находилась на ферме, где тогда не было ни малейшей механизации, а дома ее ожидали ее все работы, какие только выполняют на селе, и женские, и мужские. Падал забор, мать ехала в лес, рубила деревья и одна, без всякой помощи, ставила новый.

Лет до пяти я росла без волнений и забот, целый день носилась вместе со сверстниками с реки, в лес, из леса, в поле. Я даже как-то не обращала внимания на свой дефект. Бегала сломя голову, барахталась на речной отмели. Наверное, уже тогда я удивляла окружающих, но по малолетству все проходило мимо меня. Отдельные случаи все-таки запомнились. Например, такой. Повела нас всех мать в баню. И тут моя младшая сестра, указывая рукой, сказала: «Мама, смотри-ка, а у Женечки-то.», и назвала эту «деталь» так, как называют ее у нас в деревне. Мать ее отшлепала: «Никогда не смей так говорить!» Помню, я страшно обиделась на сестру, но детские обиды недолговечны.

Однако, с этого времени я и начала ловить со всех сторон косые взгляды, шепотки, от которых меня словно током ударяло. Но все обиды, всю тяжесть своего положения переживала в одиночестве, ни с кем не делясь своим горем.

Вспоминаю, как по дороге в школу я ступала в следы подруг, оставленные на снегу, и думала: вот похожу так побольше, и стану нормальной девочкой, как они, и никто не будет меня обзывать. Больше всего убивало слово «размужичье». Вообще я в драки почти не вступала, уже в те годы я понимала, что мне нельзя показывать свою истинную силу, но иногда приходилось драться, и уж тогда меня не щадили ни сверстники, ни даже некоторые взрослые. Я и сейчас никак не могу понять, как же люди, матери своих таких же людей, могли быть настолько безжалостны к ребенку.

С каждым годом я все больше отдалялась от людей, становилась стеснительной и замкнутой. Но при этом, постоянно, круглые сутки была на людях. Учась в восьмилетке, я жила в интернате, поступила в профтехучилище, потом в техникум, перешла в общежитие. А там у нас такая простота нравов, даже в туалете отдельных кабинок не было. Правда, до поры до времени у меня особых проблем не возникало. Но вот где-то лет с 15 они стали появляться, потом все больше, больше. И тут моя жизнь превратилась в сущий ад.

Носить женскую одежду я стеснялась, видела, что она меня делает настоящим уродом. Как раз в это время девушки начали носить брюки. Но легче мне не стало. В штанах я выглядела вылитым парнем. Не спасали и длинные волосы, которые я всегда завязывала в хвостики. Подходит, бывало, ко мне какая-нибудь старушка и спрашивает: «Это что, паренек, неужели нынче такая мода, с хвостами-то ходить?» Отшучиваюсь, а самой сквозь землю хочется провалиться. Правда, одев раз брюки, я уж больше их не снимала никогда, ни зимой, ни летом. Работали мы на практике в теплице: влажность до 100%, жара как в Сахаре, все девчонки в купальниках, то огурцы поливают из шлангов, то сами обливаются, а я в полной амуниции, вот-вот сознание потеряю, но делаю вид, что мне хоть бы что.

Когда над верхней губой появился пушок, меня это поначалу не особенно насторожило. Но он становился все темнее и гуще. Как бороться? Ножницы, не берут. Подносила к лицу горящую спичку, опалила брови и ресницы. Нашла, наконец, радикальное средство, пинцет. Но где уединиться на полтора-два часа, которых требует эта нуднейшая процедура? Чаще всего я поступала так: брала книгу и садилась к окну, за штору, делала вид, что читаю. И при этом вся обращалась в слух. Чуть кто двинется к окну, сразу прячу зеркальце и пинцет между страницами. «Ты чего тут, Женька?», «Не видишь, что ли? Читаю!» А волосков этих проклятых, сотни. И дня через три они появляются снова. Два предмета, пинцет и зеркало, всегда были со мной, куда бы я не

шла или не ехала. А что творилось, когда, случалось, терялся пинцет! Я места себе не находила, ни о чем думать не могла, пока не найду, или бежала в магазин. А пинцеты, как на грех, почти никогда не продавались, так я покупала готовальню, дорогую и совершенно мне не нужную, но там, в наборе с другими инструментами, обычно находился рейсфедер.

С годами перестала помогать и эта процедура. Поэтому половину лица я стала закрывать волосами. Разговаривая, старалась сидеть или стоять подальше от собеседника или же принимала такую позу, чтобы он видел меня вполоборота. Эта привычка сохраняется у меня и теперь.

Еще одна из моих многочисленных «странностей» была связана с теми неприятностями, которые мне доставлял голос. Чего я только не делала, чтобы хоть как-то приблизить его к женскому! Когда со мной разговаривают, то от волнения я часто теряюсь и не могу связать двух слов. А то и просто молчу.

Живя всю жизнь среди девчонок и зная их дотошность и наблюдательность, я должна была контролировать каждое свое движение. Как раздеться, как переодеться, как улечься в кровать? Даже ночью, во сне, я не переставала следить за собой и ловить каждое движение в комнате. Вот заскрипела чья-то койка, вот кто-то спустил ноги на пол. Сон не человека, а дикого зверя, над которым постоянно висит смертельная угроза.

Часто бывало: после занятий все идут на Волгу, купаться. А я одна сижу на берегу. Ссылаюсь на смерть отца: мол, с того времени, как он утонул, у меня появился животный страх перед водой, я, мол, и плавать-то не умею. На самом же деле плавала я, как рыба, еще в раннем детстве научилась, и теперь, глядя на визжащих и резвящихся в реке друзей, еле удерживалась, так хотелось разбежаться и нырнуть к ним прямо с берега.

Мне довелось познакомиться с жизнеописанием человека, с которым природа сыграла ту же шутку. До чего же удивительно схожи наши судьбы! Все те приспособления и ухищрения, к которым прибегала я, использовал и он. И по характеру, по духу у нас много общего.

Сколько времени простояла я перед зеркалом! Репетировала разные выражения, но что толку, лицо выдавало меня с головой. Массивный нос, черные густые, низко нависшие брови, до черноты смуглая кожа. Старухи наши деревенские умилялись: копия отец! А я стеснялась до дикости. Идя по улице, опускала голову, смотрела только под ноги. И все равно чувствовала, что все взгляды обращены на меня. А какие доносились до меня восклицания, какие реплики! Сколько я перенесла за свои 22 года, хватило бы на целую жизнь десяти человек.

Отметки у меня всегда были хорошие, я много читала. Еще в школе «заболела» садоводством, особенно, цветоводством. Завела переписку с учеными, с любителями, получала от них не только советы, но и посадочный материал. Я и теперь, когда приезжаю домой, первым делом иду в сад, навещаю своих зеленых питомцев. Вот этот прислан из Харькова, этот, из Ярославской области, а вот тот, из Челябинска. С утра и до позднего вечера могу копаться в земле: сажать, пересаживать, ухаживать за побегами.

Рано начала заниматься спортом. В школе никаких секций не было, я тренировалась сама. Читала про знаменитых спортсменов и, беря их за образец, сама задавала себе задания. Уже тогда я умела заставить себя переступить через «не могу»: работала на крайнем пределе сил, раз решила, должна умереть, но выполнить.

На разных соревнованиях обычно занимала первые места по бегу и лыжам. Играла в волейбол, в баскетбол, стреляла из винтовки. В деревне на подобные занятия смотрят, как на безделье, но меня ничто не могло остановить. Уже тогда я спала и видела себя олимпийской чемпионкой.

Не только тренировки развивали мою силу и выносливость. Приходилось много помогать матери, ведь я была старшей из ее детей. В десять лет начала доить коров, носить корма, наполнять водой бочки. Это на ферме. А сколько всевозможных «неженских» дел было дома! У меня и сейчас темнеет в глазах, как вспомню эту каторжную работу.

На улице я играла в основном с мальчишками. С девчонками мне было скучно. Тряпочки, куколки, бантики совершенно меня не интересовали. Хотелось азартных игр, резких движений, скорости. Как, впрочем, и сейчас. Даже среди ребят выделялась ловкостью и быстротой. Играла в войну, «стреляла», ползала с «автоматом», но больше всего любила футбол. Всегда знала, что ребята, собираясь играть, непременно крикнут и Женьку, слывшую одним из лучших нападающих.

Мать строго говорила: «Ты что это, еретик (так в наших краях родители ругают детей за провинности), как парнишонка, все с ребятами носишься? Чтоб я этого больше не видела!». Мне не нравилось это слово «парнишонка». День я никуда не ходила или же шла к девчонкам, посмотреть, чем там они занимаются. Но долго не выдерживала, снова бежала к ребятам.

В техникуме мои партизанские тренировки закончились, я начала заниматься под руководством тренеров. Как-то само собой получилось, что я присоединилась к ребятам. Их режим, их нагрузки меня устраивали, а с девчонками казалось, что я без толку провожу время. Пощады себе не давала, и результаты

быстро росли. В первый же год учебы меня включили в сборную области по лыжам, а еще год спустя я была в команде первым номером, на голову выше других.

Ребята, с которыми училась в техникуме, радовались моим победам и всегда выгораживали перед преподавателями, когда я, чтобы сделать лишнюю «пятерку» (5 километров по крутым холмам), пропускала первые или последние часы.

Правда, не только спортивный азарт делал из меня прогульщицу. Была в моей жизни еще одна вечная проклятая проблема. После каждой тренировки все шли в душ, а я не могла. Не могла ходить и в баню. Вот и приходилось ловить минуты, когда общежитие пустело. Тогда я спускалась в полуподвальное помещение, где находились умывальники, а двери там не запирались, и кое-как, замирая от страха, приводила себя в порядок.

Одну из своих «бань» буду помнить до гробовой доски. В конце января нас привезли на сборы в Архангельскую область. Морозы стояли трескучие, а место, где нас поселили, никаких бытовых удобств не имело, даже туалеты были во дворе. Все ходили в парную баню, а я нет, и это уже стало бросаться в глаза. И тогда я решилась на безрассудство. В тот день столбик термометра упал так низко, что тренировки отменили, все остались дома. Я сделала вид, что иду в баню, а сама свернула в проулок, и к ближайшей колонке, намочила голову и назад. В темноте заблудилась, пока искала дорогу, руки закоченели, волосы превратились в сосульки. Постояла в сенях пока они оттаяли, вхожу, отдуваюсь, якобы после жаркой парилки, жду, когда мне скажут «с легким паром», а вместо этого слышу: «Жень, что у тебя с лицом?» Я к зеркалу, и вижу, что прямо на глазах все лицо покрывается волдырями. Несколько месяцев я с ними мучалась, но соревнования, которые шли сразу за сборами, выиграла на всех дистанциях.

И только лет до 15-16 я могла быть спокойна хотя бы за то, что в одежде особенности моего телосложения никому не заметны. Но в конце концов и для этих мучений пришло время. У всех девчонок уже появилась грудь. Их очень занимал этот признак женского взросления, они постоянно говорили на эту тему, оценивали друг у друга фигуру. Я в этих случаях старалась незаметно уйти, а если это было невозможно, делала вид, что целиком поглощена каким-нибудь занятием: мне, дескать, не до болтовни.

Пока училась в школе, прибегать к маскировке было бесполезно. Ведь меня окружали ребята, знавшие меня с тех пор, как начали помнить себя, благодаря своим мамашам, они были

достаточно осведомлены на мой счет и сразу раскусили бы обман. А в училище, куда я пошла после десятого класса, наоборот, всем предстояло увидеть меня впервые, и мне не хотелось, чтобы моя плоская, как доска, грудь сразу привлекла к себе внимание.

И вот в 17 лет я впервые надела бюстгальтер. Пришлось выбрать самый маленький размер. Он так сдавливал грудную клетку, что было не вздохнуть. А ослабить нельзя, иначе вата, которую я запихивала в чашечки, начинала вываливаться. Так появилась еще одна пытка и еще одна забота, следить за этой «декорацией», чтобы вата не сбивалась в бесформенные комки.

А сколько мучений приходилось терпеть, чтобы спрятать детали фигуры, которых не должно быть у девочки! Натянуть под низ трико на два размера меньше, чтобы оно скрывало форму тела, а сверху еще одно на 2 размера больше, это было не слишком удобно, но терпимо. А что было делать летом, когда меня выставляли на легкоатлетические соревнования? Все бегут в трусах. Одеться по-другому, значит выдать себя. Приходилось поддевать под трусы тесные-претесные плавки. Резинку я утягивала так, что она буквально перерезала меня пополам. А чтобы не сползали, пришивала к плавкам широкий бинт, который перекидывала петлей через шею. И тоже нужно было закрепить его в таком положении, что голову поневоле пригибало вниз. Когда я стала выступать в серьезных соревнованиях по лыжам, мне выдали современную форму с эластичным, плотно обтягивающим тело комбинезоном. Тут тоже спасали тугие двойные плавки. В таком виде даже просто стоять было мукой. А бежать кросс, проходить 10-20 километров лыжной дистанции!

Чем больше я пряталась от людей, тем сильнее нарастал мой страх перед ними. И ведь постоянно происходило что-то такое, что показывало, насколько я перед ними уязвима. Летим, например, целой группой на соревнования. В аэропорту проходим посадочный контроль. Женщина на пропускном пункте смотрит на фото в моем паспорте, потом на меня и громко, словно желая, чтобы все в зале ее слышали, спрашивает: «Это кто, мужчина или женщина?» Зная меня, легко представить, что я чувствовала в такие минуты. И я стала избегать появлений в людных местах. Без крайней надобности не выходила из дома. Сходить в столовую пообедать со всеми вместе, и то было наказанием. Лучше, думала, поголодаю. Мне казалось, что я выпадаю из жизни, она течет мимо меня, а я вижу ее только через окно.

Танцевать люблю до самозабвения, но позволить себе это могу, только когда никого нет рядом. Бывать на танцах, на вечерах, которые так много значат в молодости, категорически себе запретила. Даже в кино перестала ходить. Вся моя жизнь

проходила в клещах, на одном сплошном сдерживании и ограничении.

На последнем этапе я дошла до такой степени, что совсем одичала, стала избегать встреч не только с незнакомыми, но и с хорошо знакомыми людьми. Приезжая домой, пробиралась, как волк по кишащей собаками деревне. Отчетливо понимала, что зашла в тупик, но никакого выхода не видела.

Помощи я не ждала ниоткуда. Да и не было у меня никого, кроме матери, а с матери что спрашивать? Она простая крестьянка, по-своему умная, но все ее образование кончилось на двух классах. Она все силы вложила, чтобы поднять своих детей, вывести их, как говориться, в люди, и добилась, что мы, все трое, кончили техникумы, получили специальность. Для нее, почти неграмотной, это было огромное достижение. Я люблю ее, хотя всегда к любви примешивалась обида за мою нечеловеческую жизнь. Хотя с другой-то стороны, чем она виновата? Не под придорожным кустом она меня рожала! «Ты у меня первый ребенок, говорила мама, я думала, что у тебя все как надо. Врачи должны были мне сказать, если что увидели, а они-то ничего мне не сказали». Но такие разговоры начались у нас совсем недавно. А до этого мы обе всегда молчали. Мама считала так: раз с ее дочерью такое несчастье, надо нести свой крест и терпеть. Ей и в голову никогда не приходило, что с этим можно что-то сделать.

Возможно, помощь могла прийти от врачей. Но я от них всегда пряталась. Видела в них врагов, то есть людей, которые, стоит мне только попасть к ним в руки, немедленно раскроют и разгласят мою тайну. Я даже семечки перестала грызть, услыхав, что от них может быть аппендицит, настолько боялась даже случайно оказаться в больнице. И правильно делала, что боялась, как потом выяснилось.

У меня выработались свои приемы, позволявшие избегать медосмотров. Но перед окончанием училища что-то не сработало, и я предстала перед женщиной в белом халате. «Менструации есть?», спросила она. Я не решилась соврать. Чуть не силком меня отправили в областную больницу. Положили в гинекологическое отделение. Лечащий врач сказала, что мне надо удалить «эту шишку», да, так она выразилась. Но я стала отпрашиваться на выпускные экзамены, и она согласилась меня выписать, как бы на время. А там нужно было подавать документы в техникум, сдавать экзамены, в сентябре начались занятия. Короче, в больницу я так и не вернулась. Потом, почувствовав, что никак больше не справляюсь, я попробовала разыскать эту женщину, моего лечащего врача. Но она на мои письма не откликнулась.

Конечно, в голову мне приходили разные предположения

относительно себя. Я ведь не Робинзон Крузо с необитаемого острова. Ко мне шел поток информации, в том числе и медицинской. Под конец я сама стала разыскивать публикации, могущие пролить свет на мою проблему, но ответа нигде не нашла.

В одном никогда не возникало сомнений. Я и официально считалась, и чувствовала себя, и хотела быть женщиной.

Затрону еще одну тему, хоть никогда не представляла, что смогу об этом говорить, тем более, описывать свои чувства на бумаге. Но постараюсь переломить свою стеснительность.

Живя в женской среде, невозможно не знать о таком явлении, как менструации. Впервые услышав это слово, я не могла понять, что это такое, но спрашивать не решалась, чтобы не выдать себя. Потом разобралась. Со мной ничего подобного не происходило. Зато с 15 лет появилось нечто противоположное. У меня стали возникать эрекции. Независимо ни от чего, сами по себе.

Это было неприятно, но не больше, чем все остальное. Отношение к девочкам или женщинам при этом совсем не изменилось. В интернате, по 8 класс включительно, я даже спала на одной койке с девочкой, и ее близость никак на меня не действовала.

Но вот прошло еще немного времени, и мне стали являться какие-то дурацкие (как я считала) сновидения, сексуальные сцены с моим участием. Возникавшие при этом ощущения были мне отвратительны, я всеми силами старалась их избежать. Я даже научилась будить себя, когда по ходу сна чувствовала, что это вот-вот произойдет. Меня дико пугали такие сны. Я ведь понимала, кому они должны сниться, а мнение о себе как о женщине поддерживала всю жизнь, как первобытные люди огонь в своей пещере.

Затем уже и наяву стали приходить непрошеные мысли, в голове теснились эротические образы. Я собирала всю свою волю, чтобы скинуть с себя наваждение. Иногда удавалось, иногда, нет.

Ни на кого из окружавших меня девчонок эти переживания не распространялись. С большой натяжкой могу сказать, что одна-две девушки мне нравились. Но что значит, нравились? Они мне симпатизировали, я, им, приятно было побыть с ними рядом, поболтать о том о сем. Никаких особых волнений они во мне не вызывали.

Ну, а интерес к мужчинам, переполняющий всех нормальных девчонок в этом возрасте? Тут тоже вспоминаются настолько незначительные моменты, что смешно даже о них говорить. Трудно сказать, как все было бы, если бы я чувствовала себя хоть немного свободней. Но в том-то все и дело, что во мне ни на

минуту не ослабевал самоконтроль. Я не только не позволяла своим желаниям и впечатлениям прорываться наружу, я и в самой себе подавляла их в самом зачатке. Ни одна из знакомых девушек не сливалась с тем собирательным женским образом, к которому меня влекло. Знала, что женщина в женщину влюбляться не может, и точка.

Не буду врать: я никогда не оставалась равнодушной, видя обнаженное женское тело, а в моем положении видеть его приходилось постоянно, во всех возможных вариантах. Но когда ловила себя на том, что украдкой поглядываю на раздевающихся подруг, тут же заставляла себя отвести глаза.

Прожив 22 года в женской среде, я никогда в ней не растворялась. Друзья для меня кончились в подростковом возрасте, когда на первый план стали выходить другие мерки к дружбе, отличающиеся от детских. Не могу сказать, что жила совершенным отшельником, но оторванность от сверстников ощущала сильно.

В техникуме не встретила никого, кого бы знала раньше. Как всегда, в новый для себя коллектив входила долго и трудно. На первых порах вообще не вступала в контакты, только присматривалась и прислушивалась. Но потихоньку начала «оттаивать». За человеческие качества и фантастическую любовь к спорту меня стали уважать. Но настоящего сближения, такой дружбы, какая бывает между девушками, ни с кем не возникало.

Наверное, мешали разные причины. Девчонки постоянно говорили о любви, а я никак не могла поддерживать такую беседу. Никаких любовных похождений, никаких мальчиков у меня не было, и вообще для меня не существовало данной темы в том виде, как рисовали ее себе они. Второе, я вела себя скрытно и в их глазах была окутана некоторой таинственностью. А может быть, они и догадывались о чем-то больше, чем показывали мне. Когда живешь с человеком несколько лет в одной комнате, он для тебя становиться как бы прозрачным.

Я не ходила на вечера, никогда не танцевала, поэтому читалась человеком несовременным. Это тоже была причина не самая последняя, почему между мной и подружками существовала дистанция.

Девчонки из группы на меня обижались, потому что я жила в комнате с девчатами из других групп. Они звали меня к себе, я отказывалась, получалось, что я плохо к ним отношусь. А я поступала так сознательно, я не хотела, чтобы в группе знали о моих странностях.

Все три года в техникуме я сидела за столом с одной девушкой, которую звали Надя. С ней я говорила больше и

откровеннее, чем с другими. И она, мне кажется, выделяла меня среди всех остальных. Даже приезжала ко мне несколько раз в деревню во время каникул. Но тем, о чем я думала все 24 часа в сутки, я не могла с ней поделиться, поэтому, я думаю, даже тут настоящей дружбы не возникло. После окончания техникума мы некоторое время с ней переписывались, но после катастрофы, которая на меня обрушилась, я перестала отвечать.

Пришла, наконец, очередь рассказать и об этом.

В спорте мои результате неуклонно росли. Я шла вперед, «словно танк, крушащий все на своем пути» (как выразился как-то тренер). Его это даже озадачивало, и однажды он решил поговорить со мной. «Знаешь, Женя, людей с такими данными я никогда не встречал. И я был бы просто счастлив тренировать тебя, если бы.», и тут стал довольно витиевато объяснять что-то про гормоны.

Я сразу все поняла и дальше уже не слушала. С еще большим ожесточением продолжала тренироваться, истязая себя до безумства. Знала, что рано или поздно меня попросят уйти, но все равно не сдавалась. Продолжала мечтать о больших успехах, которые хоть как-то компенсируют ошибку природы. Остервенело бросалась на самые длинные и утомительные подъемы, в одиночестве пробегала за день десятки километров. Вокруг нашей деревни большие леса, зимой в них много волков, но и это не могло остановить меня, я только каждый раз, вставая на лыжи, брала с собой нож.

Наконец, настал один из немногих моих счастливых дней, я выполнила норму мастера спорта. Но радоваться пришлось не долго, 8 дней.

В Свердловске начались крупные соревнования, первенство страны среди сельских лыжников. И в первую же гонку я попала в число призеров, заняв третье место. Через день снова гонка, я выступила еще лучше, уступив лидеру всего 5 секунд. и сразу оказалась в центре внимания. Кто такая? Откуда?

Следующий день, эстафета. Еще утром я почувствовала, что вокруг меня возник какой-то вакуум: переглядывания, перешептывания. Начали оглашать состав участников. Как лидеру команды мне обычно поручался финальный, самый ответственный этап. И вот назвали первую фамилию, вторую, третью. И в конце, фамилию запасной участницы. В первое мгновение я только удивилась: что за чепуха? Но тут же все поняла.

Как мне объяснили случившиеся? Да никак. Никто из тренеров ко мне даже не подошел. Девчонки, как только я выходила из комнаты, начинали громко возмущаться, кричать о

несправедливости, но при виде меня смолкали и смотрели куда-то мимо.

Да, я знала, что рано или поздно это случится, но не думала, что это произойдет так скоро. В тот же день я купила билет на самолет и, не дожидаясь конца соревнований, уехала домой. Меня раздирало отчаяние, страшная тоска и обида на людей. Одиннадцать дней пролежала на койке, как мертвая, никуда не выходила, не могла ни есть, ни спать. Все, кончились для меня лыжи. Единственную отдушину, как-то примирявшую меня с моим существованием, наглухо захлопнули.

Несколько раз в эти дни ко мне приходила тренер из сельскохозяйственного института, молодая женщина. Издалека, наощупь затевала трудный для нас обеих разговор. Подводила к мысли, что выход есть и надо его использовать, то есть лечиться, оперироваться (имелось в виду то самое, что несколько лет назад мне предложили в областной больнице). Она искренно хотела мне помочь, но не скрывала, что преследует и свой личный интерес, вернуть меня в спорт. Скорее всего я поступлю к ним в институт, буду у нее тренироваться. В конце концов я согласилась. Вдруг и вправду чудо произойдет, и я снова буду бегать?

Через несколько месяцев я поехала в Москву. Долгая ходьба по разным кабинетам и сама по себе была для меня настоящей пыткой. Но это было ничто по сравнению с тем, что в конце концов я услышала.

Мне сказали, что просьбу мою, сделать меня нормальной женщиной, выполнить нельзя. Ничего женского во мне нет и никогда не было. Родилась я мальчиком, теперь становлюсь обычным взрослым мужчиной. Операция мне действительно предстоит, но совсем не такая, которую имела в виду врач-гинеколог в областной больнице. Надо лишь убрать небольшой дефект в строении половых органов. Такие вещи лучше делать в раннем детстве, но и сейчас еще не поздно. А мне следует заняться исправлением главной ошибки, которую допустила вовсе не природа. Ошиблась акушерка, когда то ли по неопытности, то ли по небрежности приняла меня за девочку.

Я не сомневалась, что Ирина Вячеславовна Голубева, крупнейший специалист-эндокринолог, говорит то, что есть. Да и как было сомневаться, когда мужское во мне усиливалось и нарастало, и уже все душевные силы без остатка стали уходить на борьбу с ним! Но стать мужчиной? Ни за что! Эта перспектива страшила меня.»

Закроем на время кавычки. Что бы читателю стала до конца понятна эта необычайная история, мне придется раскрыть ее

биологическую подоплеку.

Сыновья и дочери

О наступившей беременности большинство женщин узнает по нарушению месячного цикла, то есть в самом начале внутриутробного периода. Будущий человек на этой стадии развития представляет собой крошечный комочек живой материи. Он так мал и так разительно непохож на себя в недалеком будущем, что прерывание беременности не воспринимается как убийство (хотя, замечу мимоходом, все больше становится людей, для которых искусственный аборт морально приравнивается к насильственной смерти). Но этот комочек уже наделен первичными признаками пола.

Строго говоря, сама жизнь зарождается под знаком пола. В момент слияния сперматозоида с яйцеклеткой предопределяется и набор половых хромосом, тот самый генетический код, который отныне направляет последовательное формирование организма по мужскому или женскому типу.

В каждой клетке человеческого организма присутствует двойной (диплоидный) комплекс хромосом. Их нормальное число – 46. Знакомая многим формула 46, XX указывает на женский кариотип, формула 46, XY – на мужской.

В 1949 году в ядрах моторных нейронов кошки были впервые обнаружены тельца хроматиновых масс. Выяснилось также, что у самцов они отсутствуют. А несколько лет спустя такие различия генетики открыли и в ядрах человеческих лейкоцитов. Удлиненные, напоминающие по форме барабанную палочку тела полового хроматина, размером 0,7 на 1,2 микрона, исключительная принадлежность женского организма.

Дальнейшие исследования показали, что половой хроматин образуется в результате превращения одной Х-хромосомы, после чего она теряет свою активность. Происходит это в самые первые дни после оплодотворения. Уже у 16-дневных женских эмбрионов был обнаружен половой хроматин.

Как и у всех двуполых существ, развитие организма у человека происходит дифференцировано. В сущности, каждый этап развития в значительной степени сводится именно к уточнению и углублению половой дифференцировки. Есть только один, и очень короткий к тому же период, когда плод можно назвать бисексуальным, или точнее, бипотенциальным то есть имеющим равные возможности начать движение в обоих направления. При мысли об этом у меня всегда возникает странная ассоциация с былинным богатырем на распутье, еще не решившим, пойти на право или налево. Для понимания

проблемы, которую мы сейчас обсуждаем, этот скоропреходящий этап имеет исключительно большое значение.

Между шестой и десятой неделей беременности у человеческого эмбриона формируются половые железы гонады. И вновь примечательный штрих: при всех различиях в строении и функционировании мужских гонад – тестикулов (или яичек, как чаще говорят в быту) и женских яичников, на их образование идет один и тот же «строительный материал» клетки первичной почки.

В зачаточном состоянии железы обоих типов неразличимы. Их дальнейшая трансформация зависит от набора хромосом – 46, XX или 46, XY. По их команде возникают органические структуры, несущие основную эндокринную функцию: тека-ткань у эмбрионов женского пола и клетки Лейдига у будущих мужчин. Почти сразу зачатки мужских половых желез начинают вырабатывать андрогены мужские гормоны, предопределяющие развитие организма, формирование внутренних и наружных половых органов по мужскому типу.

Уже на этом, сверхраннем этапе жизни понятие половой принадлежности, как мы видим, вбирает в себя различные аспекты взаимосвязанные и в то же время достаточно самостоятельные. Генетический пол дополняется еще одним, чрезвычайно существенным компонентом гонадальным полом.

В эмбриональном яичнике с 18-20 недели начинается образование фолликулов. К моменту рождения девочки ее яичник содержит 50-80 тысяч первичных фолликулов. Но секреторной активности на всем протяжении внутриутробного периода яичник не проявляет.

По другой модели идет формирование мужских половых желез. Яичко начинает развиваться несколько раньше. С пятой-седьмой недели закладываются первичные половые шнуры – зачатки будущих канальцев. К восьмой неделе появляются клетки Лейдига, а между девятой и двадцатой неделями они уже функционируют, активно участвуя в образовании всей половой системы.

И все же до девятой-десятой недели эмбрион как бы продолжает колебаться на рубеже бисексуальности. Он сохраняет потенциальную готовность анатомически развиться и по женскому, и по мужскому типу. У него наличествуют и мюллеровы протоки – предшественники маточных труб, матки и верхней трети влагалища, – и вольфовы протоки, которым назначено затем трансформироваться в придаток яичка, семявыносящий проток и семенные пузырьки. И вот здесь перед нами раскрывается один из величайших секретов человеческой природы – каким именно образом происходит

дифференцирование внутренних гениталий.

Для того, чтобы эмбрион развивался по мужскому типу, должна поступить соответствующая «команда» от мужских половых желез. Если же по каким-то причинам этого не происходит, развитие идет по женскому типу, даже в том случае, если в клетках эмбриона присутствует мужской набор хромосом. В развитии же женских внутренних гениталий яичники никакого участия не принимают.

Женский фенотип, таким образом, является как бы нейтральным, базовым. Его развитие не зависит от генетического и гормонального пола эмбриона. А вот мужской фенотип может сформироваться только при наличии активного тестикула – мужской половой железы.

В начале 50-х годов французские эмбриологи провели серию блестящих экспериментов на кроликах. На ранних стадиях внутриутробного развития – до 6 недель – они производили кастрацию, не нарушая при этом нормального хода вызревания зародыша. Все плоды – и потенциальные самцы, и потенциальные самки – рождались после такого вмешательства с женским фенотипом. И внутренние, и наружные половые органы развивались по женскому типу. У кролика, имевшего мужской набор хромосом, ясно просматривались матка, маточные трубы, купол влагалища.

В этих опытах, технически виртуозных, было достоверно доказано, что развитие организма по мужскому типу возможно только в присутствии семенников, которые, подавив женское начало, стимулируют развитие внутренних а затем и наружных мужских половых признаков. В этих же опытах было установлено влияние центральной нервной системы на внутриутробное формирование семенников. Мозговые травмы не исключают появления у эмбрионов мужских половых желез, но эти органы развиваются в таком случае неполноценно, не обеспечивая полной маскулинизации половой системы.

Нарушения полового развития, подобные тем, что искусственно создавались в ходе этих экспериментов, нередко возникают и спонтанно. Ломается строгая логика половой дифференцировки. Развитие устремляется по третьему пути – среднему, промежуточному, совмещающему особенности двух основных.

Природе случается ошибаться уже в определении основы основ – генетического пола. Встречается немало разновидностей хромосомных аномалий: XO (Y – хромосома отсутствует), XXY, XXYY, XXX, XYY. Нарушается и нормальная численность хромосом (вместо 46 – 45 или 47), и их строение. Любой из этих

сдвигов разрушает стройную последовательность дальнейших событий. Информация, которую несут в себе гены, становится спутанной и противоречивой.

Вспоминаю долгие беседы с Вадимом Павловичем Эфроимсоном, едва ли не самым выдающимся российским генетиком, истинным рыцарем науки, сохранившим ей безупречную верность вопреки всем преследованиям. Вадим Павлович утверждал, что хромосомными аномалиями половой системы в нашей стране – он имел в виду, естественно, Советский Союз – страдают не менее 350 тысяч человек.

По этой ли причине или в результате вредоносных внешних воздействий (инфекции, интоксикации, радиация и т. п.) может быть надломлен и биологический механизм, отвечающий за формирование и развитие гонад, в том числе и за их дифференцировку. Одно из характерных нарушений – отсутствие половых желез (в медицине этот порок развития носит название агенезии гонад). А бывает и по-другому – в гонадах одного эмбриона присутствуют элементы и мужские (канальцы), и женские (фолликулы).

Вспомним еще о том, что половые железы относятся к числу парных органов. В этом таится опасность резкой асимметрии, вплоть до того, что с одной стороны может развиться яичко, а с другой яичник. В моей практике встречались больные с агенезией одного яичка, при том что второе было развито и функционировало нормально. Эта половина тела – здоровая – по строению внутренних органов была такой же, как у всех мужчин. А вот с другой стороны, там, где половая железа отсутствовала, организм был подобен женскому – с развивающимся рогом матки и маточной трубой.

С подобным феноменом приходилось сталкиваться и в тех случаях, когда оба яичка по видимости были на месте. Откуда же берутся в организме женские признаки? Тщательный анализ биохимических процессов, управляющих развитием эмбриона, заставляет предположить, что где-то между десятой и двенадцатой неделей яичко плода, развивающегося по мужскому типу, выделяет какую-то субстанцию, вызывающую атрофгию женских праорганов, пока еще присутствующих, – мюллеровых протоков. Помню оживленную дискуссию по поводу характера этой субстанции. Одни исследователи считали, что это своеобразная разновидность гормонов, призванная регулировать эмбриональное развитие. Не случайно, мол, по времени этот процесс совпадает с началом функционирования клеток Лейдига. Оппоненты же, отрицающие гормональную природу этой субстанции, тоже ссылались на данные экспериментальных и

клинических наблюдений. Ведь у людей, у которых с одной стороны имеется яичко, а с другой яичник, в «мужской» половине тела мюллеровы протоки атрофируются, а в «женской» – нет. В экспериментах делались попытки восстановить симметрию, искусственно вводя мужской гормон тестостерон в период формирования внутренних гениталий. Но мюллеровы протоки при этом не атрофировались.

Наконец, наступает время, когда у плода появляется еще один компонент пола. На обычный взгляд – решающий.

Примерно на десятой неделе эмбрионального развития мужской плод начинает переживать маскулинизацию, то есть формирование наружных гениталий по мужскому типу. А у женского плода в это же время исчезают мужские праорганы – вольфовы протоки. По всей видимости, механизм здесь такой: если эмбриональная мужская железа выделяет необходимые гормоны – тестикулярные андрогены – вольфовы протоки развиваются по законам мужской природы. Если же гормональное воздействие отсутствует, вольфовы протоки регрессируют. Эта зависимость подготавливает новую почву для возможных отклонений.

Порой встречается такая комбинация мужских и женских признаков: в ранней эмбриональной фазе яичко формируется нормально, но по каким-то не вполне еще ясным причинам проявляет неспособность подавить развитие мюллеровых протоков. Генетический пол плода остается мужским, признаки гонадного мужского пола тоже налицо, но из оставшихся бесконтрольными мюллеровых протоков выстраиваются женские внутренние органы – матка и ее спутники.

Существует и как бы зеркальный порок развития, поражающий эмбрионы женского пола: мужские железы у них, естественно, отсутствуют, но за счет каких-то других биохимических факторов все равно происходит атрофия мюллеровых протоков. Матке и влагалищу не из чего сформироваться.

Наконец, мы подходим к этапу образования наружных гениталий, которые до самого недавнего времени воспринимались как единственное и неопровержимое свидетельство половой принадлежности. Начинается этот этап примерно с двенадцатой недели внутриутробного развития и длится до завершения первой половины беременности.

Природа и в этом процессе действует подобно экономному хозяину, не желающему перегружать себя излишними запасами. Мы помним, как для образования мужских и женских желез она использовала одну и ту же первичную ткань. Сходный принцип

прослеживается и здесь. Фрагменты наружных гениталий, такие непохожие у мужчин и женщин, выстраиваются из одних и тех же эмбриональных образований – своеобразных органических полуфабрикатов, допускающих при их применении различные варианты. У всех эмбрионов, к примеру, есть так называемый половой бугорок, которому целый ряд последующих изменений придает вид либо клитора, либо пениса. То же можно сказать и о других структурных элементах наружных гениталий. Большие губы и мошонка, мужской и женский мочеиспускательный канал – каждая из этих пар тоже имеет общую базу развития.

Как и женский фенотип в целом, женские наружные гениталии могут рассматриваться как «нейтральные». Феминизацией эмбриональных наружных гениталий управляют материнские эстрогены – женские гормоны. Возможно, участвуют в процессе и надпочечники самого плода. Поэтому если у эмбриона мужского пола яичко отсутствует или не справляется со своими эндокринными функциями, внешние мужские признаки не появятся.

Ткани различных отделов женских наружных гениталий обладают разной степенью чувствительности к мужским и женским половым гормонам. Те элементы, у которых есть прямые аналоги в мужских гениталиях, обостренно реагируют на присутствие андрогенов. Чисто женские же фрагменты – например, девственная плева – под воздействием мужских гормонов атрофируются. Их развитие возможно только на фоне достаточно высокого уровня эстрогенов. Подтверждение этому я видел на примере множества больных: при различных заболеваниях, сопряженных с усиленным присутствием андрогенов в женском организме, или после лечения андрогенными препаратами в строении гениталий происходит заметный сдвиг в мужскую сторону – гипертрофируется клитор и передние отделы малых губ.

Маскулинизация эмбриональных наружных гениталий – результат андрогенной активности мужских гонад плода. Если андрогенов в этот период не достаточно, возникает феномен неполной маскулинизации, проявляющийся во множестве разнообразных вариаций – вплоть до почти женского, по внешней видимости, типа.

Выстраивается, таким образом, длинная цепь, в которой каждое последующее звено обусловлено предыдущим. Хромосомный, или генетический пол, возникающий в момент оплодотворения яйцеклетки, диктует, каким быть гонадному полу, зависящему от гистологического строения половых желез. Задолго до рождения гонады начинают функционировать,

секретируя половые гормоны и определяя тем самым гормональный пол плода. В дополнение к этому, порой особо выделяют гаметный пол, обозначаемый символическими значками &– (мужской) и &+ (женский), – под ним подразумевается способность половой железы образовывать сперматозоиды или яйцеклетки, то есть выполнять присущую полу функцию размножения.

Существует давняя традиция – прибавлять к определению «гонадный пол» словечко «истинный», подчеркивая тем самым, что не в открытых для обзора наружных гениталиях, а где-то там, в сокровенной глубине скрыта сокровенная квинтэссенция половой специфики. Однако, я полностью солидарен с теми специалистами, которые считают этот взгляд по меньшей мере устаревшим. Истина пола, на мой взгляд, как раз и заключается в его всеохватности, многомерности, сопряженности с бесконечным множеством человеческих проявлений. Но это – к слову.

Под влиянием половых гормонов у зародыша формируются внутренние репродуктивные органы и наружные гениталии. От их строения зависит внутренний и внешний морфологический пол. Оба эти компонента иногда объединяют в понятии соматического (телесного) пола. И еще один важнейший аспект: под влиянием тех же гормонов в эмбриональной фазе развития происходит половая дифференциация нервных путей и мозговых центров, от которых идет маскулинность или фемининность в психологическом понимании – то есть одна из важнейших характеристик личности. Этот аспект эмбриональной половой дифференциации остается наиболее загадочным, однако, известно, что достигается она за счет взаимодействия многих органов, включая гипоталамус и гипофиз.

«Кто родился – мальчик или девочка?» – первый вопрос, знаменующий появление на свет человека. В последние годы в его звучании нет былого трепета. Благодаря возможностям техники пол младенцев предугадывается задолго до родов. Если говорить о развитых странах, то и традиционный возглас акушерки, принимающей роды, утратил значение. В документ о рождении вносится, по существу, не результат визуального осмотра, а данные генетических проб, взятых одновременно с первым туалетом новорожденного. Однако, и теперь иногда встречается определение «акушерский пол» – как один из синонимов пола гражданского (варианты – паспортный, аскриптивный, то есть приписанный). Эта пометка в свидетельстве о рождении – первый мостик между двумя мирами, сливающимися воедино в каждом человеческом существе: миром живой природы и социумом.

Отныне, с момента рождения, половое развитие идет по двум

равнозначным, равноправным руслам, то сближающимся, то расходящимся на довольно-таки приличную дистанцию. Подрастая, дети проходят предусмотренные природой этапы полового созревания и одновременно – продвигаются вперед по пути социализации. С незапамятных пор, с момента выделения человека из животного царства всегда, хоть и в разных видах и формах, входждение в общество подразумевало половую дифференциацию.

Даже в самом нежном возрасте, когда детские фигурки кажутся трогательно бесполыми, маленьких мальчиков в большинстве случаев трудно бывает спутать с маленькими девочками. Конечно, различия подчеркиваются чисто внешними средствами – прической, костюмом, привычными занятиями. Но даже одинаково подстриженные, одетые в универсальную современную одежду (джинсы, майки, кроссовки), резвящиеся в смешанных компаниях, будущие мужчины и женщины все равно выглядят по-разному. Несовпадения, до поры до времени, не слишком разительны – разная лепка лица и фигуры, разная пластика, разное звучание голосов: вы никогда не ошибетесь, кто поет – хор мальчиков или смешанный детский хор. Даже самые спортивные девчонки не бросают камень «от плеча». Даже хорошо обученным маленьким танцорам не дается свойственная девочкам мягкость и певучесть движений.

Нет никаких сомнений в том, что эти различия вырастают на незыблемой биологической основе. Хоть многие исследователи и называют детские годы «периодом покоя», когда происходит лишь количественное увеличение гонад, нет такого возрастного этапа, когда организм не испытывает никаких влияний половых гормонов. Сам генетический код диктует гонадам начальную, автономную эндокринную функцию, в каком-то смягченном, эскизном варианте действие гормонов сказывается и на внешнем облике, и на всех психических проявлениях.

И в тоже время не случайно как об отдельном, особом компоненте сложной, многоярусной структуры характеристик пола говорят о поле воспитания.

Старый обычай украшать конвертики с грудными младенцами бантами разного цвета – для девочек розовый, для мальчиков голубой и утратил в наши дни свою директивную силу, но и не выродился. Уже в этом почти бессознательном жесте – не знаю, зачем это нужно, но раз так принято, не хочу уклоняться – проявляется разный подход родителей к дочкам и сыновьям. Всем ясно: никакого отношения ни к здоровью, ни к благополучию новорожденного этот нюанс не имеет. И уж подавно не предполагается, что ребенок как-то прореагирует на

цвет. Скорее люди, которым предстоит воспитывать этого ребенка, напоминают самим себе о том, как важно вырастить девочку – девочкой, а мальчика – мальчиком, и словно бы обязуются ни в чем, даже в мелочах, не отступать от этой цели.

Игрушки, которые предлагают ребенку, игры и развлечения, вкусы, которые ему стараются привить, требования, которые к нему предъявляют, – да что перечислять, все, что обращено на ребенка со стороны воспитателей, так или иначе пропускаются через призму его пола. «Ты не должен плакать, ведь ты не девочка»; «почему ты дерешься, разве ты мальчишка?» – кто сосчитает, сколько десятков или даже сотен тысяч раз проходят через наше сознание такие поучения? Ни с чем не сравнима роль родительской похвалы, поощрения, накрепко запечатлевающих в тончайших структурах детской психики весь набор житейских, этических правил. Но и в этом всегда присутствует «двойной стандарт» – за один и тот же хороший поступок, допустим, за вымытую после семейного завтрака посуду, сына и дочку похвалят по-разному. Похвала, адресованная сыну, будет, по всей вероятности, более горячей, более приподнимающей – ведь он, вызвавшись помочь матери, как бы превысил норму обычного мальчишеского внимания к ней, тогда как дочь всего лишь добросовестно выполняет то, что и без того воспринимается всеми как некий минимум ее прямых обязанностей.

Годам к трем вся сумма впечатлений, по-своему переработанных каждым ребенком, четко укладывается в картину двуполого мира, в котором сам он занимает строго определенное место. Просыпающееся к этой поре жизни «Я» изначально ориентировано на принадлежность к полу. Любой человек, попадающий в поле зрения ребенка, воспринимается им либо как один из «нас», либо как один из «них».

Забавной выглядит порой нешуточная ярость, с какой совсем маленькие дети отвергают то, что, в их системе представлений, противоречит нормам их пола: неподобающую одежду, занятия, манеры. Но свидетельствует это вовсе не о присущей возрасту наивности, а о колоссальной внутренней работе, связанной с формированием самосознания. То, что символизирует половую принадлежность, должно быть безупречным, не оставляющим ни малейших поводов для двоякого толкования! Замечали ли вы: мальчик дружит с девочками, в его отношении к ним нет ничего высокомерного, пренебрежительного, но не может для него быть страшнее оскорбления, чем если ему скажут – ты ведешь себя, как девчонка, или ты похож на девчонку.

И ведь ребенок не ошибается. Вряд ли ему кто-то внушал это специально, но он точно знает, что окружающие, и сверстники, и

взрослые люди, ежеминутно экзаменуют его на соответствие общепринятым стандартам внешнего облика и поведения, соответствующим его полу. И точно так же сам он поминутно выступает в роли судьи, бескомпромиссно оценивающего других по этому признаку.

В возрасте, носящем многозначащее название переходного, первую скрипку в половой дифференциации вновь начинают играть биологические процессы. По команде, поступающей из гипоталомуса и гипофиза, гопады резко активизируется, происходит настоящий гормональный взрыв. Вызванные им физические и психические состояния настолько остры и беспрецедентны, что это заставляет многих специалистов выделять пубертатный гормональный пол особой строкой среди других компонентов пола. Ходячее выражение «противоположный пол» получает вполне зримое воплощение во внешности подростков, в которой все больше проявляется уже не просто несхожести, но и прямых контрастов. Вторичные половые признаки, перечислять которые вряд ли есть необходимость, идут об руку с эротическими переживаниями. Природа, главной целью которой вовеки пребудет непрерывность и бесконечность жизни, вплотную приближается к началу нового цикла.

Подходит к завершающему этапу и эволюция пола воспитания: формируется окончательная половая и сексуальная идентичность взрослого человека, составляющая суть психологического и психосексуального компонентов пола.

В отличие от биологических составляющих, в психологии пола нет «нейтрального», базового, самопроизвольно образующегося ряда. И духовный мир мужчины, и духовный мир женщины выстраиваются активно, целенаправленно, под жестким социальным контролем.

Исследуя общие закономерности психической или социальной жизни, мы нередко как бы усредняем объект рассмотрения, не уточняем, кто он. Просто человек, вообще человек. Но соприкасаясь с реальными людьми (неважно, кто они – наши пациенты или сотрудники, друзья или родные), всегда вносим в эти построения поправки. Нет людей вообще – есть мужчины и есть женщины, со своими особенностями самоощущения, восприятия, мышления, эмоциональной сферы, со своим психическим аппаратом, обеспечивающим адаптацию, устойчивость (способность к выживанию). Я бы даже решился на такую категоричную формулировку: вне пола нет человеческой личности.

Принцип полового диморфизма – единства в раздвоенности, так расшифровал бы я этот термин – можно проследить во всех

без исключения областях жизни, в том числе и в тех, где человек, выйдя из компетенции природы (но никогда не порывая с ней окончательно), предстает как высшее ее творение – существо духовное и общественное.

В каждом из известных истории обществ существует какое-то разделение социальных функций между полами, охватывающее и экономические основы жизни, и семейный уклад, и разнообразные формы общественной деятельности. В сущности, сам процесс воспитания в огромной степени сводится к подготовке нового поколения к исполнению половых ролей, закрепленных в писанных и неписаных законах. С огромным интересом смотрел я американский телесериал «Доктор Куинн, женщина – врач», живо воскрешающий события совсем недавнего прошлого. Ведь что такое сто лет? – Смехотворно короткий срок в человеческой эволюции!

Талантливая, энергичная девушка, дочь врача, одержима идеей, которая нам представлялась бы не более чем естественной: она хочет пойти по стопам отца, ее увлекают занятия медициной – и интеллектуально, и еще больше нравственно, поскольку минуты высшего счастья дарит ей сознание, что она помогает людям, отводит от них смерть, страдания, инвалидность. По себе знаю, какой это сильнодействующий сплав стимулов и как способен он завладеть человеческой душой.

Но проще, кажется, верблюду пройти сквозь игольное ушко, по библейской формуле, чем девушке, живущей в просвещенной стране, впридачу особо гордящейся своим свободомыслием, последовать призванию! Путь к образованию, а затем к профессиональному самоутверждению лежит через преодоление бесчисленных препятствий. Каждый шаг дается с бою, за каждым поворотом ждут новые испытания. Родные, мать, сестры, используют все свое влияние, чтобы помешать девушке сделать выбор, который в их глазах выглядит противоестественным, чуть ли не кощунственным. К лицу ли женщине, существу нежному, чистому, заниматься в анатомичке, соприкасаться с обнаженным телом, в том числе и мужским, лицезреть грубую изнанку жизни, с которой повседневно сталкивается каждый медик! Коллеги демонстративно отказываются принимать в свой круг. Пациенты оскорбляют ее недоверием.

Примечательно, что и отец, с которым зритель знакомится только по рассказам, – его уже нет в живых, – тоже, как можно понять, отдавал известную дань этим взглядам. Но у него выхода не было: слишком сильна оказалась в этом человеке потребность передать кому-то из детей то, чем он больше всего дорожил в себе. Если бы Господь послал ему сына, наследником,

преемником отца стал бы мальчик. Но мужская линия рода прервалась, рождались одни только дочери, вот и пришлось – именно так это интерпретируется в фильме – воспитать одну их девочек так, как если бы она оказалась сыном. Недаром за доктором Куинн закрепилось мужское имя – все в округе зовут ее «доктор Майк», и это как бы снимает часть греха с тех, кто принимает врачебную помощь от женщины, вместо того, чтобы бойкотировать ее.

Преодоление этих стереотипов потребовало от доктора Куинн не меньше усилий и настойчивости, чем чисто профессиональное утверждение в медицине. Будь у нее другой характер – менее решительный и целеустремленный – вполне логичной и оправданной была бы капитуляция на любом этапе борьбы.

Однако сколько бы я ни восхищался феноменальной целеустремленностью героини фильма, вынужден все же признать, что обстоятельства в целом ей благоприятствовали. Она смогла получить образование, то есть существовали в стране учебные заведения, куда пусть с неохотой, но все же принимали женщин, а без этого ни о какой профессиональной карьере нечего было бы и думать. Девушка отрывается от семьи, в одиночку совершает путешествие по железной дороге через весь континент, она официально открывает врачебную практику – все это кажется окружающим нетипичным, вызывающим. Но в то же время мы замечаем, что и женщины, живущие в полном согласии со стереотипами, проявляют достаточно самостоятельности. Они бесстрашны, физически развиты, смело вступают в спор с мужчинами – их голос хорошо слышен в обсуждении общественных проблем, и если утраиваются выборы, женщины участвуют в них на равных правах. Женщина издает городскую газету, другая – содержит кафе, третья знаменита как чуть ли не крупнейший на огромной территории скотопромышленник – с железной деловой хваткой и профессиональным знанием всех тонкостей этого своеобразного бизнеса.

Ничего, кроме уважения, эти дамы в общественном мнении не вызывают. Ни в какой форме не высказываются сомнения: а женское ли это дело?

Все это нисколько не умаляет нравственного подвига героини сериала – как и любого человека, дерзнувшего разрушить стереотип предписанной ему половой роли. Первопроходцам всегда приходится тяжело, независимо от того, на какую дистанцию решаются они оторваться от общего маршрута. В любом случае массовое сознание усматривает в этом вызов миропорядку. Ведь стереотипы половых социальных ролей и связанного с ними поведения только внешней верхушечной

частью просматриваются в быту и в обыденных рассуждениях, привязанных к повседневности. Корни же этих установок теряются в толще основополагающих, фундаментальных представлений о мире, о Боге, о предназначении человека.

С этим, к слову сказать, связан один из удивительнейших парадоксов сознания.

Даже малообразованные люди достаточно информированы для того, чтобы улавливать изменчивый, подвижный характер половых ролей – как и всего общественного устройства. Они далеко не совпадают в странах разной культуры, и даже в одной стране, в рамках одной культуры они видоизменяются с течением времени.

Как ни отчетлива биологическая сущность пола, она, когда речь идет о человеке, становится всего лишь канвой, по которой могут быть вытканы самые разные рисунки. Поставим мысленно рядом современного супермена и средневекового рыцаря: что общего между ними? Однако, в каждом из этих образов сфокусированы эталонные признаки мужественности, по-другому сказать, маскулинности, характерные для своего места и времени. А нынешний госсекретарь США, госпожа Олбрайт, и любимая жена восточного султана? Обе стоят на вершине преуспеяния, мыслимого для женщины. Обе задают тон в массовом сознании – на их судьбу, как на желанный образец, равняются миллионы. Но сходства между ними – едва ли не меньше, чем между каждой из этих женщин и окружающими ее в реальной жизни мужчинами.

Казалось бы, это очевидно. Но сильней очевидности то упорство, с каким мы держимся за принципы половой дифференциации, усвоенные нами в раннем детстве. Императивы пола кажутся непреложными, незыблемыми, заповеданными Богом – если мы в него верим, – либо, с точки зрения атеистов, вытекающими из основных законов мироздания. Вслушайтесь, как мы говорим. Естественное назначение женщины. Естественный долг мужчины. То есть такие же безусловные, непреходящие, как течение реки или восход солнца .

При таком множестве разнородных компонентов даже самое беглое описание пола становится достаточно громоздким. Суммировать все сказанное нам поможет несложная схема:

XY Генетический пол XX
T Гонадный пол OV
A Гормональный пол Э
&– Гаметный пол &+
M Соматический пол Ж

внутренние, наружные гениталии
вторичные половые признаки
М Гражданский пол Ж
М Психический пол Ж
М Психосексуальный пол Ж
М Социальный пол Ж

Прошу обратить особое внимание на стрелки. Они передают единство системы, последовательность и логику становления отдельных элементов: от генетической программы развития до сложнейших проявлений половой принадлежности – психических, сексуальных, социальных. Это обеспечивает цельность личности, создает базу внутренней гармонии.

А теперь попытаемся представить себе: что происходит в тех случаях, когда последовательность нарушается? Сбой в одном-единственном звене ломает всю структуру, разрушается целостность, исчезает гармония. Пол воспитания (помните как это было у Жени?) входит в противоречие с гормональным, биологические особенности организма взрывают изнутри всю психическую «надстройку».

В своей великой стратегии природа непогрешима. Доказательство тому – непрерывность самой жизни, которую ежеминутно, со всех сторон атакует смерть. Но в частностях, увы, всемогущая природа допускает ошибки, как это свойственно любому из ее слабых и беззащитных творений.

Двойственность полового развития – одна из самых распространенных и, следует признать, наименее тяжких по последствиям. Организм, за единичными исключениями, остается полностью жизнеспособен: никакого сравнения с какой-нибудь болезнью Дауна или врожденными пороками сердца. Людей, совмещающих в себе противоположные половые признаки, мы, по инерции, называем больными. Но это неверно. Вспоминаю того же Женю: здоров, как бык! Мощный атлетический торс, неутомимые мышцы, все системы организма работают, как часы. Какая болезнь, даже из разряда самых несерьезных, позволила бы ему выдерживать изнурительный тренировочный режим, все эти адские перегрузки?

К факторам, нарушающим нормальный ход полового развития (я уже упоминал некоторые из них), чувствительны и представители животного царства. Поэтому не редкость – появление странных особей, стоящих где-то посередине между самцами и самками. Но судя по наблюдениям натуралистов, эгологов и зоопсихологов, с работами которых я имел возможность познакомиться, непохоже, чтобы этот изъян как-то им мешал! Биологическая программа, свойственная виду такого

животного, оказывается усеченной, недовыполненной. Природа не допускает, чтобы допущенная ею ошибка была растиражирована и увековечена в потомстве: к размножению такие особи не способны. Но в остальном они полноценно проживают отпущенный им срок – какой уж каждой из них выпадает на долю.

Все сказанное полностью распространяется и на человека. Казалось бы, ему еще проще должно быть справляться с этой проблемой. Ведь он, в отличие от бессловесных тварей, – существо разумное, он способен разобраться в том, что случилось с ним самим или с кем-то из ближних.

Но происходит прямо противоположное. Вместо того, чтобы смягчить ошибку природы, люди наслаивают на нее свои собственные. Невольно приходит мне на память стихи Генриха Гейне, хоть и написанные по другому поводу, но полностью отражающие суть данной ситуации:

«Старинная сказка! Но вечно
Пребудет новой она.
И лучше б на свет не родился
Тот, с кем она сбыться должна.»

Старинная сказка

Сколько ей лет, этой сказке? Наверное, не меньше, чем нашей цивилизации.

В 1775 году Екатерина II, просвещенная российская императрица, получила трогательный подарок – специально для нее выполненный перевод из книги «Метаморфоз» Овидия. «Соединение Салмации с Эрмафродитом», – было написано на титульном листе. Сведений о том, почему из всего обширного текста поэмы был выбран именно этот эпизод, я не нашел. Но можно предположить, что сам феномен двуполости занимал Екатерину и литератор, оставшийся неназванным, поспешил преподнести ей отрывок из Овидия как источник информации.

«Метоморфозы» – литературный памятник, время появления которого достоверно известно. Но не забудем, что Овидий не сочинял свои истории о чудесных превращениях. Он черпал сюжеты в античных мифах, которые даже в его эпоху казались седыми от древности. Следовательно, легенда об Эрмафродите – Гермафродите, в привычной нам транскрипции – отражает самые первые впечатления человека о необычном явлении, его озадаченность и попытки найти объяснение, то есть вписать этих странных людей, не мужчин и не женщин, в картину мира, какой она рисовалась примитивному сознанию.

Как гласит миф, Гермафродит от рождения если и отличался от всех других мальчиков, то только своими высочайшими достоинствами. Дитя любви двух богов, занимавших особое место на Олимпе, он унаследовал от родителей не только имена, слившиеся в его имени (по некоторым сведениям, впрочем, первоначально он звался просто Афродитом).

Сын (цитирую по переводу екатерининских времен)
Склонность обоих имел в своей крови,
Он сердцем нежен был,
И нравом был не злобен,
А образом своим обоим был подобен,
Он станом был отец,
Лицом своим был мать,
И можно было в нем обоих познавать.

Так уже в экспозиции миф вызывает к герою отношение, ничего общего не имеющего ни со страхом, ни с брезгливостью. Точнее всего назвать это чувство почтительным восхищением. Выбор на роль матери Афродиты, богини красоты и любви, понятен без комментариев. Но и в отцы Гермафродиту, как я понимаю, был назначен не первый попавшийся. Гермес воплощал

идею бесконечного движения, неопределенности, изменчивости жизни, как их представляли себе древние. Он был посредником между богами и людьми, между этим миром и царством смерти, куда сопровождал он души умерших. Несколько снижает его образ общеизвестное амплуа хитреца, ловкача, в каком он предстает во многих мифах. Но не забудем, что ловкость ума, хитрость – это не что иное, как умение манипулировать разными смыслами, таящимися в одном и том же слове, играть противоречивыми свойствами и значениями предметов и событий. Гермес ассоциировался с глубочайшими тайнами мира, манящими и отпугивающими, недоступными пониманию смертных. Недаром, не отдавая себе в этом отчета, мы поминаем этого загадочного бога всякий раз, когда произносим слово «герметичный» (то есть наглухо закрытый, непроницаемый).

Гермафродит получил воспитание, достойное отпрыска таких высокородных родителей. Он рос на горе Ида, во Фракии, в окружении заботливых наяд. В 15 лет, решив повидать свет, отправился странствовать «во области далеки». Путь его лежал в Малую Азию. Пройдя Ликию, очутился в Карии (Икарии), восхитившей его красотами своей природы.

Узрел он в ней леса, узрел долины злачны,
Узрел он озера, источники прозрачны,
И наконец пришел к источнику тому,
В котором роком быть назначено ему.

Как большинство ловушек, расставляемых роком, источник этот не внушал никаких опасений. Чистейшая вода в окаймлении зеленых берегов, прозрачные глубины, мягкое дно – «каменья острые в нем места не имели». Мог ли усталый путник пренебречь этим великолепием?

Оставив героя отдыхать на мягкой прибрежной мураве, поэма переключается на описание героини. Салмация, или Салмакида, была нимфой, жившей при этом источнике. Чарующая внешность сочеталась в ней с неистребимой ленью. Другие нимфы, вооружась копьями и луками, увеселяли себя охотой – Салмакида превыше всего ценила «нерушимый покой». Купаться в источнике, чесать роскошные волосы, убирать голову цветами, любуясь собою в зеркале вод, – других занятий она не желала. «Почто во праздности свою ты младость губишь?» – наперебой укоряли ее подруги. Но успеха не имели.

Для дальнейших событий, для того, что произошло между Гермафродитом и капризной нимфой и в конечном счете погубило обоих, эти подробности совершенно не существенны. Прекрасным видением – в своих прозрачных одеждах, с охапками цветов в «нежных руках» – предстала Салмакида перед

отдыхающим на траве героем. Он не знал ничего о недостатках ее характера, как не мог догадаться и о том, что это как бы случайное появление было умелой инсценировкой: Салмакида уже его видела, уже успела в него влюбиться («узря, уже его своим иметь хотела»), но решила не попадаться ему на глаза, пока, как выражаются женщины во все времена, не приведет себя в порядок. Другими словами, порочные наклонности нимфы не могли сыграть никакой роли в том, что Гермафродит ее отверг. Зачем же понадобилось тормозить действие сообщением, никак не влияющим на развитие драматического сюжета?

Но мы забыли о том, что в тексте промелькнуло упоминание о еще одном действующем лице, возможно, важнейшем с позиции тех времен, когда рождался миф. Это действующее лицо – рок, властно управляющей судьбой всех персонажей, не только смертных, но и бессмертных. Не случайно, наверное, причины холодности Гермафродита к прелестной нимфе никак не объяснены: не его мотивы все решали. Нимфа вела себя не так, как ей было положено. На это прямо указывали ее возмущенные подруги: «Тебе ль принадлежит спокойствие сие?» – значит, кто-то имеет право коротать свой век в блаженной праздности, но только не нимфа, верная спутница прекрасной богини-охотницы, Дианы. А за строптивость положено суровое наказание: ты полюбишь, но без взаимности.

Дальше по всем правилам развивается сцена обольщения. Салмакида осыпает юношу похвалами, предлагает ему себя в жены, если же он женат, она готова довольствоваться и одной минутой счастья. Гермафродит только краснеет от смущения («но тем свой вид еще прекраснее имеет»). Нимфа же все не унимается. Когда же она начинает вымогать у юноши хотя бы братский поцелуй – но при этом зачем-то берется рукой за пояс, скрепляющий его одежду, – Гермафродит отвечает, наконец, резкой отповедью. Он твердо говорит, что надеяться Салмакиде не на что, и требует, чтобы она с этим смирилась. В противном случае он немедленно покинет эти места.

Салмакида делает вид, что покоряется. Она удаляется. Вот она уже скрылась в густых кустах. Но, оказывается, во все века люди, привыкшие ставить свое удовольствие превыше всего остального, вели себя одинаково, и даже сам рок бывал против них бессилен.

Притаившись в тех же самых кустах, Салмация подглядывает за успокоившимся возлюбленным: как он раздевается, как начинает купаться в источнике. И вдруг с криком «Не избежишь теперь желаний ты моих!» нападает на него.

Гермафродит не уступает. Начинается борьба. Юноша не

может освободиться из цепких объятий, но и насильнице не удается добиться своего. Предчувствуя свое окончательное поражение, она взывает к богам – просит соединить ее «в един состав» с тем, кто пленил ее навеки.

И на удивление снисходительными оказываются боги.

Бессмертные, смягчась
Усердной столь мольбой,
Соединили их тела между собой.
Сему подобятся две ветви соплетенны,
Растущие одной корою покровенны,
Так точно их тела в объятиях своих,
Совокупилися в одно из обоих.
Уж стало их нельзя двоими называти,
Однако ж полы их льзя было познавати,
Хотя и сделались они съединены,
Но в теле стал одном,
Вид мужа и жены.

Ужас Гермафродита, увидевшего себя преображенным, отличным «ото всех на свете», не имеет границ. Даже голос, когда он начинает в отчаянии взывать к родителям, звучит теперь по-другому – «смешенно».

Но почему, хотелось бы мне понять, это новое существо все же остается Гермафродитом, а не Салмакидой? Идея принадлежала ей. Именно ее странную просьбу выполнили боги, не остановившись перед принесением в жертву прекрасного отрока. Почему же она просто исчезает в результате совершившейся метаморфозы?

Миф тут, видимо, преследует свою логику. Важнейшая его цель состояла в том, чтобы объяснить, как появились среди людей двуполые существа, гермафродиты, а с другой стороны – показать, как следует к ним относиться. Для выполнения этих задач «противная нимфа» никак не подходила, нужен был сын Гермеса и Афродиты. Вернуть ему прежний облик оказалось уже не во власти родителей. Но они нашли все-таки способ хоть немного его утешить: наделили волшебной силой источник, в котором произошло несчастье. С тех пор каждый, кто касался его вод, переставал быть мужчиной и переходил в «Ермафродитов род». Важную роль играет и подготовленное всем ходом сюжета эмоциональное восприятие героя. Он ни в чем не виноват, ничем себя не опорочил. Он не вызывает ничего, кроме сострадания и трепета перед всемогуществом высших сил, играющих судьбой человека, – то ли по высшим же, недоступным нашему слабому разуму соображениям, то ли во исполнение своих случайных капризов.

Миф, мне кажется, позволяет реконструировать отношение к интерсексуальности (это более строгий синоним гермафродитизма), сложившееся на заре цивилизации. Оно вовсе не было негативным. Фантазии древним было не занимать, они находили точнейшие образы, воплощающие их представления об отталкивающих явлениях, о злых, опасных силах природы. Античные мифы буквально кишат какими-то омерзительными существами, способными даже современного читателя привести в содрогание. Эти краски полностью отсутствуют в мифе о Гермафродите, поэтическом, светлом, при всей жестокости отраженного в нем события. Сама метаморфоза, преобразившая героя, не вызывает ассоциации с дефектом или уродством. От него не отрекаются родители, давая тем самым наглядный пример всем матерям и отцам, сталкивающимся с подобным несчастьем. Он сохраняет все преимущества своего происхождения. Уже не мифы, а более достоверные источники свидетельствуют, что сын Гермеса и Афродиты и сам считался божеством и временами его культ становился очень популярен – например, в Аттике, в IV веке до н. э.

И еще на одну попутную мысль наводит загадочное исчезновение Салмакиды. Хочу сделать самый горячий комплемент наблюдательности людей, чье совместное творчество дало жизнь мифу. Они совершенно точно уловили важнейшие особенности третьего пола. Хоть в обыденных разговорах и проскальзывают нередко утверждения типа «гермафродит – это наполовину мужчина, наполовину женщина», но в действительности такое равновесие никогда не выдерживается. Даже биологически какой-то один пол доминирует – и его точное определение как раз и составляет самую сложную, но и самую важную задачу, вырастающую перед врачом. Еще четче проявляется эта закономерность в психической сфере. В согласии с природой или вопреки ей складывается самоидентификация у человека, несущего печать смешанного полового развития, но она формируется по принципу «или – или»: отчетливо женской или мужской. Ни разу не сталкивался я у своих пациентов с каким-то средним, промежуточным самоощущением, хотя, казалось бы, чего только не навидался за долгие годы. И в литературе подобные случаи ни разу не встречались.

И вновь я прихожу к выводу, что отношение к «Ермафродитову роду» в древнем мире было вполне доброжелательным. Если бы этих людей чуждались, если бы их изгоняли из общества или, тем паче, уничтожали – эти тонкие и точные подробности не могли бы запечатлеться в массовом сознании.

Интересно было бы проследить эволюцию этого отношения в последующие эпохи; но такие разыскания, боюсь, слишком далеко уведут нас от темы. Известно, что взгляды менялись, но никогда, пожалуй, не возвращались к той милосердной, поистине гуманной позиции, которая так и светится сквозь наивную оболочку мифа. Колебания шли между агрессивным неприятием, преследованием, физическими расправами – как, например, в средние века, когда в гермафродитах видели «агентов влияния» нечистой силы, – и холодным отчуждением, приводившим к изоляции.

Примечательно при этом, что буквально до самых последних десятилетий круг представлений об этом природном явлении от века к веку практически не расширялся. Обыватели знали, что «так бывает». Ученые, специализирующиеся в медицине и биологии, могли сопроводить эту констатацию подробным описанием. Но и те, и другие одинаково связывали гермафродитизм исключительно со строением наружных гениталий и набором вторичных половых признаков – и были одинаково беспомощны в рассмотрении причин, в силу которых эти аномалии возникают. И уж подавно бессильны хоть как-то помочь несчастным.

В этих условиях предубежденность была хоть как-то объяснима. Смесь любопытства с настороженностью, желание держаться подальше – нормальная реакция на непонятное, таинственное.

А что же теперь, после того, как прорыв генетики, эндокринологии сделал тайное явным, простым, объяснимым буквально на пальцах?

Без вины виноватые

Откроем на удачу еще несколько папок с историями болезней – в дополнение к истории Жени, к которой еще не раз придется мне вернуться. Сразу же уточню: я буду рассказывать в основном о гермафродитах, Женя же к этой категории не относится. Родился он с неправильным строением наружных половых органов, но они, хоть и плохо скроенные, по своей природе были чисто мужскими, как и все другие элементы половой системы. Этот не столь уж редкий дефект на медицинском языке называется гипоспадией. Нет оснований считать его проявлением половой двойственности: природа в таких случаях не ошибается, она просто не очень аккуратно выполняет свою работу.

Это сильно упрощало медицинскую проблему, но нисколько не облегчало судьбу Жени. Как и большинство наших пациентов, он прожил тяжелейшее детство, полную страданий юность – чтобы уже на пороге зрелости лицом к лицу столкнуться с немыслимо трудной задачей перехода в иной пол.

Во многом совпадает с жениной судьба другого моего пациента – Алеши, который тоже рос как девочка и звался Аней. Но характеры у них так же не схожи, как суровые северные леса, окружавшие с детства Женю, с ласковым, щедрым Причерноморьем, где вырос Алексей. Девочка Аня казалась открытой, веселой, общительной. Женя переживал свою беду в одиночку. У Алеши был союзник, даже, можно сказать, сообщник – мать. Она помогала ему хранить тайну, поддерживала, хотя тоже, как и мать Жени, ничего не делала для того, чтобы решить главную проблему своего ребенка.

«Когда мне было два с половиной года, мы жили на берегу моря, в рыбацком поселке, – читаем в записях Алеши. – Я купался в море. К этому времени я уже помнил мамино наставление, что мне нельзя купаться без трусов. Я старательно выполнял это условие (иначе меня не опускали бы купаться). Среди моих сверстников это не вызывало особых размышлений. Я их обычно всех бил. Но помню, один раз они меня довели до слез, и я с воплем: „Когда у меня уже все будет, как у мальчишек?“ – кинулся к матери. Она стояла с отцом на пороге нашего дома. Дом был на горочке, волны в шторм доставали и до домов, а потому их строили на насыпи. Я смотрел на родителей снизу и плакал. Они переглянулись, отец ухмыльнулся, а мать стала мне говорить, что так нехорошо, чтобы больше этого не было, что я девочка.

В школе меня дразнили «пацан». Я не знаю, почему. Я

старался вести себя очень прилично. Но мне все говорили, что я как мальчишка. Ходить я любил в штанах, это были шаровары, которые мне шила мать. Она часто спрашивала: не говорит ли кто-нибудь обо мне плохое? Было понятно, что она имеет в виду. Она очень боялась, что я чем-то себя выдам. Несколько раз я пожаловался, что меня дразнят мальчишкой. Она стала расспрашивать: почему? Что я делаю? И в конце концов запретила мне бегать в этих шароварах.

Нашими соседями была такая же семья, как и наша. Отец у них тоже пил и когда напивался, разгонял семью – жену и дочь – по всей деревне. Дочери было 16 лет, она училась в 9 классе. И была очень красивой. Мне очень нравилось ее имя и она сама. Она любила рисовать, и я тоже, приходя домой, изрисовывал всю чистую бумагу, какую находил. Рисовал цветы, деревья, пушки. Раз нарисовал отца, который бил мать. Про этот рисунок мать сказала, что так рисовать не надо, отец может обидеться. Но он, когда увидел, сказал, что правильно – раз было, значит было. Вообще он старался убеждать меня в обратном, чему учила мать, даже в мелочах. Если мать говорила «нельзя» – а говорила она это обычно по делу, – то отец всегда разрешал. Я это принял к сведению и пользовался, когда мне что-то хотелось или, наоборот, не хотелось делать.

Во втором классе я подружился с девочкой. Она мне нравилась, потому что ее звали тоже Дина. Мы много проводили времени вместе. Но я часто ее бил, а она бегала к матери (точнее, у нее была мачеха) жаловаться. Ее перестали пускать ко мне, а меня к ней. На этом дружба наша закончилась. В классе я сидел за партой с мальчиком, звали его Вова. Он был маленький, но храбрый, даже отчаянный. И нас двоих боялись. Он неважно учился, я ему помогал, и это укрепляло нашу дружбу.

Это было, наверное, самое счастливое время у меня. Я учился отлично. Четверок не было. Нарушения дисциплины мне сходили с рук, как лучшему ученику. Правда, однажды случилась неприятность. Я подрался на перемене с второгодником. Он был большой и сильнее меня, но я разбил ему нос, а он порвал мне платье. На уроке он написал мне угрожающую записку с крепкими ругательствами. Я ответил ему тоже крепко. Но когда бросал записку, это увидел учитель и прочитал ее. Это было ужасно, стыдно и страшно. Нас оставили после уроков, ну и все такое. Говорили одно: как я, девочка, мог такое написать? Но ведь после школы я все время играл и вообще проводил время с ними, с мальчишками. Этот урок я надолго запомнил.

В четвертом классе я по-настоящему влюбился. Это не шутка. Все те чувства, которые я испытал, после лишь повторялись, они

мне были уже знакомы. И даже потом они были такими же. Я страдал. Звали ее Нина. Она была очень смуглая, красивая. Но она любила одного из моих друзей, Петьку. Это было очень трудно для меня. Я ей ничего не мог сказать, и так и не сказал. Женщины этого типа нравятся мне до сих пор. Иногда на улице вижу похожее лицо, и что-то внутри вздрагивает.»

Дальше Алексей описывает переезд в другую станицу. Новая школа, другие люди. Новичок казался им очень необычным, встретили его в штыки.

«К ребятам я боялся подходить. Они были какие-то злые. Как-то раз я вмешался в спор. Наверное, мои движения, жесты, интонации показались им странными. Один сказал: „Смотри, а она как пацан“. Все рассмеялись. Было тяжко. Приходилось напрягать все свое внимание. Начал плохо учиться. Но где-то через полгода все утряслось. Меня приняли, и я стал душой общества . девчонок. А потом мною заинтересовался один парень из параллельного класса. Провожал домой (мы учились во вторую смену), приходил к нам по воскресеньям. Играли в шахматы, ходили в кино, на рыбалку. Мне с ним было интересно, он был умный, много знал. С ним можно было спорить обо всем. Не зазнавался, когда у меня выигрывал. Но однажды он сказал: „Знаешь, Анька, ты как парень, с тобой можно дружить, но вот мне как-то с тобой трудно. С тобой хорошо только в войну играть“. И вся наша дружба кончилась. Сейчас он женился на моей подруге, часто приходит к моей матери, спрашивает, где я, что пишу».

Как правило, этих мальчиков, в которых все видят хоть и странноватых, но несомненных девочек, потоком жизни рано прибивает к спорту. Их физические данные по женским меркам кажутся незаурядными, их сразу выделяют в общей массе новичков тренера. Сами же ребята находят в спорте идеальную нишу. Их мужеподобность не так бросается в глаза в этой обстановке, в физкультурной униформе, а быстрые успехи компенсируют незаживающую душевную травму.

Не избежал общей участи и Алексей. Путь от школьных соревнований, в которых он уложил на обе лопатки не только девочек, но и всех мальчишек, до районных и краевых спартакиад оказался легким и стремительным. На Алешу обратили внимание местные корреспонденты, его имя замелькало в газетах и радиопередачах. Начинал с легкой атлетики, причем, особо блистал на самой трудной, редко кому покоряющейся 400-метровой дистанции, и это открывало перед ним самые благоприятные перспективы. Но они-то как раз его и напугали: Алеша знал, что для него слишком опасно оказываться на виду.

Поэтому при первой возможности он ускользнул в тихую заводь – велосипедный спорт, менее популярный и обязывающий.

Пубертатный период принес те же самые трудности, что и Жене, и самое удивительное – такие же точно он изобрел для себя способы маскировки. Только волосы на лице не выдергивал, а выжигал, обрекая себя на еще более ужасные муки. А вот в психологической защите он избрал для себя противоположную линию. Забиваться в свою скорлупу, прятаться от людей, воздвигать между собой и ими непроницаемые стены – это ему, по складу характера, не подходило. «Веселей меня не было человека, никто не умел так всех смешить и заинтересовать. Наверное, это была особая форма мимикрии, подделки под окружающую среду. Надо было вести себя так, чтобы не вызывать к себе злого внимания». Алеша не просто контролировал себя, подавляя мужские жесты и ухватки – он настойчиво и целеустремленно лепил образ женщины. «Приходилось, когда оставался один, искать выражение лица, придавать голосу нужные оттенки и нужную окраску. Запоминать жесты девушек, позы, их реакцию на юношей. У меня все это получалось, и чем лучше получалось, тем выше поднимался тонус, появлялись приступы вдохновения – я рисовал.» Врожденный артистизм помогал Алеше: в роли женщины, я хорошо это помню, он выглядел, по сравнению с Женей, куда более органично, он гораздо лучше научился прятать страх – тот же самый, постоянно владевший ими обоими: что все построено на обмане и обман этот в любую минуту может раскрыться.

Более точно оценивал Алеша и свое состояние – собственно говоря, он почти полностью сумел самостоятельно в нем разобраться, только в одном заблуждении был тверд: он думал, что он один такой на всем свете – единственный и неисправимый урод, а потому помощи ждать бесполезно. Тем не менее, он охотно убегал в свои фантазии. То начинал мечтать о врачах-кудесниках, которые хирургическим путем превратят его в «настоящего мужика» (почему не в женщину, объяснить и потом он не мог, хотя женская самоидентификация была в нем достаточно устойчивой), то, отталкиваясь от образа Афины Паллады, богини-воительницы, бывшей одно время его кумиром, грезил о каких-то сказочных временах. «Если я вынужден быть женщиной, но люблю вещи и дела, совсем не свойственные женщинам, то уж лучше мне было бы жить во времена, описываемые в мифах, или в далеком будущем, где проблема моя не считалась бы проблемой. Я любил сказки, а потом фантастику за то, что там был другой мир, там могли происходить чудеса (в сказках – колдовство, в фантастике – наука). Я думал: там бы я

был человеком. Нормальным человеком».

Но чем дальше уносили Алешу мечты, тем тяжелее было всякий раз возвращаться в этот мир, готовые его принимать только ценой изворотливости и лжи. А с каждым годом это становилось все труднее, Алеша с ужасом замечал, что становится рабом у этой суровой необходимости постоянно прятаться и врать. У него был план – поступить учиться в техникум в Туапсе. Кроме получения специальности, которая ему нравилась, цель заключалась и в том, чтобы там, среди новых людей начать носить «бутафорию» – накладной бюст. Он уже давно продумал, как выполнит эту конструкцию, как сделает ее надежной, но дома никак нельзя было ею воспользоваться. Не за одну ведь ночь появляется у девушек грудь! С этой надеждой поехал Алеша сдавать приемные экзамены, но там – о ужас! – встретил девочку из своей школы. Одной пары глаз вполне хватило бы для скандального разоблачения! И Алеша специально провалил первый же экзамен, то есть свернул с дороги, которую очень продуманно для себя выбрал, вызвал неописуемый гнев родителей, потерял целый год.

И так – любое желание, любое намерение должно было пройти (либо не прийти) жесточайшую цензуру. Можно? Или слишком опасно, а потому нельзя? Женя, мы помним, называл это состоянием загнанного зверя. Но зверю на самом деле легче. Зверь не смотрит в будущее, не прогнозирует события, не приходит в отчаяние, сознавая, что выхода нет и дальше будет только хуже.

«Я часто думал, что чем так жить, лучше умереть».

Самая, пожалуй, существенная разница между этим мальчиком и Женей заключалась в восприятии женщин. Женя был к себе несравнимо более беспощаден. Установив для себя поистине изуверский режим самоограничений, он не позволял себе даже прислушиваться к голосу плоти, не то что давать ему волю. Для Алеши, с его повышенной эмоциональностью, такое постоянное насилие над собой было попросту невозможно. За первой, лет в десять, любовью к смуглой однокласснице последовали другие увлечения, все более пылкие – и все больше приносившие ему страдания. Как на зло, он обладал не частой у мужчин способностью целиком отдаваться чувству. А когда очередная красавица – художественный вкус Алеше не изменял никогда, – видя в нем верную подругу, начинала делиться с ним собственными любовными переживаниями, свет ему, в точном смысле слова, становился не мил.

Но иногда получалось еще хуже, хотя, казалось бы, что может быть хуже отчаянной и безысходной ревности? Некоторых

девушек инстинкт делал на удивление прозорливыми, и они открыто вступали с Алешей в любовную игру. Алеша не мог оставаться к этому равнодушным, но не мог и включиться, он не понимал, как себя вести, какой должна быть его партия в этой игре. «Уж не лесбиянка ли она?» – думал он с ужасом. Гомосексуальные отношения в общежитиях, где ему подолгу приходилось жить, были не в диковинку, но ничего, кроме глубокого отвращения, Алеша к ним не питал.

А случалось и так, что с ним начинали заигрывать парни. Один такой эпизод разрешился просто: незадачливый кавалер дал рукам волю, Алеша его резко оттолкнул, тот упал и больно стукнулся головой – это сразу охладило его пыл. Но тут, собственно, и жалеть было не о чем. Вторая же история оказалась более драматичной. Алеше – нет, естественно, Ане – признался в любви друг, человек серьезный, умный, во всех отношениях располагающий к себе. Алеша чувствовал, что своим отказом причиняет ему самую настоящую боль. К тому же отказ этот навсегда обрывал и дружбу, которую он очень ценил, – а ведь там было настоящее родство душ, одинаковые вкусы, общие интересы.

В мечтах Алексей видел себя сильным, красивым человеком – и был при этом совсем не далек от истины, мужским стандартам красоты его внешность полностью отвечала, портила его только прическа и другие атрибуты женственности, которые своей прямой цели тоже не достигали, создавали впечатление пародии на женщину. На беду, вышел на экраны знаменитый американский фильм «В джазе только девушки», с Мэрилин Монро и Тони Кертисом. «Я сгорал от стыда. Я увидел себя со стороны. Это было ужасно», – рассказывает Алеша в своих записках. Как и Жене, при всей разнице их характеров, ему стали мерещиться косые взгляды, шепотки за спиной (а может быть, и вправду превращался в местную достопримечательность особого рода?) Как и у Жени, душой стала завладевать тоска, чувство безысходного одиночества, нежелание жить. «Бессмысленность жизни я ощущал все больше и больше. Раньше много читал. Теория относительности, квантовая механика, кибернетика, бионика – все меня интересовало. Но сейчас даже книги начали казаться мне лишними. Для чего мне они? Для чего вообще я живу? Одно дело мечтать и совсем другое – просыпаться каждый день с убийственным чувством собственной неполноценности».

Я долго размышлял над этим эпизодом, сыгравшим, по всей видимости, серьезную роль, в дальнейшем поведении Алеши. Мать, как мы помним, с ранних лет внушала ему, что он – девочка, если и не точно такая, как все остальные, то по крайней мере догадываться об этом никто не должен. И действительно –

не только от соседей, вообще посторонних, но и от ближайших родственников ей удалось скрыть страшную тайну. Но то ли с Алешиным, то ли с ее собственным возрастом стали у нее появляться другие мысли. Однажды она попросила Алешу сходить с ней на луг за травой для кроликов. Вообще-то всю домашнюю работу он ненавидел и старательно от нее отлынивал, но тут момент был особый. Мать только что встала с постели, куда уложили ее отцовские побои, выглядела совершенно больной, так что отказать ей в помощи было невозможно. И вот там, на лугу, мать завела с ним странный разговор.

Сказав, что не рассчитывает прожить еще долго («отец твой когда-нибудь так и убьет»), она стала как бы напутствовать Алешу, наставлять его на будущее, которое, оказывается, было уже детально продумано. До 25 лет Алеша ничего не должен был предпринимать для устройства своей личной жизни, а после 25 лет мать разрешила ему вести себя так, как он захочет. Как же именно: выйти замуж, завести любовника или жить весело, меняя мужчин? Нет, оказывается, мать имела в виду совсем другое. «Я думаю, что ты найдешь себе подругу, которая тебя поймет и которой ты будешь нравиться, и вы будете жить тихо и хорошо».

Почему мать вдруг заговорила о подруге – после стольких лет упорного нежелания увидеть и признать истинный пол своего ребенка? Повлияли нараставшие перемены в его облике? Заметила взгляды, которые он бросал на женщин? Или сработало совсем другое – мысли об уходе из жизни заставили задуматься о том, на кого она оставит Алешу, со страшной его бедой, и ей вдруг захотелось найти себе заместительницу, как бы вторую мать?

В тот момент Алеша не стал на этом сосредотачиваться: его переполнила жалость к матери. С отцом и без того отношения были плохие – в пьяном виде он плакал над судьбой Алеши и ругал себя последними словами, а протрезвев, грозил разоблачить его перед всеми соседями и знакомыми. Теперь же он думал только о том, как защитить мать, и сумел-таки ее переубедить и настоять на немедленном разводе. Но где-то в глубине сознания слова матери о тихом счастье с подругой, очевидно, отложились, сплетаясь с его собственными неясными мечтами: рядом с подругой он, видимо, должен будет играть роль друга, то есть мужчины? Что бы ни имела в виду мать – она подсказывала решение. И в свой час оно очень пригодилось.

Час этот пробил, когда в его жизнь вошла Марина.

«Мы и в техникуме вместе учились, и велосипедом занимались у одного тренера, – читаем в записках Алеши. – Некоторое время даже жили в одной комнате. Она нравилась мне

очень. Собственно, я люблю ее и сейчас (то есть много лет спустя! – А. Б.). Мы были подругами. Я ее боготворил. Она заметила не совсем нормальное мое отношение к ней и как-то отдалилась. Я переживал это очень болезненно. Не спал ночами, не ел по четыре дня. Остро, как никогда, ощущал свою неполноценность. Ради того, чтобы ее только издали увидеть, убегал с занятий (мы учились на разных отделениях). Мысль о том, что она может выйти замуж или хотя бы просто встречаться с другим парнем приводила меня в отчаяние. Я всегда был сентиментальным, а сейчас это доходило до абсурда. Я видел ее лицо везде. На улице замечал только девушек, внешне напоминающих ее. Сидя у себя за закрытой дверью, я знал, дома она или нет. Чувствовал, когда ей было больно, когда ей было плохо. У нее бесшумная походка, но я всегда знал, когда она проходит по коридору мимо моей двери. Когда меня вдруг тянуло ни с того ни с сего выглянуть в окно и я выглядывал, то всегда видел ее. Такого со мной еще никогда не бывало. Страшнее всего, что меня влекло к ней физически. Я не мог с собой справиться. Закрывшись в комнате, плакал до истерики. И рассказать об этом никому не мог. Были друзья, подруги, но кто я и всех моих мучений никто не знал.

Закончив техникум, я переселился в рабочее общежитие. По какой-то случайности и она попала туда же. Я мог каждый день видеть ее, разговаривать с ней – все легко, свободно, с непринужденной улыбкой и непроницаемым лицом. У меня тоже была гордость.

К моему удивлению и моей радости Марина не встречалась с парнями. Я это объяснил ее независимым характером и какой-то насквозь пропитавшей ее целомудренностью. Девчонки в общежитии ведут себя вольно. Прилично пьют, курят, ругаются. Ничего подобного я за Мариной не замечал. Это меня еще больше привлекало. Но я-то что мог ей предложить? Допустим, думал я, случится невероятное, и я сумею рассказать ей все о себе. Допустим даже самый фантастический вариант: она тоже почувствует влечение ко мне. И что дальше? Как мы будет жить? Она, созданная для радости, счастья, будет прозябать со мной? Прятаться? Бояться выйти со мной на улицу? Избегать знакомых? Ревновать себя к мужчинам Марина повода не давала. Но исключительность ситуации проявлялась и в том, что Алеша болезненно реагировал даже на сближение Марины с другими девушками. То ему казалось, что они ее недостойны, то мучился, думая, что они отнимают Марину у него. Однажды, вернувшись с соревнований, он увидел, что в его отсутствие появилась новая подруга – яркая, красивая, молодая женщина, следующая за

Мариной повсюду, как нитка за иголкой. Алеше она резко не понравилась, а на следующий день он уже был уверен, что эта особа – лесбиянка. Тут же кинулся открывать любимой глаза, но вызвал только ее гнев: «а тебе какое дело?» Вспыхнула ссора, затем отношения надолго прервались.

Таких пауз, заставлявших Алексея жестоко страдать, было много за те несколько лет, что длились их странные отношения. Каждая имела свою видимую причину, но главным, насколько я могу понять, было душераздирающее несоответствие истинной природы их взаимного влечения тому, как все это выглядело внешне. Это общение, которое вполне можно назвать противоестественным, выводило их из равновесия, изнуряло. Они искали отдыха – и находили его в своих нелепых ссорах. А оказавшись врозь, оба ощущали страшную пустоту и начинали мечтать о примирении.

Но вовсе не Марина оказалась тем человеком, который, сломив отчаянное сопротивление, заставил Алешу обратиться к врачам. Как было и с Женей, в роли спасителя выступил тренер.

Истории обоих моих пациентов в этой их части совпадают до мелочей, что заставляет думать о какой-то общей закономерности, направляющей развитие конкретного жизненного сюжета. Так оно, по всей вероятности, и есть. Спорт – одна из сфер общественной жизни, где пол имеет решающее значение. И здесь в концентрированном виде выступает категорическая неприемлемость для общества малейшей неопределенности, связанной с полом. Кто ты, спортсмен или спортсменка? Ответ должен быть твердым, четким, недвусмысленным. Или – или. От этого зависят все нормативы, вся иерархия, вся система достижений и рекордов – центральный нерв спортивной деятельности. Тому, кто не в состоянии дать о себе определенный однозначный ответ, в спорте просто не места. Такого человека, без малейшего снисхождения, не задумываясь о том, что с ним будет дальше, беспощадно выбраковывают.

Приходит в голову мысль о какой-то особой, исключительной жестокости людей, заправляющих всеми делами в спорте. Но они не заслуживают такого упрека. Если того же Алешу не преследовали, не вытесняли до поры в проектном институте, где он работал после техникума, то это вовсе не было связано с добротой и гуманностью институтского начальства. Просто социальная роль сотрудника института не предусматривает половой дифференциации. Она в этом смысле нейтральна. Хотя, если внимательно присмотреться, выталкивающая сила действует и здесь, только проявляется она более мягко. Рассогласованность разных компонентов пола – носит женское имя, в паспорте

записан женщиной, как женщина одевается и причесывается, а посмотрите на лицо, на фигуру, и как говорит, и как на девушек засматривается – вылитый мужчина! – рассогласованность эта бросается всем в глаза, вызывая нестерпимый зуд любопытства. Начинается слежка. Активизируются местные сплетники и сплетницы – везде есть такие всезнающие энтузиасты у которых сосредотачиваются разрозненные наблюдения и от которых вся эта информация распространяется дальше. Несчастный начинает чувствовать себя под колпаком.

Для любого человека это невыносимо, но надо же еще учитывать гипертрофированную болезненность восприятия гермафродитов! Алеша нашел очень точное выражение для своей особенности. Любую свою мысль, говорил он, я могу додумать до конца, даже самую неприятную для меня. Но ни разу я не мог представить: а что будет, если окружающие догадаются, кто я? Даже при отдаленном приближении к этой мысли сознание полностью блокировалось.

Алеша ошибался, считая велосипед тихой заводью, где он сможет уйти от контроля. Так было только пока он оставался подростком – и по внешности, и по достаточно скромному спортивному уровню. Но он взрослел, мужские черты выявлялись все более резко, а в то время развитие спортивной карьеры поднимало его все выше и выше. Укрупнялся ранг соревнований, в которых он участвовал, повышалась степень их официальности. До поры до времени удавалось изворачиваться, либо уклоняясь от врачебных осмотров, либо сводя их к самому поверхностному минимуму. Но Алеша, на свою беду, спортсменом был незаурядным. Говорили даже, что этой велосипедистке на роду написано европейское чемпионство. А за состоянием здоровья членов сборных команд наблюдение ведется пристрастно. Регулярные диспансеризации по полной программе, обход всех специалистов, подробнейшие заключения.

Алеша, от природы человек удивительно прямодушный, бесхитростный, изоврался вконец, пытаясь ускользнуть от встречи с врачами. Он шел даже на чувствительнейшие для спортсмена жертвы – например, в последнюю минуту тормозил ход велосипеда, чтобы не прийти первым, поскольку победитель должен был ехать на международные соревнования. Но исход этой неравной борьбы был предрешен.

Тренеру, попавшему в такое положение, тоже не позавидуешь. Наверняка он о чем-то догадывался, но сколько мог – молчал, не желая расставаться с талантливой ученицей. Правда, все время, полностью уподобляясь тренеру Жени, заводил окольные разговоры, как бы вымогая признание, подталкивая к

мысли, что под лежачий камень вода не течет. Приводил примеры – а околоспортивные легенды полны ими, встречаются и немало всемирно прославленных имен, то угрожал дисквалификацией (косвенно, намеками, но идея была ясна), то в такой же завуалированной форме призывал пойти и полечиться. Один только раз, не выдержав, спросил прямо: «говорят, ты гермафродит, это правда?» Но даже словно бы обрадовался, когда Алеша с подобающим жаром стал это отрицать. Роль следователя, обязанного допытаться правды, была ему явно не по душе. Но суровые обстоятельства в конце концов принудили его перейти к более активным действиям.

«Мой наставник вызвал меня к себе и спросил: „Почему ты не прошла врачебную комиссию?“ Это, сказал он, единственная причина, по которой меня не взяли во Францию. Я, конечно, „очень изумился“, сказал, что не был только у одного врача и то потому только, что мне не сказали, к чему это приведет. Сделал обиженное лицо, обругал всех – словом, разыграл естественную сцену. Обычно его это убеждало. Но тут он стал засыпать меня прямыми вопросами: нет ли особой причины, известно только мне, объясняющей мой мужественный вид? Я попробовал вывернуться, но он был настойчив, стал расспрашивать о таких конкретных вещах, будто сам был врачом. Пришлось „расколоться“: я сказал, что бывают задержки менструаций, тогда болит голова и самочувствие ухудшается, но я и сам, мол, уже решил обратиться к специалисту-эндокринологу. Он повеселел, уверил меня, что все это легко лечится и мы еще с ним покажем, как надо ездить. Внешне я разделял его радость, но на душе скребли кошки.»

Это решающее событие – визит к эндокринологу – состоялось далеко не сразу, но тренер, помимо редкостной настойчивости, обладал еще и огромной властью. Впервые за 23 года своей жизни Алеша попал к специалисту. Правда, консультация эта едва ли не окончилась трагически. Еще одно поразительное совпадение с историей Жени, которому, если помните, было по началу рекомендовано «отрезать эту шишку»: специалистка, к которой попал Алеша, предложила ему фактически то же самое. По ее словам выходило, что пол может быть выбран по желанию, какой больше нравится, – как платье в магазине, но с ее, врачебной точки зрения разумнее выбрать женский, а лишнее, следовательно, удалить. Пациентка, мол, всю жизнь провела в женском обществе, воспитана как женщина, с этим связано и занимаемое ею положение – совсем неплохое! – а превратившись в мужчину, она будет вынуждена все начинать с нуля. Говорилось все это при первой же встрече после наружного осмотра, без

генетических проб, без исследования гормональной сферы – словно дело происходило в XIX веке. Счастье еще, то врач эта не стала толкать Алешу под нож, а посоветовала поехать в Москву.

Но и в Москве повторилось то же самое, лишний раз подтвердив, что сама по себе «столичность» никаких гарантий качества не дает. Так же точно знакомство с больным ограничилось поверхностным осмотром, резюме же прозвучало еще более жестоко: изменение возможно только в одну сторону – женскую, с ограничением в виде бесплодия. «Сделать» же из Алеши мужчину медицина бессильна.

«Это меня потрясло, – рассказывает Алексей. – Я вышел в коридор, сел на стул и потерял сознание. Когда очнулся, вокруг меня суетились две медсестры с нашатырным спиртом. Потом мне сказали, что это всего лишь предварительный диагноз, что меня положат на обследование, оно-то все и покажет, а пока не стоит убиваться попусту. Но я твердо решил: что бы там у меня не обнаружили, женщиной не буду ни за что. В крайнем случае лучше останусь таким, как есть».

Похоже, когда Алеша уже лежал в клинике, готовясь к операции, мотивы этого решения были одной из самых частых тем наших с ним долгих бесед. Решение, конечно, было не просто правильным – оно было единственно возможным. Есть такие тяжелые разновидности гермафродитизма, когда соотношение мужского и женского начала и в самом деле приближается к равновесию, и тогда можно раздумывать о выборе варианта коррекции пола. Но с Алешей такой проблемы никак не возникало. Его диагноз – синдром неполной маскулинизации – говорит сам за себя. Почти все биологические признаки пола – генетический, гонадный, гормональный – у таких больных однозначно мужские. Нарушен только эндокринный механизм, благодаря которому у эмбриона должны в положенный срок сформироваться внутренние и наружные гениталии. Есть разные мнения насчет того, что вызывает этот дефект. Одни говорят о недостаточной андрогенной активности тестикулов эмбриона, то есть о слабости гормонального обеспечения этого процесса. Другие утверждают, что беда вовсе не в этом, а в нечувствительности тканей-мишеней, не подчиняющихся командам мужских гормонов. Но в любом случае важно то, что развитие плода по мужскому типу все же успевает начаться и продвинуться достаточно далеко от изначальной, женской первоосновы. Оно просто как бы останавливается раньше времени, и когда ребенок рождается, глаз акушерки не различает тех привычных форм, которые позволяют ей с уверенностью воскликнуть: «мальчик!» Ну, а раз не мальчик, значит, девочка.

Эту ошибку при определении гражданского пола новорожденных с данной формой гермафродитизма совершают примерно в 97% случаев, причем, распознается она не редко только в пубертатном периоде, когда у девочки вдруг начинают расти усы и ломаться голос. Судя по тому, что уже в два года мать не разрешала Алеше купаться без трусов, у него до таких крайностей дело не дошло.

А вот его позиция: лучше остаться никем, чем превратиться в женщину – была совершенно не типичной. Противоречие между биологическим полом и социальными его компонентами, начиная с пола воспитания, мучительно, невыносимо, но, как правило, первый порыв – сохранить привычную половую идентификацию, хоть бы даже она сорок раз оказалась ошибочной. Нам еще предстоит анализ этого удивительного феномена, который я могу сравнить только с непостижимым нежеланием старых каторжников, отбывших срок, выйти на волю. Пока лишь скажу, что это одна их самых больших трудностей, с которыми встречается психоэндокринолог: преодолеть гипнотическую силу пола воспитания. Почему же Алеша оказался свободен от этого мощного давления? Наверное, вы обратили внимание – записки Жени написаны в женском роде, а Алеша уверенно употребляет мужской, хотя выполняли они это психотерапевтическую работу примерно в одной и той же, очень еще близкой к началу и очень далекой от финала фазе перехода.

Самому Алексею дело казалось элементарно простым. «Ну, я же влюбился!» – твердил он и показывал фотографию Марины, как бы в доказательство того, что красота его любимой способна мертвого поднять из могилы, а уж в живом человеке пробудить все мужские чувства – и подавно. В принципе я был с ним согласен, хоть и вынужден, ради полноты картины, несколько развеять романтический ореол, окутывающий эту версию. С каким бы трепетом ни относился я к великому чувству любви, профессия не позволяет мне забывать, что зиждется оно на гормональных процессах, лишенных какой бы то ни было поэтической окраски. Гормоны слепы. Им безразлично, кем считает себя человек, жизнедеятельность каждого они регулируют, – мужчиной или женщиной. Значит, любой индивид, несущий в крови заряд андрогенов, мужских гормонов, обречен испытывать специфическое сексуальное возбуждение в предназначенных для этого ситуациях. Но в том-то и дело, что если вы видите себя женщиной, этот первичный импульс любви должен вас ужаснуть. Вы сочтете его нелепым, неуместным, компрометирующим вас и сделаете все, чтобы его подавить в зародыше. Культурный человек – существо в этом смысле достаточно натренированное. Каждый из нас наедине с самими

собой может вспомнить о постигавших его внезапно недопустимых, постыдных желаниях, в которых мы не признаемся даже под дулом пистолета. За вычетом сексуальных меньшинств, страстная взволнованность, вызванная существом одного с нами пола, принадлежит к таким табуированным, часто даже не впускаемым в сознание инстинктивным проявлениям.

Заподозрить Алешу хотя бы в легком гомосексуальном сдвиге невозможно. Я уже говорил – жизнь не раз сталкивала его с лесбиянками. «На каком-то этапе, – пишет он, – у нас в общежитии образовалась целая секта таких девушек. Пары соединялись, расходились, встречались вновь и знали друг о друге все. Меня это поразило. У них были свои разговоры, выражения, воспоминания, свои песни и даже какой-то особый ритуал знакомства и заигрываний. Я был введен в этот круг одной женщиной, которая оказывала мне усиленные знаки внимания. Она познакомила меня со всеми и сказала, что я человек свой. Через два дня все они мне смертельно надоели. Я стал избегать их». Это говорит о том, что при всей своей эмоциональности Алексей умел себя контролировать и того, с чем не мирился его разум, себе не позволял. Тем поразительнее его решимость с открытым забралом пойти на встречу своей судьбе, вызывающее во мне самое искреннее восхищение. Пациент – в точном переводе означает страдающий, страдалец. Потому сочувствие, сострадание, проще сказать жалость всегда доминируют в восприятии врачом тех людей, которых он лечит. Но в отношении к Алеше на первом месте стояло уважение. Я ведь лучше, чем кто-нибудь другой, понимал, какое бесстрашие, какая сила духа потребовалась от него, чтобы заявить о своем праве на любовь к прекрасной женщине и отстоять это право в жестокой мучительной борьбе с обстоятельствами, а еще больше – с самим собой. Тяжелейшие испытания, связанные с психологической переориентацией, он преодолел сам, без помощи, без поддержки, не имея возможности даже ей, своей любимой, рассказать всю правду о себе.

А что же, кстати, она, героиня этого романа, такого необычного, такого горького? Попытаемся поставить себя мысленно на ее место. Шесть лет ее связывала дружба с Аней, интересной девушкой, но не похожей ни на кого, и сама эта их дружба не вписывалась в существующие стандарты. Впрочем, чего только не бывает между девушками! Они выросли рядом, помнили друг друга еще подростками – а это всегда «замыливает» взгляд, он утрачивает зоркость, наблюдательность, не фиксирует даже явных несообразностей в облике и поведении близкого человека. Поэтому я готов поверить, что Марина оказалась самой

доверчивой и самой недогадливой во всем окружении Алеши и не видела никакой разницы между ним и другими своими подругами.

Но тем большим потрясением должно было стать для нее открытие, что Аня – никая на самом деле не Аня, и мало того что этот новый для нее человек давно ее любит и связывает с ней все дальнейшие жизненные планы. Никакая «мыльная опера», при все изобретательности в нагромождении внезапных разоблачений, переодеваний и узнаваний, не дает такой резкости и остроты перехода! Алеша не знал, что лучше – подготовить девушку заранее или предстать перед ней уже преображенным, с новыми документами – законным претендентом на ее руку и сердце. И никто бы на его месте не знал, что лучше. Но он в конце концов выбрал для объяснения момент перед последней поездкой в Москву, уже на операцию. Реакцию Марины он не уловил – видимо, она была в настоящем шоке. Подозреваю, впрочем, что в те минуты он был поглощен самим собой. Зная, что все точки над «и» уже поставлены, пытался вести себя как мужчина, но еще не владел ни своим психическим, ни физическим аппаратом, понимал, что выглядит карикатурно, злился. Напряжение вылилось в одну из их обычных бессмысленных ссор.

И все же Марина приехала в аэропорт его провожать, когда он лежал у нас в больнице, они переписывались, он все говорил о ней как о невесте.

«Вскоре, – рассказывает он в своих записках, – она приехала ко мне. Я волновался, как всегда при встрече с ней, нет, гораздо больше – я не знал, как она меня воспримет. Предчувствия не обманули: когда я к ней вышел, она была поражена, казалось, вот-вот убежит. Позже она рассказала, что видеть меня ей было просто страшно, но на второй день она привыкла. Я спросил: почему так быстро? Она ответила (обратите особое внимание на эту красноречивую деталь! – А. Б.), что я вел себя с ней так же, как всегда и так же на нее смотрел, и выражение лица было прежнее.

Мы гуляли с ней по городу. Мне было хорошо. Впервые я мог не следить за собой, не бояться любопытных взглядов. Мы искали гостиницу, но не нашли. Поссорились, помирились и вернулись назад, на территорию больницы. Ночь просидели на скамейке. Я рассказал ей все: что такое я сейчас, что будет потом. Ее ничто не испугало, она проговорила: «Только бы быть вместе». Расставаясь обещала ждать, сколько будет нужно. Я верю, что мне не придется больше обижаться на свою судьбу. Цепь мучений прервалась. В письмах мы строим с Мариной планы на будущее, клянемся в вечной любви.»

На этой мажорной, оптимистичной ноте заканчивается тетрадь, исписанная крупным Алешиным почерком. Его повесть имеет продолжение, но с ним мы пока немного повременим. Сейчас на очереди – другие имена, другие судьбы.

О самом раннем детстве Юрий всегда вспоминал тепло. То ли матери удалось сохранить тайну, то ли сама эта «тайна» поначалу не бросалась в глаза, но только даже наиболее предубежденные жители деревни на Юлю – а именно так в семье назвали младшую «дочь» – не обращали никакого внимания. Девчонка как девчонка, к тому же из самых тихих, застенчивых. Никогда не тянулась к мальчикам, любила играть в куклы, в дочки-матери. Особенно близко сдружилась с двумя девочками. Вместе ходили в школу, учили уроки. Только одним отличалась Юля от своих подруг – своими мечтами. Одна девочка хотела, когда вырастет, стать учительницей, другая киноактрисой. Юля же уверяла, что станет летчицей. Неподалеку от деревни был аэродром, и летчиков детям приходилось видеть часто.

И вдруг все изменилось. Девочку стали останавливать на улице, задавать ей какие-то странные вопросы. За ее спиной начались перешептывания. Дальше – больше: обеим подружкам родители запретили дружить с Юлей. Те расстроились, но подчинились: «нам сказали, что это может плохо кончится». С чьей-то легкой руки пошло гулять по деревне непонятное никому толком, но тем более страшное слово – «гермафродит» (строго говоря, к Юле не имевшее прямого отношения). Старухи принялись всех пугать, говоря, что соседство с таким человеком не к добру. Что бы плохого ни случилось – там дом чуть не сгорел, тут корова перестала доиться, – тут же вспоминали про Юлю: «мы вас предупреждали!» Беременным женщинам твердили, чтобы обходили ее стороной и уж во всяком случае поменьше на нее смотрели – «не то родишь такого же».

Лет в 15 Юля сама подлила масла в огонь. Стремясь «утвердиться в женском поле», начала рассказывать про себя всякие небылицы женщине, которая слыла одной из самых заядлых сплетниц. Что у нее роман со взрослым мужчиной, офицером, что она ездит в город с ним встречаться, иногда даже остается ночевать. Для большей убедительности попыталась даже имитировать беременность, подкладывая под одежду старые платья, но вовремя сообразила, что хватила лишнего. Тогда спряталась на неделю в городе, а потом через тот же транслятор оповестила деревню, что сделала аборт. Но в итоге стало только хуже – сплетни не затихли, а сделались еще более злобными и грязными.

Может быть, рассуждала Юля, беда в том, что придуманного

ею офицера никто не видел, а если это будет известный всем мужчина, это реабилитирует ее в глазах деревни? Юля наметила одного из парней и предприняла на него отчаянную, но крайне неумелую атаку. Однако из попытки близости ничего не получилось. И что самое ужасное – парень проболтался другу, тот еще кому-то, и теперь уже о том, что она не девушка, а «настоящий мужик», стали говорить со ссылкой на конкретный источник. Два месяца Юля не выходила из дому, но все равно все деревенские кумушки судачили только о ней.

Мать не выдержала и сказала: «Езжай в город». Юля послушалась, подала документы в торговый техникум. Когда проходила медкомиссию, надеялась, что врачи ей хоть что-то объяснят, но ничего не услышала. Решила сама пойти посоветоваться к гинекологу. Приговор был суров: месячных не будет, половой жизнью лучше не жить, помочь этому врачебными средствами невозможно, поскольку «это все врожденное» (?!). В тот же вечер Юля купила в магазине пузырек уксусной эссенции и выпила. «Чем так мучится, лучше совсем не жить».

Умереть Юле не дали. Врач «скорой помощи» оказался человеком участливым, внушал, что таких людей много, все они как-то живут и находят в жизни радостные моменты, советовал взять себя в руки. Но, между прочим, в том, что перед ним такая же «девушка», как и он сам, тоже не разобрался.

Юля попробовала последовать совету, но безуспешно. Снова начались гонения – может быть, и не такие злобные, как в деревне, но ведь и болевой порог после всего пережитого резко понизился. Учебу пришлось бросить. Вернулась домой. Деревня заволновалась, зашипела. И мать сдалась окончательно: «не позорь семью, уезжай, куда хочешь».

Несколько лет Юля скиталась, где придется. Иногда пыталась вернуться домой, но родители были непреклонны, и снова приходилось уезжать, куда глаза глядят. Об образовании бросила и думать, нанималась на стройки, на самую тяжелую работу. Повсюду ее преследовала злая молва, гнала с места на место. Бывали периоды, когда Юля просто бродяжничала, ночевала на вокзалах, голодала – ни нищенствовать, ни воровать она была органически не способна. Но стоило ей где-то устроиться, получить койку в общежитии, заработать немного денег, как снова о ней «начинали говорить», и она опять бросалась на вокзал и брала билет на первый же поезд. Была еще одна попытка самоубийства, к счастью, безуспешная.

А время шло, мужские черты все резче проступали в ее облике, теперь уже даже нелюбопытные люди начинали при встрече с удивлением рассматривать эту странную женщину. От

полной безысходности Юля совершила поступок, сродни тому, как в 15 лет она симулировала беременность. Пошла в парикмахерскую, сделала короткую стрижку, потом купила мужскую одежду. Знакомясь, называла свое новое имя: Юрий. Она не стала считать себя мужчиной. Для нее это была игра, причем, игра достаточно опасная: ведь паспорт оставался прежним, и время от времени его приходилось предъявлять. Тем не менее поразительно долго, целых 3 года, это сходило. Но однажды при попытке вселиться в очередное общежитие возникло подозрение, что паспорт подложный. Пригласили консультанта в погонах. «Надо с тобой разобраться», – сурово сказал он. «Вот и разбирайтесь», – с готовностью откликнулся подозреваемый.

Так, с направлением из милиции, Юрий впервые попал ко мне.

Никаких затруднений с установлением диагноза не возникло – случай был, как иногда говорят, студенческий. Можно было только поражаться, что за 27 лет так и не нашелся толковый медик, которые прекратил бы бессмысленные страдания этого удивительно славного человека. А ведь Юра обращался за помощью ко многим. После второй суицидальной попытки с ним какое-то время даже работал психиатр. Как жалею я сейчас, что нет возможности пометить на этих страницах фотографию Юрия, в бытность его Юлей! 1 Самые несведущие в медицине читатели – и те сразу сказали бы, что это мужчина. А из дипломированных врачей никто даже гипотетически не рассмотрел такую возможность.

К счастью, удалось провести необходимое лечение, скорректировать пол. Возраст уже не очень подходило для этого, но мы добились успеха. Юрий стал тем, кем и предназначено ему было быть еще до рождения.

Гораздо труднее оказалось залечить раны, нанесенные душе. Психика Юрия серьезно пострадала, слишком много пришлось ему перенести. С этим мы тоже, можно сказать, постепенно справились – в том смысле, что пациент смог вернуться к обычной жизни, определиться с жильем и с работой, самостоятельно обеспечивать себя. Он даже женился спустя какое-то время. Но какие-то незаживающие следы остались, боюсь, что навсегда.

Девочкой считался от рождения и еще один славный мальчик, которого привезли к нам из далекого горного аула. Пожалуй, не имело бы смысла подробно пересказывать перипетии этого сюжета, во многом повторяющего уже знакомые нам истории. Но дело происходило на востоке, в одной из среднеазиатских республик, и местные нравы сообщили всему

происходящему особый, трагический колорит.

Мать с самого рождения этой своей дочери знала, что с девочкой не все в порядке, но даже мужу не решалась признаться в этом. Под каким то предлогом малышке запрещалось переодеваться в присутствии даже родных сестер, купаться вместе со всеми. Вот почему тайна была сохранена стопроцентно. Не только в ауле – даже в семье никто ни о чем не догадывался.

В 11 лет девочку просватали за сверстника, сына уважаемых в округе родителей. Для отца это было чрезвычайно важно.

Пока дочь росла, мать надеялась, что каким-то образом смущающие ее взгляд особенности исчезнут. Ни о какой врачебной консультации не могло быть и речи: сам факт, что девочку зачем-то повезли в город, мог вызвать в ауле кривотолки, а на репутации невесты не должно было быть ни пятнышка. Когда же стало ясно, что время никакого облегчения не приносит, а свадьба уже не за горами, испуганная женщина решилась открыться мужу. Тот долго думал, перебирал варианты. Расторгнуть помолвку? Невозможно найти для этого благовидный предлог. В противном же случае девушка будет опозорена, и не только она сама, но даже ее сестры не смогут никогда выйти замуж. Закрыть на все глаза и ждать свадьбы? Но жених не станет молчать, когда обнаружит, что ему подсунули «бракованный товар!» В любом случае позора не избежать! Единственная надежда – если найдется врач, который где-то что-то подрежет, где-то что-то подошьет, создать нормальную видимость для первой брачной ночи. А за дальнейшее семья невесты вроде бы не отвечает. Москва была выбрана не только как ведущий центр медицинской науки, но как место, очень далекое от аула, откуда до дому едва ли донесутся слухи.

Пожалуй, из всех моих пациентов, вынужденных сменить неправильно установленный пол, этот мальчик единственный был никак к этому не готов. Тем не менее он встретил ошеломляющий диагноз спокойно, даже, показалось мне, с какой-то радостью. Я даже усомнился: хорошо ли он понял, что я ему говорю? Только позже, сблизившись с ним, я догадался, что вызвало такую реакцию. Ренат, как стал он себя называть, с раннего детства завидовал братьям. Их тоже отец воспитывал в строгости. Но ведь не сравнить, насколько свободнее им жилось! Они бегали, где хотели, не отчитывались в каждом своем шаге. Они могли мечтать, строить планы. Отец был бы не доволен, если бы кто-то их них уехал из аула учиться, но при большом желании брат мог настоять на своем. А для девочки весь жизненный путь был от родного порога до дома, где жил ее будущий муж. К тому же сама мысль о замужестве вызывала у Рената какой-то неясный протест.

Пока шла подготовка к операции, которая должна была придать молодому человеку нормальную мужскую стать, пока мы возились со сменой документов, Ренат все время мечтал вслух, как вернется домой в мужском костюме, как подойдет к братьям, как они обрадуются, узнав, что их стало на одного больше. Они всегда относились к нему пренебрежительно, думая, что он девчонка. Ничего, зато теперь будут уважать!

Признаюсь, мне с самого начала не хотелось отпускать Рената в аул. Все, что я успел узнать о его семье, говорило о том, что эти люди не смогут ни понять того, что произошло, ни принять это как не подлежащее пересмотру веление судьбы. Но что я мог сказать мальчику, уверенному в том, что родные его любят и будут счастливые за него, что он везет им большой подарок, поскольку иметь сына гораздо лучше, чем иметь дочь? Да и что стал бы он делать в Москве? Ренат плохо говорил по-русски, никакой специальностью не владел, постоять за себя был не способен. Домашнее воспитание приучило его к одному – к безгласной покорности.

Как на крыльях полетел Ренат домой. А месяца не прошло – вернулся в таком состоянии, что я, признаться, не сразу его даже узнал. С диагнозом «реактивная депрессия» пришлось положить его в психиатрическое отделение. Долго не мог я вытянуть из него ни слова, да и потом связано рассказать, что же произошло, он был не в силах. Но общая картина более или менее прояснилась.

Родные были в шоке. Он твердо знали, что такого не было никогда и ни с кем – ни в их ауле, ни в соседних; что мужчина рождается мужчиной, а женщина женщиной по воле Аллаха, и нарушать ее – беспримерное святотатство; что дочь обещана в жены достойному человеку и слово необходимо сдержать. Ренат пытался что-то объяснить, показывал документы, выписки – все было бесполезно, его никто не слушал. Даже мать отшатывалась от него в ужасе, братья же вообще грозили убить. Удивительно, что ему позволили уехать: одно это показывает, в какой полной растерянности находилась семья.

Только много месяцев спустя Ренат успокоился настолько, чтобы с ним можно было обсуждать дальнейшее. Путь домой был для него закрыт, теперь он сам в этом убедился. Глядя на карту, он старался выбрать какую-нибудь самую далекую от родных мест точку. Я вспомнил о Благовещенске: мои друзья могли помочь парню устроиться, поддержать на первых порах. Собрали ему денег на дорогу, и Ренат уехал.

Целый год я получал от него чудесные письма. Казалось, новая жизнь приносит одни только радости – изумительная

природа, великолепный город, чудесные люди. Я все ждал: когда появится женское имя? И дождался. Молодую женщину звали Ниной. Она была разведена, растила ребенка – Ренат был в восторге. Мы честно предупредили его: сомнительно, чтобы он когда-нибудь стал отцом, а он мечтал о детях, и вот такая удача! Ни одной тревожной нотки не проскальзывало в этих письмах, полных счастья и самых светлых надежд. Ни одного упоминания о родителях, о семье, о родном ауле. Я сам с трудом верил, что есть что-то общее между этим энергичным молодым человеком и той молчаливой девушкой в глухом длинном платье, которая робко, опустив глаза, входила в дверь моего кабинета.

В последнем письме Ренат писал, что они с Ниной обо всем договорились, назначили день свадьбы. И как я догадываюсь сами эти волнующие приготовления разбудили в его душе представления, усвоенные с раннего детства. Что за свадьба, на которой не присутствуют родные жениха и невесты? Что хорошего может ожидать семью, если ее не напутствуют добрым словом родители?

Короче, Ренат решил еще раз попытаться восстановить отношения с родителями. Не думаю, что Нина отпустила его с легким сердцем. Но что она могла поделать?

В Благовещенск Ренат больше не вернулся. Из аула он приехал в Москву, явился ко мне и потребовал, чтобы ему «немедленно вернули женский пол».

Ничего не осталось от наших контактов, от налаженного с огромным трудом взаимопонимания. Все рухнуло без следа. Я чувствовал, что ни одно мое слово не проникает сквозь бронированную стенку, воздвигнутую в сознании моего пациента. В ответ на все уговоры Ренат, с какой-то однообразной, бесцветной интонацией, повторял одно и тоже: «Я должен снова стать женщиной, иначе мне не жить». Единственное, чего мне удалось добиться – пациент мой согласился на госпитализацию. Я надеялся, что покой, лечение, общение с доброжелательными людьми – врачи и весь персонал очень тепло относились к Ренату и искренне за него переживали, – вернут ему способность здраво рассуждать.

Но и это оказалось впустую. Никакими средствами не удавалось вывести Рената из депрессии. Он плакал, отказывался от еды. Временами мне вдруг казалось, что глаза оживают, какие-то слова проникают через железный заслон. Но нет – снова слышал я то же монотонное бормотание: «Я хочу домой, сделайте меня опять женщиной».

Приехал отец с двумя старшими детьми – братом и сестрой. Они думали, что превращение уже свершилось, и цель их визита

была – увезти под конвоем домой того, кого они по-прежнему считали девушкой. Кажется, никогда в жизни я не старался так кого-либо переубедить. Мы показывали фотографии, видеозаписи, читали письма пациентов – ну, хоть бы в одном сдвинуть этих людей: заставить их понять, что так бывает. Но их реакция ясно показывала, что никакие слова до них не доходят.

– Верните нашу дочь, нашу сестру. Вы не имели права так с ней поступать, даже если глупая девчонка просила вас об этом!

– Но это невозможно!

– Сможете, если захотите. Если сумели сделать ее мужчиной, значит, в ваших силах превратить ее обратно в женщину.

– Но Ренат никогда не был женщиной, поверьте! Мы провели все исследования, вот результаты – у него самый настоящий мужской организм!

– Мы ничего не понимаем в ваших бумагах. Без всяких анализов можно отличить девочку от мальчика! Пожалуйста, не тяните, нельзя больше откладывать свадьбу!

Родные Рената вовсе не были глупыми или тупыми людьми. В своем привычном информационно-ситуационном поле они были способны и ориентироваться, и осмысливать происходящее, и четко принимать решения. Но случившееся в их семье – в точном смысле слова – у них в голове не умещалось. И они защищались от этих непосильных для их разума фактов, выдвигая против них частокол надежных, апробированных понятий. Большинство из нас ведет себя именно так, сталкиваясь с принципиально новыми явлениями, и это помогает нам сохранять необходимое равновесие. Но сколько бы я не сочувствовал этим людям, Рената надо было спасть. Я даже стал преувеличивать опасность кастрации, намекал, что это вмешательство может стоить ему жизни. Нашел, чем пугать! «Пусть лучше умрет, зато о семье никто не станет говорить плохо!» – твердо сказал отец.

Самое ужасное, что точно так же думал и сам Ренат. Когда я попытался взять чуть более жесткий тон, сказал, что не могу взять на душу такой страшный грех, искалечить здорового человека, – он здесь же, в отделении, на глазах у всех попытался покончить с собой.

Как следовало мне поступить? Больной ясно, яснее не бывает выражал свою волю. Я, пытался его переубедить, исчерпал все мыслимые доводы, не скрыл ни одного из тех трагических последствий, которые неминуемо его ожидали. Хуже всего было то, что родные Рената не оставили мне никакой возможности маневра. Часто в подобных ситуациях моим главным союзником становится время. Здесь меня, что называется, загнали в угол. Отец ясно дал мне понять, что наша больница – не единственное

место, где его дочери могут оказать необходимую помощь. Я знал, кто, как и в каких условиях делал женщинам аборты, когда они были запрещены законом. Совсем незадолго перед появлением Рената в клинику поступил больной, которому за очень большие деньги какой-то народный умелец пришил половой член – неестественно длинный (за это, собственно, и было заплачено, мастер работал по принципу: сколько сантиметров, такова и такса), но просто до смешного не способный функционировать. Я не сомневался: если мы проявим принципиальность, отчаявшаяся семья кинется на поиски такого же коновала. Не отпускать Рената с ними? Но его психическое состояние было вовсе не таким, чтобы я мог насильно удерживать его в больнице.

Разговоры о праве каждого человека свободно распоряжаться своей жизнью хорошо вести за каким-нибудь «круглым столом», желательно перед телекамерой. Но что делает любой нормальный человек, став случайным свидетелем самоубийства? Пускается в глубокомысленные рассуждения о свободе воли? Нет, первым делом он звонит на «скорую». Мне же в нагнетавшейся с каждым днем драме была отведена несравненно более ответственная роль – не пассивного свидетеля, а прямого соучастника.

Если бы еще не с такой убийственной ясностью представлял я себе, что ожидает Рената через год, через десять! Этот страшный путь физической, психической, духовной деградации. Подписывая документы, разрешающие вторичную смену пола, я своими руками превращал молодого, здорового человека в инвалида, в убогое, лишенное всех человеческих радостей существо.

И я вынужден был на этой пойти. Состояние Рената день ото дня все ухудшалось, он категорически отказывался жить, если требование его не будет выполнено.

Дальнейшая судьба Рената мне неизвестна. Нашлось ли для него хоть какое-то место в жизни? Сумел ли он адаптироваться к роли, не предусмотренной в человеческом общежитии – существа среднего рода, бесполого? Остался ли нужен своей семье, когда все надежды, связанные с замужеством, разрушились?..

Как молоды мы были…

Включаю «видик», на экране возникают первые кадры. Съемка неважная, звука нет. Мы работали узкопленочной кинокамерой, в условиях больницы не было возможности установить правильное освещение, а при переносе на видеокассету появились и новые дефекты. Но Бог ты мой, какой фурор производил этот наш сугубо дилетантский фильм, когда мы показывали его на конференциях, на съездах врачей, на курсах усовершенствования! Зал вставал, гремели аплодисменты, адресованные не столько нам – действующим лицам фильма и одновременно его создателям, – сколько самой медицинской науке, сделавшей возможным невозможное. Шутка ли сказать, люди, от рождения прозябавшие под гнетом ошибочно установленного пола, возвращаются к нормальной, полнокровной жизни!

Проходят на экране знакомые лица. Вот Алеша – «ряженый», таким действительно он выглядел при поступлении в клинику, невольно вызывая в памяти все кинокомедии с переодетыми в женщин мужчинами, нелепый, нескладный, в каком-то безразмерном балахоне, с подложенной грудью. А вот он же – мускулистый атлет, в плечах косая сажень, гордая постановка головы, счастливая улыбка. Ка же мы не замечали, какое у него красивое одухотворенное лицо, какую оно излучает силу и вместе с тем необычайную доброту! Вот наш несчастный Ренат – на вокзале, уезжает в Благовещенск. Мы все тогда собрались на платформе, уверенные, что провожаем его в новую жизнь. Он тоже улыбается, светло, радостно, энергично вспрыгивает на вагонную ступеньку. Нет, лучше не вспоминать…

А вот еще один человек, оставивший огромный след в моей жизни. Ваня-Таня, под таким именем он проходит во всех моих записях. Этот как раз и мальчиком выглядел на редкость симпатичным – правда, пробыл он им всего до 18 лет, когда гладкая кожа, нежный овал лица, мягкость и некоторая расплывчатость черт не создают еще диссонанса с мужской прической, костюмом, повадками. Не сталкивался Ваня, по возрасту, и с сексуальными проблемами – а ему была уготована крайне печальная участь, поскольку мужская половая жизнь была ему от природы заказана…

Никакой половой раздвоенности Ваня никогда не ощущал. Рос здоровым, жизнерадостным мальчишкой. Среди его документов был даже военный билет, и если бы не госпитализация, то где-то вскоре он должен был уйти в армию. Правда, при постановке на учет в военкомате Ваня все же

допустил небольшую хитрость. На беседы ходил он сам, а на медкомиссию попросил сходить друга, внешне на него похожего: знал, что половые органы у него устроены «как-то не так» и не то что даже стеснялся этого, а скорее боялся, что врачи по этой причине выдадут ему белый билет. А он очень хотел стать солдатом, и именно танкистом, так что когда его уловка удалась и его действительно приписали к танковым частям, считал себя довольным всем на свете. Но тут организм преподнес ему еще один неожиданный сюрприз: появилась грудь. Она и раньше-то была не по-мужски выпуклой, но это скрадывалось особенностями телосложения. А перед самой армией железы стали так быстро увеличиваться, что хоть бюстгальтер заводи!

Ваня стал бегать по врачам – искать хирурга, который удалил бы ему это безобразие. И в конце концов попал к нам.

Если отталкиваться от генетического пола, то у этого пациента он и в самом деле был однозначно мужским. То же самое можно сказать и по поводу гонадного пола, с единственным уточнением, касающимся нетипичного, неправильного расположения половых желез. Но на следующем этапе формирования признаков пола произошла авария, и процесс маскулинизации «не пошел». По уже известному нам биологическому закону, начал выстраиваться женский фенотип, хотя и он не мог восторжествовать полностью. Как и во многих других случаях, причудливая смесь мужских и женских признаков отражена в самом медицинском термине, обозначающем эту разновидность гермафродитизма: тестикулярная феминизация – то есть женское развитие на чисто мужской основе.

Почему Ваню сочли в момент рождения мальчиком? Мне очень трудно это понять. Обычно всех родившихся с этим пороком без всяких сомнений записывают девочками, и по крайней мере в детстве никаких неудобств ни им, ни их семье это не причиняет. Беспокойства начинаются уже во взрослой жизни, когда изъяны в строении половых органов осложняют сексуальную близость, а главное – когда выявляется невозможность иметь детей. Но далеко не каждый из таких мужчин, проходящих свой жизненный путь под знаком женского пола, обращается в связи с этим к врачу. Я не раз бывал свидетелем того, как тестикулярная феминизация выявлялась у больных случайно, попутно, при проведении обследований, вызванных совсем другими заболеваниями, никакого касательства не имеющими к деликатной сфере пола. Это заставляет меня предположить, что среди нам живет достаточно большое число гермафродитов этой категории, которых не тяготят проблемы, связанные с двуполостью, – либо они эти свои

трудности по-другому объясняют и приписывают их действию других факторов.

Вадим Павлович Эфраимсон, о котором я уже говорил как о сильнейшем из российских генетиков, был убежден, что тестикулярной феминизацией страдала знаменитейшая английская королева Елизавета. В доказательство он ссылался на ее портреты, на редкостную для женщины силу характера, но самым показательным казался ему известный эпизод, когда Елизавета велела казнить своего любовника, причем не отставного, а действующего, к которому, надо полагать, она была привязана. В пылу спора он ее оскорбил, произнеся загадочные слова: «Вы, Ваше Величество, так же кривы душой, как и телом». Конечно, замечание обидное, но не настолько же, чтобы лишать дерзкого жизни! Такое радикальное решение, уверял меня Эфраимсон, могло быть подсказано не задетой гордостью, а именно опасением, что любовник, если уж он вышел «за рамки», разгласит ее секрет, известный только тем, кто видел Ее Величество без одежды…

По злой иронии судьбы отец Вани относился к тому распространенному типу мужчин, для которых настоящий ребенок – это сын, наследник, продолжатель рода, а девочки хороши, только как бесплатное приложение к нему. Детей у них в семье было чуть ли не четверо, и все только потому, что и в первый, и во все следующие разы на свет появлялись дочки. Наконец, родился Ваня! Отец ликовал, и чем старше становился мальчик, тем значительнее делалось для главы семьи сознание, что у него есть сын, он воспитывает сына. Можете представить себе состояние этого человека, когда мы вынуждены были сказать ему, что Ване показано изменить пол! Он в буквальном смысле слова не давал нам работать, грозил жаловаться прокурору – «отнимают единственного сына!» И если бы решение в самом деле зависело от него одного, наверняка одним глубоко несчастным человеком на свете было бы больше.

Но тут исход конфликта зависел от Вани, а он как раз поверил нам безоговорочно. Конечно, ему было очень тяжело, он плакал, как ни противно это было его мальчишеской натуре, – трудно сказать, отчего больше: от страха ли перед отцом, от крушения привычного самоимиджа или от мысли, что никогда не сможет стать танкистом… Но стать женщиной согласился без колебаний.

Смонтированные «встык» кадры – Ваня, каким он был, и он же, преобразившийся в Татьяну, – ошеломляют. Но киноряд не передает ощущение времени, а именно стремительность перемены оказалась просто фантастической. Едва начались

регулярные инъекции женских гормонов, как стало заметно, что перед нами появляется другой человек. А четыре месяца спустя трансформация перешла черту полной неузнаваемости.

Есть характерные штрихи поведения, связанные с полом, которые наши пациенты отрабатывают в себе сознательно. У них обостряется зрение. Они начинают замечать то, что никогда раньше у них в голове не фиксировалось. Прическа сразу видно, какая: мужская или женская. Но есть еще и специфические жесты, когда он или она поправляют волосы. Кроме очевидных различий между рубашкой и блузкой, пиджаком и жакетом, есть у каждого пола и характерный рисунок движений: как надевают эти вещи, как снимают, как поправляют завернувшийся лацкан или манжет.

В фильме есть трогательные кадры – медсестра учит Тоню (вчерашнего Толю) накладывать макияж. Руки у Тони небольшие, изящные, но кажутся грубыми и неуклюжими – так неловко держат они эти крошечные кисточки, такие странные пассы совершают, накладывая тон и пудру на сосредоточенное, напряженное лицо. Так же беспомощен, помню, был Женя в обращении с бритвой, когда я заставил его отказаться от изуверской привычки выщипывать волосы на лице, и так же старательно учился.

Еще одна пара рук на экране, выдающих всепоглощающий азарт ученичества – Валя, так, помнится, стали звать этого новоявленного молодого человека, учится играть в домино. Не в смысле освоения правил, их он знал и раньше, учение заключается в выработке у себя мужской пластики – в посадке, в том, как руки удерживают кости, как со звучным хлопком впечатывают их в стол… И поразительной отчетливостью вспомнился мне сейчас день, когда мы снимали этот бесхитростный эпизод. Валя – кстати, тоже лыжница – была при поступлении, как и положено, помещена в женское отделение, но ей там было явно тяжело, она ни с кем не контактировала, появилось даже подозрение – не развивается ли у нашей пациентки депрессия? Поскольку дело все равно шло к перемене пола, мы махнули рукой на формальности, и Валю перевели на другой этаж – к мужчинам. Предварительно мы сходили с ним (да, теперь так и надо было говорить: с ним) в магазин мужской одежды, в парикмахерскую, где над его головой славно потрудился старый опытный мастер. И когда вечером того же дня я заглянул в мужское отделение, Валю было не узнать. Оживленный, общительный – свой среди своих! – он сидел за столом с тремя «доминошниками». Казалось, что он целиком поглощен игрой и не думает ни о чем, кроме выигрыша. Но я заметил, что краем глаза он то и дело посматривает на руки

своих партнеров и изо всех сил старается им подражать. Я не поленился сбегать к себе в кабинет за кинокамерой…

Но не в этом заключается для меня самое интересное. Так, в сущности, ведут себя все люди, попадая в новое место, в непривычную среду – если только у них нет специальной сверхзадачи «выделиться», заявить во всеуслышание о своей непохожести на окружающих. Именно это имел в виду и Алеша, когда рассказывал, как добивается своей неотличимости от девушек в их пластике, в манере вести себя с молодыми людьми. Когда я впервые приехал из Сибири в Москву, тоже ловил себя на том, что веду себя не совсем так, как дома, перенимаю мелкие и мельчайшие детали поведения, характерные для москвичей, думаю об этом, присматриваюсь, тогда как сами столичные жители действуют в автоматическом режиме. Я знаю, что многие актеры, добиваясь глубины психологического перевоплощения, идут тем же самым путем – заостряют внимание на походке, на жесте, на том, как общаются руки с различными предметами, и это создает не только внешнюю схожесть с заданным образом, но и точный внутренний настрой (если не ошибаюсь, именно это имел в виду Станиславский, говоря о правде физического действия).

Самыми же значительными мне казались сдвиги, которые не контролировались пациентами и вызывали у них самое искреннее изумление, когда мы обращали на это их внимание. В фильм вошли уникальные кадры. Мы сняли Ваню, когда он играл в больничном дворе в снежки. Мы даже не думали о том, как пригодится вскоре этот материал, и он не следил за собой – бросал взапуски, как привык, как бросают все мальчишки: от плеча. Спустя короткое время (зима не кончилась, снег не успел растаять) в том же прогулочном дворике мы снимали Таню. И вдруг я заметил, что сам бросок у нее стал другим – не от плеча, а от локтя, откуда-то из-за уха, как бросает большинство женщин. При этом сама Таня не чувствовала никакой разницы и вообще меньше всего в этот момент думала о том, на кого она похожа.

До госпитализации Ваня жил у тетки. Все там его устраивало. Когда же мы встретились с Таней спустя какое-то время после выписки, я узнал, что она перешла в общежитие. «Почему? – удивился я. – Ты же сама говорила, что тетя о тебе заботится, квартира неплохая». Помявшись, Таня объяснила, что тетка «водит мужчин». Ее, Таню, эти визиты никак не беспокоят, но все равно присутствовать при этом неприятно, и само отношение к родственнице из-за такого ее поведения сильно испортилось. «Где ее гордость? Где ее самолюбие?» – горячилась Таня, видимо, напрочь забыв, что лишь считанные месяцы назад теткина

нравственность заботила ее меньше всего на свете. Ни в одном, самом искусном эксперименте не могла бы так реально выявиться разница между мужской и женской психологией!

Работая с Ваней-Таней, я невольно забывал о неимоверных трудностях задачи, какую мы вместе взялись решать, – настолько эти трудности никак не проявлялись внешне. Возьмем хотя бы такое обстоятельство, на первый взгляд, привходящее: нашим пациентам приходилось немало времени проводить в психиатрической больнице, правда, среди не самых тяжелых больных, но все равно в обстановке, мягко говоря, специфической. Зарешеченные окна, закрытые двери, которые можно открыть только специальным ключом, соседи по палате, не всегда ведущие себя адекватно… Хорошо ли было подвергать такому испытанию людей, абсолютно здоровых психически? Это справедливая постановка вопроса, но и неуместная в то же самое время. Другой возможности не было ни у меня, чтобы оказать помощь этой группе пациентов, ни у них, чтобы необходимую им помощь получить. Ни одному из многочисленных учреждений Москвы их своеобразный «профиль» не соответствовал. Мы как бы делили их между собой – наш НИИ психиатрии Министерства Здравоохранения РСФСР и академический институт экспериментальной эндокринологии и химии гормонов. Там их обследовали, ставили им диагноз, если нужно – оперировали, там же начинался сложнейший процесс психологической адаптации, но эндокринологи со своими проблемами справлялись намного быстрее, чем мы со своими, вот и приходилось забирать их к себе, закрыв глаза на то, что в психбольнице, строго говоря, им делать совершенно нечего.

Были среди моих пациентов люди более терпеливые, менее терпеливые, но таких, как Таня, не было вообще. Он вела себя так, будто жизнь ее состояла из одних удовольствий. Рядом с ней и другим становилось легче – сам достаточно унылый больничный интерьер становился, кажется, светлее от ее лучезарной улыбки. Все наши сотрудники души в ней не чаяли, больные завидовали тем, кто лежал с ней в одной палате – она умела и утешить, и успокоить, и выслушать, и помирить. А ведь всего 18 лет исполнилось девочке, и собственная ноша у нее была – никому бы мало не показалось.

Позволю себе небольшое отступление.

Как-то раз, много лет назад, работая над статьей для научного сборника, я подытожил свои наблюдения над одной многочисленной группой своих пациенток. Интересовали меня в тот момент не медицинские, а чисто человеческие их характеристики – свойства личности, особенности поведения в

общении с другими людьми, психологически обусловленные приметы судьбы. Безусловно, каждая из этих женщин имела немало и своих индивидуальных, ей одной присущих черт, не говоря уже о разнице в возрасте, социальном и семейном статусе, профессиональном и житейском опыте. Но сквозь эту обычную для любой человеческой группировка пестроту все равно отчетливо проступали контуры единого, высшей степени обаятельного портрета.

Ключевое слово в обрисовке этого типа – сила. Колоссальная внутренняя устойчивость, способность переносить, не сгибаясь, беспощадные физические и психические перегрузки. Эти женщины спокойны, доброжелательны и дьявольски работоспособны, причем, одинаково хороши и в ситуации аврала, штурма, и в размеренной, будничной деятельности, когда результат достигается за счет долговременных нудноватых усилий. Эмоциональность делает их яркими, запоминающимися, но не заставляет попусту, как иногда говорят, трепыхаться, паниковать, запугивать себя и других существующими и надуманными проблемами. В трудных жизненных ситуациях люди инстинктивно тянутся к ним как бы под крыло, и они обычно не обманывают ожиданий. Впрочем, рядом с ними хорошо и при ясной, штилевой погоде. Они отзывчивы, предельно тактичны, великолепно чувствуют партнера и собеседника, охотно приходят на помощь. Злобность, завистливость, истеричность, демонстративность в их характере, как правило, на нуле. И это не только укрепляет симпатию и доверие к ним у окружающих, но и благотворно сказывается на их собственном физическом здоровье. Статистически подтверждается, что болеют они реже и болезни переносят легче, чем те, чьи души гложет червь зависти и злобы.

Обаяние незаурядной психобиологической силы, которую все вокруг ощущают, хоть и истолковывают по-разному, способствует естественному возвышению этих женщин. Сам ход событий выдвигает их в формальные, а еще чаще – неформальные лидеры. По другой, тоже, к сожалению, распространенной схеме, на них, как на неиссякаемом источнике энергии и надежности, начинают вульгарно паразитировать. Причем, именно их устойчивость, умение выносить невыносимое оказывает в таких случаях плохую услугу. Расклад сейчас таков, что ни один человек, независимо от пола, не может быть застрахован от прискорбной участи иметь спутником жизни алкоголика. Но другие так или иначе выбираются из кабалы – либо разводятся, либо ломаются. А эти, строго по генеральному чертежу своей натуры, терпеливо и с достоинством несут крест.

Когда я впервые сделал это обобщение, под наблюдением у меня была не маленькая, но и не слишком большая группа – 30 женщин. За прошедшее с тех пор время число таких пациентов у меня возросло многократно, но общее впечатление не переменилось. Вот и теперь: мы, как это часто формулировалось лет семь назад, живем в другой стране, по другим законам и любим повторять, что сами стали неузнаваемы. Я же все больше убеждаюсь в том, что поведение, образ мыслей, открытая обзору мотивация могут изменяться, вслед за обстоятельствами, но в тех фундаментальных психобиологических структурах, которые определяют тип личности, человек всегда остается самим собой.

Сейчас модно искать объяснений земной жизни на небесах, подводить под непонятное астрологические концепции: расхожая психологическая типология ставится в зависимость от знаков Зодиака. Простое сопоставление дат рождения моих пациенток отметает любые предположения на этот счет. А уж в том, каковы были обстоятельства рождения, в каком окружении, в какой среде проходило детство, каких принципов придерживались воспитатели, совпадений просматривается еще меньше. Хотя бы потому, что знаков Зодиака – всего двенадцать, а социально-психологические факторы, формирующие личность, могут комбинироваться в неисчислимом множестве вариантов.

Но один общий типологический признак, общий знак у всех этих женщин, похожих по характеру, друг на друга, как родные сестры, все же есть. Не астрологический, не какой-нибудь кармический. Я бы назвал этот знак гормональным. У каждой пациентки в карте записан один и тот же диагноз: синдром тестикулярной феминизации. Тот же самый, что у Вани-Тани. Если ориентироваться на генетический и гонадный пол, все они – мужчины. Но исходя из строения внутренних и внешних половых органов имеют все биологические основания считать себя женщинами.

Получается, что именно интерсексуальность становится почвой, на которой вырастает этот интереснейший, в высшей степени жизнеспособный, ценный с позиций любого общества человеческий тип. Ненормальное, противоестественное, противоречащее основополагающим законам природы и общества соединение двух начал, которые, согласно тем же законам, должны быть четко и последовательно разведены, служить украшению человеческого рода!

Я долго думал над этим феноменом, который может раскрыться до самого дна только перед психоэндокринологом. Да, все эти женщины относятся к тому глубоко несчастному, гонимому, неприкаянному меньшинству, которое известно под

вызывающим самые дурные ассоциации названием – гермафродиты. Может ли быть гермафродит красив? Может ли он вызывать восхищение? Может ли иметь преимущества в решении крупных, судьбоносных, если вновь воспользоваться ходячим словцом, проблем? Пользоваться особым авторитетом, служить живым примером, вести за собой людей? Кажется, что даже задавать вслух подобные вопросы жестоко – так издевательски они звучат по отношению к таким людям, как Женя, Юра, Алеша. Да в каждом их слове, когда они начинают рассказывать о себе, сквозит глубочайший надлом. Сам их облик, общий рисунок поведения производит впечатление неискоренимой ущербности!

До того, как профессионально заняться проблемой смены пола, я не раз сталкивался с гермафродитами. Как и любой, наверное, врач. Что и понятно: если определенный процент в поколении приходиться на людей, занимающих промежуточное положение между мужской и женской его частями, то в той же примерно пропорции они должны появляться и на приеме у терапевтов, хирургов, стоматологов… и у психиатров. Я не задумывался специально над тем, почему среди них так много неустроенных, неопределившихся, «не вписавшихся», постоянно попадающих под колеса жизни. Но если бы меня впрямую спросили об этом, я бы, наверное, сказал, что все это – печальное, но закономерное следствие органических нарушений, вызванных ошибкой природы. Гермафродитам на роду написано быть безнадежными аутсайдерами, неадаптированными, некоммуникабельными. Знаете, что такое аномалии умственного развития? Ну, а это тоже аномалии развития, но только полового. Не то же самое, но где-то рядом.

Погружение в психоэндокринологическую проблематику, позиция действенной помощи, которую я стал занимать по отношению к гермафродитам, заставили меня в корне изменить этот глубоко ошибочный взгляд. И самое глубокое влияние оказали именно контакты с пациентками, страдающими синдромом тестикулярной феминизации. Впрочем, «страдающие» здесь – не более чем дань привычной для медика форме высказывания. Я уже говорил, что гермафродитизм – не болезнь. А в данном случае интерсексуальность вообще становится дополнительным фактором здоровья и силы. Я не знаю, прав ли был Эфраимсон, заглазно, через несколько веков поставивший этот диагноз английской королеве. Но он мог быть прав, вот что здесь принципиально важно. Генетический мужчина, принявший за счет гормонального сдвига женский облик и воспринимаемый миром как лицо женского пола, может прекрасно выглядеть на любом престоле. Делать любую карьеру, властвовать над умами,

привлекать сердца…

Но где же искать объяснения? Что делает эту разновидность гермафродитизма исключением из общего ряда? Может быть, все дело в каком-то особо благоприятном гормональном фоне?

И тогда потихоньку, исподволь я начал еще одно важное исследование. Пользуясь тем, что наше общение с пациентами длится годами, я стал фиксировать все, что рассказывали они мне о своем детстве. Нелегко было систематизировать этот огромный по объему материал, рассыпающийся на тысячи мелких фрагментов – не рефлексированных, не переработанных детским сознанием подробностей давно канувшего в прошлое бытия. Но постепенно из крошечных осколков стала складываться цельная картина.

То, что они «не такие, как все», большинству гермафродитов известно с тех самых пор, до каких дотягивается их память. Очень часто (как в случае с Алешей) они узнают об этом от родителей, но бывает, что родных опережают дети, проявляющие, как известно, обостренный интерес к различным особенностям человеческого тела. Иногда сам ребенок, рассматривая себя с тем же самым любопытством и сравнивая то, что видит, у других и у себя, начинает доискиваться объяснений. Но до поры до времени это открытие эмоционально не окрашено. «Я не такой» не равнозначно «я плохой».

Рубеж проходит где-то в 4-5-летнем возрасте. Не столько в каких-то словесных формулах, сколько на уровне ощущений появляется убеждение в своей неполноценности. Если ребенка дразнят, «обзывают», как выражается Женя, если он слышит разговоры, которые если не содержанием, пока для него недоступным, то интонацией ясно доносят до него отношение взрослых, если родители удерживают его дома, препятствуют контактам с другими детьми, то все вроде бы становиться понятным. Но я столкнулся с несколькими историями, когда такое приниженное самовосприятие вырастало изнутри. «Никто мне этого не внушал – я сам это понял».

Есть много наблюдений за тем, как формируется психический статус у других обиженных судьбой детей – маленьких инвалидов. Они тоже растут с сознанием своего изъяна. Им недоступно много из того, чем беззаботно пользуются здоровые сверстники, они не могут участвовать в общих играх, их атакуют со всех сторон любопытствующие и жалостливые взгляды. Все это тоже создает питательную почву для формирования стойкого убеждения в своей неполноценности, и так зачастую и происходит. Но бывает и по-другому – в душе больного ребенка рождается жажда самоутверждения, стремление к достижениям,

способным компенсировать то, чего не по своей вине он лишен. Несчастье может быть не только причиной слабости, но и источником силы! В моих же записях, относящихся к гермафродитам, нет не одного подобного примера. Как можно предположить, в этом проявляется исключительная, беспримерная сила внутренней потребности в том, чтобы занять определенное место среди мальчиков-мужчин или девочек-женщин.

Мы все испытали на себе действие этой силы, что никак не отложилось в нашем сознании. Точно так же едва ли мы могли бы рассказать, как именно ощущаем силу земного притяжения. Чтобы получить о ней чувственное представление, надо попасть в космос, пережить состояние невесомости…

Ни взрослый человек, ни маленький ребенок не может существовать, зная, что он – отщепенец, он – «хуже всех». Начинаются инстинктивные поиски форм приспособления. Я насчитал три способа, которые можно считать типовыми.

Первый основан на вытеснении – одной из самых распространенных защитных реакций психики, великолепно описанной Фрейдом. Страшное знание исчезает, и ко всему, что может его реанимировать – к вопросам, замечаниям, насмешкам – ребенок становится глух. А вместе с тем им овладевает навязчивое желание на каждом шагу получать подтверждение, то он ничем не отличается от других. Если считать главной добродетелью ребенка послушание, то это образцовые, эталонные дети. Они раболепно выполняют все требования старших, никогда не получают замечаний, ни в чем не проявляют собственную волю и характер. Личность превращается в воск, из которого даже не очень сильные и ловкие руки могут вылепить, что угодно. Гордость, самолюбие подавляются. Насмешками, оскорблениями, унизительными прозвищами этих детей можно довести до слез, но они быстро успокаиваются, обида сразу же забывается, стоит кому-нибудь походя погладить их по головке.

Детство не оставляет в памяти тяжелого следа, но оно, строго говоря, никогда не кончается. Вырастая, эти люди остаются глубоко инфантильными, зависимыми. Они не способны принимать самостоятельные решения, активно строить свою жизнь.

Другой характерный способ защиты я бы назвал самоотрицанием. Дети замыкаются в себе, сосредотачиваются на переживания своего «уродства», «безобразия», «никчемности». Они словно бы спешат настолько отравить себя этим остро негативным отношением, чтобы стать нечувствительными к любой грубости и недоброжелательности со стороны

окружающих. Но тем самым обрекают себя на одиночество, на тусклое, безрадостное существование.

Наблюдений такого рода у меня немного, но это позволяет говорить о том, что этот тип встречается редко. Ведь я проводил исследование среди своих пациентов, а чтобы ими стать, требуется проявить хотя бы минимум активности, желания улучшить свое положение, что несовместимо с постоянным самобичеванием. Подозреваю, что век таких людей короток. Они живут, пока есть кому хотя бы элементарно о них позаботиться.

Женя, Алеша – они демонстрируют нам третий способ защиты, встречающийся, по моим данным, наиболее часто. Алеша, как мы помним, назвал его мимикрией. Ребенок вступает с окружающим миром в сложную и опасную игру – наподобие шпиона, заброшенного во вражескую страну, он выдает себя не за того, кто есть. Как он это делает, мы уже знаем, но поразительно то, что действуя в одиночку, ничего не зная о себе подобных, о прибегает к тем же стандартным способам маскировки, что и они.

Конспирация дает ему возможность занять вполне приемлемые жизненные позиции, развить интеллект, достичь экономической независимости. Но финал этой игры предопределен, она никогда не кончается победой отчаянного игрока. И дело даже не в том, что с возрастом камуфляж становится все более бессмыслен. Один обман тянет за собой другой, одна ложь требует подкрепления другой ложью, и в конце концов наступает момент, когда личность уже не может противостоять этому нагромождению неправды.

Все три способа защиты по своему характеру детские. В их основе, хоть и в разных формах, бегство от действительности, замена продуктивных решений бессознательными психологическими комбинациями. Но так ведь и время появления этих защитных реакций – ранее детство, когда даже несравненно более простые проблемы непосильны для едва проснувшегося разума. Показательно другое: с течением времени они не меняются. В двадцать лет человек ведет себя так же, как привык в пять. И это – первый симптом серьезной психической деформации.

Еще один вопрос все время напрашивался: почему, встречая со всех сторон открытое неприятие, никто из моих пациентов никогда не взбунтовался? Мы же знаем, как это обычно бывает с детьми и в особенности с подростками, попавшими под пресс неблагоприятных обстоятельств. Их протест может принимать дикие, необъяснимые формы, оборачиваться хулиганством и явным криминалом, но без труд прочитывается истинный смысл – человек отвечает злом на зло, он предъявляет обществу свой

суровый счет, требует от него исправления ошибки. Почему же в нашем случае не срабатывает эта, казалось бы, всеобщая закономерность? Изучение множества биографий привело меня к такому выводу: мешал страх. Парализующая боязнь оказаться в полнейшей изоляции, быть отвергнутыми даже теми немногими людьми – родителями, приятелями, – которые проявляли хотя бы видимость понимания и сочувствия.

Обратил я внимание и на то, что упреки в жестокости, обращенные к окружающим, далеко не всегда подкреплялись конкретными фактами. У многих гермафродитов в такой форме проявлялась сильнейшая мнительность – они все истолковывали в невыгодную для себя сторону. Смотрит на них соседка в упор – значит рассматривает, подозревает. Посмотрела и отвернулась – тоже плохо, это она делает вид, что ничего во мне не замечает. Две женщины о чем-то разговаривают, улыбаются – конечно же, речь идет обо мне, это надо мной они смеются. Не ладятся отношения со сверстниками – десятки могут быть для этого причин, но тут объяснение всегда наготове: «Это потому, что я такой.»

Я уже говорил: убийственный силлогизм «я не как все, следовательно, я плохой» не требует каких-то специальных толчков извне. Он выстраивается самопроизвольно, в особенности когда болевая точка лежит в области пола. Тут по-другому обозначается проблема. Чтобы сознание своего частного недостатка не перерастало в тотальный комплекс неполноценности, с ребенком нужно работать, помогать ему психологически справиться со своей бедой. Примерно так, как работают мои коллеги и обученные ими родители с детьми, имеющими какие-то физические изъяны. «Да, ты плохо слышишь, но смотри, какой ты способный, как быстро все запоминаешь, как легко решаешь задачи, какие у тебя ловкие, умелые руки», – всегда можно найти, за что зацепиться, что обыграть, чтобы повысить самооценку.

В рассказах же моих пациентов ничего подобного не промелькнуло ни разу.

Да, положа руку на сердце – все они выглядели людьми, мягко говоря, странноватыми, нередко ущербными. Очень трудно бывало вступить с ними в общение, выбрать нужный тон. Но я все больше и больше убеждался – такими они не родились, в том смысле, что никакие их биологические особенности не ответственны за эту психическую изломанность. Она целиком – продукт комплекса социальных условий. И эту гипотезу, с моей точки зрения, полностью подтверждает пример моих же собственных пациенток – тех самых, которым удалось счастливо

избежать общей трагической судьбы «Ермафродитова рода». Они не испытали неразрешимых трудностей половой самоидентификации, им незнакомо осталось непереносимо тяжкое состояние отверженности, отщепенства. И большего, при прочих равных условиях, для полноценного формирования личности не потребовалось…

Просматривая сейчас, после долгого перерыва, наш старый фильм, я обратил внимание на то, что не бросалось в глаза раньше: на его мажорное, оптимистическое настроение. Все улыбаются! Врачи, медсестры, пациенты, их родственники… У меня самого в кадре такое лицо, будто мы снимали рекламный ролик, а не фиксировали на кинопленке строго научную информацию. Я подумал: если бы лента была звуковой, какая музыка подошла бы в качестве фона? И тут же уловил внутренним слухом: «нам нет преград ни в море, ни на суше…»

Конечно, мы все были тогда если не молоды, то намного моложе, чем сейчас, вот первое объяснение. И под стать свойственному этому возрасту, ощущение простора, огромных перспектив была ни с чем не сравнимая творческая радость, приносимая нашей работой. Мы чувствовали себя первопроходцами, первооткрывателями. Никто до нас (в нашей стране, имею я в виду, но в условиях «железного занавеса» такие оговорки никакой роли не играли) не вступал в единоборство с природой, провинившейся перед нашими пациентами, и уж подавно никто не выходил из этой схватки победителем. У нас же, черт возьми, это хорошо получалось!

К нам приходили люди, в буквальном смысле слова вытесненные из жизни, в состоянии внутреннего конфликта крайней степени тяжести, когда единственным и уже желанным выходом кажется самоубийство. И мы могли не только проливать слезы сочувствия над их страданиями: мы снимали их проблему, дарили им новую жизнь. Это ли было не чудо?

В одной из моих научных статей, написанных в те же годы, когда снимался фильм, об этом сказано так:

«Причины, вызывающие необходимость перемены пола, связаны с нарушениями биологической базы личности, что затрудняло или делало невозможным овладение многими поведенческими, эмоциональными и культурными моделями поведения, принятыми в обществе в качестве эталона мужественности и женственности…

Как только у пациента появлялась четкая установка на смену пола, резко менялось все его поведение. Потребность к преобразованию захватывала все его существо. Анализ ситуаций позволял найти нужные ходы в сходных жизненных коллизиях и

добиваться намеченной цели. Во всех случаях это была активная борьба за свой новый жизненный статус…

Из забитой девушки, которая боялась сказать громкое слово, выходил решительный, энергичный организатор производства, руководитель большого объекта. Робкое существо, которое пряталось от постороннего взгляда, превращалось в красивую, полную здорового кокетства девушку…

Смена пола является высоко гуманным актом, позволяющим личности не только избавиться от мучительной для нее ситуации, приводящей порой к суицидальным действиям, но и найти свое место в обществе. При этом зрелый индивид в состоянии осмыслить, что с ним происходит, и дать отчет о своих ощущениях, переживаниях, своем отношении к окружающей действительности, об изменениях своего поведения, о своих новых взглядах, интересах, желаниях. Более того, некоторые пациенты способны смотреть на себя «со стороны», что в сочетании со специальными методами обследования делает акт смены пола поистине уникальной моделью, позволяющей проследить многие стороны социализации личности, в том числе и некоторые моменты, носящие обычно неосознанный характер. К этому следует добавить, что новая половая роль устанавливается в удивительно короткие сроки (от 1 до 6 месяцев). Тот путь, который у ребенка занимает годы, в наших наблюдениях можно проследить как в фильме с замедленной съемкой…»

Последний абзац раскрывает еще одну важную особенность нашей работы, тоже питавшую всеобщий энтузиазм…

Наблюдая за разнообразными отклонениями полового развития, мы получали возможность проникнуть в святая святых живой природы – разобраться, как устроены механизмы протекания этих процессов, какие биологические и социальные факторы управляют половой дифференциацией психики, как сочетаются они между собой. Вопросов у нас тогда было куда больше, чем ответов, а обычные исследования нормальных, так сказать, мужчин и женщин не всегда позволяли их получить.

Чтобы хорошо рассмотреть форму предмета, недостаточно его ярко осветить. Нужно еще добиться того, чтобы характерные подробности выявила, подчеркнула тень. Так и здесь. Мы убедились, что отступления от заповеданных природой правил часто обнажают перед исследователем проблем, скрывающиеся под маской привычности, обыденности. Ошибка природы позволяла глубже осмыслить ее истинный замысел. Нетипичное, ненормальное, порой даже гротескное приоткрывало перед нами окно, позволявшее заглянуть в непознанный мир человека.

В одном из эпизодов нашего фильма появляется прелестная

женщина, настоящая красавица – Маргарита. Залюбоваться можно изысканными очертаниями ее фигуры, блеском лучистых глаз. «Всех линий таянье и пенье», как точно определил поэт пластическую квинтэссенцию женственности.

А при первой нашей встрече, которая произошла совсем незадолго перед этим, Рита в свои 20 лет выглядела угловатым, не сформировавшимся подростком. Постричь, переодеть – вылитый мальчишка! И в этом сходстве заключался большой намек на правду: по хромосомному полу, как и Таня, эта девушка родилась мальчиком. На месте, как и положено, оказались мужские половые железы, только сформировались они с функциональным пороком. Тестикулярная ткань не обнаружила способности вырабатывать половые гормоны. Нашего с вами образования уже должно быть достаточно, чтобы предугадать дальнейшее: развитие органов, по которым при рождении определяется пол ребенка, пошло по «нейтральному», то есть женскому типу. Акушерка вполне могла обратить внимание на некоторые признаки маскулинизации – например, на увеличенный клитор. Но то ли она оказалась недостаточно опытной, то ли мыслями в тот момент парила где-то далеко – никаких сомнений у нее не возникло. Ну, а родителям и подавно не могло прийти в голову, что их хорошенькую, здоровенькую девочку требовалось бы назвать не Ритой, а Васей или Петей.

До пубертатного периода все так и пребывали в неведении. Ни внешним обликом, ни характером, ни привычками Рита не отличалась от сверстниц. Была послушной, исполнительной девочкой, никому не доставляла хлопот. Училась средне, но из класса в класс переходила без затруднений. В коллективе чувствовала себя легко, безропотно выполняла общественные поручения, но к лидерству никогда не стремилась.

Только в одном, рассказывала впоследствии Маргарита, обнаруживалась ее скрытая до поры до времени органическая особенность. Девочке было неведомо чувство страха. У нее не сжималось сердце, когда ей, совсем маленькой, читали страшные сказки, став постарше, она бестрепетно воспринимала пугающие истории, от которых бледнели ее подружки. Могла отправиться ночью на кладбище, купаясь, заплывала далеко от берега. В этом, подчеркивала Маргарита, не было никакой бравады, она не ощущала внутреннего напряжения, какое обычно бывает связано с решимостью преодолеть боязнь. Было, по ее собственным словам, «внутреннее безразличие», «недопонимание опасности».

По всей вероятности, если бы с девочкой в то время близко познакомился опытный психолог, он отметил бы и другие штрихи, заставляющие предположить некую эмоциональную

недостаточность. Но причин обращаться к психологу не было. Ребенок спокоен, ведет себя так, как по мнению старших, ему положено, ни с кем не конфликтует…

Тревоги начались, когда у сверстниц Риты появились первые признаки полового созревания. Почему не приходят менструации? Почему не начинает формироваться грудь? Время шло, а превращения в девушку, чего сызмала с волнением ждут все девчонки, даже не намечалось. Рита росла, но внешне оставалась такой же, какой была в 10-11 лет. И это в конце концов заставило ее обратиться за советом к эндокринологу.

После углубленного обследования был, наконец-то, поставлен диагноз: дисгенезия тестикулов (евнухоидная форма). Сам этот термин указывает на двойственность половых признаков, сложное переплетение мужского и женского начала. Приставка «дис» («dys») означает нарушение, порок, в данном случае – порок развития (точное значение латинского слова «genesis»). Смысл лечения должен был свестись к преодолению этой раздвоенности.

Несмотря на однозначность генетического пола и наличие мужских половых желез, все специалисты, принимавшие участие в обследовании, сошлись на том, что доминирует у этой пациентки женское начало. «Достроить» ее половую сферу в этом направлении можно было за счет более простых и щадящих методов, в частности, хирургических. Что же касается психологических аспектов пола, то тут вообще не возникало никаких сомнений. И по самоощущению, и по душевному складу, по манере вести себя Маргарита полностью соответствовала тому, что значилось в ее документах. Складывалось даже такое впечатление, что ни в какой психологической коррекции вообще нет необходимости – обычная, «беспроблемная» девушка, готовая добросовестно исполнить любую роль, традиционно назначаемую представительницам ее пола…

Эндокринологи, исходя из своих соображений, включили в план лечения гормонотерапию. Начались регулярные инъекции женских гормонов, и «гадкий утенок» буквально на глазах превратился в очаровательную девушку. Мало того, что фигура приобрела женские очертания, движения стали мягкими и плавными – откуда не возьмись, появились красивые, пышные волосы, ожили и по-особому заблестели глаза. Я заметил, что Маргарита испытывает волнение, разговаривая с молодыми людьми, пытается с ними кокетничать, что раньше было ей никак не свойственно. Сексуальные переживания вообще до сих пор были ей совершенно не ведомы. Теперь, накануне менструации, ее впервые посетили яркие эротические сновидения.

Но истинное чудо перевоплощения для меня заключалось не столько в этих метаморфозах, сколько в стремительной психологической трансформации.

И прежде никто не считал Маргариту человеком черствым, бессердечным. Она были внимательна к родным, всегда готова прийти им на помощь. Но только теперь ей самой стало понятно, что во всем этом она проявляла себя не более чем примерной ученицей. Она была хорошо запрограммирована – какие слова следует произносить в тех или иных случаях, каких жестов требуют различные житейские ситуации. Но за этим безукоризненным поведением не было душевного тепла, спонтанных эмоциональных импульсов.

Встречаясь, например, с родителями или с сестрой после разлуки, Рита демонстрировала живейшую радость – но только потому, что так было принято в их семье. Так на ее глазах вели себя другие. На самом же деле она никогда не грустила, отрываясь от дома, и никогда не торопила дни, мечтая о возвращении. Душа молчала – так же, как в ситуациях, способных вызвать страх. То же происходило и в случаях, когда кому-то из родных требовалась помощь: «Я знала, надо помогать другим, делал все правильно, но как-то холодно, без души», то есть без живого соучастия, без сострадания, даже когда близкий человек оказывался в беде.

Насыщение организма женскими гормонами – процесс, по своей природе чисто биологический, – пробудило душу, вывело ее из спячки. Захотелось вдруг прижаться к матери. Вспыхнула неизведанная теплота к местам, где прошло детство и ранняя юность, – они стали казаться самыми милыми и красивыми. Рита заметила, что теперь она другими глазами смотрит на детей. Как девушку, не обремененную домашними нагрузками, Риту и раньше часто просили присмотреть за детьми, и она, в соответствии с прочно усвоенной программой поведения, с готовностью соглашалась. Нянькой была надежной, внимательной, усердной. Кто же мог догадаться, что за этим скрывается бесчувственная, холодная исполнительность робота? «Когда дети плакали – собственные Ритины слова, – я старалась их успокоить, но той жалости, какую я испытываю сейчас к маленьким детям, к этим беспомощным комочкам, я никогда не ощущала».

Во время наших бесед Рита часто жаловалась, что ей не хватает слов – слишком яркими и пронзительными оказывались новые впечатления. А ведь ничего в сущности, вокруг не изменилось, та же обстановка, те же люди… «Мир стал другим», «все трогает меня глубже и ярче», «я ощущаю даже скорость, с

какой возникают и угасают в моей душе разные эмоции, могу оценить их глубину»… Мне казалось, что пациентка достаточно внятно передает свое душевное состояние, но ей, захваченной новыми, непривычными переживаниями, формулировки казались слишком бедными.

Подъем на новый уровень эмоциональной восприимчивости, к счастью, не оказался преходящей реакцией на лечение. Маргарита осталась и дальше жить в этом неожиданно распахнувшемся перед ней многоцветном мире. И мир этот принял ее со всем радушием. Вскоре я узнал, что Рита вышла замуж и счастлива. Единственным напоминанием об ошибке природы навсегда осталась невозможность стать матерью. Конечно, это огромное лишение. Но сильные духом, жизнерадостные люди всегда находят способ компенсировать его для себя…

Итак, состоялся нечаянный эксперимент, ставший возможным благодаря исключительному стечению обстоятельств: длительное развитие структур головного мозга, начиная с внутриутробного периода, в условиях недостатка половых гормонов; адекватная чувствительность к ним тканей и органов, в первую очередь нервной системы; достаточно быстрый темп их нарастания в организме – своего рода гормональный удар; и не в последнюю очередь – высокий интеллектуальный уровень пациентки, ее способность к самоанализу.

Что же показал опыт? И до него связь между гормонами и эмоциональной сферой человека была очевидной. Но понять характер этой связи, разгадать ее внутренние закономерности казалось задачей непосильной. Наблюдения, тесты, прямые интервью, сопоставление мнений людей, соприкасающихся с данным человеком в разные моменты его жизни – все это мало что давало. Каким бы подробным и точным ни получался психологический портрет, не проясненными оставались пути формирования составляющих его черт. Что определяет природа, органика? Что появляется благодаря воспитанию и самовоспитанию? Что привносят никем не предусматриваемые обстоятельства, поминутно рождающиеся в бесконечном потоке жизни? И как размотать этот сложный многофакторный клубок таким образом, чтобы в руках оказалась одна-единственная, ни с чем не переплетающаяся нить – влияние гормонов?

Экспериментаторы, работающие с лабораторными животными, действуют в таких случаях с жестокой целеустремленностью. Они удаляют одни ткани и органы, вживляют другие, вводят в кровь препараты и вытяжки – конструируют как бы заново организм, в котором присутствуют

только интересующие их взаимосвязи. Помните смелые опыты на кроликах, позволившие французским эмбриологам разгадать загадку внутриутробной половой дифференциации? Слово «эксперимент» есть и в нашей профессиональной лексике. Но означает, оно, естественно, совсем другое. Любое воздействие на человеческий организм допустимо лишь при том обязательном условии, что оно отвечает конкретным задачам лечения.

Нарушение полового развития, с которым появилась на свет Маргарита, – явление, встречающееся во врачебной практике достаточно редко, если же учесть обширную внутреннюю дифференциацию, счет, возможно, вообще пойдет на единицы. Но благодаря этому частному случаю приоткрылось окно, ведущее к одной из величайших в мире тайн – к тайне личностного своеобразия, пусть это касалось всего лишь некоторых черт личности. Но зато опыт получился таким прозрачно чистым, как только может примечтаться самому добросовестному экспериментатору.

В том, что ток половых гормонов растопил душевный холод, резко усилил яркость эмоционального восприятия, для меня не было большого открытия. Мне неоднократно приходилось наблюдать за действием половых гормонов, да и элементарный здравый смысл подсказывает, что они прямо предназначены для такой «работы». Но удалось продвинуться дальше – получить достоверное подтверждение причастности эстрогенов к инстинкту самосохранения, к оберегающему человека чувству опасности, к такому сложному душевному состоянию как ностальгия. Четко обозначился и тот радикал, который половые гормоны вносят в формирование социально запрограммированных поведенческих установок, лежащих далеко в стороне от сексуальной сферы: подчинения моральному долгу, заботы о детях, помощи ближнему.

Чистоте эксперимента во многом способствовало и то, что для Маргариты результат гормонального лечения явился полной неожиданностью: она никак не была настроена на какие-либо перемены, так что «почудиться» ей ничего не могло. В отличие от большинства наших пациентов, эта девушка никогда не чувствовала себя несчастно. Чем-то она напоминала героиню трогательной оперы Чайковского, Иоланту – слепую принцессу, не ведавшую о своей слепоте, а потому уверенную, что и другие довольствуются лишь слухом и осязанием. Так и Маргариту никогда не огорчала скудость ее духовного существования – ничто не подсказывало ей, что все может быть по-другому.

Фильм напомнил мне еще об одном опыте, выросшем из спонтанно возникшей ситуации. На экране – Ваня-Таня с грудным

младенцем на руках. Она располнела, черты лица несколько удлинились, во всем облике появилась размягченность, свойственная беременным на последнем сроке и только что родившим женщинам (один наш врач, человек прямой и грубоватый, выразился еще более определенно: «Смотрите, как наша Танюша обабилась!»). Но ведь известно, что ни забеременеть, ни родить мужчина не может, а в биологическом смысле организм Вани-Тани остался во многом мужским. Что же случилось?

Тане посчастливилось с замужеством. Но ни муж, ни она сама не представляли себе семейной жизни без детей. Выход был один – усыновление. Так поступают многие. Но именно потому, что их опыт был у Тани перед глазами, ей хотелось сохранить все в строжайшей тайне. Вообще-то симулировать беременность нетрудно, но очень рискованно. Подойдет время «рожать», а ребенка не окажется. Но тут пришли на помощь мы, использовали все свои связи с городскими медицинскими службами. Только с одним условием: Таня позволит наблюдать за собой, будет безропотно сдавать анализы и отчитываться обо всех своих ощущениях. Рассчитали сроки, заручились обещаниями, наладили связи с роддомами. У каждой женщины есть близкий круг, претендующий на получение информации с первого дня задержки. Таня и в этом проявила предусмотрительность.

И вот с того самого момента, как начали отсчитываться недели этой псевдобеременности, в анализах стали появляться признаки характерного гормонального сдвига. Таня, как и прежде, принимала эндокринные препараты, но менструации у нее прекратились. В журнале наблюдений записаны жалобы на тошноту и эпизодические головокружения. Увеличились грудные железы, резко потемнели ореолы сосков.

С усыновлением все прошло гладко. Таню поместили в роддом, она увидела ребенка, ей дали его подержать – и организм отреагировал на это, как на самые настоящие роды. Появился озноб, поднялась температура. Есть не хотелось, но мучила жажда. Ощущалось резкое напряжение в грудных железах. В последующие три месяца вес увеличился на 6 кг. А через полгода – тоже в соответствии с природным календарем – началось обратное развитие процессов, характерных для последового периода.

Ни у кого из окружающих не появилось и тени сомнения в том, что и беременность, и роды были настоящими.

Возможно, вам вспомнился широко известный феномен мнимой беременности, при котором тоже на пустом месте возникает полная иллюзия этого состояния. Сходство,

действительно, есть. Но есть и одно принципиальное отличие. В случае мнимой беременности сама женщина свято верит в то, что ждет ребенка. А Таня знала, что это не так, – она всего лишь играла роль. Так же прилежно и старательно, не упуская из виду ни одной мелочи, как осваивала женскую роль после смены пола. Она изменила режим питания, стала читать книги об уходе за новорожденными, делала специальную гимнастику, выбирала фасон платьев, старалась больше бывать на воздухе, естественно много говорила о предстоящем событии – все ее поведение соответствовало этой искусственно созданной ситуации. И такая игра оказалась убедительной не только для подруг и соседей, но и для ее собственной эндокринной системы, которая отреагировала на нее, как на самую настоящую беременность.

Первым у Тани появился мальчик. Но ей очень хотелось иметь дочь, да и вообще она считала, что детей должно быть минимум двое. Так что спустя пару лет, на тех же условиях, мы повторили тот же опыт. И он дал тот же самый результат.

К тому времени уже была достигнута полная ясность в том, как действуют гормоны на психическую сферу, в том числе и на поведение человека. Но есть ли обратная связь, влияет ли психика на деятельность эндокринной системы? Это казалось вероятным, шли разговоры, выдвигались гипотезы, но многофакторность, многорядность обоих процессов, психического и эндокринного, смазывала картину. И снова наша врачебная работа дала уникальную возможность подобраться к самой сердцевине явления. Мы впервые с такой наглядностью увидели, как работает эта обратная связь, как без всякой биологической подсказки, реагируя на одни только психические импульсы, включается эндокринный механизм.

А вот еще одно лицо появляется передо мной на экране. Ирина Вячеславовна Голубева, профессор-эндокринолог, единственный в своем роде специалист, связавший все свои научные и врачебные интересы с гермафродитизмом.

Далеко не каждый врач может работать с этой группой пациентов. Милосердие, доброта, желание помочь страдающему человеку – эти качества вообще неотделимы от нашей профессии. И все же есть разница между самым внимательным врачом и, допустим, матерью больного, его женой или другом: врач сосредоточен прежде всего на своих лечебных проблемах, а личные трудности, жизненные обстоятельства, интимные переживания больного охватывает как бы боковым зрением. Да и откуда бы в ином случае он брал время и силы на выполнение своих прямых обязанностей! То же – и в отношении готовности лечиться, готовности соблюдать предписания, которых не хватает

очень многим людям. Есть какая-то граница, которую врач не может и не должен переходить, – между областью врачебной компетенции и личной волей и ответственностью пациента.

Профессиональное общение с гермафродитами перечеркивает эти не писанные, но четко исполняемые правила. Врач чаще всего становится первым в их жизни человеком, кому они рассказывают о себе все, и долго еще продолжает оставаться единственным. Чтобы что-то получилось, отношения должны быть глубоко личными. Ведь невыносимо тяжкий груз страданий, обид, недоумений по поводу несправедливости жизни врач должен разделить с пациентом по меньшей мере пополам. Кому угодно можно сказать: я тебе все объяснил, предупредил о последствиях, теперь решай сам. С этой категорией больных такая отстраненная позиция неуместна. Ведь многие из них приходят к нам, дойдя до такой предельной степени отчаяния, когда следующим, самым простым и логичным шагом кажется самоубийство. Если подходить с правовыми мерками, психически они не больны – то есть полностью дееспособны, могут нести все бремя ответственности за свое будущее. Но фактически это не так. Когда ты видишь перед собой человека, полностью дезориентированного, растерянного, пребывающего в плену чудовищных заблуждений, все разговоры о суверенности личности начинают казаться пошлейшей демагогией. Вопрос стоит так: ты врач, должен принять за этого больного правильное решение и суметь его выполнить. В противному случае жизнь этого человека навсегда останется на твоей совести.

В той давней статье, на которую я уже ссылался, говорилось о том, как чудодейственно активизирует пациентов установка на смену пола. Говоря об этом, я ничуть не погрешил против правды. Но чтобы такая установка появилась, нам обоим с Ириной Вячеславовной Голубевой порою требовались годы.

Записки Жени, с которых я начал эту главу, особенно интересны тем, что показывают эту тяжелейшую борьбу изнутри – шаг за шагом. Сейчас самое время к ним вернуться. Итак, первый раунд. И первый острейший конфликт. Позиция пациентки (пока пациентки) однозначна: любой ценой остаться женщиной. И к этой цели Женя идет с тем же фанатичным упорством, с каким в недавнем прошлом завоевывались спортивные победы.

Быть всем – или оставаться ничем

– Все равно вы должны мне помочь, – твердила я.

– То есть подвергнуть тебе кастрации? Ведь то, о чем ты просишь, означает именно это, – снова и снова объясняла Голубева. – А что потом? Мужские признаки исчезнут. Но женщиной ты не станешь. Как и до сих пор, будешь всего лишь играть ее роль. Замуж не выйдешь. Здоровье потеряешь. А путь в большой спорт уж точно себе перекроешь. Хочешь ты этого?

Но я стояла на своем.

Пригласили на совет еще одного специалиста – немолодого подвижного профессора, беспрерывно курившего трубку. Потом он стал самым близким мне человеком, но поначалу… «Видишь, как хорошо! – вскричал он, услышав, как меня зовут. – И менять ничего не придется!» Я сразу поняла, что он имеет ввиду, и еще больше ожесточилась.

В конце концов договорились, что на полгода я уеду домой, и если не передумаю, врачи сделают то, о чем прошу.

Как прошли для меня эти месяцы, лучше не вспоминать. Пришлось обо всем рассказать дома. Впервые мы открыто обсуждали эту тему. Мать, сестры – у них в голове не укладывалось, что дочь и сестра может превратиться в сына и брата. Но сказали они то, что, наверное, и я сказала бы на их месте: врачам виднее, как они советуют, так и надо поступать. Но переступить через себя я была не в состоянии.

Когда вернулась в Москву, со мной пришлось разбираться психиатрам. Профессор – тот самый – навещал меня постоянно.

– Ну как, изменился твой взгляд?

– Нет. И не пытайтесь меня переубедить. Будет все, как я хочу.

– Но ты понимаешь, что я не могу дать согласие на то, чтобы тебя изувечили, даже по твоей собственной воле?

Короче, мы оба оказались в тупике. И тогда он предложил поставить опыт. Лечь в мужское отделение под видом мужчины и под вымышленной фамилией. Пожить среди мужчин. Побыть в мужской роли. «Что ты теряешь?»

Женя – прерву ненадолго его рассказ – абсолютно точно характеризует создавшееся положение. Действительно, создалась патовая ситуация. Мне было бы проще, если бы я имел дело с тупым упрямством. Но тут было другое. Женя не столько оборонялся от меня, сколько наступал. И у него не было недостатка в аргументах, которыми он и меня пытался сломить, и в самом себе поддерживал сознание собственной правоты. Да, это

был сильный противник!

«Прекратите давить на мою психику! – писал он мне из одного больничного корпуса в другой, где помещалась наша лаборатория: чтобы внести какое-то разнообразие в наши изнурительные дискуссии, я попросил его изложить свои доводы на бумаге. – Я прекрасно понимаю, что вы хотите мне только хорошего, чтобы я испытала все человеческие радости, хотите, чтобы я имела семью, детей. Я была бы самым счастливым человеком на земле, если бы это могло сбыться, но только оставаясь при этом женщиной. Я также знаю, что Вы хотите компенсировать все мое ужасное прошлое счастливым будущим. Но своего мнения я не изменю. Я знаю, что мне будет трудно. Как женщина я буду – ноль, то, что сделают мне – фикция, не более. Но мне будет легче, чем это было раньше, и к такой судьбе я готова. Вы говорите, что и череп и фигура у меня останутся мужского типа. Но при чем тут это? Кроме Вас, никто никогда не обращал внимания на форму моего черепа. Мне достаточно того, чтобы у меня удалили то, что мне не нужно, оформили то, чего недостает. Совсем хорошо, если путем пластической операции удастся сгладить мои резкие черты лица. И все, большего мне не требуется. Я не собираюсь, А. И., проводить свою жизнь на пляже. К тому же я – лыжница, много работала над развитием своих мышц. И если бы вы сравнили фигуры балерины Надежды Павловой и лыжницы Галины Кулаковой, тогда увидели бы, насколько они отличаются, первая – совершенство женской фигуры, вторая – одни мышцы…

В общем, А. И., каким я хочу видеть свое будущее, Вам хорошо известно. Решение это окончательно. Я взрослый человек и в состоянии понять, на что иду. Того, что вы предлагаете, никогда не будет. Если бы мне было 3-5 лет – тогда другое дело, но теперь – ни за что. Вы вот говорите, что я всю жизнь играю чужую роль. Я с этим согласна. Какую-то роль играем мы все. Но почему моя роль – не моя? Если бы не мои грубые, резкие черты лица и некоторые анатомические детали (никак не найду подходящее слово), Вы не смогли бы отличить мое поведение от поведения других девчонок. У меня с ними были прекрасные отношения (а не искусственные). Слышите, я не хочу быть… Даже писать не хочется это слово. Я все умею: и шить, и готовить различные варенья-соленья, и пироги печь. С чего же вы взяли, что у меня не женский тип психики? И травиться или давиться я не собираюсь (как поступили Ваши бывшие пациентки). Я чертовски люблю жизнь, несмотря на то, что она так несправедливо отнеслась ко мне. Да, я знаю, что по-прежнему буду несчастна, навсегда останусь одинокой. Но мне будет

немножко легче. По крайней мере не придется соблюдать чудовищную конспирацию, отравлявшую все мое существование.

По-своему Вы, может быть, тысячу раз правы, когда говорите, что я отказываюсь от своего счастья, но я делаю это сознательно. Я всю жизнь хотела быть только женщиной и продолжаю верить, что мне можно помочь в этом отношении. Знали бы вы, сколько во мне энергии, жизни, азарта. Все дело в том, что обстоятельства не позволяют мне раскрыться в полную силу. Но как бы трудно мне не было, ничто и никогда не сломит меня, не из того материала я сделана. А. И., хочется быстрее кончить с этим делом, и так целый год выпал у меня из жизни. Если уж природа обделила меня нормальными человеческими радостями – буду искать утешения в спорте, учебе, работе. И как бы вы ни жали на меня, используя различные приемы внушения, как бы не расписывали предстоящие ужасы моей жизни, я своего решения не изменю. Не делайте этого больше, прошу вас. Все равно Вы ни в чем меня не убедите».

Заметили ли вы одну интересную особенность этого письма? В нем, вопреки явной необходимости, отсутствует слово «мужчина». Один раз Женя даже специально оговаривает, что ей неприятно его писать. Это и подсказало мне выход. Я вспомнил, что такое же неприятие встречал у религиозных людей к слову «черт». Там было понятно, что создает этот барьер: непреодолимый страх, имеющий сильнейшую бессознательную компоненту. А разве исключается такой же комплекс у Жени? Наши долгие беседы позволили мне догадаться, что где-то в тайниках сознания у него давно поселилась мысль, что он в действительности – мужчина, но эта мысль была ужасна (значит, правы его преследователи?), и он упорно гнал ее от себя. Уже достаточно, чтобы на слово образовалась своего рода аллергия! Но было и еще кое-что.

Сторонясь людей вообще, Женя особо остерегался сближения с мужчинами, точнее – с мальчишками, с которыми вместе учился, занимался спортом. Они не особо реагировали на него как на девушку, но ведь могли! Женя видел, как завязываются романы, как то одну, то другую его подругу кто-то начинает «кадрить», по естественной склонности человеческой психики он начинал примерять эту ситуацию на себя – и буквально терял сознание от ужаса. Вот так подойдет, приобнимет – и сразу почувствует, что вместо груди у него два комка ваты! Слегка прикоснется к щеке – и ощутит характерное покалывание! Женя считал себя большим знатоком людей. На самом же деле, рассматривая окружающих из своего психологического убежища под одним-единственным углом зрения: исходящей от них

опасности, – он и вправду во многом был дикарем. Пребывание в женской среде еще кое-как его просветило, мужчин же он вообще почти не знал, а то, что принимал за знание, было на самом деле набором самых фантастических предположений.

Выбираясь из этого лабиринта, я и наткнулся на мысль о мужском отделении. Сначала она показалась мне неисполнимой технически, к том же достаточно рискованной. Что за маскарад в официальном государственном учреждении! Какое право я имею совершать подлог – а манипуляции с гражданским полом, не говоря уж об использовании псевдонима, по-другому не назовешь, – да еще толкать на это заведующего мужским отделением, человека, отвечающего за порядок! Но время и в самом деле поджимало, а других вариантов я просто не видел.

Вообще, должен сказать, при смене пола нередко приходится идти на самые дерзкие авантюры. Однажды моим пациентом был выдающийся спортсмен, обладатель международных званий и титулов, и его переход в женский пол грозил обернуться громким скандалом. Если при таких необычных обстоятельствах исчезает имя, то как быть со сложившейся иерархией, с рекордами, с чемпионством? Что, например, скажет серебряный призер, когда узнает, что золотой медалист, которому он уступил первенство, был фигурой как бы мифической?

Пришлось пойти на сомнительный со всех точек зрения трюк. Была инсценирована гибель чемпиона в автомобильной катастрофе. В газетах прошла информация, спортивное руководство получило целый ворох соболезнований…

Уговорить Женю оказалось намного труднее, чем руководителей больничной администрации. И тут, тоже почти случайно, мне удалось нащупать прием, который в дальнейшем служил верную службу. Я имею в виду перемену имени. Практического смысла в этом не было никакого. Но психологический эффект оказался сногсшибательным. Оказалось, что под псевдонимом человек способен совершать поступки, которые его «Я» считает категорически неприемлемыми! Впервые я понял, что имя – это не просто знак, отличающий человека от других людей. Это важнейший элемент его личностной структуры…

Но вернемся к рассказу Жени.

«Когда в палате, где уже лежали шестеро мужчин разного возраста, появился седьмой, никто не обратил на него внимания. Парень как парень.

Первые две недели прошли в страшном напряжении. Не сразу осознала, как отпадают одна за другой привычные проблемы – как одеться, как раздеться, как лечь. Тут-то ко мне не к чему

придраться, внешне я именно такая, как все! Не надо думать о голосе. Не надо ни от кого прятать свои ноги, вообще следить за позами…

Труднее всего оказалось с речью. Вот уже никогда бы не подумала! Говорить, как я привыкла – «взяла, пошла, видела» – здесь было нельзя. А «взял, пошел, увидел» никак не выговаривалось, возникала какая-то необъяснимая неловкость. Само собой выработалось какое-то странное наречие, без личных окончаний. Допустим на вопрос, читали ли я такую-то книгу, начинала отвечать: «да, чита…» – а далее язык сам нащупывал безличную форму: «… читать приходилось». Вот если бы мне раньше нужно было сыграть мужскую роль в какой-нибудь сценке, я бы сделала все на высшем уровне, нигде даже не запнулась А сейчас, когда я не играла роль мужчины, а старалась им стать, возник такой неожиданный тормоз. Даже мои письма того периода – все они написаны на таком нейтральном языке. И подписаны – Женя. Не Евгения. Но и не Евгений. Когда в отделении кричали: «мужчины, на обед» или «мужчины, пить лекарства», меня всякий раз передергивало. Я – мужчина?!

Но вот мне разрешили выходить в город, и только тут я поняла, как сильно изменилась за последние недели. Ездила на метро, свободно ходила по улицам, забредала в магазины. С интересом рассматривала прохожих – это я-то, всегда смотревшая только под ноги, чтобы не встретить ничьих недоуменных, изучающих взглядов. И ничто внутри не закипало, когда слышала: «Молодой человек, не знаете, который час?» Даже куртка моя, женского покроя, с белыми пуговицами, не особенно смущала: как я убедилась, никто не обращал на нее внимания.

Часами сидела я у окна и думала, думала… Как быть? Три пути передо мною. Продолжать жить как раньше – невыносимо. Уступить уговорам врачей – немыслимо. Ну, и третий выход – крайний. В моем положении и это не исключалось. Жить на нейтральной полосе в условиях двуполого общества невозможно – когда тебя, во всем остальном здорового человека, рассматривают, словно живой экспонат кунсткамеры. Мысль о самоубийстве начинает казаться самой логичной. Но у меня, несмотря ни на что, интерес к жизни никогда не пропадал.

Не могу сказать, в какой именно день я приняла окончательное решение. Никакого коренного перелома в моих взглядах не произошло. Побыв мужчиной среди мужчин, я не нашла ни в этом положении, ни в этой среде ничего такого уж особенно привлекательного. Будь это возможно, предпочла бы остаться женщиной. Другое для меня прояснилось. Между чем и чем я выбираю? Быть всем – или оставаться ничем. А раз так, то я

и решаюсь отрубить все нити, связывающие меня с прошлым. Начинаю жить заново…

Пару дней назад врачи попросили меня встретиться с такой же, как я, «девушкой». У нас с этой Леной многое совпадает. Тоже лыжница, достигла высот, попала в состав молодежной сборной, где, грубо говоря, ее и «накрыли». И тоже не соглашается на уговоры… На первый взгляд – девчонка как девчонка. Только руки выдают – сильные, массивные, – да еще размашистая, пружинящая походка. Лично я всегда держала под жестким контролем, как хожу, а руки старалась прятать.

Долго сидели мы с ней, две «девушки». Она рассказывала о себе, я – о себе. Договорились встретиться еще раз. Но я-то уже лежу в мужском отделении, а Лена – в женском, и сестры ее ко мне не пустили. Но я все равно надеюсь, что она примет единственно правильное решение, достойное здравомыслящего человека.

Что-то принесет нам обоим новая жизнь?»

Насколько скорее сказывается эта сказка на бумаге, чем разворачивалось дело в действительности! Выписавшись из мужского отделения, Женя не пошел сразу к Голубевой «решать окончательно свой вопрос», как он называл операцию. Он снова уехал домой, и снова стали приходить от него письма, свидетельствующие о мучительной раздвоенности. Начинал Женя как будто решительно: «Я по-прежнему придерживаюсь своего мнения, и все же соглашаюсь с Вами. Как это Вы сказали однажды: если не веришь моим словам, поверь седым волосам. Да, я решаюсь выбрать именно этот путь, который Вы считаете единственно правильным». Кажется, ясно? Но следующая фраза – уже совсем про другое. «Знали бы Вы, как мне не легко пойти на это! По-прежнему два течения борются во мне». А раз борьба продолжается, значит, еще неизвестно, что победит?

За обманчивым спокойствием кроется неистовое смятение. Женя опять говорит о своих «прекрасных друзьях», а буквально на следующей странице – «всю свою небольшую жизнь я, по сути, одинока». Пишет, что во мне теперь видит чуть ли не отца, и вдруг такой глубоко спрятанный упрек: я, мол, не понимаю, на какие испытания обрекаю человека. Что же вызывает такую душевную бурю? «Я настоящая женщина», «я хочу быть женщиной» – эта тема полностью исчезла. Могу точно сказать, что произошло это еще до выписки из больницы: перемена пола уже произошла, в своем сознании Женя уже стал мужчиной. Между прочим, мы, что называется, всю дорогу держали под контролем уровень гормонов у него в крови. И эти анализы показали, что даже чисто внешняя имитация мужского поведения

вызывала заметный подскок андрогенов в крови, а когда этот стиль стал укрепляться, когда Женя перестал вздрагивать, слыша: «мужчины, обедать!», в биохимических кривых немедленно обозначилась эта метаморфоза. Откуда же вдруг такой регресс?

«Больше всего пугает меня то, что все это станет известным не только в моей деревне, но и всем, с кем я училась в школе, в техникуме, всем многочисленным знакомым. У нас же каждого знают на многие километры вокруг, и не только тебя, но и давно умерших дедов твоих и прадедов. На меня будут смотреть, как на восьмое чудо света! Одно дело – пересуды, догадки (но, как говориться не пойман – не вор), и совсем другое… Да, и я это еще раз подчеркиваю: главное, что заставляет меня колебаться, – это нездоровое внимание знающих меня людей».

Потому, наверное, и сохраняется в письме женский грамматический род, который на этой этапе эволюции сознания выглядит уже просто нелепым. Психологическая перестройка уже совершилась, но социальный пол не отпускает. Страх разрушить свой образ в глазах других, вызвать их насмешки, возможно, презрение – этот страх перечеркивает всю титаническую работу, которую проделал в своем сознании Женя за долгие-долгие месяцы.

Но зато когда и этот этап остался позади, наши пациенты действительно приходили в состояние эйфории. Пьянило неизведанное чувство освобождения, небывалый прилив сил. Точнее всех, на мой взгляд, это общее для всех состояние сумел на бумаге передать Алеша:

«Хочется работать, расти, чего-то добиться в жизни. Чувствую, что я могу; ощущаю много внутренних душевных сил. Они, эти силы, были и раньше, но тогда от избытка их я только плакал, потому что они были неприменимы. Хочется поскорее узнать себе настоящую цену. И почему-то очень верится в то, что я не буду больше обижаться на свою судьбу. Уныние, нежелание жить – все это осталось там, в прошлом, от которого я ушел навсегда. Полоса моих мучений кончилась. Даже если наука не поможет мне в достаточной степени, я когда-нибудь помогу себе сам. Ведь я поверил в то, что я – мужчина».

Вот откуда шел душевный подъем, владевший нами в период съемок фильма. И разве могли какие-то привходящие обстоятельства, какие-то бытовые трудности его погасить?

А трудности, сказать по правде, встречались нам неисчислимые.

Для большинства врачей выписка из больниц – то же, что для спортсмена пересечение линии финиша. Они и впредь, конечно, могут встречаться с больным, консультировать его, но не больше.

Да и то нередко бывает, что пациент переходит под наблюдение других специалистов. А уж если он полностью поправился, то и говорить нечего – начинается его возвращение к обычной, повседневной жизни. Миссия врача завершена.

У нас с Голубевой и в этом все было не как у людей. Не было у наших пациентов нормальной, здоровой жизни, некуда им было возвратиться. Все приходилось начинать заново. И не было других специалистов, готовых принять от нас эстафету.

Первое, что необходимо сделать при смене пола – сменить документы, начиная с паспорта. Алеше хватило мужества самому пойти к начальнику паспортного стола и, предъявив справки, пройти эту исключительно неприятную процедуру. Но не все были способны на такой подвиг. Приходилось вести их в милицию за ручку, а в самых тяжелых случаях – идти на прием за них. А ведь кроме паспорта, у каждого человека есть еще куча других документов – аттестаты, дипломы, трудовая книжка, всевозможные членские билеты, свидетельства не говоря уж о сберкнижках, отметках о прописке, картах в поликлинике. И все это необходимо поменять. Реально это означает, что число документов следует помножить на минимум на 2-3 кабинета, в каждом из которых надо от начала до конца рассказывать свою пикантную повесть. Кому такое по силам?

Забыл еще сказать, что до того, как машина будет запущена, разрешение на смену пола необходимо получить. Врач – он всего лишь дает свое заключение, рекомендацию. А санкционирует этот «высоко гуманный», как я писал, акт далекий от медицины чиновник, сидящий в органах записи актов гражданского состояния. Он может внять мнению врача, а может и поупрямиться. У меня был забавный случай. Есть такой термин – «ложный мужской гермафродитизм». Это сугубо специальное уточнение, связанное с тем, что в науке было принято «истинный» пол, а следовательно и «истинную» двуполость определять исключительно по строению гонад. И вот на основании этого диагноза одна грозная дама категорически отказалась менять пол моему пациент: раз гермафродитизм у него ложный, то пусть голову не морочит и продолжает жить в том поле, в каком записан! Конечно, мы ни разу не спасовали перед такими идиотскими запретами и в конце концов добивались своего. Но чего это стоило!

Однако, все эти трудности меркли перед тем, что ожидало наших пациентов при попытках определиться в дальнейшей жизни.

Первый вопрос – куда ехать? Большинство и слышать не хотели о возвращении в родные места, и непростительной

жестокостью было бы на этом настаивать. Да и не было у них там никакой опоры, если вдуматься, – ни надежной профессии, ни достойной человека работы.

Отважный наш Алеша и тут решил действовать по принципу «нам не страшен серый волк». Не забудем – у него была Марина, которая его ждала. Кроме невесты, был еще и тренер, проявивший, на мой взгляд, верх душевной тонкости и преданности ученику. Я видел его, когда он приезжал проведать Алешу в больнице. Он сделал все, чтобы поддержать своего питомца, обещал во всем помочь, даже заверил, что Алеша сможет продолжать тренировки в команде мужчин-велосипедистов. А чтобы не было лишних разговоров, тренер придумал байку, которую намеревался пустить в обращение, когда вернется домой. Он, дескать, навещал Аню, она очень плоха и спортом заниматься больше не будет. Зато в Москве он повстречал Аниного родного брата Алешу, замечательного парня и тоже велосипедиста. Они подружились, и этот замечательный парень изъявил желание перебраться на юг и как бы занять место Ани в строю… Тренер собирался особо подчеркивать, что похожи брат и сестра настолько, что различить можно только по прическе.

Но возвращение Алеши домой не состоялось. Приехать-то он приехал и честно попытался заново войти в местное общество. Но из этого ничего не получилось. Даже в общении с тренером, верным другом и союзником, возникала неловкость, которую никак не удавалось погасить. Так же напряженно реагировали и другие близкие знакомые, которых Алеша решился первыми посвятить в свою тайну. Его оптимизм поколебался. К старому месту работы он даже не приблизился: внезапно им овладел жгучий страх – как он покажется бывшим сослуживцам? Промаявшись некоторое время, Алеша вернулся в Москву. Нам удалось устроить его на завод, набиравший «лимитчиков», прописать в общежитии. По тогдашним меркам, можно было считать, что устроен он прилично. Но все это очень мало походило на то, о чем он мечтал.

Получалось так, что дальнейшая судьба пациентов целиком зависит от нас. Не мудрствуя лукаво, мы действовали испытанным способом – «позвоночным»: вспоминали, где есть у нас знакомые в областных отделах здравоохранения, еще лучше – в обкомах партии, связывались с этими людьми, пытались вызвать сочувствие к нашим подопечным. Часто это срабатывало. Помню, как я ездил в один крупный областной центр, к ректору сельскохозяйственного института – просить за Женю. Я считал, что и по жизненным, и по медицинским показаниям ему

необходимо продолжить учебу, а полагаться на лотерею конкурсных экзаменов было слишком рискованно. Ректор сказал, что он – принципиальный противник «блата», за все годы его работы Женя будет первым абитуриентом, которому он поможет, но я могу быть за него спокоен. Женя действительно поступил в институт, благополучно его закончил. Находились и другие отзывчивые люди – находили способ организовать прописку, получение жилья, устраивали на работу. Но сплошь и рядом мы получали отказ, и снова приходилось листать свои записные книжки… Это была огромная работа, никем не учитываемая и уж тем более никак не оплачиваемая. Но это, по тогдашнему нашему умонастроению, особо не огорчало. Тревожило другое – мизерность наших возможностей. Уговаривая пациентов сменить пол, мы уверяли их, что в этом случае все в их жизни наладится, откроются широкие перспективы. Но в целом эти обещания не очень-то сбывались. Как раньше, так и теперь общество словно бы выдавливало эту категорию граждан из своих рядов.

Вдвоем с Ириной Вячеславовной Голубевой мы решили выступить в печати – привлечь общественное внимание к нашим проблемам. Статья, на первый взгляд, называлась скучно: «Социально-правовые аспекты гермафродитизма». Но на самом деле это была, как выражаются журналисты, «бомба». Впервые на моей памяти сакраментальное слово «гермафродитизм» было напечатано черным по белому, в увязке с самыми серьезными областями общественной жизни.

В этой статье мы пытались доказать, что общество обязано позаботиться об этих людях, составляющих достаточно представительную социальную группу. За 14 лет через наши руки прошли 664 больных с различными формами гермафродитизма, проведено 436 операций, в 62 случаях проведена смена гражданского пола (замечу, что те 14 лет давным-давно истекли и с тех пор все эти цифры многократно увеличились). Если исходить из частоты распространения этой патологии (по некоторым данным – до 3% от общего числа новорожденных), существует множество неучтенных статистикой случаев, то есть людей, не обращающихся за помощью, поскольку у них нет надежды ее получить.

Возникает множество вопросов, связанных с юридической процедурой смены пола, с оформлением документов, лечением и социальной реабилитацией гермафродитов. Но эти вопросы никак не решены. Врачу приходится выходить за рамки существующих юридических норм, нарушать установленный порядок.

Попытки найти в юридической литературе какие-либо правовые положения, касающиеся гермафродитов, не увенчались

успехом. А между тем жизнь полна коллизий, требующих, чтобы в регулирующие их законы были внесены специальные положения, учитывающие особенности этой группы лиц. Вспомним хотя бы об отношении к воинской обязанности, о правомочности брачных и вытекающих из них отношений – имущественных, родительских, и т. п. В период, к которому относилась наша с Голубевой статья, закон предусматривал уголовную ответственность за гомосексуализм. А это означало, что расхождение между различными компонентами пола – биологическим, психосексуальным и гражданским – в любой момент могло привести гермафродита на скамью подсудимых и защитить его, оставаясь в рамках закона, было невозможно.

Касались мы и проблемы врачебных ошибок, обусловленных профессиональной некомпетентностью. Ни при составлении программ подготовки и усовершенствования работников медицины, ни в ходе обучения не учитываются по-настоящему достижения науки, которые позволяют сегодня сделать пол однозначным, устранить противоречия половой роли, помочь человеку вступить в брак, создать семью. Практикующие врачи зачастую беспомощны в установлении диагноза, в выработке стратегии и тактики лечения – их ошибки наслаиваются одна на другую, приводя зачастую к непоправимым трагедиям.

А разве нормально, что врач вынужден брать на себя функцию службы реабилитации и социальной поддержки? Бесполезно искать официальную инстанцию, которая создавала бы людям, фактически начинающим жить «с нуля», хотя бы стартовые условия для вхождения в жизнь общества в новом качестве. Таких учреждений нет. Акт смены пола требует абсолютной тайны – а как ее сохранить, если приходиться действовать приватно, использовать личные связи, взывать к сочувствию чиновников? Выписываясь из больницы, человек получает справку. И каждый раз, составляя этот документ, врач оказывается перед дилеммой: либо разгласить тайну, написав все как есть, либо выдать за своей подписью откровенную «липу»…

Важнейшее, на наш взгляд, предложение касалось организации диспансерного наблюдения за людьми сменившими пол. Длительность и сложность адаптации, писали мы, требует специальной психотерапии, тесного общения с врачом, которому пациенты зачастую рассказывают о том, чем стесняются поделиться с родной матерью. Диспансер может и координировать все реабилитационные мероприятия, включая и создание семьи. Почти у всех гермафродитов сохраняется комплекс неполноценности, укрепившийся с детства, и коррекция пола не всегда способна его снять. Обращение к врачу с просьбой

«познакомить» с себе подобными, которых нечего стесняться – в порядке вещей. За последние 5 лет создалось 7 таких семей – очень удачных, со всех точек зрения. Создание диспансеров упростило бы и проблему обеспечения больных гормональными препаратами, в которых многие нуждаются не только для поддержания вторичных половых признаков, но и по жизненным показаниям.

Наши аргументы казались нам достаточно убедительными. Мы раскрыли перед общественностью одну из теневых сторон жизни, известную практически только тем, кого эта проблема непосредственно касается, и вправе были ожидать, что хоть что-то сдвинется с мертвой точки. Но нет, никаких изменений не произошло…

Совсем недавно, в конце 1997 года, Государственная Дума приняла Закон «Об актах гражданского состояния». Впервые в российской законодательной практике акт смены пола стал предметом правового регулирования! Но кое-что в тексте закона задело меня за живое. Я написал об этом статью. И вновь, как и четверть века назад, оказалось, что задача моя заключается в том, чтобы привлечь внимание общества к одной из сторон жизни, находящейся в глухой тени!

Приведу несколько отрывков из этого газетного выступления:

«С признаками половой двойственности являются на свет двое-трое из каждых ста новорожденных. Последнее время во всем мире этот процент растет. О явлениях, имеющих такую степень распространенности, начинают обычно кричать на всех перекрестках, проводить „круглые столы“. А тут – глухо. Общество делает вид, что даже не догадывается о присутствии этого глубоко несчастного меньшинства. Сама тема, опутанная паутиной нелепых домыслов и средневековых предрассудков, вызывает, похоже, одно лишь чувство брезгливого любопытства.

Энциклопедия Брокгауза и Эфрона (Спб, 1893 г.), со свойственной той эпохе стыдливостью, ограничивается одним лишь юридическим аспектом проблемы, но все равно содержит примечательную информацию. «Вопрос о принадлежности гермафродита к тому или другому полу представляет большой практический интерес, так как от решения его зависит общественное положение, действительность брака, наследственное и иные права данного лица». И это, оказывается, еще минимум сто лет назад учитывали законодатели во всех европейских странах. Установление пола, его изменение – все эти коллизии отражались в законе. Везде – кроме России. «Русское законодательство, – цитирую энциклопедию, – совершенно умалчивает о данном предмете».

Эта позиция остается неизменной. Перемена пола – акт, имеющий колоссальное правовое значение. Но никакими юридическими нормами связанные с ним процедуры не регулируются.

Когда вся система медицинских учреждений была государственной и управлялась командами из Москвы, можно еще было рассчитывать на какой-то порядок. А теперь человек без труда найдет частную лечебницу, где за деньги с ним сделают все, о чем он попросит.

Ни в одном перечне групп, нуждающихся в особом внимании и защите, эта категория граждан не упоминается. Самый простой пример: многие из них, по жизненным показаниям, должны до конца своих дней получать гормональные препараты. Точно так же, как больные диабетом – инсулин. Но поскольку их как бы не существует, то и право на льготное обеспечение лекарствами на них не распространяется.

Новая жизнь – это действительно все новое. И документы, и место жительства, зачастую и род занятий. В недавнем прошлом тоже никому не было помочь пациенту, кроме врача, но по крайней мере мы знали, как действовать. Искали «своих людей», заручались покровительством. Теперь же обходные пути мало что дают, а прямых – не появилось.

Складывается впечатление, что тему смены пола в массовом сознании монополизировали транссексуалы. Это совершенно другие люди, с иной мотивацией, с иным складом характера. Они ведут себя шумно, напористо, охотно позируют перед телекамерами – самореклама отвечает их внутренним целям. Я вовсе не хочу сказать, что их проблемы не заслуживают внимания. Но это другие проблемы, требующие отдельного подхода.

В конце ноября вступил в силу Федеральный Закон «Об актах гражданского состояния». Процедура перемены имени расписана в нем подробнейшим образом. О перемене пола сказано вскользь: что этот пункт в свидетельстве о рождении может быть изменен и что основание служит «документ установленной формы об изменении пола, выданный медицинской организацией». Что это за документ и кто устанавливает его форму – неясно. Но даже не это вызывает тревогу. Обратившись за консультацией в Министерство юстиции, я понял, как и разработчики закона, и те, кто будет следить за его исполнением, представляют себе такой документ. Для них это не медицинское заключение, с основанием диагноза и рекомендациями, а справка о проведенной хирургической операции.

Готов поручиться, что именно непростое общение работников

загсов с транссексуалами навеяло мысль о внесении в закон этого параграфа, а подумать о людях, несущих на себе проклятие двойного пола, просто забыли. А ведь их состояние прямо противоположно переживаниям транссексуалов. Те уже давно мысленно живут в ином поле, не хватает только общественного признания. А эти еще только начинают психологическую трансформацию, и тут никак нельзя жестко устанавливать последовательность действий. Не раз бывало в моей практике, что Сергей соглашался стать Татьяной под мое честное слово: если женщины из него не получится, мы все отыграем назад. Ну, как бы я мог толкнуть его в объятия к хирургам!

Исправлять ошибки природы мы, наконец-то, научились. К сожалению, сказать то же об ошибках, совершаемых людьми, пока нельзя».

Мертвый хватает живого

Почему Алеша не женился на Марине? И они оба, и все вокруг считали их свадьбу делом решенным. Их любовь выстояла в испытании, равного которому и придумать трудно. Он не встретил другую женщину. И счастливого соперника у него не появилось. Но – он уехал в Москву, она за ним не последовала. И больше, насколько мне известно, они не встречались.

Если сказать всем коротко – их любовь задушило прошлое, то самое прошлое, от которого, Алеша был уверен, он ушел навсегда.

Вот только один маленький штрих. Родители Марины – они, естественно, ни во что не посвящены – ждут в гости жениха своей дочери. Знаменательный день в преддверии свадьбы! Но в последнюю минуту Алеша узнает, что на смотрины приглашена и родственница, которая наверняка помнит Аню, ближайшую подругу Марины, потому что видела их вместе не сосчитать сколько раз. Алеша отказывается ехать. Марина кое-как придумывает, что сказать своей семье. Но и в следующий раз встреча срывается – Алексей уже не может заставить себя переступить этот порог. Самоимидж нового человека, мужчины, который он с нашей помощью в себе выпестовал, дает глубокую трещину. Вновь оживает загнанное, забитое существо, боявшееся собственной тени.

А можно сказать и так: всю свою предшествующую жизнь человек ткал паутину лжи. Это была невинная ложь, воистину ложь во спасение, но обман – всегда обман. И теперь оказалось, что хоть и обстоятельства переменились, и сам он стал другим, ложь продолжает держать его за горло.

Только что мы говорили о поразительной индифферентности общества, о полном отсутствии социальной помощи и поддержки. Но адаптация к другому полу предъявляет и такие счета, которые каждый должен оплатить сам.

Я не погрешил против правды, утверждая, что вхождение в новую роль совершается поразительно быстро – всего за несколько месяцев. Я это видел! Это подтверждали и десятки экспериментов, биологические и психологические тесты, все импульсивные, непридумышленные реакции. О том, как неожиданно проявилась в Тане чисто женская брезгливость к тетке-грешнице, я уже рассказал, а вот и еще пример, примечательный тем, что через этот опыт прошла не одна группа пациентов. Мы просили их прочесть повесть С. Цвейга «Страх», потом, спустя несколько дней, вовлекали в свободную дискуссию

о прочитанном. А после смены пола находили какой-нибудь естественный повод продолжить обсуждение. И всякий раз повторялось одно и то же: взгляды на женскую гордость, супружескую верность, чувство ревности претерпевали существенные изменения. Порой – становились буквально противоположными.

Но и только спустя много лет, анализируя отдаленные результаты, я понял, что этот быстрый уверенный успех был только началом пути. Помните, как золотоискатели в рассказах Джека Лондона столбили новую территорию? Четыре взмаха молотком, колышки на месте – и вступление во владение состоялось, человек становится законным хозяином территории. А вот освоить ее, приспособить, изучить до последнего уголка – это дело долгое.

Послушайте, что писал мне Женя, будучи студентом – его настроение характерно для серединного этапа адаптации.

«Вы спрашиваете, А. И., что у меня нового, изменился ли вообще тон моих мыслей? Думаю, что и сейчас грусть будет преобладать.

Нет, конечно, это не отчаяние, оно пережито, осталось позади. Но жизнь идет. Мне уже не 21 год, как тогда, когда я делал выбор. Через неделю стукнет 26. Одноклассники давно все переженились, у всех дети, у некоторых не по одному. Однокурсники младше меня – и то один за другим заводят семью. Думаю ли я о женитьбе? Об этом мне постоянно напоминают. Но я боюсь. Меня страшит перспектива неудачи, краха. Я не хочу, чтобы девушка, которая пойдет за меня, была несчастлива со мной. И как я могу объяснить ей, что собой представляю? Как она отнесется к этому? Подобные мысли постоянно преследуют меня. Я не хочу, чтобы она стеснялась своего супруга. Ну, а главное – это невозможность иметь детей. Никому не важно, что там у меня случилось в жизни, раз я не могу сделать женщину матерью, значит, не вписываюсь в общепринятые понятия, в представления о нормальном человеке. Острое чувство неполноценности действует на меня очень удручающе.

Я по-прежнему нерешителен. Где надо бы заговорить – промолчу, а если и попытаюсь что-то сказать, то мне кажется, что получается как-то неуклюже, натянуто, неестественно. Мои манеры поведения настораживают, особенно девушек.

По-прежнему придерживаюсь своей дурацкой природы: не выпивать ни грамма, не курить, матом не ругаться. Это тоже иногда истолковывается не в мою пользу, а меня сковывает в действиях. Прошло уже 5 лет, а я все никак не могу перестроиться, преодолеть свою проклятую стеснительность.

Раньше меня угнетала неопределенность. Теперь я определился, но снова встают проблемы.

Вся моя жизнь – это борьба с самими собой, со своими слабостями. И раньше я старался сделать так, чтобы меня не затоптали, старался кое-как выделиться, удержаться на уровне. Теперь я тоже не могу себе позволить расслабиться, чтобы заслужить уважение и в собственных глазах, и в глазах окружающих меня людей. Иначе к комплексу неполноценности, который я уже испытываю, добавятся не менее отрицательные чувства. Вот я гоняю себя в грязь в холод на кроссы – совсем не потому, что я фанат. Глядя на разбитных, не знающих забот ребят, у которых есть все для счастливой жизни, я не могу оказаться слабее их. И хоть этим могу похвастаться – большинству я не уступаю, а многих превосхожу. Но доволен еще далеко не всем. То же самое могу сказать и об учебе.

Так что проблемы не исчезают, А. И. Наоборот, чем дальше я осваиваюсь в этой новой для меня жизни, тем они ярче вырисовываются. Что же касается восприятия меня в новой роли со стороны знакомых, односельчан, родных, то здесь сдвиги в лучшую сторону несомненны».

А вот передо мной дневники, которые вел Алеша. Правда «стаж» тут у него не пятилетний, поменьше. Но ведь Алеша совсем другой человек по натуре – гораздо более раскованный, коммуникабельный, да и к перемене пола он шел другим путем. А душевное состояние совпадает с Жениным до мелочей.

Первый отрывок относится к моменту, когда Алексей переселился в другое общежитие.

«В коридоре ко мне подбежал парень, попросил закурить. Я с готовностью полез в карман (в свое время долго репетировал этот жест наедине с собой) и протянул ему полную пачку „Интера“. Пока он вытаскивал сигарету, подошел другой, потом еще и еще, и когда уже из толпы первый вернул мне мою пачку, там оставалась всего одна сигарета. „Ну, извини!“ – пискнул он дурашливым голосом, и все засмеялись. Я попытался сделать равнодушное лицо, сказал: „Ничего“ и ушел к себе. Сел на койку и задумался. „Почему они так сделали? Неужели уже почувствовали (или знали)? Или я так выгляжу глупо, что надо мной можно издеваться?“ В комнате пахло необжитым помещением. Этот запах еще не выветрился, и каждый раз, когда я вхожу с улицы, я его ощущаю, и где-то глубоко внутри меня тоненькой иголочкой колет тот же страх. Хотя очень быстро я понял, что с сигаретами всегда так: если во время не отберешь, расхватают – и у своего, и у чужого…

Постоянное ощущение – желание уйти от общества. Или

войти в него неодушевленным предметом. Чтобы все ходили, видели меня, но не придавали мне никакого значения. Как столу или стулу. Стоит и пусть стоит. Я боюсь утверждать свое право на собственную личность и иду по линии наименьшего сопротивления: каких слов, поступков, реакций от меня ожидают, такие я и выдаю. Боюсь, что если я вызову к себе внимание, интерес, обнаружится вся моя беспомощность. Не лезу на рожон, со всем соглашаюсь, даже если в душе не согласен…

Когда я вспоминаю свою прежнюю жизнь, то словно наталкиваюсь на какую-то стену. Нет, я ничего не забыл, но чтобы вернуться мысленно назад, надо приложить немалое усилие. Будто это происходило не со мной. И ни сожалений, ни радости, ни грусти, ни боли утраты. Даже самые яркие события в мой жизни (любовь, спортивные победы, унижения, страхи) не имеют никакой эмоциональной окраски. Просто факты и все…

Некоторое время я пробыл в полной изоляции. Это оказалось очень тяжело. В общежитии утвердилось мнение, что я слишком высоко ставлю себя и презираю всех остальных.

Но вот в выходной я зашел в соседнюю комнату – искал, с кем поиграть в шахматы. Там было несколько человек. Они «скидывались». Одни предлагали по рублю, другие говорили – надо больше, чтобы потом не бегать в магазин. От меня просто отмахнулись: «Ну тебя, ты все равно не пьешь». Я возразил: «Почему это я не пью?» – и выложил три рубля. Как все оживились! Удивленно и радостно кинулись меня поздравлять: «Наконец-то ты стал человеком!»

После этой пьянки, а также последующих отношение ко мне изменилось. Появилась душевная теплота. В принципе у нас пьют каждый день, только в разных комнатах. Ну, а в выходные пьют везде. Я много раз замечал, что после определенной дозы все становятся откровеннее, разговорчивее и вроде бы умнее (видимо, просто глупею я). Всегда находится о чем поговорить и с кем. Исчезает все недоверие и настороженность по отношению ко мне. Пока я не присоединился к общим попойкам, я, оказывается, очень мало знал своих товарищей…

Вывел для себя теорию: каждому мужчине надо пройти этап «пьяного коллектива». Выпив, многие становятся совсем другими…

Меня признали тамадой! Я предлагаю темы для разговоров, ко мне обращаются, чтобы рассудить спор. Я разнимаю драки (вполне успешно!) Получается, что я стал лидеров. Сам я пьянок никогда не организую, но веду – всегда я. Даже могу на кого-то прикрикнуть. У нас тут есть главари – мощные ребята, которым слова поперек сказать нельзя. Это элита, диктаторы, если

сравнивать наше общежитие с маленьким государством. А я, так сказать, занимаюсь вопросами юстиции и идеологии. Часто играю роль «буфера» между участниками пьянки и воспитателями: как выражаются товарищи, я умею заговаривать зубы начальству. Ценное качество в их глазах. Два раза приходилось отнимать у ребят нож.

У нас, пьющих, много маленьких радостей. Садимся за стол торжественно, степенно. Вот я, вот мои друзья, вот у нас общее дело, все мы равны, мы – мужики и т. п. На другой день – общие разговоры. Кто на каком этапе вырубился, кто что запомнил, смакуют смешные ситуации, нелепое поведение некоторых. И эти тоже смеются, даже довольны, что это были именно они. И все это становится суррогатом духовной жизни, «культурной точкой», от которой можно оттолкнуться, чтобы придать смысл своему существованию. В пьянке все становятся равными, независимо от общественного положения и умственного развития.

В пьяном состоянии можно высказать свои обиды, недовольства, подозрения и т. п. Тебя поймут, успокоят, разделят твои чувства. Это дает разрядку постоянно накапливающимся комплексам, хотя все пьющие сознают – не решает их.

Наблюдал случаи срыва у нескольких ребят. Все они стоят довольно низко на здешней иерархической лестнице. Напившись, кидались сводить счеты с обидчиками, стоящими выше. Обиды наносились в трезвом виде, а реакция наступала во время пьянки. В обычное же время эти ребята были тихими, никогда не настаивали на своем мнении и вообще его не высказывали.

За пьяным «гудежом» я открыл целый мир отношений, который, переплетаясь с обычным, реальным миром, дает более полное представление об обществе, для меня, в данном случае, о том, что такое мужчина. (Приписка на полях, сделанная несколько лет спустя: «Очень страдаю оттого, что ни у моей жены, ни у тещи нет этого представления – о внутреннем мире мужчины, о его привычках, о его мужском „Я“, о том, что мужчина – это совсем другое существо. У них в доме „бабье царство“ уже 20 лет»).

А при этом все разговоры за столом – однотипные и скучные. Информации – ноль. Обсуждают футбольные и хоккейные матчи, вспоминают, кто когда сколько выпил, как попал в милицию, как добирался домой, дрался или не дрался. Ругают начальство. Вообще все время присутствуют «они» (начальство и вообще стоящие выше на социальной лестнице). Иногда говорят о женщинах – как правило, плохо, если она не подруга одного из присутствующих…

Качусь вниз, деградирую. Сократился запас слов. Думать

лень. Ничего не читаю. Выгляжу плохо, неряшливо в смысле одежды, но привести себя в порядок тоже лень. То же и в моральном плане: тут наврал, там обещал что-то сделать и не выполнил, «отвертелся». Могу нагрубить, обидеть. Иногда наступают минуты просветления (вот как сейчас), а потом снова плыву по течению. Так легче жить. Снимается личная ответственность, хотя где-то глубоко я понимаю, что обманываю. себя…

Давно приглядывался к одной девушке. Зовут ее Люба. Она далеко не глупа (для меня это много значит). Заметив мое внимание, она тоже сделала несколько шагов навстречу. В конце концов у нас завязались прочные отношения. Она требовала, чтобы я был опрятнее (почаще гладил брюки), меньше пил, меньше общался с друзьями. Со всем этим я был согласен, даже рад. Но в минуты близости, когда от меня требовались решительные действия, я стушевывался, терялся и выглядел тюфяком. Я не верил, что она, узнав обо мне все, правильно отреагирует. Этот страх я так и не смог подавить в себе. А она объясняла мое «странное поведение» холодностью по отношению к ней, отказывалась верить в мои чувства. Наши отношения прекратились. Любил ли я ее? Тогда мне казалось – любил, и разрыв стал для меня очень болезненной травмой. Я остро переживал свое поражение.

Но я давно за собой заметил: долго находиться в таком состоянии я не могу. Мне необходим реванш. Не только кому-то что-то доказать, а себе, даже в первую очередь себе. Как угодно и чем угодно! Я пользовался первой же ситуацией, которая подворачивалась. И это, как правило, был шаг назад. Так случилось и тут. Не прошло и месяца, как ко мне в комнату уже приходила другая девушка, которая нравилась мне только внешне и потому быстро наскучила. Мысленно я опять возвращался к Любе. Я сделал вывод, что красивые, умные, нравственно высокие женщины – не мой удел. Это меня окончательно раздавило. Я постарался привыкнуть к той симпатичной пустышке, которая была рядом со мной, говорил себе, что надо смириться и не витать в облаках. Это тянулось около года…

В отпуск снова съездил в родной город. Исходил его вдоль и поперек. Во время этих прогулок (ранним утром или поздним вечером, когда прохожих на улице мало) испытывал странные чувства. Словно я хитрый и ловкий обманщик, который ходит среди обманутых им людей, а они совершенно об этом не догадываются. Мне было весело. Казалось, что я играю в какую-то игру. Была какая-то ирреальность в том, что город остался таким же, а я совсем другой человек.

Очень хотелось увидеться с друзьями, даже просто со знакомыми. Но это было желание того человека, каким я был раньше – женщины. Я же теперешний, когда представлял себе эту встречу, каждый раз вздрагивал в приливе настоящего страха, так что увиделся только с теми, кто знал обо мне все: с тренером и с Катей, давней моей подружкой. Прежней непринужденности в отношениях так и не возникло. Разговор шел тяжеловато. Вопрос – ответ, вопрос – ответ, потом длинная пауза. Это было не то состояние, когда хочется поскорее разойтись, просто мы не знали, о чем говорить. Неловкость исходила скорее от них, чем от меня. В их глазах это был я – и в то же время совсем не я. А во мне, даже когда мы молча сидели рядом, оживали какие-то глубинные платы памяти – настолько далеки, что словно бы уже не мои. Тренер в разговоре со мной временами переходил на женский род, отчего страшно конфузился. Да у меня у самого пару раз вырвалось «я думала» или «я хотела». Я заметил, что в рассказах приукрашаю свою теперешнюю жизнь. Мне не хотелось, чтобы он знал, как низко я опустился…

Наконец я решился на операцию – коррекцию полового члена. Почему я так тянул с нею? Наверное все-таки потому, что именно она делала перемену необратимой.

Бог знает, какие надежды я с ней связывал. На самом же деле операция почти ничего мне не дала, кроме мелких, незначительных деталей. Это был страшный удар. Я опять был полностью уничтожен. Ничего не ощущал, кроме дикого отвращения к себе. Я ненавидел себя. Острота шока постепенно утихла. Но чувство, что я окончательно потерял все, осталось.

Постепенно душевное равновесие восстановилось. Я понял, из чего мне надо исходить: ничего нового не появилось, все осталось на своих местах, как было до операции. Искать контактов с женщинами мне не стоит. Данных нет. Я – ничтожество и должен окончательно это уяснить. Надо просто жить. Сравнивая себя с калекой, с горбуном, с больным, до конца дней прикованным к постели, я видел, что нахожусь в более выгодном положении. Правда, заставить себя радоваться этому я не мог, но душу такие мысли как-то облегчали…

В общежитие я вернулся, полностью утратив всякий оптимизм. Решил: буду жить спокойно, как все вокруг. Встретили меня радушно, я опять занял то место в «табели о рангах», которое занимал прежде. Опять понеслось серое мелькание: работа, телевизор, пьянки по выходным. Совсем перестал следить за собой. На другой день после пьянки меня буквально коробило от презрения к себе. А потом я уставал быть один и снова соглашался выпить с ребятами, чтобы почувствовать теплоту

равенства.

И вдруг – я даже не понял, что же произошло – мне все это надоело. Отделился от всех. Бросил пить. Все вокруг стало как-то яснее. Понял: все время что я здесь прожил, – это все впустую. Ничего нового в перспективе не появилось, но стал собраннее, сдержаннее во всем. «Просто так» уже ничего не делал. Общему состоянию не поддавался. Полностью сменил гардероб: давно надо было это сделать.

Мне нравилось одиночество. Я стал много читать. Точнее – перечитывать свои любимые книги. Но теперь казалось, что я читаю их впервые – так много открывалось в них нового для меня. Я-то думал с помощью этих книг – Фейхтвангера, Достоевского, Стендаля – возродить то, давнее состояние души. Но оказалось, что теперь жизнь (а следовательно и слово писателя) я воспринимаю по-другому. Более явно и более трезво. Что-то очень дорогое мне было утрачено. Но и много ценного приобретено.

Никаких действий, чтобы как-то изменить свое положение, я не предпринимал. Но чувствовал, что я «в форме» и готов ко всему…

Знакомая девушка праздновала новоселье. Я был приглашен на торжество. Там познакомился с подругой хозяйки.

Вышли мы из гостей вместе. Я проводил ее домой. Самым легким тоном, на какой был способен, предложил встретиться. Тон такой я выбрал потому, что эта девушка, Галя, была явно не из того круга, что все остальные приглашенные, включая меня, она была на две головы выше, а потому вполне могла не воспринять меня всерьез. Но она согласилась, и несколько вечеров мы провели вместе.

Галя мне нравилась все больше и больше. Я чувствовал, что она очень умна – не привык я встречать это качество в женщинах, тем более – таких интересных внешне. В любой ситуации вела себя с большим достоинством.

О своем недостатке я и думать забыл. Почему-то был уверен, что все будет отлично. Видимо, нравственные перемены, совершившиеся со мной, как-то отразились и на моем представлении о себе…

Я предложил Гале выйти за меня замуж. Она согласилась.

После свадьбы все пошло так, как и должно быть. Ни у жены, ни у меня нет никаких причин для недовольства, включая и интимные отношения. Все хорошо. Женитьба окончательно, во всех смыслах укрепила меня в жизни. Я полностью стал тем, кем теперь считаюсь. Почему же меня не покидает ощущение, что мне всего мало, что это не то, что мне нужно? Хотя что именно хотел бы я изменить – свое положение, или занятия, или образ жизни –

сказать затрудняюсь.

Видимо, мне предстоит еще многое понять и со многим смириться…»

Читатель, я уверен, согласиться со мной: оба моих пациента, чей поистине крестный путь прошел перед нашими глазами, – люди незаурядные, рожденные, что называется, для высокой доли. Есть разные виды интеллигентности. Можно получить ее по наследству, впитать с молоком матери, с детства видеть перед собой ее эталоны – это не умаляет ее достоинств, но идти проторенной дорогой всегда бывает легче. А эти, оба, все, что имеют – с боем вырвали у жизни, лепившей их с младенчества по совершенно другим образцам. Одичавшие от пьянства отцы, добрые, заботливые, но не получившие даже элементарного образования матери – мы хорошо знаем, что обычно дает в потомстве такая комбинация, да еще на фоне примерно такой же по культурному уровню и состоянию нравственности среды. Эти же двое, и Алеша, и Женя, сумели вырваться, переломить социальную предопределенность. Собственными силами, без всякого руководства, они создали свой духовный мир. Возможно не все сочтут это таким уж важным свидетельством, но для меня это первостепенный критерий: оба абсолютно грамотны. Перечитав сотни исписанных ими в разное время страниц, я не заметил ни одной ошибки. Не думаю, что деревенские и станичные школы, где они учились, могут похвастаться большим числом таких выпускников!

А их душевный такт, их покоряющая деликатность? После всего, что было ими пережито, как удалось не очерстветь, не озлобиться, не возненавидеть весь людской род? Впрочем, последнее – не знаю уж, чем это объяснить, – вообще является отличительной чертой всех гермафродитов, с которыми мне случалось работать. Даже в Юре, в ответ на неописуемую жестокость его преследователей, не выработалось никаких мстительных чувств.

В том состоянии, в каком оба были в момент нашего знакомства (Женя в особенности), – что могли предъявить они, кроме своего отчаяния и растерянности? Но все равно ощущение необычности, нестандартности возникло у меня с первых же произнесенных ими слов. Ум, интеллект, сила души даже в остро критические минуты проявляют себя по-особому.

Помимо всего остального, что делало нас и Ириной Вячеславовной Голубевой друзьями и единомышленниками, между нами царило полное согласие в понимании общей цели. Эта цель выражалась для нас емкой формулой: полноценная жизнь. Голубева достигла немыслимого совершенства в

реконструкции и пластике гениталий. В те годы секс представлялся синонимом порока, отталкивающей приметой буржуазного разложения, но Ирина Вячеславовна слишком хорошо понимала, что без самоутверждения в сексуальной сфере речь может идти всего лишь о внешней имитации половой роли и не более того. Поэтому она – виртуозный, милостью божьей хирург – не успокаивалась, пока не находила способа переупрямить косную природу, заставить живые ткани выполнять не свойственные функции. Я, со своей стороны, занимался тем же самым, обращаясь к хрупкому, неосязаемому миру личности, – моим главным ориентиром была ее способность существовать в согласии с собой и с другими людьми и, как следствие, беспрепятственно входить в любую социальную структуру. «Полноценная жизнь» означала установку, общую для всех наших пациентов.

Но внутреннее наполнение этой формулы всегда оказывалось разным. Спокойно, с удовлетворением трудиться, обеспечивать себя и близких, вместе с ними развлекаться и отдыхать, хотя и не хватать при этом звезд с неба – чем не полноценная жизнь?

Когда же я думал об Алеше, о Жене, в воображении рождались другие картины. Применительно к ним полноценная жизнь непременно включала в себя простор для раскрытия таланта, для творческого полета. Им обоим, бесспорно, это было дано. Не обязательно в виде карьеры (хотя почему бы и нет, я, например, легко представлял себе Женю крупным ученым, родоначальником оригинальных направлений в своей агробиологии), но какие-то формы реализации этого потенциала были им обоим жизненно необходимы. И оба (тут уж в особенности Алеша) это чувствовали.

Прошло много лет, прежде чем я осознал, что сбыться моим радужным надеждам не суждено. Понять это и в самом деле до поры до времени было трудно. Как ни тернист оказался путь адаптации, динамика на протяжении всего срока оставалась положительной. Разве мало было у меня поводов радоваться за этих своих неродных сыновей?

На одном из первых этапах казалось, что их вот-вот перемелют мощные жернова унификации. Потом (и во многом именно на их примере) я понял, что это неизбежная фаза в процессе вживания в противоположный пол. Личность лепит себя заново по образу и подобию окружающих, усваивая в первую очередь массовые стандарты и шаблоны, и в каждом проявлении собственной индивидуальности ей видится грозный криминал – как отнесутся к этой нетипичности окружающие, не догадываются ли по ней, что перед ними вчерашняя женщина, не устроят ли из

этого местную сенсацию? Алеша, чтобы не выделяться, чуть не утонул в гибельной пучине бытового пьянства. Женя едва не сломался вторично на почве сексуальных проблем – как таковых, в то время их у него еще не было, голос сердца молчал, как и голос плоти, но все вокруг женились, влюблялись, и невозможность в точности уподобиться этим «всем» буквально сводила его с ума. Жажда быть «как все», – мощнейший двигатель процессов социализации, не случайно эволюция его выработала и отшлифовала, но не случайно и то, что включение этого механизма приурочено к периоду раннего детства. Когда же сроки сдвигаются и тяга к униформизму завладевает сложившейся, созревшей личностью, возникает разрушительный, деструктивный эффект.

Едва ли не всех пациентов рано или поздно постигало тяжелейшее состояние – с невротическими срывами, с глубокой депрессией, – которое я назвал кризисом половой роли. Один из таких черных периодов очень точно описал Алеша. У него кризис был спровоцирован разочарованием после хирургической коррекции гениталий, но в моих записях упоминаются и другие причины. Эти обвалы настроения были как бы расплатой за эйфорию первых дней в новом поле, за иллюзии, за непомерно большие ожидания, и вызвать их могла любая серьезная неудача, не обязательно даже связанная с переходом в другой пол. «Если не все у меня складывается, как мечталось, если все равно случаются такие большие неприятности, то зачем нужно было себя ломать? Ради чего вообще напрягаться? Что от этого изменится?» – да, такие вот капитулянтские мысли завладевали сознанием моих ребят, чьим умом и стойкостью я всегда так гордился. Это очень опасные мысли, поскольку ровно в шаге от них – конечный вывод о бессмысленности пребывания на земле…

Но каждый кризис неизменно разрешался приливом энергии, выходом на более высокий уровень внутренней прочности, веры в себя. Алеша забросил свои записи – уже не было нужды постоянно держать руку на собственном пульсе, это превратилось в «самокопание», мешавшее его нормальным, его мужским делам.

По той же причине реже стали приходить письма от Жени – он предпочитал приехать на несколько дней в гости, привезти целые снопы саженцев, какие-нибудь редкостные сорта смородины или малины и долго священнодействовать у меня на даче, приводя в божеский вид наш вечно запущенный участок. Я заметил, что потребность исповедоваться пошла у него на убыль, а вскоре он рассказал, что женится. Мы остались друзьями, но нужда в «костылях» для поддержки метущейся души отпала. Последний раз я выступил в роли врача, когда мы обсуждали

вопрос: посвящать ли невесту в диковинные подробности биографии? Не столько по моему совету, сколько побоявшись сделаться заложником еще одной страшной тайны, Женя решил показать пример полной открытости – и не прогадал.

Итак: оба женились, успешно работают, считаются в своем окружении «классными мужиками». Даже горькая проблема бесплодия перестала травить душу – оба очень удачно выступают в роли названых отцов. Но вместо законного, казалось бы, ликования меня стало охватывать какое-то невеселое чувство. Я понял, что дальше они не пойдут – ни тот, ни другой. Не тот уже возраст, не та энергетика. Инерция повседневности берет свое.

Мы достигли поставленной цели. Но только доставшуюся Жене и Алеше жизнь трудно назвать полноценной. Невольно приходит не память горький чеховский образ – чудесная скрипка, но только лежит она в запертом футляре, ключ от которого потерян.

И сразу же, по какому-то странному эмоциональному созвучию, вспоминается трагически оборвавшаяся жизнь Ирины Вячеславовны Голубевой. Официально была выдвинута версия несчастного случая, но как-то трудно поверить, что немолодая, уравновешенная, дисциплинированная женщина могла случайно попасть под электричку. Уже тогда стали тихонько поговаривать – не самоубийство ли это. Обычно такие предположения возникают, когда перед гибелью человек меняется, выглядит угнетенным, подавленным, утрачивает привычную бодрость. А это точно так и было. Голубева необычайно близко к сердцу принимала судьбу каждого своего пациента. Но чем больше их становилось, тем тяжелее ложился на душу прискорбный итог: какие бы чудеса ни совершала она в своем кабинете и в операционной, все равно не получается сделать их счастливыми людьми, какими она хотела она их видеть. Редко удавалось ей найти настоящих союзников. Ее страсть казалась раздражающим чудачеством: «вечно она морочит голову со своими гермафродитами!»

По новизне разработанных методов, по радикальности оказываемой помощи, по актуальности самого избранного направления она была ничуть не слабее тогдашних медицинских кумиров – Святослава Федорова, например, или знаменитого курганца Елизарова. Но те имена были у всех на слуху, а кто знал, кто такая Ирина Голубева, за что должно благодарить ее страждущее человечество? И дело ведь совсем не в наградах, не в почете, даже не в материальном преуспеянии, по большому счету. Известность оборачивалась возможностью открыть клинику, оснастить ее мощным оборудованием, растить многочисленных учеников, расширять перспективные исследования. А Ирину

Вячеславовну, с ее считанными коечками, вечно терзала одна и та же дилемма: выписать пациента – но ему некуда идти, документы не готовы, устройство затягивается. А если оставить его на койке, то как быть с другим, которого надо было срочно госпитализировать еще позавчера?..

Вот почему мне так трудно отождествить себя с тем «немолодым подвижным профессором с неизменной трубкой во рту», которого описывает Женя и который так жизнерадостно, оптимистично улыбается в кадрах старого любительского фильма. Нет, я и теперь без ложной скромности могу сказать, что мы тогда одержали большую победу, научились вытаскивать людей из тяжелейшей беды, к которой раньше вообще неизвестно было, с какого конца подходить. Но все мне видится теперь в ином свете – и непомерно высокая цена, которую приходится платить за ее преодоление, и заведомая ограниченность результата и, наконец, сама эта беда, которой вполне могло бы не быть.

Тайна пола

Всю свою жизнь мы заполняем различные анкеты, состоящие из множества разных вопросов. В сумме они дают исчерпывающее представление о том, кто есть кто.

О многих вопросах сразу можно сказать, что они отражают наш статус только на момент заполнения анкеты, не охватывая ни прошлого, ни будущего. Например, домашний адрес, место работы, образование, социальное положение. На протяжении жизни все это может не один раз поменяться. Когда-то во всех «объективках» одно из ведущих мест занимал вопрос о партийности. Это был важнейший аспект характеристики человека, определявший его положение в обществе. Но он на наших глазах утратил свою актуальность. У нас появилось много разных партий, к тому же лишь небольшое число наших сограждан испытывает потребность в формальном членстве.

Из года в год я пишу в анкетах одни и те же цифры, обозначающие дату моего рождения. Но реальный возраст, как ни печально это сознавать, на месте не стоит, числа мелькают, как на счетчике быстро бегущей машины…

Вот, казалось бы, самый стабильный, неотъемлемый признак каждого из нас – имя. Я много занимался проблемой личных имен, составляющих, как не раз убеждался, своеобразную часть нашего внутреннего мира, сопряженную с самыми глубокими структурами личности. Мое имя – это во многом я сам! Но имя тоже может меняться.

Наименее устойчивая часть имени – фамилия. Женщины, выходя замуж, принимают чаще всего фамилию мужа. По самым разным причинам люди выбирают себе псевдонимы – иногда они используются параллельно с настоящими фамилиями, а иногда вытесняют их.

В русской традиции принято трехчленное имя. Знакомясь, я сообщаю, как зовут меня, к какому роду я принадлежу, а также – как звали моего отца. Отчество, на первый взгляд, меньше подвержено игре обстоятельств, чем фамилия. Но в наше время, когда браки стали непрочными и во многих случаях приемные отцы усыновляют детей, родившихся в предыдущей семье, смена отчества никем не воспринимается как событие невероятное.

Ну, в право на то. чтобы выбрать себе другое имя, предусмотрено законом. Мало ли по каким причинам человек может возражать против того, как нарекли его при рождении! Имя кажется неблагозвучным, архаичным, будит неприятные ассоциации, вызывает смех… В моем поколении множество

женщин звались Сталинами, Октябринами, Ленинами, но далеко не все согласились нести на себе до старости эту печать революционного энтузиазма родителей.

Короче, все, что мы сообщаем о себе, заполняя анкеты, в большей или меньшей степени непостоянно, переменчиво, поставлено в зависимость от прихотливых узоров судьбы. И только одно пребывает с человеком вечно, по крайней мере до тех пор, пока не истлеет земная память о нем. Это – пол.

Впервые я всерьез задумался об этом, стокнувшись с необходимостью подолгу, случалось – годами убеждать пациентов сменить пол. В чем секрет их отчаянного, совершенно бессмысленного упорства? Ситуация предельно ясна и нам, и им. Никто не говорил, что не верит врачам, что сомневается в диагнозе. Добро бы еще жизнь в ложном, установленном по ошибке поле их чем-то устраивала, так что жалко было с ней расставаться. Наоборот – один только скрежет зубовный вызывало их мучительное, поистине нечеловеческое прошлое! Притом, для многих оно фактически уже кончилось: те приспособления, которые эти люди для себя находили, чтобы удержаться на плаву, переставали работать.

Может быть, причина в характерах – каких-то особенно слабых, нерешительных, боязливых? Ни в коем случае! Все, о чем вы прочли, говорит об огромной силе духа, воле к жизни, выносливости, о несгибаемом мужестве, испытанном и закаленном в обстоятельствах, гораздо более тяжких, чем могли ожидать их впереди. К тому же раньше каждый был одинок, ни в ком не находил поддержки и участия, а теперь не мог не сознавать, что нашел в нашем лице не только специалистов-лекарей, но и добрых друзей, которые не оставят без помощи, всегда будут рядом.

Ни одного рационального аргумента, оправдывающего отказ от смены пола, я за все годы не слышал ни разу – да его и нельзя найти, когда ситуация не оставляет места для выбора. Но и в бессмысленном упрямстве нельзя было упрекнуть ни Женю, ни других моих пациентов. Им и в самом деле никак не удавалось перешагнуть через какой-то внутренний барьер, начать думать о себе как о лице другого пола. «Но ты же погибнешь!» – говорил я им, если вычленить суть из моих доводов. «Что делать, значит, погибну!» – звучало в ответ. Получалось так, что если они согласятся сменить пол, сама жизнь станет им не нужна!

И постепенно я начал понимать, что передо мной приоткрывается одна из величайших тайн человеческой души – тайна пола.

Даже просто рассмотреть эту крепко закрытую дверь – и то

было неожиданно. Правда, слова эти – «тайна пола» – попадались мне часто, особенно в старых книгах, но подразумевались под ними явления не столько непонятные, необъяснимые, сколько неудобные для открытого обсуждения. Проще сказать, речь шла о сексе, о сексуальном поведении, мужском и женском, которое так часто противоречит и здравому смыслу, и жестким установлениям морали. Но стоило людям перестать прятаться от самих себя и заговорить о сексе вслух как об особой, протекающей по своим законам сфере бытия, как вся таинственность сразу улетучилась.

А тут вдруг загадка обозначилась там, где о ее существовании никто из нас и не подозревал. Пока психология была областью познания описательной, она шла по пути фиксации особенностей двух типов личности, мужского и женского. Отмечала, что между ними общего, в чем они несхожи, а в чем впрямь противоположны. Первенствовали здесь литераторы, художники. Науке не много оставалось добавить к их открытиям. Но все сходились на том, что мы такие, поскольку так уж нас создал Всевышний.

Когда психология стала наукой, занялась анализом, она стала докапываться до механизмов, благодаря которым эти особенности возникают, проследила весь сложнейший путь половой самоидентификации. Разные школы, направления опирались на свои концепции, свои методы исследования, порой они ожесточенно спорили, да и продолжают спорить, но общими стараниями в познании достигнут огромный прогресс. Во всяком случае, можно было чувствовать себя во всеоружии, когда приходилось помогать людям преодолевать различные затруднения, связанные с их существованием как лиц мужского или женского пола.

Но пока я не столкнулся с проблемой перехода из одной половины человеческого рода в другую, всей глубины, всеохватности этого самоощущения в определенном поле я все же не понимал. И это открытие меня буквально ошеломило.

Часто говорят, что все психические процессы обладают большой инерционностью Это правда. И все же человек со времен Екклезиаста существует в постоянном, порой мучительном осознании подвижности, изменчивости мира и самого себя как его элементарной частицы.

Всматриваясь в типовые рубрики анкеты, мы оценили эту подвижность применительно к важнейшим параметрам социального статуса. Но то же самое можно сказать и обо всем, что мы включаем в представление о своем «Я». В момент, когда мы произносим: я думаю, я верю, я люблю, я надеюсь, – сила этих

мыслей, этих стремлений и чувств может быть так велика, что мы и в самом деле готовы отождествить себя с ними. Но жизнь идет, и мы порой даже не сразу замечаем, как все голоса в этом привычном хоре начинают звучать по-другому. Меркнет очарование идей, изживают себя желания и самые пламенные чувства. Уходят дорогие нам люди, на отношениях с которыми, как порой представляется, держится все – и важнейшие жизненные стимулы, и ощущение собственной ценности, и вкус каждого прожитого дня. Непереносимо ощущение полной душевной опустошенности, сопровождающее такие утраты. Но и в бездне отчаяния, когда кажется, что все потеряно, продолжает внятно звучать голос нашего «Я».

Как-то раз я долго беседовал с монахом, в прошлом – злостным преступником-рецидивистом. По его словам, он пережил глубочайший душевный переворот, когда во время очередной «ходки» вдруг услышал, что Бог обращается к нему напрямую. Но и себя в прошлом, и себя в настоящем он твердо ощущал как одного и того же человека.

Еще одна вспоминается необычная встреча – с двумя подростками, узнавшими в один прекрасный день, что с рождения каждый из них выступал в роли другого. Бесспорным в этой истории было только то, что мальчики действительно родились в одном месте, в один и тот же день, кроватки их в детской палате роддома стояли рядом. Правда ли, что детей при этом перепутали и каждая мать, выписавшись, увезла домой чужого сына, – этого, по прошествии многих лет, не удалось ни подтвердить, ни убедительно опровергнуть. Но это и несущественно, важно то, что оба, став уже почти взрослыми, безоговорочно поверили в эту подмену. Семьи повели себя по-разному. Одна ни за что не хотела производить обмен, расставаться с сыном: пусть он не родной, но мы его вырастили, мы его любим, он наш! Другая, наоборот, требовала немедленно исправить ошибку. Мальчики не могли принять участия в обсуждении – настолько они были растеряны, подавлены, выбиты из колеи. Но я заметил: их переживания, тяжесть которых не трудно вообразить, все же не мешали каждому из них чувствовать себя самим собой. Даже тот мальчик, которого отвергала вырастившая его семья и которому поэтому было несравненно больнее, воспринимал происходящее как страшное несчастье, разрушившее всю его привычную жизнь, но не как нечто такое, что ставит под вопрос реальность его личности.

А вот еще пример, более заурядный и более массовый. Сейчас постоянно сталкиваюсь с людьми, которые с некоторым даже изумлением рассказывают, как были всецело преданы

коммунистической идее, как боготворили Сталина, как считали нормальным и оправданным то, что теперь возмущает их до глубины души. «Как будто все это было не со мной!» – восклицают они, хотя в то же время прекрасно понимают, что это не более чем выразительный оборот речи, а на самом деле и то, и другое душевное состояние, при всей их несовместимости, полностью вмещается в границы их личности.

Что же касается ощущения своего пола, то оно и здесь стоит особняком. Мы видим – человек защищает эту свою твердыню, как если бы под угрозой оказалось существование его личности в целом. Став мужчиной (или женщиной, роли не играет), я стану кем-то другим – не собой. Мое «Я» исчезнет, я уже не найду к нему дороги оттуда, куда попаду. Так расшифровывается переполняющий наших пациентов бессловесный, иррациональный страх – сродни страху смерти. Именно он, как я в конце концов убедился, вызывает у них сопротивление, заставляет безрассудно отказываться от единственно правильного и разумного решения проблемы.

И тогда я постепенно начал понимать, что пол – не просто мета, за которой стоит тот или иной набор характерных психологических признаков. Я воочию увидел эту крепко запертую дверь, к которой у меня не было ключей, но если бы они нашлись – мы получили бы доступ к таким человеческим глубинам, куда еще, пожалуй, никто не заглядывал. Пол несет в себе тайну – величайшую, пока еще даже в виде вопроса не сформулированную тайну человеческой природы.

А жизнь между тем снова и снова возвращала меня к этой наглухо закрытой двери…

Камень Сизифа

Люди старшего возраста должны хорошо помнить времена, когда и сами беременные женщины, и их мужья, и все их окружение нетерпеливо загадывали: кто родится – мальчик или девочка? Иногда этот вопрос звучал тревожно – когда по каким-то причинам необходим был ребенок определенного пола, но чаще – с радостным любопытством. Были, вспоминаю, своего рода профессионалки, умевшие по приметам (форма живота, характер пигментации, изменение черт лица) предсказать появление сына или дочери.

Теперь времена другие. Сын или дочь – проясняется уже к концу первой половины беременности. Теперь другой вопрос задают себе родители ребенка и их близкие: здоровым ли он появится на свет?

К сожалению, для этого страха есть все основания. Случаи внутриутробной патологии последнее время учащаются. Сказываются и экологическое неблагополучие, и психические стрессы, и неумелое применение сильнодействующих лекарств, в особенности – гормональных препаратов.

Тяжелейшие пороки сердца, глухота, недоразвитие конечностей… Да что перечислять, список поистине неисчерпаем. Достаточно один раз поговорить с женщиной, на которую обрушился этот чудовищный удар, чтобы почувствовать – все наши беды меркнут рядом с ее трагедией. Несколько раз мне приходилось присутствовать при душераздирающих сценах – когда сразу было ясно, что разум у ребенка не проснется. Врачи уговаривали потрясенную горем мать оставить ребенка в специальном учреждении: помочь ему невозможно, а ухаживать за ним в домашних условиях – каторга. «Пожалейте себя, ваша жизнь на этом закончится, а ребенку – ему, увы, безразлично, где находиться»…

Некоторые женщины соглашались. Но я видел и таких, у которых инстинкт материнства брал верх над всеми доводами рассудка. «Пусть больной, пусть, как вы говорите, никакой – это мой ребенок, я не могу его предать», – говорили они и забирали ребенка домой, чтобы немедленно убедиться – врачи говорили чистую правду. Работа, общение с приятными людьми, любые удовольствия – все уходило в прошлое. Все пожирал беспросветно тяжелый быт. Бывало, что на первых порах отцы проникались той же болью и готовностью к самопожертвованию. Но их хватало ненадолго, и матерям доставалось нести крест в одиночестве. Непростительный грех – желать смерти живому существу, но тут

эта мысль рождалась самопроизвольно.

Рядом с таким неизбывным горем пороки развития половой системы выглядит всего лишь досадной неприятностью. Во всем остальном дети здоровы, нормально развиваются. Они способны хорошо учиться. В них могут быть заложены любые таланты. А самое главное – для современной медицины гермафродитизм входит в число проблем хоть и сложных, но радикально решаемых. Конечно, это тоже беда, это очень тяжелая травма для людей, связывающих с рождением ребенка все самые светлые и радостные свои надежды. Тут спорить нечего. Но если беда поправима, то уже одно это облегчает ее по меньшей мере наполовину. Даже если процесс лечения связан с большими хлопотами, с крупными затратами сил, а теперь еще и денег.

Но жизнь полностью перечеркивает эту, казалось бы, вполне здравую логику.

Первое, что я заметил, когда только начинал вживаться в проблему смены пола, – это какой-то непонятный информационный вакуум, окружающий таких пациентов. Ни сами они – по возрасту давно уже не дети, ни их близкие не только ничего не знали, а даже словно бы не хотели ничего знать о явлении гермафродитизма. Само слово большинству из них было знакомо, но оно их пугало, они отчаянно отталкивали его от себя. «Все что угодно, но только не это», – вот примерно к чему сводились их бессвязные реплики.

Позже, когда мне пришлось вплотную заняться устройством жизни сменивших пол, – а это, как я уже говорил, требовало бесконечного хождения по самым разным кабинетам, – я убедился, что эта информационная стерильность – скорее правило, чем исключение. Везде меня встречали широко раскрытые, изумленные глаза, будто я рассказывал о чем-то неправдоподобном, никогда не встречающемся. Я оказывался чуть ли не первымпервым, от кого эти вполне культурные люди, живущие по большей части в столице или в крупных областных центрах, занимающие серьезные посты, получали элементарные сведения об этом природном феномене – как он возникает, в чем проявляется, что предпринимают для помощи пациентам врачи… И здесь тоже слово было у всех, что называется, на слуху, но вызывало оно такие нелепые ассоциации, что и повторять неловко.

Редкое явление? Нет, не скажите. Я уже упоминал – аномалии половой системы встречаются в 2-3 процентов новорожденных. Не так много, чтобы потенциальные родители жили, как под дулом пистолета, но для общей ориентировки – вполне достаточно. Куда реже, скажем, рождаются сиамские

близнецы. Скорее всего, ни среди ваших знакомых, ни на вашей улице, ни вообще в пределах вашей видимости таких нет. Тем не менее вы знаете, что это такое, и сведения ваши, готов поручиться, хоть и весьма поверхностны, но по сути своей точны.

Врачи любят ворчать на больных, чья непросвещенность, несознательность и в самом деле сильно осложняют нам жизнь. Не выполняют предписаний, занимаются самолечением, запускают болезни, а мы потом должны всю эту кашу расхлебывать. Что ж, мы и вправду редко видим перед собой идеальных пациентов, как, наверное, и они не каждый день сталкиваются с идеальными врачами. Но главная беда сейчас, на мой взгляд, не в непросвещенности, то есть не в незнании, а в своего рода полузнании. Людям знакомы сотни специальных терминов, названий лекарств и методов лечения, известно, какие анализы при каких болезнях делаются и как расшифровываются. Само по себе это было бы замечательно, если бы не внушало ложной, ничем не оправданной самоуверенности. «Врачи – невежды, ни в чем они не разбираются, можно обойтись и без них». На этом фоне информационный вакуум, создавшийся вокруг проблем двуполости, кажется особенно непонятным.

Как вообще доходят до людей, непричастных к медицине, сведения медицинского характера? Видимо, есть два основных канала: популярная литература, с которой теперь конкурирует телеэкран, и молва. Допустим, надвигается эпидемия гриппа. Средства массовой информации не замедлят вас предупредить и предостеречь. Но еще больше полезных сведений вы получите от своих знакомых. Кто уже заболел, в какой форме, с какими осложнениями, как советуют лечиться… И тут же все услышанное передадите дальше.

Любой врожденный порок – горе для семьи, а горе делает общительными даже самых замкнутых, не расположенных к откровенности людей. К этому толкает не только потребность в моральной поддержке, в сочувствии, но и практическая необходимость. Кто-то пережил подобное – он поделился опытом, у другого есть приятель, знающий хорошего врача, третий в состоянии помочь деньгами… Несчастье, в особенности когда оно случается с детьми, сплачивает людей. Не только родные и закадычные друзья, но и соседи, сослуживцы, просто знакомые образуют что-то вроде пчелиного роя, настроенного на одну общую волну. Все втягиваются в ситуацию, помогают ее разрешить, а попутно и сами получают массу информации, в том числе и чисто медицинской. Что это за патология, почему могла появиться, каковы прогнозы, есть ли возможность помочь и как… Не исключено, что эта информация так и осядет в голове у

получивших ее мертвым грузом и никогда им не понадобится. Но она вполне может и пригодиться впоследствии, не себе, так другим, кто тоже будет нуждаться в поддержке и совете. Так ведь и накапливается, в сущности, наш коллективный опыт.

Полагаю, что по аналогичной схеме развивались бы события, если бы у того же Жени во чреве матери произошла авария с сердцем, или почками, или глазами – с любым органом, кроме того, который оказался пострадавшим в действительности. Пусть бы даже все остальные обстоятельства, сыгравшие роковую роль, оставались такими же: глухая деревня, неопытная, полуграмотная мать рядом с ошалевшим от пьянства отцом, отсутствие постоянного медицинского контроля. И все равно положение ребенка, безвинно наказанного еще до рождения, не было бы таким безнадежным. Люди жалели бы его, сочувствовали родителям, старались поделиться хотя бы своими скромными познаниями. Допустим, родители сами не сообразили бы, что нужна квалифицированная врачебная помощь. Так им бы голову пробили советами и подсказками!

Другой вопрос – какой была бы эта помощь по профессиональному медицинскому уровню. Но и здесь очень много зависело бы от настойчивости взрослых, окружавших Женю, от того, как понимали они свою задачу. Сотрудники Минздрава всегда жаловались, что министерство осаждают родственники больных, требующие для них места в самых лучших столичных клиниках, хотя с заболеваниями, по их характеру и тяжести, вполне смогли бы справиться рядовые доктора в обычных областных больницах. И ведь добиваются своего! Не знаю, обратили ли вы внимание, но эпизод с приездом в Москву и приходом на консультацию к Ирине Вячеславовне Голубевой, которая и вправду была высшим авторитетом в данной области медицины, выглядит самым легким и беспроблемным во всей жениной одиссее.

Не раз приходилось видеть, как собирается своего рода родительский клуб около клиник, где успешно делают операции на сердце, занимаются протезированием или борются с детским церебральным параличом. Помощь, которую оказывают друг другу эти сдружившиеся в общей беде люди, вполне соизмерима с помощью, получаемой от врачей. Представьте себе женщину, у которой девочка родилась без правой ручки. До пяти лет мать ее прятала: боялась, что ребенка будут травмировать косые взгляды, насмешки. Девочка росла не только с физическим изъяном, но и с психикой калеки. Но вот кто-то надоумил привезти ребенка в Москву, к соответствующим специалистам. И здесь мать попала в окружение людей, которые в таком же самом несчастье вели себя

по-другому – их дети активно занимались спортом, общались со сверстниками, развивали, как сказал бы психолог, компенсаторные механизмы, позволяющие видеть жизнь широко, а не сквозь призму своего недостатка. И женщина, о которой я рассказываю, поняла свою страшную ошибку, она сумела ее исправить, потому что теперь не была одна.

Так почему же с моими пациентами все происходит, как говорится, с точностью до наоборот? Дома чаще всего запрещается говорить на тему, хотя она, бесспорно, ощущается всеми в семье, как самая больная. Мать не дает ребенку никаких объяснений по поводу того, почему он отличается от всех других детей, – да ей нечего и сказать, она сама ничего не понимает и не делает никаких попыток, чтобы понять. В лучшем случае – помогает ему прятаться, скрываться. Ребенок обычно не в курсе, обсуждают ли с матерью эту проблему ее подруги, соседки или из деликатности делают вид, что не замечают. Но в любом случае дальше ни к чему не обязывающего, ни к чему не подталкивающего сочувствия дело не идет, это же очевидно. Да и много ли его было, сочувствия? Часто пациенты мне рассказывали: взрослые не стеснялись показать, что им все известно, но делали они это только в обидной форме, когда сердились и хотели таким образом наказать.

История Жени заставляет задуматься о позиции его школьных учителей. Это не просто деревенские жители, которых можно подозревать в невежестве и ограниченности. Это сельская интеллигенция. Женя кончал десятилетку – следовательно, за плечами у всех этих людей институты.

Как, например, объяснить тот факт, что за все время учебы, до 17 лет, Женю не видел ни один врач? Да, он действительно панически боялся медосмотров, которые, пусть поверхностно, формально, «для галочки», но тем не менее регулярно проводились в школе. Мне запомнился один из его рассказов – как он еще в младших классах, заслышав, что едут врачи, молился Богу, в которого не верил: хоть бы машина их перевернулась, хоть бы они попали в занос. Хитрил, изворачивался, прогуливал школу в день осмотра – для такого конспиратора, каким он рос, это никакого труда не составляло. Но требовалось, не правда ли, еще одно обязательное условие: чтобы никто из работников школы не имел специального намерения показать врачам именно этого ребенка, с которым явно не все было в порядке.

Я не верю, что «странности» в облике и повадках Жени, так-таки совершенно ни о чем не говорили взрослым, образованным людям, видевшим его ежедневно, наблюдавшим, как он растет,

как на глазах меняется. Гораздо вероятнее, что у них было определенное мнение о Жене, больше или меньше соответствующее истине, но они, то ли жалея его, то ли себя стараясь избавить от излишних хлопот, позволяли ему вести его изнурительную игру. Все равно, мол, ему никто не поможет, зачем же зря мучать – отлавливать, насильно заталкивать в кабинет? Они и не пытались его переубеждать. Их образованности и интеллигентности хватало только на то, чтобы тактично подыгрывать несчастному существу, не «обзывать», не становиться в позицию гонителей.

Я не верю, что так же эти люди повели бы себя, если бы их ученик плохо видел или слышал, если бы давало о себе знать больное сердце. Хоть один нашелся бы педагог, который попытался бы повлиять на мать или сам призвал бы на помощь врачей.

Вот оно, истинное проклятие третьего пола!

Мы преклоняемся перед волей, перед силой духа людей, которые ценой неимоверных усилий преодолевают свою инвалидность, немощь организма. Женя показал себя таким же, как они. Он не сдался. Но к какой цели он шел? Во имя чего боролся, терпел и страдал? Цель была ложной, и результаты оказались мнимыми. Поистине, был повторен подвиг Сизифа, героя знаменитого античного мифа, – он, как мы помним, был обречен богами вкатывать на гору огромные камни только для того, чтобы потом в бессильном отчаянии наблюдать, как они сразу же скатываются вниз. Но только, в отличие от мифического героя, Женя едва не оказался сам задавлен этими конями…

Когда жизнь начинается с ошибки, за которой неотвратимо тянется цепь других ошибок, выворачивается наизнанку вся логика бытия. Подумать только, на всех этапах своего крестного пути Женя считал лучшими друзьями тех, кто вел себя с ним как с обычной девочкой, не замечая (или притворяясь, что не замечает) его «странностей». Если люди обращали на них внимание, они сразу превращались в недоброжелателей, во врагов. Организаторы последних соревнований, снявшие Женя с дистанции, вообще стали в его глазах чудовищными злодеями. А ведь в действительности-то все было как раз наоборот. «Хорошие» люди все дальше и дальше загоняли его в угол, увековечивали его ошибку. А «злодеи» в конечном итоге оказались его спасителями. Я согласен, то, как они с ним поступили, было настоящим хамством. Ничего не сказать, не объяснить – даже с преступниками так не поступают, тем более с человеком, который явно ни в чем не виноват. Правда, в защиту этих спортивных судей и тренеров, могу высказать предположение, что так они

поступили не по злобе, а от сильнейшей растерянности. Ну, как бы повернулся у них язык спросить у восходящей звезды: слушай, дорогая, а ты, случайно, не мужчина? А по-другому поставить этот остро нуждавшийся в прояснении вопрос они не могли. Ну, не было других слов у них в запасе…

Но как бы то ни было – именно спортивные начальники, со всей их жестокостью и бестактностью, заставили-таки Женю сделать необходимый шаг, запоздавший минимум на 20 лет. И событие, пережитое им как катастрофа, явилось на деле началом освобождения из густейшей паутины ошибок и ложных представлений…

Требовать, чтобы у нас, как во всем цивилизованном мире, пол новорожденных определялся только по результатам генетических проб, было бы сегодня чистейшей утопией. Поэтому ошибки неизбежны. Но ничего фатального в них нет. Бывает, правда, что только в пубертатном периоде, при появлении вторичных половых признаков, ошибка заявляет о себе в полный голос. Но таких случаев относительно мало. Как правило, все становится ясно уже в первые годы жизни ребенка. И это, во всех отношениях, – идеальный срок для исправления ошибки.

К трем годам бывает пройден уже очень большой путь в психическом половом развитии. Собственно, первые семена бывают посеяны, когда младенец, как говорится в старой пословице, лежит поперек лавки: родители сами не замечают, что эмоционально воспринимают сыновей и дочек по-разному, и эта разница запечатлевается во всех активно формирующихся психических структурах ребенка. А на втором году жизни он уже по-своему различает, где дяди, где тети, мальчики и девочки, присматривается к ним и точно знает, где его собственное место. И все же это только начало процесса половой самоидентификации. Личность пока еще достаточно пластична. Ее можно безболезненно переориентировать. Да и память о событиях этой поры у большинства людей размыта, деформированы позднейшими впечатлениями. Многое мы не столько помним, сколько знаем по рассказам старших. Воспоминания какой-нибудь Люси о том, что когда-то она была мальчиком и звалась Володей, если даже сохранятся, то как нечто несущественное, неактуальное – занятный казус, не более того. Никакого травмирующего воздействия на психику женщины, выросшей по всем законам своего пола, это давнее происшествие оказывать не будет, ничему в ее жизни не помешает.

Нередко коррекция пола требует хирургического вмешательства. И с этой точки зрения тоже все специалисты единодушно высказываются за раннее начало лечения.

Но самый благоприятный вариант и самый распространенный – это, увы, далеко не одно и то же.

Поистине трагическая статистика собралась в свое время у Ирины Вячеславовны Голубевой. Возможно, ее данные нельзя абсолютизировать: она учитывала только своих больных. Семьи, своевременно и без всякого шума решавшие эту проблему, в ее поле зрения не попадали. Но все равно практика у Голубевой была на редкость обширной, счет велся на многие сотни больных. Благодаря своему высочайшему авторитету, Ирина Вячеславовна, как я уже говорил, олицетворяла это направление эндокринологии. Ее знали, с ней консультировались десятки коллег. Выводам Голубевой я доверяю всецело, тем более что и мои собственные наблюдения, и материалы, накопленные нашим Федеральным центром психоэндокринологии, их целиком подтверждают.

Итак, возраст первого обращения к врачу больных, нуждающихся в коррекции пола. На детские годы приходится всего лишь несколько процентов случаев. Чуть больше, но тоже не много – на время отрочества, хотя, как мы видели, в пубертатном периоде положение лжедевочек и лжемальчиков становится невыносимым. У первых пробиваются усы и ломается голос, у вторых увеличиваются грудные железы и появляются менструации… Но все это лишь служит сигналом к тому, что надо еще глубже забиться в свою скорлупу, еще старательнее охранять тайну.

Другими словами, на том этапе, когда человек еще не властен распоряжаться своей судьбой и за него перед Богом и людьми целиком отвечают родители, не предпринимается, как правило, ничего. Его отпускают плыть по воле волн: психологически срастаться со своим ложным полом, в соответствии с ним проходить все этапы социализации, выбирать род занятий, строить отношения, терзаться от сознания своей неполноценности, тратить все духовные силы на бессмысленную борьбу…

Подавляющее большинство пациентов начинают что-то предпринимать уже после совершеннолетия, взрослыми, сложившимися людьми, когда одинаково неприемлемыми кажутся оба варианта – и продолжать жизнь в прежнем образе, и сменить его. Часто это случается после какой-нибудь катастрофы, потрясения, способного поставить на карту саму жизнь.

А бывает и так, что приходят слишком поздно. Сроки, когда можно помочь таким людям, не беспредельны. И природа запрещает, начиная с определенного возраста, вмешиваться в жизнедеятельность организма, и жизнь, как она сложилась, уже

не позволяет ничего переиграть. Допустим, заключен брак, в семье растут дети. Пусть не родные, по понятным причинам, но какая разница – все равно они видят в названном родителе отца или мать… После 25 лет – при всем сочувствии к пациенту, при всем понимании тяжести его положения – приходится произносить сакраментальную фразу: медицина бессильна.

Так в чем же дело?

Темный страх

Одна из самых тягостных обязанностей врача – сообщать пациенту и его родственникам суровую правду о его состоянии. Это поистине черные минуты. Специалист любого профиля вынужден становиться психотерапевтом, помогающим людям перенести удар и внутренне собраться перед лицом предстоящих испытаний.

Любая тяжелая болезнь воспринимается, как репетиция смерти. Пусть она и не грозит немедленно оборвать жизнь. Но чему-то непременно кладет конец – привычному образу жизни, излюбленным занятиям. Она обрывает карьеру, а нередко делает невозможным и само продолжение работы…

Естественная реакция на такое известие – эмоциональный взрыв, целая гамма горестных, трудно переносимых чувств, страхов, мыслей, ассоциаций. Любая краска этого спектра может в определенной ситуации оказаться уместной и оправданной, даже, например, такое трудно совместимое с жалостью чувство как негодование. Допустим, больному постоянно твердили, что он неправильно ведет себя, играет с огнем – и вот в самом деле мрачные пророчества сбываются!

А можете ли вы представить себе такое сочетание обстоятельств, при которых сам заболевший или его близкие, в дополнение ко всему остальному, терзались бы еще и мучительным чувством стыда? Я не могу. Не бывает такого! Единственное, пожалуй, исключение – это венерические заболевания, возникновение которых издавна принято считать заслуженным наказанием за распутство. Да и то последнее время этот взгляд заметно смягчился. Мораль если и не санкционирует впрямую свободную любовь, то во всяком случае не преследует ее, как бывало, когда смена сексуальных партнеров не воспринимается как повод для побивания камнями, а значит последствия не несут на себе печати позора. Их не афишируют, но и не стыдятся. Дело житейское!

И опять третий пол стоит особняком! Мы уже успели почувствовать, что во всех перипетиях трагической судьбы любого гермафродита главная пружина, главный мотив, управляющий всеми событиями, – стыд. Потому так и охраняется в семье его тайна, что это постыдная тайна. Потому так и страшатся все ее разоблачения, что оно грозит несмываемым позором.

Неприятное открытие, что он в чем-то отличается от других, «нормальных» детей, любой такой ребенок рано или поздно сделал бы и сам, без посторонней помощи. Но вот убеждение, что

жить с таким изъяном не только неприятно или неудобно, но и стыдно, что это пятнает честь, что надо прятаться, не то окажешься изгоем, отщепенцем, – такое убеждение не может самозародиться в голове у маленького человека, только еще начинающего ориентироваться в жизни. Оно должно быть там посеяно, выращено и закреплено, в чем так или иначе принимает участие все окружение – и близкое, и самое далекое.

Так откуда же, силюсь я понять, берется это отношение?

Сначала я думал, что его порождает низкая культура, необразованность. Это казалось особенно убедительным потому, что большинство моих пациентов в такой примерно среде и выросли, к ней принадлежали и сами их семьи. Однако, потом я заметил, что и в значительно более просвещенных слоях общества господствует тот же взгляд, только проявляется он по-другому. В деревне, в маленьком городе указывают пальцем, дразнят, сплетничают. Люди же более рафинированные отводят глаза в сторону и молчат. Им, с их щепетильностью, не хочется задевать несчастного человека своим вниманием. Но в том, что он будет им задет, они не сомневаются!

Насколько хватило мне на это времени, я совершил несколько экскурсий в тот своеобразный мир, который воссоздает в своих произведениях массовая культура. Специально просматривал коммерческие фильмы, читал бульварные романы, перелистал кучу детективов. Обнаружил, что в этих жанрах царит жестокая конкуренция: авторы явно напрягаются, чтобы найти какой-нибудь незатасканный ход, ввести в действие непримелькавшихся персонажей. Даже сиамских близнецов, о которых я упоминал, нашел в одном из детективов! Причем, показаны они там были со всем сочувствием, передать которое позволил автору его скромный литературный дар. Но ни разу ни среди главных, ни среди второстепенных героев не нашел даже намеком обозначенной фигуры гермафродита. То есть даже это искусство, славящееся своей неразборчивостью, нашу тему обходит, как уж слишком неприличную.

Однажды у меня состоялся долгий разговор с активистом общества защиты инвалидов. Он жаловался на то, что его подопечным, которым и без того живется несладко, приходится немало страдать от человеческой жестокости. Их беспомощность вызывает раздражение, с ними грубо обращаются, награждают обидными кличками. Я подумал: уж не в этом ли объяснение и моей загадки? Если двуполость кажется уродством, «убожеством», то она просто обречена быть объектом морального преследования!

Вспомнилось одно из самых необычных исследований,

которое сотрудники нашего института проводили в старых русских деревнях вокруг Загорска. В особую группу были выделены носители неблагозвучных фамилий, типа Дураковы, Бредовы, Мудаковы. Оказалось, что среди них черты умственной отсталости встречаются намного чаще. чем по среднестатистическим меркам. Поскольку неполноценность такого рода бывает, как правило, наследственной, воображение легко перекидывает мостик к тем отдаленным временам, когда зарождались прозвища, уличные клички – предшественники фамилий в нынешнем нашем понимании. А можно и не забираться так далеко в историю, рассмотреть клички, которые даются людям сегодня, например, в криминальной среде, -в них тоже вовсю обыгрываются физические недостатки. Рябой, Хромой, Горбатый, Одноглазый… Десятки самых разных признаков характеризуют человека, так нет же – массовое сознание сосредотачивается прежде всего на изъянах, дефектах и беспощадно хлещет кличкой по самому больному месту…

Эту специфическую жестокость к слабым, обиженным Богом, свойственную примитивному сознанию (потому и отличаются особой безжалостностью дети), конечно, нельзя сбрасывать со счетов. Но это не единственная краска в отношении здоровых людей ко всякого рода ущербности. В нем на равных правах присутствует и сострадание, и жалость, и готовность по мере сил помочь – человеческой психике свойственны такие контрастные, амбивалентные, как это называется в теории, сочетания. Психиатрам часто приходится с этим сталкиваться, наблюдая за тем, как складывается жизнь душевнобольных «на воле»: их и пинают, и жалеют, и унижают, и подкармливают – все сразу. Гермафродитизм же и здесь выпадает из общего ряда: восприятие его несравненно более одномерно, однозначно.

Еще один примечательный штрих, бросающийся в глаза в наиболее острых ситуациях – когда нашим пациентам приходилось терпеть не просто оскорбительное любопытство или насмешки, а и прямые гонения. Для немногочисленного, достаточно замкнутого сообщества, каким является население небольшой деревни, рождение такого необычного существа становится настоящей сенсацией. На памяти местных жителей ничего подобного не случалось. Но как обычно реагируют люди на появление чего-то незнакомого, непонятного, условно говоря, на встречу с инопланетянами? На первый план выходит простодушный интерес – как у ребенка, впервые открывающего мир. Откуда же берется враждебность, напор воинственной злобы? Это говорит о каком-то сильнейшем предубеждении, переходящем по наследству: сам я никогда не соприкасался с

этим явлением, но точно знаю, что оно опасно, может мне навредить.

Мы вступаем, таким образом, в область суеверий, предрассудков, уходящих корнями в седую древность. Я очень серьезно отношусь к суевериям, одному из самых причудливых феноменов массового сознания. Они никогда не возникают на пустом месте – только в тех случаях, когда силы разума не хватает, чтобы победить сильнейший, угнетающий психику страх. Суеверия, эти сгустки фантазии пополам с реальностью, помогают вытащить страх на поверхность сознания, облечь его в слова, подобрать объяснение. Сверх того, они же подсказывают ряд действий, создающих уверенность, что мы отводим от себя опасность, мы защищаемся от того, что служит первопричиной страха… Тот самый путь терапевтического воздействия, каким идут при излечении страхов врачи. И если суеверие продолжает жить – рядом с телевизором, полетами в космос и прочими техническими чудесами, – то это верный показатель, что и породивший его страх жив.

Так может быть и в основании невидимой стены, которой люди стараются отделить от себя гермафродитов, лежит страх? В первую минуту это предположение кажется нелепым. Чего тут можно бояться? Кого бояться? Какая угроза может исходить от этих несчастных, робких, забитых существ, пугающихся собственной тени? Я остановился на этой версии как на единственной, проливающей свет на все наши вопросы. Но когда занялся проверкой этой гипотезы, убедился, что так оно и есть. Конечно, это совсем не тот страх, который возбуждают в нас грабители или убийцы. Он темен, иррационален, необъясним, и вызывает его не конкретное лицо, а сам этот казус, допущенный природой. Хочется его проигнорировать – в самом деле, чего только на свете не бывает, при чем тут мы? – а в то же время что-то подсказывает, что и к нам он имеет какое-то отношение, смотреть не хочется. но и глаза отвести трудно. «Становится не по себе, когда он подходит», «неприятно даже думать о нем», «не могу с ним нормально разговаривать», – так передается это ощущение.

Обратите внимание: никто не говорит о том, каков он, этот человек, о котором нельзя сказать, кто он – мужчина или женщина. Никто и не пытается в чем-то его уличить. Речь идет о нашей собственной реакции, которая почему-то оказывается мучительной. Если вспомнить, то даже темные старухи в родной деревне Юрия не обвиняли его в том, что он специально воздействует на коров: это с коровами что-то происходит вблизи от него, отчего у них пропадает молоко. Нетрудно догадаться, что

эти самые коровы – всего лишь аллегорическая, сказочная форма для выражения того же душевного состояния, которое более развитое мышление определяет по точной психологической шкале: не по себе, неприятно думать, тяжело разговаривать.

Мне это напомнило одну характерную ситуацию, с которой каждый из них хорошо знаком по собственному опыту. Помимо способности запоминать, нам свойствен и другой, не менее драгоценный дар – забвение. Все, что беспокоит, причиняет боль, постепенно отступает куда-то в глубину, в тень – энергетические ресурсы психики не безграничны, они должны быть сконцентрированы на том, что актуально для человека в данный момент. Но достаточно бывает случайного, чисто внешнего впечатления – попалось под руку старое письмо, встретился давний знакомый, музыка может послужить сигналом или запах – и мгновенно срабатывает эмоциональная память, и то, что казалось давно остывшим пеплом, снова превращается в обжигающий огонь.

Может быть, по схожей причине возникает и дискомфорт в разбираемых нами случаях? Пробуждаются какие-то неясные, но явно тягостные ассоциации; начинают вибрировать душевные струны, которых мы не слышим в себе, пока нас не заставят вспомнить, что не только мужчинами и женщинами заселен наш привычный мир…

То, о чем я говорю, станет, наверное, понятнее, если напомнить об одной шумной дискуссии, в которую так или иначе оказались втянуты все.

Сознательный гермафродитизм

«Сегодня слово „эмансипация“ у многих вызывает скептическую улыбку, ибо слишком много противоречий принесло оно. Статистика, далекая от каких-либо эмоций, свидетельствует: в 1969 году женщин с высшим и средним специальным образованием у нас было в 62 раза больше, чем в 1928-м; 9, 5 млн. дипломированных специалистов-женщин составляют 60% от общего числа специалистов…

Многое изменилось в положении женщины. И все-таки чего-то ей не хватает… Я думаю, что женщина психологически не готова к правам и свободам, которые свалились на ее голову.

Многовековое угнетение вызывало в женщине неверную самооценку, которая по инерции перебралась и в сознание современной женщины. Настало время осознать свой новый социальный статус. Но как это сделать?

Известно, что многое в духовном мире человека предопределено воспитанием, средой, книгами, творениями культуры. Значит, моральная готовность женщины к тем огромным социальным изменениям, которые произошли в нашей стране, должна быть воспитана с самого раннего детства. Пока же мы наблюдаем удивительно стойкую инерцию в воспитании девочек. Сами родители дают ей установки, которые в дальнейшем приводят к определенному разрыву жизненных устремлений мужчины и женщины.

От воспитания зависит чрезвычайно многое в судьбе женщины, и при правильном подходе к ценностной ориентации девочки, думаю, могут быть опрокинуты все суждения о влиянии биологических свойств женщины на ее психическую сферу. Польские социологи пришли к выводу, что черты женской психики, если таковые существуют, скорее результат культурных факторов, чем врожденных, связанных с полом. Они являются прежде всего результатом системы воспитания девушек, что в значительной степени обусловлено сложившимся в общественном сознании представлении о роли женщины…»

Почта принесла это письмо в редакцию «Литературной газеты», когда тема эта только еще начинала обозначаться на печатных страницах. В дальнейшем ей предстояло на полтора-два десятка лет завладеть общественным вниманием – редкий пример постоянства интересов! Особенно удивительно было в этом то, что богатым потенциалом развития сюжет, как вскоре выяснилось, не обладал. После того, как позиции были заявлены и подкреплены аргументами, началось движение по кругу. Ни

одна из спорящих сторон не хотела сдаваться. Но и вырвать победу силой несокрушимых доказательств своей правоты тоже не удавалось никому. Счет оставался ничейным. Тем не менее интерес к теме не падал, азарт спора все нарастал и нарастал. Так бывает в тех случаях, когда предмет обсуждения глубоко задевает нашу личность – само проговаривание уже как бы выученных наизусть слов позволяет разрядить накапливающееся психическое напряжение.

Правда, обсуждение затрагивало широкий круг явлений, благодаря чему его монотонность не так бросалась в глаза. Ситуация в обществе в целом, в сфере трудовой деятельности, в семье, – под одним и тем же углом зрения: нынешнего (т. е. на конец 60-х годов) положения мужчин и женщин.

Как сформулировал бы я это сегодня, темой дискуссии были проблемы социального пола. Появилась жгучая общественная потребность – проанализировать реальное наполнение всех связанных с этим слов и понятий, актуализировать в сознании эталоны, стандарты и стереотипы половой принадлежности, а главное – оценить, насколько мы сами в своем быту соответствуем этим стандартам.

Я был одним из тех, кто открывал эту дискуссию, – друзья, работавшие в редакции «Литературной газеты», попросили прокомментировать то самое читательское письмо, которое я привел выше. Насколько удавалось, следил за ходом полемики. Мне не казалось странным то, что бросается в глаза сейчас: почему эта проблема так всколыхнула общество уже после полувекового юбилея советской власти?

С «многовековым угнетением» было давным-давно покончено. Уже как минимум третье поколение подрастало, сызмала готовя себя к исполнению принятых в советском обществе половых ролей по примеру родителей. Девочки и мальчики знали, что им нужно хорошо учиться, чтобы иметь возможность выбрать профессию по душе, получить образование, найти работу, по которой главным образом и будут судить, кто они и чего стоят. Обе роли, мужская и женская, уже давно в этом смысле были идентичны, как и пути, которые вели к самоутверждению в этих ролях.

Небольшую поправку вносило рождение детей. Мужчины не уходили в декретный отпуск в связи с беременностью и родами, им не приходилось вскармливать младенцев. Но и на этом этапе роди далеко не расходились. Для женщин материнство означало лишь недолгую паузу в ее обычных занятиях. Это потом уже общество осознало, что в первые три года жизни ребенок должен составлять единое целое с матерью, а в те годы, когда начиналась

наша дискуссия, рабочее место женщины пустовало всего несколько месяцев. Это сказывалось и не положении мужчин в семье. Уход за ребенком перестал рассматриваться как чисто женское дело, родительские обязанности перестали строго делиться по полу. Что в конце концов нашло отражение и в законе. Материнские льготы стали распространяться и на отцов.

Все эти примечательные черты семейного и общественного быта давным-давно стали нормой. Но никто из участников дискуссии этого почему-то не замечал. Мы все словно попали под гипноз: то, с чем все сжились, вдруг показалось новым и пугающим.

Моя статья, называвшаяся «Мужчина и женщина: стирание психологических граней?», с этого, по существу, и начиналась: «В последнее время общественное мнение большинства стран мира серьезно обеспокоено усиливающейся на наших глазах „феминизацией“ мужчин и „маскулинизацией“ женщин. Юридическое равноправие полов, коренные изменения положения мужчины и женщины на производстве, в общественной жизни, в быту, семье, сближение многих норм морали и поведения, наконец, „гибридизация“ внешности, связанная с модой на женские прически у мужчин и брючные костюмы у женщин, – все это создает впечатление сглаживания различий между „сильным“ и „слабым“ полами, вызывает горячие споры, дискуссии, тревогу и озабоченность».

Мужские локоны и женские брюки – это, пожалуй, единственная в моем перечне примета времени. Все остальное имело уже очень длительную историю. В первые послереволюционные годы, ярко окрашенные экстремизмом, не только разные права для мужчин и женщин, но и само разделение общества по полу представлялось строителям нового мира глупым пережитком прошлого. Это, между прочим, нашло выражение в том, что впервые, наверное, в истории было введено в обиход стандартное обращение – «товарищ», полностью игнорировавшее половую принадлежность. Существовали, правда, параллельно «граждане» и «гражданки», но они воспринимались как нечто чужеродное, противостоящее «товарищам» в классовом и идейном смысле. Встают перед глазами фотографии, которые десятками видел я в старых архивах: подчеркнуто укороченные стрижки (целый ведь ритуал существовал обстригания традиционных женских кос), кожаные тужурки, у пояса – кобура, жестко сведенные у переносицы брови… Разве что в насмешку можно было сказать, что это – слабый пол!

А годы войны? О них-то как можно было забыть? Опасности, трудности, жертвы падали на всех поровну, без разбора. Слово

«солдат», как и слово «враг», стало универсальным, утратило род. Шанс выстоять давала только сила. Слабость – и не только в пекле войны, но и тылу – утрачивала всякие права на существование.

Так почему же нам понадобилось столько времени, чтобы все это заметить, а заметив – испугаться?

Дело, как я теперь догадываюсь, было в том, что в 60-е годы мир и в самом деле столкнулся с новым явлением, свалившимся на него, как кирпич на голову: с сексуальной революцией. Демон, которого европейская цивилизация веками держала на цепи, вырвался на свободу и, как и следовало ожидать, обратил в прах все устои. Нравы, воззрения, мораль, житейские привычки – все подверглось кардинальному пересмотру. Но сильнее всего изменилось самоощущение, мужское и женское. Отсюда и настоятельная потребность – заново пересмотреть, перепроверить весь набор своих привычных представлений. Что значит – быть мужчиной? Что значит – быть женщиной? В чем теперь, после всех перемен, заключается «зерно» той и другой роли – в психологии, в характере, в поведении?

Из того, что эти вопросы стали так мучительно актуальны и для нас, следует, что свою версию сексуальной революции переживало и наше общество. Естественно, в наших условиях не могло быть и речи об открытой, гласной манифестации ее постулатов. Какое там! Уже то, что хотя бы в специальной литературе появилась возможность обсуждать проблемы секса, казалось почти неправдоподобным. Я написал о «сближении многих норм морали» – для массовой печати это был предел допустимого, еще полслова, и получилось бы, что я покушаюсь на моральные заповеди, обязательные для всех без исключения членов общества… Но призрак сексуальной свободы, непрошеный, не называемый по имени, все равно бродил по нашим необъятным просторам, искушал, толкал молодых и не очень молодых людей на поступки, шокирующие пуритански настроенных наблюдателей. Границы, отделяющие допустимое от запретного, пришли в движение. Еще неясно было, какое положение они займут, но возвращения на прежнее место не предвиделось.

Все, что мы привыкли включать в понятие «эмансипация» – политическое и юридическое равноправие, отсутствие ограничений в образовании и трудовой деятельности, совпадающий по большинству параметров образ жизни и т. д. – действительно уже давно стало нормой. Но все это заиграло новыми красками, когда стала добавляться еще одна важнейшая составляющая – сексуальное партнерство.

Однако, попутно высветился и еще один чрезвычайно важный нюанс. Оказалось, что старые, давно потерявшие актуальность идеалы женственности и мужественности каким-то чудесным образом полностью сохранились в массовом сознании – как эталон, с которым сверяются все сегодняшние впечатления. Женщина – нежная, кроткая. мягкая; хранительница очага, готовая забыть о себе ради тех, кого она любит, – мужа и детей. Мужчина – сильный, твердый, решительный, рыцарственный, бесстрашный, кормилец семьи, защитник… Живые, реальные люди вокруг нас были далеки от этих прекрасных образцов, в чем и заключалась соль проблемы. Правда, если точно придерживаться фактов, то все черты, предусматриваемые стандартами «истинно мужского» и «истинно женского» характеров, вовсе не оскудели. Никто даже не доказал, что они встречались чаще в том прошлом, которое воспринималось нами как золотой век. Ну в самом деле, разве только по книгам были нам знакомы смелость и решительность в мужчинах, нежность и мягкость в женщинах? А с другой стороны – не случайно, наверное, такие выражения, как «бой-баба» или «мужчина-подкаблучник», родились задолго до того, как появились термины феминизация, маскулинизация…

Но вот с чем мы действительно почти не сталкивались, так это с жесткой поляризацией типов, с их выстроенностью в одном ключе. Живые характеры были многомернее, да и просто богаче оттенками. Они поворачивались разными гранями в зависимости от того, в какую ситуацию попадал человек. Мягкость, уступчивость, самоотверженность не очень-то помогали женщине, если ей приходилось решать сложные производственные или управленческие задачи. Чтобы добиться успеха, она поневоле должна была упражнять в себе качества, знаковые для сильного пола – твердость, властность, умение постоять за себя. А мужчине этих же самых свойств, неизменно выручавших его в жизненной борьбе, оказывалось явно недостаточно, когда он, допустим, выступал в роли отца. Ведь эта роль теперь тоже претерпела огромные изменения. Отец, чего раньше не было, стал близок и доступен детям, он их нянчил, кормил, купал, утирал им слезы, мазал йодом ссадины на коленках, и уже одно это стимулировало появление в его характере черт, чуждых «настоящему мужчине»: сентиментальности, мягкости, жалостливости, которую исстари презрительно именовали бабьей…

Поразительно красноречивый снимок выбрала редакция, чтобы проиллюстрировать мою статью. Двое мужчин, идя навстречу друг другу, толкают перед собой детские коляски с таким видом, словно они каторжники, прикованные к тачкам.

Фигуры напряжены, лица хмурые, никакого удовольствия они не выражают. Наверняка у каждого из двух отцов нашлось бы занятие получше, чтобы провести свободное от работы время, и все их мысли сейчас, похоже, – об этом. Но надо – значит надо!

Уж если мы завели дискуссию, думаю я задним умом, следовало бы обратить больше внимания на другое – как выросло значение индивидуальности каждого человека и в том, как воспринимают его окружающие, и в его собственном самоимидже. Быть самим собой, ценить уникальность, неповторимость своего «Я» стало несравненно более насущным, чем культивировать в себе качества, соответствующие стереотипу, и подавлять чуждые ему проявлений. Вот что на самом деле знаменовало собой новый этап психологической эволюции, вто что принесла с собой вторая половина XX века!

Мужское и женское начало в человеке утратили свою самодержавную власть. Их присутствие стало обозначаться игрой оттенков, полутонов, и сама способность различать эти нюансы и реагировать на них означала выход на более высокий уровень психологической зрелости общества. Благородное вино, имея один и тот же химический состав, отличается на вкус знатоков особым букетом. Так же проявляется и специфика пола: не в особом поведении, не в особых свойствах интеллекта, а скорее в легких многоцветных бликах, завершающих психологический портрет.

Но понимание этого пришло не сразу, поначалу мы слишком были поглощены своей тревогой. Если уместно воспользоваться этим термином, перед нами предстало новое явление – социальный гермафродитизм, и вызвал он ту же реакцию, что и биологическая двуполость – неприятие, отторжение и бессознательный страх. Да впридачу еще это уродство обступало нас со всех сторон, лезло в глаза, явно пыталось занять наступательную позицию!

Перечитаем еще раз письмо читательницы, с которой мы публично поспорили. Против чего она протестует, чего добивается? Завоеванные права и свободы, полагает она, изменили женскую психику, но – недостаточно. Остается что-то специфическое, присущее только женщинам, и это им мешает. Думаете, разрыв между полами неизбежен, поскольку берет начало в биологии? Ошибаетесь! Не природа лепит духовный облик женщины, а социум – традициями, воспитанием, образами, увековеченными в искусстве. Если отключить девочку от этих каналов воздействия, если не напоминать ей ежечасно, что она – будущая женщина, которой в дальнейшем предстоит реализовать себя в соответствующей социальной роли, если, короче,

выработать унифицированную систему воспитания детей, цель будет достигнута – половая диффиренциация исчезнет.

Эта позиция, как показали, в частности, и отклики на мою статью, была достаточно редкой. Преобладал прямо противоположный взгляд – осуждение мужеподобия в поведении и складе характера, требования изменить образ жизни женщины, вплоть до призывов «вернуть их в семью». Меня тоже, как сейчас помню, больно задел пафос этого письма. Женоподофобия – ненависть к женщинам – неприятна в мужчине. Но особенно сильно задевает оно в женских высказываниях – как след старого, не изжитого эмансипацией, комплекса неполноценности, тонко подмеченного Гончаровым в романе «Обрыв». «Почему вы считаете нас, женщин, бедными существами?» – спрашивает героиня у своего нового знакомого, ссыльного нигилиста. «Да как же вас не жалеть? – иронизирует он. – Вы то и дело твердите: ах, как бы я хотела быть мужчиной, это моя самая заветная мечта! Выходит, если бы сбылась эта мечта, женщин вообще не свете не осталось бы!»

Так куда же идет развитие цивилизации? Есть ли естественный предел у наметившихся тенденций сближения полов? И правда ли, наконец, что биологическая основа пола может безропотно капитулировать перед натиском целеустремленных воспитателей?

Разделение на два пола, счел я необходимым напомнить читателям, возникло в процессе эволюции как фактор, усиливающий адаптацию вида к среде и резко повышающий шансы на выживание. Естественное разделение функций между самцами и самками укрепляет позиции в борьбе за существование, а главное – в выращивании потомства.

«У вида „гомо сапиенс“, – писал я, – биологические различия между полами были углублены в процессе социальной эволюции, поскольку они были полезными и необходимыми. Однако, и в прошлые времена, и теперь изменения в характере социальных ролей не были и не могут быть произвольными, безграничными: они базируются на биологических основах, все попытки игнорировать которые приводит в печальным результатам».

Формирование личности тесно связано с бессознательным выбором определенной модели поведения. который совершается в психике ребенка под влиянием ближайшего окружения. Сначала «присваиваются» внешние черты, потом происходит глубокое отождествление своего «Я» с личностью этого выбранного эталона. Взрослые корректируют, направляют этот процесс, причем, лишь частично – на сознательном уровне. Когда мы «со значением» хвалим мальчика за то, что он защищает сестренку, а

девочку ругаем за нежелание помыть после обеда посуду, мы ясно понимаем, почему и зачем это делаем. Но многое и, возможно, самое важное в направлении полового развития детей родители тоже делают бессознательно.

Спросите у любой женщины: кто из ее детей вызывает в ней более сильную нежность? Сам вопрос покажется ей обидным: матери одинаково дороги и сыновья, и дочери! Но в статье я привел данные, полученные американским исследователем М. Льюисом, который установил, что это далеко не так.

В первые шесть месяцев матери дотрагиваются до сыновей значительно чаще. Это бесконтрольная, не фиксируемая самими женщинами потребность, доставшаяся им по наследству от многих поколений праматерей. Связать ее можно с тем, что будущий мужчина, наследник, представлял большую ценность для семьи. Но известно и другое: в численности новорожденных сыновья преобладают, а уже через несколько месяцев равновесие восстанавливается, то есть природа делает мальчиков более хрупкими, уязвимыми…

А ближе к году картина резко меняется. Теперь матери чаще дотрагиваются до дочерей, а между собой и сыновьями увеличивают дистанцию. Эти различия заметны только при очень внимательном наблюдении, как бы через увеличительное стекло. Возраст, когда мать начнет сознательно сдерживать свои эмоции, чтобы не испортить сына «сюсюканьем», еще впереди. Речь пока идет о крошках, не умеющих ходить, разговаривать, если есть такая счастливая возможность, их даже еще не отлучают от груди. Но уже в эту нежнейшую пору мальчики меньше контактируют с матерями, что создает основу для самостоятельности, независимости, способности брать на себя ответственность.

Затронул я в той давней статье и вопрос, который продолжает занимать меня до сих пор. Два одинаково любимых, одинаково родных лица склоняются над ребенком: отец и мать. Какой внутренний компас поворачивает взгляд сына к отцу, а дочки – к матери, когда начинается бессознательный поиск объекта идентификации? Думаю, что окончательному выбору предшествует некий подготовительный этап, когда ребенок пытается примерить обе модели, но останавливается на той, освоить которую ему, в силу биологических особенностей, легче. О «принципе легкости» у нас говорят значительно меньше, чем он того заслуживает, будучи одним из важнейших регуляторов психической жизни. Именно он заставляет отдавать предпочтение самым коротким и простым путям к поставленной цели, он предохраняет от излишних затрат энергии. И он служит самым надежным мостиком, соединяющим две стихии, к которым

принадлежит человек, – его биологическую предрасположенность и способность к социальной самореализации. То, к чему есть врожденный талант, дается играючи. Если же мы беремся не за свое дело, природа немедленно сигнализирует об этом целым комплексом неприятнейших ощущений. Например, мальчик, органически наделенный высоким уровнем болевой чувствительности, может сколько угодно мечтать о выступлениях на боксерском ринге, но природа не позволит ему заниматься этим видом спорта.

То же самое происходит и при выборе определенной половой роли. Биологическая предрасположенность к ней обуславливает легкость ее исполнения, а поощрение социального окружения закрепляет достигнутые успехи. Так постепенно у ребенка складывается чувство его половой принадлежности, вырабатывается определенный характер поведения. Возникает глубокое осознание собственной личности как личности мужчины или женщины.

Сегодня я мог бы дополнить это рассуждение рассказом еще об одном интереснейшем американском исследовании. В его программу, кроме многого другого, входило наблюдение за естественным поведением больших групп детей 6-8 лет. Вот воспитатель выводит их на прогулку в сад и предоставляет самим себе. Начинается «броуново движение»: дети бегают, играют, шалят, беспрерывно создаются и распадаются маленькие компании. Каждый ребенок ведет себя в соответствии со своим характером и темпераментом, так что поначалу кажется. что никаких иных закономерностей в их поведении не существует. Но если посмотреть внимательнее, выясняется каждый раз, что дети разного пола ведут себя по-разному. Девочки стараются расположиться поближе к взрослому, чаще обращаются к нему, задают вопросы, вообще заметно, что они учитывают его присутствие. Мальчики – наоборот. Они держатся в отделении и в пространственном смысле – ближе к границам участка, и в психологическом. У них меньше вопросов к воспитателю, они меньше нуждаются в его одобрении. Это явно один из факторов, способствующих тому, что дети, хоть они проводят какое-то время в общей игре, никак не чуждаясь и не стремясь обособиться, все-таки чаще сбиваются в однополые стайки.

Подчеркну один принципиальнейший момент. Как и в опытах М. Льюиса, речь одет о достаточно тонких градациях. Нельзя сказать, что мальчики вообще не подходят к воспитателю или что девочки хорошо чувствуют себя только у него под крылом. Различия обнаруживают себя при суммировании итогов большого числа наблюдений, скорее статистически, чем визуально. И

уловить их можно только при сравнении. Если разделить лист бумаги пополам, на одной половине подробно описать поведение мальчиков, а на другой – девочек, картинки получатся примерно одинаковые. И только когда начинают их сопоставлять, половые различия проступают в виде определенных тенденций.

Я представил себе: а что, если бы подобный эксперимент был поставлен, допустим, сто лет назад? И сразу понял, что даже чисто технически это было бы делом неисполнимым. Мальчики и девочки не могли бы составить такую большую, устоявшуюся смешанную группу. Они росли врозь, их воспитывали разные люди – и по-разному. Даже в одной семье, среди любящих друг друга братьев и сестер, непререкаемый обычай воздвигал невидимую стенку. Если бы девочка и захотела поиграть в «мальчишеские» игры, ее бы строго одернули. Если бы мальчик и захотел прижаться к матери, он бы не получил такой возможности. Замкнутые в своем, особом мире, будущие мужчины и женщины по-разному проходили путь психического развития, у них формировались несхожие рефлексы, потребности, способы внутренней самозащиты.

Постоянно читая в старых романах, как героини чуть что падали в обморок и у них приключалась горячка, я думал: уж не притворялись ли они? Или это авторское преувеличение, литературная условность, призванная подчеркнуть драматизм событий? Мне тоже случалось видеть, как в стрессовой ситуации женщины лишались чувств. Но это были единичные эксцессы, и требовались для них исключительные, напоминающие удар молнии потрясения. Но потом, уже глазами психоэндокринолога, я проследил путь воспитания тех слабонервных женщин и понял, что притворство, если оно и имело иногда место, вовсе не было делом обычным. Девочка росла в оранжерейных условиях, ее опекали, лишали малейшей самостоятельности. Ее познания о мире были резко ограничены и почти не подпитывались собственным опытом. Даже в играх ее ограждали от ситуаций, связанных с риском, с опасностью испытать резкую боль. И как настоящий оранжерейный цветок, она становилась беззащитна перед травмирующими факторами среды. Ненатренированная эндокринная система пасовала даже перед незначительными, по мужским меркам, стрессами, и запредельное напряжение вызывало психический эффект, подобный короткому замыканию…

Ну, а в наше время? Любой скажет, что никаких половых различий нынешняя система воспитания не учитывает. Ее даже порой сурово упрекают в этом. Маскулинизация женщин, феминизация мужчин, этот двуединый лик социально-

психологического гермафродитизма, вызывавший такую бурю во многих душах, потому, мол, и возник, потому и стал он возможен, что наша цивилизация отказалась от разных подходов к детям. В детском саду они вместе, в школе – вместе, игрушки – общие, развлечения – одинаковые…

Как и множество других слишком резких обобщений, сделанных под влиянием крайнего раздражения, это мнение нуждается в корректировке.

Изучая спонтанное поведение детей, американские психологи, с чьей работой мы только что познакомились, особое внимание обратили и на то, как обращаются с этими детьми воспитатели. И точные замеры показали, что различия в дистанции между ребенком и взрослым – более близкой для девочек и более далекой для мальчиков – создаются не только по инициативе самих детей. Если такое сравнение не покажется обидным, девочек воспитатели держат на более коротком поводке: больше внимания, больше контроля, больше стремления опекать. Мальчиков же предоставляют самим себе, следя разве что за их безопасностью. Интересно, что воспитатели-мужчины и воспитатели-женщины вносят в эту общую для всех закономерность свои поправочные коэффициенты: в женщинах явственнее проступает желание опекать, контролировать, мужчины меньше вмешиваются в перепалки, вспыхивающие между детьми, в них меньше заметно стремление оставить за собой, как за верховным арбитром, последнее слово.

Расплывчатость, неуловимость границы между тем, что можно считать прирожденным свойством ребенка, и тем, что формирует в нем окружение, ориентируясь на его пол, так же заметна и в детских играх. Огромная натяжка – думать, что система воспитания навязывает детям единые стандарты. Ничего подобного! И лучше всех понимают это торговцы игрушками, когда, потрафляя вкусам покупателей, оформляют прилавки – отдельно для мальчиков и отдельно для девочек. Есть множество игрушек нейтральных – как, впрочем, было и всегда с тех сравнительно недавних, в историческом масштабе, пор, как этот специфический товар занял свое место в структуре общественного производства. Но есть особая группа знаковых игрушек. Кто бы вы ни были и как бы ни смотрели на проблему соотношения полов, вы не подарите мальчику куклу. Точно так же, как не купите для девочки пистолет или ружье. Никаких перемен здесь нет и, похоже, не предвидится.

Но есть особая группа так называемых развивающих игр и игрушек начиная от простеньких кубиков, непосредственно сменяющих погремушки, и до сложных конструкторов, моделей,

головоломок. Они-то и стали инструментом одного из серьезных американских исследований. Фиксировалось все: интерес к этим занятиям, возрастные градации в проявлении этого интереса, способность детского мышления справляться с проблемами, возникающими в ходе игры. Первые наблюдения выглядели убийственно для феминисток и всех, кто им сочувствует: оказалось. что девочки по всем позициям уступают мальчикам. Из нескольких игр, предложенных им на выбор, они заметно реже выбирают трудные, в интеллектуальном смысле, меньше баллов набирают в решении технических задач. По возрасту мальчики тоже дают им фору – в разнополой паре играющих, равных по силе, мальчик обычно оказывается младше…

Но в своих выводах, тем не менее, психологи проявили большую осторожность. Они не позволили себе забыть о том, что в эксперименте не была соблюдена необходимая чистота. Дети ведь вошли в их опыты уже «готовенькими» – в том смысле, что от рождения и до нынешнего своего возраста они прошли немалый путь, и их движение по этому пути было неодинаковым. Вкус к любой игрушке столько же возникает самопроизвольно, сколько и формируется старшими, начиная с того, что кто-то должен дать ее ребенку, научить в нее играть и вместе с ним порадоваться его успехам. Если мальчик равнодушен к техническим игрушкам, это ставит перед его родителями вопрос, на который они могут ответить по-разному. Но поневоле должны об этом подумать. Если же такие игры неинтересны девочке, в этом, как правило, не видят проблемы: на то она и девочка!

Когда я писал свою статью для «Литературки», этих данных у меня еще не было. Сами эксперименты тогда еще не были проведены. Но и на основании своих собственных материалов я мог заключить, на какую опасную тему фантазирует моя оппонентка. Эволюция общества не может вести к появлению «человека вообще», с атрофированными признаками пола. Меняются сами эти признаки, как и соотношения между ними. Поколения могут как угодно далеко разойтись в своем понимании социальной и психологической природы пола, в том, какие проявления мужской и женской сущности возводятся массовым сознанием в эталон, а какие выводятся за рамки социально допустимого. Но зазор остается всегда, линии развития мужской и женской половин нашего вида никогда не сойдутся в одной точке.

Но почему это должно вызывать в нас сожаление? Откуда могла взяться мысль, что человек, человечество стали бы богаче и счастливее, лишившись тех особенностей восприятия мира и самовыражения, которые привносит пол? Я смотрю на мир

глазами мужчины, так же и действую, так же работает и мой интеллектуальный аппарат. Но когда рядом женщина – жена, дочь или одна из моих учениц, и мы обсуждаем какие-то события, строим планы, обмениваемся информацией, – часто почти физически ощущаю, как расширяется круг обзора, обогащается мысль. Ну, не случайно ведь советуют опытные менеджеры собирать для решения крупных задач, для мозговых штурмов разнополые коллективы – это на порядок увеличивает их эффективность по сравнению с тем же числом участников только женского или только мужского пола. И глубоко, на мой взгляд, заблуждаются те, кто сводит происходящее к одной лишь сексуальной игре. Это всего лишь инверсия старой ошибки, когда, наоборот, всю роль секса в человеческой жизни связывали исключительно с деторождением. Как ни грандиозно значение сексуального начала в психике, все же не к нему одному сводится пол как составляющая человеческой личности.

Женский шовинизм ничуть не лучше мужского, пусть даже и возникает в порядке ответной реакции на пренебрежение. Одно из его проявлений – считать, что мужчинам живется легче и проще, что они все проблемы решают, как семечки щелкают. Отсюда и иллюзия, что уподобившись в своем духовном облике мужчине, женщина преодолеет трудности, ощущаемые ею как гнет своего пола. Допустим, такая метаморфоза и вправду произойдет. Но ведь тогда вместе с мужской ролью и мужским складом психики на женщину обрушатся и все психологические издержки мужского статуса, ничуть не более приятные на вкус.

Но стоит ли всерьез относиться к такого рода пожеланиям? Какую опасность могут они представлять? Или спросим по-другому: идет речь об утопии или о чем-то реально осуществимом?

Вспомним еще раз, с чего начинается процесс половой дифференциации. В течение первых недель эмбрионального развития только что зародившаяся жизнь пребывает в первичной ипостаси – крошечный комочек клеток. Так же микроскопически малы и дозы биологически активного вещества, мужского гормона, выделяемого определенными группами этих клеток. Но их присутствия либо отсутствия оказывается достаточно, чтобы запустить всю цепь превращений, в результате которых в огромной человеческой семье произойдет прибавление – она станет больше на одного сына или на одну дочь.

Так формируется биологический пол. Но я бы хотел подчеркнуть, что есть много прямых аналогий между этим процессом и продолжающими его этапами приобщения к полу человеческой личности. Здесь «работают» другие факторы, но по

тонкости, деликатности, а главное, чрезвычайной хрупкости эти психологические механизмы вполне можно соотнести с тем, как идет развитие плода в материнской утробе. Тут тоже, как говорят художники, все держится «на чуть-чуть».

И нет, как показали открытия последних лет, четкой границы между биологическими и социальными компонентами пола. Воспитание потому и достигает успеха, что преподносимые обществом уроки закрепляются на уровне органических систем, прежде всего – эндокринной. Все чаще говорим мы о «второй биологии», присущей из всех живых существ только человеку и лежащей в основе всей его созидательной, управляемой разумом жизнедеятельности. Социальный пол – один из самых ярких примеров «второй биологии». То, что в половом развитии определяет природа, вряд ли претерпело существенные изменения со времен каменного века. «Вторая биология» не в пример пластичнее. Каждая эпоха, несущая с собой изменение половых ролей, вносит в нее существенные коррективы. И все же она остается частью живой природы, тем же всеобщим законам подчиняется и так же болезненно реагирует на грубое, беспардонное вмешательство. Как и везде в природе, равновесие в явлениях «второй биологии» достигается за счет взаимоувязки бесконечного множества динамичных, противоречивых факторов – частично они уже понятны науке, но о многом она пока еще в лучшем случае только догадывается. Одно неосторожное движение – и баланс нарушается, снижается или вовсе исчезает жизнеспособность.

Сколько тяжелейших, незаживаемых ран нанесла природе самонадеянная, невежественная готовность повелевать природой, кроить ее и перекраивать по своей прихоти, приспосабливая к сиюминутным нуждам! Нас не устраивает это болото, зачем оно нам? И эта громадная бесплодная пустыня: она здесь совершенно не на месте. Превратим ее в цветущий край! Все вместе взятые природные катаклизмы не нанесли жизни на Земле такого ущерба, какой понесла она по вине варварских действий человека, возомнившего себя повелителем всего сущего.

Намерение манипулировать полом стоит в том же самом ряду. Природа пола кажется нам несовершенной. Но, слава Богу, есть кому поправить дело. Договоримся о частностях, составим программу и приступим…

В клинической практике мы постоянно сталкиваемся с больными, у которых по тем или иным причинам ослаблено чувство пола. Это влечет за собой тяжелейшие психические расстройства, патологические изменения всех структур личности. Возникают явления деперсонализации, потери своего «Я», своего

места в сообществе. Рушится вся система отношений с другими людьми. Исчезает привязанность к близким, к родным местам, к любимой работе, к самой жизни. Ощущать себя вне пола – непереносимо! Не раз я видел, как одни ищут забвения в алкоголе и наркотиках, других отчаяние и эмоциональная неустойчивость толкают на преступления. Нередко эта несчастная, изломанная жизнь завершается самоубийством.

Даже врачу, располагающему средствами активной помощи, тяжело наблюдать эти страдания. А если знать еще впридачу, что беда запрограммирована чьими-то неуклюжими манипуляциями?

Лишь по счастливой случайности мы избежали страшной экологической катастрофы, которая неминуемо последовала бы за «проектом века» – поворотом сибирских рек. Но ведь были у него и пламенные защитники, небескорыстные энтузиасты и просто доверчивые люди, опьяненные иллюзорной верой во всемогущество человека. А главное – ничего невозможного, технически неисполнимого не было в этом проекте. Все уже было подготовлено, вступило в стадию рабочих чертежей…

И точно так же ничего неисполнимого не было бы в проекте половой унификации! Все бы зависело лишь от того, найдет ли эта идея достаточное число приверженцев…

Вот тут мы с вами и подходим вплотную к двери, за которой скрывается, на мой взгляд, главная тайна пола.

Обратная связь

В нашем традиционном представлении, философ – это, безусловно, гуманитарий. Он изучает общество, пересекаясь в своих интересах со «смежниками», исследующими те же явления под специфическим углом зрения социологии, политологии, социальной психологии… Человек его занимает как частица социума, включенная в многоярусную систему экономических, политических, гражданских и всех прочих отношений с другими людьми. Естественно поэтому, что и все волнующие нас вопросы, касающиеся глобальных проблем бытия, мы обращаем прежде всего к философам, обладающим и даром, и профессиональным аппаратом для крупных обобщений.

А может ли быть философом естествоиспытатель, биолог? Причем, не параллельно со своим основным занятием, а за счет прямого исполнения своих профессиональных функций? Способен ли он открыть нам глаза на ход социальных процессов, на важные явления общественной жизни?

Пример Ивана Ивановича Шмальгаузена, блистательного русского ученого-биолога, позволяет ответить на этот вопрос не просто утвердительно, но и с величайшим воодушевлением.

Возможно, вы улыбнетесь, если я назову темы магистерской и докторской диссертаций Шмальгаузена, защищенных им еще до революции, – замечу попутно, совсем еще молодым, просто юнцом, применительно к докторской степени. «Непарные плавники рыб и их филогенетическое развитие» и «Развитие конечностей амфибий и их значение в вопросе о происхождении конечностей наземных позвоночных». Рыбы, лягушки, тритоны – при чем ту мы? Но подождите иронизировать! Шмальгаузен был глубочайшим теоретиком эволюции. Перед его мысленным взором лежала вся картина развития жизни на Земле, все его вариации, все возникающие на этом пути биологические формы. Он стремился докопаться до общих законов эволюции, понять механизмы, определяющие соотношение индивидуального и исторического развития. И много, поразительно много ему удалось. По складу мышления, по масштабу задаваемых самому себе вопросов он был истинным философом, то есть человеком, проникающим в самую суть явлений и интерпретирующим их на основе сложнейших систем взаимосвязи. Он был настоящим энциклопедистом по широте кругозора, но весь этот ошеломляющий по объему фактический материал не просто складировался в его бездонной памяти, он питал энергию мысли, позволял ей подниматься к вершинам обобщения.

В работе, к которой мы с вами сейчас обратимся, Шмальгаузен занят поиском глубинных зависимостей между двумя биологическими компонентами пола – гормональным и соматическим. Речь, главным образом, идет о тех особых телесных формах, которые охватываются понятием вторичных половых признаков. Первая же фраза – «у большинства животных половые железы имеют весьма яркое формообразовательное значение» – показывает, что как бы далеко ни намеревался исследователь уйти вглубь явлений, расширять поле анализа он не намерен. Постараемся избежать этого соблазна и мы – не будем проводить прямых аналогий между формами братьев наших меньших и нашей собственной психологией пола. Однако, не будем забывать и о том, что речь идет всего лишь о разных звеньях в бесконечной цепи эволюции. Это подчеркивает и сам автор, когда говорит о том, что половые гормоны не имеют видовой специфичности. В экспериментах над животными могут быть использованы гормоны любого иного биологического вида – организм птиц реагирует на гормоны млекопитающих («включая человека», – изящно напоминает Шмальгаузен) или на синтетические гормоны так же точно, как и на «родные». И это родство, пусть даже самое отдаленное, позволяет нам распространить главные закономерности, открытые этим блестящим теоретиком, во-первых, на себя, а во-вторых – на те чисто человеческие аспекты пола, которые нас сейчас и занимают.

«Развивающиеся под влиянием половых гормонов вторичные половые признаки особенно выразительны у многих птиц, а нередко и у млекопитающих, – читаем у Шмальгаузена. – Во многих случаях самцы и самки сильно отличаются по своей внешности – по общей величине и форме тела, окраске перьев или шерсти, различным придаткам и выростам (гребни, шпоры, перья у птиц; рога, бивни, клыки у млекопитающих), голосу, поведению и т. п.

Опыты кастрации птиц, а также эксперименты с пересадкой половых желез показали, что формы зависимости развития вторично-половых признаков бывают различными. Так, например, у домашних кур головные придатки петуха (гребень, бородки и сережки), его пение и поведение развиваются под влиянием мужского полового гормона,… а яркое оперение петуха и его шпоры развиваются и без влияния гормона… С другой стороны, женский половой гормон подавляет развитие мужских независимых признаков, т. е. шпор и петушьего оперения, и стимулирует развитие яйцевода, типичного головного убора и оперения курицы. Вместо пересадки желез можно производить

инъекции вытяжки этих желез».

Шмальгаузен подчеркивает, что это – общее свойство позвоночных, от рыб до млекопитающих. Кастрированные самцы внешне уподобляются самкам. Самки, получающие «заряд» мужского полового гормона, начинают походить на самцов. Подобные явления прослеживаются и на более низких ступенях эволюции, у некоторых беспозвоночных – червей, ракообразных. Особняком стоят насекомые: половой диморфизм у них выражен отчетливо, но реализуется он независимо от половых желез. Ни пересадка желез, ни кастрация не ведут к изменению внешних половых отличий.

Но что делает возможными эти метаморфозы, сообщающие полу какой-то странный, зыбкий, изменчивый характер? Шмальгаузен объясняет и это, удивительным образом соединяя глубину истолкования с его лаконизмом и простотой: «В отношении половых гормонов нет качественных различий между полами. Как яичники, так и семенники продуцируют оба половых гормона, но только в разной концентрации. В результате у самки преобладает женский гормон, а у самца мужской. Признаки того или другого пола развиваются только под влиянием некоторого, необходимого для этого минимума концентрации гормонов, когда достигается пороговый уровень нормальной реакции данной ткани». Следовательно, потенциал двойного развития заключен не только в органах, секретирующих гормоны. Чтобы это биологически активное вещество подействовало, меняя женский род на мужской и наоборот, должны дожидаться наизготовке и воспринимающие ткани, ткани-мишени. Значит, и в поведении этих тканей «возможны варианты», как пишется у нас с объявлениях. Их принадлежность мужскому или женскому организму лишь наполовину исчерпывает заложенные в них потенциальные возможности роста и развития.

Очень убедительно показывает это Шмальгаузен на примере оленей. Оленьи рога – характерный признак зрелого самца. Только у северных оленей рогами украшены также и самки. Это, несомненно, приобретение более поздних времен – результат вторичного переноса самцового признака на самку. Сохранилась где-то в Саянах первоначальная, исходная форма этого подвида, с безрогими самками. Каким же образом появляется у кротких олених это чисто мужское, горделивое украшение? Вот ответ. Рога оленей всегда развиваются под влиянием мужского полового гормона, который должен достичь ко времени полового созревания известной пороговой концентрации. Мужской половой гормон выделяется и самками, у северных оленей – не в более высоких пропорциях, чем у обычных. Но у них, у северных,

изменилась норма реакции тканей на мужской половой гормон. Морфогенная реакция, выражающаяся в образовании рогов, наступает у них при более низкой концентрации гормона. Потому-то и оказывается достаточно обычного для всех оленьих уровня мужской гормональной активности.

У высших животных гормональные сдвиги не видоизменяют репродуктивную сферу. Сделать самку бесплодной гормоны еще могут, но до того, чтобы самец принес потомство, дело не доходит. А вот на более ранних этапах эволюции возможно и такое. У земноводных половые железы развиваются вначале как обоеполые, и действие половых гормонов может вызвать у них полное преобразование пола. Самки лягушек и квакш под влиянием тестостерона могут превратиться в заправских, сексуально активных самцов, вот только при спаривании их потомство состоит исключительно из самок. (Этот же эффект – отсутствие мужских особей в потомстве – может быть достигнут и за счет повышенной концентрации женского гормона – эстрона). А у тритонов под воздействием эстрона самцы превращаются в самок, способных к нормальным брачным отношениям, но с той опять же оговоркой, что на свет они производят одних лишь самцов.

И, наконец, еще одна поразительная закономерность, имеющая прямое отношение к принципу саморегуляции – одному из «китов», на которых основывается величие и бессмертие природы. Между вторичными половыми признаками и обусловившими их появление половыми железами существует обратная связь. Семенники у петуха функционируют активно – и все более ярким и роскошным становится его гребень. Но лишь до предела, четко обозначенного природой. На определенной стадии развития гребень начинает тормозить развитие семенников. Это полностью подтверждено многочисленными экспериментами. Задержка в развитии семенников прекращает рост гребня. Если половые железы удалить – гребень редуцируется. А если удалить гребень – усиливается рост желез. Такая форма связи, заключает Шмальгаузен, характерна для зрелого организма и ведет к поддержанию подвидного равновесия в системе.

Можем ли мы подставить в эту формулу такие признаки пола, тоже по-своему вторичные, как особенности психологии и социально-ролевых ориентаций? Думаю, что с известными оговорками это было бы правомерно. А значит, и между этой сложной «надстройкой» и биологической базой пола должны протягиваться цепочки обратной связи, тоже обслуживаемые в первую очередь гормонами. Не этот ли самый механизм, только другими словами, мы описываем, когда говорим, что активность

на социальном поприще, успешное овладение социальными ролями, которые женщина еще не перестала считать для себя новыми, несомненно влияют на ее материнский инстинкт, делают его менее мощным и настоятельным?

Родив одного ребенка, мать считает себя вполне удовлетворенной. У нее нет потребности еще и еще раз пережить ни с чем не сравнимое душевное состояние, сопряженное с появлением новой жизни. От поколения к поколению растет число женщин, сознательно отказывающиеся от материнства ради самоутверждения на политическом, артистическом, научном попроще. Я не вдаюсь в обсуждение того, что это: мудрый расчет или трагическая ошибка. Хочу лишь подчеркнуть, что голос материнского инстинкта, инстинкта продолжения рода, не препятствует совершению таких сделок с судьбой.

А материнская холодность, ставшая уже бесспорно массовым психологическим феноменом и в таких же широчайших масштабах подрывающая в потомстве способность полноценно вписаться в жизнь общества? Абсолютный полюс холода мы отмечаем, когда мать уходит из родильного дома одна, бросив ребенка на произвол судьбы. Общество отказывается санкционировать такое поведение. Зато оно вполне индифферентно реагирует на холодность к ребенку, замаскированную внешней респектабельностью. Ребенок обеспечен всем необходимым, за ним, как у нас говорят, хорошо смотрят, беспокоятся о его здоровье, принимают меры, чтобы дать ему хорошее образование. Но психологически орбиты его и материнской жизни не пересекаются ни в одной точке. Матери не интересны его чувства, его зарождающиеся мысли, у нее нет доступа к его глубинным переживаниям, страхам. Мои коллеги, работающие с асоциальными подростками – малолетними преступниками, наркоманами, проститутками – видят у них в прошлом одну и ту же картину: одиночество, заброшенность, бесприютность. И сейчас все чаще они говорят об этой постепенной атрофии материнского инстинкта как о родовом признаке, поскольку детство самих матерей проходило в таких же точно условиях…

К концу XIX века, как мы помним, в массовом сознании скопился колоссальный энергетический заряд протеста против неравенства полов. Его хватило на то, чтобы задать работу на все предстоящее столетие – переписать конституции и законы, перекроить социальную стратификацию общества, заново пересмотреть обычаи, нравы, традиции. Уже к середине века в странах европейской цивилизации исчезли все основания считать женский пол слабым – последние штрихи наложило увлечение

женщин мужскими видами спорта, культуризмом, восточными единоборствами.

Каковы же итоги, с какими настроениями мы готовимся вступить в XXI век?

Какого-то единого мощного порыва, подобного оставшемуся в истории стремлению к эмансипации, мы, пожалуй, не наблюдаем. Пафос борьбы, преодоления ослаб. Желания и мечты как бы расслоились – пол перестал быть главным консолидирующим фактором. Женскую тему, если судить хотя бы по художественной и научной литературе, ведет многоголосый хор с достаточно обособленными отдельными партиями. Я бы не взялся предрекать, какая из них станет в дальнейшем основной, вбирающей в себя все прочие – или в этой сфере, как и во многих других, утвердился принцип широкой вариативности, многообразия.

Если же суждено все-таки нашему миру пережить еще одну вспышку острого конфликта между полами, то перспективным в этом смысле может оказаться настроение женщин, причастных к политике, где они пока что остаются хоть и не угнетенным, но, по численности и степени влияния на ход принятия решения, явно слабым меньшинством.

Принцип равноправия полов предполагает, что и при занятии выборных должностей, и при назначении на высокие посты в государственных и частнопредпринимательских структурах аспект половой принадлежности должен сниматься. В конкуренцию вступают интеллекты, деловые качества, репутации. Кто по всем этим признакам больше соответствует предстоящей деятельности, тот и получает право ею заниматься, а мужчина это или женщина – никакой роли не играет.

Сейчас все чаще эта логика отвергается как насквозь фальшивая. Нет никакой свободной конкуренции! Сами представления о деловых качествах, об индивидуальных предпосылках для занятий крупномасштабной деятельностью сложились в эпоху мужского доминирования и потому возводят в эталон мужские характеристики в мышлении, в реагировании, в способах решения проблем. Да и кто выступает в роли арбитров, кто из двух претендентов определяет победителя и вручает ему приз? Опять же мужчины! Или женщины (например, избирательницы), находящиеся под гипнозом мужских взглядов на мир, мужских предпочтений и оттого не верящих в собственную силу.

Гражданское, юридическое, экономическое, какое угодно другое равноправие лишь подорвало абсолютный мужской диктат, сделало ситуацию более терпимой, но все равно за

мужчиной сохраняются позиции старшего партнера, владельца контрольного пакета акций. Именно поэтому мир остается таким неуютным. Продолжаются войны (мужчинам свойственно делать ставки на силу, на грубый нахрап при разрешении сложных, запутанных противоречий). Процветание даже в экономически развитых странах обрывается на каких-то социальных слоях, дальше следуют обойденные цивилизацией низы с нищетой, невежеством, неустроенностью (мужчины черствы, им не хватает чуткости и добросердечности). Стабильное развитие сплошь и рядом прерывают кризисы, отбрасывающие общество назад (мужчины чрезмерно рационалистичны, у них слабо развита интуиция)…

Из сказанного должен быть сделан вывод. Иногда он остается в границах умеренности – как призыв к фактическому равенству полов в управлении обществом, в определении государственной политики. Если в ходе свободных выборов в представительный орган власти, например, в нашу молодую Государственную Думу, женщины оказываются в меньшинстве, значит, надо изменить порядок выборов, ввести квоты или особые правила голосования, чтобы на депутатских местах сохранялись те же пропорции, какие существуют в населении страны (женщин – чуть больше половины). Хорошо помню, как настаивали на этом проигравшие кандидатки после выборов 1995 года.

Но сама их аргументация подталкивает к тому, чтобы перешагнуть черту умеренности… Кто лучше распорядится общественными ресурсами, как не женщина, которая в своих домашних делах умеет быть гением бережливости и распорядительности, всегда придумает, из чего сварить обед, да еще оставит запас на завтра? Кто лучше справится в ролью защитника социально слабых слоев, как опять же не женщина с ее материнской заботливостью? А уж диалог между конфликтующими общественными силами и погрязшими в спорах государствами сам Бог велел поручить женщинам, с их прирожденной дипломатичностью и особой, интуитивной проницательностью… Следовательно, эпоха доминирования мужчин должна смениться вовсе не эпохой паритета. Защитой человечества от прогрессирующих бедствий станет новое разделение на сильный и слабый пол, только сила теперь станет преимуществом женщин.

Нетрудно заметить, что и здесь, как мы это видели уже неоднократно, логика рассуждения апеллирует к природе. Женщина – знак равенства – мать. Она дарит жизнь – и это делает ее самой надежной защитницей жизни. Ее можно переодевать в любые костюмы, нагружать любыми занятиями, но материнство –

это единственное, что всегда останется устойчивым и неизменным. Тем камертоном, которого не посмеют ослушаться внутренние силы, формирующие женский тип.

Но не поддаемся ли мы тут чрезмерно волшебной магии этих слов – природа, биология? Природа всесильна, но она слепа. Один и тот же биологический механизм может служить и упрочению, и разрушению жизни. Мы только что видели это на примере описанного И. И. Шмальгаузеном механизма обратной связи между фундаментальными и производными компонентами пола. Из того, что без материнских проявлений само продолжение человеческого рода становится невозможным, вовсе не следует, что сами эти проявления не могут быть изменены до полной неузнаваемости…

Над всеми нашими представлениями, связанными с женским полом, доминирует неувядаемый образ мадонны с младенцем на руках. Созерцаем ли мы бессмертные полотна, читаем ли их описания или талантливо исполненные фантазии на эту тему, нас не покидает ощущение, что тут сказано что-то самое важное, высшая правда о нас самих и о нашей жизни.

Но сейчас я хочу отвлечься от сакральной сути этого образа и попытаться расшифровать его символику под иным углом зрения. Само движение рук женщины, прижимающей к себе тельце ребенка, ее поза, ее взгляд как бы воспроизводят их взаимное положение в совсем еще недавнюю пору беременности, когда ребенок, на той стадии – плод, был в точном физическом смысле частью ее самой. Теперь он автономен, его сердце бьется в собственном ритме, его мозг накапливает и перерабатывает собственные впечатления. Он уже не принадлежит матери в том всеобъемлющем значении, как это было перед рождением. Но о матери – всмотритесь в полотна Рафаэля, Леонардо, в иконы Рублева – справедливо сказать, что она по-прежнему принадлежит ему.

Ну, а где же отец (еще раз, во избежангие недоразумения, повторю, что полностью отвлекаюсь от связи образа со Священным Писанием)? Ему нет места на этой картине. Матери и младенцу, поглощенным друг другом, не до него – настолько совершенна и самодостаточна их гармония. Но где-то за пределами явленной на полотне сцены он, бесспорно, должен существовать. Без него – если бы где-то там, в проищнорированных нами сейчас сферах жизни он не трудился, заботясь о пропитании своего семейства, не напрягал силы, чтобы предусмотреть и предотвратить грозящие жене и ребенку опасности, – не могла бы установиться эта тихая, дышащая миром, покоем и материнской сосредоточенностью аура.

Сильнейший эмоциональный отклик, вызываемый в нас этим образом, говорит о том, что связь времен еще не распалась. В бессознательной сфере мы храним бесценный строительный материал для множества согревающих душу, глубоко личных ассоциаций. Но сколько редакторских поправок пришлось бы нам ввести в классический сюжет, если бы мы задались целью его осовременить – в строгом соответствии с реалиями сегодняшнего дня! Сразу изменилась бы вся диспозиция. В нее пришлось бы вводить отца, который немедленно образовал бы еще один центр живописного повествования, конкурирующий с чарующим дуэтом мать – ребенок. Иной оказалась бы и роль фона – недостаточно было бы просто его наметить, там нужно было бы обозначить точки притяжения, отвлекающие женщину от безмолвного диалога с младенцем…

Есть и еще одна деталь, о которой, боюсь, не все вспомнят без подсказки. На большинстве полотен – изображен момент, либо предшествующий кормлению грудью, либо сразу за ним следующий. В прошлом, я думаю, это угадывалось как само собой разумеющееся. Мы же все чаще стали забывать об этой важнейшей и биологически, и психологически опоре материнства, составляющей одно из величайших его таинств. Что появляется в душе женщины, что появляется в душе ребенка благодаря этим бесконечным, в сумме, часам, проведенным наедине? Чего лишаются они оба, когда питание ребенок получает из пестрой коробочки, через силиконовую соску, даже если ей гарантирована экологическая безопасность?

Сейчас даже задаваться этими вопросами бессмысленно и бестактно, поскольку подавляющее большинство детей растут «искусственниками», и элементарное человеколюбие заставляет искать аргументы в пользу разрастающегося семействе «Бон» и «Симилаков» – усовершенствованных заменителей грудного молока. У матери, мол, молоко либо слишком жирное, либо чересчур жидкое, могут примешаться инфекции, а тут – полное торжество прогресса, стерильность изготовления, идеально рассчитанный состав. Да и насколько удобнее – мать не привязана к процессу, разболтать смесь в бутылочке может кто угодно, и отец, и бабушка, и няня. И вырастают, и развиваются нормально, и болеют не больше, чем при естественном вскармливании… В самом деле, не счастье ли, что к тому времени, как появилась у женщин эта проблема, общество было уже готово предложить такой устраивающий всех (в том числе и производителей детского питания) выход?

Но почему возникла эта проблема? Почему редким исключением стало то, что некогда было, наоборот, всеобщим

правилом с небольшим процентом отступлений? Исчерпывающий ответ мне неизвестен. Но несомненно то, что это означает серьезную перемену в биологии нашего вида. Не сомневаюсь и в другом: возникла эта перемена в немалой степени по принципу обратной связи, как ответ природы на переигрывание социальных ролей.

Кощунством показалось бы изобразить в позе мадонны мужчину, который кормит из бутылочки нежно прильнувшего к нему малыша, в то время как мать представляет семью где-то во внешнем мире. Но что, скажите, в этой картине нереального? Ее повседневно воспроизводят в своем быту миллионы семей…

Мы все немного лошади…

Теперь, наконец, мы можем попытаться ответить на вопрос, заданный себе в начале этой главы – о причинах необъяснимого, немотивированного страха, возникающего при одном упоминании о гермафродитах.

Первое предположение, которое напрашивается после наших долгих экскурсий по запутанным лабиринтам пола: эти странные существа, занимающие непонятное место на самой границе между мужским и женским родом, так разительно непохожи на всех остальных, уверенно располагающихся по обе стороны этой границы – и в то же время каждый узнает в них самого себя.

Залог психического равновесия – определенность. Какое сегодня число? В какой точке географического пространства я сейчас нахожусь? Сколько денег у меня в кошельке? Сомнения, колебания, если они почему-либо возникают, крайне мучительны, даже если повод пустячный и никакими серьезными последствиями ошибка не грозит. Отсюда наша инстинктивная ненависть к любому обману, порой совершенно неадекватная масштабу и практической значимости лжи. Отсюда наши сложные отношения с будущим, всегда заведомо неопределенным. Каждый из нас может вспомнить в своей жизни случаи, когда он рубил с плеча, принимал поспешные решения – только для того, чтобы покончить с пыткой неизвестности. Недаром определенность ассоциируется у нас с комфортным ощущением прочной, надежной опоры под обеими ногами, а неопределенность мы так и называем – подвешенным состоянием, которое все системы организма переносят очень плохо.

Эта потребность достигает силы абсолютного императива, когда затрагивается первостепенный для каждой человеческой личности вопрос: кто я? Там, где ответы на этот вопрос неадекватны или расплывчаты, -там начинается область моей профессиональной компетенции, поскольку для обретения необходимой ясности нужны уже, как правило, бывают специальные лечебные средства.

И даже в этой заповедной зоне половая идентификация, ощущение себя мужчиной или женщиной образует, пожалуй, участок, нуждающийся в особенно надежной защите. Мы уже много говорили об этом, подходя к проблеме с разных сторон, и всякий раз оказывалось, что на простой и всем понятной констатации «я – мужчина» или « я – женщина» держится весь фантастически сложный аппарат самосознания, которым, в сущности, и представлен в этом мире каждый человек. Когда я

писал тридцать лет назад о том, что нельзя быть человеком вообще, но только конкретно мужчиной или женщиной, имел в виду именно эту закономерность, хотя в то время и не знал о ней многого, что знаю теперь.

Жажда определенности заставляет нас мысленно прокладывать между полами рубеж, напоминающий государственную границу в традиционном понимании: с четким разделением на «здесь» и «там», с контрольно-следовой полосой и вооруженной до зубов охраной, с возведением любых нарушений в ранг серьезнейшего государственного преступления. Можно относиться к представителям иного пола враждебно, настороженно, приписывать им всевозможные пороки и ждать от них всяческих неприятностей. Можно по-другому – дружелюбно, доверчиво, ценить их сильные качества и беззлобно подшучивать над слабостями. Это тоже живо напоминает нам о том, что происходит между странами: одну сопредельную державу считают добрым соседом, другую – потенциальным врагом, но на устройство государственной границы это не влияет, граница всегда остается на замке. То же происходит и в восприятии половой дифференциации, в своих исследованиях я убеждался в этом неоднократно. Кто-то кичится своим полом, кто-то втайне его презирает. Кто-то игнорирует в общении половые различия, для кого-то полноценные контакты возможны только в среде «своих». Кому-то тесно в предназначенных полом рамках, а кто-то чувствует себя в них, как рыба в воде – вариантов тьма. Но общее для всех – граница на замке. Они – не мы. Мы – не они.

В свое время я много занимался бессознательными механизмами идентификации, на которой, как известно со времен Фрейда, зиждется процесс становления личности. Как удалось установить, принцип идентификации действует только в паре с противоположным принципом – дистинкции. Так я назвал стремление к отталкиванию, отчуждению от того, что воспринимается как анти-эталон. Знаменитый ленинский тезис о том что прежде чем объединяться, надо размежеваться, был, оказывается, безупречен с позиции психологии! Дистинкция предшествует самоотождествлению. Мы и в самом деле начинаем с отмежевания от тех, с кем не хотим или не можем себя смешивать, на кого не желаем походить. И уже потом, уже внутри прочерченной таким образом границы включается мощный генератор самонастройки на подобающий образец.

Если бы мы были способны прокрутить в памяти, как старую кинопленку, ход своего психического становления, то наверняка бы обнаружили, что отрицательный импульс «я не мальчик» возник раньше положительного – «я девочка» (у мужчин,

естественно, наоборот). Первый импульс более древний, если мерить масштабами одной человеческой жизни. Он глубже уходит в бессознательное, теснее срастается с теми причудливыми мотивами, которые доносит до нас генетическая память. Да он, наконец, и просто первичен – как фундамент у дома, как ствол у дерева.

Рубеж между полами существует и как объективная данность. Но тут он скорее напоминает те открытые, прозрачные границы, которые сегодня пролегают между странами Европы, а завтра, как утверждает мой давний друг, историк и политолог Александр Янов, станут преобладать повсеместно, Неповторимость каждой страны остается в силе – никто не отказывается от своего языка, культуры, традиций, от славных и горестных страниц своей истории. Но из страны в страну можно переезжать без спроса, свободно выбирать место жительства или даже так: поселиться в одном государстве, а на работу выезжать за границу…

Разве не то же самое видели мы, перебирая по одному все признаки, определяющие пол? Часть из них на самом деле составляет принадлежность обоих полов, различаясь лишь количественными пропорциями. Часть имеет общее прошлое. И это относится к фундаментальным, биологическим компонентам пола! А уж о социальной сфере, о психологии нечего и говорить. Здесь любое утверждение типа «мужчины такие – женщины этакие» требует точной справки: где и когда, поскольку для другого времени и другой культуры оно может оказаться глубоко ложным.

Суммируя все эти сведения, мы можем представить себе, каким сильным должно быть мужское начало, заложенное в каждой женщине, как и женское начало – в каждом мужчине. Не забудем еще о том, пусть очень коротком периоде внутриутробного развития, когда зародыш балансирует на весах судьбы, в равной степени готовый принять мужской и женский облик. Если считать единственным вместилищем памяти головной мозг, вопроса о том, сохраняется ли в дальнейшем какой-то след от этого обоеполого состояния, не может даже возникнуть: ни головы, ни мозга у эмбриона на той стадии и в помине еще нет. Но открытия последних десятилетий заставляют нас по-иному судить о памяти, если подразумевать под ней способность хранить, перерабатывать и воспроизводить информацию. Уже точно известно, что такой способностью обладают многие структурные элементы человеческого организма, и их перечень наверняка еще далеко не закрыт.

Нет «чистого» пола. На всем, в чем он силится выразить себя, лежит печать интерсексуальности, двуполости – в этом, как я

теперь это вижу, и заключается самая главная и самая страшная для человеческого сознания тайна пола. Почему страшная? Да потому, что по общему закону психической жизни это инородное, противоположное нашему полу начало не может безмолвствовать. Оно должно пользоваться всяким случаем, чтобы заявить о себе, проявиться в мыслях, в чувствах, в поступках. Но для психики, затрачивающей огромные энергетические ресурсы на поддержание своей стабильности, так же невозможно позволить этому голосу прорваться в сознание, как для нашего прежнего государства – дать волю диссидентам, «подрывным элементам». Ведь этот голос грозит разрушить такими трудами добытую цельность, определенность нашего самоимиджа! И мы продолжаем жить, неся в душе тяжкий груз неясных подозрений на собственный счет, не отреагированных, не переработанных всемогущей мыслью…

В рамках этой гипотетической концепции получает истолкование и та ничем другим не объясняемая ярость, какую вызывают обычно явления, названные мною социальным гермафродитизмом – когда в поведении, в одежде, в занятиях человек нарушает принятые в данное время и в данном месте правила и нормы половой дифференциации. Конечно, любые поведенческие стереотипы бдительно охраняются обществом, и за их нарушение никого по головке не гладят. Но ни в какой иной ситуации вы не столкнетесь с такой бурей негодования с такими сокрушительными формами протеста, как в случаях, когда нарушения касаются пола. Ну, мало ли встречалось в прошлом веке некрасиво, немодно, нескладно причесанных дам и барышень, оскорблявших своим видом общественный вкус! И ничего – морщились, посмеивались, но терпели. Но когда в знак разрыва с ограничениями своего пола девушки начали стричься, их ожидала самая настоящая гражданская казнь…

Призраки третьего пола

Один мой коллега, которого я просил прочесть первоначальные наброски к этой книге, посоветовал мне не вступать в спор с установившимся мнением, что гермафродитизм – это болезнь. Один из бесчисленного множества недугов, поражающих человеческий организм. Возражать против этого не то что даже бессмысленно, а непродуктивно. Все болезни в чем-то тождественны, а в чем-то специфичны. Так и тут. При гермафродитизме нарушается течение органических процессов, происходит отклонение от нормы. Поражаются жизненно важные функции, начиная с одной из самых существенных – способности приносить потомство. Даже то, что сбоями в половом развитии занимается медицина, что ее испытанные клинические методы позволяют устранить или хотя бы сгладить дисгармонию, – даже это обстоятельство не позволяет исключать интерсексуализм из общего ряда.

Нельзя забывать и о том, что проблема, помимо медицинского, имеет и правовой аспект. Возможность лечь в больницу, обследоваться и лечиться, получать пособия по нетрудоспособности – все это реально только для тех, кто болен. Вывести из длинного перечня болезней и патологических состояний гермафродитизм – значило бы оказать таким людям медвежью услугу, поставить под сомнение их право на внимание врачей и социальную поддержку.

Ну что ж, давайте примем эти доводы. Правда, просмотрев под этим углом зрения несколько самых авторитетных монографий, я не обнаружил полного единства во взглядах. Гермафродитизм действительно называют болезнью, заболеванием. За многими его разновидностями прочно закрепилось чисто медицинское определение «синдром». Но в ходу и другие определения – аномалия, изменение, дефект. Ощущение, что все это полные синонимы, обманчиво: каждое понятие имеет свой оттенок смысла, и не случайно оно ложится на бумагу, когда крупный специалист сосредотачивается на обобщении своего опыта. Но терминологические разбирательства и в самом деле не принесут нам никакой практической пользы.

Большинство моих коллег, полагаю, согласятся с тем, что гермафродитизм относится к классу дизонтогений – расстройств, отклонений в индивидуальном развитии организма, которое в сжатой форме повторяет эволюционный процесс развития вида. Это я принимаю без всяких поправок. Но вот какая странная мысль не оставляет меня в покое с тех самых пор, как я вплотную

соприкоснулся с этой проблемой. Какой знак несут на себе эти отклонения?

Чтобы было понятнее, приведу самый простой пример. Каждый день вы добираетесь до работы одним и тем же путем. И вдруг однажды попадаете в совершенно другое место! Это может произойти потому что вы зазевались, что-то напутали – то есть ошиблись, допустили в своих действиях брак. Но возможна и другая причина: вам захотелось усовершенствовать привычный маршрут, но ваши предположения не оправдались. Это тоже ошибка, по результату ничем не отличающаяся от первой. Но у нее другая природа, и последствия, скорее всего, окажутся другими – в первом случае вы просто прикажете себе быть внимательнее, а во втором вполне можете задуматься над тем, как же все-таки выполнить свое намерение и найти более удобную или более короткую дорогу. И если в принципе такой путь существует, то в конце концов вы его найдете.

Так что же стоит за отклонениями в половом развитии эмбриона? Поломка в программе, выработанной за миллионы лет эволюции? Грубо говоря, брак? Или хотя бы в отдельных случаях перед нами попытка видоизменить эту программу – пусть не увенчавшаяся успехом, но совершенная под знаком поиска, эксперимента? Разве это невозможно? Разве все эволюционные изменения в мире живой природы не появлялись первоначально в виде всевозможных дизонтогений. отклонений от хода развития, унаследованного от родителей?

В молодости я зачитывался Фламмарионом, делал выписки, от которых у меня кружилась голова. «Новая раса, умственно более развитая, займет наше место на Земле, и кто знает, не встретимся ли мы когда-нибудь с вами, серьезный читатель, или с вами, мечтательная читательница, в кабинете какого-нибудь ученого 276-го века в виде белых величественных скелетов с этикетками на лбу… На нас будут смотреть как на любопытные экземпляры вымершей расы, довольно грубой и жестокой, но уже обладавшей зачатками культуры и цивилизации и отличавшейся некоторой склонностью к занятию науками…»

Знаменитый французский астроном, умерший в 1925 году, остался мыслителем своего времени. Сейчас это поприще отдано фантастам. Если же говорить о науке, то значительная часть ее представителей склоняется скорее к тому, что эволюция человека как биологического вида завершена – по крайней мере, в плане морфологическом, поскольку в среде его обитания природные факторы представлены лишь опосредованно, а действие естественного отбора, благодаря медицине и социальным системам, сведено едва ли не к нулю.

И все же мне по-прежнему больше импонирует противоположное мнение, утверждающее идею эволюции как главный закон бесконечности и непрерывности жизни. Могут меняться формы эволюционных изменений, может замедляться или ускоряться ее ход. Но в любой временной точке человеческий организм представляет собой всего лишь очередную стадию в безостановочной цепи изменений.

Послушать патологоанатомов – им, в их печальной работе, редко удается обнаружить орган, полностью отвечающий «нормативным представлениям». Опытный глаз сплошь и рядом обнаруживает отклонения, говорящие о том, что попытки внести какие-то изменения в строение человеческого тела природа предпринимает постоянно. Правда, в большинстве случаев они бывают не очень значительны, а главное – не выстраиваются в систему, не закрепляются и не затрагивают популяцию в целом. И все-таки с тех самых пор, как эволюционная теория вошла в наше мировоззрение, как его неотъемлемая составная часть, самые мудрые и проницательные из медиков не устают напоминать друг другу, какого внимания требуют встречающиеся в нашей практике аномалии. Они, безусловно, могут не означать ничего, кроме того, что природа, по нашей аналогии, допустила брак. Но всегда есть вероятность, что наблюдаемые нами дефекты, даже если на общем фоне они воспринимаются как уродство, на самом деле есть неудавшийся результат предпринимаемого природой эксперимента, который будет успешно завершен… Ну, хотя бы к тому времени, о котором говорил Фламмарион.

Не относится ли к числу таких экспериментов и гермафродитизм? Учитывая, что в каждом поколении человеческий род в строго определенной пропорции платит эту непонятную дань, мы вполне вправе сделать такое предположение.

Но что же дальше?

Хочу сопоставить два ряда явлений, лежащих, казалось бы, в бесконечно далеких одна от другой, не пересекающихся областях.

Когда влюбленным хочется донести до окружающих силу и глубину охватившего их чувства, они часто используют один и тот же образ. Есть, говорят они, старая легенда, согласно которой люди были некогда цельными существами, а потом Создатель разделил их надвое и разбросал половинки по всей земле. Так они с тех пор и блуждают, мучимые томительным ощущением своей неполноты, пока судьба не пошлет им встречу с той самой, давно утраченной второй половинкой, и только воссоединившись с ней, человек постигает высшее счастье, доступное смертному.

Почему так популярна эта метафора? Да, действительно, она очень точно передает психологическое состояние, сопутствующее торжествующей любви, – чувство духовной и телесной нераздельности с любимым, превращение двух разных людей в одно существо, неизмеримо более сильное умственно и физически, более устойчивое к любым житейским напастям, чем это дано одиночкам. Но вот что кажется удивительным. И в мифологии, и в поэзии есть великое множество других параллелей и метафор, и их, в меру своей начитанности, люди тоже нередко используют. Но ни один не может конкурировать с этой легендой о половинках. Только ей удалось так глубоко укорениться в массовом сознании, вознестись в ранг истины, разделяемой миллионами в самые разные времена.

Приходит ли кому-нибудь в голову при этом, что раз две половинки исходного целого представляют собой мужчину и женщину, значит, то существо, тот мифологический прачеловек должен был быть, без вариантов, двуполым? Нет, как много раз я убеждался, эта подробность в расчет не принимается, сознание ее отсекает. Легко понять, почему так происходит: по логике мифа, первоначальное состояние было благополучным, счастливым, мытарства начались только после жестокой операции рассечения. При существующем же эмоциональном восприятии гермафродитизма никак невозможно увидеть в нем воплощение максимального внутреннего комфорта и сбывшихся надежд.

Если же мы обратимся к подлинным легендам, дошедшим до наших дней в своем первозданном звучании, то там все точки над «i» расставлены четко и недвусмысленно. Многие племена, невысоко поднявшиеся над первобытной культурой, до сих пор сохраняют веру в то, что появлению разнополых людей предшествовали более сильные и могущественные существа, объединяющие в себе достоинства и преимущества обоих полов. Некоторые малые этносы, почитающие своего общего предка, полагают, что он был гермафродитом. Двуполые или непринужденно меняющие один пол на другой божества представлены едва ли не во всех языческих пантеонах, причем, их тем больше, чем дальше в седую древность уходят культовые представления.

Время расцвета античной культуры мы воспринимаем как бесконечно далекое от себя. Но, видимо, древние греки считали, что удалились на такое же, если не большее историческое расстояние от эпохи, о которой повествует легенда, переданная Платоном: первыми обитателями земли были андрогины, двуполые существа, впоследствии разделенные пополам. Может быть, это и есть та самая легенда, на которую, мало что зная о

Платоне, ссылаются теперь влюбленные? Возможно, но необязательно. Пути, которыми следуют мифы, путешествуя во временах, неисповедимы, и письменная фиксация в общедоступном литературном памятнике – всего лишь один из них, хоть и самый надежный.

Те, кто расценивает миф, легенду всего лишь как красивую сказку, плод ничем не скованной фантазии, во многом, конечно, правы. Назначение мифа – примирять сознание с беспощадной реальностью, и уже в силу одного этого он не может быть ей адекватен. Мы точно знаем, что на пустом месте мифы не возникают. Но как вычленить эти крупицы действительных фактов, растворенные в безбрежном море самых причудливых интерпретаций? И как, главное, опознать, к какому слою действительности они относятся – к событиям, происходившим в окружающем мире, или к их отражению в человеческой психике? Лишь в редких, исключительных случаях к нам в руки попадает надежный ключ, позволяющий заглянуть внутрь мифа.

Так, например, случилось с бесчисленными мифологическими сюжетами о золотом веке, об утраченном рае, присутствующими в архаических пластах едва ли не всех культур. Все, что достоверно известно о жизни наших прародителей, решительно идет вразрез с этими сказаниями. Слабые зачатки цивилизации, беспомощность перед могучими стихиями, отчаянная борьба за существование – какой золотой век, откуда, на чем мог бы он расцвести? Но какое-то особое излучение убедительности, присущее каждому мифу, мешало отмахнуться от этих представлений, как от пустой байки. Строились предположения, выдвигались самые различные гипотезы… Пока, наконец, психология, далеко продвинув вперед свой исследовательский инструментарий, не научилась прочитывать самые первые, предшествующие рождению, движения человеческой души. Тут и было, наконец, показано и доказано, что неродившийся младенец как раз и пребывает в том состоянии полного равновесия, мира, покоя и абсолютного довольства, какое люди во все века подразумевали под райским блаженством, а во-вторых – что память об этом воистину золотом периоде, хоть она и прячется в глубинах бессознательного, не исчезает и на всем протяжении человеческой жизни причудливо оттеняет все наши переживания.

Миф о потерянном рае оказался точным слепком реальности. С единственной поправкой: факты индивидуальной психоистории он переносит на историю как таковую, делает их частью долгого повествования о прошлом человеческого рода. Но это, как я уже упоминал, самый обычный прием в мифотворчестве.

Настанет, я думаю, когда-нибудь день, который внесет такую же ясность и в мифологические версии происхождения человека. Тогда и можно будет вынести окончательный приговор двуполым существам – олицетворяют ли они кого-нибудь из реальных обитателей земли или принадлежат миру фантазии, как почти ожившая, облеченная в плоть и кровь аллегория, помогающая человеку глубже познать самого себя. Не будем пока предвосхищать событий. Отметим то, что представляется безусловным.

Появление двух полов мифы относят к временам очень давним – даже по своему собственному, то есть мифологическому, летоисчислению. И все же настаивают на том, что так было не всегда. У человечества, состоящего из двух полов, были предшественники – двуполые существа, и они, несомненно, имели немалые преимущества перед «половинками», каждая из которых в чем-то ущербна.

Интересно, что в этой точке сходятся легенды, родившиеся в разных концах земли, у народов, так далеко отстоящих друг от друга во времени и пространстве, что подозрения во взаимствовании сразу отпадают.

Но еще интереснее, что эта картина полностью совпадает с тем, как рисуют происхождение полов эволюционные теории. Единственное уточнение, какое необходимо тут сделать, – события, отраженные в этих концепциях, произошли задолго до появления на нашей планете не только человека, но и тех биологических видов, в которых угадываются его далекие пращуры.

Эволюция размножения шла поэтапно. Самый простой способ, соответствующий простейшим же формам жизни – деление. Несмотря на то, что значение слова «размножение» предполагает лишь количественный аспект процесса воспроизводства, в действительности он неотделим от качественного – от присущей живой материи способности изменяться под влиянием окружающей среды. Любая клетка снабжена механизмами изменчивости, выполняющими эту функцию. Но они слишком маломощны, и это предопределило переход на следующую ступень – выделение в структуре организма специализированных репродуктивных клеток, позволяющих поддерживать баланс со средой на более высоком уровне.

Представление о дальнейшем направлении эволюции дает размножение инфузорий. В стабильных условиях эти одноклеточные бесхитростно делятся, умножая этим свой род. Но когда среда начинает меняться, инфузории демонстрируют более

сложный способ размножения – скрещивание. Они сливаются попарно, объединяя при этом свои запасы генетической информации, а затем разрываются, образуя два новых организма. Уже на этом элементарнейшем примере видно, что темп размножения при этом замедляется. При делении из двух инфузорий получаются четыре. При скрещивании же количество не меняется. Но зато происходит качественный сдвиг: потомство приобретает новые генетические свойства. В эволюционном плане эффект увеличивающегося разнообразия перекрывает потери в численности вида.

Скрещивание – гигантский шаг в сторону образования пола, но еще не окончательный, поскольку в этом акте могут участвовать и однородные по своим функциям клетки. А вот когда и здесь начинает торжествовать принцип специализации, то есть клетки, ответственные за создание нового организма, становятся функционально различными, эволюция вступает в фазу полового размножения.

Пол, таким образом, внятно заявляет о себе прежде всего на клеточном уровне. Достаточно того, что размножение происходит путем скрещивания, при участии разных по типу клеток. При таком подходе вопрос о местоположении этих клеток отходит на второй план. Наше привычное восприятие пола ассоциирует его с наличием двух разных особей – мужской и женской. Но хоть эволюция и пришла к этому в конце концов, случилось это далеко не сразу, после предварительного опробования множества иных вариантов. Есть виды, и поныне практикующие многополовое размножение. Таковы, например, до боли знакомые всем вирусы гриппа. Или плесень: у некоторых ее разновидностей исследователи насчитали до 13 полов! И в отношении разделения видов на мужскую и женскую половины мы можем твердо сказать, что обязательным этот признак стал уже на очень высоком уровне сложности живых организмов, а пока очередь до них не дошла, природа вполне довольствовалась скрещиванием половых клеток внутри одной особи. Примечательно, что для определения такого способа размножения биология воспользовалась наименованием, которое первоначально, на протяжении долгих веков, относилось только к людям. Способ этот называется гермафродитивным.

Итак, путь эволюции прочерчивается четко: от бесполых форм размножения – к половым, от гермафродитных – к раздельнополым. Это дает основания для того, чтобы отнести явления гермафродитизма к категории регресса, встречающегося в природе во множестве всевозможных вариантов: в ситуации стресса происходит отступление на один из архаических, давным-давно преодоленных уровней.

В науке, сразу скажу об этом, такая позиция безусловно доминирует, несогласных с ней заворачивают, что называется, с порога. Так, в частности, случилось с оригинальной теорией, с которой выступила недавно А. Фаусто-Стерлинг. По ее классификации, существует не два, а пять полов: к мужскому и женскому приписаны еще три пола, между которыми распределяются разные виды гермафродитизма. Первый пол – хермы: для него характерно наличие в организме одного яичника и одного яичка. А Фаусто-Стерлинг убеждена, что при известной реконструкции внутренних гениталий им было бы доступно и зачатие, и вынашивание плода. Второй пол, или мермы, объединяет гермафродитов, у которых есть яички, но нет яичников при наличии некоторых женских гениталий. Третий пол – фермы: у них есть яичники и некоторые мужские гениталии, но нет яичек. Три пола, плюс два общеизвестных – итого пять.

Насколько я могу судить по отзывам, эта теория не была воспринята всерьез. Автора ласково пожурили – как неразумного ребенка, который, хоть и действует из наилучших побуждений, все же городит явную чепуху. Было признано что с гуманитарной точки зрения А. Фаусто-Стерлинг, возможно, и права. Если бы гермафродитов легализовали в качестве людей, принадлежащим к особым полам, это и в самом деле способно было бы повысить их социальный статус и избавить от гнета предубеждений (вот, кстати, и самый точный ответ на давно напрашивающийся вопрос – как относятся к гермафродитам в обществах, опередивших нас, как мы полагаем, на пути цивилизации: очевидно, и там еще сохраняют силу средневековые предрассудки!). Но биологической экспертизы концепция пяти полов не выдержала. Пол определяется функцией в процессе воспроизводства, а тут перед нами люди, которых природа от этого процесса как бы целенаправленно отлучила. Так о чем же разговаривать?

И все же на меня этот эпизод, который наверняка затеряется в истории науки уже через самое короткое время, произвел сильнейшее впечатление. Я словно бы почувствовал поддержку, обнаружив, что странные мысли возникают не только у меня и не только я вижу загадки там, где большинство моих коллег их не усматривает.

Сотворение Адама

Вот несколько примеров. Обратите внимание на то, как устроен организм высших животных, включая и человека. Природа специально позаботилась о том, чтобы обеспечить всем жизненно важным органам максимально надежную защиту. Головной мозг укрыт за костными структурами черепа. Сердце обороняет грудная клетка. Шлемы, латы, теперь пуленепробиваемые жилеты – все эти конструкции по своему замыслу вторичны по отношению к тому, чем обеспечен организм биологически. Конечно, эта естественная защита очень хрупка и уязвима. И все же она дает максимум прочности, надежности из всего, чем располагает живая плоть.

Органы женской репродуктивной системы не снабжены костным панцирем. И все же их расположение в глубине брюшной полости тоже дает известные гарантии против опасности внешних травм. И только мужские половые железы ничем не прикрыты. Они даже как бы выброшены за пределы организма, навстречу всем возможным ударам. У четвероногих эту беззащитность хоть немного компенсирует строение задних конечностей. У человека же эта особенность его анатомии выглядит буквально провокационной. Природа словно бы подчеркивает, что для нее этот человеческий орган никакой ценности не представляет.

Как это объяснить?

И буквально рядом мы сталкиваемся с другой загадкой. Поистине астрономическое число сперматозоидов, обреченных на гибель, приходится на одного, участвующего в размножении. Если это делается «для верности», то почему в отношении женских репродуктивных клеток природа не проявляет такой безумной расточительности?

Все, конечно, помнят библейский миф о Еве, сотворенной из адамова ребра, – квинтэссенцию представлений о второстепенной, вспомогательной роли женского пола. Я был очень удивлен, узнав, что эта метафора прорабатывается и вполне научными теориями об эволюционном происхождении полов. Есть концепции, считающие мужской пол организующим, а женский – производным, сформированным из мужского гормональными средствами.

Путь развития человеческого зародыша, если вы помните, идет по противоположной схеме, в которой женские признаки играют роль базовых. Это учитывается и альтернативными эволюционными концепциями, утверждающими, что родовой пол был именно женским, а мужской производным. То есть в

действительности Адам был сотворен из ребра Первой Женщины, если воспользоваться языком мифа.

Но на этом эволюционисты, интересующиеся историей полов, не остановились. Высказывалось, например, мнение, что для продолжения рода было бы вполне достаточно яйцеклетки, если бы она не была подвержена внешним травмам – радиационным, химическим и т. п. Мужская клетка, за счет своих генов, ее как бы подстраховывает – только для этого, мол, и требуется участие в размножении мужского пола. Хотя даже до того, как мы подробно разберемся в аргументах, напрашивается возражение. Если «ремонт» генетических структур яйцеклетки и в самом деле необходим, то почему с ним не могли справиться однотипные клетки? Зачем понадобилось это разнообразие клеток, тем более – распределение их между разными организмами?

А есть и такие экзотические теории, которые вообще смешивают мужское начало в природе с пищей для воробьев. Согласно теории канадцев Майкла Роза и Доналда Хики, самцы являются просто паразитами. Есть такие паразитические куски в структуре ДНК, подобные вирусам, не несущие ровно никаких полезных функций. То же самое представляют собой и самцы – но на организменном уровне. Точнее, представляли – когда выделились в особый пол. В ходе эволюции эти никчемные существа нашли себе полезное применение, так что без них и в самом деле стало не обойтись.

Можно по-разному воспринимать эти теоретические построения. Но обращает на себя внимание странный резонанс, возникающий между непочтительными интерпретациями роли мужского пола и теми явными проявлениями небрежности природы, о которых я упомянул.

И здесь самое время вспомнить теорию советского исследователя – биолога Вигена Геодакяна. Он был необычайно популярен лет 20 тому назад – как раз в те времена, когда общество раздирали споры о настоящих и ненастоящих мужчинах, настоящих и ненастоящих женщинах. Он широко раздавал интервью, выступал с докладами то у физиков-атомщиков, то у литераторов, то в молодежных клубах. Его трактовка мучившей всех проблемы и вправду была оригинальна. К тому же он выступал от лица биологии, ответственной за создание двух полов, а значит и за возникающие между ними противоречия. В среде, наиболее близкой к нему профессионально, отношение к Геодакяну было скорее скептическим. Его страстное увлечение проблемой, которая многим представлялась умозрительной, не вызывало большого сочувствия. Может быть, из-за огромного количества публикаций

в массовой печати его идеи широко распространялись. Мой друг, интересующийся вопросами происхождения пола и следящий за ходом их обсуждения в специальных изданиях, говорит, что часто встречает там чуть ли не дословное изложение идей Геодакяна, но увы – без упоминаний его имени.

Раздельнополый способ размножения победил в ходе эволюции: этим отличаются все наиболее совершенные в биологическом смысле виды животных – млекопитающие, птицы, насекомые. В растительном царстве раздельнополые формы составляют всего лишь несколько процентов. Но эти растения – двудомные, как их называют, – тоже можно считать венцом эволюции и по срокам их появления на земле, и по более высокому уровню организации.

Какие же преимущества дает виду этот способ? Они непременно должны быть. При всех значительных эволюционных переходах что-то важное приобретается, но дорогой ценой. При замене бесполого размножения скрещиванием, как мы уже говорили, была завоевана возможность увеличить генетическое разнообразие, но при этом было пожертвовано скоростью самого размножения. Темпами количественного прироста. Но это самое генетическое разнообразие наилучшим образом обеспечивает гермафродитный способ. При нем, как не трудно подсчитать, оно возрастает вдвое по сравнению с раздельнополым. Что же удалось приобрести за счет этой жертвы?

Такая постановка проблемы побуждает к тому, чтобы изложить в форме вопросов бесчисленные проявления полового диморфизма, или раздвоения признаков, давно всем известные и обычно принимаемые за данность. Аксиомой, например, является тот факт, что у мужчин и женщин по-разному идут биологические часы. Рождается всегда больше мальчиков. Но перевес этот держится недолго – мальчиков больше и среди детей, умирающих в самом раннем возрасте. На какое-то время численность полов уравновешивается, а затем из-за повышенной мужской сущности снова возникает дисбаланс, и в старших возрастах преобладают женщины. Это тысячекратно проверено, подтверждено самыми точными статистическими расчетами. Но чем объясняется эта неумолимая закономерность?

Есть старая примета – мальчики родятся к войне. При строгой проверке это не подтверждается, статистические данные, относящиеся к предвоенным годам, показывают обычное соотношение числа мальчиков и девочек среди новорожденных. А вот уже после начала войны и какое-то время после ее окончания изменения действительно наступают, частота появления на свет мальчиков увеличивается. Примета, следовательно, точна, она

только передвигает событие во времени, превращая следствие в прогноз. Но почему это происходит?

Селекционеры, выводящие продуктивные породы домашних животных, широко используют явления полового диморфизма. Они знают, как нужно подобрать пару для передачи потомству желательных качеств. В одних случаях носителем этих качеств должен быть отец, в других – мать. Но почему такие схемы дают нужный эффект, какие закономерности за этим скрываются?

Когда в супружеском или любовном альянсе женщина оказывается выше ростом, крупнее, нам это невольно режет глаз. По этой причине, такой мелкой, такой смешной по сравнению с истинным взаимопониманием, душевной близостью, распалось на моих глазах несколько замечательных пар – люди стеснялись друг друга, им тяжело было встречать недоуменные или насмешливые взгляды. Кажется, что этот эстетический идеал основывается на заповедях самой природы, которая всегда выделяет мужские особи, делая их более значительными, рослыми. Но на самом деле так бывает не всегда. Есть виды – например, среди насекомых, – у которых преимущества в размерах имеют самки, рядом с которыми трудно даже заметить крошечных, невзрачных самцов. От чего это зависит, какой принцип лежит в основе этих различий?

Мне неизвестен ход мыслей Геодакяна. Суммировал он факты, пока они не образовали стройную систему, или гипотеза возникла у него автономно, а затем уже была опробована на способность закрыть собою все эти многочисленные белые пятна в сложившихся до него толкованиях – в любом случае он проявил большую дерзость. Его концепция ставит процессы развития жизни в один ряд со структурой рукотворных систем, действующих в изменчивой среде: технических, социальных, игровых и т. д. Для повышения устойчивости таких систем широко используется кибернетический принцип сопряженных подсистем с раздельной специализацией, – консервативной и оперативной. Одна обеспечивает постоянство, преемственность, стабильность, сохранение достигнутого, другая – быструю реакцию, ответ на любое изменение среды. «Это как руль и киль у лодки, – объяснял Геодакян свою идею в популярных докладах перед аудиторией, имеющей смутные представления как о биологии, так и о кибернетике. – Благодаря рулю, лодка получает маневренность. Благодаря килю, она движется в заданном направлении и не переворачивается на резких поворотах».

Преимущество дифференциации полов, по Геодакяну, заключается в том, что благодаря ей складываются оптимальные условия для выживания вида. Женский пол образует стабильное

ядро. Мужской – подвижную, лабильную оболочку, обращенную к внешней среде. Потоки информации о состоянии среды, о происходящих в ней изменениях попадают сначала в эту оболочку, преобразуются там, подвергаются действию отбора и только потом, уже в отфильтрованном, переработанном виде эта информация достигает ядра. Такое распределение функций позволяет наиболее выгодным для вида, самым экономным образом примирить две важнейшие эволюционные тенденции – сохранения и изменения.

Разделение на две сопряженных подсистемы, утверждает Геодакян, прослеживается на всех уровнях биосферы как самовоспроизводящейся живой системы: популяционном, организменном, клеточном, ядерном, хромосомном. Консервативная подсистема – женский пол, гаметы, ядро, аутосомы, нуклеиновые кислоты. Оперативная подсистема – мужской пол, соматические клетки, цитоплазма, половые хромосомы, белки. Каждая группа выстраивается по принципу глубокого внутреннего тождества по характеру информационных взаимоотношений со средой. При таком подходе Y-хромосома предстает как «ворота» для новой экологической информации. X-хромосома отличается от нее большим числом генов-модификаторов, отвечающих за количественное наследование признаков.

Для выживания вида одинаково важны оба основных аспекта воспроизводства – количественный и качественный, подразумевающий непрерывное совершенствование, закрепление в потомстве новых признаков, обеспечивающих максимальную гармонию со средой. Как мы хорошо знаем и по своей обыденной жизни, количественные и качественные параметры постоянно тяготеют к конфликту («числом поболее, ценою подешевле» – и наоборот). Строгая специализация, в форме дифференциации полов, снимает этот конфликт. Благодаря ей режим жизнедеятельности вида может быть направлен на достижение обеих взаимоисключающих целей.

Избыточная расточительность природы, проявляющихся в том, как небрежно она обрекает на заведомую бессмысленную гибель миллионы клеток-сперматозоидов, может служить наглядным примером ее отношения к мужскому роду. «Сечение» канала связи, то есть потенциальные возможности передачи генетической информации потомству, у мужской особи несравненно больше, чем у женской. Поэтому уменьшение числа самцов, принимающих участие в размножении, не влияет на численность потомства. Это позволяет воздвигнуть на их пути дополнительные барьеры естественного отбора и важнейшей его

разновидности – полового отбора, что дает гарантию передачи потомству наиболее ценных качественных характеристик. Этим и объясняется повышенная смертность, заболеваемость мужского пола.

Можно сказать, что природа смотрит на самцов любого вида, как бизнесмен – на оборотный капитал, который он смело ставит на кон, ввязываясь в рискованные комбинации, – всегда на острие ножа между выигрышем и потерей. Но эту смелость придает ему наличие основных фондов, в качестве которых в нашем случае выступает женский пол. Это золотой запас вида, не только благодаря самой способности вынашивать и производить на свет потомство, но и по массовости своего участия в процессе размножения. Для особи женского пола остаться на всю жизнь бесплодной – случай несравненно более редкий, чем для существа, несущего в себе мужское начало. Геодакян приводил в пример наблюдение, сделанное над популяцией морских слонов, когда оплодотворенными оказались 85% самок, но непосредственно в отцовской роли выступили всего лишь 4% самцов. При таком соотношении полнее сохраняется спектр генотипов прошлых поколений.

В экстремальных условиях представители мужского пола погибают первыми, но и потребность в них возрастает, что немедленно отражается на соотношении полов в потомстве. Как выглядит механизм, регулирующий эти пропорции, Геодакян объяснить не мог, вызывая этим некоторое недоверие к своим теоретическим построениям. Но он пытался восполнить эту слабость огромным количеством иллюстраций. Об эффекте военных лет я уже упоминал. А вот примеры другого рода.

У перекрестноопыляющихся растений вероятность появления потомков разного пола зависит от количества пыльцы, попадающей на женский цветок. При дефиците пыльцы появляется больше мужских потомков и наоборот. У многих животных прослеживается влияние на пол потомства интенсивности сексуальной жизни самцов, что в свою очередь связано с их местом в иерархии. У лидеров стаи или стада рождается больше дочерей, у самцов низших рангов – больше сыновей.

Половой диморфизм Геодакян описывает не как одномерное явление (различие морфологических признаков у представителей разных полов), а как двумерное, включающее динамику признаков во времени. Первым на вызов среды реагирует мужской пол – у него у первого и появляется новый признак, способствующий выживанию. Женскому полу, с его большей выносливостью и податливостью к давлению среды, дольше

удается оставаться в исходных формах. Когда все эти ресурсы прикрытия исчерпываются, признак начинает эволюционировать и у женского пола, и это продолжается даже в период, когда у мужской части вида признак вступает в фазу стабилизации. Эта авангардная мужская роль прослеживается нагляднее всего в размерах. У видов, укрупняющихся в ходе эволюции, как, например, большинство позвоночных, самки выглядят более миниатюрными. Если же вы встречаете насекомых или пауков, у которых самка рядом со своим супругом выглядит великаншей, это верный признак того, что эволюция ведет вид к мельчанию.

Вполне вероятно, что это кардинальное различие между полами проявляется не только в тех случаях, когда все соответствует норме, но и при различных аномалиях. Как я понял, в чем-то у нас с Геодакяном совпадает ход мысли, когда он говорит о «футуристических» дефектах – поисковых, разведывательных, экспериментальных. Такие нарушения программы развития чаще встречаются у мальчиков, в противоположность девочкам, для которых характерны аномалии, имеющие атавистическую природу, как бы воспоминания о далеком прошлом. Это относится, например, к отклонению от установившегося в ходе эволюции числа органов, меньшего по сравнению с тем, что существовало в давние, дочеловеческие времена. «Лишние» ребра, зубы, позвонки, почки – преимущественно женский порок. Нехватка этих органов, заключающая в себе намек, что процесс редукции еще не закончен и эволюции есть над чем поработать, – порок преимущественно мужской.

Эти соображения, к слову сказать, открыли теории, в целом достаточно отвлеченной, прямой доступ к практической медицине – например, при диагностике сердечных пороков. Неправильно сформировавшиеся сердце, напоминающее о далеких предках человека, – в 2-2, 5 раза чаще встречается у девочек и во столько же раз реже страдают они от неуместного «новаторства» матери-природы в строении клапанов или в расположении магистральных сосудов. В сложных случаях, при неопределенном диагнозе (тогда ведь не было многих современных методов исследования) включение пола в число диагностических признаков и в самом деле заметно повышало процент точных попаданий.

Теория была бы не полной, если бы автор не попытался объять ею и психологические различия между полами. Боюсь, что собственная ментальность, достаточно патриархальная, помешала Геодакяну сделать это с полным блеском. Исповедуя старый принцип «дом – мир женщины, мир – дом мужчины» он даже не

попытался рассмотреть и оценить перемены, происходившие на его собственных глазах. Женщины приспосабливаются – мужчины либо погибают, либо – эврика! – находят неожиданный выход. Женщины воспитуемы, обучаемы – мужчины сообразительны и изобретательны. Женщины конформны – мужчины строптивы… Все это не то что неправда – это лишь какая-то малая часть правды о психологических доминантах, зависящих от пола, причем, часть, наиболее стереотипная, навязшая в зубах. Но я, похоже, напрасно горячусь. Геодакян и не стремился расшифровать сложные психологические загадки, пользуясь своей теорией – он, наоборот, совершал экскурсы в сферу психологии, чтобы подкрепить теорию, сделать ее более убедительной, потому и мог ему понадобиться только общепризнанный (а это и означает – стереотипный, банальный) иллюстративный материал.

Мужчина – новатор. Он предпочитает и лучше решает задачи, которые встречаются ему впервые, с удовольствием используя возможность не застревать на частностях, на технических деталях. Вектор всех его устремлений направлен в будущее. Женщина комфортнее всего чувствует себя там, где суть деятельности – в повторении пройденного, в движении по хорошо освоенным маршрутам, и ей доставляет особое удовольствие шлифовать, оттачивать самые мелкие и незначительные операции. Ей свойственна особая зависимость от прошлого опыта. Большинство людей, не страдающих от монотонности и даже способных находить в ней особое очарование, принадлежат к женскому полу. Потому женщины лучше приспосабливаются к рутинным процедурам, к работе на конвейере, тогда как мужчины в таких условиях раздражаются, начинают ошибаться, и дело нередко заканчивается психическими расстройствами. Женщины – исполнительницы. Мужчины – изобретатели и творцы.

То же самое можно сказать об эволюции умений – и индивидуальных, когда новыми для него навыками овладевает отдельно взятый человек, и исторически возникающих в развитии общества. В каждом случае, напоминает нам Геодакян, процесс распадается на две фазы. Начальная – фаза поиска, становления, разработки, освоения в целом. И завершающая: закрепления, совершенствования. Первая фаза связана с лидерством мужчин. Они – пионеры везде: в ремеслах, в искусстве, в спорте, в изобретательстве. Они господствовали некогда даже в тех профессиях, которые потом почти целиком закрепились за женщинами, включая вязание, печатание на машинке, портновское дело.

Оказавшись в зоне отбора, то есть попав в резко ухудшившиеся, дискомфортные условия, женщина стремится

вырваться из них за счет модификационной пристройки. Мужчина для этого недостаточно пластичен, он может отвечать на дискомфорт только новыми решениями. Например, при внезапном похолодании климата женщина отреагирует физиологически – у нее увеличится слой подкожного жира. Мужчина же изобретет шубу, научится пользоваться огнем, выроет пещеру. В этом явно метафорическом примере я улавливаю тонкий намек на естественность социального лидерства «сильного пола». Собственная жировая клетчатка пригодится только самой женщине и никому больше. Другое дело – костер, крыша над головой, теплая одежда. Они выручат всех, в том числе и женщин с их физиологической защитой.

Почему у мужчин лучше развито пространственное воображение, почему они успешнее справляются с начертательной геометрией, с чтением чертежей? Если вас это интересует, посмотрите, как расположены глаза у человеческого эмбриона: не фронтально, как у всех нас, а по бокам головы. Это повторяет конституцию наших далеких предшественников. Зрительные поля у них не перекрывались, каждый глаз был связан с противоположным полушарием мозга. В процессе эволюции, в связи с приобретением стереоскопического зрения, глаза переместились на свою нынешнюю позицию, и каждый «замкнулся» на соответствующее ему мозговое полушарие. Эволюционно эти связи и соответствующие им способы проработки зрительной информации прогрессивнее – значит, они в большей степени развиты у мужчины. А вот с обонянием – противоположная ситуация. Эта способность становится все менее актуальной в борьбе за существование. И хоть ни один из органов чувств не дает таких мощных, ярких ассоциаций, рывком переносящих в иное психическое состояние, но в целом динамика идет к угасанию. Потому преимущество принадлежит женщинам.

Это же самое правило можно, оказывается, распространить и на различия в сроках жизни мужчин и женщин. Эволюция идет по пути замедления хода биологических часов. На каждую стадию в развитии организма требуется все больше времени. Потому-то и отстают мужчины на всех этапах – и в росте, и в половом созревании, и старость приходит к ним позже. Тут мы, правда, спотыкаемся на укороченную среднюю продолжительность жизни мужчин, но это, как мы уже знаем, означает расплату по другим счетам, за более жесткое взаимодействие со средой. Зато среди чемпионов долгожителей – мужчины в подавляющем большинстве.

Теперь, на дистанции в два с лишним десятилетия, мне проще понять, почему эта теория пользовалась таким шумным

успехом у так называемой читающей публики, то есть у людей, профессионально далеких и от эволюционной биологии, и от генетики, и от кибернетики. Представление о двух полах как о двух равнозначных подсистемах единой великой системы автоматически пресекало препирательства о том, кто лучше, кто хуже, на ком держится наше земное существование, а кто только подрывает его стабильность. Это указывало прямую дорогу к выходу из обострившейся войны полов, собиравшей в ту пору обильные жертвы, к примирению, взаимопониманию и сотрудничеству.

Третий суд

Проследим еще раз логику эволюции, как ее преподносит Геодакян, логику движения от бесполого типа размножения к скрещиванию по гермафродитному типу и далее – к раздельнополому. Каждый способ имеет свои преимущества, которые частично утрачиваются при переходе на более высокую ступень развития – но она потому и оказывается более высокой, что взамен утраченных открываются более совершенные, многовариантные возможности жизнедеятельности, взаимодействия со средой, усложнения и индивидуализации поведения живых существ.

Под раздельнополостью, без всяких оговорок, подразумевается разделение на два пола. Это вытекает из того неоспоримого факта, что полов в природе два. Это имеет также и строгое математическое обоснование: спаривание, то есть соединение любого множества элементов по два, дает максимальное число комбинаций. Но ведь не случайно и Геодакян, и другие теоретики пола специально подчеркивают, что расширение количества комбинаций – это всего лишь одна из задач, обусловивших разделение сложных живых форм на полы, как и выживание – не единственная цель изменений, претерпеваемых живыми существами. Все примеры, приводимые создателями многочисленных эволюционных теорий, говорят о стремлении не только к сохранению вида, но и к его совершенствованию, приводящему в итоге к появлению новых видов. Две сопряженные подсистемы, как принцип организации управления, более эффективны, чем одна, нерасчлененная. Но искусственные системы, аналогия с которыми дала толчок теории Геодакяна, подразделяются нередко и на большее число подсистем, и это себя оправдывает…

Конечно, если считать, что эволюция завершена и вопрос заключается лишь в том, какие из существующих биологических видов сокращаются, а какие, в результате нарастающей человеческой экспансии, перейдут в разряд музейных, то и говорить не о чем. Но если мы ощущаем себя не на финише, а в середине процесса, которому предстоит длиться столько же, сколько у него позади, то и размножение при участии двух полов начинает выглядеть не пунктом назначения, а всего лишь точкой неведомо куда ведущего маршрута. Почему нет? Как и все предшествовавшие ему типы, он доказал свои преимущества, но продемонстрировал и слабые стороны.

Общепризнанно, что эволюционная биология переживает

своего рода кризис с тех пор, как переход естественных наук на точные методы исследования по-новому высветил проблемы, связанные с полом. Часто цитируют Вильямса, утверждавшего, что «преобладание полового размножения у высших растений и животных несовместимо с современной эволюционной теорией» Белла, называвшего пол «вызовом» науке об эволюции, Мейнарда Смита, признававшего: «мы не имеем удовлетворительного объяснения тому, как возник и как сохраняется пол». Все это не мимоходом оброненные высказывания «смежников», сосредоточенных на других проблемах, а мнение ведущих авторитетов именно в данной области, зафиксированное в работах, которые так и называются: «Пол и эволюция», «Эволюция пола», «Эволюция и генетика сексуальности». Трактуется это обычно как упрек в адрес научной мысли, пасующей перед необходимостью дать объяснение установленным фактам. Но может быть, все дело в природе этих фактов?

«Пол – это антисоциальная сила в эволюции», – провозглашает еще один видный теоретик, Эдвард Вильсон в книге «Социобиология». Почему? А очень просто. «Совершенные общества, если набраться храбрости определить их как общества, в которых нет конфликтов и которые обладают в высочайшей степени альтруизмом и координацией, скорее всего развиваются при условии, что все его члены генетически одинаковы. Когда введено половое размножение, члены группы становятся генетически различными… Неизбежный результат этого – конфликт интересов».

Когда подобные конфликты возникают в нашей повседневной жизни, из них существует только два выхода. Наихудший, по современным представлениям, – торжество сильнейшего за счет подавления того, кто оказался слабее. Наилучший – апелляция к третьей, заведомо беспристрастной стороне, в лице суда, коллектива или просто какого-нибудь умного человека, пользующегося достаточным уважением. Если даже решение находят сами конфликтующие, за счет уступок или компромиссов, все равно эта умиротворяющая сторона присутствует символически. Стремясь разрешить спор, мы вспоминаем о существующих в обществе законах и традициях, о моральных и религиозных заповедях, а значит, и о тех, кто в свое время нам их преподал. В ушах у нас звучат их наставления, советы, мы обращаемся мысленно к опыту других людей, проходивших через такое же испытание и сумевших с честью выйти из него… Все вместе это и образует третью сторону, преобразующую саму природу конфликта: из столкновения, чреватого войной, истреблением, он превращается в источник

нового ценного опыта, в инструмент совершенствования отношений.

Мысль о введении еще одного равноправного участника в процесс продолжения жизни приходит сама собой – ввиду ее очевидной целесообразности. Не менее сильной, чем та, что продиктовала некогда переход от гермафродитных форм размножения к разделению всех биологических сообществ на два пола, существующих каждый по своим особым законам. Закон, установленный для мужского пола, резко ужесточающий условия отбора, был, вероятно, каким-то образом сопряжен с относительной простотой форм жизни, доминировавших в тот незапамятный период, и с безграничностью биологических ресурсов на нашей планете, тогда еще довольно-таки молодой. И то, и другое с тех пор существенно изменилось. Как знать, может быть, само замедление темпов эволюции как-то связано с тем, что потенциал прогресса, заложенный в принципе двуполости, давно себя исчерпал?

У меня есть старинный приятель и тезка, Арон Каценелейнбоген, давно уже живущий в Америке. Это один из самых поразительных людей, с которыми мне приходилось встречаться. Представьте себе крупного экономиста, авторитетного, преуспевающего, обступаемого со всех сторон профессиональными проблемами, интереснейшими и перспективнейшими и в творческом смысле, и в плане улучшения собственной жизни за счет работы над ними. И он действительно работает, создает теории, пишет книги, полемизирует, считается главой какого-то не вполне мне понятного направления в экономической науке. Поддерживать этот имидж без самых серьезных усилий невозможно, но у моего тезки это, слава Богу, получается.

И вдруг в нем просыпается жгучий интерес к проблеме, никак не пересекающейся с той областью, которой он посвятил свою жизнь: его начинает мучить тайна происхождения рака. Он изучает все версии, все гипотезы, в которых, как мы понимаем, нет недостатка, но он без дураков ухитряется познакомиться со всеми, – и ни одна его не удовлетворяет. Его мышление, поистине компьютерное по мощи и неутомимости, мгновенно улавливает в этих концепциях внутренние противоречия, несообразности, натяжки. Попутно – чтобы понимать, о чем идет речь, – он буквально заглатывает университетские курсы биохимии, генетики, эмбриологии – всех наук, на языке которых изъясняются специалисты в той области, куда он неожиданно и далеко уже не молодым человеком вторгся. Его дилетантизм служит ему добрую службу: он ничем не ограничен, он не

говорит: «это моя специальность», «это не моя специальность», читает все подряд. А поскольку еще и все запоминает – так уж устроена у него голова, – полученная информация укладывается у него в оригинальную систему. В конце концов он создает собственную, никого не повторяющую теорию изменчивости клетки, с объяснением причин, которые ее вызывают, механизмов, которые приводятся в действие этими причинами, законов, которые управляют этими механизмами.

Я не знаю, что подвигло Каценелейнбогена на этот титанический труд, невольно вызывающий у меня ассоциацию с Карлом Марксом. Возможно, в биологии и заключалось его истинное призвание, голоса которого он почему-то своевременно не расслышал. Возможно и другое – сигналом послужила тайная, подавленная вспышка канцерофобии, страха перед раком, – это весьма распространенный психологический недуг. В любом случае, благодаря уникальности своего интеллекта, он сумел найти наилучший выход. И повел он себя со своим открытием совсем не так, как Маркс – со своим. Он не стал требовать всемирного признания, не стал будоражить несчастных раковых больных и их родственников криками, что их лечат неправильно, что врачи не понимают природу их заболевания, что надо перевернуть кверху дном всю медицину. Изложив свою теорию в книге, даже объемом напоминающей «Капитал», Каценелейнбоген издал ее – и предоставил жить своей естественной книжной жизнью: искать читателя, убеждать его, вести с ним диалог, искать свое место в безбрежном море научной литературы.

Проблемы пола специально его не занимали, но поскольку размножение тоже является разновидностью процессов изменчивости, идущих через клетки, миновать их не мог. И тут, между прочим, подтвердилось, что необычная деятельность моего тезки вызывает в Америке достаточно широкий доброжелательный резонанс. Его пригласили выступить на семинаре «сумасшедших идей» в одном из исследовательских институтов в Филадельфии. В ученом мире Америки любят и очень ценят такие вольные трибуны, несерьезные лишь в той мере, какая необходима, чтобы снять напряжение и страшный груз ответственности, который всегда давит диссертантов, авторов солидных монографий и статей в сверхтребовательной научной периодике.

На этом семинаре Каценелейнбоген сделал доклад о многополовом размножении, и он был выслушан с подобающим интересом. Мысль отталкивалась от того же, о чем мы с вами только что говорили: от непомерно высокой затратности процесса продолжения жизни, как он сложился в природе, что для нее в

конце концов может стать непосильным. Наличие двух полов не препятствует появлению особей, не удовлетворяющих требованиям развития. Приходится вмешиваться беспощадному контролеру, в виде естественного отбора, который исправляет ошибки, но уже постфактум, когда потенциал рождения использован. Если и вправду эволюция приведет к созданию третьего пола, то функция его будет заключаться в упреждении нарушений фундаментальных программ развития.

Аналогией для этого предположения послужила идея разделения властей. Один пол выступит подобием законодательной власти, определяющей программы формирования организмов с учетом родовой памяти видов. Второй, напоминая этим исполнительную власть, будет конкретизировать эти программы применительно к текущей обстановке, к состоянию среды. А третий участник размножения войдет в ансамбль, имея прототипом судебную власть.

Численность популяции благодаря этому уменьшится, сократится и потенциал генетических комбинаций. Но своевременная экспертиза, которая станет возможна благодаря третьему полу, сделает комбинации более эффективными и в конечном счете ускорит поступательное развитие вида.

Мне было интересно: как относиться мой друг к теории Геодакяна? Оказалось – с большим уважением, в чем-то опирается на нее, находит ей дополнительные подтверждения, отсутствующие у автора. Таков, например, занятный пример африканских улиток: в чистой воде они ведут себя как гермафродиты, то есть самооплодотворяются, но когда водоем начинает кишеть паразитами, у части улиток вырастает мужской половой член, и они вступают в сексуальные отношения. Но во многом Каценелейнбоген идет дальше предшественника: в его версии функции полов выглядят более многогранными и биологически осмысленными.

Охранительная, консервативная роль, возложенная на женский пол, не отрицается, но к ней его функции не сводятся. Женские организмы играют несравненно более активную роль в развитии, по-своему реагируя на воздействие среды. Специфика в том, что на женские репродуктивные клетки больше влияют не впрямую внешние факторы впрямую, а косвенная информация о них, уже переработанная всем организмом. Каценелейнбоген проявил в этом завидную проницательность. Правда, он связывал этот феномен с миграцией клеток, которые, претерпев какие-то изменения, могут пытаться передать их по наследству. Но тут приходилось считаться с тем, что подавляющее большинство биологов отрицало такую возможность, считая во-первых,

структуры ДНК единственным каналом передачи информации потомству, а во-вторых, отрицая возможность проникновения соматических клеток в святая святых половой системы. Поэтому свою мысль Каценелейнбоген высказывал очень осторожно. Может быть, все-таки существует разница между мужским и женским организмом? Может быть, женский организм в большей мере сохраняет отголоски архаического механизма, когда в размножении принимали участие все клетки организма, и каждая могла самостоятельно воспроизводить себя в потомстве? Что же касается возможности проникновения «посторонних» клеток, то тут задается для размышления вопрос: почему никогда не встречается вторичный рак мужских яичек, тогда как яичники у женщин он поражает сплошь и рядом? Не говорит ли это о том, что биологические барьеры, препятствующие проникновению чужеродных клеток, устроены у двух полов по-разному?

Требуется сделать лишь одно сравнительно небольшое уточнение, и гипотезу можно считать подтвержденной. Не клетки организма проникают в репродуктивную систему. За них это делают их представители, их послы – пептидные гормоны. Каценелейнбоген точно предугадал присутствие этого регулирующего фактора, хотя и был не в состоянии определить его «лицо». Идентификация бесчисленных разновидностей пептидных гормонов, постижение их безграничных возможностей, их первостепенной роли в процессах жизнедеятельности – все это произошло лишь в самые последние годы. К слову сказать, и функцию «судебной власти», функцию контроля за точным исполнением программ развития пока что, до появления третьего пола, исполняют именно они.

Согласно библейской легенде, набедренные повязки у первых людей, Адама и Евы, появились из чувства стыдливости: отведав, по дьявольскому наущению, яблоко с древа познания добра и зла, они прозрели, и собственная обнаженность показалась им неприличной. Каценелейнбоген предлагает отнестись к этой легенде всерьез – как к свидетельству, какая часть туалета появилась раньше всего. Но вряд ли тут сыграли роль соображения приличия. Гораздо вероятнее, что с начала прямохождения потребовалось хоть как-то защитить половые органы, главным образом мужские, от бесчисленных и жестоких травм, и эта потребность оказалась такой настоятельной, что быстро продвинула первочеловека в его развитии. Может быть, вообще мы ошибаемся, считая, что знаком выделения человека из животного мира было появление орудий труда? Приматы и теперь ловко манипулируют различными предметами. Но никто, кроме человека, не прибегает к искусственным средствам защиты

своего тела.

Но почему же все-таки природа сделала мужчин такими уязвимыми? Проштудировав горы книг, Каценелейнбоген нашел единственное объяснение, повторяющееся из уст в уста: образование спермы идет при температуре на градус ниже, чем нормальная. Однако, не является ли это скорее следствием, чем причиной? Если со времен питекантропов мужская конституция остается неизменной, вполне достаточно было времени, чтобы установился именно такой температурный режим деятельности половых желез. Тем более, что у некоторых млекопитающих – китов, дельфинов – яички находятся внутри, и это ничему не мешает.

Высказывается другое предположение: не поставлена ли здесь во главу угла необходимость мгновенно отреагировать на появление в окружающей среде каких-то экстремальных факторов, например, повышение радиации? Были, например, сообщения об отдаленных последствиях Чернобыльской катастрофы, проявившихся не у самих людей, которые оказались в зоне поражения, (но не в эпицентре), а в следующем поколении. За достоверность этих данных поручиться сложно, поскольку жизнь разбросала пострадавших по всей стране – кто-то был эвакуирован сразу после аварии, кто-то сменил место жительства некоторое время спустя. Но все же есть наблюдения, говорящие о том, что риск пережить как бы вторую серию трагедии для мужчин несравненно выше, чем для женщин. У детей, родившихся со всевозможными аномалиями и уродствами, чернобыльцами в большинстве случаев были именно отцы.

Этот пример позволяет наглядно представить себе беспощадную для индивидов, но спасительную для вида стратегию природы в экстремальных ситуациях. Это мы с вами знаем, что авария на Чернобыльской АЭС была чудовищным, но единичным эксцессом, после которого экологическая обстановка в округе более или менее нормализовалась. Механизм изменчивости в такие тонкости не вдается. Он рассчитан на то, чтобы жизнь могла продолжаться и в том случае, если бы губительные для нее факторы стали постоянными – как и случалось бесконечное число раз в истории нашей планеты. На первый взгляд, может показаться странным: какое же продолжение жизни, если в итоге на свет появляются, на горе себе и своей семье, несчастные, глубоко больные дети, имеющие к тому же крайне мало шансов принять участие в продолжении рода? Но ведь то, что с позиции нашего обыденного существования воспринимается как болезнь, патология, уродство, – это зачастую и есть те самые неудачные

эксперименты, имевшие место целью найти удовлетворительное, позитивное, можно даже сказать конструктивное решение сложной задачи. Идет лихорадочный перебор вариантов – в чистом виде «метод тыка», как мы это называем, – но только он и дает надежду, что в одном случае из великого множества у детского организма появятся такие приспособления, которые позволят ему жить и развиваться, невзирая на гибельность среды. Дальше, в потомстве, эти признаки усилятся, усовершенствуются, стимулируют появление новых, еще более важных для выживания, пока не образуется племя, для которого смертоносный радиационный фон – то же самое, что для нас воздух, богатый кислородом.

Огорчительная анатомическая особенность мужского организма может и в самом деле рассматриваться и как символ, и как необходимое условие исполнения авангардной, разведывательной роли этого пола. Благодаря ей обеспечивается оперативность, быстрота и точность реакции. И точно так же укрытость, защищенность женских половых желез и символически, и функционально предуготавливает этот тип организма к роли тыла, гарантирующего максимально высокую, по обстоятельствам, стабильность и страхующего от слишком поспешных, неадекватных ситуации метаморфоз. Возникает туннельный эффект – в точности такой же, как бывает при больших постройках, когда две команды движутся из разных точек и в противоположном направлении, но навстречу друг другу. Мужской пол полнее испытывает влияние среды. Женский больше выражает глубокие изменения в структуре организма.

Под таким углом зрения можно истолковать и бросающиеся в глаза различия между женскими и мужскими половыми клетками. Структура яйцеклетки неизмеримо сложнее, чем примитивное устройство сперматозоида, аналогичное некоторым типам вирусов. Она формируется достаточно долго, проходя ряд последовательных стадий, что полностью отвечает ее функции – обеспечить передачу потомству всю полноту генетической информации, долговременную память вида, а сложные образования не способны ни быстро размножаться, ни стремительно меняться. А простота строения сперматозоида служит залогом и высокой адаптивной изменчивости, и скорого количественного прироста, что во многом означает одно и то же: ведь именно в процессе многократного деления происходят метаморфозы. А отсюда и впечатляющая разница в цифрах, которая тоже по-своему обеспечивает эволюционную успешность туннельного эффекта. В момент эякуляции (одной!) мужская особь выбрасывает до 300 миллионов сперматозоидов. А женская

– проживает жизнь, имея в потенциале примерно по 400 тысяч яйцеклеток в каждом яичнике, которые образуются уже в первом полугодии после рождения и дальше только совершенствуются, созревают, не изменяясь в числе.

Во времена моей молодости существовал грозный жупел «биологизации». Уличения в ней боялись не меньше, чем смертоубийственных упреков в «ревизии марксизма». Догматическое мышление нашего научного и идеологического начальства с иезуитской тщательностью прочерчивало границу между проявлениями биологической и социальной природы человека и шаг вправо или влево от этой границы рассматривался как тягчайшее преступление. Но такая граница и вправду существует, хотя меньше всего она похожа на тот четко обозначенный межгосударственный рубеж, который – еще одна давняя ассоциация – бдительно охранял в свое время славный пограничник Никита Карацупа со своей знаменитой собакой.

На эту неуловимую, подвижную грань постоянно натыкаешься при попытках перейти от рассмотрения проблем пола в контексте биологической эволюции к социальной и психологической его ипостаси, которая тоже, бесспорно, сопряжена с поступательным ходом эволюции общества, но несет в себе множество иных смыслов и оттенков.

Как дети природы, мы беззащитны перед своей жестокой и беспощадной матерью, которая не различает нас в лицо и счет нам ведет в таких количественных величинах, какими захлебнется самый совершенный компьютер. Но все меняется, когда особь становится личностью. Логика естественного, в том числе и полового отбора становится неприемлемой для живого существа, имеющего, помимо бренного тела, бессмертную душу. Социальная диалектика пола следует по пятам за биологической, но ни в чем не сливается с ней полностью.

Это целиком относится и к идее третьего пола. Сколько бы ни мерещились нам его призраки – в биологическом истолковании это не более чем смелая фантазия. Ее ценность лишь в том, что она позволяет по-новому перегруппировать известные нам факты и поощряет ум к отыскиванию новых, не бросающихся в глаза связей между ними. Считайте, если угодно, третий биологический пол иллюзией. Но ведь и вся современная химия выросла из алхимии, гонявшейся за иллюзорными, призрачными целями.

При переходе в чисто человеческое измерение меняется само наполнение понятия «пол». Как подчеркивают биологи, никакие стоящие особняком группы организмов не могут быть квалифицированы с помощью этого понятия, если их отличия не

связаны со спецификой участия в размножении. Но здесь эти границы расширяются. Деторождение остается сущностным ядром пола. Но вокруг этого ядра нарастает такая объемная, такая сложная, такая пестрая оболочка, что в иных случаях она как бы отрывается от своего ядра, получая самостоятельное значение.

Вот об этих странных, труднообъяснимых социальных и психологических инверсиях пола, напрашивающихся на выделение в особый ряд, в третий (четвертый? пятый?) пол, у нас и пойдет дальше разговор.

Последний скопец

Вероятно, я – один из последних людей, видевших живого скопца. И уж наверняка последний, с кем он согласился доверительно побеседовать.

… За окном – лютая стужа, пурга. Грязноватое оконце почти доверху запорошено снегом. А в чисто прибранной комнате тихо и даже по-своему уютно. Обстановка самая простая. Деревянный стол с керосиновой лампой, массивные табуретки, тяжелая скамья. Много икон, и прямо впритык к ним, тоже как деталь красного угла – яркая репродукция: «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». На подоконнике – аккуратные горшки с цветами. Герань, кактусы…

В Якутск я попал не по своей воле. Кто-то из местного начальства допился до «белой горячки», а ближайшая приличная больница, где могли ему помочь, была у нас, в Иркутске. Вот меня и послали в срочную командировку: сделать, что можно, на месте и срочно препроводить пациента в стационар. Но погода испортилась, и мы застряли.

Учитывая важность моей миссии, никаких затруднений с гостиницей не возникло. Но место нашлось только в большом, коек на пять, номере, обитатели которого, здоровенные бородачи, пережидая непогоду, дружно глушили водку. На свободной (то есть как бы моей) кровати была навалена верхняя одежда и какие-то шкуры, издававшие жуткий запах. Вдобавок здание не отапливалось, из-за пурги не подвезли дрова… «Знаете что, переночуйте-ка вы лучше у Калистрата, – сказала мне дежурная. – Вы же врач, а он докторов любит». На вопрос, кто такой Калистрат, лукаво улыбнулась: «Там увидите. Да нет, вы не бойтесь, он человек исправный, любит чистоту и шибко уважает Бога».

Так я и попал в эту чистенькую комнатку с кактусами на подоконнике и веселыми рожами запорожцев рядом со скорбным ликом Христа.

Провожая меня к Калистрату, дежурная только одно сумела пояснить – что он скопец. Это слово так ее смущало и одновременно смешило, что ничего толком объяснить она не могла. Я же тогда о скопцах имел самое смутное понятие. Возникали ассоциации с чем-то бесконечно далеким, языческим. При чем тут это, в советском городе Якутске, в конце 1952 года? Может быть, кличка такая у этого самого Калистрата – Скопец?

Но нет, хозяин мой и в действительности оказался членом скопческой секты, за что и был осужден и сослан навечно в

Якутию.

Необычность этого человека сразу бросалась в глаза. Очень высокий, худощавый, подтянутый, несомненно сильный, с огромными длинными руками – он словно выстреливал ими, когда хотел до чего-нибудь дотянуться. Но тело при этом какое-то обвисшее, с мягкими шейными складками, расширяющееся книзу. Высокий лоб, густые волосы, тщательно расчесанные на прямой пробор. Возраст по лицу определить невозможно. Множество морщин – вполне по его годам, ему давно перевалило за семьдесят, но отсутствие растительности и расплывчатость черт делали его на вид намного моложе. Мимика очень бедная, невыразительная, монотонная речь. Говорил Калистрат медленно, словно бы взвешивая каждое слово, хотя по сути – очень свободно, что по тем временам было мне в диковинку.

Встретил он меня радушно, но без малейшей суетливости. Не заставив долго себя уговаривать, согласился взять постояльцем. От денег отказался. Сразу же поставил чайник и стал обстоятельно, методично накрывать на стол. Аккуратно расставил миски с огурцами, с кислой капустой, еще с какими-то изумительно пахнувшими соленьями. Покопавшись в уголке, вытащил бутылку вина и очень обрадовался, услышав, что я пить не буду. «И правильно, – сказал он. – Я тоже в рот не беру ни капли!» И словно в поощрение, поставил на стол еще один деликатес – ломтики моченого арбуза. Это в Якутске, в разгар свирепой сибирской зимы!

Понятно, я не мог дать волю своему любопытству. Но расспрашивать и не пришлось. Калистрат только рад был внимательному слушателю, и все три дня, что я у него прожил, говорил практически он один.

Родился Калистрат в Бессарабии, в семье зажиточных крестьян. Дома все истово верили в Бога, соблюдали заповеди, прилежно помогали бедным. От детей требовали, чтобы они с малолетства знали назубок все молитвы и не пропускали ни одной церковной службы.

Там, в церкви, совсем еще маленьким мальчиком, Калистрат впервые увидел покойника. Вид гроба, горестные рыдания близких, скорбное пение – все это повергло его в ужас. Неужели и я будут так же лежать? Заупокойная служба кончилась, а страшная эта картина так и осталась у мальчика перед глазами. И с тех пор он никак не мог ее прогнать. Страх смерти преследовал его неотвязно. Родители внушали: кто не грешит, строго держит посты, несет Бога в сердце, тот не должен бояться смерти, ему уготовано место в раю. Но это не помогало справиться ни с ночными кошмарами, ни с леденящими сердце мыслями. «Ты еще

маленький, тебе ли об этом думать!» – успокаивали его старшие. Мальчик оживал – но не надолго: вскоре же смерть являлась за кем-то из детей.

Подростком, лет в 14, Калистрат познакомился со скопцами. О том, как это произошло, кто привел его в секту, я не узнал почти ничего. Дав с первых же дней зарок молчания, он так и остался ему верен. Я только понял, что о смерти скопцы говорили не так, как родители, не так, как говорил священник в церкви. Смерть – наказание за грех, а человек чистый, очистившийся – бессмертен. Ему не нужно ждать какого-то особого перехода к вечному блаженству. Оно начнется здесь же, на земле, сразу – как только станешь таким, как эти ласково смотревшие на него люди…

Происходила ли в нем какая-то внутренняя борьба? Появлялись ли сомнения? Был же у него перед глазами пример родителей, если даже предположить, что до понимания многих важных вещей в жизни он еще не успел дорасти. Детей в семье было много. Родители их любили, заботились о них. Дети, в том числе и сам Калистрат, отвечали им тем же. Даже в старости о совсем отчем доме он говорил с большим теплом. Все дети, это общий закон, на определенных этапах взросления видят себя в будущем таким же, как родители. Эти фантазии занимают огромное место в их духовном мире. Мальчик не мог не понимать, что эти мечты превратятся в пыль под ногами, если он станет полноправным членом секты. Задумывался ли он над этим? Понимал ли, какую высокую цену предлагают ему заплатить?

Не в такой, конечно, лобовой форме, но я задавал эти вопросы Калистрату, и он без всякого напряжения на них отвечал. Я понял, что участие в скопческих радениях, как именовали сектанты свой мистический ритуал, полностью изменило у него ощущение действительности. Реальность, к которой принадлежали и родительская семье, и та семья, которая могла бы появиться у самого Калистрата в будущем, стала видеться расплывчато, туманно – как сон. А тот мир, в который погружала скопцов их вера, нес в себе все признаки реальности. Вот хотя бы такой наглядный пример. Один из монологов Калистрата о бессмертии (а говорил он о нем с такой убежденностью, будто и меня старался привести в секту) я прервал довольно-таки бестактным вопросом: а умирали ли скопцы? Случалось ли ему с этим сталкиваться в то время, когда для него еще возможно было отступление? «Конечно, умирали!» – не моргнув, ответил мой хозяин и даже назвал несколько имен, подтверждая этим, что восторженность неофита не сделала его ни слепым, ни глухим, а

печальные эти факты ни от кого из членов секты не скрывались. Но они не задевали сознания. Им даже не искалось никакого пристойного, с позиции элементарной логики, объяснения. Никаких «раз так, то следовательно»! Смерть принадлежала реальности, а между нею и миром грез не было никаких точек соприкосновения.

Еще более поразительным показалось мне то, что страшная операция, которой этот человек подвергся (возможно даже, подверг себя сам, в этих сектах часто практиковалось самооскопление), не оставила мучительных следов в его памяти. Что это такое, я мог себе хорошо представить. Есть ряд заболеваний, вынуждающих врачей прибегнуть к кастрации. Даже в больничных условиях, с применением анестезии, обезболивающих препаратов, невозможно избавить больных от крайне тяжелых минут. Калистрат же о том, что он называл своим крещением, рассказывал без подробностей, но совершенно спокойно, как о чем-то, что произошло помимо него, не причинив ему ни страха, ни боли.

Самыми тяжелыми в его жизни были тюремные годы. Суду были преданы все члены секты. В Якутию выслали шестерых. Среди них были две женщины, несшие на себе большую скопческую печать: это подразумевало удаление сосков, клитора, больших и малых половых губ. Этап длился чуть ли не четыре года. В тюремно-каторжной иерархии скопцы считались париями. Их третировали, над ними издевались все – и уголовники, и конвоиры на этапе, и надзиратели в тюрьмах. Отнимали у них последнее, изводили оскорбительными кличками, били. Никто их не защищал. У групп любой другой «масти» были свои враги, но были и союзники. Эти же были одиноки, презрение и отвращение к ним сплачивало всех. Но в Ярославле, где они задержались дольше всего, года на полтора, старший товарищ Калистрата, видимо, их лидер, сумел вступить в контакт с охранниками и завладеть их вниманием. Некоторое время спустя двое из них себя оскопили, за что были отлучены от церкви. Так рассказывал Калистрат.

В Якутии скопцам пришлось поначалу туго. Но они были усердны, трудолюбивы, и жизнь у них наладилась. В поясах они принесли с собой семена арбузов, других южных овощей и фруктов и научились их выращивать в условиях короткого, но по-настоящему жаркого лета. И для местных жителей, и для поселенцев важным подспорьем была охота. Скопцы от этого раз и навсегда отказались – недаром, по своему самоназванию, они были «белыми голубями»! «Убивать живое мы не могли».

Когда началось раскулачивание, выяснилось, что самые

богатые люди во всей округе – это именно они, скопцы. Нависла угроза репрессий. Тогда тот же их лидер произнес целую речь. Нам, сказал он, запасы необходимы, потому что мы одиноки. Когда мы состаримся и ослабеем, некому будет о нас позаботиться. У нас своя жизнь, мы не делаем и не желаем никому плохого. Пожалуйста, не трогайте нас! Речь произвела сильное впечатление. Конечно, никаких запасов никто им не оставил, но и преследовать, обвинять не стали. Возможно, и то подействовало, что скопцы жили коммуной. Ничего своего, все только общее.

Дожили все до глубокой старости, но в конце концов возраст начал брать свое. Калистрат остался последним. Одиночество не изменило его привычек. Тех, кого скопцы почему-либо чуждались, продолжал сторониться и он. С кем считали возможным общаться, и он поддерживал отношения, но в тех же границах. Сам обеспечивал себя всем необходимым – а хозяйничал он поразительно умело, ни у кого не просил помощи. Промелькнула у него в разговоре фраза о том, что если есть у человека дети – это хорошо. Но ни зависти к такой судьбе, ни раскаяния я не почувствовал. Вообще его речь эмоционально была никак не окрашена. Голос оживал и глаза начинали блестеть, только когда он говорил о Боге.

Помню, что меня это очень смущало. Я не мог ни отвечать в тон ему, ни возражать, отстаивая свои взгляды, в ту пору – крайне примитивные. Впервые в жизни я с глаза на глаз беседовал с человеком не просто глубоко религиозным, но сделавшим эту веру единственным смыслом своей жизни. Мне было бы легче, если бы я чувствовал в нем хоть малейший психический надлом. Профессиональный опыт, пусть совсем пока небольшой, у меня тогда уже был. Но даже тень расстройства тут не проглядывала! Никаких причин смотреть на собеседника глазами представителя самой гуманной профессии! Только много времени спустя пришло мне в голову то, что, наверное, сразу должно было стать очевидным: такая разговорчивость, такая откровенность – вовсе не в характере Калистрата, не в стиле его отношений с людьми, которых скопцы, в противоположность себе, называли «мертвыми». Какой-то, наверное, особый момент пришел в его жизни…

Дома, в Иркутске, я сразу кинулся искать книги о скопцах, расспрашивал всех, кто хоть что-то о них знал. И был до глубины души поражен, когда обнаружил, что речь идет вовсе не о какой-то маленькой, странной группке людей. Когда Калистрат принимал свое «крещение» (или «огненное крещение», так тоже они говорили), это поветрие шло уже на убыль. Но все равно

скопческих сект было великое множество, и их состав непрерывно обновлялся. А еще несколько десятилетий назад счет «белых голубей» в России шел чуть ли не на миллионы! Как это понять? Что могло заставить такое множество людей добровольно соглашаться на то, что в определенном смысле было ничуть не лучше самоубийства? И почему я ничего об этом не знал, хотя всегда любил историю и читал о ней достаточно много?

При первой же возможности я снова поехал в Якутск, надеясь, что теперь смогу по-другому поговорить с Калистратом. Но я опоздал. Последнего скопца уже не было в живых. Он умер в один день со Сталиным, 5 марта 1953 года, и в один день с ним был похоронен. Провожала его в последний путь какая-то старуха да пьяный возчик, который вез гроб. А того, кто оскопил всю страну, оплакивали миллионы… Долго не оставляла меня в покое эта параллель.

Я начал собирать материалы по скопчеству, отмечал упоминания о нем в литературе. И вскоре нашел ответ по крайней мере на один вопрос – о своем собственном неведении. Информации оказалось предостаточно, и вся она давно была у меня перед глазами, но я ее не замечал, потому что внимание никак не было на ней сфокусировано. «Человек с лицом скопца», «о таком-то шел слух, что он скопец», «напротив жили скопцы» – русская беллетристика XIX и начала XX века изобилует такими упоминаниями. Все они, как правило, имеют такой вот точечный, назывной характер, за ними не стоит ни обостренного авторского интереса, ни желания взволновать читателя – так же примерно проходят через бесконечный ряд печатных страниц вереницы персонажей, отмеченных характерными внешними признаками: рыжих, или лысых, или горбатых. Они есть в жизни – и зеркало художественного творчества послушно их отражает. Но не более. Ни разу ни один из литераторов не дернул меня за полу: остановись, посмотри, какая тут кроется драма, какая стоит за этим проблема!

Читая впервые в жизни пушкинскую «Сказку о Золотом Петушке» – как у большинства детей, должно было это случиться довольно рано, – я наверняка спрашивал: «Мама, а кто это такой – Скопец?» Из того, что объяснение мне не запомнилось, я делаю вывод, что мама нашла какой-то способ увернуться от точного ответа. Истинный юмор реплики царя Дадона, обращенной к Скопцу: «И на что тебе девица?», надолго остался для меня скрыт. Потом, конечно, я узнал, кто они такие – евнухи, кастраты, скопцы. Но тоже фиксировал в сознании скорее результат: что с этими людьми случилось, чем они отличаются от обычных мужчин. Но как и почему это произошло, не задумывался, хоть и

улавливал разницу между смысловыми оттенками этих трех слов! Если речь шла о восточном гареме, там не мог присутствовать кастрат. О ранней итальянской опере никак нельзя было сказать, что партии в ней написаны для евнухов. Или вот прелестное стихотворение Алексея Толстого «Взбушевалися кастраты, Входят в папские палаты…»: – интуитивно я чувствовал, что тут нельзя было написать «скопцы». Но что уже одно это дает мне в руки туго смотанную в клубочек нить, за которой так интересно последовать, – даже не догадывался.

Тогда, в Иркутске, я думал, что смерть последнего скопца навсегда закрывает для меня эту тему. Единственное, что немного утешало, – в то время мне казалось, что основное направление научного интереса у меня уже определилось, и скопцы не имеют с ним ничего общего. Под руководством своего учителя, профессора И. В. Сумбаева я занимался гипнозом, а параллельно, в условиях строжайшей секретности – психоанализом. И ничто не предвещало, что вскоре я стану москвичом, аспирантом НИИ психиатрии, что благодаря этому окажусь у истоков принципиально новой медицинской науки – психоэндокринологии, а уже с этих позиций, как уже известно читателю, начну разгадывать загадки пола. Встреча с Калистратом оказалась для меня пророческой…

Как определить статус такого человека с точки зрения пола? Родился он мужчиной, но перестал им быть. Сомнений это не вызывает. И в то же время случившееся с ним не означает, что он превратился в женщину. Кто же он?

В стихотворении Толстого, о котором я только что упоминал – оно называется «Бунт в Ватикане», – есть примечательный пассаж. Разгневанные кастраты требуют от папы Римского, чтобы он вернул им способность к нормальной супружеской жизни. Ни усмирить, ни перехитрить их не удается. Они угрожают сделать папу таким же, как они («холощати», с простодушной прямотой называет это автор). Папа, конечно, перепуган – но это уже целиком относится к ернической фабуле стихотворения. А для нас с вами сейчас существенно другое: какое слово используется для обозначения того состояния, в котором пребывают кастраты? «Это вроде бы не в моде – Щеголять мне в среднем роде», – говорит у него папа. Средний род – категория грамматическая. Существительные среднего рода, как правило, обозначают предметы и явления, которые пола не имеют. Но у Толстого «род» читается однозначно – как «пол». И это не вызывает протеста. Да, есть, оказывается, и такой пол. Промежуточный, нейтральный, средний пол. Именно к этому полу принадлежит тот, кто не является ни мужчиной, ни женщиной. Нередко этот оборот, в том

же самом смысле, используется и в обиходной речи, когда хотят подчеркнуть чью-то безликость, бесхарактерность.

Перед нами, следовательно, – еще одна версия третьего пола.

Средний род

В современных художественных текстах сравнение со скопцами («лицо скопца», «внешность скопца») стало редкостью. Его место занимает другой эпитет – «бабий», «бабье». Он вызываеть в воображении те же портретные ассоциации и возбуждает то же эмоциональное отношение – прямо скажем, не слишком уважительное. Ну невозможно же, в самом деле, представить, что персонаж, уподобленный бабе, был способен совершать благородные поступки или выступать в роли крупномасштабного злодея!

Как нередко бывает, условность художественного отбора тесно переплетается здесь с биологическими закономерностями. В отсутствие пола и в самом деле формируется весьма своеобразный человеческий тип!

Кастрация как социальный феномен осталась в давнем прошлом. По медицинским показаниям к ней прибегают в редких случаях. Следовательно, третий пол немногочислен? Увы, это так. Медицине известны патологические состояния, проявляющиеся в недостаточной или вообще отсутствующей функции половых желез. Отсюда термин – гипогонадизм. Одни больные рождаются с этим дефектом, других беда постигает в детстве, третьих – уже после выхода из пубертатного периода.

Чем раньше возникают эти нарушения, тем, понятно, глубже влияние дефекта половых гормонов на все системы организма. Причины – самые различные. Чаще всего – инфекции, причем, самую большую жатву собирает паротит, невинная на первый взгляд детская свинка. Интоксикации. Алкоголизм. Передозировка лекарств – антибиотиков, сулфаниламидных препаратов. Неполноценное или, наоборот, избыточное питание. Депрессивные состояния, отрицательные эмоции. Механические повреждения и травмы. Чрезмерная половая активность. У меня был больной, которого, судя по всему, еще во чреве матери погубили «какие-то настои» – аборты в те годы были запрещены, и многие женщины избавлялись от нежелательной беременности по знахарским рецептам. Видите, какой длинный список – и то я перечислил только те факторы, которые непосредственно воздействуют на тестикулярную ткань. Но ее недостаточность может развиться и в ответ на заболевание других эндокринных органов, центральной нервной системы.

Такой же сложной и разветвленной выглядит классификация гипогонадизма по формам, по степени поражения тестикулов. Состояние, при котором по всем признакам и симптомам как бы

воспроизводится эффект кастрации, с легкой руки английского анатома Гриффиса называется евнухоидизмом.

Эпитет «бабий», применительно к внешности евнухоидов, пустили в ход люди не слишком наблюдательные или же снедаемые желанием уязвить этих странных мужчин, так мало соответствующих эталонам своего пола. Отдельные штрихи феминного типа в их облике присутствуют, но как бы вразброс. В цельный образ они не складываются. Мой любимый актер Александр Калягин, загримированный под тетку Чарлея – но со знанием дела, с соблюдением гармонии между всеми элементами лица и фигуры, – значительно больше похож на женщину, чем евнухоид, даже из числа наиболее «продвинутых» в женскую сторону.

Описывая Калистрата, я уже перечислил самые характерные признаки внешности этого типа. Высокий рост, специфические диспропорции строения – высокая талия, длинные руки и ноги. Кожа лица бледная, нежная, тонкая. Густые волосы, но какого-то неопределенного оттенка – они бедны пигментом и рано начинают седеть. Морщинистое, старообразное лицо без обычных примет возраста. Нарушения обмена веществ вызывают порой быструю прибавку веса, жировые отложения распределяются по телу в виде своеобразных пухлых подушек.

Вторичные половые признаки или отсутствуют, или резко недоразвиты, формирование гениталий останавливается где-то на середине пути. Сразу привлекает внимание отсутствие растительности на лице, это первое, что мешает воспринять евнухоида как мужчину. Иногда развивается какое-то подобие женской груди, эта аномалия еще больше подчеркивается массивными отложениями жира.

Если болезнь носит врожденный характер или начинается в раннем детстве, у евнухоидов долго не окостеневают гортанные хрящи, задерживается выпадение молочных зубов, костный возраст намного отстает от паспортного. Очень необычно выглядит иногда динамика роста: за короткий срок подросток может вдруг прибавить 15-20 сантиметров, хотя до этого его физические данные ничего подобного не обещали. Когда начало заболевания относится к постпубертатному периоду, то есть вторичные признаки в основном уже сформированы, происходит их регресс – обратное развитие.

Волны от пораженного болезнью органа расходятся по всему организму. Сердце, легкие, желудочно-кишечный тракт, не говоря уже о нервной системе – все работает «не так». Еще в 1933 году И. П. Павлов установил связь половых рефлексов с функциональной активностью обонятельного анализатора. Действительно, для

евнухоидов типично снижение порога обонятельной чувствительности. Многие из них не отличают по запаху бензин от французских духов. Плохое самочувствие, эпизодические и хронические расстройства здоровья постоянно отравляют евнухоидам жизнь. Обычно понижается работоспособность, вообще выносливость – отсюда целый букет социальных последствий. Окружающим евнухоиды часто кажутся изнеженными, это еще одно отпадение от мужских стандартов. Они плохо переносят жару, духоту, быстро выбиваются из сил, им действительно становится невмоготу, до потери сознания. Это заставляет их выбирать особые социальные ниши, как правило – незаметные, не связанные с большими нагрузками и ответственностью.

Как это бывает и у гермафродитов, болезнь блокирует социальное продвижение, не позволяет утвердиться в социально значимых, имеющих оттенок публичности ролях. Мы не увидим евнухоида ни в одном амплуа, которое в случае успеха возвышает не только самого человека, но и всех, кто в силу сходства может ассоциироваться с ним в массовом сознании. Мэрилин Монро повысила жизненные шансы всех ослепительных блондинок, Сталлоне и Шварценеггер укрепили позиции всех «качков». Есть актеры – не будем уж называть имена, – создавшие своего рода моду на «обаятельных уродов». Но все именно потому, что они оказались на виду, в ореоле славы и всеобщего восхищения. Ни один евнухоид не вырвется на такие вершины, чтобы вместе с собою реабилитировать и вывести в центр общественного внимания и всех себе подобных. Ни в политике, ни в искусстве, ни в науке, ни в военном деле. Не берусь утверждать огульно, что и в предпринимательстве тоже, но мне пока среди заметных «новых русских» евнухоиды не встречались. Это накладывает на третий пол печать второсортности, легкий оттенок пренебрежения возникает раньше, чем человек даст для него конкретный повод. Это тем более несправедливо, что медицина сейчас располагает достаточными возможностями, чтобы приблизить состояние таких больных к норме, а значит, устранить причины, объективно ограничивающие их социальный статус.

Как проявляет себя третий пол в семейной жизни? Напрашивающийся ответ «никак» – ошибочен. Многим евнухоидам удается вступить в брак. Более того: есть особая группа «фертильных (плодовитых) евнухоидов» – они могут даже стать счастливыми отцами. Но по моим наблюдениям, проклятие третьего пола омрачает даже их судьбу. Показать это проще на живом примере.

Несчастья Сергея, назовем его так, начались до рождения. Отец был хроническим алкоголиком, склонным к буйству и тиранству. Мать по каким-то причинам не решалась разрушить этот мучительный союз, но детей иметь не хотела. Пыталась прервать беременность – это она пила «настои», но свое намерение до конца не довела. Родился ослабленный, часто болеющий, отстающий в развитии мальчик. В течение десяти лет жестоко страдал от остеомиелита, который в конце концов заставил прибегнуть к ампутации. А лет в девять к этому прибавилось еще и заикание. Все вместе пригибало Сергея к земле, заставляло его сторониться сверстников. Всегда и во всем он старался быть как можно менее заметным. По-моему, только из-за этого он и учился неважно – никаких признаков снижения интеллекта я у него не улавливал.

Лет до 16 Сергей был чуть ли не самым маленьким в классе, потом начался бурный рост. Но голос, в отличие от других подростков, не ломался, половые органы оставались младенческими. По опыту гермафродитов мы уже знаем, что это такое для подростка – чувствовать себя «не таким, как все», «уродом». Сергей еще больше замкнулся, его стал преследовать страх перед насмешками, перед всеобщим отвержением. Было это в самом деле так или только казалось ему, но он постоянно страдал от всевозможных унижений, а постоять за себя он был неспособен. Если бы условия жизни позволяли, он стал бы отшельником. Успокоение находил только в долгих одиноких прогулках – где-нибудь за городом, в лесу, в поле, хотя пользоваться транспортом ему было трудно, его укачивало до обморока. Будущее видел в мрачном свете, не находил для себя ничего, к чему стоило бы стремиться. Не раз посещали Сергея мысли о самоубийстве.

Профессию особо не выбирал – плыл по течению, куда вынесет. Рано оставил школу, перебивался случайными работами, был подсобником, потом ненадолго стал наборщиком. В конце концов поступил на курсы поваров, не рассчитав, что не сможет долго находиться в жарком душном помещении. К полученной специальности оказался «ограниченно годен»: чувствовал себя нормально только в цехе холодных закусок. Отношение к нему начальства такая «привередливость» не улучшала.

Вредила Сергею и неспособность принимать решения. Бросить учиться, поступить учиться, устроиться на работу или уволиться – всем обычно распоряжалась мать. И сын не сопротивлялся. Изредка могло показаться, что и он способен взбрыкнуть – приходил в возбуждение, кричал, громко заявлял свою волю. Но энергии хватало ненадолго, вскоре он раскаивался,

просил прощения.

Его женитьба на все сто процентов была делом рук его матери.

Здесь мы обнаруживаем еще одну смычку с гермафродитизмом – поведение родителей евнухоидов, когда те еще не в состоянии контролировать собственную участь, часто отличается тем же безрассудством и слепотой. Когда Сергей оказался под наблюдением опытных эндокринологов, оказалось, что его состояние вовсе не безнадежно. Под влиянием вводимых в организм препаратов тестостерона оно во многом изменилось к лучшему. Но началось лечение поздно, только в 22 года, поэтому эффект оказался ограниченным. Взгляд на себя в зеркало только укреплял молодого человека в ощущении своей неполноценности. Огромный, непропорционально сложенный, с мальчишеским пушком там, где полагалось бы расти бороде и усам…

Но у матери была своя точка зрения на то, как помочь сыну. Надо, чтобы он начал регулярную половую жизнь – любовь быстро превратит его в нормального мужчину. Если даже в мальчишеской среде Сергей чувствовал себя инородным телом, то девушек он просто панически боялся. Влечение, когда он его испытывал, действовало на него с обратным знаком: чем определеннее ему нравилась девочка, тем старательнее он увеличивал дистанцию между нею и собой. Но мать и тут взяла на себя все хлопоты. Нашла невесту, привела ее в дом, чуть ли не силой заставила сына жениться. Сергею было 19 лет. Через месяц жена его покинула.

После ее ухода осиротевший муж впал в настоящую депрессию. Настаивая на срочной женитьбе, мать особо упирала на то, как трудно найти женщину, согласную жить с «неполноценным мужчиной». Теперь эти ее доводы целиком обернулись против сына. Он был уверен, что упустил свой единственный шанс, мысленно приписывал жене достоинства, которых у нее отродясь не бывало. Поэтому когда внезапно она к нему вернулась, он уже мог думать только об одном: что сделать, чтобы она осталась с ним навсегда.

Кто был отцом родившегося вскоре ребенка? Сергей? Или тот человек, чья неясная фигура мерещится за нервными метаниями супруги? Я не знаю точного ответа. Видел анализы спермы – они показывали неутешительный результат. Но, с другой стороны, обследовался Сергей уже после 30 лет, ребенок родился намного раньше. Все поведение моего пациента выдавало в нем заботливого, преданного отца. Ребенок постоянно присутствовал в наших разговорах. Сергей рассказывал, что купил ему, куда водил его гулять, как думает провести с ним отпуск. Но

контрапунктом проходила неизменно и другая тема: отцовство подняло статус Сергея, в глазах соседей и знакомых он теперь ничем не отличался от «настоящих мужчин». Маленький мальчик становился чем-то вроде амулета: обладание им придает владельцу силу, но потерять его нельзя – вместе с ним исчезнет и сила. Сергей хорошо знал, что все права владения и распоряжения этим залогом благополучия целиком принадлежат жене. Если она уйдет, то и сына, несомненно, заберет с собою. И зависимость от этой достаточно вздорной и недоброй женщины, и без того значительная, делалась абсолютной.

Пассивность, безвольность, нерешительность и всегда-то были характерными чертами Сергея, но теперь создавалось впечатление, что он вообще стал в собственном доме пустым местом. Никто не спрашивал, чего он хочет, никто не считался с его мнением. Власть целиком принадлежала двум женщинам, жене и матери. Иногда они делили ее мирно, иногда начинали конфликтовать, но даже при этом легко обходились без Сергея: его вмешательство ни одной не дало бы перевеса. В дурную минуту обе срывали на нем сердце – он безропотно сносил ругань, оскорбления, несправедливые упреки.

Низведение мужчины до положения мебели в доме – не такая уж редкость в наши дни. Но есть нюансы, которые определяют специфику данного случая. Обычно сильный пол, как бы ни бывал он оскорбляем и унижаем, не перестает возмущаться таким положением. Он ищет выход – хотя бы иллюзорный. Мужчины стремятся сблизиться с другими мужчинами, создать свой круг, в котором они могут говорить о себе, само слово «я» произносить с той интонацией, какую не могут позволить себе дома. Они изощренно мстят своим властолюбивым супругам – так, что порой только во время психоаналитического сеанса можно распознать, что какие-нибудь нелепые, во вред самому себе выходки на самом деле являются запоздалой сатисфакцией. Они хотя бы фантазируют, отводя себе в мечтах ту роль, то место, какие, по их мнению, соответствуют их попранному мужскому достоинству.

У Сергея я ничего подобного ни разу не наблюдал. К мужскому обществу он никогда не тянулся. Жалоб на то, что живется ему в семье не так, как он бы хотел, я не слышал от него никогда. На прием он обычно приходит с удовольствием, охотно поддерживает беседу, отвечает на все вопросы, но при этом отсутствует своеобразная нотка радости, которую я часто улавливаю у других пациентов с теми же домашними проблемами, – как, мол, приятно наконец-то пообщаться с человеком, который «все понимает» и относится к тебе с должным

уважением. Сергей не нуждается в такой невинной психотерапии. Он не считает, что мать и жена, обижая и унижая его, в его лице обижают и унижают весь его некогда славный пол. Напротив: тот пол, с которым он себя идентифицирует, именно такого положения, такого обращения и заслуживает. Такой вывод можно сделать из рассуждений Сергея о себе как о «неполноценном человеке», «не-мужике», которые нередко приходится от него слышать. Не конкретизируя, не вдаваясь в подробности, он постоянно таким образом признает, что в его жизни есть много такого, что «полноценного», настоящего «мужика» никак не могло бы устроить. Ну, а такому, как он, грех и роптать.

Манерой речи Сергей напоминает мне Калистрата. Говорит он так же медленно, тихим голосом, несколько монотонно, так же обстоятелен во всех высказываниях. А вот физически Калистрат производил впечатление человека несравненно более крепкого. В старости он легко справлялся с суровыми условиями жизни, сохранял трудоспособность, никогда не сидел без дела. Сергею же уже в 30 лет физические усилия стали в тягость, он часто говорил, что если бы мог дать себе волю – днями не вставал бы с постели. Конечно, мы не можем сбрасывать со счетов индивидуальные особенности разных людей. Один родился здоровым – другой, как мы помним, хилым и болезненным. Но немалую роль, наверное, сыграли и резко различные обстоятельства жизни. Калистрату семью заменила коммуна. На всех этапах биографии он принадлежал к уникальному сообществу, защищавшему своих членов от чужеродного окружения. Скопцы не случайно называли свои секты Кораблями. Какое дело плывущим на корабле до всего, что происходит вне его, сбоку или под днищем, как смотрят на них обитатели морских пучин, что о них думают?

Лица и маски

Есть ли характерные психологические особенности у третьего пола, если считать ведущим признаком этого состояния отсутствие коренных биологических признаков?

Когда я только начинал работу с с больными, страдающими гипогонадизмом, главными экспертами в этой области считались психиатры и эндокринологи. При этом психиатрам поневоле приходилось искать постоянных контактов со своими «смежниками»: ни понять причин психического расстройства, ни грамотно провести лечения без консультаций с эндокринологами они не могли. Эндокринологи же легко обходились собственными силами и только в каких-то из ряда вон выходящих случаях обращали внимание на психическое состояние больных.

Обобщая свои наблюдения, специалисты по душевным заболеваниям пришли к выводу о крайне тяжелых психических последствиях гипогонадизма. Считалось, что у больных складывается особый «евнухоидный характер», в котором собраны сплошь негативные черты. Слабоволие, пассивность, апатичность, непродуктивность, педантизм, мелочность, эгоистичность, жестокость, мстительность в парадоксальном сочетании с угодничеством и слащавостью, инфантилизм, узость кругозора, ограниченность интересов… Если суммировать, евнухоид рисуется настоящим социальным инвалидом, требующим опеки. Ну, как получить образование, как вписаться в жизнь общества, как обеспечить свою самостоятельность, будучи слабовольным, пассивным, непродуктивным, а в придачу еще и глубоко ограниченным?

Впрочем, встречались мне и такие публикации, в которых заведомая нетрудоспособность и зависимость от других рассматривалась как частое, но невсеобщее явление. Не у всех пациентов, страдающих евнухоидизмом убита способность адаптироваться к жизни, хотя и наиболее сохранных в интеллектуальном смысле связывает по рукам и ногам «пассивная покорность судьбе».

Много времени спустя, соприкоснувшись не с одним десятком больных разными формами гипогонадизма, я понял, что эти воззрения и справедливы, и ошибочны в одно и то же время. У талантливых и проницательных исследователей, сделавших такие обобщения, был резко сужен обзор. К ним попадали пациенты, нуждавшиеся в профессиональном участии психиатра: больные со значительно сниженным интеллектом, с серьезными деформациями личности, а то и с обычными психическими

заболеваниями, на течение которых гормональный статус этих пациентов накладывал особый отпечаток. Люди, которым, что называется, нечего было делать в психиатрической клинике, туда соответственно, не попадали и пищу для размышлений своим примером не разнообразили. А сколько таких людей было, имелись ли у них тоже какие-нибудь психические особенности и в чем они выражались – этого, до появления психоэндокринологии, никто просто не знал.

Уже через несколько лет после начала совместной работы с ведущими специалистами Института экспериментальной эндокринологии выяснилась полная несостоятельность прежних представлений.

Мы убедились, что черты пресловутого «евнухоидного характера» не связаны напрямую с недостаточной функцией тестикул. Чаще всего рука об руку с нею идут поражения мозга, вегетативно-сосудистая неполноценность. Не только грубые, явные, как бывает, например, после перенесенного в раннем детстве острого инфекционного заболевания, менингита или энцефалита, но и скрытые, как бы ползучие, не встревожившие в свое время даже педиатров. О них косвенно свидетельствовали некоторые подробности начального этапа биографии. Чуть позже, чем положено, ребенок начал ходить, разговаривать, казался слабее своих сверстников, быстро уставал, причем переутомление оборачивалось потерей аппетита, нарушением сна. По каждому из таких симптомов в отдельности трудно сделать определенное заключение, но когда их набирается много, когда все детство (так, кстати, было с Сергеем) проходит под знаком этих небольших отклонений, начинает угадываться какая-то серьезная проблема общего характера. Она же, возможно, становится первопричиной и поражения половых желез.

Мозг, сосудистая система не справляются со своими функциями, в том числе и с регулированием психических процессов. Отсюда и весь этот дезадаптивный «букет»: апатия, вялость, нерешительность, беспомощность, отсутствие вкуса к жизни. Человек, как называют это в быту, становится трудным. Он вечно пребывает в плохом настроении и портит его другим. С ним тяжело разговаривать, а договариваться просто невозможно: он сам увязает в мелочах и собеседникам не дает оторваться от них и осмыслить ситуацию по существу. Противодействие делает его конфликтным, злобным, агрессивным… Это состояние М. Блейлер определил в 1953 г. как эндокринный психосиндром. Вечная трагедия людей с таким психическим складом: чтобы справляться с жизнью, им необходима помощь и поддержка близких, но их поведение выводит из себя даже святых.

Те же явления гипогонадизма, но без признаков поражения центральной нервной системы, никаким специфическим «евнухоидным характером» не создавали. У нас было немало таких пациентов. Люди как люди. Более или менее активные, внушаемые, самостоятельные но без болезненного заострения отдельных черт, без патологических сдвигов настроения.

То же самое можно сказать и об инфантилизме, который раньше считался неизбежным спутником евнухоидизма. При отсутствии неблагоприятного органического фона, создаваемого теми же церебральными и вегетативно-сосудистыми нарушениями, наши больные вовсе не выглядели большими детьми, сохраняющими до седых волос свойственные раннему возрасту черты: впечатлительность, восторженность, безответственность и неумение справляться с собой. Единственное что можно было о них сказать – психическая зрелость приходила к ним с некоторым запозданием. Но и это я бы не решился объявить особенностью третьего пола. Те же самые черты незрелости я постоянно наблюдал у молодых и не очень молодых вполне здоровых мужчин и женщин. Объяснялось это не только традициями воспитания, но и шире – пороками социальной системы.

Типология характеров, формирование которых обусловлено принадлежностью к третьему полу, в принципе не оригинальна. В ее основе лежат три главные формы душевных реакций на постоянный психотравмирующий фактор. Можно капитулировать перед ним. Можно его игнорировать. А можно встать на путь обмана – надеть маску, которая в глазах окружающих, а в значительной степени и в своих собственных, сделает этот фактор как бы недействительным. Начинается все с внешних проявлений, с поведения: человек в чем-то интуитивно, но частично и вполне сознательно выбирает такой образ действий, какой помогает ему избегать самых чувствительных столкновений с суровой действительностью. Но постепенно избранная система защиты проникает все глубже, распространяясь на все психические структуры личности.

Любое меньшинство, организовавшееся по признаку, который массовое сознание третирует как недостаток, характерологически распадается на эти три основные группы. Это свойственно и двоечникам, если детский коллектив ориентирован на успехи учебе; и евреям, живущим в обществе, где преобладают антисемитские настроения; и неудачникам всех мастей; и девочкам из бедных семей, когда образуется большой разрыв между их возможностями наряжаться, получать удовольствия и эталонами, установившимися в их микросреде; и инвалидам,

если их дефект бросается в глаза… Различия лишь в том, какое значение придается этому недостатку, перечеркивает ли он личность целиком или воспринимается как некая досадная частность. Мы с вами уже знаем, что такое пол: это точка отсчета, если вообще не пропуск для вхождения в общество. Отсутствие пола исключает всякие шансы на получение такого пропуска. Отсюда и чрезвычайный характер психической самозащиты.

Я вспоминаю людей, которых буквально истребляло отвращение и презрение к самим себе. Их самоимидж воспроизводил самые глупые предрассудки массового сознания. «Я не мужчина» звучало для них как «я не человек». Все впечатления жизни для них окрашивались в беспросветно мрачные, черные цвета. Стремление к изоляции нередко становилось у них самодовлеющим, руководило ими при выборе занятия (стать, например, лесником), разрушало даже естественные связи с другими людьми – с родителями, с родными. Одиночество же делало их еще более апатичными, равнодушными ко всему, включая и собственную участь. Таких пациентов было у меня не много, но это, подозреваю, вовсе не потому, что такая реакция на мужскую неполноценность свойственна лишь единицам. Врач ведь, напомню, не устраивает подводных обходов, он видит перед собой только тех, кто к нему обратился, попросил о помощи, а уже одно это говорит о проблесках надежды, о готовности к борьбе. Большинство же пропадает безвестности. Зачем жить – видимо, такой вопрос возникает перед этими людьми постоянно, превращая их в потенциальных, а нередко и во вполне реальных самоубийц.

Насколько пассивна и инертна эта категория евнухоидов – настолько же активны и деятельны ее антиподы, наглядно демонстрирующие, что психические ресурсы личности границ не имеют. Движущей силой у этих людей становится стремление взять реванш. Они с головой уходят в работу, в дело, не оставляют себе свободного времени. Несколько человек из числа моих пациентов сумели найти себя на общественной ниве, то есть они не только не прятались, не избегали контактов, но даже словно бы специально ставили себя в такое положение, чтобы представать перед максимально широким кругом наблюдателей. Они создавали для себя свою систему ценностей, в которой главенствовало то, что у них было (профессиональное умение, способность приносить пользу, кому-то помогать), а то, чего у них не было, опускалось куда-то в самый низ ценностной шкалы. Это делало их неуязвимыми для нескромных взглядов – ни враждебность, ни насмешки их не ранили и не задевали, неустанным аутотренингом они в точном смысле слова приучали

себя вставать выше. Это спокойствие и видимая самодостаточность могли показаться совершенно натуральными, но при длительном общении всплывали нередко нюансы, показывавшие, какого неимоверного напряжения внутренних сил все это стоило. Например, я заметил, что люди этого склада избегают говорить не только о собственных проблемах (беседы с врачом не в счет) – они с виртуозной ловкостью обходят любые темы, хотя бы косвенно соприкасающиеся с полом.

Броня, которой защищает себя психика от непереносимых травм, может быть поистине непробиваемой. Но раз и навсегда создать ее невозможно. Ее приходится постоянно укреплять и совершенствовать, подправлять и чинить – а все это требует колоссальных энергетических затрат. Может быть поэтому ни уход с головой в работу, ни самоотверженность в делах не приносят людям этого типа впечатляющих успехов.

Классический портрет мужской маски, которую носит не-мужчина, нарисовал Томас Манн в романе «Иосиф и его братья». Это Петепра, или Потифар, герой библейских сказаний, знатный египетский вельможа, оскопленный в детстве богобоязненными родителями. Точность психологической разработки этого образа заставляет предположить, что писатель был близко знаком с представителями третьего пола, наблюдал их во множестве житейских коллизий. На этом обширном жизненном материале он, видимо, и выработал свое к ним отношение, в котором безусловная симпатия и теплота сочетается с мягкой иронией. К чему относится эта беззлобная насмешка, к самому кастрату или к надетой им на себя маске – точно ответить на этот вопрос, думаю, не мог бы и сам Томас Манн. Скорее всего – к тому и к другому вместе. Что поделаешь, как бы ни был мужчина интеллектуально развит, тонок, душевен и гуманен – не может он смотреть на не-мужчину как на равного себе, без этой самодовольной нотки превосходства…

Естественный мужской образ не предполагает гипертрофии традиционно приписываемых ему черт. Можно быть в меру сильным, в меру храбрым, в меру сексуальным и при этом вполне вписываться в рамки существующего эталона. Иное дело – маска. Она ведь должна не просто вводить в заблуждение окружающих – она призвана создать искомое самочувствие в том, кто ее надевает. А для этого мощный эффект усиления просто необходим. Не просто заявлять на каждом шагу о своей принадлежности к полу, но выглядеть при этом больше мужчиной, чем все остальные мужчины вместе взятые. Иногда мне даже приходит в голову, что сами каноны мужественности обязаны своим существованием не столько супермужчинам,

которых природа с завидным постоянством создает в каждом поколении, сколько их собратьям, далеко не достигающим подобного совершенства и страдающим от собственной незначительности.

Мужчины вступают в брак – и у Потифара есть жена, поразительная красавица, настоящий перл среди придворных дам, и он не упускает случая показать себя на редкость благополучным и счастливым супругом. Мужчины славятся умением управлять лошадьми – Потифар проделывает чудеса на своей колеснице, заставляет ее совершать такие маневры, на какие не решается больше никто. Мужчины охотятся – Потифар идет сражаться с крокодилами, то есть с хищниками самыми кровожадными, жестокими и сильными. Мужчины заставляют беспокоиться за себя любящих женщин («он такой смелый, такой отчаянный, презирающий опасность, не сносить ему головы!») – Потифар и в этом хватает через край, он даже не заботится о создании успокоительных иллюзий, как поступают обычно истинные представители сильного пола, наоборот, он всячески подчеркивает грозящие ему напасти, чем доводит родных до полуобморочного состояния…

Отвлекаясь от реалий Древнего Египта, которые и для Манна служили не более чем декорацией, мы получаем точную характеристику этого типа. Наши пациенты не правят колесницей и не вступают в единоборство с крокодилами, они и на зайцев-то не всегда имеют возможность поохотиться, в их распоряжении зачастую нет более достойных мужских атрибутов, чем курение, выпивка и грубоватость манер. Но в их гиперкомпенсаторном использовании они точно так же пережимают, придавая своему мнимому образу черты не столько величия, сколько гротеска. Они любят рассказывать о своих подвигах, либо выдуманных, либо сильно преувеличенных, хвастаться силой, неустрашимостью, намекать на свои успехи у женщин.

Петепра был любимцем у фараона, человеком могущественным. Он мог не бояться разоблачений – все знающие правду так же старательно прятались за маску наивных и ни о чем не догадывающихся. И в этом смысле тоже моим пациентам далеко до него. Их неумеренная болтливость, бахвальство никого не вводят в заблуждение, и тайны окружающие чаще всего из этого не делают. Если человек вам симпатичен, тяжело смотреть, какими насмешливыми взглядами обмениваются слушатели за его спиной, а иногда и не только за спиной. Неужели он ничего не замечает? Неужели всерьез считает свою маску непроницаемой для посторонних глаз? Думаю, что это совсем не так, презрение пробивает любую броню. Чем более завлекательной выглядит

маска, тем сильнее подтачивает душу горечь глубочайшего, безысходного разочарования. В себе, в своей несостоявшейся жизни…

Конечно, я радуюсь, видя своих пациентов спокойными, бодрыми, успешно преодолевшими острый физический и психически дискомфорт. Но ни мне, ни им недоступно торжество полной победы. Наши успехи относительны, по принципу «могло быть хуже». Слишком хорошо и им, и мне известно, что третий пол слаб по определению. Нет для него в нашем мире достойного места.

Ни один из моих пациентов свою судьбу не выбирал. Как и любая другая, их болезнь явилась без приглашения. Перейти в третий пол по собственному выбору, добровольно, сознательно – такое просто не укладывается в голове.

Но ведь такое было…

Огненное крещение

Так сами скопцы называли произведенную над собой операцию, точно выражая в этих словах и содержание, и мистический смысл этого страшного обряда. Все они были православными христианами, таинство крещения однажды уже было совершено над каждым из них. Следовательно, приобщение к скопчеству, символизируемое повторным крещением, означало одновременно и отход от канонического христианства, и сохранение единства с ним. Не переход в иную веру, не принятие нового божества, а как бы возвышение над каноном, совершенствование в верности и преданности Богу, доводимых до абсолюта, до исключения самой возможности компромисса. В терминах коммунистического вероучения этому соответствовал оборот «лучшие из лучших».

Почему «огненное»? Буквально – такова была техника операции. Есть свидетельства, что первоначально гениталии выжигались. Позже стали прибегать к ножу, а раскаленное добела на огне железо служило для остановки кровотечения (и для обеззараживания раны, добавили бы мы теперь). Отрезанное тоже бросалось в огонь, из чего следует, что вся процедура должна была включать в себя разжигание пламени. Его отсветы, вместе с адской болью, должны были навсегда впечататься в чувственную память тех, кто подвергал себя вивисекции.

Но есть, несомненно, и прямая перекличка ритуального оскопления с самым древним из всех существовавших на земле культов – культом огня. В самом христианстве тоже угадывается это дальнее родство. Представления о грешниках, горящих в аду, о том, что смерть на костре искупает совершенные против веры преступления, особое волнение, охватывающее душу при зажигании свечей и лампад, при виде огней, горящих в храме, поэтический строй множества библейских образов, связанных с преображением силой огня или, наоборот, с неподвластностью огню – все это опирается на нашу генную память, заложенную духовным опытом пещерных предков. Скопцы, как можно представить себе, искали и нашли более прямой и короткий путь к этому универсальному источнику. Где-то здесь, на мой взгляд, лежит объяснение того, что на первый взгляд кажется необъяснимым. Как могло возникнуть это уникальное общественное явление? Почему появилось оно именно в России и никуда за пределы ее границ не ушло?

Не считаю себя большим знатоком религиозных систем ни в историческом плане, ни тем более в теологическом. Но среди

моих пациентов было много людей, глубоко верующих, в том числе и православных. Разумеется, они оскорбились бы, если бы я вслух назвал их язычниками. Но при анализе процессов, организующих духовную сферу личности, я неизменно обнаруживал ясные следы идолопоклонства, причудливо уживающиеся с истовой верой в Святую Троицу. И это не должно нас удивлять. Христианство пришло на Русь сравнительно поздно, при этом крещение вовсе не было разовым, одномоментным актом. Психологическая эволюция, подразумеваемая им, растянулась на столетия. Как зримо показала Октябрьская революция, исчерпывающего завершения она так и не получила. Совсем сравнительно недавно, в XVII, чуть ли не в XVIII веке православным священникам приходилось сражаться с почитателями местных языческих божков. Но что можно сделать с человеком, который верит? Заставить его посещать православный храм? Запретить ему творить кощунственные, по меркам господствующей церкви, обряды? Это запросто, как выражаются мои внуки. Но вера не поддается насилию. Оно приводит лишь к появлению двоеверия. Не в смысле приобщенности к двум параллельным культам, хотя, как показывают архивные материалы, и такое порой случалось, а скорее к их духовной ассимиляции. К сращиванию символики, к специфическому восприятию христианского Бога как языческого божества.

Идея оскопления органически вытекает из смысла христианской проповеди, как сок из спелого плода. В стержневом для всего мироощущения противопоставлении божественного и дьявольского начала человеческая сексуальность целиком, безоговорочно относится к юрисдикции Царя Преисподней. Свет – Тьма, Жизнь – Смерть, Добро – Зло… И такая же пара вечных антагонистов, не допускающих примирения: Дух – Плоть. Любовь небесная, то есть святая, – Любовь земная, нечистая, греховная. Победа над искушением, умерщвление плоти – и высший идеал, и каждодневное наставление благочестивого христианина, его основное требование к самому себе. Умерщвление плоти и оскопление – понятия-синонимы. Их смысл совпадает целиком, не оставляя ни малейшего зазора.

Если утвердиться в мысли, что чем мертвее плоть, тем выше степень чистоты и безгрешности, рука непроизвольно потянется к ритуальному ножу. Чувствуется, что это искушение – точный антипод сексуального влечения – всегда присутствовало в сложном комплексе религиозных переживаний, по крайней мере в первые христианские века. История знает случаи, когда такое понимание толкало верующих на решительные поступки. Первым,

кажется, был Ориген, воспитанник Александрийской Академии, оскопивший себя собственноручно во славу Божию в III веке н. э. Отцы церкви, жившие примерно столетие спустя, утверждали, что он был не одинок, причем, некоторые его современники не довольствовались собственным радикальным очищением, а активно совершали его над другими – кого-то уговаривая, «обольщая», но не стесняясь при необходимости и применить насилие.

В IV веке это поветрие вновь сильно дало себя почувствовать, даже в IX веке на православных Соборах обсуждалась эта проблема. Церковь настаивает на том, что это «несчастное заблуждение» не выходило за рамки частных случаев. Возможно, так и было, но помнить об этом, как сказали бы мы теперь, факторе риска приходилось постоянно.

В правилах Святых Апостолов предостережения против самокастрации звучат постоянно. Специально оговаривается, что у оскопленных «по нужде» или родившихся таковыми нет препятствий к вступлению в священнический сан. Но для тех, кто совершает это по доброй воле, этот путь закрыт навсегда. Оскопление приравнивается к убийству и самоубийству, оно должно караться отлучением. «Мирский человек, аще отрежет себе детородный уд, да отлучится и причетник да не будет»; «Аще который причетник отрежет себе детородный уд, да извержется: ибо убийца есть сам себе»; «Мирский человек, аще отрежет детородный уд, да отлучен будет за три лета, яко злодей своему животу». В текстах Отцов Церкви, на которые ориентировались поколения священнослужителей, категорически утверждается, что оскопление никак не может означать торжество над дьяволом – наоборот, в нем следует усматривать «действие сатанинских козней».

Эти запреты и предостережения удивительным образом перекликаются с важнейшими заповедями христианства: не убий, не укради, не прелюбодействуй. Но сокровенный смысл каждой заповеди – обуздание инстинкта. Культура выступает против Природ. Цель – подавить биологическое начало в человеке, сделать возможной его жизнь в обществе. Попытка наложить такой же силы табу на отнятие «детородного уда» диаметрально противоположна по значению. Она звучит как голос самой Природы, вставшей на защиту основного инстинкта, как называл его Фрейд, – инстинкта продолжения рода, инстинкта жизни.

На протяжении всей истории борьба Культуры с Природой идет с переменным счетом. Это нетрудно понять, оценивая мысленно исходное равенство сил. Но против порыва к самооскоплению Природа и Культура выступали сомкнутым

строем. И все же они оказались бессильны его сдержать.

За этим мне видится проблема огромной важности, и хоть Россия успела уже давно забыть о своих скопцах, хочется вернуть из небытия этот непостижимый феномен и тем самым приоткрыть еще одно окно в непознанный мир человека.

Враги человечества

В 1845 году по приказанию министра внутренних дел в Санкт-Петербурге было опубликовано обстоятельное «Исследование о скопческой ереси». Весь многостраничный труд пронизан чувством нешуточной тревоги, заставившим меня вспомнить первые публикации о СПИДе.

В XVII веке, говорится в преамбуле, единство русского православия рухнуло, подточенное раздорами и враждой. С тех пор толпы фанатиков и «слабоумных суеверов» то и дело позволяют увлечь себя невежественным умникам, уклоняются в сумасбродства, «одно другого буйнее и злочестивее». Раскольники, инакомыслие которых касалось только наружных обрядов и установлений, были еще хоть как-то терпимы. Нынешние же еретики, выступают как враги истинного христианства. Эти отщепенцы свою ненависть к церкви простирают до того, что «не имеют у себя вовсе священников, а совершают богослужение и некоторые таинства сами собою, через неосвященные лица; те же из таинств, для совершения коих необходимо действие освященных лиц, например, литургию и брак, не совершают вовсе, считая их погибшими на земле, где, со времени исправления церковных книг, началось и продолжается доселе царствование Антихриста». И это еще не все. Дерзость еретиков доходит до того, что они отказываются молиться за Царя и вообще не признают существующую Верховную Власть законной, добавляя к оскорблению церкви и веры явные признаки политического преступления.

Казалось бы, дальше ехать некуда. Но появились с некоторых пор в России настоящие изуверы, по сравнению с которыми еретики выглядят чуть ли не кроткими ангелами. Это совершенные антихристиане, в которых не сохранилось почти никаких следов происхождения из недр православия. Это крайняя степень религиозного «разврата», подрывающая устои не только церкви, но и всего общества.

Вместе с другими «особенно вредными ересями» секта скопцов отнесена законом к разряду преступных. Принадлежность к ней предполагает уголовное преследование. Но это почти все, что можно о ней сказать, – точнее, можно было на момент начала этого фундаментального исследования. «Составляя самую крайнюю степень изуверства, до какой только может унизиться человеческое слабоумие», скопческая ересь «оставалась покрытою мраком глубочайшей неизвестности и потому не возбуждала всего того внимания, какого вполне заслуживает со стороны

просвещенного и попечительного правительства».

Когда же такое внимание было возбуждено, когда министерство внутренних дел создало специальную комиссию, ее задача стала казаться почти неисполнимой. Первым делом, естественно, требовалось установить, когда появилась секта, где, при каких обстоятельствах, как она организована, кто стоит во главе. Но где было искать информацию? Сразу же выяснилось, что уже по меньшей мере полвека скопцами занимаются различные государственные учреждения, запечатлевая эту свою деятельность в огромном количестве бумаг. Но все они бессистемно и без всякой пользы пылились в многочисленных ведомственных архивах. Часть была утрачена или изъята, со злым умыслом, тайными покровителями скопцов. Часть содержала грубейшие искажения, не позволявшие установить: об одном человеке идет речь или о нескольких? О нескольких или об одном? Несложная – хотя бы в полицейской своей части – работа приобретала характер археологических раскопок. Возможно, она так и не была бы завершена, если бы руководство комиссией не было поручено Ивану Липранди, человеку во многих отношениях замечательному.

В мемуаристике XIX века это имя встречается очень часто (не считая даже его собственных пространных воспоминаний). Чаще всего – в роли, близкой роли наперсника в классической драме: он не равнозначен главным героям, но необходим, чтобы тем было перед кем высказаться, кому вручить для передачи важное письмо, от кого получить информацию. Второе слово, с которым ассоциируется у меня этот человек, – оборотень. Будучи армейским офицером, подполковником, он славился любовью к изысканной роскоши и в то же время щеголял презрением к необходимым удобствам и мог показать себя истым спартанцем. Собрал огромную библиотеку, был чрезвычайно начитан, поражал «оригинальностью мыслей» – а на кого-то производил впечатление простака, благоговейно прислушивающегося к высказываниям записных интеллектуалов.

Во время кишиневской ссылки с Липранди близко сошелся Пушкин. Будущие декабристы, члены Союза Благоденствия, как известно, не впускали поэта в свой круг, но он достаточно проницательно «вычислял» их – и Липранди представлялся ему того же поля ягодой. И точно – Липранди дружил с Владимиром Раевским, первым декабристом, арестованным за несколько лет до событий на Сенатской площади, и отношения не прервались после заточения Раевского в Тираспольскую крепость. Липранди тайно навещал узника, помог ему организовать переписку с Пушкиным… А затем мы видим этого же самого человека в роли

следователя, отправившего Достоевского на каторгу.

Благодаря Липранди, Пушкин познакомился и со скопцами (в той же комиссии министерства внутренних дел состоял, кстати, и еще один друг поэта – знаменитый Владимир Даль). Было это уже тогда поручением или подполковник действовал из собственного интереса, но путешествуя с Пушкиным, он посещал деревни, где обосновалась секта, рассматривал этих людей, возможно, что-то записывал и уж наверняка запоминал. Быть может, острая наблюдательность гениального поэта помогала ему ориентироваться в том «мраке глубочайшей неизвестности», которым умело, соблюдая все правила конспирации, окружали себя сектанты?

Вольнодумец, он же – тайный агент, он же – крупный правительственный чиновник, он же – просто славный, непосредственный человек, умевший смирять «арапскую» взрывчатость Пушкина и не раз благодаря этому спасавший его от аффективных дуэлей. И он же – честный солдат. И он же – тонкий аналитик, сумевший расшифровать загадки русского сектантства… Конечно, оборотень!

Работая над материалами о скопцах, я все время ощущал мысленно присутствие этого в высшей степени неординарного человека, и не только потому, что многие сведения добыты им. Начало прошлого века – это война с Наполеоном, декабристы, Пушкин. Такое знакомое, такое понятное время! Но появляется Липранди со своими досье – и эта же эпоха получает иной объем, иную окраску, иной смысл.

Можно было построить изложение в логике исторических хроник – от более давних событий к более поздним. Я же решил придерживаться той последовательности, которую предлагают Липранди со своей командой. Это последовательность рытья колодца – сверху вниз, когда наружу раньше поднимается то, что первым попало на лопату. Как в первоклассном детективе, история поиска не менее многозначительна и занимательна, чем сам искомый предмет.

Итак, тсължгый оубеж – середина XIX века. Скопчество еще не признано ересью, еще трудно разобраться, где правда, а где миф в роящихся вокруг него разговорах, но уже понятно, что нельзя более ограничиваться «жалким презрением, а иногда и добродушным сомнением», возбуждаемыми беспримерной нелепостью и чудовищностью этого обычая. Масштабы явления угрожающе разрастаются. Необходимость борьбы становится очевидной. «Комиссия о скопцах» углубляется в прошлое, в поисках надежных источников информации…

Самое раннее, по датам описываемых событий, свидетельство

относит появление первых скопцов к временам Петра I, который будто бы не остался равнодушен к этому «изуверству». Но всего его прославленного умения поднимать Россию на дыбы не хватило на то, чтобы разом покончить с новой сектой. Наследникам Петра пришлось принимать еще более строгие меры. При императрице Анне Иоанновне казнено было на Конной целое семейство скопцов. Две женщины, обвиненные в укрывательстве осужденных на смерть сектантов, были обезглавлены. Об этом было рассказано в записке, приложенной к одному из дел в канцелярии Санкт-Петербургского генерал-губернатора, но ни судебных решений, ни официальных извещений о казнях нигде не нашлось. Поэтому было решено рассматривать этот рассказ как одну из более или менее правдоподобных легенд.

А вот первое документальное признание распространения скопчества: указ Екатерины II, от 2 июля 1772 г. В нем некоему полковнику Волкову предписывалось отправиться в Орел для исследования на месте слухов о возникновении там «нового рода некоторой ереси». О том, что речь идет именно о скопцах, можно только догадываться: предмет слухов так и не назван по имени, и не только из стыдливости – имени еще не существовало. Сами скопцы ни тогда, ни позже к себе этого названия не применяли, у них был свой метафизический словарь, а внешние силы, прежде чем закрепить за ними эту достаточно обидную кличку, должны были сначала новое явление рассмотреть. Не случайно Волкову вменялось в обязанность прежде всего проверить слух у воеводы и в духовном правлении, но если он подтвердится, действовать следовало решительно и «весьма строго». Начинщикам – наказание кнутом и вечная ссылка в Нерчинск. Посредникам, приводившим жертвы, – батоги и отправка в Ригу на фортификационные работы. А «тех простяков, кои, быв уговорены, слепо повиновались безумству наставников… разослать на прежние их жилища, обязав их помещиков и начальников, чтобы они за всеми сими людьми беспрестанно смотрели, дабы они не могли паки впасть в прежнее свое заблуждение».

Наверняка Волков, вернувшись из Орла, подал императрице подробный доклад об увиденном и о принятых им мерах. Но даже следов этого документа в архиве не отыскалось. На целых 28 лет тема ушла с поверхности государственной жизни. Зато в 1800 г. она напомнила о себе дважды.

Первый раз – в Орле, где вновь открылось какое-то дело о скопцах. В нем фигурировали 8 человек, и двое из них, крестьяне помещичьей деревни Богдановки, показали, что пребывают в

таком состоянии уже лет 30, после появления в их околотке наставника по имени Андрей Иванов, по всей видимости – беглого крестьянина. Он собрал довольно большую секту, из одной Богдановки 13 человек, но их помещик всех выдал, скопцы были преданы суду. Андрей Иванов наказан кнутом и сослан, все же остальные подсудимые отпущены домой. Сопоставление дат показывает, что это, скорее всего, и был след экспедиции Волкова.

Второе же напоминание получил генерал-прокурор. Комендант Динаминдской крепости спрашивал у него в особом рапорте, где надлежит ему получать одежду и обувь для скопцов, содержащихся у него под стражей так давно, что они успели уже обноситься. Месяца не прошло, как всех, скованными, отправили по высочайшему повелению в Петербург и допросили. Так вскрылись еще два «гнездилища» ереси – в Тамбовской губернии и в Туле. В показаниях обрисовался некий неизвестный наставник, именовавший себя «Киевским Затворником», который ездил по деревням, убеждал в необходимости оскопления для умерщвления плоти и в безопасности операции, сам же ее совершал и наказывал строго таиться от людей, «а если б узнали, то отнюдь бы не говорить, как, кем и чем это сделано, хотя бы стоило и смерти».

Почему же в 1800 г. потребовалось возвращаться к делам тридцатилетней давности? Оказывается, появились новые факты «непрерывного развития зла», захватившего уже и другие губернии. Послали специально для тайных разведываний в Ливонскую округу асессора Юдашкевича. Он обнаружил особого рода раскольников, которые «никогда не едят мяса, перестают довольно с молодых лет исполнять супружеские обязанности со своими женами, предполагая за то прощение грехов, и не хотят дочерей своих выдавать замуж, поставляя замужество в грех, а те, которые имеют более твердости духа, скопят себя равномерно для спасения души и чтобы укротить любострастные желания». При всех расспросах «усиливаются закрыть истину разными изворотами»: мяса не едят, потому что оно им противно, девок не выдают замуж, потому что они больны, по той же причине и с женами короткого обращения не имеют. Потому и миссия Юдашкевича оказалась неудачной – собрав множество слухов, он не добился их точного подтверждения.

Однако, дальнейшие расследования оказались более успешными. Выяснилось, что между сектами существует связь, более того – остающиеся на воле скопцы поддерживают контакты с пребывающими в заточении, поэтому крепости, вместо того, чтобы искоренять зло, сами становятся средоточием ереси. Собираются сведения о лидерах. Это уже не туманные

полуанонимные фигуры, вроде «бродяги Андрея». Им приписываются качества организаторов, вождей. Таков Александр Иванов, ближайший помощник «Киевского Затворника». После долгих перипетий он оказался в Шлиссельбурге, продолжая «письменные сношения» со своими последователями. Таков московский купец Федор Колесников, пользовавшийся, по утверждению старых скопцов, личной благосклонностью Екатерины II – с ее легкой руки он носил прозвище Масон.

Ересь распространяется не только вширь, но и вверх. Зародившись в крестьянской среде, в глухой провинции, она проникает в обе столицы империи, в более высокие социальные слои. Исследователи констатируют: в первый год XIX в. зло имело уже полный характер обширного тайного общества.

Впрочем, одно обстоятельство, на деле, очевидно, чрезвычайно существенное, аналитиками того времени упоминается мимоходом. 1800-й год – это царствование Павла I, «имевшего причины к особенной строгости в отношении к скопцам». С воцарением Александра I государственная политика меняется. Стоит ли сурово карать людей, которые своим невежественным и вредным поступком сами себя довольно уже наказали? Милости, излитые государем при вступлении на престол, меняют участь первых скопцов (отбывших, между прочим, тридцатилетний срок): им дозволяют вступить в монашество – всем, кроме Александра Иванова, успевшего умереть в Шлиссельбурге. «Новооткрытые» получают свободу. Составляется список «удостаиваемых к помилованию». И в нем, в этом списке, впервые упоминается человек, с которого, по справедливости, и надо было начинать исследование.

Кто он? Откуда? Сразу ничего понять нельзя. Считается арестантом, в связи с чем – тоже сказано ясно. Но в отличие от других помилованных, рассеянных по всей стране, содержится в самом Петербурге. Не в тюрьме, не в крепости – в цухтгаузе градской больницы. Другими словами – в сумасшедшем доме. Помещен туда 4 года назад обер-полицмейстером северной столицы под именем «неизвестный», хотя никаких дел о нем в Тайной экспедиции, координировавшей, по-нашему, борьбу со скопчеством, не было. В списке инкогнито раскрыто: «неизвестный» назван Семеном Селивановым. Но уже в следующей сопроводительной бумаге, обозначившей дальнейшую судьбу этого секретного арестанта, он переименован в Кондратия. Кондратий Селиванов, Орловской губернии села Столбово крестьянин, именным повелением Его Императорского величества определен в богадельню, «в первый сорт», и препровожден туда немедленно. Во всем этом виделась какая-то

тайна. На основании каких «уважений» была проявлена такая забота о человеке, который и амнистии-то не подлежал, поскольку явно относился к категории «начинщиков»?

На этом, подводит итог исследование, заканчивается первый период явления у нас скопчества – период темный. Правительство еще не поняло, с чем имеет дело. Оно преследовало в скопцах только гражданское преступление самоуродования и изуродования других, но внутреннего еретического духа секты не знало или только смутно о нем подозревало.

Второй период отмечен настоящим скопческим бумом, по количеству вновь открываемых «гнездилищ», но главное – резкой переменой политики. Скопцов объявляют «врагами человечества, развратителями нравственности, нарушителями законов Божиих и гражданских» – и соответственно с ними поступают. Что же случилось, что «переложило на строгий гнев милосердную кротость монарха, сердце которого было святилищем неисчерпаемой снисходительности»? Верные принципу документальности, авторы исследования вынуждены, пропустив целую эпоху, прыгнуть сразу в 1819 г., потому что только здесь события начинают фиксироваться хоть и в глубочайшей секретности, но строго официально.

По этим материалам видно, что многочисленные орловские, херсонские и других губерний безвестные скопцы мало занимают высоких государственных сановников. Их внимание приковано к вершинам иерархи, к выявлению «главных лиц, окружающих Старца, которого общество скопцов, образовавшееся в Петербурге, называет Искупителем». В этом окружении замечены птицы достаточно высокого полета, например, придворный лакей Семен Кобелев, положение которого позволяет распространять влияние секты не только на людей низкого звания, но и на молодых гвардейских офицеров. Секта имеет все качества тайного союза: свои собрания, своих старшин, свою общественную казну. Приближенные Старца, благодаря обширным связям, могут посылать повеления свои в отдаленнейшие края России. От всех, но в особенности от новопринятых в секту членов они получают богатые дары.

Активность самого Старца представляется сомнительной: он дряхл и немощен. Очевидно, что его именем действуют другие. Потому его следует оставить в покое – «пускай он молится и пусть собираются у него для молитвы, но Искупителем бы только не называли и отнюдь не принимали бы солдат в свое общество». Император одобрил это решение. Кобелев и еще двое приближенных Старца, Кирила Григорьев и Исай Ильин, тайно, ночью были схвачены и отосланы в Соловецкий монастырь, с

предписанием «содержать их под тем присмотром, который учрежден там». Генерал-губернатор Петербурга граф Милорадович особо распорядился объявить на собрании секты, что эти люди удалены «единственно за распространение скопчества».

Многое в этом эпизоде глубоко изумило исследователей. Если так предусмотрительно оговаривается формулировка обвинения, значит, она не полна? Есть еще кое-что, послужившее главным мотивом репрессии? Кто такой этот таинственный Искупитель, ни разу не названный по имени, – только «Старец», «Старик», «известный Старик»? И откуда этот снисходительный тон – «пускай молится, пусть собирает народ для молитвы» – если уже несколько лет назад произнесены слова о врагах человечества?

С дистанции всего в каких-то 20-25 лет невозможно было разобраться во всех этих намеках и непонятных умолчаниях. Почему, например, так пассивно вела себя петербургская полиция? Комиссия Липранди сумела извлечь из городских архивов следы еще одного эпизода, случившегося годом раньше. Квартальный поручик Барадулин раскручивал дело фальшивомонетчиков. Найденные улики привели его в дом купца Васильева. При осмотре дома он наткнулся на потаенную каморку, где лежал человек, подвергшийся оскоплению не больше как дня за два перед этим. Поручик осмотрел всех находившихся в доме мужчин и нашел еще троих оскопленных. Арестовав всех, Барадулин отрапортовал обо всем начальству, получил благодарность и приказ продолжить расследование «о сем важном деле». Выяснилось, что в доме Васильева и в смежном с ним доме Солодовникова, тоже купца, проходят еженедельные скопческие сборища. Старец, именуемый Искупителем, живет у Солодовникова. А у Васильева тайно проживает «девица редкой красоты», называемая Богородицей, которой скопцы воздают божеские почести. Но не успел Барадулин собрать и взвесить все факты, как сверху распорядились дознание прекратить. От обер-полицмейстера поручик узнал, что все задержанные им скопцы отпущены на поруки.

Что же стояло за этим? Богатство и сила двух известных купцов? Или секту защищали более могущественные покровители? Ведь даже когда было решено, что пребывание таинственного Старца в столице всерьез угрожает общественному спокойствию, то перед его отправкой в заточение в Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь Александр I высказал личное пожелание, «дабы человек сей во время пути имел все выгоды, какие нужны быть могут ему, по престарелым летам и из

уважения к человечеству, сколь впрочем ни суть преступны правила ереси, кои он столь долго рассевал».

Обращала на себя внимание и редкостная терпимость в отношении многочисленных заступников, просивших царя освободить и вернуть в Петербург Старца. Только один из них, Семен Кононов, «голова, как видно, невежественная, но буйная и неукротимая», был сослан на Соловки, но и то после того, как вывел всех из терпения – подкарауливал Государя у подъезда дворца, подстерегал его в Царском Селе, отправлял письма по почте, и продолжалось это без малого два года. А купец Солодовников, тоже настойчиво просивший вернуть «доброго Пастыря, полагающего и самую жизнь за избранных своих», продолжал, как ни в чем не бывало, жить в столице и «своим богатством простирал вредное влияние к споспешествованию скопческой ереси даже в отдаленных пустынях Сибири»…

Под сенью скопческого мифа

Все эти материалы имеют одну примечательную особенность: они отражают только сложные, конфликтные отношения секты с внешним миром и не содержат никакой информации о том, что же происходило все это время там, внутри. Во что верили эти странные люди? Что искупало в их глазах приносимую ими чудовищную жертву? Перед «крещением» новообращенные целовали крест на том, что будут твердо держаться своей веры и никому не откроют ее – ни отцу с матерью, ни начальникам, ни духовному причту, ни даже самому царю. Благодаря этому секта в течение нескольких десятилетий оставалась герметичной: о ней было известно только то, что невозможно утаить при всем желании. Но без конца так продолжаться не могло. Должны были найтись люди слабые, или обиженные, или раскаявшиеся. И они появились.

Штабс-капитан 34-го егерского полка Созонович был сослан на Соловки из Тирасполя. В монастыре он сблизился с тем самым Кононовым, который так докучал царю мольбами за Старца, и под его влиянием совершил вторичную, еще более радикальную операцию над двенадцатью арестантами, а тринадцатого форменным образом изуродовал. Но затем раскаялся – а возможно, был принужден к этому, – и подробно рассказал настоятелю Соловецкого монастыря архимандриту Досифею обо всем, что знал и во что недавно так исступленно верил.

Вторым предателем, оставившим свое имя в истории, был Василий Будылин, бывший солдат и дезертир. Он служил в Тифлисе, за пьянство был переведен в Георгиевск, сошелся там с сектантами и проникся их верованиями. За оскопление Будылина высекли розгами и с партией арестантов отправили в Тобольск, в тамошний гарнизон, но по пути, в Тамбове, ему удалось бежать. Местные сектанты дали ему приют, помогали скрываться. По их поручению Будылин ходил в Суздаль, на свидание к Старцу. В монастырь его не впустили, но он познакомился с двумя купчихами, имевшими туда свободный доступ, и через них получил наставления пастыря, записки и дары: его волосы, баранки, сухари. Благодаря этому Будылина стали воспринимать как лицо, близкое самому старцу. Его всюду принимали с распростертыми объятиями, от него не стало никаких секретов. Он узнал, как устраивают в домах тайники для беглых скопцов, какими способами поддерживают связи с Воронежем, Симбирском, Казанью, с обеими столицами. По его словам, он все это запоминал, решив сделаться доносчиком и тем заслужить

прощение за дезертирство и другие свои прегрешения. Но власти его опередили. Он был пойман в Козловском уезде, и никаких особых выгод предательство ему не принесло. Будылин разделил судьбу 127 тамбовских скопцов, преданных суду на основании его показаний. Волны от этого дела пошли очень широко, перекинувшись на десять губерний и заняв множество следователей как минимум на полтора десятка лет.

Так постепенно связались все разорванные нити в туманной истории скопчества, и перед изумленными исследователями предстали очертания небывалого по своей грандиозности и вместе с тем наивности мифа.

Центральной его фигурой был, как уже догадывались, тот самый Старец, именуемый Искупителем. Искупитель, Оскопитель – фонетическое созвучие сыграло, наверное, роль, но лишь побочную. Слово это следует читать в том же самом сокровенном значении, какое оно имеет в качестве одного из частых имен Иисуса Христа. Сказать, что Старец уподоблял себя Христу – значит ничего не сказать, потому что он им был. И в глазах своей умножающейся с каждым годом паствы, и в своих собственных. Господь Иисус Христос, Сын Божий, Бог и даже «Бог над Богами, Пророк над Пророками, Царь над Царями» – вот кто в действительности жил в богатом купеческом доме, а потом, из заточения, посылал в утешение своим детям пряди своих волос и баранки с сухарями!

Но это – всего лишь одна ветвь мифа, не перекрывающая и не затеняющая другую, по-своему не менее величавую.

Властительница России, которую все знали как императрицу Елизавету Петровну, в действительности была Богоматерью, чистой Девой, зачавшей и родившей «не от похоти плотския, а от Духа Святого». Когда пришла пора разрешиться от бремени, она уехала в Голштинию. По другой версии мифа, роды произошли в России, а в Голштинию был отослан новорожденный. Но оба варианте сходятся на том, что мальчик, Петр Федорович, будущий Петр III, вырос вдали от родной земли и там же, став отроком, принял оскопление.

Святой душе нечего делать на царском престоле. Истомясь за два года чуждыми ей занятиями, императрица Елизавета тайно удалилась в Орловскую губернию и там, под именем Акулины Ивановны, поселилась в крестьянском доме, у скопца. Почему никто не заметил ее исчезновения? У императрицы была фрейлина и подруга, похожая на ее, как две капли воды, и лицом, и фигурой, и характером, и умом. Она-то и осталась царствовать. А Елизавета Петровна без помех прожила ту святую и подвижническую жизнь, к какой была предизбрана: в посте, в

молитве, в благотворениях. В той же деревне ее и похоронили, когда пришел ее час, и там ее мощи покоятся и поныне.

Петр же Федорович вырос и приехал в Россию. Заместительница его матери, видя в нем наследника, нашла ему жену. Екатерина II, узнав святую душу супруга и в то же время убедившись, что плотские отношения с ним невозможны, возненавидела Петра Федоровича и твердо решила убить. Составился заговор вельмож. Вступив на престол, Петр поехал зачем-то в Ропшинский дворец. Заговорщики поспешили воспользоваться этим случаем. Но Петр, оказывается, заранее все знал. Он поменялся платьем с солдатом-часовым, тоже, естественно, скопцом, выразившим готовность принять мученический венец за царя-искупителя ради спасения всего рода человеческого. Екатерина сразу же обо всем догадалась, но делать было нечего, солдата велела похоронить как скончавшегося императора и все силы направила на тайные поиски. Но не дано ей было поймать Искупителя.

Счастливо избежав бесчисленных опасностей, Петр III добрался до Москвы, где утвердил в своей вере первых учеников, а затем обосновался в Тульской губернии. Здесь он встретился с Александром Ивановичем, которого миф на своем языке именует Предтечей… Собственно, с этого момента миф начинает пестреть деталями, которые уже встречались нам в «Исследовании о скопческой ереси». Здесь и столкновение с «иудеями и фарисеями» в селе Сосновке, и расправа («страдание и распятие»), после которой Искупитель был сослан в Иркутск, а Предтеча – в Ригу.

Когда царем стал Павел I, скопец Масон рассказал ему, что отец его жив и томится в ссылке (можно ли быть сыном скопца? – но в такие мелочи миф не вникает). Новый император немедленно послал за Искупителем гонца, намереваясь тут же уступить ему законное место на престоле. Но Искупитель поставил условие: сына он признает только в том случае, если тот «примет его дело», то есть оскопится. Павел разгневался, и прямо с места свидания Искупителя увезли в богадельню. Стоит ли после этого удивляться, что царствование Павла оказалось таким коротким и так прискорбно завершилось!

При Александре I, который немедленно освободил Искупителя и позволил ему соединиться с учениками, настало время «воскресения», «златое время», «красное и теплое время». Не только высшие власти, но и сам монарх не чинили никаких препятствий тому, чтобы Искупитель распространял свое учение словом и делом, принимая от бесчисленных почитателей честь, подобающую Богу и Царю. Но «слуги искупительские», то есть то

самое ближайшее окружение, возгордились и стали сами «жить слабо», а над собратьями «вести строго», удаляя их от общего отца. Тогда император разгневался и отнял Искупителя у всех.

Но в Суздале он останется не надолго. Близок час – Искупитель-Царь явится снова, явится «со славою и силою», приведет от Восточной Страны (Сибири) «полки полками», придет в Москву. Там, зазвонив в Успенский колокол, соберет к себе всех скопцов «миллионами, биллионами, воссядет на всероссийском престоле и откроет Всеобщий Суд миру, будет судить „живых“ и „мертвых“, то есть скопцов и не-скопцов. И поклонятся ему тогда все цари и владыки земные, повергая к его стопам свои короны и скипетры, каясь, что не разглядели его вовремя и не удостоились принять благодать оскопления. Искупитель снизойдет к их смиренному раскаянию. Во все концы вселенной пошлет он своих апостолов и пророков, имеющих „одинаковые дары“, то есть подвергшихся единообразно лишению всех половых знаков. „В каждой земле посеется по зернышку пшеницы, и каждое зернышко произрастит пшеницы на пятьдесят кораблей“ – этой метафорой миф возвещал грядущее счастье, то есть оскопление всего рода человеческого, после чего, окончательно очищенный от всей „нечистоты“, он будет существовать во веки веков.

При Всеобщем Суде миру будет присутствовать Наполеон, в котором миф видел побочного сына Екатерины II, проложившего себе дорогу благодаря своему великому разуму. Скопцы не верили в его смерть на острове Святой Елены, говорили, что он скрывается в Турции, откуда и явится, обращенный в «истинную веру». Не верили они в смерть Александра I и его жены Елизаветы Алексеевны. Царь, их благодетель, тоже принял скопчество вместе со своей венценосной супругой и потому был вынужден инсценировать свою кончину и скрыться. Но они непременно появятся на предстоящем торжестве, готовые по праву разделить со всеми скопцами их нескончаемое блаженство.

Это была сердцевина скопческого учения, сохраняемая в глубочайшей тайне не только от посторонних, но и, так сказать, от рядовых масс. Внутренняя иерархия строилась на знании: низшие догадывались, что высшие посвящены в нечто такое, что им самим недоступно, на этом и держался необходимый для всякой организации личный авторитет и внутренняя дисциплина. Иногда проходило десять, пятнадцать лет, прежде чем новообращенного считали достойным приобщиться к тайне. А иные так и доживали всю жизнь до конца, питаясь лишь многозначительными намеками.

Трудно сказать, что вызывало больший гнев у исследователей: отклонения от евангельского учения или

совпадения с ним? Их положение, как официальных представителей государства, было чрезвычайно сложным. Перед ними был монстр, несущий несомненную угрозу стабильности власти – и светской, и духовной. Свой долг они видели в том, чтобы разоблачить это двойное преступление, заклеймить дерзкого Самозванца. Они были серьезны, как саперы, разбирающие неведомое взрывное устройство, – каждое движение, это чувствуется по тексту, выверялось десятки раз. Но ничего не могли с собой поделать – временами ситуация вдруг представала перед ними своей трагикомической стороной. «Почему эта глупая мужицкая болтовня заменяет у скопцов истинное Евангелие: они читают и слушают ее, обливаясь слезами благовестного умиления?» Интеллигентные, образованные люди, воспитанные в духе верноподданного служения обоим царям, земному и небесному, – содрогались от небывалого кощунства. Но обратите внимание, как трудно было им сдерживать презрительный смех! Люди, способные безоглядно доверять этой болтовне, этим глупым сказкам, представлялись им существами низшего порядка, слабоумными в клиническом смысле: нормальному, просвещенному homo sapiens'у нечего и пытаться их понять.

А между тем, это высокомерие едва ли было оправданным. Скопческий миф только однимотличается от других грандиозных мифов, управлявших историческим развитием: мы видим его сразу после рождения, сырым, неотстоявшимся, не вобравшим в себя духовную энергию десятков поколений, творческий пыл талантливых писателей и ораторов. Еще не образовалась историческая дистанция между ним и реальными событиями, версию которых он излагает. У современников есть свои представления о каждом персонаже и о каждом событии. Но со временем живая память слабеет, и ощущение нелепости полностью исчезает. У большинства библейских образов есть свои реальные прототипы, от которых миф не взял ничего, кроме имени и двух-трех штрихов биографии. Но искажений никто не замечает.

Скопческий миф беззастенчиво использовал основные конструкции христианского мифа, сюжетные построения, роли. Даже Символ Веры с трогательным простодушием построен на прямом заимствовании: «Един Учитель Отец наш Искупитель, и матушка Акулина Ивановна, да батюшка Александр Иванович; а прочим я никому не верю». Но точно так же и христианский, и все прочие мифы вырастали не на пустом месте, они вбирали целыми блоками старые легенды, если считали их созвучными себе, и если миф побеждал, то только существование внутри него могло

спасти элементы старых мифов от полного забвения. Если бы не бесплодие, исключающее для третьего пола участие в эволюции, вполне можно было бы представить себе ситуацию, когда хотя бы на какой-то отрезок времени от христианства осталось бы только то, что впитал в себя и по-своему интерпретировал скопческий миф. Почему нет, случилось же такое на наших собственных глазах с мифом коммунистическим, много вобравшим в себе от христианства!

Миф допускает только две позиции. Можно находиться внутри него и можно стоять вне. Взаимопонимание невозможно: миф полностью перестраивает зрение, мышление, эмоциональный настрой, что тоже знакомо нам по собственному опыту. Высокопоставленные чиновники, интеллектуалы, заседавшие в комиссии по скопцам, были неспособны мысленно отождествить себя с объектом своего изучения вовсе не потому, что стояли на более высокой ступени умственного развития и культуры. Главная причина была в том, что они находились внутри двух разных мифов. То, что для одних было нормально, естественно, правильно, другим казалось жалкими бреднями, примитивной и глупой мужицкой болтовней…

Забытые имена

Детектив, однако, еще не закончен. Не прописаны фигуры и характеры главных действующих лиц.

Начнем с таинственного Искупителя.

Когда изучением скопчества занялись всерьез, ни посмотреть на него, ни спросить о чем бы то ни было стало уже невозможно. В 1832 году «известный Старец» скончался, так и не покинув ни разу пределов Суздальского монастыря.

Нельзя сказать, что исследователи испытывали недостаток материала. В их распоряжении, помимо множества свидетельств, документов, воспоминаний, были собственные произведения Искупителя, ходившие во множестве списков, – его послания, его подробное и с большой силой прокомментированное им самим жизнеописание, которое скопцы называли «Страдами»: кажется, ни один пророк в истории не обходился еще без подобной полуисповеди-полуманифеста, и первым, при всех бросающихся в глаза различиях, мне почему-то вспоминается «Майн Кампф»…

И все же аналитики честно признавались, что на главном лице, составляющем «средоточие этого баснословного хаоса», лежит глубокий мрак. Неизвестно ни откуда был родом этот человек, ни какого он звания и происхождения. Он выступал под многими именами, но нет никаких доказательств, что хотя бы одно из них было настоящим. В сумасшедший дом (по распоряжению Павла I?) он поступил как «Неизвестный», потом назвался, как мы помним, Семеном Селивановым. В богадельню переведен уже под именем Кондратия Селиванова, крестьянина села Столбова Орловской губернии. Удержал за собой это имя и потом, когда при выходе из богадельни был приписан к Санкт-Петербургскому мещанству. Министерство внутренних дел распорядилось найти такое село и произвести в нем повальный обыск. Село в Дмитровском уезде обнаружилось, но все жители, включая древнейших стариков, единогласно утверждали, что о таком человеке никогда не слыхали. Родился он в этом селе, но под другим именем, или, наоборот, был настоящим Кондратием Селивановым, только происходившим из других мест, или мистификация вообще была двойной – думать можно было что угодно. Легенды же еще больше сгущали этот мрак, закрепляя за Искупителем имя Петра III: да, конечно, Селиванов – это псевдоним, взятый из конспиративных соображений.

Архимандрит Досифей, записывавший показания соловецких скопцов, еще больше увеличивает эту путаницу имен. Добавляются еще и Фома, или Фомушка, и Иван, и Андрей

Селиванов.

В конце концов остановились на Кондратии Селиванове как на единственном имени, под которым Старец значился официально, – как говорим мы теперь, на паспортном.

Гораздо большей ясности удалось достичь в реконструкции жизненного пути Селиванова. Это о нем рассказывали первые разоблаченные скопцы, называя его «Киевским затворником». Но признанным наставником секты он стал не сразу как и само скопчество не сразу выделилось из бесчисленного множества еретических сект.

Законы жанра требуют, чтобы пророк, претендующий на духовное лидерство, предстал пред миром человеком много выстрадавшим, гонимым – никто не поверит, что сытому и благополучному может открыться истина. Но Селиванов, судя по всему, в начале жизни и в самом деле занимал место на таких ярусах социальной пирамиды, ниже которых вообще ничего не было. Нищий, бездомный, бродяга, вынужденный к тому же скрываться от властей – в связи с чем, неизвестно, но только не со своей главной особенностью. Скопцы в те времена никого не интересовали. Приют ему давали и прятали его от преследователей Божьи Люди – сектанты разного толка. Где это происходило – не вполне понятно, возможно, в разных местах. Но главные события, скорее всего, развернулись в Епифанском уезде Тульской губернии.

В Селиванове Божьи Люди видели «своего», позволяли участвовать в собраниях. Вел он себя ниже воды, тише травы: садился у самого порога или даже за порогом и «никогда не отверзал уст своих», за что прозван был «Молчанкою». Каким же образом удавалось ему проповедовать свою «чистоту»? Как могли появляться у него последователи? А если бы они не появлялись, с чего бы вдруг проснулась к нему вражда со стороны наиболее влиятельных сектантов? Одна из пророчиц чуть не убила его камнем, брат ее несколько раз подстерегал Селиванова на дороге, чтобы застрелить из ружья. Пророк Филимон, местный златоуст, который «ходил в слове бойко», тоже грозил расправой, если Кондратий не прекратит, прикидываясь смиренником, отвращать от него людей.

Возвышению Селиванова помогли две женщины. Одна, Акулина Ивановна, была содержательницей большого Корабля, объединявшего до тысячи Божьих Людей. Вторая – ее главная пророчица Анна Романовна, славившаяся умением предсказывать, каким будет урожай хлеба или улов рыбы. Анна Романовна объявила Селиванова «Богом», а Акулина Ивановна, почитавшаяся как Владычица и Царица Небесная, стала представлять его как

своего сына.

Секта раскололась, недруги были посрамлены, но не простили. Когда в Сосновке, в конце 1774 или в начале 1775 года, искали «начинщика» оскопления нескольких человек, Селиванова, прятавшегося в подвале под тремя полами, выдали солдатам Божьи Люди. Отношение к скопцам непричастных к секте было крайне негативным. Когда из Тулы, где состоялся суд, арестанта перевозили в Сосновку, народ «всячески над ним надругался», кто бранил, кто плевал на него. Но сказывалось и какое-то таинственное покровительство. Вместо каторги в Нерчинске, как было сказано в Указе Екатерины II, Селиванов оказался в Иркутске, жил на свободе, ходил по городу с блюдом, собирая пожертвования на церковное строение.

Селиванов рассказывает в «Страдах», как по пути в Иркутск, продолжавшемся полтора года, повстречался он с Пугачевым. Сопоставление дат показывает, что быть этого никак не могло: к этому времени казнь Пугачева давно уже состоялась. Очевидно, этой встречи настоятельно требовала логика мифа – Пугачев, в котором немалая часть народа тоже видела Петра III, должен был непременно каким-то образом уступить свои права Селиванову. А вот встреча с Павлом I находит подтверждения, хоть и не прямые. Каким еще образом мог человек, осужденный на вечную ссылку, вдруг оказаться в Петербурге? Заточение же в сумасшедший дом, пусть и косвенно, удостоверяет, что кощунственное предложение императору и в самом деле было сделано.

Об участии в судьбе Селиванова другого российского самодержца, Александра I, аналитики из комиссии Липранди говорят с величайшей осторожностью, и их можно понять. Везде присутствуют оговорки: «скопцы уверяют», «по свидетельству скопцов», – то есть по принципу: за что купил, за то и продаю. Но нигде при этом не называют эти свидетельства глупыми мужицкими сказками или баснями. Ситуация, сложившаяся в России в 40-х годах, заставляла с горьким упреком оглядываться назад, во времена, когда скорыми и решительными действиями скопчество можно было подавить. Роль Александра, это угадывается без труда, представлялась прямо-таки зловещей. Авторы исследования не сомневаются в том, что молодой император питал к Селиванову непонятную слабость. Он не побрезговал посетить скопца в сумасшедшем доме и долго с ним разговаривал. Он распорядился перевести его в богадельню, где не было никакого надзора, и Селиванова часто видели в церкви, за его излюбленным занятием – он ходил между молящимися с кружкой, собирал пожертвования. Но и в богадельне, где над поведением призреваемых существовал хоть какой-то контроль,

Селиванов пробыл недолго, всего 4 месяца, а затем был отпущен на волю и стал жить на попечении богатых купцов, занимавших видное положение в его секте. Александр по-прежнему о нем не забывал, навещал, подолгу беседовал и даже советовался. Стоит ли начинать войну с Наполеоном? – спрашивал монарх в 1805 году. Нет, еще не время, – сказал в ответ Селиванов.

В вызволении Искупителя из богадельни сыграла важную роль еще одна загадочная личность. 21 июля 1802 года в Санкт-Петербуржский Приказ общественного призрения поступила просьба от статского советника, польского дворянина Алексея Михайлова сына Елянского – отдать Селиванова на его пропитание и содержание, «с тем что он содержаться будет во всякой благопристойности и ни до каких дурных поступков допущен не будет». А ровно через день, 23 июля богадельный надзиратель получил предписание от приказа – «находящегося в богадельнях Орловской губернии селе Столбова крестьянина Кондратия Селиванова, отобрав у него казенные вещи, уволить к просителю статскому советнику Алексею Елянскому». Проситель оставил расписку в принятии, в которой указал, что имеет квартиру у Невской Лавре, что отрекся от гражданской службы «по случаю приобретения смиренной жизни» и по указу всемилостивейшего монарха получает пенсию из кабинета в год по 500 рублей. Этим он как бы подтверждал, что ему есть где приютить и на что кормить увольняемого из богадельни Селиванова. Но, видимо, заранее было условлено, что ни в какую Лавру тот не проследует, а сразу направится в дом к купцу Сидору Ненастьеву.

Алексей Елянский, или Еленский, статский советник и камергер, действительно был скопцом. «Смиренную жизнь» он начал не по своей воле, а по высочайшему решению: каким бы ни было личное отношение Александра к лицам третьего пола, держать их при дворе оказывалось, вероятно, не совсем удобно. Лаврский Благочинный и другие высокопоставленные церковники были в ужасе от поведения Еленского. Он самовольно отлучался из Лавры и подолгу отсутствовал, поддерживал связи с сектами, разбросанными по всей России, и что казалось ужаснее всего – содействовал продвижению скопческой заразы в монастыри. И еще, главное, имел дерзость жаловаться московскому митрополиту на то, что два послушника в Александро-Невской лавре, оказавшихся скопцами, не были допущены к причастию! Все это заставило задуматься об изменении меры пресечения, и в марте 1804 года, тоже по высочайшему повелению, Еленский был сослан в тот же Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, где впоследствии окончил свои дни Кондратий Селиванов.

И в том же 1804 году Еленский направил в кабинет Александра обстоятельный проект обустройства России, в котором предвидения скопческого мифа были изложены на языке конкретной государственной политики. Современный исследователь, известный культуролог Александр Эткинд называет его «беспрецедентно отважной программой, претендующей на контроль абсолютной степени: самый тоталитарный проект из всех, какие знала история утопий». Начав с армии и флота, Еленский предлагал радикально перестроить всю систему власти в целях организации режима, самого жесткого из всех мыслимых, – личной власти духовных лиц, образующих собственную иерархию. Все это, пишет Эткинд, утописты предлагали, а революционеры пытались осуществить и до Еленского и после него. Но никто не додумался (и не мог, добавлю, додуматься, не будучи представителем третьего пола!), что эти идеи осуществимы только при условии радикальной сексуальной революции – хирургической кастрации всех под руководством уже кастрированных.

А Селиванов тем временем спокойно жил в Петербурге. Вокруг него образовался плотный слой учеников, почитателей, среди которых внимательный глаз аналитиков различил несколько имен, известных еще со времен Сосновки. «Так, – не могу не процитировать, – удивительною, почти романтическою игрою судьбы, через тридцать лет, те же имена и лица, раскиданные по отдаленнейшим странам, снова соединились, снова сдвинулись на одной сцене; но уже с какой необычайною переменою обстановки. Вместо глухой степной деревни – столица империи, резиденция монаршьего дворца, средоточие Высшего правительства; вместо простых, грубых мужиков и баб – богатые столичные купцы, лица, облеченные саном монашества и священства, лица чиновные, в том числе камергер и статский советник; вместо укрывательства во ржи, в пеньковом снопе, под свиным корытом, в житнице, в подполье, вместо кандалов и острог, публичной казни и путешествия на каторгу на канате – честь Божеская и Царская, воздаваемая „таинственному Старцу“ в торжественных собраниях, простиравшихся, по свидетельству очевидцев, до трехсот человек»…

При первом явлении скопчества, во времена Екатерины, оно вызывало ужас, смешанный с брезгливостью. Рука, составлявшая инструкции для полковника Волкова, не в силах была прямо изложить на бумаге, о чем идет речь. Страшной тайне нельзя было позволить циркулировать даже внутри самого узкого круга приближенных. Но спустя всего лишь несколько десятков лет – еще даже не успела произойти полная смена поколений – все

изменилось до неузнаваемости. Успело ли скопчество приучить к себе массовое сознание, стать частью общественного быта? Или главная причина была в смене веков, в смене эпох, несущей в себе неуловимое обновление ментальности? Ужас, внушаемый самой идеей оскопления и его чудовищной практикой, остался таким же сильным, но вместо отвращения и брезгливости к нему теперь примешивалось и нечто притягательное.

Все знали, где живет Селиванов. Само его присутствие создавало ореол исключительности вокруг этих вполне заурядных купеческих особняков, хотя бы уже тем, что у подъезда всегда стояла вереница щегольских экипажей. Скорее всего, это повышенное тяготение было во многом данью моде – в отсутствие телевидения была, я думаю, ничуть не меньшая потребность в немедленном получении информации о том, что возбуждает интерес, заставляет «всех» говорить о себе. Но я не исключаю и того, что свойственное скопцам восприятие Селиванова как человека святого, праведника высшей пробы передавалось и тем слоям общества, которые ни в чем другом с ними не пересекались.

Спустя сто с лишним лет возникла и была по достоинству оценена современниками головокружительная по вызываемым ею ассоциациям параллель – между Кондратием Селивановым и Григорием Распутиным. Простой мужик совершает головокружительное восхождение, завладевает вниманием истеблишмента, приобретает реальное политическое влияние. Но при этом остается самим собой, то есть мужиком. Он не проходит путь последовательных метаморфоз, подобно какому-нибудь американскому миллиардеру, заработавшему свои первые доллары в качестве чистильщика сапог, но в конце концов ставшему неотличимым от других миллиардеров. Он занимает место, грандиозное по важности и значению, но лишенное формальных признаков, должности или сана, место, которое можно определить только его собственным именем. Распутин был Распутиным – так же точно и Селиванов был Селивановым. Но при этой их феноменальной идентичности еще более внятным становится контраст между ними. В облике Распутина, в восприятии его главенствовало мужское начало, о чем он не позволял никому забывать. Селиванов, с такой же точной демонстративной заостренностью, был живым олицетворением бесполости.

У селивановских «детушек», теснившихся вокруг него, был в Петербурге двойник в высшем свете – кружок Катерины Филипповны Татариновой, вдовы героя войны с Наполеоном. Татаринова, несомненно, принадлежала к числу людей, которых в

наше время называют экстрасенсами: угадывала болезни и назначала лечение, обладала сверхтонкой интуицией и даром внушения, предсказывала будущее – утверждают, что и о восстании декабристов предупреждала заранее. По отношению к православию это маленькое тайное общество, называвшее себя «Братством во Христе» или «духовным союзом», было одной из множества сект. Этим оно и привлекло внимание Ивана Липранди. Когда он сокрушался о проникновении скопчества «из-под свиных корыт» – «в резиденцию монаршьего двора», подразумевался, скорее всего, именно кружок Татариновой, занимавшей казенную квартиру в Михайловском замке и привлекавшей в свой салон не просто аристократическую элиту, но самые отборные ее сливки. Прямой последовательницей Селиванова Татаринова не была, полагая, что в третий пол надо переводить не тело, а душу. То, чего добивалась в своей проповеди она, было как раз «оскоплением сердца». Но первое побуждение к этим исканиям ей дал Искупитель.

Позвольте, а как же совместить это с объявлением скопцов «врагами человечества», которое, как эти же авторы утверждали несколькими страницами раньше, произошло именно в эти годы? Примирить это противоречие можно только при одном условии – если признать Селиванова выдающейся, истинно харизматической личностью, властному обаянию которой невозможно противиться. Под конец пребывания в Петербурге ему, утверждали очевидцы, было уже более ста лет, и в каких-то проявлениях его старость «граничила с детством». Но к нему продолжали стремиться высокие посетители, в том числе и такие, которых никак нельзя было заподозрить в покровительственном отношении к секте. Он, судя по всему, и вправду обладал пророческим даром. Несколько раз за эти 18 лет возникали уголовные дела, затрагивавшие близких к нему людей, – Селиванов неизменно предсказывал, что это вскоре случится, но буря будет недолгой и кончится, не причинив большого вреда. И точно – дела затухали хлопотами таких могущественных людей, как уже знакомый нам купец Михайла Солодовников, ворочавший миллионами и имевший множество важных знаков отличия, в том числе и орден.

От Старца исходила гипнотическая сила. Два важных чиновника, присланных к нему от министра духовных дел и народного просвещения с какой-то неприятной миссией, за время короткого разговора стали ручными. Из комнаты, где Селиванов их принимал, они вышли задом, всплескивая руками и восклицая: «Господи! Если бы не скопчество, то за таким человеком пошли бы полки полками!»

Что же произошло между 1819 годом, когда Барадулину, добросовестному полицейскому служаке, так беспардонно заткнули рот, и 1820-м, когда Селиванова было приказано удалить из Петербурга? Судя по всему – ничего нового. Да и Барадулин-то ничего не открыл в своем рапорте тем, кому ведать надлежит: все было известно. Даже кто такая эта «девица замечательной красоты», поразившая его воображение! Прибыла в Петербург из Лебедяни, славилась там распутным поведением, за что была брошена мужем, претендовала на роль одной из скопческих «Богородиц»; ее красота давала основание одним упрекать приближенных Старца (чуть ли не его самого!) в том, что не такие уж они и голуби, другим же подозревать, что ее используют как приманку для уловления в секту мужчин…

По очень знакомой нам схеме, Селиванов пал жертвой интриги, имевшей в основе глубоко личный интерес. Поручик-гвардеец Алексей Милорадович, племянник генерал-губернатора и его чиновник по особым поручениям, был членом секты Татариновой, но параллельно с этим стал посещать и селивановскую общину. Там его начали уговаривать принять «огненное крещение», и он, поколебавшись. согласился. Дядя, узнав об этом, запаниковал. Из-под зеленого сукна был вытащен рапорт Барадулина… В нашей практике это называется – «приделать бумаге ноги».

Высылка Селиванова в Суздаль была обставлена как дело огромной государственной важности, чреватое опаснейшими осложнениями. За Старцем, глубокой ночью, приехал сам обер-полицеймейстер, не объявив никому, куда и зачем его увозит. Коляску для путешествия готовили в доме министра духовных дел и народного просвещения князя Голицына. Маршрут сохранялся в глубокой тайне. Тем не менее купцы Солодовников и Кузнецов сумели получить эту информацию и, не дожидаясь утра, поскакали вдогонку. На станции Тосно они нагнали коляску и стали умолять сопровождающего, следственного пристава, разрешить им проститься с изгнанником. Пристав должен был ответить категорическим отказом. Почему же он все-таки разрешил свидание? Побоялся шума, который мог бы раскрыть всю операцию, – так объяснил это пристав в особом рапорте. Далее он описал, как оба купца-миллионщика бросились пред Старцем на колени, осыпали поцелуями его руки и обливали их горькими слезами, а он между тем благословлял их и давал последние наставления и ободрения. Со своим проводником Селиванов поначалу был сдержан и недоверчив, не принимал пищи из его рук, но потом оттаял и много говорил о том, что по примеру апостолов, которые так же были скопцами, готов сносить

любые гонения и в будущее смотрит без страха. По приезде в Москву стал просить задержаться дня на три для встречи с учениками, за что пристав получит от них такую награду, «которая может быть для него весьма значительной». Старец, приравнивавший себя к апостолам, совсем неплохо ориентировался в земных делах!

В Суздале были приняты все меры для изоляции Селиванова. Настоятель монастыря получил подробные инструкции: никаких посещений, никакой переписки, никаких посылок, даже под видом милостыни. Строго следить за людьми, которые будут присматривать за Старцем и ухаживать за ним, «дабы не могли быть совращены от него в пагубное скопчество». Регулярно, раз в четыре месяца, присылать в Петербург подробные секретные отчеты – «в каком положении когда он будет находиться». Легальный доступ к Селиванову действительно был наглухо закрыт, хотя, наверное, не один Василий Будылин смог обмануть бдительную стражу… Но шумных эксцессов не было, и мифологический Искупитель все больше и больше отделялся от старика, тихо угасающего за монастырскими стенами.

Рассмотрим еще одного мифологического героя, которого скопцы чтили как Предтечу. Он тоже фигурирует в преданиях под множеством разных имен: то он Князь (Дашков, сопутствовавший якобы Петру III в его странствиях), то Граф (Иван Григорьевич Чернышев). В некоторых легендах о нем рассказывается как об инженерном полковнике, и действительно такой «чиновный еретик» существовал, но тщательное расследование показало, что это было другое лицо. Путаница имен продолжается и в полицейских документах. То Александр Иванов, то Александр Иванович Фомичев, то просто Александр Иванович… Окончательный вариант – Александр Иванович Шилов, – считается наиболее достоверным.

Необыкновенный ореол вокруг его имени был создан главным образом стараниями Селиванова, утверждавшего, что лучшего помощника, более близкого друга и наперсника у него не было за всю жизнь. Реально же он действовал лишь в самые ранние времена существования секты. Схваченный в 1775 году, все по тому же «делу» в селе Сосновка, он так и не вышел на свободу до самой смерти. Но посмертная его история оказалась гораздо богаче событиями.

Если надпись на его могиле была верна, Шилов родился в 1712 году в селе Маслово Тульской Губернии. До оскопления был женат, имел детей. Один из них, сын Епифан, подозревался в том, что именно он выдал отца властям. Несколько раз переходил «из веры в веру», то есть из одной секты в другую, и в каждой вере

был учителем, но всякий раз разочаровывался: «не истинна вера, и постоять не за что!» Селиванов помог ему обрести то, чего он так долго искал. У Шилова не было одного глаза. По одной версии, его изуродовал тростью полковник Волков, после Сосновки, выведенный из себя непокорным поведением арестанта на допросах. Но те, кто особо преклонялся пред его памятью, уверяли, что Александр Иванович сам себе вырвал глаз – «из ревности по вере и чистоте».

Последние годы Александр Иванович провел в Шлиссельбурге – жалким арестантом по фактическому положению дел и местной знаменитостью в глазах не только товарищей по несчастью, но и начальства. Когда вновь назначенный комендантом крепости полковник Плуталов обходил камеры, Шилов обратился к нему по имени отчеству и сказал: «Будьте только милостивы к несчастным людям, и Бог кольми паче будет милосерднее к вам!» Плуталов был поражен: откуда узник знает о его назначении, тем более о том, как его зовут? Шилов отвечал: «У государя у престола людей много, а у господа Бога есть свои люди, живущие на Земле!». И добавил, что через две недели нового коменданта ждет царская милость. И точно – ровно через две недели Плуталов получил генеральство, крест и 400 душ крестьян. Необычайное уважение к Шилову комендант распространил и на других скопцов. Некоторые из них уже после своего освобождения из крепости нередко наведывались к нему в гости.

Чудеса продолжались и после смерти Александра Ивановича. В самый день его кончины прискакал из Петербурга курьер с золотым ключом (уж не Еленский ли?). Но высочайшее повеление – Шилова освободить и доставить в столицу – опоздало. Ввиду такого происшествия похороны были отложены на 12 дней, пока не пришло распоряжение, как их обставить. И проводили Шилова в последний путь не только со всеми христианскими обрядами, но и с такой торжественностью, какой ни до, ни после в этом суровом месте не наблюдалось. В процессии участвовало и все крепостное начальство, и все городские священники, и огромные толпы народа. Содержавшихся в крепости скопцов выпустили из камер и разрешили им проститься с усопшим. Правда, на погребении они не присутствовали, но из уважения к их горю комендант пересказал им все в самых трогательных подробностях. Он и сам был безутешен и все вспоминал, сколько раз Александр Иванович выручал его своими точнейшими и важнейшими предсказаниями.

Шилова похоронили у подножия Преображенской горы, близ берега Невы. Но через три года комендант разрешил провести

перезахоронение в новую могилу, на вершине горы, и это опять было проделано с величайшими почестями. Широко пронесся слух, что покойник «оказался совершенно неповрежденным, как живой, только на одном пальце ноги почернел ноготь», – это было приписано тесноте гроба. У могилы была поставлена обширная деревянная часовня, простоявшая, правда, недолго. Поскольку это священное место словно бы само предлагало себя для совершения скопческих ритуалов над новообращенными, наиболее благоразумные из членов секты решили понапрасну не рисковать.

Но уже через несколько лет видные Петербургские скопцы построили на этом месте церковь и каменный дом, они же поставили на могиле помпезный памятник. Точность этой информации подтверждает авторитет самого Ивана Липранди, который специально ездил с дознанием в Шлиссельбург и привез подробное описание гробницы вместе с рисунками.

Можно было сколько угодно иронизировать над наивностью скопческого мифа, возводящего в царское или княжеское достоинство каких-то жалких плебеев, нищих, безграмотных мужиков. Жизнь давала этому мифу самые неожиданные подтверждения…

Государство в государстве

Попытаюсь теперь затронуть количественный аспект. Сколько было в России скопцов – никто не знает. Сами они себя не пересчитывали. Официальная статистика дает только самые приблизительные сведения, колеблющиеся в зависимости от официальных же настроений: иногда сверхзадача таких публикаций требовала преувеличения масштабов «зла», иногда, наоборот, их явного преуменьшения. Ни в одном из обнаруженных мною источников нет данных, относящихся к одним лишь скопцам. Для всех, у кого был интерес и средства для проведения подсчетов, они представляли собою лишь фрагмент в сложнейшей мозаике сект, отпавших от православия. В зависимости от того, по какому признаку классифицировались секты, скопцов подсоединяли то к одним, то к другим группировкам. И всегда за названной цифрой предполагается неопределенный, но наверняка не маленький коэффициент – поправка на виртуозное, чисто российское умение скрывать от любого начальства частную, в том числе и религиозную жизнь.

Статистика всегда привязана к определенному моменту. В скопчество в России держалось не меньше двух веков. Мой последний скопец, Калистрат, был действительно последним в истории своей общины. Но кто и в самом деле подвел своей судьбой финальную черту – это уж точно, как любили говорить в комиссии Ивана Липранди, покрыто мраком неизвестности. Удалось выяснить, что совсем незадолго до Великой Отечественной войны в судах разбиралось несколько дел, в которых фигурировали скопцы. Вполне возможно, что некоторым из них удалось пережить Сталина.

Если считать вехами судебные процессы, то от первых – по указу Екатерины II – до этих, завершающих, сменилось, по самому скромному подсчету, 6-7 поколений. Конечно, численность секты не была постоянной. Но все равно, чтобы представить себе общее число «детушек» Кондратия Селиванова, любой статистический показатель надо умножить еще в несколько раз.

А теперь – к делу. Чтобы не перегружать текст цифрами, я выбрал лишь самые выразительные.

В связи с расследованием по делу Василия Будылина (это, напомню, рубеж 20-х и 30-х годов прошлого века) особое внимание было привлечено к Тамбовской губернии. Официально считалось, что скопцов там, вместе с молоканами, духоборами, иудействующими и другими еретиками – 900 человек. Но сразу видно, что собирал эту информацию кто-то из несших личную

ответственность за чистоту религиозного духа. Некто Владимиров, отставной майор, верноподданейше доносил Николаю I, что в одном только его уезде никак не меньше 70 тысяч сектантов. И человек этот, похоже, не заблуждался. Тамбовский губернатор вынужден был выступить с резким протестом против правительственного распоряжения о высылке всех скопцов и других сектантов в Сибирь. Помещичьи имения, говорил он, настолько заражены ересью, что если исполнить эти указания, губернию постигнет катастрофа: деревни опустеют, хозяйство их владельцев придет в расстройство и упадок.

И так было повсеместно. Министерство внутренних дел в этот же примерно период говорило о миллионе раскольников разного толка. Но когда удавалось направить в ту или иную губернию, для проверки, опытных и беспристрастных экспертов, их данные оказывались выше министерских – раз этак в сорок! Половина губернии, три четверти губернии – такие оценки сплошь и рядом встречаются в документах. Конечно, лишь какую-то часть от этих половин составляли скопцы. Но они не случайно считали себя элитой среди еретиков (с чем, впрочем, остальные еретики далеко не всегда были согласны). Они появлялись на гребне общего анти-церковного, анти-православного настроения когда оно становилось достаточно выраженным и массовым. Поэтому, я думаю, существовала такая закономерность: чем шире распространялись все еретические уклонения, тем выше становился удельный вес скопческого максимализма.

Иван Липранди, продолжавший пристально наблюдать за развитием этого явления, в середине 50-х годов дал свое, как обычно, оригинальное толкование принципа, по которому весь этот громадный общественный слой разделялся на собственно религиозную часть и политическую. Что представляет собой вероучение с точки зрения обрядности, исповедуемых догматов, совместимости с требованиями канонического православия – все это Липранди исключил из рассмотрения. Он поставил один, но и в самом деле самый кардинальный вопрос: где ожидает человека обещанное ему вечное блаженство? Если по ту сторону земной жизни, – перед нами явление религиозное. Если же рай размещается, пусть даже в будущем, но на этом свете, религия становится фактором второстепенным, уступая ведущее место политике. Скопцы, при таком подходе, безусловно вписывались в политическое направление. Самозванство Селиванова, объявившего себя Петром III, следовало рассматривать не просто как преступную выходку одного человека, пусть даже родоначальника секты, но как ее ведущий, сущностный признак. Видимо, из головы аналитика не выходили «золотые» скопческие

времена, когда в Петербурге почти на 20 лет оказались сосуществующими две царские власти, несопоставимые по мощи, но одинаково реальные.

Подсчитывая общую численность политической ветви сектанства (скопцы, бегуны, хлысты), Липранди называл фантастическую цифру – 6 миллионов человек. Но самым опасным, в его глазах, было не это и даже не скорость распространения по всей империи – от Белого Моря до Черного, от Сибири до Бендер и Риги. Невзирая на все, так сказать, конфессиональные расхождения и споры, все секты связаны в единую общину, в огромную «конфедеративно-религиозную республику», по многим признакам, и прежде всего по наличию гигантских капиталов, имеющую вид некоего государства в государстве. Многие из сектантов, в первую очередь скопцы, не живут своими домами, семейно. Они не только собираются вместе для молитвенных ритуалов – они обобществляют весь свой быт, они отрицают частную собственность. Какой еще коммунизм вам нужен? – задавал Липранди вопрос, который для него самого явно был всего лишь риторическим.

От десятилетия к десятилетию эта цифра, 6 миллионов, неумолимо росла. В различных источниках упоминаются 12 миллионов, потом 15, на рубеже веков 20, накануне революции 25… Существовали и другие точки зрения, другие оценки, связанные прежде всего с разницей в подходах к предмету счета: кого в какой реестр заносить. Но появившееся примерно сто лет назад ощущение, что в России две веры, – одна государственная, а другая народная, – основывалось не на статистических выкладках, а на непосредственных наблюдениях, цифры их только подкрепляли. Договаривались даже до того, что по массиву приверженцев сектантские уклонения, с их ритуализмом, с неравнодушием к магии, – это и есть русская вера, а безупречное с богословской точки зрения церковное православие на фоне этой стихии составляет узкую секту. Полную завершенность этой схеме придавали скопцы, со всем их неповторимым колоритом.

Александр Эткинд цитирует книгу английского путешественника Уильяма Диксона, опубликованную в Нью-Йорке в 1870 году под названием «Свободная Россия». Написана она, как можно догадаться, в расчете на читателей, которые никогда в России не бывали и никогда не попадут, так что опасности быть схваченным за руку для автора не существует. Поэтому можно целиком отдаться своему первому впечатлению, не заботясь о его уточнении и перепроверке, – лишь бы выглядело достаточно экзотично и сенсационно. Диксона потрясли скопцы

(ну а нас с вами они бы разве не поразили?) «Они появляются в магазинах и на улицах как привидения… Они не играют и не ссорятся, не лгут и не воруют… Секта секретна… Ее члены кажутся такими же, как все люди, и не обнаруживают себя в течение всей жизни; многие из них занимают высокие посты в этом мире; их принципы остаются неизвестны тем, кто считает их своими друзьями… Известно, что они богаты, говорят, что они щедры… Все банкиры и ювелиры, сделавшие большие деньги, подозреваются в том, что они – Голуби…»

Кое в чем путешественник, конечно, переусердствовал. Далеко не все скопцы были богаты, и уж подавно не все богачи принадлежали к их кругу. При замкнутой жизни, которую они вели, при том, что всех не сподобившихся их отличия они считали пропащими грешниками, трудно предположить, чтобы кто-то имел основания считать скопца своим другом. Людям, похожим на привидения, невозможно не обнаружить себя на протяжении всей жизни… Но это детали, их можно легко простить иноземному наблюдателю, который в главном не погрешил против правды. То, чего не было и не могло быть нигде на всем земном шаре, включая сюда и самые отсталые, сохранившиеся на первобытном уровне племена, в России составляло непременную часть быта, самостоятельную область культуры и массового сознания, легализованную если не законом, то прочно укорененным обычаем.

К тому моменту, когда Диксон приехал в Россию, при желании можно было отметить столетие первых проб и опытов Селиванова. Целых сто лет! Вехами прогресса принято считать технические достижения, следовательно, мы должны первым делом напомнить, что страна вошла или вплотную приблизилась к эпохе железных дорог, электричества, телефонной и телеграфной связи. Впечатляющим было бы также сравнение оружия, каким добывались победы (или, увы, не добывались) в конце XVIII и в конце XIX века. В моей профессиональной области: с врачами, жившими сто лет назад, мы бы наверняка нашли о чем поговорить, а вот с медиками екатерининских времен сам контакт, наверное, был бы невозможен. Обратим еще внимание на то, как изменился язык, а вместе с ним и мышление… Я ищу, как вы понимаете, наверное, какие-то зримые, конкретные ориентиры, чтобы показать, насколько все в России за сто лет изменилось. И вместе со всем этим прогрессом шли своим собственным историческим путем, приспосабливаясь к меняющейся действительности, скопцы.

Непрерывность, длительность существования сект во многом основана, насколько я мог выяснить из общения с этой группой

верующих, на механизме прямого наследования: от родителей к детям или от бабушек внукам, второе поколение иногда выпадает. Скопцы феноменальны еще и тем, что им некому было передать эстафету этим самым естественным и самым надежным путем. Они никого не растили и не воспитывали. И все же в каждом следующем поколении неотвратимо появлялось их потомство, и оно становилось все шире, шире. Их аллегорические прозрения о сказочном умножении пшеничных зерен обретали непостижимую умом реальность. И вправду выходило, что они оставляют на земле свое семя. Вера в бесконечность, в бессмертие получала самую убедительную опору.

Это был грандиозный триумф третьего пола! В одной стране (но зато самой большой на планете), в ограниченном промежутке времени (но зато длившемся свыше 150 лет и вместившем в себя не одну крупную историческую эпоху) третий пол сумел надежно утвердить себя в правах, занять ему одному принадлежащую социальную нишу. Если называть вещи своими именами, население России в течение минимум 150 лет делилось не на два, а на три пола, и никакими драконовскими методами это положение невозможно было изменить.

Напрашивается возражение: а как же евнухи в восточных деспотиях? Как страж гарема, в котором воплощалось всемогущество владыки, евнух пользовался его особым доверием. Часто только от него самого зависело, какую политическую роль он себе присвоит и как распорядится тайнами, доступ к которым ему открывало его служебное положение. Через историю Византийской империи проходит целая череда высокопоставленных евнухов, среди которых попадаются и министры, и полководцы и даже церковные иерархи, не говоря уже о множестве «серых кардиналов», формально стоявших на скромных позициях, но фактически заправлявших всеми делами. Историки объясняют это отчасти особенностями политической системы, выражавшей себя в перманентных заговорах и дворцовых переворотах. Представителей свергаемой династии либо убивали, либо оскопляли – и то, и другое в равной мере исключало дальнейшие посягательства на трон. Но уже при следующем перевороте жертвы предыдущего, если у них к тому же была голова на плечах, могли рассчитывать на особую милость. Таким жестоким способом смог, например, возвыситься знаменитый патриарх Константинопольский Игнатий (в IX веке, незадолго до Крещения Руси), причисленный православной церковью к лику святых.

Поразительным казусом остается культура певцов-кастратов, которая кажется несовместимой ни с христианской моралью, ни с

духом европейской цивилизации. Еще во времена античности законы Рима расценивали кастрацию как уголовное преступление, каравшееся смертью и конфискацией всего имущества – даже если совершена она была над рабом. В эпоху крестовых походов Европа многое восприняла и переняла у Востока, но рассказы о евнухах в штате восточных повелителей так и остались только рассказами. При всей изуверской жестокости средневековья, при всей изобретательности палачей инквизиции на эту часть человеческого тела они никогда не покушались. Как могла быть преодолена вся эта система запретов – непонятно. Еще непонятнее, как удавалось современникам отделять чистый эстетический восторг перед действительно неповторимым, ангельским звучанием голосов от сознания страшной, кощунственной цены, заплаченной за него. Когда в конце XVIII века (поразительное совпадение – одновременно с выявлением в России первых скопцов!) знаменитый папа Климент XIV темпераментно проклял это обычай, им ничего не было добавлено к тому, что и раньше ни для кого не являлось секретом. Но как бы то ни было – тоже можно сказать, что на некой ограниченной территории, в течение определенного отрезка времени третий пол был частью социальной структуры. И при этом часто не маленькой: по некоторым сведениям, операции подвергались до 4000 мальчиков в год. Вряд ли столько требовалось певцов, но голос, музыкальный талант порой ведут себя непредсказуемо, поэтому, очевидно, действовать приходилось с большим запасом.

Специально так подробно останавливаюсь на этих примерах, чтобы подчеркнуть: ни с одним из них скопчество не имеет ничего общего.

Ни в одном из известных истории вариантов лишение пола не затрагивало женщин. Разве что в виде сурового наказания. в обществах, где на женщину смотрят как на рабыню. И то, говорят, подобные обычаи остались в самом далеком прошлом. Как слова евнух, кастрат не имеют женского рода, так и социальные роли, для исполнения которых требовалось изменить человеческую природу, подразумевали только мужчин.

Первыми учениками Селиванова тоже были мужчины. Но цель, провозглашенная им, была всеобщей. Если Адаму необходимо возвращение в первородном состояние, то как это может не распространяться и на Еву? У нее ничуть не меньше прав на очищение от греха, на вечное блаженство!

Утверждают, что Селиванов сопротивлялся этому. Что-то, очевидно, настораживало его в женщинах, хоть они ему и благоволили. Даже позже, когда уже появились первые скопчихи,

он настаивал на том, чтобы обе части общины существовали раздельно и ни на собраниях, ни на радениях не смешивались. Но и тут его не послушались.

Бесконечные суды над скопцами требовали повышенного внимания со стороны судебных медиков. Со своей профессиональной точки зрения, глубоко интересовались их проблемами патологоанатомы. Совместными усилиями был накоплен огромный материал, в том числе изобразительный. Абсолютное внешнее тождество полов производит сильнейшее впечатление. Считается общепризнанным, что у мужчин после операции появляются женские черты. Фотографии скопцов обоего пола позволяют сделать чрезвычайно существенное уточнение: черты женщины, которая тоже лишена признаков своего пола!

Все традиции, связанные с ампутацией пола, непременно включали в себя элемент насилия. Инициатива исходит сверху, от лица или лиц, обладающих неограниченной властью – победителей над побежденным, взрослым над ребенком, судьи над преступником, господина над рабом. Не случайно мы встречаем эти обычаи только в тех обществах где власть одних людей над другими имела абсолютный, всеобъемлющий характер, уподоблявший подчиненное лицо животному или неодушевленному предмету. Кого можно просто так, по своей прихоти убить – того можно для каких-то практических надобностей и кастрировать.

Наши скопцы действовали на началах полной добровольности, вопреки настояниям власти, – в этом еще один знак неповторимости и уникальности этого явления.

Я внимательно перечитал свидетельства, собранные комиссией Липранди, которая, по вполне понятным причинам, была заинтересована в доказательствах принудительного, насильственного характера оскоплений. Чувствуется, что ни один случай, позволяющий сделать такой вывод, не был оставлен без внимания. Одного несчастного обманули, опоили, а когда он протрезвел и пришел в себя – все уже было кончено. За другим гонялись, расставляли хитрые ловушки. На третьего наставили сразу два пистолета… Это добавляло к мрачному, с оттенком мистицизма злодеянию привкус обычной уголовщины – не лишний для тех, кто стремился возбудить против еретиков общественный гнев и презрение.

Бывали ли такие эпизоды в действительности? Вполне возможно. Но можно поручиться за то, что массового характера они не имели. И уж подавно такое объяснение не годится для желающих понять, за счет чего число Голубей могло дойти до семизначных цифр.

Ловить, приневоливать, насиловать – все это никак не вяжется с мироощущением, сконцентрированным в скопческом мифе. Элита не прибегает к насилию, чтобы ввести кого-то в свои ряды! Ей достаточно широко распахнуть двери. Самое большее – объяснить непонимающим, закосневшим в грехе, что именно у них поставлено на карту, что именно они приобретут и чего лишатся в зависимости от своего решения. Элите всегда свойственно некоторое высокомерие. Для полноты самоощущения ей необходимо сознавать, что есть кто-то, к ней не причастный – как возвыситься, если возвышаться не над кем? Скопцам, судя по их высказываниям, этого высокомерия вполне хватало.

Из этого вовсе не следует, что все обвинения в насилии были сфальсифицированы. Скорее всего, в протоколы заносились истинные показания. Но вот что бросается в глаза: если дело возбуждено по свежим следам события, сигнал о нем поступает откуда-то со стороны. Отец жалуется на погубителей сына. Крестьянка заходит в чужую избу, видит там окровавленного человека – приемного сына хозяев, догадывается, в чем дело, спешит поделиться своим открытием со священником, тот немедленно пишет донос церковному начальству (так начинались эпические события в тамбовском селе Сосновка). Или враждуют родственники, соседи, ищут способа друг другу насолить, занимаются слежкой – а тут такой подворачивается случай… Чтобы сам оскопленный прибежал искать защиты у закона – такие случаи мне не встречались. Обычно все происходит так. Дознание ведется спустя какое-то время. Человек арестован, с ним обращаются грубо, часто бьют, пытают. «Как посмел?» За исключением необычайно сильных натур, в подобной ситуации все ведут себя одинаково – стараются свалить на кого-то другого инкриминируемую им вину…

Операция продолжается считанные мгновения. Допустим, совершить этот шаг можно в ослеплении – поддавшись чужой воле, уверовав в сильную идею, проникшись отвращением к самому себе. Все эти мотивы способны полностью поработить человека, его разум и его эмоции. Это психически уравнивает скопцов с раскольниками-самосожженцами и со всеми другими фанатиками, совершающими ритуальные самоубийства. Но сходство на этом же и кончается. Суицид не знает фазы отрезвления и разочарования. Оскопление тоже необратимо, но в узком смысле: человек продолжает жить. Кастрация изменяет его духовный мир, но не так радикально и не так стремительно, чтобы превратить его в какого-то непонятного античеловека, сродни инопланетянам, с особым устройством восприятия и мышления. В самом главном он остается самим собой, каким он

был раньше и какими продолжают оставаться окружающие. Даже сексуальный инстинкт не покидает его целиком, вместе с отсеченной частицей плоти, поскольку материальная, биологическая база этого инстинкта сосредоточена не только в гениталиях, несмотря на то, что именно это место иногда называют «причинным»…

Скопец, таким образом, оставался членом того самого социума, который смотрел на подобных ему как на уродов, калек, людей неполноценных по самому большому счету, непоправимо и безысходно несчастных, заслуживающих если и не презрения, то безусловного сострадания или, положа руку на сердце, того и другого вместе. И он, по всем законам психологии, должен был точно так же относиться к себе. Защищаясь от этих горьких переживаний или отдаваясь им на съедение – это, как мы уже видели на примере евнухоидов, допускало множество разных вариантов, но главным, определяющим цветом его жизни мог быть только черный – цвет горя и безнадежности.

Так бывало и со всеми людьми третьего пола в истории – как ни приблизительно известна нам их жизнь, но эти-то штрихи хорошо сохранились, потому что они казались окружающим главными в их портрете. Третий пол мог стать надежным залогом для достижения богатства, власти, славы – в самых высоких степенях и в самых убедительных выражениях. Но ничто не могло заглушить нескончаемой обиды, прорывавшейся наружу в их чертах, вошедших в легенду: злобности, мстительности, коварстве. Блеск и величие не компенсировали этого несчастья, а только подчеркивали его глубину.

Наверное, такие страдальцы встречались и среди скопцов. Но – лишь как исключение. Типичным же было противоположное состояние – покоя и довольства, которое так поразило меня когда-то при встрече с Калистратом. В их палитре доминировал белый цвет. Себя они называли «белыми голубями» (других Детей Божьих – «серыми»), «бельцами», «белоризцами». Ритуал оскопления именовали «убелением» или усаживанием на «белого коня» подразумевая под этим, вероятно, не только достижение чистоты, но одновременно и положенную за нее награду. Они стремились к блаженству – и достигали его. Они были счастливы! В их положении это было так же противоестественно, так же немыслимо, как если бы они отменили в местах своего обитания закон всемирного тяготения. И тем не менее так было. И это больше, чем все остальное, делает скопчество феноменом, не имевшим аналогов никогда и нигде.

Почему я так уверен в этом, почему так смело берусь судить после единственной встречи с живым скопцом, да и то

мимолетной? Доказательство – сам долгий срок существования скопчества. При всей их изощренной конспиративности, жизнь скопцов все равно была на виду. На первых порах еще можно было опираться в агитации на одну лишь риторику. Но дальше неотвратимо вступала в действие логика живого примера, который не только воздействует на рассудок, но и на бессознательном уровне вызывает либо притяжение, либо отталкивание. Как бы глубоко ни прятались разочарование, гнев на самого себя, бессильный протест – они бы угадывались и настораживали всех «новиков», как называли в секте новообращенных.

Переход от самоуничижения к горделивому самоупоению требовал особых психических средств. Скопцы, сколько бы их ни было, всегда оставались меньшинством в мире, состоящем из двух полов и не допускающем мысли о существовании третьего. Мы уже видели, к каким сильным средствам прибегали «белые голуби», чтобы обособиться, отмежеваться от этой негостеприимной реальности. Первое место среди них, бесспорно, принадлежит мифу, позволявшему скопцам видеть себя «истыми, непорочными, праведными, святыми, избранными, полными и совершенными сынами Божьими». Видимо, колоссальное значение имел и своеобразный язык скопцов, в котором общеупотребительные слова русского языка наделялись особым значением, понятийным и символическим. Мужские половые железы они называли «удесными близнятами» или «ключом ада», член – «врагом», «ключом бездны», понимая под бездной женские гениталии. Свой язык не только усиливал секретность. Он разрушал всю систему бессознательных ассоциаций, сложившуюся у человека до соприкосновения с сектой, и создавал на ее месте новую.

В самоутверждении мужского и женского пола всегда участвуют эстетические переживания. Если вычесть из идеала привнесенное в него искусством, останется пустота. Третий пол не имел физической возможности восславить себя в живописи, в скульптуре, в музыке. Но те скромные ресурсы, которые были у него в распоряжении, он использовал сполна.

Не могу не сослаться еще раз на Александра Эткинда, давшего, на мой взгляд, блистательный анализ скопческой эстетики.

«Идея всадника, связанная с Апокалипсисом, с древними индоевропейскими символами власти и еще с центральными образами барочной культуры, имела важное значение для скопческой символизации тела… Главное, что мы знаем о Селиванове, – это то, чего у него нет и как прекрасно это

отсутствие. Для метафоризации отсутствия молчаливые скопцы не жалели слов:

Под ним белый храбрый конь,
Хорошо его конь убран,
Золотыми подковами подкован,
Уж и этот конь не прост,
У добра коня жемчужный хвост,
А гривушка позолоченная,
Крупным жемчугом унизанная,
В очах его камень маргарит,
Из уст его огонь-пламень горит.
Уж на том ли на храбром на коне
Искупитель наш покатывает.

В этом скопческом гимне легко увидеть барочную конную статую. Самозванный Петр III, Селиванов обозревается на своем храбром коне, как зритель смотрит на Медного всадника: от хвоста и подков коня к голове и глазам. Как мощь царя передается барочным скульптурам через тело его невероятного коня – так же, в красочном великолепии его тела, метафоризируется богоподобие скопца. Но «белый конь» означает полное удаление мужских органов. Скопцы описывают здесь могущественную и прекрасную сущность не самого царя, а его отсутствующего члена. Все сказанное здесь говорит о пустом месте. Воображение пустоты снабжается все новыми метафорами, которые заполняют небытие, наделяют отсутствие позитивными, избыточно-яркими признаками».

Что такое идеологический прессинг и какие сверхестественные эффекты внушения и самовнушения он способен создавать, нам долго объяснять не надо. Но мы на собственной шкуре испытали и другое – когда идеология вступает в противоречие с человеческими инстинктами, ее победа может быть лишь временной. Сколько образов, не менее монументальных, чем Селиванов на своем белом коне, силились увековечить идею «нового человека», лишенного инстинкта собственности! Какими эпитетами и славословиями награждалась такая, в определенном смысле тоже стерилизованная личность! И как, в сущности, быстро стали появляться первые симптомы, свидетельствующие, что этот конь, возможно, и прекрасен, но он отказывается подчиняться надетой на него узде.

Едва ли не всех наблюдателей, получивших какой-то доступ к тайной жизни скопцов, томило любопытство, не всегда даже маскировавшееся под холодный научный интерес: полностью исчезает у них сексуальное влечение или все же частично сохраняется? А если сохраняется, то подавляют они его или

находят доступные им формы удовлетворений? Соловецкий архимандрит Досифей обвинял узников, содержавшихся в монастыре, в гомосексуальных связях. Специалистов, работавших в комиссии Липранди, занимала проблема женского оскопления. Почему у скопчих так сильно меняется внешность, почему они увядают, усыхают раньше времени? Наложенная на них печать лишь уродует их организм, но не делает его бесполым. Сохраняется способность к зачатию, к рождению ребенка – такие случаи бывали, хоть большинство скопчих жили и умирали девственницами. Бесцветность, вялость, безжизненность во цвете лет закономерны в тех случаях, когда грудь удаляется «до кости», полностью: «опытные и сведущие врачи полагают, что если у женщины вырезаны обе груди, то это едва ли не должно считать близким к действительному оскоплению, ибо груди находятся в тесном сочувствии с маткою». Но преждевременная старость наступает и у женщин, подвергающихся лишь частичным повреждениям, не позволяющим достичь поставленной при них цели. Почему? «Если можно тут предполагать что-либо, так разве одно влияние воображения на подвергающихся операции изуверок… Они имеют дело со скопцами, у которых нет „царской печати“, и от такого противоестественного разврата, сопровождаемого продолжительным раздражением без удовлетворения, получают этот изнуренно-болезненный вид».

Подозрения в склонности к «противоестественному разврату» так и не были ни подтверждены, ни опровергнуты. Но одно бесспорно: никаких предпосылок для душевного комфорта жизнь этим людям не давала. И если они его все-таки достигали, значит, примешивались еще какие-то обстоятельства, пока нам неизвестные.

Параллельная реальность

В следственных материалах по делу Василия Будылина есть описания ритуалов-радений. Первый скопческий собор, на который он попал, происходил в селе Левые Ламки Моршанского уезда Тамбовской губернии, в доме крестьянина Дробышева – его наставника и учителя, местного пророка.

Учитель открыл собор молитвой. «Дай нам, Господи, к нам Иисуса Христа. Дай нам, сын Божий, свет, помилуй нас…» После молитвы все скопцы встали на колени. Учитель вышел на середину комнаты и начал громко говорить: «Ого, ого, ого, ого! Благослови, батюшка сударь, милосердный глава Искупитель из рая недостойного раба на твоем кругу святом пойтить и всем праведным рабам про твои дела возвестить, как страдал ты в Туле и Суздале граде, и подаешь всем отрады!» Затем пророк стал пророчествовать, обращаясь то ко всему собранию, то к кому-то одному. Называлось это общим судом. Пророк очень точно разоблачал различные прегрешения – то ли и вправду обладал даром видеть сквозь стены, то ли пользовался услугами тайных информаторов. Все крестились, кланялись пророку, пророчице, молились на портрет батюшки-Искупителя Петра III (к слову сказать, за неимением настоящих портретов скопцы часто использовали монеты с профилем этого монарха, отчеканенные в недолгий период его царствования).

Будылин называет имя пророчицы, выдававшей себя, по обстоятельствам, то за Богородицу, то за супругу Великого князя Константина Павловича: Елена Павлова, Лебедянская мещанка. Не исключено, что это была та самая «девица небывалой красоты», которую видели дома у Селиванова.

Когда суд завершился, все расселись по лавкам и начали петь. Пение, с нарастающим подъемом, продолжалось несколько часов и на пике возбуждения перешло в собственно радение. Мужчины в раздельных рубахах и штанах, женщины в причудливых колпаках, сверху подвязанных платками, принялись кружиться, помахивая при этом платками, бывшими в руках у каждого скопца. Накружившись до изнеможения, стали причащаться баранками и сухарями, которые Будылин привез от Селиванова.

Следствие было сосредоточено на двух моментах: на физическом изуверстве и на еретическом характере вероучения скопцов. Будылина подробно выспрашивали о проводимых на его глазах операциях, записывали с его слов молитвы и тексты песен. Как именно радели, то есть кружились присутствовавшие на

соборе – с этим к допрашиваемому не приставали. Рядом с другими преступлениями это, вероятно, выглядело безобидным чудачеством, напоминая танцы, праздничные хороводы, детские игры или что-нибудь еще, такое же невинное.

А между тем именно это кружение открывает, на мой взгляд, главную тайну скопцов.

Человеческий мозг очень чувствителен к вращению. Не случайно в подготовку космонавтов входят многочисленные упражнения, тренирующие вестибулярный аппарат, – точнее, помогающие другим системам мозга приспособиться к его разбалансировке. В небольших дозах возникают ощущения, скорее приятные. Вспомните свое состояние после тура вальса (если вам случалось, конечно, танцевать вальс). Вспомните, какое беспричинное веселье накатывает на аттракционах. «Вещуньина с похвал вскружилась голова», – сообщает баснописец, указывая на тот же самый эффект: вращение вызывает эйфорическую приподнятость, возбуждение, как теперь говорят, кайф, и это настолько привычно, что когда тот же кайф возникает по другим причинам, это ассоциируется с приятным кружением.

Зачинатели сектантских радений, у которых переняли свою психотехнику скопцы, использовали ту же органическую основу. Но это было особенное кружение, сразу его приемами нельзя было овладеть – приходилось учиться. Кружиться следовало очень быстро и долго. Вернемся еще раз к нашему обычному опыту. Если немного передозировать, приятные ощущения сменяются неприятными – появляется головокружение, тошнота, чувство угнетенности, после чего человек сразу говорит себе «стоп». Но если превозмочь себя и продолжить вращение, наступают острые, на грани переносимости, эффекты, подпадающие под понятие измененной психики.

К этим телесным упражнениям добавлялись еще и дыхательные, создающие избыточное насыщение организма кислородом. Это тоже безотказный способ прихода в иную психическую реальность. Исчезает ощущение времени, наше привычное «Я» полностью меняет свои очертания. Пропадает самоконтроль. Перед человеком проходит вереница видений, он слышит голоса, иногда в их хор, помимо его сознания, вплетается и его собственный голос. Еще не упомянул о музыке, которая тоже составляет необходимую «приправу»: есть особые созвучия и ритмы, помогающие душе улететь в это запредельное путешествие.

За вычетом разве что кружения, все эти приемы воздействия на психику использует современная медицина при проведении терапии по методу Станислава Грофа. Собирается группа,

создается музыкальный фон, врачи показывают пациентам, как нужно дышать… Иногда образы и ощущения, вынесенные после такого погружения в тайные глубины души, сравнительно легко поддаются расшифровке. Угадываются пережитые события, прочно забытые или вытесненные из памяти. Не раз я бывал свидетелем, как воскресают впечатления, предшествовавшие или сопутствовавшие рождению человека. Иногда встречаются неразрешимые загадки, заставляющие уверовать чуть ли не в переселение душ… Весь этот материал врач вместе с пациентом разбирают «по косточкам», ищут связи, объединяющие его с сегодняшним днем. Нередко случается, что спустя несколько дней после погружения вдруг всплывают какие-то важные дополнения, которые не удалось поймать сразу, они уточняют сложившуюся интерпретацию или заставляют ее пересмотреть. Идет сложнейшая аналитическая работа, позволяющая человеку глубже понять самого себя, заново осмыслить свой жизненный путь, рассекретить причины неудач или тягостных переживаний. Но мне очень легко себе представить, как, при соответствующем настрое, может создаться полная уверенность в контакте с высшими силами – это они предстают перед человеком в зримом воплощении, говорят с ним, повелевая или запрещая ему что-то, внушают, какие слова произнести ему.

Эти способы воздействия на психику были известны очень давно, они широко использовались в древних мистических ритуалах, к ним прибегали языческие жрецы, шаманы, колдуны и маги. Но только в последние десятилетия удалось раскрыть природу этих чудес.

Как и все, наверное, психиатры, я с первых дней практической работы получил широчайшее поле для наблюдений за тем, как действуют на психику алкоголь и наркотики. Мы тогда были настроены очень оптимистично: твердо верили, что в наших силах победить это зло – надо только как следует засучить рукава. Открыть сеть диспансеров, подготовить врачей, найти надежные лекарственные средства, повернуть общественное мнение… И не в последнюю, конечно, очередь – как следует разобраться в причинах.

Помню вопросы, вокруг которых постоянно крутились мои мысли. Почему люди пьют (или колются, или нюхают, – было понятно, что речь идет о глубоко родственных явлениях, но наркоманов в ту эпоху было немного, а пьянство победоносно наступало на всех фронтах)? Угробить свою печень, превратиться в дегенерата – никто не ставит себе такую цель. Трагедия наступает, как расплата за удовольствие. Почему же наш организм так благосклонно принимает вещество, которое в

конечном счете несет ему гибель? И почему его реакция на это вещество выглядит поначалу такой естественной? Ведь и правда, все без исключения психические эффекты, вызываемые опьянением, знакомы и людям, которые никогда не пробовали хмельных напитков. Подъем настроения, веселье, бурный прилив оптимизма и веры в самого себя, блаженная раскрепощенность мыслей и чувств – так отзываемся мы на любой подарок, который преподносит нам судьба, и даже на превосхищение такого подарка. Недаром же родилась поговорка «опьянеть без вина»!

Эта полная тождественность состояний, к которым приводят и путь порока, и путь наивысших добродетелей, вплотную подводила к открытию, требовавшему лабораторной проверки. Как четко, безошибочно, всегда у всех одинаково реагирует психика на появление в организме алкоголя! Это взаимодействие почему-то неизменно ассоциировалось у меня с замком. Хороший, исправный замок с такой же безотказностью повинуется движению ключа – если ключ специально для него изготовлен. Природа, это очевидно, подготовила в человеческом организме немало таких интересных замочков, надежно перекрывающих выход в некий параллельный мир – похожий, в основных чертах, на нашу повседневную действительность, но несравненно более яркий, красочный и привольный. Очутиться там равносильно тому, чтобы совершить недолгую экскурсию в рай. Но не могла же природа действовать в расчете на то, что когда-нибудь ее создания, движимые любопытством и ненасытной жаждой экспериментаторства, подберут к этим замкам ключи в виде продуктов, полученных из плодов, листьев, корней или даже коры различных растений! Нет, ключи должны находиться в непосредственной близости к замкам, и опьянение без вина это лишний раз подтверждает…

Догадка оказалась верной. Когда наука получила возможность идентифицировать вещества, вырабатываемые самим организмом, были обнаружены точные химические аналоги всех соединений, которыми потчуют людей производители алкогольных напитков и наркотических препаратов. В том-то и состоит непревзойденное коварство зеленого и всех прочих змиев: организм встречает их, как родных, – но в количествах и концентрациях, с которыми он бессилен справиться.

Когда Москва переживала приступ увлечения йогой, нашему сотруднику М. Гарберу удалось уговорить нескольких человек принять участие в экспериментах. Требовалось от них только одно – сдать кровь на анализ до и после упражнений, вызывавших состояние медитации. Великая тайна йоги, владевшая

воображением стольких людей, полностью выявилась в столбиках цифр на прозаических лабораторных бланках. После медитации было зафиксировано повышенное содержание в крови эндогенного этанола – самопроизводного спиртового вещества. Нам удалось даже провести количественные оценки. Сеанс медитации оказался эквивалентен порции доброго портвейна, от половины до целого стакана – смотря по тому, каких успехов достигал йог в управлении своим телом и сознанием.

А как, собственно говоря, возникла методика Грофа, имеющая, как мы видели, самое прямое отношение к нашим скопцам? Гроф экспериментировал с новыми наркотиками, полученными синтетическим путем и несравненно более мощными, чем все, изготавливаемые из природного сырья. Особенно полезен для его исследовательских целей оказался знаменитый ЛСД, только-только появившийся в те годы. Он вызывал галлюцинации у людей, психически здоровых, то есть способных точно и ясно описать свое состояние, – это открывало, казалось, неисчерпаемые возможности проникновения в мир бессознательного. Но вскоре ЛСД был запрещен. Приходилось либо сворачивать работу, либо искать другой ключ к тем же замкам, которые с такой непринужденностью отмыкал страшный наркотик. Как пришел Гроф к мысли о дыхательной гимнастике, музыке и других элементах техники глубокого погружения? Действовал по наитию? Или держал в памяти сведения о древнем опыте жрецов и шаманов, послужившие ему ориентирами? В любом случае он оказался на верном пути, что показала не только психологическая, но и биохимическая экспертиза. В крови у испытуемых были найдены галлюциногены – вещества, входящие и в состав наркотика.

Когда комиссия Липранди «шила» скопцам обвинения в насильственном совращении и изуродовании невинных, широко эксплуатировался мотив опаивания. Заманили, поднесли угощение, несчастный захмелел, отключился – а когда пришел в себя, дело уже было сделано. Даже при первом чтении это показалось мне очень странным. Я помнил, с каким отвращением говорил Калистрат о водке – он держал ее дома, как необходимый атрибут поддержания связей с внешним миром, но сам никогда не пил. Пьянство в его глазах стояло рядом с плотским грехом, оно было несовместимо с идеалом спасительной чистоты, оправдывавшей все жертвы. И это глубочайшее убеждение разделяли все последователи Селиванова, аплоть до того, что появление в деревне последовательного трезвенника автоматически заставляло подозревать его в причастности к секте. Невозможно было поверить, что скопцы соглашались на

компромисс, да еще при совершении обряда, который считали священным.

Но и воспоминания новообращенных о том, что они будто бы находились во хмелю, а потом протрезвели, вряд ли были выдумкой. Напрашивается предположение, что они действительно бывали пьяны, – но без вина. С усердием неофитов проделывали они все, чему учили их наставники, – и не нужно было ничего больше, без всяких напитков психика срывалась с якоря.

Из всего, что мы знаем об алкоголе и о наркотиках, самое страшное – это их способность порабощать человека. Точно такая же зависимость создается и на базе химических соединений, синтезированных самим организмом. Это та же наркомания, та же, как иногда ее теперь называют, Белая Смерть.

Среди книг, по которым я знакомился с этим поразительным феноменом отечественной истории, попала мне в руки тоненькая брошюрка «О скопцах», изданная в Санкт-Петербурге в 1819 году, то есть на самом исходе «золотого века», накануне высылки Искупителя в Суздаль. Назначение ее – чисто пропагандистское: «открыть глаза тем, кои уже обольщены, и предостеречь от обольщения христиан простосердечных, но неопытных и неутвержденных в истине».

Открыть глаза – значит объяснить главную ошибку ложного и опасного учения, которая происходит от буквального и грубого разумения евангельских слов. Дух Святой через Апостола Павла сказал: умертвите уды. Но он не сказал «отнимите» или «отрежьте»! Следовательно, понимать эти слова надо лишь иносказательно – «умертвите страсти греховные и нечистые побуждения». Символическому, но никак не конкретному истолкованию подлежит и такой, смущающий неопытные умы, евангельский текст: «1. суть бо скопцы иже из чрева матерня родишася тако; 2. и суть скопцы, иже скопишася от человек; 3. и суть скопцы, иже исказиша сами себе царствия ради небесного». Речь идет только о духовной победе, о распятии страстей и похоти, «воюющих в членах наших», силою мысли и сокрушенной сердечной молитвы. «Скопцы из чрева матерня суть те во плоти девственники, в коих, еще при зачатии их во чреве матери, вселяется благодать, дарующая им чистоту; скопцы, скопившиеся от человек, суть те, коих христианские родители, благодатным воспитанием и учением, от самого нежного возраста образуют и, поселяемого в них благодатно, делают их девственниками; наконец, скопцы, скопившие сами себя ради царствия небесного, суть такие люди, кои, для обретения в себе царствия Божия и для удобнейшего распространения оного на Земле, сами себя

уцеломудрили, победив духом плотские вожделения до того, что несмотря на свою нечистоту и протекшую греховную жизнь, сделались девственными». Друзья Христовы, истинные страдальцы и воины его – они воюют против козней дьявольских и находят силы превозмочь греховные желания. «Лишением же себя телесных удов, в намерении не иметь возможности грешить самим делом, человек, будучи успокоен мнимою своею свободою от грубого только греха, теряет сокрушение сердца, толико нужное для коренного души очищения».

Мы не осуждаем лично ни единого скопца: каждый станет перед судом Божьим и свой суд примет, заключает безымянный автор свое воззвание к читателю. Мы только «всякого с любовью убеждаем не входить с ними в сношение», чтобы не превратиться в мишень для их уговоров. Странная просьба, если вдуматься: для чего же тогда было спорить, «открывать глаза» на еретические заблуждения, если это все равно не дает защиты перед соблазнителями?

Эта тоненькая книжка живо напомнила мне даже внешне похожие на нее издания о вреде пьянства, выходившие у нас огромными тиражами. Все там было правильно – все рассуждения, все к месту приведенные цитаты. Но вряд ли хоть одного человека эти призывы к разуму могли удержать на поверхности…

Кондратий Селиванов против Зигмунда Фрейда

Двое немолодых мужчин, старые друзья, обсуждают тяжелое душевное состояние одного из них. Прошло уже несколько месяцев после развода, совершившегося по инициативе жены, а человеку никак не удается прийти в себя. Он полностью деморализован, растерян. Временами он опасается за свой рассудок.

– Она кастрировала меня! – жалуется он другу. И тот согласно кивает головой:

– Да, это так. Я с самого начала чувствовал, что она способна тебя кастрировать!

Кажется, я достаточно близко к тексту пересказываю сцену из романа знаменитого американского писателя, Нобелевского лауреата Сола Беллоу. Но память могла надо мною и пошутить, заставив приписать этому роману эпизод, сочиненный другим автором. Вся современная интеллектуальная проза густо насыщена психоаналитической терминологией, писатели и их персонажи следуют за Фрейдом в своих суждениях, разбирают с его помощью сложные отношения и конфликты. Среди самых распространенных ссылок, давно уже не требующих, ввиду общеизвестности, упоминания авторского имени, – выход на тему кастрации.

Что подразумевается в данном случае, когда о кастрации говорит брошенный муж? Любовь к женщине может быть источником многих несчастий. Модно страдать от недостатка взаимности, от охлаждения, от измены. Но некоторым мужчинам выпадает тяжелейший жребий связать себя с глубоко закомплексованными особами, у которых любовь всегда имеет оборотную сторону в виде жгучей, исступленной ненависти. Эти дьяволицы завладевают душой мужчины, всеми его помыслами, лишают его воли, заставляют во всем плясать под их дудку. Иногда, чтобы закрепить и увековечить эту зависимость. они рожают детей. И все это лишь для того, чтобы в один прекрасный момент дать полную волю своей затаенной ненависти, раздавить несчастного презрением, лишить его не только дома, семьи, ребенка, но и самоуважения, и надежды на благополучие в будущем. После пережитого удара он – ничто. Он больше не человек и не мужчина.

О кастрации вспоминают и в других случаях – когда человек испытывает превосходящее его силы давление жестокой,

беспощадной, скорой на расправу власти. Предел унижения, полное уничтожение индивидуального начала, после которого от личности остается лишь ее подобие, ни на что не способное, кроме как бесконечно оплакивать свой жалкий удел.

Не удивительно ли, что это понятие так интенсивно используется людьми, которым оно знакомо лишь по историко-литературным ассоциациям? Что оно до сих пор сохраняет актуальность в обществе, где в точном смысле слова кастрируют разве что котов, – да и этот обычай, кажется, начинает отступать под натиском многочисленных ассоциаций защиты животных? Но вовсе не эти образы и представления актуализируются в сознании, когда современный человек передает собственные или воспринимает чужие переживания с помощью этого термина. Он опирается на собственный, сложившийся у него в раннем детстве психический опыт, который Фрейду удалось выявить и осмыслить под этим символическим обозначением.

В чем заключается этот опыт? Загадка пола – одна из первых серьезных проблем, с которой сталкивается пробуждающееся сознание. Сравнивая себя с другими детьми, ребенок быстро схватывает разницу в строении мальчиков и девочек. У мальчиков есть пенис, у девочек его нет. Охватить ту элементарную для взрослого человека истину, что такими и создала нас природа, ребенок сможет лишь на следующем этапе своего развития. Пока же его мозг способен лишь к более примитивным операциям. «Уже в детстве, – писал Фрейд, – пенис является ведущей эрогенной зоной и главным аутоэротическим объектом, причем, оценка его роли у мальчика вполне логично связана с невозможностью представить человека, подобного себе, но лишенного этого важного органа». Девочка, следовательно, могла обрести свой явно проигрышный вид только потому, что ей отсекли этот «важный орган». Но если это могло случиться с девочкой, то почему нечто подобное не может произойти с ним самим? Беспредельная важность этой проблемы заставляет мальчика предаваться фантазиям, в которые вплетаются и другие страхи – перед болью, перед наказанием, перед несчастным случаем, – перед любой угрозой, воображаемой или реальной. В этих фантазиях особое место занимает образ отца, приобретающий особые черты в связи с формирующимся на этой же стадии развития Эдиповым комплексом. Он олицетворяет для ребенка власть над ним, он же, в конечном счете, воплощает все угрозы со стороны других людей. С этим образом как бы срастается и постоянно переживаемая мальчиком угроза кастрации, как самого страшного наказания за сексуальное посягательство на мать. Фрейд считал, что появление комплекса

кастрации предвещает выход из Эдиповой фазы, когда запреты, налагаемые отцом, образуют особую структуру в личности самого ребенка – Сверх-Я.

У девочки тоже формируется комплекс кастрации, хоть и по другому сценарию. Фрейд дал этому такое объяснение: «На этой стадии детской сексуальной организации существует лишь мужское, но не женское, и, стало быть, альтернатива такова: либо мужской генитальный орган, либо кастрация». Девочка, считал основатель психоанализа, ощущает отсутствие у себя пениса как несправедливость, вынуждающую ее либо отрицать эту нехватку, либо стараться ее возместить. В иных формах протекает у девочек и Эдипов комплекс – Юнг называл его комплексом Электры, подчеркивая этим симметричность отношения к родителям будущих мужчин и женщин.

Последователи Фрейда выдвинули немало концепций, уточняющих и даже опровергающих эти его представления. Но обсуждается, главным образом, происхождение комплекса кастрации, его различия у разных полов. Не преувеличивал ли Фрейд, к примеру. значение феномена, который он называл «завистью к пенису»? Сохраняется ли он у женщин нынешнего поколения, родившихся в период сексуальной революции или еще позже?

Но как бы ни объясняли психоаналитики происхождение этого комплекса – в практической деятельности они сталкиваются с ним постоянно. Он присутствует практически у всех людей – как один из самых важных регуляторов межличностных отношений, как опора тех внутренних сил, которые вводят в берега безудержные и зачастую губительные человеческие желания.

С позиций психоанализа добровольное самооскопление выглядит полным абсурдом. Это то, чего не может быть. Как же понять этот чудовищный парадокс? Скопцом руководит страх смерти. Стремление избежать смерти – казалось бы, это и есть высшая степень жизнелюбия. Но если победа над смертью достигается ценой предательства любви, сознательного отказа от участия в продолжении рода, другими словами, ценой самой жизни, – разве это не означает полного, абсолютного торжества смерти?

Почему основоположники психоанализа, начиная с великого Фрейда, не использовали возможность познакомиться с явлением скопчества вблизи? Они не могли не знать о существовании в России такой секты. Поставив страх кастрации, в символическом понимании, в центр своих представлений о главных закономерностях психического развития личности, они не могли не задаться вопросом – что заставляет людей идти навстречу

этому страху, и не в своих бессознательных фантазиях, а в реальных поступках? Допустим, исследователи, работавшие в Европе, были слишком далеки от российской жизни, их сдерживали языковые и культурные барьеры. Но в начале века уже и в нашей стране появились квалифицированные аналитики. Мне всегда казалось удивительным, что они тоже игнорировали скопчество. Но теперь, отдав немало времени попыткам мысленной реконструкции скопчества, я, кажется, понял, в чем тут дело. Аналитики просто капитулировали перед этим феноменом, предчувствуя, а возможно, зная точно, что он подорвет фундаментальнейшие основы учения – о вечной борьбе Эроса и Танатоса, влечения к жизни и влечения к смерти, созидания и разрушения.

Даже у маленьких детей, которым недоступен абстрактный смысл понятия смерти, уже можно уловить первичные зачатки страха перед неизбежностью конца. Но уже годам к восьми эта беспощадная реальность овладевает сознанием. Ребенок боится потерять родителей, близких, боится за собственную жизнь. Каждое явление смерти, с которым ему приходится сталкиваться, глубоко травмирует его психику.

Невыносимость этого груза заставляет вытеснить страх смерти из сознания. Он составляет мощную структуру в бессознательной сфере ребенка. Иногда страх прорывается в виде локальных опасений – мать не вернется, случится пожар, наступит голод. Отсюда же и многие навязчивые фантазии ребенка, кошмарные сны, дикие поступки, заставляющие усомниться в психической адекватности маленького человека.

Но на помощь ему приходит Эрос, могучий инстинкт жизни, ограничивающий власть Танатоса. Он сублимирует энергию страха в нечто позитивное. По-разному можно защищаться от мыслей о неизбежности смерти. Утешать себя тем, что это случится «не скоро», чего же огорчаться раньше времени? Рисовать в воображении фантастические картины прогресса медицины: к тому времени, как я состарюсь, врачи придумают какие-нибудь волшебные лекарства. Или просто ни о чем не думать, заглушать тоску весельем, шумными развлечениями… Это помогает. Но слишком уж тонка и непрочна эта защита. Только Эрос дает силы избыть непереносимую душевную тяжесть. Он питает любовь к детям, творческий дар, способность служить обществу – мы говорим, что все это создает иллюзию бессмертия, не более того, но ведь и нет у смертных других шансов продлить свое пребывание на земле, кроме уверенности, что ты не будешь забыт, останешься в памяти любивших и почитавших тебя людей…

Было бы легче думать, что скопцы составляли среди человечества какую-то особую породу, скроенную по необычным меркам. Но нет, они были такими же нормальными людьми, как и все их современники. И их опыт заставляет во многом переосмыслить этот в целом оптимистический взгляд на человеческую природу.

Эрос не может вырваться за рамки противоборства с Танатосом. Это исключено. Но обратное, оказывается, возможно: тотальное подавление, новелирование Эроса, принесенного в жертву инстинкту смерти. Именно этот инстинкт становится основным, да, пожалуй, и единственным в той мрачной фантасмагории, которая длилась столько лет и с таким громадным числом участников. Эрос же низводится до какой-то второстепенной, необязательной, обслуживающей роли.

Подробный анализ мечтаний об установлении скопческого рая на земле выявил поразительный феномен, над которым психоаналитики не имели повода задуматься: Танатос тоже имеет возможность переходить в либидо, он тоже способен сублимироваться, но все, чего касается его ледяное дыхание, приобретает особый характер – регрессирующий, разрушительный, деструктивный.

Скопческий рай не состоялся. Но можем ли мы сказать с уверенностью, что модель жизни, придуманная и в огромных масштабах реализованная скопцами, ушла в прошлое, не оставив после себя никаких следов?

«Интересный мужчина хочет познакомиться…»

«Примерно через полгода после того, как я решил, что жизнь кончена, Слава, мой приятель, принес мне десяток писем.

– Это вам, Леонид Петрович. Посмотрите, может быть, что-нибудь подойдет?

– Что это?

– Отклики на ваше объявление. Хотят познакомиться с вами.

– Но я же не давал…

– Ну и что, а мы решили сделать вам подарок и напечатали. «Интересный мужчина 42 лет хочет познакомиться…»

– Да ну, глупости! – сказал я, жадно глядя на письма. – Что тут может быть подходящего!

Слаб человек. Сколько я не говорил себе прежде, что объявления не приносят счастья, но могут доставить множество огорчений, а все же читал письма запоем, отвечал на каждое. Иные знакомства сразу увядали, иных я сам отшивал. В результате отсева и отбора дело дошло до встречи всего пять-шесть раз…»

Но даже эти, придирчиво отобранные Леонидом Петровичем «варианты» при ближайшем рассмотрении его надежд не оправдали. Одна девушка оказалась совсем не похожа на свой фотоснимок, с другой обнаружилась сексуальная несовместимость. А с третьей и в самом деле получилась большая неприятность. Началось все очень мило, она поселилась у Леонида Петровича, ухаживала за ним, играла в семью, но по легкомыслию навела на квартиру бандитов.

Почта между тем продолжала работать, новые письма приходили – и среди них письмо от Ольги, отношения с которой и заставили, собственно, Леонида Петровича взяться за дневник. Письмо было хорошее, а фотография – плохонькая, все вместе ничего не обещало, но случай неожиданно свел их на дне рождения. «Заглянув ей в глаза – зеленые, ясные, шалые, – я вздохнул про себя и ушел тихонько, чтобы успеть на метро».

Но раз были общие знакомые – встречи продолжались. Всегда – на людях, по каким-то посторонним поводам. Несколько раз Ольга побывала у Леонида Петровича в гостях, но и после этого, говорит он, долгое время еще ничего у них не намечалось.

«Однажды она спросила: „Так что, мне остаться?“ „Как хочешь“, – говорю. „А ты – хочешь?“ Кажется, я хотел. Точно не помню, но все это было нетрудно, играючи, необременительно.

Так это началось. Никакой особой радости – той, что пришла потом, неожиданно, как озарение, – не было. Было не плохо, вопросов я себе (и ей) не задавал. Ничем не старался привлечь. Маленькие подарки – знаки внимания… Я не считал ее своей, не думал, что она у меня есть, но привыкал, снисходя к ее недостаткам, радуясь достоинствам и вовсе не считая, что наша близость перерастет во что-то большее. Помню, что полусерьезно планировал, где поставить ее аквариум с рыбками, но мысли о постоянном присутствии Оли в моей жизни были чистой игрой: наоборот, мне нравилось, что вот наконец-то женщина, у которой есть где жить, и наши встречи происходят не по необходимости а по обоюдному желанию. Я еще рассуждал, что получил то, чего всегда желал: необременительные сексуальные отношения раз в неделю при полном душевном покое…» Ольга не скрывала, что Леонид Петрович – не единственный в ее жизни, но и это в тот период ему лишь слегка досаждало.

И форма этих записей, и сквозящая в них горечь показывают, что это – как бы преамбула к дневнику, вылившаяся на бумагу, когда события уже достигли финала или достаточно близко к нему подошли. Это придает повествованию оттенок некоторой литературности – к счастью, не слишком сильный, не ставящий под сомнение искренность автора.

«31 декабря

У меня в одиночестве «крыша едет», а видеть и слышать никого не хочу. Наваливается дикая депрессия. Не нахожу себе места. По всем приметам и гороскопам – время самое неудачное, сулящее мне всяческие потери.

Как всегда в моменты, требующие непривычной активности, хочется залечь, уйти в «башню» и писать книгу. Смутные видения преследуют. Бред тоски по чему-то прекрасному, недосягаемому.

Не разберусь в своих отношениях с Лелькой. Надо бы на нее молиться, а я все размышляю – нужно ли мне это.

3 февраля

Ну, вот. Тревоги (некоторые) позади. Машина куплена, зарегистрирована. Сегодня оформили доверенность на Лельку. Вечером приходил Виталий, и его отвезли (как это, оказывается, приятно!) домой на машине…

Что-то происходит, движется. Привыкаю к Леле, даже начинаю думать, что из этого что-то может получиться.

15 февраля

Вроде убеждал себя, что не так уж мне и надо, а вот тебе – как стали отнимать, завопил: «мое!»

К Ольге приехал Антоша, и они жили у меня (другого слова не подберу) с пятницы до понедельника. Я много слышал от нее

про этого мальчика. Еще летом он упал в метро и сильно расшибся. Лелька с ним возилась, как с ребенком, пыталась устроить в Москве – в маленьком городке, где он живет, негде учиться (он немного рисует). Теперь даже трудно вспомнить, что чувствовал, как к этому относился… И вот он приехал снова, Леля привела его ко мне. На следующее утро она уехала на дежурство. Антон поднялся тихо, как мышка. Умылся – и простился. «Ты к Оле сейчас?» – спросил я светски. «А куда же мне еще?» – трагически сказал юноша. Забрал свою сумочку. Я остался с немножко виноватым ощущением радости, что больше его не увижу. И вдруг – звонок: «Ну, мы скоро приедем, ты не против?» Тут уж я сказал: «Ну куда же вам деваться…» «А если бы было куда – то против?» «Да, против». Смеется недобро… Приехали с ликером, как голубки. Я подхватился, позвонил сестре, поехал к ней, остался там на ночь.

Утром вернулся домой. Леля поехала заправляться. И тут Антон решил со мной поговорить. Сказал, что очень не хочет уезжать, просит разрешить жить у меня. «Я буду очень мало есть, тихо в уголочке…» Я понял, что Леля ничего ему о наших отношениях не говорила (да, впрочем, какие такие у нас отношения?), что у мальчика караул в голове полный. Жалко его. Но как быть-то?

Когда сидели с Лелькой на кухне, она тихонько так, в ответ на мою холодность к Антоше: «Никому-то он не нужен. Кроме меня».

Это, пожалуй, и есть точка.

24 февраля

Как все хорошо с Лелькой…

28 февраля

Неужели так и не научусь видеть ясно и не обольщаться? Что себе вообразил! О большой любви я, конечно, не думал. Но верил, что есть привязанность, смешанная с нормальным расчетом. Есть понимание моего отношения. Вчера еще верил.

А сегодня… «Позвонила мне подружка, уговорила поехать на дискотеку. Там встретила мальчика…» – и дальше во всех подробностях: какой мальчик, как на нее смотрел, что говорил, куда они потом пошли, натанцевавшись…

Что со мной сталось – не передать. Ухнуло сердце, голова кругом.

… Конечно, надо быть во всех отношениях сдержаннее. Не забывать: Леля вдвое меня моложе. Странно было бы, если бы наши отношения полностью ее удовлетворяли.

Но знать, что получаешь объедки с чужого стола?.. Привыкать к мысли о себе, списанном, старом, малопривлекательном,

смешном…

Я так верю всем, а меня всегда обманывали.

1 марта

Как говорится, в ночь вместилась жизнь. Какой же она умеет быть милой, внимательной! И вдруг – так же ласково: «Эдик будет звонить сюда. Хочешь – приедет?»

Приехал – симпатичный, напряженный (а как еще?). Сидели неловко. Лелька пыталась веселить, что ей категорически противопоказано, – такие натужные, грубые шутки. Потом они поехали куда-то вдвоем. Я сидел, слушал Баха и тосковал.

Что мне нужно – верность? Тепло живое, запах в доме, кашель в ванной – вот что, оказывается, так нужно для жизни! А я и не знал?

Сейчас, невыспавшийся, несчастный, даже не знаю, за что уцепиться, как за главное, что больше всего болит. То, что я чувствовал последние несколько дней – всего-то несколько дней! – было прекрасным ощущением, похожим на счастье. Леля меня не обманывала: она всегда говорила о своем отношении ко мне очень трезво и сдержанно. Но ее слова: «я тебя ни на кого не променяю», даже сказанные не слишком всерьез, по сути своей несут зерно истины: таких отношений у нее ни с кем не может быть.

Пустота, в которую снова сорвался, слишком похожа на отчаянье.

3 марта

Два дня отчаянья, тоски, одиночества. Утром она позвонила и приехала. Разговор должен был состояться. И это были самые светлые и чистые минуты.

– Я вчера определила свое к тебе отношение. Это не любовь. Это как относиться к отцу, к брату – ко всем самым близким людям сразу, но при этом иметь еще и сексуальный контакт.

Потом еще добавила:

– Я не могу дать тебе то, чего ты хочешь. Но я не хочу тебя обманывать, хочу тебе все говорить.

И такая была нежность, ласка, что я не понимаю: какая же еще возможна любовь? Нет страсти, влюбленности? Это естественно, и не этого я жду. И если это сможет продолжаться хоть сколько-нибудь, это счастье.

Спрошу себя: принимаю ли я такие отношения? Да, принял. Только надо запомнить: не проверять, довериться совершенно и даже внутри (особенно внутри!) не оскорблять подозрениями. Решить для себя: все равно, пусть так, она мне дороже и такого обмана.

4 марта

Ну просто лед и пламень! Правда, что ли, снова жить начал? Не буду – и сил нет – распространяться, да и что писать? О горестях как-то привычнее, а о хорошем-то что?

5 марта

Родная моя!

Как давно никому не говорил я этих слов!

Кажется, так это быстро произошло, так незаметно, и вдруг словно что-то открылось для меня. Вчерашний вечер, когда я пришел с работы и обнаружил, что ты дома, никуда не ушла, спишь, маленькая, на диване, – такой был для меня тихий, умиротворенный…

Сомнения иногда подкатывают снова, как тошнота. Но молчу. Леля начала сама:

– Ты не ревнуй к Эдику, не надо. Я просто хочу этому мальчику помочь.

– Да я не ревную. Просто думаю: вдруг тебе со мной не слишком хорошо? Так, пока есть, а сама ищешь получше.

– Ну, лучше-то трудно найти.

(Приписка на полях: привыкнув к недомолвкам и недоговоренностям, я домысливал за нее. Оля же – не ведала подтекстов, говорила ровно то, что говорила: не меньше – и не больше. А я, со змеиной усмешкой проницательности, видел в ее словах Бог знает что…)

7 марта

Вчера ты приехала поздно, глаза красны, вся встрепанная. Сообщила, что поссорилась с дедушкой и ушла из дома: теперь, если я тебя выгоню, будешь ночевать на вокзале. Честно – я не воспринял это всерьез. Ты всегда говорила о дедушке с большим уважением, мне казалось, что он к тебе сильно привязан… Если только ты не попросила его о чем-то таком, что было для него совершенно неприемлемым.

Я ждал какого-то удара. И когда этот удар (совсем не страшный, игрушечный) последовал, я отреагировал на него совершенно не адекватно. Твоя невинная просьба – взять с собой Эдика в компанию, куда мы завтра приглашены – показалась мне чудовищным вероломством и предательством, хоть и высказана она была так робко и трогательно, так смущенно. Мне бы сохранить хотя бы внешне спокойствие, так нет – завел речь об использовании моего хорошего отношения для устройства своих дел, о том, что я себя не на помойке нашел…

Когда ты, не отвечая на мои слова, затихла рядом, я, как ни странно, все же успокоился и смог заснуть. Утром, только увидел твою головку на подушке, не сразу вспомнил вчерашнее, только ощутил: хорошо! И вдруг окатила тяжесть, горечь.

Уходя на работу, оставил записочку:

«Леленька, родная!

Извини, пожалуйста, за вчерашние слова – я был, конечно, не прав.

Я тебя очень люблю и хочу быть с тобою рядом.

Если могу тебя в чем-то помочь – буду рад сделать так, как ты хочешь.

Целую».

На работе ждал звонка, тянул время, не выдержал – позвонил домой, но, конечно, никто не подошел. Еле высидел до вечера. Подходя к дому, подумал: если машина на месте – плохо. Вижу, стоит. Внутри все рухнуло. Лихорадочно открыл дверь – так и есть, ключи от квартиры висят на гвоздике. Ах, Лелька, ну зачем так…

Раздеваюсь – в комнате на столе записка.

«Здравствуй, Ленечка!

Зря спешишь отказываться от своих слов. Были несправедливые слова. Но ты можешь ошибаться. Я тоже люблю тебя. Но появился страх – обидеть тебя опять, причинить тебе боль. Прости!

Исчезаю ненадолго. Нужно разобраться в том, что происходит. Пожалуйста, не казни себя и не ломай. Все утрясется и будет хорошо.

До свидания.

Твоя О.»

Так тепло, светло от этой записки. Такое облегчение испытал… Какой же ты тонкий человечек! И лучше меня, чище, цельнее. При всех твоих заморочках и сердечной суматохе. Я все больше уважаю тебя. И тем обиднее тебя терять.

12 марта

С днем рождения, моя родная!

Ты много раз говорила, что не любишь этот праздник. Но это же твой день, потому что ты создана неповторимой и ни на кого не похожей, несущей радость.

Ты считаешь, что слова мало значат. Что же сказать тебе такого, чтобы слова имели смысл? Чтобы они смогли передать то, что я чувствую?

Я тебя вымаливал у Бога,

А теперь поверить нету сил.

13 марта

Вчера долго решал: как быть? Первый Лелькин день рождения с тех пор, как я ее знаю. Давно думал о том, как его провести, как дать ей почувствовать этот праздник. Как же теперь? Она захотела исчезнуть – вправе ли я навязываться?

Потом махнул рукой, упаковал вместе с подарком свои стихи, написанные накануне, и поехал к ней на работу. По дороге купил цветы, которые она тут же и очень просто поставила в бутылку на окно. В дежурке у нее никого не было. Мы долго сидели там, тихо и постепенно разговариваясь. Под конец, когда могли появиться люди, Лелька сказала: «Знаешь, а ведь по правде меня никто никогда не любил»… Я ушел поздно, светлый и грустный, но надежда проснулась.

14 марта

Приезжал Антон. Он ждал этих дней, обрывал телефон, наконец, получив разрешение, тут же сорвался – с подарками, с вином, с надеждой. У меня появился после того, как они с Лелькой долго говорили в машине. Я Антошу просто не узнал. Он словно постарел на 10 лет. Слезы в глазах, лихорадочный румянец.

– Что с ним?

– Я ему все сказала.

Господи, думаю, вот уж не надо было…

– О чем?

– О нас с Эдиком. Объяснила, что теперь не могу к нему относиться как раньше.

Удар ниже пояса. Вот как! Из-за Эдика Антон получил отставку!

Антон был вне себя. Пил («мне теперь все равно…»), пытался объяснить мне (мне!), как ему дорога Лелька, как он надеялся, ждал…

Ольга угрюмо молчала, потом купила ему билет – и отправила обратно.

Я случайно нашел на кухне записку, которую. Антон засунул в хлебницу: «Оля! Я любил тебя больше всего на свете. Теперь я ненавижу тебя больше всего на свете. Зачем ты так сделала?»

Мне было его очень жалко при прощании, хотя отъезду его я, конечно, радовался.

21 марта

Эдик на неделю уезжал домой. В эти дни мы с Лелей почти не разлучались. Это были удивительные дни, нежные и трогательные. Я… Впрочем, не надо ничего об этом. Но вчера у меня началось «предчувствие» – причину я понял, услышав, что она по телефону просит подменить ее на дежурстве. Ну, конечно, Эдик возвращается, и она отпрашивается, чтобы поехать его встречать.

Это не ревность, а просто вдруг чувствуешь себя старым. Очень старым. Которого всегда будут отставлять. И раньше самые пронзительные переживания были связаны с этим:

незаслуженность того, что я от Лельки получаю. Не должна она меня любить! И как бы хорошо ни относилась, как бы ни была привязана – всегда будет поневоле использовать меня для удовлетворения своих желаний. Начинаешь прокручивать назад – все можно подогнать под эту схему.

28 марта

Два дня тоски – на неделю радости. Это процент минимальный. Так что учись радоваться жизни и этим моментам потрясающей близости, которые, надо признать и это, сделали мое отношение к Лельке непохожим ни на что прежде со мною бывшее.

29 марта

События последних дней. Выяснилось, что Эдику, вернувшемуся, негде жить. Лелька покрутилась, потом увезла его в Б-вым, Толику и Светлане, с которыми договорилась, что Эдик у них поживет (сколько? на каких условиях?). Там однокомнатная квартира – с попугайчиками, которые верещат очень громко, их хорошо слышно по телефону. Теперь, когда Леля не приезжает, а звонит, – я сразу знаю, где она. Не надо и спрашивать…

С дедом, конечно, она поссорилась из-за Эдика. Туда, домой, она никого не приводила. Даже Антошу, бедненького, приходилось тащить ко мне. А Эдика наверняка хотела поселить, но дед сказал – через мой труп.

Так что Лельку я теперь почти не вижу. Ситуация, конечно, не может быть продолжительной. Четыре человека, две семьи в одной комнате – вряд ли этому можно долго радоваться. Хотя – ничего не понимаю я с нынешними молодыми.

Все это я как бы выношу за скобки, когда мы с Лелей – вместе, когда она говорит, что лучше меня никого не найдет, что я ей нужен и другие хорошие слова…

31 марта

На работе – разговор с А., который принимает живое участие в нашем романе. «Я наглядеться не мог, какой ты был счастливый, прямо светился весь… Ну, думаю неужели наконец повезло, досталось счастье?» Теперь со свойственной ему решительностью А. призывал меня немедленно порвать унизительные отношения. «Пусть катится на все четыре стороны, дрянь такая! – кричал. – Неблагодарная, лживая дура!»

Лелька как-то раз проронила, что «не стесняется меня»… Это трогательно. А ведь, по сути, ее должно бы волновать, не стесняюсь ли я ее… Хотя и мог бы. Она не хочет принять другого общества, других вариантов отношений – конечно, это потребовало бы усилий, надо бы учиться, а мы не желаем, решив раз навсегда, что уже все знаем в этой жизни.

Леля считает, что она меня облагодетельствовала своим снисхождением. А вот А. – и не только он один – убежден, что это ей жутко повезло…

Если ей так необходим этот Эдик, то не честнее ли было бы обходиться, так сказать, своими средствами? Не парадоксально ли, что я хожу пешком, а Эдик всюду разъезжает на машине?

Нет, я не против, мне нравится, как Лелька смотрится за рулем. Но странно, как быстро она привыкла, что машина в ее полном распоряжении. Когда мне нужно срочно куда-то подъехать – всегда оказывается, что это как-то «вторгается в ее планы». Логичнее было бы не мне искать ее – и волноваться, куда она пропала и когда объявится, а ей искать меня и спрашивать, не надо ли чего. Но это если мы друзья. А если я «влюбленный лопух», который все стерпит – то тогда конечно…

После работы пошли с сестрой в консерваторию. Игорь Ойстрах, во втором отделении фальшививший безбожно Шуберта. Приехал домой около часа. Леля так и не позвонила.

6 апреля

Снова лед и пламень, только языки пламени уже не такие высокие, и лед немножко подтаивает.

Два и три дня были наполнены тихой радостью, почти похожей на семейное счастье. Нежное участие, не переходившее в секс.

В воскресенье поехали к Семенову. Открыл дверь мастер, который делает там ремонт. «Он вышел с собакой, подождите».

Прошли на кухню. Лелька по-хозяйски полезла в холодильник («Есть хочу… О, сало! Вот что я съем!»), пошарила в шкафах, поставила чай. Я пытался остановить – неудобно, подождем хозяина! – но безрезультатно. И уже потом меня осенило: все, что мне казалось милым свидетельством, что она у меня, «как дома», – это только ее натуральное поведение в любом доме. И ничего особенного («наше общее») за этим не стоит.

Впрочем, Семенов, судя по всему, был действительно нам рад.

12 апреля

Несколько дней – ни слуху, ни духу. И вдруг приезжает – веселая, оживленная, энергичная.

Я, на той же ноте несколько болезненного оживления, готовя китайскую фасоль, спрашиваю: как она видит наши дальнейшие отношения?

– Я предложил тебе все. Долго собирался, примеривался – ты это знаешь. Ты это все взять не хочешь, а хочешь кусочек здесь, кусочек там. Дело твое. Но я, оказалось, по кусочкам не отдаю. Сам не ведал, но вот так. если ты считаешь, что может

продолжаться теперешнее «двоелюбие», – ты ошибаешься.

Не отвечая толком, подошла к телефону. Первому позвонила деду. Как ни в чем не бывало: сказала, что приедет домой, но поздно.

– Это мне ответ?

– Да надо иногда и дома бывать.

Второй звонок – туда, к попугайчикам.

– Как вы там? Что делаете? Что скажу? Пока ничего.

Погрустнела, вяло ковырялась в тарелке… Но только я хотел вернуться к разговору – звонок в дверь. Семенов! Решил отдать визит. Беседа оживилась, говорили о концертах, о близком уже лете. С. ушел в комнату позвонить, Лелька взялась мыть посуду, я стоял рядом. И уж не помню, на каких словах, вдруг обняла меня, прямо мокрыми руками, уткнулась в шею… И это был такой чудный миг, ради которого многое можно забыть.

Утром я рано поскакал на работу, где меня ждали срочные бумаги. Уходя, взглянул на свернувшуюся калачиком фигурку – как простился.

18 апреля

Советы, советы… Порвать решительно. Оставить, как есть. Искать что-то взамен.

Одно ясно: с Лелькой мне жизнь не построить.

Несколько раз возвращались к тому разговору. Объяснила, почему убегает от меня туда, где Эдик и попугайчики: «Там совсем все по-другому, как у нас с тобой не может быть. Там легко. А даже когда ты с нами – все равно все иначе. Все слушают тебя, как старшего, а ты вещаешь». Уговаривала не беспокоиться насчет Эдика: «Это не так серьезно». Потом обмолвилась, что его тоже такое положение не устраивает. «Он тоже хочет – для себя. Нет, я понимаю. Все хотят для себя. Только я, дура, переживаю за всех…» То есть там – весело. Там – свои. А я ничего не могу дать из того, что ей нужно.

Каждый раз спрашиваю себя: с чего я решил, что мы «вместе»? Что у нас есть «общее»?

Потерлась щекой о мою руку – и ушла. Я на ночь потерзал немножко фисгармонию, принял таблетку тазепама – оно и ничего.

27 апреля

То, что происходило в эти дни, не звало к дневнику. Наши отношения снова стали нежными и радостными. Словно ничего и не происходило. Но причина понятна, и мне она обещает мало хорошего. У Эдика появились другие интересы. Теперь Леля его «вычисляет», я вижу, как вечерами она делает круги у телефона: звонить – не звонить, искать – не искать?

Неожиданно повысились акции Антоши. То и дело перезваниваются, у Лельки в голосе забота, сочувствие…

Кажется мне или нет, но чего-то она ждет и от меня. А я не знаю – чего. Может, нужно ею руководить? Но не очень-то она поддается, да и я не гожусь в «руководители».

Конечно, как-то устроить нашу совместную жизнь можно, и даже хорошо, но я что-то не чувствую в себе для этого сил и воображения. Ну и, конечно, многое упирается в мою маленькую зарплату. Заезжали тут к нам в гости Андрей Пирогов со своей подружкой, Оксанкой. Вечер получился славный, ненапряженный, очень совместимый по уровням. Внешне эта пара многим похожа на нас, начиная с разницы в возрасте. Но… Андрей получает много, и их образ жизни совсем не похож на тот, который можем себе позволить мы. Андрею хватило ума и Оксану взять на работу в свою фирму – она при деле, доход у нее тоже порядочный, и есть сознание, что лучше вряд ли сможет устроиться.

14 мая

Снова большой перерыв в дневнике. По-видимому, все было хорошо. Впрочем, почему «было»? И сейчас хорошо! Все идет по плану…

Лелька вчера весь день места себе не находила. В чем дело? А в том, что их компания собиралась ехать гулять, потом на вечеринку, Эдик, разумеется, тоже, договорились созвониться – а звонка нет. Ни с утра, ни днем. Поздно вечером позвонила сама – и выяснила, что ничего не отменилось, просто ее не взяли.

Я уткнулся в телевизор, будто ничего не замечаю.

Почти в полночь – звонок. «Подожди, я возьму!» Поговорила – подсела ко мне, фильм досматривать. Но уже повеселела, оживилась…

– Тебя сразу огорчить или потом?

– Сразу. Только я знаю, чем, и не так уж это меня огорчает.

– Огорчает-огорчает, я знаю. В общем, мне надо съездить…

– Понятно. Да мне еще месяц назад все было понятно, что есть, что будет…

– И что же будет? Скажи, чтобы и я знала.

– Да так и будет. Мучаться будешь, страдать.

– Ну что же мне делать?

– Пережить это, как я пережил, пока не понял, что кроме Лели есть и другая жизнь и что нельзя доводить себя до саморазрушения.

Уткнулась лицом мне в ладони. Господи, как я, оказывается, все знал наперед! Утешения у меня ищет!

– Я бы на твоем месте давно меня выгнал.

– Зачем? Ты и сама уйдешь.

Умчалась. Действительно, не страшно. И все же мысль: значит, все это время, когда я считал, что у нас все как-то, пусть внешне, устроилось, она мечтала об Эдике? И если бы это получилось – ушла бы сразу, без раздумий, не посмотрев в мою сторону?

Разумом все понимаешь, но чувство готово к самообману.

19 мая

Снова попался на собственную приманку… Возомнил Бог знает что: дом, семья, стабильность… Но какие могут быть претензии к Лельке? Никаких. Сформулировал так: есть два типа отношений. Когда спрашивают: «Можно, я сегодня приду?» – и когда спрашивают: «Можно, я сегодня не приду?» Лелькин вариант – совмещенный. Когда хочет – «я с тобой живу». Когда хочет – «я независима и свободна», Разговоры – бесполезны. Когда там у нее налаживается – доводы не действуют. А когда там все ломается – доводы и не нужны.

Вчера по телефону я сказал: «Странно, вроде бы московская домашняя девочка, а элементарных правил общежития не понимаешь?» Лелька взвилась: «Это я домашняя? Да у меня и дома никогда не было!» Видимо, она права. Отсюда и легкость, с которой она кочует по квартирам и углам, простота, с какой открывает чужие шкафы и холодильники…

И жалко ее, потому что добра не будет. Ну, расстанемся мы (это очевидно), вернется она к прежнему своему корыту, будет скитаться по непристроенным своим знакомым, которые постепенно все будут устраиваться, а она – как перекати-поле. Ни зацепиться, ни к себе никого не притянуть…

25 мая

Вчера вечером заехала ко мне на работу с Антоном (он был в Москве несколько дней) – чтобы я попрощался с ним перед его отъездом. Вид виноватый. «Не так все хорошо, как тебе кажется… Каждому приходится терпеть что-то…»

– Ну, а от меня что тебе приходится терпеть?

– Твою снисходительность.

После вокзала приехала домой. Снова долго говорили. Сперва неохотно, но все же Леля признала все мои утверждения. Под конец сказала: «Ну, смотри. Как решишь, так и будет. Нет – так нет. Перееду опять к дедушке, он только обрадуется».

Утром мне надо было на дачу. Вернулся поздно. Машина у дома. Хоть не ждал и даже не желал, приятно екнуло сердце. Поднялся – дома никого. Темно. В шкафу нашел сумку. Документы, права, ключи…

Неужели – все?

26 мая

Нет, еще не все. Вот последнее.

Утром, в 11 – звонок оттуда, с попугайчиками. «Как дела?» «Ничего, нормально». Мнется. «Заехать в конце дня за тобой на работу?» «Конечно, буду тебя ждать».

Приехала около семи. А у меня, как на зло, пленки получились плохие, нужно переделывать… Но я управился быстро.

Вышли, потоптались у входа. «Ну, я пошел…» Взяла за руку: «Проводи – до метро». Шли молча. Уже у самого входа я не выдержал. «Не верю, что так все может кончиться. Ты слишком много про меня знаешь, и я про тебя. И я все равно люблю тебя…»

Леля молчала – до самого эскалатора, когда наши пути расходились. «Ну, не болей». Наверное, увидела что-то в глазах моих, взгляд потеплел, улыбнулась чуть-чуть. И поехала вниз.

Вот теперь – и правда все. Хотя я еще долго буду натыкаться на вещи, которых касалась ее рука, которые были «наши вещи», и много общих знакомых будут незримо нас связывать. Но эта повесть кончилась.

И если что-то возобновится, поправится или родится снова – это будет уже что-то совсем другое, и для нее, и для меня. И об этом, честное слово, я не стану писать.

«Интересный мужчина 43 лет хочет познакомиться…»

Свой среди своих

А теперь я должен попросить у вас прощения за небольшую мистификацию. Нет, не подумайте – она никак не затрагивает текста, его документальной подлинности. За исключением несущественных купюр, вы прочли именно то, что написал автор, слово в слово и в той же хронологической последовательности. Насилие над материалом, которое я себе позволил, заключается лишь в том, что единственная женщина, упоминаемая в рассказе Леонида Петровича, – это его сестра, но и она, как, очевидно, и в жизни, присутствует где-то на самой отдаленной периферии. Все остальные – мужчины. Вместо «Ольга» следует читать – «Олег».

Зачем я это сделал? Дневник, эта удивительная история любви, произвел на меня глубочайшее впечатление. Я увидел в нем драму, с которой несчетное число раз сталкивался в жизни, – драму сильного и яркого чувства, обращенного на недостойный его объект. Борьба великодушия и оскорбленной гордости, самопожертвования и бескомпромиссности, жажды возвести любимое существо на пьедестал и суровой трезвости оценок, а за всем этим близости и недостижимости счастья – весь этот душевный ад передан в дневнике с пронзительной точностью и высочайшим мужеством. Но больше всего поразило меня благородство автора записок: оборвать отношения, ставшие источником постоянных унижений, – поступок тоже не рядовой, но остаться при этом достойным собственного чувства, не поддаться мстительной злобе, не омрачить последние минуты ссорой, упреками, грубостью – это удел немногих.

Но будет ли это воспринято читателями, подумал я, если с первых строк они поймут, что речь идет не о любви мужчины к женщине, а о переживаниях двух гомосексуалов? Половина, если не больше, вообще не захочет дальше читать: если испытываешь к чему-то отвращение и брезгливость, то первое инстинктивное желание – повернуться к этому спиной. Немало найдется и людей, у которых над всем возобладает любопытство. Они прочтут, возможно, и с интересом, но интерес этот будет направлен на экзотику, на малоизвестные подробности существования гомосексуальной среды, с ее обычаями и нравами. И даже самых чутких и отзывчивых, сочувственно откликающихся на любые человеческие переживания, будет отвлекать неотвязная мысль о ситуации, в которой они категорически не могут представить себе никого из своих близких.

Вот почему я и решил как бы расслоить содержательную и эмоциональную информацию, заключенную в тексте. И то, что это

в принципе оказалось возможно, уже заключает в себе элемент важного открытия. Замена героя героиней, то есть перевод гомосексуального романа в жанр обычных, гетеросексуальных отношений не потребовал никакой специальной редактуры. Тот же язык чувств, та же логика их зарождения и развития, та же глубина эмоционального потрясения, вызываемого ощущением нераздельности с объектом любви или, наоборот, доказательствами измены, предательства. И точно такое же обаяние тайны, которая всегда окутывает взаимное влечение двоих: как они нашли друг друга? Почему друг друга выбрали? Что делает их союз – длительный или кратковременный, счастливый или несчастный – единственным и неповторимым, как единственна и неповторима каждая человеческая личность?

Конечно, если бы в дневнике Леонида Петровича содержалось откровенное описание эротических сцен, мне бы туго пришлось с моим экспериментом: здесь уж никак нельзя было бы обойтись простой подстановкой имен и местоимений. Но изложение, как вы могли заметить, исключительно целомудренно по стилю, и в этом, как мне показалось, проявляется не только литературный вкус, но и жизненные ориентации автора дневника. Он, безусловно, принадлежит к числу людей, для которых секс является вершиной, пиком отношений; но ведь и вершина своей исключительностью обязана тому, что к ней подводит мощный массив, а в нем каждый уровень, каждый слой имеет отдельное, особенное значение. Ему нужен не партнер, а точно такая же «вторая половина», которую обычные мужчины такого психического склада ищут в любимой женщине, жене. Вот и Леонид Петрович, как о пределе своих мечтаний, говорит о доме, о семье, о возможности полной самоотдачи. И рушится эта его мечта не потому, что герой его романа тоже принадлежит к мужскому полу, – нет, и тут все дело в индивидуальности, в личных свойствах избранника.

Достаточно всмотреться хотя бы в одну только эту пару, чтобы понять, насколько беспочвенно распространенное мнение об однотипности однополой любви. Как и заповедано для этого чувства, отношения строит личность, во всей своей многомерности. Сколько вкладывается душевных сил, какая отдача считается минимально необходимой – чем больше пройдет перед нами разных людей, тем больше получим и вариантов ответа на эти вопросы.

Есть все же несколько психологических штрихов, которые могут насторожить читателя, показаться недостаточно правдоподобными в рассказе о любовной связи – в нашем привычном понимании этих слов. 42 года – совсем не от возраст,

чтобы обычный мужчина чувствовал себя стариком, мучительно обсуждающим наедине с собой, кто кого осчастливил: он свою юную, плохо стоящую на собственных ногах подружку – или она его, потому что так молода и уже поэтому обворожительна. Позиции сорокалетних на брачном рынке очень сильны, а интерес к таким вот девчонкам, годящимся им в дочери, в целом для них не характерен: смерть еще не засматривает им в глаза, еще нет инстинктивной потребности спрятаться от нее за спину возлюбленной, полной нерастраченных жизненных сил. А вот в гомосексуальной среде – там действительно устанавливаются другие возрастные градации, и угроза «выхода в тираж» нависает очень рано.

Придраться можно и к тому, как в общем-то терпимо относится Леонид Петрович к неверности своей подруги – если и в самом деле представлять себе рядом с ним женщину. Как ни беззащитен он против демона ревности, он не совершает никаких резких телодвижений. Не выгоняет изменницу из дома, не выдвигает ультиматумов, он даже готов общаться со своими молодыми соперниками и считать нормальным, что первым узнает о новых приключениях своей пассии. В этом тоже выразительные приметы однополых союзов, которые складываются, существуют и распадаются по своим особым законам. В одной из дневниковых записей есть место, которое мне по соображениям конспирации пришлось выпустить: «Если посмотреть назад, мы друг друга знаем так давно – по голубым меркам, когда недельное общение считается продолжительным». Не мог я оставить и одну реплику Антона, просившего, чтобы Леонид Петрович оставил его у себя: «Ты мне тоже очень нравишься», – сказал ему этот влюбленный в Олега мальчик, давая тем самым понять, что согласен и на заключение тройственного союза. Гомосексуальная любовь тоже накладывает моральные обязательства, но по своему характеру и категоричности они далеко не идентичны общепринятым.

Поразмыслив, однако, я пришел к выводу, что сегодня такая простота нравов свойственна не одной только «гей-тусовке», как называет ее автор дневника. Сексуальная мораль эволюционирует очень бурно: даже в молодежной среде возрастная разница в 5-7 лет означает нередко принадлежность к разным поколениям, отказывающимся понимать друг друга. Для меня смысл этих эволюционных перемен не столько даже в том, что исчезают всякие нормативные представления о длительности знакомства, предшествующего сближению, о количестве партнеров, с которыми можно поддерживать отношения одновременно. На наших глазах исчезает «двойной стандарт», запрещавший

женщинам то, что мужчина считал для себя вполне приемлемым или даже похвальным. А если смотреть еще глубже – исчезает сопряженное с любовью ощущение права собственности на человека.

Хочу сказать и еще об одной особенности дневника, глубоко меня поразившей и тоже позволившей без труда превратить его в описание романа с женщиной. Обычные исповеди такого рода бывают, как правило, достаточно болезненными. Когда все легко и ясно, нет причин задумываться над происходящим. Анализ начинается, когда появляются проблемы. Любит ли она меня, люблю ли я ее, что в ней так сильно притягивает меня, почему мне с ней бывает трудно, можно ли ей доверять – десятки, сотни таких вопросов, кроме одного: почему я, мужчина, полюбил женщину? Это кажется само собой разумеющимся, здесь отсутствуют варианты. Точно так же и вы, если до вас дойдет новость, что ваш приятель влюбился, спросите: «и кто же она?» – и вам даже в голову не придет, что этот вопрос может быть задан в какой-то иной форме. Это – часть реальности, в которой мы существуем, такая же непреложная, как восход солнца на востоке или смена времен года: мужчины любят женщин, а женщины любят мужчин.

И точно такую же, без малейших поправок, естественность восприятия я уловил в записях Леонида Петровича. Его мозг напряженно работает, он думает, сравнивает, хватается за проблеск надежды, отчаивается – он буквально тонет в проблемах, обступающих его со всех сторон. Но почему он, мужчина, испытывает такую всепоглощающую страсть к мужчине – этой проблемы для него не существует. Вы можете думать по-другому, это ваше право, на которое он, кстати, не покушается. Но для него это ровно ничего не значит. Ваш взгляд – недоумевающий, возмущенный, негодующий, исполненный презрения или высокомерного сочувствия, отчужденный и отчуждающий – до него просто не дойдет, он будет на лету отбит броней самодостаточности.

В этом я вижу не только личную особенность автора записок, но и прямое следствие его пребывания в достаточно многочисленной и монолитной среде. Томясь от одиночества в глубоком, экзистенциальном смысле, Леонид Петрович вовсе не одинок по-житейски. У него много друзей, еще больше – людей, которые его понимают и принимают, пусть даже без особых симпатий, но с элементарной долей уважения – как вполне нормального человека. Он контактирует с несколькими парами, живущими семейно. На них ему тяжело смотреть, он, чувствуется, слегка им завидует, еще острее ощущая свою обездоленность

рядом с их стабильным, спокойным существованием, но в то же время они помогают ему еще больше укрепиться в своих позициях. Его мечта – не бред и уж подавно не преступление, она реальна, она не становится менее прекрасной оттого, что ему лично не повезло. Даже в самые горькие минуты этот человек не связывает свое несчастье с тем, что он «не такой, как все», не смотрит на себя как на урода или как на ненормального: страдание причиняет ситуация, а не его конституциональная особенность. И нет никаких причин прятаться, притворяться.

Я не нашел даже беглых упоминаний о людях, не принадлежащих к сексуальному меньшинству. О соседях, которые наверняка давно отметили для себя квартиру, где постоянно собирается народ, но одни только мужчины и мальчики. О сослуживцах, способных за несколько лет разгадать любые интимные секреты. Истинное их отношение неизвестно, но совершенно очевидно, что они позволяют не принимать себя в расчет, следовательно, соблюдают хотя бы внешний нейтралитет.

В какой газете напечатано было объявление о знакомстве, в дневнике не уточняется, но давайте оценим по достоинству сам факт, что такая газета есть. Дискотеки и прочие светские мероприятия, где тусуется эта самая тусовка, тоже имеют вполне открытый, легальный вид. Речь, правда, идет о Москве, в провинции, особенно в маленьких городах, едва ли общество так же терпимо к «голубым», но что за беда? Москва большая, в ней, так или иначе, находится место всем, а братская солидарность не позволит никому остаться без куска хлеба и без крыши над головой.

Людям в возрасте Леонида Петровича наверняка есть что вспомнить, оглядываясь назад. А младшие – Олег, Антон, вероломный Эдик – они, похоже, и в голове не держат, что всего лишь пять лет назад гомосексуализм перестал рассматриваться как уголовное, жестоко караемое преступление. Ту внутреннюю самозащиту, которую старшие – и то, вероятно, только самые сильные и стойкие среди них – выработали в изнурительной борьбе, ценой величайших усилий и потерь, молодые усваивают прямо из окружающей их атмосферы, играючи, без малейшего напряжения. Это их время: пол, к которому они принадлежат, – а в истории мы находим немало попыток объявить гомосексуалов особым полом, отделив их и от мужчин, и от женщин, – пол этот уверенно завоевывает место под солнцем.

Преступление или болезнь?

Задолго до того, как я сумел хоть мало-мальски разобраться в сути этого явления, я уже твердо знал, что с ним связан несмываемый позор. Если человека хотели морально уничтожить, его называли гомиком или педерастом. Ругаясь «по-черному», необязательно рисовать в голове натуралистические подробности, подразумеваемые матерной лексикой. Так же и здесь – далеко не всегда за бранью стояли конкретные обвинения в грехе мужеложства. Больше того: я даже не уверен, что в Горьком, где я рос, было широко известно, кто такие эти люди и в чем заключается их непохожесть на других. Просто если вы испытывали к кому-то крайнюю степень отвращения, не было вернее способа это выразить.

Ни одного, так сказать, записного гомосексуалиста, то есть человека, уличенного в однополых сексуальных контактах, я не могу припомнить. Сейчас мне кажется, что особо, красной строкой гомосексуализм в массовом сознании и не выделялся. Было общее, достаточно стойкое и агрессивное неприятие разврата, порока – в противовес моральной чистоте. При этом в число развратников мог попасть кто угодно – и женщина, изменившая мужу, и девушка, забеременевшая от любовника, не пожелавшего «прикрыть грех» женитьбой, и уж подавно – любители острых сексуальных ощущений, осмелившиеся дать волю фантазии хотя бы и на супружеском ложе. Если это становилось известно – а «пострадавшая» сторона часто выступала с публичными выступлениями, – несчастные сразу становились «извращенцами», и не было у них никаких шансов отмыться от клейма «извращенцы».

Когда я учился в медицинском институте, в курсе психиатрии нас знакомили с проблемой сексуальных перверзий (если перевести этот термин дословно, получится то же самое «извращение», но академическая латынь снимает оттенок разоблачения, резкого осуждения), среди которых гомосексуализм был выделен и как особо опасная, и как наиболее распространенная аномалия. Сейчас я бы не взялся пересказать содержание лекций, но отчетливо помню, что если со всем материалом наши профессора знакомили нас наглядно, в клинике, на конкретных примерах, то о гомосексуалах мы должны были составить представление только по учебникам и описаниям, данным в аудитории. Помню и собственное ощущение, сложившееся у меня на основании всего услышанного и прочитанного. Это была отчетливая антипатия, которую

никогда, даже в годы ученичества, не внушали мне и самые тяжелые расстройства психики, в каких бы отталкивающих формах они ни проявлялись. Если бы я вдруг узнал, что мой близкий друг испытывает эротические чувства к мужчинам (о свиданиях я уж и не говорю!), мне, наверное, было бы трудно продолжать с ним общаться, как ни в чем не бывало.

Среди моих учителей были великолепные клиницисты, глубокие, талантливые врачи. Но в том, как они преподносили эту проблему, у них руки были связаны. Статья в Уголовном кодексе квалифицировала гомосексуализм как преступление, наравне с воровством, бандитизмом, убийствами. Но вместе с криминальным, официальное отношение к этому явлению содержало и недвусмысленный политический оттенок. Как одно из проявлений буржуазного разложения, оно противопоставлялось чистой, здоровой пролетарской морали. Поэтому и профессиональное истолкование, хочешь не хочешь, должно было принять обвинительный уклон. Много говорилось о связи гомосексуализма с различными психическими патологиями, о сопутствующих ему изменениях личности, усиленно подчеркивался громадный общественный вред. И наказание, и, главным образом, длительная изоляция этих скверных людей после всего этого казались оправданными и необходимыми.

Чтобы проверить себя, я снял с полки старую книгу, и хоть издана она была много позже, уже после смерти Сталина и хрущевской «оттепели», увидел в ней те же самые мотивы. Следовательно, чтобы представить себе, что вкладывалось в голову нам, будущим врачам, в середине 40-х годов, то, что вы сейчас прочтете, следует возвести в еще более суровую и категоричную степень.

«Где границы между сексуальной перверзией и нормальной половой жизнью? Этот вопрос вызван чрезвычайным распространением проповеди „секса“, полупорнографической пропагандой сексуального гедонизма, погоней за сексуальными наслаждениями. Эта пропаганда носит ярко выраженный классовый характер, направлена на отвлечение масс (в особенности молодежи) от революционной борьбы. Многие писатели, психологи, социологи, сексологи расценивают эту пропаганду морального разложения и соответствующую ей практику, как бунт против „старой“ морали, как „новую“ мораль, соответствующую эпохе технической революции; при этом многие исследователи маскируют то, что эта „мораль“ отражает противоречия и разложения загнивающего капитализма империалистической эпохи».

А после такой артподготовки – и конкретно о гомосексуализме, который «наблюдается зачастую у лиц с психопатическими чертами характера, у психопатов эффективно-возбудимых; однако, это не обязательно. Среди гомосексуалистов мы встречаем людей без выраженных психопатических черт характера, нередко с высоким интеллектом, способных и талантливых в разных областях жизни и творчества. Гомосексуализм наблюдается и при разных формах шизофрении, при неврозах, при врожденных нарушениях полового развития и хромосомных заболеваниях».

Органическая патология, моральное уродство – все это так тесно переплетается, что ставит гомосексуалов вне общества. А упоминание о «способных и талантливых» (следовательно, и пользу какую-то приносящих?) вставлено между перечислением разных видов психологической «ненормальности» таким хитрым способом, что хоть это впрямую и не сказано, но впечатление создается редкого исключения.

Мне не хочется называть фамилию автора, которого я хорошо знал и уважал как опытного специалиста – во всех случаях, когда его научная работа не пересекалась роковым образом с идеологией. Он был человеком эрудированным, хорошо знал труды предшественников. Мне трудно поверить, что он не догадывался, каким регрессом является его позиция по отношению к взглядам, твердо высказанным еще в начале века.

Перелистаем одну из классических работ той эпохи под многообещающим названием «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре». Ее автор, немецкий врач Иван Блох, был чрезвычайно популярен и в России. Книга выдержала несколько изданий и, как говорили современники, серьезно повлияла на взгляды читающей публики.

Главе о сущности гомосексуальности предпослан многозначительный эпиграф из другого классика сексологии, тоже немца Магнуса Гиршфельда: «Через науку к справедливости!»

Несколько лет Иван Блох, отставив своих многочисленных пациентов, занимался одними гомосексуалистами – мужчинами и женщинами. Он искал способы войти с ним в контакт, завоевать их доверие, проникнуть в их среду. Его интересовало все: как живут эти люди, как устроен их быт, как они проявляют себя в обществе, их привычки, воззрения и, прежде всего их взгляд на собственные проблемы. Это была как бы длительная экспедиция в мир, почти не известный никому, кроме самих его обитателей. И хоть предпринял ее маститый ученый, обладающий огромным авторитетом, он не стесняется начать свой рассказ с

чистосердечного признания своих собственных ошибок и заблуждений.

Первая ошибка заключалась в том, что прежде, до такого пристального изучения, Блох сильно недооценивал масштабы явления. Гомосексуальность распространена гораздо шире, чем предполагал и он сам, и многие его коллеги. Помимо больных, которые по тем или иным причинам попадают в поле зрения медицины, помимо людей, с чьими именами связаны различные общественные эксцессы, есть еще огромное, никому не ведомое подполье, состоящие из тех, кому удается просуществовать, не привлекая к себе ничьего внимания.

Еще существеннее второй вывод, сделанный благодаря именно этому небывалому расширению базы наблюдений.

В психиатрии утвердился взгляд на гомосексуальность как на явление болезненное и дегенеративное: «выражение наследственного отягощения и невропсихопатической конституции». На очередном интернациональном конгрессе криминальной антропологии (май 1906 г., Турин) знаменитый Чезаре Ломброзо даже провел параллель между врожденной гомосексуальностью и врожденной наклонностью к преступлениям! Иван Блох не говорит, что таковы же были и его собственные убеждения, но из контекста следует, что в чем-то эта точка зрения ему тоже казалась достаточно убедительной.

Теперь появились веские доказательства ложности этого мнения.

«У совершенно здоровых, ничем не отличающихся от других людей, нормальных индивидов обоих полов уже в самом раннем детстве и безусловно не под влиянием каких бы то ни было внешних обстоятельств начинает развиваться наклонность, переходящая, с наступлением половой зрелости, в половое побуждение к лицам того же пола, – побуждение, которое так же трудно изменить, как и половое влечение гетеросексуального мужчины к женщине».

Гомосексуалы страдают психическими, как и любыми другими болезнями с той же частотой и по тем же причинам, что и основная масса населения любой страны. Наблюдал Блох многочисленные случаи нервозности и неврастении, развивающиеся из первоначально здорового состояния. Но это не причина – это скорее следствие «борьбы за существование, горького опыта, к которому приводит жизнь не по шаблону». А большинство настоящих гомосексуалистов совершенно здорово, не подвержено никакому наследственному предрасположению, нормально телесно и психически.

С особым торжеством цитирует Блох еще одного известного

медика, который активнее всех отстаивал гипотезу дегенеративности, вырождения, а теперь во всеуслышание от нее отрекся, – Крафт-Эбинга:

«Что противоестественное половое восприятие само по себе не может быть рассматриваемо как психическое вырождение или даже болезнь, явствует хотя бы из того, что оно нередко бывает даже связано с умственным превосходством. Пример такого рода дают люди всех национальностей, заведомо отличающиеся противоестественными половыми наклонностями, и все же представляющие собою гордость нации: среди них можно встретить лучших писателей, поэтов, художников, полководцев и государственных деятелей.

Другим доказательством того, что противоестественное половое чувство может быть не болезнью и не преступной приверженностью к безнравственному, служит то, что оно в состоянии развить все благородные душевные эмоции, которые вызываются возвышенной гетеросексуальной любовью, – великодушие, самопожертвование, любовь к человечеству, художественный вкус, творчество и т. п., равно как и все страсти и ошибки двуполой любви (ревность, самоубийство, убийство, несчастная любовь с ее гнетущим влиянием на душу и тело и т. д.)». А Блох спешит добавить к этому еще один важный аргумент: распространение гомосексуальности повсеместно и во все времена, ее независимость от культуры, то, что она встречается у диких народов, распространена в деревне, то есть далеко от современных больших городов с их сильным дегенеративным влиянием.

У Ивана Блоха сложилась собственная классификация гомосексуальности, основанная на очевидном для него несходстве разных типов. Наклонность эта (мы теперь говорим – влечение, но я сохраню стиль переводчиков книги на русский язык) может пробуждаться в разном возрасте и заявлять о себе с разной степенью настоятельности. В своей длительной экспедиции Блох встречал и немало людей, ведущих двойной образ жизни – не отказывающихся, другими словами, и от сексуальных контактов с противоположным полом. Поэтому Блох почувствовал необходимость отделить овец от козлищ. В одну группу, границы которой ему представлялись такими же определенными, как, допустим, границы между белой и черной расой, он включил истинных гомосексуалов. У этих людей, говорил он, влечение к своему полу носит врожденный, самобытный характер, оно связано с существом данной личности и поэтому управляет ее поведением в течении всей жизни, «от колыбели до гробовой доски», не нуждаясь ни в каких внешних

возбудителях.

Этот набор признаков как бы намекал на существование особой человеческой породы (третьего пола?), самобытность которой следовало подчеркнуть и особым наименованием. Блоху нравилось называть мужчин урнингами, а женщин – урниндами. Эти определения восходят к античному культу Афродиты Урании, дочери Урана, которую Платон считал покровительницей однополой любви. Я проследил по тексту: к этим названиям Блох прибегает в тех случаях, когда ему хочется подчеркнуть свое сочувствие, сопереживание, полную лояльность к людям, которых природа в целях, ведомых ей одной, зачислила в третий пол.

Все остальные проявления гомосексуальности исследователь, не мудрствуя лукаво, зачислил в один общий разряд псевдогомосексуализма. Туда же попали у него и многочисленные пограничные варианты.

Блох чистосердечно признавался, что гомосексуальность является для него абсолютной загадкой. Почему она возникает? Вот семья, в которой растут пять мальчиков. Одни и те же родители, одна и та же обстановка, одни и те же подходы к воспитанию. Но при этом четверо сыновей идут, один за другим, обычным путем мужского развития, а про пятого родители, с их обширным опытом, уже с младенчества знают, что он «какой-то не такой». Необычный мальчик, не похожий ни какого из братьев! Это проявляется на всех этапах взросления, а к совершеннолетию приобретает совершенно законченный, приводящий родителей в отчаяние, вид: остальные четверо, как и положено, влюбляются, женятся, заводят семьи – этого влечет только к мужчинам. Он обрекает себя на вечное несчастье и позор, но сделать с этим ничего нельзя. От чего же это зависит?

Среди людей, послуживших Блоху объектом изучения, образовалась особенная, чрезвычайно интересная группа. В нее вошли судьи, практикующие врачи, в том числе и психиатры, естествоиспытатели и даже пожилые теологи, религиозные деятели. Все они были гомосексуалистами, видевшими проблему так, как можно ее видеть только изнутри. Но знания, опыт, профессиональная обостренность восприятия делали их одновременно и наблюдателями, экспертами. Никто из них не сумел подсказать исследователю ответ на мучавшую его загадку. Но благодаря общению с ними он смог сделать необычайно важный вывод, который вряд ли мог быть полностью осмыслен на тогдашнем уровне познания: а основе гомосексуальности лежит глубоко укорененный инстинкт. Мне трудно сказать, что конкретно подразумевал Блох под этим основополагающим понятием, но общее направление его мысли сомнений у меня не

вызывает.

Следуя за ней, мы в плотную подходим к необходимости изменения сложившегося взгляда на человеческую природу, которая в действительности намного сложнее общепризнанной двуполой модели. В мире, состоящем из одних только женщин, мужчина показался бы извращенной, испорченной, неправильной женщиной (как и наоборот). Точно так же и здесь: представление об испорченности, извращенности связывается с гомосексуальностью потому, что для урнингов, вопреки прямым подсказкам природы, не выделено своего собственного места.

Сексологи, работавшие в начале века, остановились на стадии догадок и предчувствий. Они говорили о наследственности – но их робко сформулированные предположения полностью растворились в концепциях генетиков. Они упоминали инстинкты – но пальму первенства перехватил у них психоанализ. Они нащупывали связь между функциями организма и психическими проявлениями – но что имели при этом в виду, объяснила только эндокринология и психоэндокринология. Они были видными учеными в свое время, но на них давно уже не ссылаются, их не цитируют – разве что в случаях, когда требуется проследить эволюцию познания. Но главное, решающее слово произнесли все-таки они, когда в интересах научной истины и человеческой справедливости отказались рассматривать гомосексуальность сквозь призму органической патологии и морального уродства.

Мы же – я вновь возвращаюсь к своим студенческим временам – усердно впитывали взгляды, которые уже в начале века представлялись отжившими и неясными. В иных случаях, когда я пытаюсь определить время возникновения этих взглядов, приходится углубляться во тьму средних веков. Только там, где средневековые теоретики угадывали присутствие дьявола, нам мерещилось тлетворное влияние капиталистического окружения.

Как у всех нормальных студентов, у меня выработался селективный подход к содержанию учебных дисциплин: заниматься всерьез – если я считал, что для будущей работы это необходимо, – или спустя рукава, лишь бы произвести хорошее впечатление на экзаменатора. С таким прицелом изучал я и эту тему: сдать и забыть. Никак не мог предположить, что в дальнейшем мне это сможет пригодиться.

И каково же было мое изумление, когда по приезде а Иркутск я узнал, что «гомики», как я их непочтительно называл про себя, составляют у моих руководителей, И. В. Сумбаева и Н. В. Иванова, внушительный процент в общей массе больных!

Абстрактным теоретизированием мои учителя не занимались.

Наверняка у них сложились свои, выношенные представления о том, что считать болезнью, как определить границу между заболеванием и перверзией, – но все это теряло актуальность, когда они видели перед собой живого, реального человека, нуждающегося в помощи. Какая, в конце концов, разница, к какому классу явлений относится то, что причиняет этому человеку страдание, лишает покоя, выбрасывает из жизни? Все, чем только располагает врач, его познания, опыт, интуиция, его внутренняя энергия, – все устремляется к единственной цели: снять с души пациента этот невыносимый груз.

Иркутск в те годы был местом настоящего паломничества гомосексуалов. Медицинских центров, где соглашались не то что лечить, а хотя бы всерьез отнестись к их проблемам, в стране почти не было. Работа с каждым пациентом растягивалась порой на долгие годы. Чтобы поддерживать постоянный контакт с врачом, люди затевали переезды, меняли работу, жилье, с боем выбивали прописку – шли на все. О Сумбаеве и Иванове в этой среде ходили легенды.

Стандартных методик мои учителя не придерживались. Личность больного, его биография, комплекс сопутствующих психических проблем в каждом отдельном случае подсказывали свой особый терапевтический ход. Сумбаев, еще до нашего знакомства, издал нашумевшую работу об успешной смене сексуальной ориентации с использованием метода свободных ассоциаций. Этот метод, разработанный английским психиатром Терезой Бенедек, в чем-то похож на детскую игру. Больной, по просьбе врача, рисует первый предмет, который приходит ему в голову. Что угодно: домик, грибок, человечка, хотя бы просто геометрическую фигуру или цифровой знак. Искусство врача заключается в том, чтобы полностью вывести этот процесс из-под самоконтроля. Затем нужно включить свободный поток ассоциаций уже по поводу этого рисунка. В кажущемся хаосе слов, образов, в их непонятных перекличках постепенно начинает просматриваться система, неслучайная последовательность. Иванов называл этот метод двойным (через рисунок и через слово) приемом проникновения в бессознательное. Это непростое путешествие. Шансов заблудиться в темных закоулках и тупиках примерно столько же, сколько вероятности найти в конце концов «заколдованное» место. В том случае, о котором рассказывал Сумбаев, и в самом деле удалось его обнаружить и «расколдовать».

Иванов практиковал и коллективный метод психотерапии. Он считал, что полезно включать в группу пациентов с разными диагнозами. Гомосексуалов – вместе с невротиками, с больными,

страдающими психосоматическими расстройствами или психогенной импотенцией. Этот человек, сыгравший в моей жизни такую же огромную роль, как и Сумбаев, обладал феноменальной интуицией, для него не существовало двух одинаковых больных. Подбирая группу, он с поразительной точностью умел спрогнозировать, как эти люди будут взаимодействовать и помогать ему своим влиянием друг на друга.

Среди моих пациентов гомосексуалистов не было, профессиональное общение с ними ограничивалось тем, что я иногда ассистировал Иванову во время групповых занятий, помогал собирать анамнез. Но учителя мои создали такую атмосферу, при которой постоянные пациенты невольно становились общими. Мы всех их знали, участвовали в импровизированных консилиумах. Все это было элементами школы, в которой от старших к младшим передавался весь комплекс и научных, и лечебных, и этических традиций. Позицию Сумбаева и Иванова по отношению к гомосексуализму, целиком передавшуюся и мне, я назвал бы диссидентской. Это было тихое, затаенное диссидентство, не афишировавшее себя, но по сути очень твердое и несгибаемое.

Система считала этих людей отбросами общества, стимулировала отвращение к ним, подвергала репрессиям. Когда нужно было убить высокий моральный авторитет человека, неугодного властям, распускали слухи, что он педераст, – и это было равносильно публичной гражданской казни.

Помню, как появилась однажды в «Восточно-Сибирской правде» статья о нескольких преподавателях и студентах педагогического института, уличенных в подобных связях. Они были представлены как «развратная» группа, и на несколько месяцев развернулась шумная и непередаваемо грязная кампания травли. Исключение, увольнение, «волчьи билеты» – это само собой, но общественность в истерических статьях и откликах требовала большего – показательного суда, чуть ли не физической расправы. Чем все кончилось, я не знаю, поскольку как раз в то время уехал поступать в аспирантуру, но шансов уцелеть у несчастных «развратников» не было никаких.

Позиция врачей, которые настаивали на том, что это больные люди, заслуживающие не осуждения, а сострадания, не наказания, а медицинской помощи, – такая позиция на общем фоне выглядела не просто странной, а вызывающей. Автоматически возникал вопрос: за что же их судят, приговаривают, гноят в тюрьмах и лагерях, если они не вольны собой распоряжаться? Я знаю, Сумбаеву просто повезло, что в

разгар газетной шумихи ее организаторы не сообразили и его привлечь в качестве соответчика: ведь костер общественного негодования требует, чтобы в него все время подбрасывали дрова. Но уж если мой учитель не боялся пропагандировать в те годы фрейдизм.

Реформы, которые пытался провести Хрущев, затронули многие стороны жизни, но на отношение к сексуальным меньшинствам не повлияли никак. Достаточно вспомнить истошный крик «пидарасы!», окончательно определивший судьбу молодых художников-новаторов. Как и большинство советских вождей, Хрущев руководствовался высокими государственными соображениями. Гомосексуализм – так примерно они рассуждали – порок мужской части общества, а мужчины – это прежде всего армия. Если не принимать драконовских мер, страна в два счета утратит свою военную мощь. Вместо крепких отважных парней она заполнится хлипкими женоподобными существами, манерно хихикающими и закатывающими подведенные глаза.

Именно такие объяснения я не раз слышал от людей, имевших прямой доступ к уровню принятия решений, как это теперь называется. Они, как правило, были преисполнены сознания своей значительности и совершенно глухи к попыткам хоть немного уточнить картину, сложившуюся у них в голове. Бесполезно было объяснять им, что армию, как и любой закрытый однополый коллектив, насильно принуждаемый к длительному воздержанию, бесполезно пытаться предохранить от «заражения»; что далеко не все мужчины, испытывающие влечение к собственному полу, феминизированы, – есть, наоборот, атлеты, всем мужикам мужики; что никакого воздействия на боеспособность воинских соединений этот аспект жизни не оказывает, а если судить по некоторым историческим примерам, может даже ей способствовать: возведение в культ воинской доблести и чести нередко подкреплялось созданием мужских союзов, по типу братства, принципиально отвергавших общение с женщинами. Наша высшая элита была далеко не однородна по уровню культуры и интеллектуальным качествам, но даже над самыми живыми и образованными умами властвовал известный принцип: я начальник – ты дурак.

Не сомневаюсь, что и Хрущев руководствовался теми же рациональными соображениями, продолжая политику травли «пидарасов». Но я усматриваю в этом еще и сильнейший элемент его глубоко личной, бессознательной ненависти.

Я много занимался психоанализом Хрущева (к сожалению, только заочно, но при обилии материала, запечатляющего личность, это делу не мешает), считаю его фигурой в высшей

степени неординарной, обладающей самобытной и неповторимой индивидуальностью. Но во многом он оставался «человеком с улицы», не способным критически оценить засевшие с детских лет в сознании стереотипы и хоть немного приподняться над ними. Стихийное отвращение к гомосексуалам, брезгливый взгляд на них как на «недочеловеков» занимает среди этих массовых стереотипов очень видное место, причем, мужская нетерпимость несоразмерно превышает женскую. Иногда это трактуется как инверсия собственных юношеских гомосексуальных влечений, отвергнутых личностью и вытесненных в самые глубокие слои бессознательного. Мое объяснение проще, но в чем-то страшнее.

Мальчики – особенно растущие без присмотра, в дворовых полудиких стайках – живут в вечном страхе перед изнасилованием. Для них это не просто большая беда, соизмеримая с тяжелой болезнью, увечьем, потерей родителей – этого они тоже боятся, но совсем по другому. Здесь беда непоправимая. Если покалечишься или осиротеешь – тебя по крайней мере будут жалеть и поддерживать. Насилие же равнозначно полной и окончательной потере лица, за ним неизбежно следует изоляция. В этом смысле – да и не только в этом – подростковая среда точно воспроизводит отношения, характерные для тюрьмы или зоны. Перед глазами у мальчишек есть всегда примеры того, как это бывает и чем кончается.

Следы этого страха остаются в мужской психике навсегда, накладываясь на отношение к самому явлению и ко всем его представителям. Это тот особый компонент, который у женщин отсутствует. Женщина может дойти хоть до края в моральном негодовании и осуждении «разврата», но лично для нее он опасности не представляет.

Уголовное преследование гомосексуалов продолжалось до самых последних лет, захватив и время перестройки: вплоть до начала 90-х годов суды выносили сотни приговоров по этой статье. Чем руководствовались прокуроры, хватая одних людей, а других оставляя в покое? Я так и не мог этого понять. Иногда из судебного дела явственно вылезали «уши» политического преследования: гомосексуализм, реальный или мнимый, был всего лишь предлогом. Иногда мне казалось, что известность, высокое общественное положение служат своего рода индульгенцией. Иногда – наоборот, могло сложиться впечатление, что громкое имя рассматривается как отягощающее обстоятельство. Я думал: может быть, напрасно я ищу следы глубокомысленного расчета там, где его вовсе нет? Есть план, есть своего рода статистическая норма, она должна выполняться. Отловили необходимое число – и до следующего года можно не

беспокоиться.

Но возникали и другие мысли. В каждом городе существовали свои «садики», по старому анекдоту, привычные места сборов, тусовок. Ликвидировать их, следуя духу и букве закона, ничего не стоило, но этим никто не занимался. Может быть, их «пасли» специально? Людьми, над которыми постоянно висит дамоклов меч правосудия, очень легко манипулировать, использовать для каких угодно услуг.

Никогда не забуду свою встречу с одним выдающимся артистом. Мне было вменено в обязанность обследовать его и тем самым определить его дальнейшую судьбу. Он безропотно откликнулся на предложение, с первых слов дал понять, что готов отвечать на любые вопросы. А у меня просто духу не хватило заговорить о том, что могло причинить ему боль. Мы просидели несколько часов. Говорили об искусстве, он расспрашивал, видел ли я его на сцене, интересовался моими впечатлениями. Легко и свободно рассказывал о своей жизни, задавал вопросы, какие обычно задают психиатрам люди с обостренным гуманитарным восприятием жизни. Я отметил его тонкую наблюдательность, нетривиальность суждений. Под конец я спросил, могу ли я быть ему чем-нибудь полезен, нет ли у него проблем, в которых требуется участие человека моей профессии, – это был максимум того, что я сумел из себя выдавить. Он очень тепло поблагодарил – и отказался. Мы простились. Крепко зажмурившись и с предельной аккуратностью подбирая каждое слово, я написал отрицательное заключение, что в какой-то степени было и правдой: никаких гомоэротических влечений он не обнаружил! Куда потом пошла эта бумага, кто ее читал и какие выводы сделал, я не знаю, но сама полнокровная творческая жизнь и блистательная всемирная карьера этого артиста говорили о том, что больше его не беспокоили.

Продолжала заниматься этой проблемой и медицина, отстаивая тем самым альтернативную позицию: человек не властен над своими сексуальными проявлениями, а значит, их нельзя ставить ему в вину. Мало-помалу круг медицинских центров, готовых работать с этими пациентами, расширялся. На базе больницы имени Ганушкина был создан отдел сексопатологии (примечательно, что официальный статус она получила намного раньше, чем сексология), сразу включивший в научный план тему половых перверзий. Николай Иванов, переехавший из Иркутска в Горький и ставший профессором, продолжал свои поиски. Для подготовки специалистов, которых в стране не было, наш институт совместно с Горьковским медицинским организовал курсы сексопатологии. Время от

времени появлялись сообщения, что кто-то нашел волшебный ключик, обещающий верное излечение от гомосексуализма. Так было, например, когда в моду вошла методика лечебного голодания: энтузиасты утверждали, что добросовестно проведенный курс гарантирует успех. Как водится, публиковались статьи, делались доклады на научных конференциях – со статистическими выкладками, с демонстрацией излеченных больных. Но у всех этих сообщений был один общий недостаток: они делались по горячим следам врачебной работы. Как складывалась жизнь пациента дальше, утверждался ли он в новообретенной сексуальной идентичности или возвращался к привычному для себя существованию в третьем поле – этот аспект стыдливо обходился в большинстве публикаций. И все равно – прогресс был очевидный. Уже не горстка психиатров, по собственному полулегальному почину, а многочисленный и все время расширяющийся отряд специалистов, действующих с ведома государства, занимались организацией медицинской помощи людям, которых это же государство карало как злостных преступников.

Исследуя исторические свидетельства, я заметил, что этап раздвоения общественного сознания характерен для всех стран накануне отмены уголовного наказания за гомосексуальные отношения. Так, например, было в Германии сто с небольшим лет назад. Первыми, как мы уже знаем, прозрели сексологи, сумевшие заразить своей убежденностью значительную часть интеллигенции. «Государство совершает преступление, зачисляя биологическое явление в категорию порока и криминала», – эта мысль стала убеждением множества людей, имеющих общественный вес, хотя многим из них еще несколько лет назад она показалась бы вздорной. Отсюда вовсе не следовало, что они преодолели свою глубоко укорененную антипатию к однополой любви, и все же голос справедливости заставил их встать на ее защиту.

Но еще очень долго в Германском имперском уголовном уложении сохранялся параграф 175, который гласил: «противоестественное непотребство, совершаемое между лицами мужского пола или с животными, наказуется тюрьмой; наказание может быть сопряжено и лишением гражданских прав чести». И этот суровый закон тоже имел своих защитников. Они не оспаривали новейших выводов сексологии, эта сторона дела их не волновала, как не слишком беспокоило и оскорбление морали. Пусть даже поведение гомосексуалов само по себе и не преступно, говорили они, но они создают почву для таких злодеяний, по поводу которых и дискутировать нечего. Убийства и

самоубийства, шантаж, вымогательство. А мужская проституция? А распространение венерических болезней? Страх уголовного наказания хоть немного держит это в узде.

Защитникам справедливости тоже была известна эта темная изнанка гомосексуализма. Они знали, что в Берлине и в других крупных европейских городах есть и тайные притоны, и какие-то дворики, тупички, аллейки в общественных парках, где опасно появляться даже днем, не говоря о темном времени суток. Армия проститутов по численности могла бы соперничать с армией проституток, при этом в торговлю своим телом часто вовлекались самые обычные мальчишки, не желающие или не имеющие возможности зарабатывать на хлеб честным трудом. Как водится, эти вертепы притягивали к себе и разномастных уголовников, и представителей высшей элиты: аристократов, богатых буржуа, «золотую» молодежь. Столкновения между ними провоцировали самые мрачные преступления.

Шантаж и вымогательство и в самом деле превратились в профессию. Рассказывали об одном известном ученом, умело скрывавшем свои эротические пристрастия. Но однажды он допустил неосторожность, и в руки шантажистов попала важная улика. После этого несчастный в течении двадцати с лишним лет практически работал на вымогателей. Мошенники передавали его из рук в руки. Сплошь и рядом жертвой шантажа становились гетеросексуальные мужчины. Достаточно было в общественном туалете поднять шум по поводу «приставания» такого-то господина – и можно было почти не сомневаться, что он предпочтет заплатить сколько угодно, чтобы только замять скандал. При известной ловкости вымогателей и этих несчастных можно было надолго превратить в дойную корову. Считалось даже, что с ними удобнее иметь дело, чем с гомосексуалистами: те в глубине души считали себя пропащими людьми и могли от отчаяния выкинуть какой-нибудь фортель, а человек безгрешный, порядочный семьянин готов был на все, чтобы не запятнать таким страшным образом свое имя.

О чем же все это говорит? – спрашивали сторонники отмены 175-го параграфа. Только о том, что он ничуть не помогает бороться со злом. Магнус Гиршфельд, считавшийся непревзойденным знатоком этой среды, утверждал, что только 0, 007% деяний, предусмотренных этим параграфом, становятся известны и приводят в действие механизм правосудия. Но зато порожденный им страх во много раз усугубляет зло. Если бы люди, которых все равно никто не переделает, могли удовлетворить свои желания свободно и открыто, зачем бы они стали тянуться к этим грязным притонам, заводить сомнительные

знакомства, покупать любовь с риском для здоровья и жизни? Разве не страх перед законом делает их добычей шантажистов и вымогателей, толкает на самоубийство?

Магнус Гиршфельд основал «Научно-гуманитарный комитет», поставивший целью широкое сексологическое просвещение народа и мобилизацию общественного мнения на борьбу за отмену злополучного параграфа. Комитет выпускал брошюры, наладил издание научного журнала, проводил лекции, собрания, бомбардировал правительство петициями. Больше всего тронул меня такой факт: под обращением в рейхстаг подписались 5 тысяч человек – цвет Германии, ее лучшие умы, ее совесть: ученые, судьи, священники, врачи, школьные учителя, писатели ученые. Они настаивали на отмене параграфа, но одновременно – и на совершенствовании правосознания, на утверждении свободы в половых отношениях. Если двое взрослых мужчин, вступающих в связь, действуют по взаимному соглашению и без свидетелей, то есть не задевают ничьих нравственных чувств, то пристало ли обществу вмешиваться в их жизнь, регламентировать ее, тем более ломать? Благородным людям, намного опередившим свое время, суждено было в дальнейшем с горечью убедиться в собственном прекраснодушии. Они явно преувеличивали благотворный, преобразующий потенциал свободы: снятие запретов не создает мирной атмосферы, позволяющей ягнятам пастись рядом с волками. Преступления на сексуальной почве неискоренимы – такова сама природа этой почвы, и возможности повлиять на нее изменением условий общежития крайне ограничены. Не всемогущи и просветительские воздействия. Они могут опустить психологический барьер, отделяющий гомосексуальное меньшинство общества от преобладающего, количественно и ментально, большинства. Они могут перевести ненависть, с ее безудержным накалом и угрожающей агрессивностью, в более мягкие и спокойные формы отчуждения – заменить войну мирным, взаимно корректным существованием. Но ни при каких умонастроениях эта граница не будет ликвидирована окончательно. Страдания, причиняемые холодным отчуждением, конечно, не идут не в какое сравнение с моральными пытками дискриминации, но по-своему они очень мучительны и всегда чреваты тяжелейшими душевными кризисами.

Мысль об этой границе не оставляла меня в покое, когда я думал о том, почему же мы мирились с уголовным преследованием людей, которых искренне считали больными? В том, что Уголовный кодекс был в конце концов переписан (закон теперь карает только за насилие и шантаж при совершении

«сексуальных действий»), нет ни малейшей заслуги ни медицинской, ни околомедицинской общественности. Власти, заинтересованные в интеграции России в мировое демократическое сообщество, старались устранить хотя бы самые одиозные нарушения прав человека. Если очень хотеть, можно вспомнить какие-то печатные и устные выступления-протесты, и то по большей части инициатива принадлежала не врачам, а юристам. Но ничего даже отдаленно похожего на ту мощную волну, какую поднял 100 лет назад в Германии Магнус Гиршфельд, у нас не было.

Мне не хочется сводить этот разговор к особенностям советского сознания. Разумеется, они сыграли важнейшую роль. Но вспомните, как начиналась эпоха гласности, каким ознаменовалась она взрывом публикаций, разговоров, как стремительно, от месяца к месяцу, менялось общественное сознание, все глубже продвигаясь к пониманию самой сути происходящего. Это свидетельствовало о колоссальной энергии возмущения, жажды перемен, накопившейся исподволь в условиях, когда и в самом деле у нее не было реального выхода.

Новый взгляд на свою страну и на самих себя был не так уж и нов, если вспомнить беседы, которые мы вели на своих излюбленных «кухонных» посиделках, анекдоты, над которыми мы смеялись, подтекст статей многих ведущих публицистов, становившихся сенсацией именно благодаря этим не высказанным вслух идеям становившихся сенсацией. Но сказанное вслух обретало особую силу.

В этот великий момент прозрения и переоценки ценностей тема третьего бесправного пола непременно должна была всплыть в долгом перечне «болевых точек» и укоренившихся в обществе несправедливостей. Так и случилось. Но обращение к этой теме оказалось весьма своеобразным.

С помощью нескольких газетных подшивок, не успевших еще пожелтеть, я попытался восстановить в памяти: по каким поводам, в каком контексте читающей публике предлагалась пища для размышлений? Самые заметные публикации сгруппировались в несколько больших разделов.

Первый – серьезные политические статьи о принципах демократии, о правах человека и в связи с этим о положении и защите интересов меньшинств (сексуальных – в одном ряду с этническими, культурными, политическими и какими угодно еще). Взгляд на общество в целом, на соотношение составляющих его частей, на принципы поддержания внутренней гармонии. Непонятно даже, какие еще сексуальные меньшинства, кроме гомосексуалов, имелись в виду, но при таком угле рассмотрения

это и в самом деле не существенно.

Второй – исследование язв общества. Здесь четко намечаются два направления. Одно я назвал бы мазохистским: демонстрация этих язв с прицелом на сенсационность, нагнетение «чернухи», бьющих по нервам подробностей. Сведение счетов с коммунистической пропагандой: вы утверждали, что у нас все чисто, светло, безупречно? Так посмотрите, сколько грязи накопилось за нашим лакированном фасадом! Гомосексуалы здесь тоже попадали в большую компанию, наравне с проститутками, бомжами, нищими, наркоманами, бродягами, мошенниками. Это полностью выдает отношение к однополой любви. Оно не выражается в словах осуждения, в морализаторстве – таковы уж законы жанра, предполагающие особое, отрицательное удовольствие от шокирующей информации. Но из всего контекста ясно следует, что гомосексуализм относится к числу человеческих пороков. Эта же концептуальная установка присутствует и в более серьезных публикациях, с конструктивным посылом и элементами анализа. Здесь крен в сторону тяжелых социальных осложнений, которые привносит в жизнь общества гомосексуальная среда. Из рассуждений следует, что все это – следствие застарелой болезни общества. Если бы общество было здорово, должно отложиться в сознании читателей, то не было бы и гомосексуализма.

СПИД обозначил самый острый поворот этой темы, резко усиливший враждебность. Допустим, у вас нет специальной предвзятости к гомосексуалам. Но что такое СПИД – вы знаете, и от этого знания волосы шевелятся у вас на голове. И вот так получается, что как только вам дают какую-то информацию об этой смертоносной опасности, тут же обязательно упоминается и этот, как бы помягче выразиться, специфический контингент. Приводится статистика зараженных, заболевших, погибших – он отмечается отдельным столбиком. Определяются группы повышенного риска – то же самое, через запятую с наркоманами. Этот привносит в ваши ощущения дополнительный оттенок: мало того, что в сексуальную связь мужчины вступают с мужчинами, так еще и характер этих связей каков! Мимолетные, случайные, беспорядочные. И вот эти люди – побратимы наркоманов – становятся для всего общества бомбой замедленного действия, за их непонятную страсть будем расплачиваться все мы и наши дети, неизвестно какого колена!

Магнус Гиршфельд в свое время обладал гигантским всеевропейским авторитетом. Но как всегда бывает с пророками: какой бы могучей и красноречивой ни была их проповедь, должна существовать еще и потенциальная готовность к тому, чтобы ее

услышать и подхватить заключенные в ней идеи. У нас не было фигуры такого масштаба, которая сделала бы защиту третьего пола делом своей жизни. Но если бы она и появилась – я вовсе не уверен, что 5000 видных политиков, литераторов, ученых публично поддержали бы этот протест.

В самом конце 80-х годов ВЦИОМ включил в одну из своих анкет вопрос: «Как следовало бы поступить с гомосексуалистами?» Треть опрошенных сказала, что их нужно ликвидировать. И только один из пятнадцати человек склонился к тому, что это люди, нуждающиеся в помощи.

Такую же нетерпимость массовое сознание проявляет и к другим проблемным группам, которые считает социально опасными или «неполноценными»: к проституткам, бродягам, алкоголикам, наркоманам, больным СПИДом, умственно недоразвитым. Но даже среди отверженных гомосексуалы лидируют. Такого неприятия, как они, не вызывают больше никто.

Когда я впервые знакомился с результатами этого опроса, меня всерьез заинтересовала позиция самих исследователей, их собственное мнение: если бы им было предложено заполнить такую анкету, к какому мнению присоединились бы они? На эти мысли меня навела прежде всего формулировка вопроса: «Как следует поступать». В ней отчетливо сквозит глубочайшее убеждение, что гомосексуалы – это как бы люди второго или даже третьего сорта, чьей судьбой мы имеем право полновластно распоряжаться. Захотим – казним, захотим – помилуем. И это непоколебимое внутреннее убеждение продиктовало набор подсказок, из которых должны были выбирать респонденты. Чтобы каждый третий высказался за ликвидацию, этот вариант должен был сначала, черным по белому, появиться на опросном листе. Я не утверждаю, конечно, что социологи, составляющие анкету, сами были сознательными сторонниками физической расправы. Но достаточно и того, что они включили ее в перечень хотя бы теоретически возможных решений.

Еще интереснее, на мой взгляд, что подразумевали под помощью гомосексуалам те люди, которые выбрали в опросе именно эту гуманную позицию. Когда о такой помощи говорили классики сексологи, они имели в виду создание таких условий, при которых люди третьего пола, наравне с остальными двумя, могли бы жить в соответствии со своей природой, не чувствуя себя ни преступниками, ни изгоями. А когда, с той же мерой понимания и сочувствия, о помощи говорили Сумбаев и Иванов, для них это означало лечение и – в идеале – излечение, то есть превращение гомосексуала в мужчину, находящего радость в обычной мужской жизни.

Когда в лоб сталкиваются два противоположных, взаимоисключающих взгляда, невольно возникает потребность определить, какой из них правильный, а какой ложный. В данном же случае мы имеем дело с двумя точками зрения, каждая из которых максимально верна – но для своей эпохи.

Гиршфельд не мог ставить вопрос о лечении хотя бы уже потому, что это было не в его власти. Медицина на том уровне развития не давала ему никаких средств даже для того, чтобы начать эксперименты. У моих учителей такие возможности уже были. Они прекрасно сознавали, что средства, которые можно пустить в ход, слабы и несовершенны, но некоторые результаты все же обнадеживали. Сумбаев часто говорил, что надо активнее искать и пробовать. Он верил, что впереди, за темной завесой непознанного, нас ждут фантастические открытия.

Гиршфельд, как и все люди его поколения, был идеалистом. Он преклонялся перед прогрессом, перед преобразующей силой просвещения. Если бы кто-нибудь сказал ему, что меньше чем через полвека в его родной Германии фашизм начнет тысячами истреблять гомосексуалов, как бешенных собак, он бы, наверное, прекратил бы знакомство с этим человеком как со злостным клеветником на человечество. Сумбаев, по рождению и воспитанию, принадлежал к той же эпохе, но страшный опыт XX века излечил его от иллюзий. Он не мог надеяться, что общество, каким он его знал, пересмотрит свое отношение к «голубым». В будущем своих пациентов он не видел ничего, кроме страданий и опасностей, – в том случае, если он не поможет им стать «нормальными людьми».

Вскоре после изменения уголовного законодательства социологи снова провели опрос по той же программе, чтобы проверить динамику настроений в обществе. Новые данные выглядят оптимистично. Сторонники вытеснения третьего пола на тот свет или за решетку уже не составляют большинства, хотя их все равно очень много, около 50 процентов. Если вспомнить, как спокойно и открыто существует община гомосексуалов, описанная в дневнике Леонида Петровича, можно усомниться в точности этих данных. Но я отношусь к ним с полным доверием. Мои наблюдения тоже говорят об огромном заряде подавленной, не находящей для себя выхода агрессивности. У нее много объектов – новоявленные богачи, «черные», как всегда – евреи. Но гомосексуалы – на особом счету. Терпимость нынешнего режима по отношению к ним записывается властям не в плюс, а в позорный минус: «вот в какой бардак превратили они страну».

Самым представительным, по результатам этого исследования, оказалось мнение, что «голубых» надо

предоставить собственной судьбе. Не давить на них, но и не помогать – оставить в покое, пусть живут, как хотят. На этой точке зрения, наиболее близкой самому третьему полу, стоит без малого треть опрошенных. По этому признаку наблюдается явное размежевание между людьми разных возрастов и разных уровней культуры. Если молодые и образованные не переменят с годами свой взгляд, право на сексуальное самоопределение человека станет и у нас мыслиться как естественное и неотъемлемое.

Но будет ли это означать решение проблемы гомосексуализма?

Несколько лет назад, в Америке, я попал на большой традиционный праздник геев. Огромные толпы красивых, здоровых мужиков всех возрастов веселились от души, пели песни, хохотали во все горло над шутками, не всегда понятными мне даже в дословном переводе. Чужая искренняя радость заразительна. Я, вдвойне гость на этом торжестве, чувствовал себя вполне непринужденно, никто не косился на нас с женой. Чувствовалось, что собрались все эти люди исключительно для собственного удовольствия, а вовсе не для того, чтобы кому-то что-то доказать или продемонстрировать.

На праздниках легко завязываются знакомства. Я разговорился с двумя симпатичными мужчинами средних лет. Они пригласили меня в гости.

Если бы я не знал заранее, что весь микрорайон небольшого городка заселен «голубыми», вряд ли сумел бы догадаться об этом сам. Обычный для провинциальной Америки городской пейзаж, с продуманным расположением не слишком фешенебельных, но и явно не бедных домов. Удивительная чистота, много зелени. Обилие дорогих машин. Яркий дизайн ресторанов, баров, спортивных залов. Элегантные таблички адвокатов, зубных врачей, посреднических фирм.

Мои знакомые предпочитают жить каждый в своем доме, хоть и по соседству. Но многим обитателям городка нравится семейная жизнь. Дело вкуса, не правда ли?

Никто специально не предназначал это место для проживания гомосексуалов. Все получилось само собой. Сначала здесь обосновалась маленькая группка, к ним постепенно присоединился кто-то из друзей. Местное население встретило геев внешне спокойно, столкновений не было, но сначала забеспокоились и стали подыскивать жилье в других частях округа семьи, где подрастали мальчики, потом за ними потянулись другие. Постепенно состав жителей стал однородным. Никто не помешает вам купить или снять в этом районе квартиру, если вам захочется, как и любой гомосексуал волен поселиться,

где ему заблагорассудиться. Но так – удобнее для всех. Комфортно, полное взаимопонимание, куда бы человек ни пришел, – в аптеку, в бар, на прием к юристу.

Внешнее впечатление оказалось точным: экономический статус населения городка достаточно высок. Много преуспевающих дельцов, финансистов, врачей. Большие доходы – и налоги значительные, можно не скупиться на благоустройство. Вот почему район выглядит таким процветающим.

Обособившись в смысле проживания, обитатели городка не чувствуют себя изолированными от общества. Большинство читает «свои» газеты и журналы, издаваемые геевскими организациями, следит за новыми книгами и фильмами, изображающими жизнь им подобных, но этим их интересы далеко не ограничиваются. Многие активно участвуют в экологических движениях, поддерживают борьбу с наркобизнесом. Они заботятся о собственном здоровье, но хотят также, чтобы и другие люди как можно меньше страдали от болезней. Особенно дети. В этом нет ничего удивительного. Если гей не испытывают влечения к женщинам, это вовсе не значит, что они равнодушны к детям или не были бы рады их иметь. Когда общество окончательно преодолеет предубеждения и страхи, люди наверняка поймут, что геям вполне можно доверить воспитание осиротевших детей и они справятся с этим уж по крайней мере не хуже, чем иные истеричные дамочки.

Пришел и мой черед рассказывать, кто я, откуда, чем занимаюсь. К слову я упомянул и кого-то из своих пациентов. Это произвело на моих хозяев сильнейшее впечатление. «Разве это болезнь, чтобы от нее можно было лечить? И неужели есть люди, которые согласны лечиться?» – спрашивали они в полном недоумении. Из разговора я понял, что обращение за помощью к психологу или психотерапевту они считают делом ненормальным. У любого из нас могут появиться проблемы, усталость, депрессия. В этом случае они не станут скрывать от врача, кто они такие, что бы тот мог в своей работе учесть их специфику. Но просить врача, чтобы он их переделал? Что за нелепость? И, главное, зачем?

Самое удивительное – мне совершенно не хотелось с ними спорить, хотя они и отрицали то, во что я верил, чем занимался столько лет. И не только потому, что спорить – значило бы доказывать уверенным в себе, довольным своей жизнью людям, что их уверенность – призрачна, удовлетворение – иллюзорно, а весь этот их комфортабельный мир, частицей которого они себя ощущают, ненормален от начала до конца. Нет, я искренне соглашался с их суждениями. По-другому нельзя было думать,

сидя в этом уютном, необычайно удобном доме, в этом городке, где за несколько часов пребывания мне попались на глаза всего два-три женских лица. Но при этом я не забывал и о своих московских пациентах. Я знал, что они ждут моего вращения и что никакие рассказы о моих американских впечатлениях не заставят их прервать нашу длительную нелегкую работу.

Итак, как видите, мне не нужно далеко ходить, чтобы проследить долгую эволюцию отношения к гомосексуализму: достаточно вспомнить разные этапы своей собственной жизни. Был, и я ничуть не стесняюсь в этом признаться, период, когда внушенная мне с детских лет предубежденность была так сильна, что подавляла даже мое всегдашнее любопытство, жадный интерес к психологическим загадкам, который, собственно, и привел меня в психиатрию. Этот этап остался далеко позади, но я его прошел.

Затем, в течение долгих десятилетий, я был только врачом, ставящим во главу угла свои профессиональные подходы и задачи. Гомосексуалы были для меня всего лишь одной разновидностью пациентов, то есть, в точном переводе, страдальцев. Готовы они были лечиться или нет, но я мог видеть в их состоянии только помеху, препятствие для благополучной жизни. Это, вероятно, усугублялось еще и тем, что далеко не все пациенты приходили (или их приводили: всегда было много молодых людей, принужденных подчиняться родителям) со специальной целью освободиться от этого проклятия. Гораздо чаще приходилось иметь дело с теми, кто нуждался в помощи психиатра по другим серьезным причинам, а сексуальная перверзия играла роль привходящего, но резко осложняющего ситуацию фактора.

Сейчас мне самому эта позиция кажется узкой, односторонней. Я все чаще сталкиваюсь с людьми, которых мое сочувствие оскорбляет, а готовность помочь выводит из себя. Для психиатра такие ситуации достаточно обычны: душевное расстройство сплошь и рядом сопровождается неадекватной оценкой собственного состояния. Но здесь картина совершенно другая. Человек не испытывает страданий, то есть по определению он не является пациентом. Он считает, что у него все о'кей, он нашел свою социальную нишу и все проблемы, с которыми сталкивается, смело берется решать самостоятельно, оставаясь таким, каков он есть.

Может быть, вообще пора в корне изменить свои взгляды, вычеркнуть гомосексуализм из круга медицинских проблем?

Голубой свет Луны

Эти сомнения сильно укрепил во мне Игорь Кон, выпустивший недавно великолепную книгу «Лунный свет на заре. Лики и маски однополой любви». Не часто сталкиваемся мы с таким глубоким, тщательным и всесторонним анализом крупных социально-психологических явлений. К тому же еще нужно добавить смелость первопроходца, взявшегося за одну их самых закрытых и самых скандальных тем. Кон справедливо называет свое исследование мультидисциплинарным: с одинаковым успехом выступает он в качестве историка, социолога, культуролога, этнографа и если не биолога в полном смысле, то в высшей степени компетентного посредника между биологией и гуманитарной наукой. Книге можно было бы предпослать еще один подзаголовок – «Все о гомосексуализме»: нет, наверное, ни одного аспекта, который не был бы рассмотрен и с величайшим тактом помещен в общую композицию. Вас интересует, в чем сходство и в чем различия между переживаниями геев и лесбиянок? Вы получите об этом исчерпывающую информацию. Сексуальная техника? То же самое. Имена великих людей? И они не только перечислены, но и дан глубокий и нетривиальный психологический портрет.

Что до меня, то самым обогащающим мне показался литературоведческий экскурс. Я увидел: если изъять из мирового художественного наследия произведения, так и или иначе вобравшие в себя дух третьего пола, наша сокровищница заметно обеднеет.

«Лунный свет на заре» – итог многолетней напряженной работы, состоявшей, помимо всего прочего, и в освоении гигантского массива публикаций, освещающих весь узел проблем как изнутри, глазами самих гомосексуалов, так и «сверху» – с общечеловеческих позиций. Кон остается генератором смелых и оригинальных мыслей, каким мы всегда его знали и любили, но каждое его слово приобретает еще и дополнительный вес, потому что оно связано с мнением множества авторитетных специалистов.

Если всех их послушать, вопрос, который сейчас стоит передо мной, попросту снят с повестки дня. «Лечить» и «вылечить» Кон пишет только так – в кавычках. Ирония связана прежде всего с беспомощностью и неэффективностью всех врачебных методов. Психоанализ спасовал перед этой задачей полностью. Правда, американский психоаналитик Ирвинг Бубер объявил в свое время, что из каждых трех его пациентов один полностью изменяет свою

сексуальную идентичность. Этим последователь Фрейда как бы поправлял великого учителя, который не видел перспектив в работе с гомосексуалами. Но сенсация оказалась преждевременной. Успех, как выяснилось, оценивался самим врачом и не был подтвержден дальнейшими наблюдениями и признаниями излеченных. Не оправдала себя гормонотерапия, которой увлеклись было в 50-х годах, когда в распоряжении медиков появилось много новых препаратов. Они, как выяснилось, влияют на силу полового влечения, но никак не помогают заменить один его объект другим.

Кон рассказывает и о варварских экспериментах. О лоботомии – хирургическом вмешательстве в мозговые структуры, разрушающем центры полового поведения. Об аверсивной, то есть построенной на отвращении, терапии: пациента приводят в состояние сексуального возбуждения привычными для него способами, но при этом подвергают действию электрического тока или другим ужасающим пыткам, чтобы создать отрицательный условный рефлекс. Естественно, это ничего не дает, только уродует человека. Теперь за «лечение» берутся главным образом безграмотные религиозные проповедники, не знающие куда деваться от собственных сексуальных комплексов.

Меня несколько удивило, что при таком беглом перечислении акцент сделан на каких-то заведомо несостоятельных, отталкивающих попытках. Грешным делом подумалось: уж не руководило ли автором бессознательное желание провести своего рода аверсивную терапию читательского восприятия, опорочить саму идею врачевания? Гомосексуализм не лечится, говорит нам Игорь Кон. Но и не это еще самое главное. Пафос его книги в том, что его и не нужно лечить.

«Теоретическая переориентация психологии и психиатрии затронула и психоаналитическую теорию, – пишет Кон. – Хотя некоторые психоаналитики по-прежнему считают гомосексуальность психической болезнью и скорбят по поводу выросшей общественной терпимости к ней, большинство предпочитают идти в ногу со временем. Современный психоанализ чувствительнее классического к индивидуальным и типологическим различиям в этнологии и проявлениях гомосексуальности, признавая, что гомосексуальное желание имеет „множественные корни“ и не является само по себе болезненным. Он уделяет гораздо больше внимания социальным факторам, выводя традиционно приписываемые гомосексуалам и подчас реально существующие болезненные свойства (пониженное самоуважение, ненависть к себе, склонность к

самоубийству) не из самой гомосексуальности, а из той стигмы, которой подвергаются геи и лесбиянки. Когда в 1960-х годах развернулось политическое движение геев и лесбиянок и стало ясно, что многие, если не все, их психологические трудности коренятся не в самой их сексуальной ориентации, а в той общественной сигме и дискриминации, которой они подвергаются, охранительный характер психоанализа, „помогающего“ индивиду приспособиться к заведомо враждебным ему социальным условиям, стал очевиден».

Американская психиатрическая ассоциация еще в 1973 году, после долгой внутренней борьбы, исключила гомосексуальность из своего перечня психических болезней – такую практическую расшифровку дает Кон своей посылке о ведущих тенденциях нынешнего времени. В 1980 году в официальном списке диагнозов упоминалась только «Эго-дистонная гомосексуальность», то есть отвергающая себя, бунтующая против себя сомой. В 1987 году и с этим диагнозом было покончено, причем, по мотиву, очень характерному для американского мышления. «Эго-дистонной гетеросексуальности» (когда человек не считал бы себя гомосексуалом, но и гетеросексуальная жизнь у него бы не ладилась) в списке диагнозов не было, и это сочли проявлением дискриминации. Все, что осталось в ведении медицины, – это лишь «постоянное и выраженное беспокойство по поводу своей сексуальной ориентации» в разделе неспецифических сексуальных расстройств.

В том же направлении скорректировала свои подходы к диагностике и Всемирная организация здравоохранения. «Современная психиатрия, – резюмирует Кон, – озабочена тем, как помочь геям и лесбиянкам преодолеть свои социальные и психологические трудности». Но мы уже прочувствовали, что источник этих психологических трудностей – вовне, в жестоком и косном мире, десятками способов, от самых грубых до самых изощренных и утонченных, показывающем гомосексуалам, что они в нем нежеланные гости. Следовательно, если кто-то и нуждается в лечении, то это мир, а вовсе не они.

Но мир не безнадежен. Не так быстро, как хотелось бы, но все же упорно и неотвратимо он проникается идеями демократического плюрализма. Он отказывается от своей вековой потребности устранить индивидуально-групповые различия, разделяя людей по этим признакам на «чистых» и «нечистых», «нормальных» и «ненормальных» и давая одним группам привилегии и преимущества в ущерб другим. Современный человек, утверждает Кон, уже не испытывает потребности в строгих определениях, он может позволить себе быть

множественным и разным, не задаваясь вопросом «почему?». Все его социальные роли, включая и половые, становятся все более подвижными и текучими, они более не втискиваются в прокрустово ложе однозначных и жестких определений.

Каждый демократически мыслящий человек обязан поддерживать политическую борьбу геев и лесбиянок, требующих признания своей особой идентичности и гражданских прав. Нигде в мире, а уж в России и подавно, эти задачи не решены. Но в исторической перспективе, считает Игорь Семенович, это неизбежно случится. И тогда всякая надобность в политическом объединении отпадет. Соответственно будет меняться и самосознание. «Любое угнетенное меньшинство противопоставляет тезису о своей неполноценности антитезис о своем превосходстве. И то и другое одинаково ложно. Творческие потенции надо доказывать не в постели». Я с полной убежденностью подписываюсь под этими словами Кона, с одним только небольшим уточнением. Принадлежность к меньшинству не играет тут существенной роли, как и характер притеснений. Угнетение ассоциируется с социальным неравенством, с жесткими формами подавления. А чтобы заработал психологический механизм гиперкомпенсации, достаточно и легких полутонов – отсутствия симпатии, недостаточного уважения.

Готов принять и мысль Кона о принципиальной неустранимости однополой любви, имеющей глубокие биологические и социально-культурные предпосылки, о нелепости борьбы с ней и что еще, пожалуй, существеннее – о несводимости ее к единым, стандартным типам и образцам. «Бесконечно сложное взаимодействие генов, гормонов и нервных путей порождает множество разнообразных типов сексуальности (гомосексуал-, гетеро-, би-, интер-, транс-), не сводимых к единой системе детерминант и предрасполагающих индивидов к тем или иным сексуальным сценариям и типом поведения, которые в одних случаях представляются взаимоисключающими, а в других – взаимодополнительными. А уж индивидуальные различия в выборе типа сексуального партнера, эмоциональной окрашенности испытываемых чувств и предпочитаемой сексуальной технике и вовсе необозримы. Это верно не только относительно гомосексуальности. Если бы кто-то прокоррелировал на достаточно большой выборке психологические свойства мужчин, предпочитающих блондинок брюнеткам или позицию „женщина сверху“, он нашел бы немало занимательного. Но вряд ли на этом стали бы строить „типологию личности“.

Несколько лет назад в одной из своих полунаучных-полупублицистических работ я практически повторил ход мысли Кона, описав ту же эволюцию общественного сознания, тот же переход от косного, нормативного мышления к плюрализму, от дискриминации к полноправию, от неприятия к терпимости. Но мои наблюдения касались более широкого круга явлений. Я говорил о людях, стигматизированных в массовом сознании под презрительными кличками «психов», «шизов», «сумасшедших», «ненормальных». Уж их-то никто не обвинял в странных, не всегда благовидных поступках, во множестве неудобств, причиняемых ими окружающим, – больные люди, и этим все сказано. Что с них возьмешь? И все же они подвергались жесточайшей дискриминации. Сам факт, что человек «стоит на учете», делал его абсолютно беззащитным перед соседями, сослуживцами, собственными родственниками. Никакой роли не играло, что стоит за психиатрическим диагнозом: полная неадекватность, безумие или вполне терпимые отклонения от некой «золотой середины» в поведении и в речах. Достаточно было кому-нибудь этого захотеть, из корыстных побуждений, ради мести или просто «из вредности», и человек надолго попадал в изоляцию, почти ничем не отличающуюся от тюремной – решетки на окнах, замки на всех дверях, полная зависимость от персонала.

Мне и теперь нередко приходится прикладывать массу усилий, чтобы защитить своих больных от несправедливости, злобы, непонимания, но ведь и сравнить нельзя их нынешнее положение с прежним. В самых сложных коллизиях уже не просматривается былой нетерпимости. Если раньше все мысли были о том, как защитить общество от психически нездоровых его членов, то теперь ставится вопрос об их защите, силами всего общества, от тех бед и опасностей, которые им угрожают. И в тоже время все мы понимаем, что впредь развитие этого процесса будет зависеть не столько от успехов демократии, сколько от реальных возможностей медицины, от способности предупреждать и лечить психические недуги.

Спешу подчеркнуть: этот пример я привел без всякой задней мысли, с единственной целью – подчеркнуть свою солидарность с Коном там, где мы с ним сходимся. Я уже говорил, когда речь шла о гермафродитах, что не воспринимаю нарушения в половом развитии как болезнь, и это полностью относится к данной разновидности третьего пола, означающей перверзию сексуального объекта. Другого, более подходящего слова, у меня нет. Но в моей работе прекрасно можно обойтись и без названия. А вот понять, нужна ли моя работа в принципе – это мне

действительно необходимо.

В книге о ликах и масках однополой любви есть еще одна интереснейшая параллель – с левшами. Сейчас, когда мы в огромном количестве смотрим западные фильмы, я постоянно обращаю внимание, сколько актеров за едой и за письменным столом пользуются левой рукой вместо правой. На экране это особенно бросается в глаза. В повседневной жизни левши встречаются мне несравненно реже. Но это не потому, что российский климат более благоприятен. У нас было принято с раннего детства переучивать детей, и хоть последнее время врачи и учителя призывают родителей этого не делать, не все согласны к ним прислушиваться.

Леворукость, пишет Кон, тоже казалась многим народам подозрительной и опасной. Левшей считали людьми порочными, приписывали им связь с дьяволом, их убивали и изгоняли. Даже в прошлом веке, гордо отмежевавшемся от былых суеверий, готовы были скорее подвести под них научную базу, чем отвергнуть. Обследования в тюрьмах и в психиатрических больницах дали основания считать, что левши особо предрасположены к преступлениям, к психическим аномалиям, к заиканию и лунатизму. Ломброзо и Флисс включали в число этих пороков также гомосексуализм и другие половые извращения.

Сегодня эти теории полностью отвергнуты. Чем биологически отличаются левши от «правшей», уже прояснено достаточно, хотя постоянно поступают дальнейшие уточнения, и если кто-нибудь сейчас заговорит о психической или нравственной неполноценности этих людей, его просто поднимут на смех.

Какие-то мостики между этим явлением и гомосексуальностью просматриваются. И та, и другая особенность у мужчин встречается вдвое чаще, чем у женщин. В начале 80-х годов, когда в центре внимания ученых оказались пренатальные гормоны, говорили об избытке тестостерона в организме плода как о вероятной причине обоих отклонений. В последнее время интерес переместился к развитию мозговых структур, и тут тоже обнаруживается некая общность. Но пока нет никаких данных в пользу взаимной корреляции.

Сколько мучений переживали несчастные левши, а вместе с ними и их воспитатели, в попытках, чаще всего безуспешных, переупрямить природу! А оказалось, что проблема была целиком придумана, в действительности ее нет. Вопрос не в том, какая рука у человека основная, – важно, что он умеет делать это рукой. Леворукость не мешает ничему, а в отдельных случаях может даже помогать. Спортивные комментаторы, например, всегда упоминают об этой особенности выдающихся боксеров или

теннисистов, подчеркивая, что благодаря ей они кажутся просто непобедимыми.

Умело использованная аналогия обладает колоссальной убедительностью. Не требуется даже педалировать выводы – они возникают сами. Если одна проблема, долго досаждавшая людям, оказалась мнимой, значит, такая же судьба ожидает и другую.

Не хотелось бы выглядеть человеком, идущим не в ногу со временем. Но в моей профессии это не аргумент.

Что может сделать врач?

Начну с этого, самого простого вопроса.

В начале 60-х годов у профессора Сумбаева появился новый пациент, Игорь Сергеевич Р. Родился в Иркутске, получил техническое образование, по распределению уехал в Ангарск. Считался хорошим специалистом. Привлекал к себе людей мягким характером, добротой, отзывчивостью.

Первую сильную душевную травму получил в 13 лет. Игорь подружился с одноклассником. Это был красивый мальчик, очень способный, прирожденный лидер. Игорь был счастлив, что из всех мальчишек этот общий кумир выбрал его. Они сидели за одной партой, вместе бегали на лыжах, делились самым сокровенным. Но при первой же робкой попытке сексуального сближения друг его резко оттолкнул и с этих пор стал избегать. И это навсегда стало проклятием Игоря. Мужчины, к которым его влекло, были ему недоступны, а среди себе подобных он не встречал никого, с кем мог бы хотя бы общаться на равных.

Не только в любви, но и во всем, что сопутствует ей в жизни, Игорь чувствовал себя в тупике. Его идеалом был теплый, уютный, семейный дом, но он вынужден был довольствоваться своей холостяцкой берлогой. При этом приводить к себе любовников он боялся, а «хаты», где он чувствовал себя в безопасности, вызывали у него физическую тошноту. Он очень любил детей и знал про себя, что мог бы стать прекрасным отцом, но об этом не мог даже мечтать. По складу характера у него должно было быть много друзей, но двойная жизнь выработала в нем недоверчивость: все время казалось, что на него как-то не так смотрят, что-то за его спиной говорят.

Среди приятелей Игоря было немало женщин. Они-то уж точно догадывались о причине его странностей, но его человеческое обаяние перевешивало. С ним было легко, располагала его всегдашняя готовность выслушать, посочувствовать, помочь. Одинокий мужчина, неплохо устроенный, непьющий всегда пробуждает дремлющий в душе у большинства женщин инстинкт свахи. Несколько раз, рассказывал Игорь Сумбаеву, он принимал решение «взять себя в руки». Разве все мужчины женятся по страстной любви? Надо поступить так, как подсказывает рассудок, – зато у него будет рядом близкий человек, будет нормальный дом, может быть, появится сын. Но пойти в отношениях с женщиной дальше ни к чему не обязывающих светских разговоров оказалось выше его сил.

Лечиться у Сумбаева Игорю было трудно, ведь каждый приезд

в Иркутск надо было специально организовывать. Но после первого же приема наступило огромное облегчение: впервые в жизни у человека появилась возможность раскрыться, рассказать о своей душевной муке. Существенного сдвига профессору удалось добиться в одном: у пациента прекратились приступы жестокого самоедства, он успокоился, поверил в свое будущее. Но вскоре Сумбаев тяжело заболел. Лечение прекратилось. Игорь заметался в поисках врача. Ближе Горького, где уже жил в то время ученик Сумбаева Николай Иванов, никого не нашлось. Игорь взял отпуск, съездил в Горький, познакомился с Ивановым и проникся к нему полным доверием. Почти год был потрачен на переезд. В самом городе решить тройную проблему работы, жилья и прописки не удалось, но Игорь пошел на то, чтобы поселиться в Дзержинске. Город ему не понравился, казался неуютным, неприветливым. Новые знакомства завязывались с трудом. После Ангарска, с которым успел сродниться, чувствовал себя, как в ссылке. Но зато рядом был врач, полностью заменивший Игорю Сумбаева.

Глубокое взаимопонимание, связывающее врача и пациента, – дело у нас обычное. Но не часто приходилось мне видеть, чтобы симпатия становилась почти что родственной. Игорь стал в доме своим человеком. Помогал хозяйке, бегал за продуктами, следил, чтобы краны нигде не подтекали. Запросто оставался ночевать, был первым гостем на семейных торжествах. Эта дружба сохранилась и потом, когда лечение как таковое закончилось.

Как оценить его результаты? Полностью изменить свою природу Игорю не удалось, но самые тяжелые переживания ушли в прошлое. Его познакомили с очень милой незамужней женщиной, и впервые в жизни в его душе что-то шевельнулось. Есть такая точка зрения, что если гомосексуал женится, то делает он это исключительно для камуфляжа, чтобы вызывать меньше пересудов. Я считаю, что в действительности все намного сложнее. Разве всегда мы можем точно определить, где кончается расчет и начинает говорить чувство? Хотя бы только привязанность, благодарность за душевное тепло и понимание. Уже и это способно скрасить жизнь человека, считавшего себя обреченным на вечное одиночество.

От Иванова я слышал, что гомосексуальное влечение продолжает играть в жизни Игоря большую роль. Но оно стало менее настоятельным, а главное, управляемым – уменьшилась опасность попадания в ситуации, которые сам пациент считал бы для себя неприемлемыми. Фактически, следовательно, Игорь стал бисексуалом. Скрывал он от жены свои приключения, которые женщины воспринимают как двойную измену, или она, принимая

его таким, каков он есть, находила силы мириться и с этим? На этот счет мне известно слишком мало, а фантазировать не хочу. Но если ориентироваться на мой опыт, второй вариант представляется более вероятным.

Когда-то Фрейд писал одной американке, обеспокоенной судьбой своего сына:

«Спрашивая меня, могу ли я помочь, думаю, что Вы имеете в виду, в состоянии ли я устранить гомосексуальность и заменить ее нормальной гетеросексуальностью. Отвечу, что в общем мы не можем этого обещать. В ряде случаев нам удается оживить захиревшие было зародыши гетеросексуальных устремлений, имеющихся у каждого гомосексуала. В большинстве же случаев это уже более невозможно. Это вопрос свойств и возраста пациента. Результат лечения предсказать нельзя.

Что же касается пользы, которую психоанализ может принести Вашему сыну, то это другое дело. Если он несчастен, нервозен, раздираем конфликтами, затруднен в отношениях с другими людьми, психоанализ может дать ему гармонию, душевное спокойствие, полную эффективность, независимо от того, останется он гомосексуалом или изменится».

То же самое можно сказать и о других лечебных методах, в частности, о тех, к которым прибегал в своей работе Иванов, использовавший элементы психоанализа, но не опиравшийся на него всецело. Есть, как мы видим, программа-максимум и программа-минимум. Если сравнивать жизнь Игоря до и после лечения, программа-минимум дала стопроцентный успех. Человек вздохнул свободно, почувствовал вкус жизни, перестал стыдиться самого себя. В чисто житейском плане он много потерял, уехав из Ангарска, но ни минуты не жалел об этом – какие еще требуются доказательства? Но сверх того существенные изменения произошли в нем и по меркам программы-максимум. И этому нужно радоваться не только из тех соображений, что он перестал выглядеть и ощущать себя белой вороной, хотя и это немаловажно. Вдумаемся в слова Фрейда о захиревших зародышах гетеросексуальности: если удалось их оживить и активизировать, значит, и прежде они были не окончательно похоронены и непременно давали о себе знать – смутной тоской, неудовлетворенностью.

Иногда я завидую хирургам. При всей сложности задач, которые им приходится решать, их прогнозы отличаются завидной определенностью. Они заранее знают, когда успех им обеспечен, при ничтожно малой вероятности неожиданных осложнений, когда, наоборот, шансов почти нет и борьба продолжается ради права сказать себе, что сделано было все

возможное. В нашей работе все непредсказуемо: и сколько продлится лечение, и что оно даст. Полная неизвестность и в том, как далеко отступит болезнь, не напомнит ли о себе новыми обострениями. Это относится ко всем больным, но даже на таком фоне гомосексуалы отличаются туманностью прогноза. Возможно, это тоже одна из причин, почему их сторонятся многие врачи.

Множество раз убеждался я в правоте Фрейда, придававшего, как мы видели, решающее значение возрасту пациента. Но парадокс заключается в том, что в ранней юности, когда шансы на успех значительно выше, мальчики чаще всего приходят лечиться не по своей воле. Их еще жареный петух не клевал, у них нет того внутреннего порыва к освобождению, какой обычно возникает позже. Сплошь и рядом они пытаются затеять с врачом примитивную игру: вы делайте вид, что меня лечите, а я сделаю вид, что лечение мне помогает.

Игорь Семенович Кон в своей книге издевательски цитирует отечественных сексопатологов, рекомендовавших перестраивать личность гомосексуалов с помощью аутогенной тренировки. Больше всего, видимо, его задевает, что сексуальное влечение к лицам собственного пола специалисты называют патологическим. К тому же мысли свои они выражают в такой казенной, заскорузлой форме, словно бы речь идет не о трепетных духовных субстанциях, а о замене проржавевшего коленвала в тракторном двигателе. «У пациента формируется адекватное эротическое отношение к противоположному полу (к достигнутому ранее добавляются чисто сексуальные элементы)» – ну кто же догадается, что речь идет о способности человека влюбиться! Но если пробиться к смыслу этого высказывания, иронизировать окажется не над чем. Психотерапевт может поставить перед собой такую цель и может ее достичь – если это совпадает с истинным желанием пациента. И аутогенная тренировка, как один из многих элементов психологического воздействия, оказывается нередко очень даже полезной.

Большинство психотерапевтических методик начинаются с подготовительного этапа, который должен привести пациента в состояние, как называл его Иванов, сексуального психологического вакуума. Так же, как смотрит он на женщин, – холодно, спокойно, равнодушно, – он должен начать смотреть и на мужчин. Не думать о них плохо, боже упаси, не пытаться пробудить в себе злые чувства.

Это адски сложная задача. Человек может запретить себе ходить на свидания, может, следуя советам врача, перестать посещать бани, общественные туалеты. Но есть вещи, над которыми он не властен. Он не может управлять своими

сновидениями. Он не может ослепнуть и не выдавать острую эмоциональную реакцию на промелькнувшее в толпе лицо – а она, признаются наши пациенты, бывает порою так сильна, что мгновенно начинается эрекция. И невозможно запретить себе вспоминать. Ну как оборвать эти наработанные всем ходом жизни ассоциативные связи, по милости которых любая мелочь, случайное слово, запах моментально оживляет в душе образы, чувства?

Ян Голанд, превосходный врач, работавший вместе с Ивановым, прибегал к гипнотическому внушению. Я же пошел по другому пути – той самой гормонотерапии, о которой так не лестно отзывался Кон. Конечно, сами по себе инъекции гормонов никакого волшебства не совершают. Но когда человек борется с собой, ему очень помогает отключение стихийной силы, бушующей в его организме. В иных случаях правильно рассчитанные дозы антиандрогена снижают половой инстинкт чуть ли не до нуля.

Лечение – занятие трудное и малоприятное. А между тем жизнь пациента в этот период должна быть как можно более активной, насыщенной. Я считал, что судьба за нас, когда в этот период у пациента шла полоса везения или что-то новое появлялось на работе, разгоняющее будничную рутину. Конечно, очень важно было добраться до первоистоков, распутать все ниточки, образующие сложную канву сексуальных реакций. Мне это было необходимо, чтобы правильно построить свою стратегию и тактику, но и пациентам помогало, укрепляя в них уверенность в успехе. То, что имело начало, может иметь и конец.

О том, что этот этап близок к завершению, легко судить по общему состоянию: оно становиться ровным, жизненный тонус повышается. Уходят мотивы самобичевания и жалости к самому себе. Самым тонким диагностическим признаком я считаю исчезновение эротических фантазий и снов. Показательно и отношение пациента к вспышкам желания, которые при любой терапии могут быть вызваны какими-то внешними провоцирующими обстоятельствами. Поначалу это травмирует, вызывает страх, панику, стыд, чувство безнадежности: «я неисправим». Но постепенно включается рассудок и полностью берет ситуацию под контроль.

Состояние социально-психологического вакуума так же непривычно и неестественно для человека, как и физическое пребывание в невесомости. Ян Голанд, на основании своего обширного опыта, систематизировал наиболее часто встречающиеся типы реакций, зависящие и от личных особенностей пациента, и от характера глубинных мотивов,

подвигнувших его на лечение. Это может быть радость освобождения, подкрепляемая горделивым сознанием победы над собой, – и, наоборот, уныние, тревожное ощущение пустоты: «я стал бесполым». Иногда человеком овладевает апатия, покорность, он пассивно отдается течению событий и не старается заглянуть вперед. Но реакция может быть и негативной – с чувством неблагополучия, беспокойства, с частой сменой настроений, со страхом «потерять самого себя». Эти состояния бывают относительно стабильными, но случается и так, что одна реакция сменяется другой, и мучительные метания определяют суть переживаний. В безусловном выигрыше оказываются рационалисты, прагматики, у которых доминирует интеллект, а эмоции напоминают хищного зверя, посаженного на цепь.

На втором этапе проблема заключается в том, чтобы подтолкнуть к развитию захиревшие зачатки гетеросексуального влечения, по терминологии Фрейда. Это принципиально важный момент. Мы не можем вложить в человека то, чего в нем нет и не было.

Мне очень помог опыт, полученный в ходе работы по смене пола при гермафродитизме. Благодаря ему я стал точнее понимать не только прямые связи – от глубинной сути человеческого естества к внешним, поведенческим формам его проявления, но и обратные – от поведения к ядру личности. Это очень пригодилось в лечении гомосексуалов, вплоть до того, что оказалось возможным использовать отдельные элементы методики. Например, ролевые игры. Вот женщина, которую ты должен уговорить – ну, хотя бы съездить с тобой на пикник. Мы знаем, что она тебе не нужна, неинтересна – но ты же видел, как ведут себя в таких случаях мужчины, что они говорят, какое у них выражение лица, какие жесты, как они взаимодействуют с партнершами. Постарайся «прочесть» ее поведение – где она искренна, а где хитрит, кокетничает, чем ее можно к себе расположить. При первых попытках выполнить это игровое задание пациенты чаще всего напоминают людей, попавших в иноязычную среду: ты не понимаешь, что тебе говорят, и сам не можешь ничего высказать. Но как там, так и здесь, начиная с элементарных слов и выражений, постепенно появляется возможность контакта.

Равнодушие мужчины-гомосексуала к женщине – это очень сложное психологическое образование, но многое в нем держится именно на незнании, непонимании. Игра восполняет этот пробел.

Ян Голанд сделал другое важное открытие: он обнаружил у гомосексуалов значительную деформацию эстетических восприятий. Это резко отличает их от гетеросексуалистов, хотя

подметить разницу нелегко. Обычные люди, не испытывающих эротических влечений к подобным себе, в эстетическом плане достаточно всеядны. Мужчины отличают красоту мужского лица, фигуры, эстетический компонент присутствует и в оценке характера, поведения – говорим же мы о душевной красоте, о красивых или безобразных поступках. То же самое можно сказать и о женщинах. Поэтому стороннему наблюдателю трудно даже представить себе, до какой степени может у гомосексуала отсутствовать это общечеловеческое свойство. Женская внешность кажется ему или никакой, или даже уродливой. Видимо, в ходе развития сексуальности по этому типу все смежные реакции тоже блокируются. Чем отличается Клаудиа Шиффер от какой-нибудь несчастной дурнушки? Гомосексуал может вполне искренне сказать, что ничем.

Как сделать его зрячим? Есть методика лечения, в котором выделен особый этап – формирование эстетического восприятия женщины. Это долгий и сложный процесс, повторяющий в основных чертах путь эстетического развития ребенка, – но с поправкой на мощную силу сопротивления. Эстетическая бесчувственность нередко скрывает в себе большой отрицательный заряд: пациент видит в женщине низшее, неполноценное существо, считает ее опасной. Многие гомосексуалы стараются так устроить свою жизнь, чтобы не соприкасаться с женщинами даже в нейтральной, служебной или бытовой обстановке. Мне приходилось работать с пациентами, которые просили избавить их от влечения к мужчинам и на этом остановиться – исключить из своей жизни секс казалось им наилучшим выходом из положения.

В распоряжении врача должен быть поистине неисчерпаемый изобразительный материал – репродукции шедевров живописи, фотографии. Особая наука – как подбирать их для каждого человека, в какой последовательности предлагать. Пациент, дисциплинированно занимающийся аутотренингом, выполняет десятки разнообразных упражнений, приучая себя вылавливать в толпе лица и фигуры, приближающиеся к эталонам женской красоты. Долго, очень долго у него ничего не получается, он по-прежнему холоден; риск, что он разочаруется и полностью утратит веру во врача достигает в этот момент наивысшей отметки. И вдруг что-то меняется. Взгляд случайно падает на телеэкран, на страницу иллюстрированного журнала – и возникает непривычный эмоциональный отклик. Облик женщины кажется красивым, приятным, хочется всматриваться в него, чтобы продлить это удовольствие. До полнокровной эстетической реакции, не говоря уже об эротической, отсюда – как до Луны. Но

все равно этот миг – решающий. Он означает, что несокрушимый психологический блок дал первую трещину.

Как бы мы ни усердствовали в разработке методик, завершающий этап лечения представляет собой чистую лотерею. Повезет или не повезет? Чет или нечет? Я могу усилить обозначившееся влечение к женщине различными способами, включая и гормонотерапию. Но никак не могу повлиять на то, какие женщины встретятся моему пациенту на жизненном пути, как ответят на его к ним интерес, во что разовьются их отношения. Принесут они ему то, что называют обычно простым человеческим счастьем или пополнят горестный перечень разочарований и обид, заставивших его однажды искать помощи у врача?

Так можно ли вылечить гомосексуализм? Как видите, я отвечаю на этот вопрос утвердительно. Но ответ приходится сопроводить таким количеством оговорок, что от оптимизма мало что остается. Затраты – колоссальные: времени, сил, не в последнюю очередь и денег – сам пациент или какой-нибудь страховой фонд, но кто-то же должен оплатить всю эту огромную, в высшей степени «штучную» работу! А результат – проблематичен. Может вообще ничего не получиться. А может быть и так, что врач посчитает свою миссию выполненной, а пациент не найдет в обретенном им сексуальном статусе ничего хорошего. Случаев, чтобы люди как бы застревали между двумя мирами, у меня не было, но в принципе они вполне возможны. Сексуальность – материя исключительно тонкая.

Так, может быть, и вправду игра не стоит свеч? Тем более – если уверовать в то, что общество находится в состоянии перехода в новое качество, когда знаменитый лозунг Мао Цзедуна «Пусть расцветают сто цветов» станет ведущим принципом жизни…

И все же повременим еще немного с окончательным решением. У нас осталась еще непроясненной важнейшая проблема генеза, происхождения сексуальной перверзии. Наибольший интерес, естественно, представляют новейшие теории, но для полноты картины необходим хотя бы беглый взгляд в прошлое.

От крыс к человеку

Самые ранние исследования, носившие преимущественно описательный характер, и сегодня сохраняют немалую ценность благодаря трепетному отношению ученых к фактическому материалу. Задолго до первых попыток найти этим фактам объяснение были отмечены и систематизированы «телесные и духовные особенности» гомосексуалов, лежащие далеко за пределами собственно половой жизни.

Было, например, установлено, что принадлежность к третьему полу дает о себе знать с самых ранних лет. Хорошо уже нам знакомая по жизнеописаниям гермафродитов ситуация повторяется и здесь: мальчики не похожи на остальных мальчиков, девочки – на девочек. У них нетипичное для их пола телосложение, повадки, они удивляют окружающих своими предпочтениями в играх и в отношениях со сверстниками. Отношения эти редко складываются безоблачно: детская среда отторгает ребенка, не похожего на других. Это, к слову сказать, заставляет задуматься о том, можно ли в принципе надеяться на стопроцентную социальную адаптацию гомосексуалов: ведь психология отверженных начинает складываться у них задолго до того, как они проявят себя в любовном партнерстве, а общество продемонстрирует к этому нетерпимость или лояльность.

Раньше всех обратили на себя внимание и подробнее были описаны эфеминированные, женоподобные урнинги. Осознание того, что есть и другой, противоположный тип, стало важным этапом в изучении явления. Но и эту группу, численно не уступающую первой, объединяет не только сексуальное поведение. «Из 1500 гомосексуалов, – писал Гиршфельд, – я не встретил ни одного, который не отличался бы в физическом и духовном отношении от настоящего мужчины, и я не поверю в его существование раньше, чем мне удастся лично убедиться в этом». Подразумевались под этим более мягкие черты лица, особенно заметные, если сбрить бороду, жировые отложения, делающие контуры тела мягкими и округлыми, невыявленность мускулатуры, чистая и нежная кожа. Иван Блох, посетивший бал урнингов, где во множестве присутствовали декольтированные «дамы», был поражен белизной кожи на шее, груди и спине и почти такой же, как у женщин, плавной линии плеча.

Гиршфельд утверждал, что у большинства урнингов кожа теплее, чем у нормальных людей. К любопытным выводам приводили антропометрические выкладки. У гетеросексуальных мужчин наибольший объем имеет плечевой пояс, в тазу мужская

фигура намного уже. У женщин – наоборот. У гомосексуалов, хоть и не у всех, в плечах и в области таза объем одинаков или почти одинаков. Гиршфельду, считавшему, что различия между полами нарастает постепенно, а гомосексуалы по каким-то причинам не успевают пройти этот путь до конца, эти измерения помогали утвердить свой взгляд: даже в строении тела урнинги оказывались где-то в промежутке между двумя полами.

Врачи обращали внимание на множество деталей, которыми современное научное мышление, сосредоточенное на глубоких закономерностях, обычно пренебрегает. Для эфеминированных гомосексуалов считались характерными густые пышные волосы. Среди принадлежащих к другому типу чаще встречались лысые. Женоподобие усматривалось в характерной семенящей походке, кокетливости движении и мимики, а также в том, что урнинги дольше сохраняли во внешности юношеские черты.

Среди вторичных половых признаков, выдававших промежуточное положение третьего пола, обращалось внимание на голос. «У гомосексуалистов голос с наступлением половой зрелости вообще не меняется или же меняется весьма поздно, – писал Блох. – Кроме того, у них долго сохраняется способность петь сопрано или фальцетом. Я вспоминаю теперь, что уже много лет тому назад меня поражал в одном моем товарище по университету его высокий голос. И лишь теперь я в состоянии поставить это явление в связь с его отвращением к половому общению с женщинами, с его нечувствительностью к женской очаровательности вообще, и на этом основании поставить абсолютно верный диагноз».

Людям, считающим прирожденными мужскими чертами рациональность, волю, решительность, а душевную мягкость и сентиментальность связывающим с женским началом, гомосексуал и психологически видится существом, занимающим промежуточное положение между двумя полами. Он живет больше чувством, чем умом, хорошо приспосабливается к обстановке и к людям, добродушен, услужлив, отличается богатой фантазией. «В области изящных искусств, начиная от гастрономии и художественного вязания и кончая скульптурой, мы находим среди урнингов много выдающихся талантов», – утверждал Гиршфельд.

Платоническая любовь, то есть чувство без чувственности, для нас – явление редкое, не совсем понятное, но мы безоговорочно относим его к гетеросексуальным парам. Сто лет назад, как я убедился, это понятие широко применяли к гомосексуалам, защищая их от обвинений в грубом разврате. Ссылались на Гете, который вывез из поездки в Италию много

впечатлений о странном явлении – любви мужчин друг к другу. «Предполагая, что она редко доходит до высших ступеней чувственности, а остается на средней полосе между влечением и страстью, я могу сказать, что прекраснейшие образцы, которые дает нам только греческая старина, я видел здесь собственными глазами и как внимательный естествоиспытатель мог изучать их психическую и нравственную сторону». Эта готовность удовлетвориться идеальной стороной любви тоже роднила урнингов с женщинами, которым приписывалась в ту эпоху сексуальная заторможенность.

Я не буду сейчас разбираться, что в этих наблюдениях подтвердилось позднейшими исследованиями, а что осталось достоянием истории науки, того ее этапа, когда проблемы только еще формулировались, а с какой стороны браться за их разрешение, было непонятно. Наблюдения подсказывали, что гомосексуальность должна быть как-то запрограммирована биологически. Но какой биологический фактор заставляет этих людей жить по особому закону и даже наделяет их специфическими признаками? Его действие было очевидно: он меняет не просто поведение, а само направление полового инстинкта. Но нащупать его не удавалось – он явно не был связан не с половыми органами, не с репродуктивными клетками. Может быть, это какое-то вещество, которое присутствует в организме, управляя сексуальными проявлениями? У гомосексуалов состав этого вещества видоизменен, и это сказывается на выборе объекта влечения, и даже на телесных и психологических особенностях человека?

Так призрак эндокринологии возник перед мысленным взором исследователей задолго до того, как она оформилась в полноправную науку и заявила о своих возможностях.

Еще в 20-е годы впечатляющие открытия в области половых гормонов заставили многих ученых объявить гомосексуальность проблемой эндокринного дисбаланса: в чем причина этих нарушений и какие именно биологически активные вещества оказываются в избытке или в дефиците, предстояло определить в ходе совершенствования исследовательских методов. Но эти надежды не оправдались, хотя накопление данных о гормональной составляющей пола шло семимильными шагами. Интерпретировать гомосексуальность как следствие гормональных сдвигов или аномалий эти данные не позволяли. Повышение или понижение уровня половых гормонов в организме влияет на силу полового влечения, на сексуальную активность, но не меняет присущий человеку выбор объекта.

Не сосчитать, сколько раз в самой категорической форме

делались заявления о том, что эндокринные факторы никак не задействованы в формировании гомосексуальных наклонностей. И почти сразу же появлялись сообщения о новых исследованиях, ставящих этот вывод под сомнение. Их было недостаточно для того, что мы называем переворотом в науке, к тому же многие из этих опытов были поставлены на животных. Но они давали огромный стимул для дальнейшей работы.

Приведу несколько примеров, чтобы понятнее было, о чем идет речь.

Мы с вами уже говорили о том, какая важная роль принадлежит гормонам в процессе внутриутробного развития. Но есть, как оказалось, особый, критический период, когда зародыш максимально восприимчив к андрогенам и эстрогенам. Под влиянием гормонального дисбаланса, наступившего именно в этот момент, в будущем разительно меняется сексуальное поведение особи, нередко – в сторону гомосексуальности, насколько применим данный термин, допустим, к крысам. Мани, один из крупнейших теоретиков в этой области, утверждал, что если есть гормональный код однополой любви, то закладывается он не в пору полового созревания, не в детстве и не в младенчестве, а во чреве матери, хотя добраться до него и расшифровать пока не представляется возможным.

Из множества гормональных исследований гомосексуалов, проведенных за последние годы, ни одно не показало их полной идентичности с гетеросексуальными мужчинами и женщинами. Различия улавливаются даже между людьми, у которых влечение к своему полу выражено в разной степени.

Обследуются трое мужчин и четыре женщины. Во всех случаях отмечены нарушения – кроме одного. Но этот случай единственный мужчина был бисексуален. Было подобрано несколько контрольных групп – и каждый раз результаты подтверждались. Высказано предположение, что отклонения в уровнях тестостерона, эстрогена и лютеинизирующего гормона вызваны влиянием на гипоталамус психологических факторов.

Еще один эксперимент. В моче гомосексуалов зафиксировано ненормальное количество двух важных продуктов распада тестостерона – этнохоланолона и андростерона. Выдвинута гипотеза об особом метаболическом состоянии, связанном с влечением обоих полов к женщинам.

У 15 здоровых гомосексуалов, проживающих в общежитии университета, обнаружилась пониженная концентрация тестостерона в плазме, а у многих впридачу – нарушение сперматогенеза. Эта работа заставила задуматься о функционировании цепи: половая железа – гипофиз –

гипоталамус. Возникла также мысль о присутствии какого-то не идентифицированного пока еще фактора, определяющего физические и личностные характеристики третьего пола.

Повторение этих опытов в других лабораториях вызвало серьезные разногласия. Одни исследователи получили тот же самый результат, у других он не подтвердился, но зато выявились новые типы отклонений. Единственным бесспорным достижением этого этапа было уточнение аналитических методик: подбор испытуемых и контрольных групп, исключение других биологических причин, способных повлиять на эндокринный статус человека.

В дальнейшем от исследования к исследованию мы видим, как быстро они развиваются вширь и вглубь. В отчетах появляются все новые и новые названия гормонов, все больше проявляется сложнейшая картина их взаимодействия. Делаются попытки взять под наблюдение весь гормональный спектр, работу всей эндокринной системы. Но одновременно нарастают и трудности. Высочайшая пропускная способность современных лабораторий оказывается порой недостаточной для обработки огромных объемов материала, полученного методом множественных проб через короткие промежутки времени. И все более сложный задачей становится обобщение и интерпретация данных.

В особую проблему выливается организация эксперимента. В силу своих психологических особенностей далеко не все гомосексуалы соглашаются «послужить науке»: на многих, как мы уже поняли, само приглашение действует, как на быка красное. А требования к подбору испытуемых и участников контрольных групп постоянно усложняются. Учитывается соответствие по возрасту, полу, росту, весу, образованию, интеллекту, заболеваемости, использованию наркотиков. Полностью должна быть исключена психопатология, за исключением тревожности – хорошо бы обойтись и без нее, но это, как выяснилось, неизменный спутник гомосексуалов. Принимается во внимание психосексуальная история, частота половых актов, способность к оргазму. Фиксируются особенности биоритмов, вплоть до суточных и почасовых.

Первый немецкий исследователь гомосексуальности, ганноверский асессор Карл Генрих Ульрихс, тот самый, который сделал попытку узаконить ее родство с Афродитой Уранией, ввел в обиход формулу «женская душа в мужском теле» (сейчас ею активно пользуются транссексуалы). Над Ульрихсом долгое время посмеивались: душа – это мозг, а что такое женский мозг – извините, не знаем. Но исследования самого последнего времени

подтвердили правоту Ульрихса.

Теория «критических моментов» в развитии мозговых структур была дополнена открытием феномена импринтинга, «запечатления». В жизни это явление нагляднее всего можно пронаблюдать на поведении животных. Утятам, вылупившиеся из яйца, инстинкт повелевает следовать за матерью-уткой. Если в этот момент заменить утку курицей или хотя бы движущейся игрушкой, утята пойдут за ней, и в дальнейшем этот выводок ни на родную мать, ни на других уток не будет обращать внимания. Когда формирующийся мозг подвергается экстраординарному гормональному воздействию и это совпадает с одним из критических периодов, мозговые центры, управляющие эндокринной функцией и поведением, запечатлевают полученную команду навсегда.

Серия опытов над крысами позволила немецким ученым выдвинуть оригинальную модель развития гомосексуальности. Оказалась, что центры, регулирующие процессы спаривания, у самцов и у самок расположены в разных участках гипоталамуса. Имплантация половых гормонов в эти области стимулирует у самцов и у самок сексуальное поведение, а механические травмы такое поведение тормозят. Удалось установить, что разным полам соответствуют разные нейронные рефлексы.

Комбинируя мужские и женские гормоны, а также время их взаимодействия, ученые получили такую картину. Генетические самцы, которыми в период развития гипоталамуса переживался временный дефицит андрогенов, компенсированный во взрослом состоянии, сексуально возбуждаются самцами. Но эту эндокринно обусловленную гомосексуальность можно предотвратить, если вводить им андрогены в критический период дифференциации гипоталамуса.

Чем выше уровень андрогенов на этой стадии, тем выраженнее мужское и слабее женское поведение у взрослых особей, независимо от генетического пола. Дефицит андрогенов у самцов и преизбыток их у самок может быть количественно разным. В зависимости от этого еще до рождения формируется нейроэндокринная предрасположенность к гипосексуальности, бисексуальности и гомосексуальности.

Повышение уровня андрогенов в критический период гипоталамической дифференциации вызывает увеличение ядерных объемов нейронов в центрах, отвечающих за спаривание у самцов, и уменьшение этих объемов в центрах, отвечающих за спаривание у самок.

Самцы крыс, кастрированные вскоре после рождения, демонстрируют выраженное «женское» поведение, если во

взрослом состоянии давать им эстрогены. Тот же эффект может быть получен при введении антиандрогена зародышам самцов. Позитивное реагирование на эстроген свойственно и гомосексуалам мужского пола. Это заставляет вспомнить и закономерности схожих эндокринных процессов у человека. У мужчин-гомосексуалов и у женщин инъекция соединений эстрогенов вызывает первичное уменьшение уровня лютеинизирующего гормона в плазме. У гетеросексуальных мужчин и бисексуалов этого не происходит. Напрашивается мысль, что гомосексуальность у мужчин может быть связана с мозговой дифференциацией по женскому типу.

Несколько слов о крысах-самках. Нарушая разными способами предусмотренные природой баланс мужских и женских гормонов в «критический период», можно вызвать у них бесплодие, нейроэндокринную предрасположенность к гипо-, би. и гомосексуальности. При сочетании передозировки андрогенов до и после рождения происходит полная маскулинизация сексуального поведения самок.

Далеко не все работы, которые выполняются на животных, могут быть повторены на человеке. Но проверять действие уже имеющейся модели несравненно проще, чем шарить впотьмах. Так появилась гипотеза о зависимости гомосексуальности от дефицита образования андрогенов и связанном с этим изменением чувствительности органов к нормальным уровням мужских гормонов. Считается, что это может иметь решающее значение между четвертым и седьмым месяцами беременности: формирование половой системы, как мы помним, уже завершено, то есть появление на свет гермафродита исключается, а мозговые структуры находятся в процессе интенсивного развития.

Попытаемся теперь «встроить» этот фрагмент в уже известную нам последовательность половой дифференцировки. Пол человека определяется генетически, но половые хромосомы не программируют психосексуальный статус. Их действие заканчивается на этапе превращения «нейтральных» зародышевых гонад в яичке или в яичники. Затем вступает в силу принцип (его иногда называют принципом Адама), согласно которому первично идет развитие по женскому типу и необходимо что-то добавить для переориентации на мужской тип. Прежде всего принцип Адама реализуется через Y-хромосому, точнее – через слитую с ней особую субстанцию, H-Y антиген: под ее влиянием образуются яички, и их гормональная секреция продолжает формирование репродуктивной системы в соответствии с мужским полом. В то же время андрогены оказывают программирующее воздействие и на мозг, регулируя в конечном

итоге секреторную деятельность гипофиза и закладывая на будущее базу психосексуальности. Если рассматриваемая гипотеза верна, колебания в силе гормонального воздействия изначально делают ее многовариантной.

Однако, впереди еще долгий путь развития. Биологическая основа создает предрасположенность к сексуальной перверзии, но не делает ее неизбежной. Должен подключиться еще целый ряд факторов, и биологических, и социальных, причем, на определенных этапах социальные начинают главенствовать, подминая под себя и биологию.

Какой же практический смысл всех важных открытий? Не раз за истекшие десятилетия горячие головы предлагали опробовать превентивные меры против гомосексуальности, например, введение плоду андрогенов в тот самый роковой период, когда их может катастрофически не хватить для нормального формирования «мужского» или «женского» мозга. Но сразу же раздавались голоса, протестующие против такого научного авантюризма. Мы еще слишком мало знаем, чтобы вмешиваться в тончайшие процессы биологической регуляции. Пока что с уверенностью можно сказать только одно: отрицать эндокринную природу гомосексуальности и на этом основании прекратить поиски было бы не простительной ошибкой.

К гипотезе о решающей роли внутриутробного дефицита андрогенов я отношусь с большим доверием, хоть и вижу в ней немало нестыковок. Хотелось бы, в частности, больше узнать, о том, что же вызывает этот гормональный дисбаланс. В лабораторных опытах он создается искусственно. В естественных условиях, идет ли речь о животных или о людях, причиной может послужить стресс, переживаемый матерью, нарушение эндокринных процессов в ее организме, заболевание, прием лекарств – но все это можно рассматривать как внешнее воздействие на плод. Меня же интересуют те гормональные реакции, которым природа назначила идти в режиме самообеспечения. Может ли на этом уровне возникнуть дефицит андрогенов? А если да, то что его вызывает? Предполагалась одно время возможность генетического (генного, а не хромосомного) влияния на гонады плода, вызывающего аномалию их секреторной деятельности. Эту мысль подкрепляют многочисленные наблюдения над ближайшими родственниками гомосексуалов, заставляющие заподозрить присутствие факторов наследственности.

Рассматривая генеалогическое древо своих пациентов, я постоянно видел, что не одни они такие в своем семействе, что вообще в обозримой истории их рода присутствует некая

отягощенность – безбрачие, бесплодие, склонность к выкидышам составляют постоянный жизненный фон. Сейчас о генетических корнях гомосексуальности говорят скорее скептически. Но для меня очевидно одно: гормональная аномалия – это скорее всего ответ на какую-то ситуацию в организме, даже если этот организм находится в эмбриональной стадии. Мне трудно представить себе дефицит андрогенов как первое звено в цепи. И я не сомневаюсь, что настоящее первое звено рано или поздно будет найдено.

Еще сильнее интригует другой вопрос. Допустим, модель, которую мы разбираем, верна. Но только ли одна такая модель существует в природе? Вспоминаю праздник американских геев: какое разнообразие типов! Тут и могучие атлеты – живое воплощение мужественности, и фигуры, почти по-карнавальному сочетающие в себе мужские и женские черты, и юные херувимы – как ангелы, красивые и как ангелы же, бесполые, не мужчины – не женщины, вечные подростки.

Наблюдая за этой огромной пестрой толпой, я как никогда ясно сознавал правоту Фрейда, писавшего о гомосексуальности не как об одном, едином явлении, а об общем симптоме многочисленных состояний, различных, неравноценных в органическом и психическом отношении. Так, может быть, и биологический механизм, предопределяющий каждое из этих несхожих состояний, тоже имеет какие-то свои принципиальные особенности? И та противоречивость результатов, которой порой так ошеломляют гормональные обследования гомосексуалов, объясняется всего лишь неспособностью современной науки точно определить границы и специфику этих состояний?

Хорошо представляю себе многочисленные трудности, в особом изобилии стоящие перед этим направлением исследовательской работы. Но с врачебной точки зрения именно его считаю наиболее перспективной…

«Не упустил противоположный пол…»

«Фрейд понимал, что на чувство сексуального возбуждения влияет химическое вещество, которое сегодня нам известно как тестостерон. Он также знал, что это вещество каким-то образом участвует в определении пола у животных. Но Фрейд был далек от того, чтобы полностью осознать современные представления о хромосомном, гонадальном, гормональном и медифологическом поле и сексуальном диморфизме центральной нервной системы. Он не осознавал, какое воздействие оказывает половой стероидный гормон на мозг в перинатальный период жизни или же как он в конечном итоге влияет на эротическое и неэротическое поведение человека. Без таких знаний Фрейд не мог адекватно разработать теорию половых различий в психосексуальном развитии». Это – из предисловия к одному из многочисленных изданий Фрейда.

Неосведомленность – только один из «дежурных» упреков в адрес основателя психоанализа. Он был человеком викторианской эпохи, а потому и осознанно, и бессознательно следовал стереотипным взглядам того времени на женщину и шире – на женское начало в жизни. Он допускал слишком крупные обобщения, возводя в абсолют свой клинический опыт. Он был непоследователен даже в этих своих достаточно сомнительных взглядах…

Все это вполне сгодилось бы для эпитафии, означающей мирное прощание с научным наследием, которое не выдержало испытания временем. Но удивительно – изложить свои собственные, «адекватно разработанные», учитывающие свежайшую научную информацию взгляды на гомосексуальность не удается никому без ссылок на архаичного и непоследовательного Фрейда. Мне кажется, дело тут не только в магии великого имени. Фрейд настолько глубоко внедрен в корневую систему современных психологических теорий, что воспроизведение их без упоминания о нем превращается в самый обычный плагиат…

«Три статьи по теории сексуальности», которые Фрейд называл «маленькой работой», писались в общей сложности полтора десятка лет: впервые книга вышла в 1905 году, а при переизданиях 1915 и 1920 года была значительно дополнена. Словно бы вступая в спор со своими будущими критиками, Фрейд просит принять во внимание, что все, о чем он пишет, основано

сплошь на ежедневном врачебном опыте, углубленном результатами психоаналитического исследования; поэтому он не касается некоторых важных проблем сексуальной жизни и неизменно сторонится биологических аспектов сексуальности. Это сказалось не только на выборе, но и на расположении материала: «первостепенное значение придается моментам, зависящим от случая, а подчеркивающие предрасположения отодвигаются на дальний план… В анализе случайные переживания играют главную роль, он побеждает их почти без остатка; предрасположение же проявляется за его спиной как нечто такое, что пробудилось благодаря переживанию, но значение которого выходит далеко за пределы области психоаналитической работы».

Общий взгляд Фрейда на однополую любовь недвусмысленно проявлен уже в самом названии первой статьи – «Сексуальные отклонения», а еще больше в том, что в разработке темы она рассматривается в одном ряду с такими явлениями, которые даже безбрежный плюрализм вынужден будет признать патологическими и социально опасными: с некрофилией или влечением к нечистотам.

Не все отклонения, правда, следует считать болезненными: так можно определить только те влечения, которые при преодолении сопротивления (стыд, отвращение, ужас, боль) толкают на действия, вызывающие изумление. «Может быть, именно в самых отвратительных перверзиях нужно признать наибольшее участие психики в извращении сексуального влечения, – замечает Фрейд. – Здесь проделана душевная работа, которой нельзя отказать в оценке в смысле идеализации влечения. Всемогущество любви, быть может, нигде не проявляется так сильно, как в этих ее заблуждениях. Самое высокое и самое низкое всюду теснейшим образом связаны в сексуальности („… от неба через мир в преисподнюю“)».

Гомосексуальность, которая рассматривается первой и заметно подробнее, чем остальные, ассоциаций с адом не вызывает. Но то, что она противостоит норме, а не является одной из разновидностей нормы, как утверждают сейчас активисты движения геев и лесбиянок, это сомнению не подлежит. Фрейд даже не вступает в спор с обычаем относить ее к сексуальным извращениям, ограничиваясь тем, что сам он этих слов не употребляет. Более корректным он считает определение «инверсия». Понятием «перверзия» он тоже, как мы только что видели, пользовался, но избирательно: только когда речь шла о патологических или граничащих с патологией явлениях. В нашей научной литературе сложилась иная традиция, которой я обычно

и следую. Мы не фиксируем эти различия терминологически. Но в этой главе буду придерживаться рамок, установленных Фрейдом.

Все, кто пытался разрешить загадку гомосексуальности до него, были непоколебимо убеждены, что уж о том, что представляет собой половое влечение в норме, они знают все. Фрейд так не думал. Исключительный сексуальный интерес мужчины к женщине тоже был для него «проблемой, нуждающейся в объяснении, а не чем-то само собой понятным». Желание найти такое объяснение стояло для него на первом месте, когда он садился за эту работу, – и как для теоретика, и как для практикующего врача. Он давно понял, что «за явной ненормальностью в других жизненных отношениях всегда обычно скрывается ненормальное сексуальное поведение». Поэтому когда он пытался понять природу инверсий и перверзий, это была для него хоть и важная, но промежуточная задача, не самоцель. Решив ее, он рассчитывал раскрыть тайну обычной сексуальной жизни.

Каждый исследователь в начале пути пытается упорядочить свой материал, в особенности если он так обширен и противоречив. На этой подготовительной стадии работы Фрейд тоже идет своим особым путем. Он не цепляется за один какой-то признак, чтобы выстроить шкалу, а смело берется оперировать разными критериями, выстраивая несколько рядов.

Первый ряд – эта различная настоятельность гомосексуального влечения. Есть три основные типа.

Абсолютно инвертированные находят сексуальный объект только среди лиц одного с ними пола, противоположный пол оставляет их холодными или даже возбуждает отвращение. Такие мужчины неспособны совершить нормальный половой акт или при выполнении его испытывают никакого наслаждения.

Амфигенно инвертированные, или психосексуальные гермафродиты, отличаются тем, что их сексуальный объект может принадлежать и одинаковому с ними, и противоположному полу.

Случайно инвертированные проявляют себя в зависимости от внешних условий, главным образом – от недоступности нормального полового объекта или наличия примера. В этих случаях – при том, что обычная жизнь протекает у них нормально, – они могут избрать сексуальным объектом лицо одного с ними пола и получить в таком акте удовлетворение.

Второй ряд – отношение инвертированных к особенностям своего полового влечения. Одни из них не видят в нем ничего неестественного и непонятного и энергично отстаивают свое право следовать велениям собственной природы. Другие возмущены фактом инверсии, но поскольку преодолеть ее не в

силах, переживают происходящее с ними как болезнь.

Третий ряд – различные временные аспекты. Вариаций здесь множество. Инверсия существует всегда, сколько человек себя помнит, – или проявляется в определенный момент, до или после достижения половой зрелости, но также и в позднем возрасте, после долгих лет, ничем ее не предвещавшие. Она сохраняется всю жизнь – или временно исчезает – или составляет отдельный эпизод на пути нормального развития. Нередко наблюдаются колебания между нормальным и инвертированным сексуальным объектом. Особенно интересными Фрейд считал случаи, когда либидо менялось в смысле инверсии после психологической травмы, полученной из-за мучительно сложившихся гетеросексуальных отношений.

В одной из последующих редакций книги Фрейд наметил еще один ряд – симптомы инверсии. Их по меньшей мере два. По определению Ференци, с которым Фрейд был согласен, есть субъект-гомоэротики, чувствующие и ведущие себя как женщины, и объект-гомомоэротики, абсолютно мужественные, у которых инверсия выражается в замене объекта противоположного пола объектом одинакового с собой пола. Наблюдения показывали, что борются со своей склонностью только объект-гомоэротики, и только они поддаются психическому воздействию.

Уже сама эта подготовительная систематизация материала делает бессмысленным вопрос, по поводу которого на рубеже двух веков ломалось особенно много копий. Имеет ли инверсия врожденный характер или она приобретается? Каждый из двух ответов опирался на бесспорные факты. Если человек, сколько прожил на свете, не знал другой направленности полового влечения, то с ним все ясно – он таким родился. Или наоборот: другие гомосексуалы могут так же убедительно рассказать, когда и в связи с чем произошло их превращение (раннее, пронзившее их насквозь сексуальное впечатление), называют внешние условия, благодаря которым инверсия была спровоцирована или закреплена (военный поход, содержание в тюрьме, целибат, опасности гетеросексуального общения и т. п.). Но в обоих случаях за бортом остается множество других фактов, отказывающихся укладываться в прокрустово ложе избранной схемы. Это требовало огромных затрат мыслительной энергии на всякого рода искусственные построения. Блох, например, все разновидности инверсии, которые нельзя было назвать врожденными, объявил псевдо-гомосексуализмом (точно так же считали псевдо-гермафродитизмом те типы двуполости, которым не находилось пока удовлетворительного объяснения). Благодаря этим уловкам теория приобретает видимую стройность, но для

понимания это мало что дает.

В изложении Фрейда эта мучительная альтернатива исчезает, благодаря чему наше видение сразу же приобретает объем. Принципу врожденности, оказывается, вовсе не противоречат многочисленные воспоминания о точках, послуживших началом. Более того, в психоанализе открывается, что эти ранние переживания есть практически у всех, просто их не всегда сохраняет сознательная память. С другой стороны, из людей, испытавших в раннем возрасте провоцирующие сексуальные влияния (совращения, взаимный онанизм) далеко не у всех возникает гомосексуальная склонность. Следовательно, что-то в самом индивиде должно идти навстречу этим влияниям.

Параллельно с извечным представлением, что человек может быть или мужчиной, или женщиной, на рубеже веков уже имело немало сторонников и учение о бисексуальности. Как не раз случалось и до, и после, ненормальность неожиданно облегчила понимание нормального образования. Научные наблюдения за гермафродитами открыли исследователям глаза на то, что в каждом нормально устроенном организме, мужском или женском, имеются зачатки аппарата другого пола, сохранившиеся как рудиментарные органы без функции или преобразовавшиеся и взявшие на себя другие функции. Весьма естественно, говорит Фрейд, было перенести этот взгляд на психическую область и посчитать инверсию выражением психического гермафродитизма. Но до появления психоанализа телесные формы, душевные качества (характер, влечения) и сексуальная инверсия представляли собою нечто вроде трех сосен, в которых так легко бывает заблудиться. Одно с другим и третьим совпадало или не совпадало в таких причудливых комбинациях, что проблема все больше и больше запутывалась. С тем, что бисексуальное предрасположение существует, Фрейд был полностью согласен, но кто ему подвержен и в чем конкретно оно состоит – в этом как раз и следовало разобраться.

Двигаясь тем же многообещающим путем – не от нормы к отклонению, а от отклонения к норме – Фрейд разворачивает грандиозную панораму интимной жизни, и чем дальше он уходит, тем более зыбкой становится граница между «всеми» и «некоторыми». «Викторианское» предубеждение, свойственное не только Фрейду персонально, но и всей его эпохе, порой и в самом деле дает о себе знать. Сейчас даже в самых невинных руководствах по сексуальной технике оральная и анальная эротика преподносятся, что называется, на голубом глазу: если вы любите друг друга, никакое прикосновение не может считаться ни стыдным, ни непотребным. Сто лет назад «переход за

анатомические границы» приравнивался к содомии (совокуплению с животными) или к садизму. Воспитание выдвигало, как барьер, стойкую реакцию отвращения, которую сексуальному влечению не так-то просто было преодолеть. Фрейд не считал эту реакцию безусловной. «Пусть не истолкуют как известное пристрастие с моей стороны замечание, что оправдание этого отвращения тем, что эта часть тела служит выделениям и приходит в соприкосновение с самым отвратительным – с экскрементами, – не более убедительно, чем то оправдание, которым истеричные девушки пользуются для объяснения своего отвращения к мужским гениталиям: они служат для мочеиспускания», – с нескрываемой иронией говорит он о неприличии заднего прохода как особой эрогенной зоны. Тем не менее, на нарушении анатомических границ лежала печать преверзии, и с этим приходилось считаться.

Остальные сексуальные отклонения, подвергнутые анализу, и в наше дни, пожалуй, остаются за гранью. Замена сексуального объекта малопригодной для этих целей частью тела (нога, волосы) или даже неодушевленным предметом, – замена, которая «вполне правильно приравнивается к фетишу, в котором дикарь воплощает своего Бога». Ощупывание и разглядывание. Садизм и мазохизм… Но обратимся к ежедневному опыту – и увидим, что «большинство нарушений, по крайней мере наименее тяжелые из них, составляют редко отсутствующую часть сексуальной жизни здорового человека, который и смотрит на них так, как и на другие интимности… В большинстве случаев мы можем открыть болезненный характер перверзии не в содержании новой сексуальной цели, а в отношении к нормальному: если перверзия появляется не наряду с нормальной сексуальной целью и объектом, когда благоприятные условия способствуют нормальному, а неблагоприятные препятствуют ему, а при всяких условиях вытесняет и заменяет нормальное; мы видим, следовательно, в исключительности и фиксации перверзии больше всего основания к тому, чтобы смотреть на нее как на болезненный симптом».

Еще одним важным источником знания о сексуальном влечении послужили наблюдения над половой жизнью людей, страдающих различными психоневрозами. Казалось бы, ход очень рискованный: считается, что переживания больных могут не иметь ничего общего с переживаниями здоровых. Но психоанализ доказал, что психоневрозы являются результатом действия сексуальных влечений. Реальное сексуальное требование вступает в конфликт с душевными силами, противодействующими его удовлетворению, и либидонозное стремление превращается в

симптом. Рубль можно конвертировать в доллар, а потом опять превратить его в рубль. Так и тут – психоанализ дает возможность совершить ту же операцию: вернуться от симптома к породившему его влечению.

Как показал многолетний опыт, среди влечений, давших толчок заболеванию, преобладают «извращения». «Невроз является, так сказать, негативом перверзии».

«У всех невротиков (без исключения) находятся в бессознательной душевной жизни порывы инверсии, фиксации либидо на лицах своего пола… Всегда имеется эта бессознательная склонность к инверсии, и особенно большие услуги оказывает эта склонность при объяснении мужской истерии…

У психоневротиков можно доказать наличие в бессознательном, в качестве образующих симптомы факторов, различных склонностей к переходу анатомических границ, и среди них особенно часто и интенсивно таких, которые возлагают роль гениталий на слизистую оболочку рта и заднего прохода».

Известно, как много в каждом поколении невротиков. Известно также, через какое множество промежуточных состояний, непрерывным рядом, неврозы переходят в здоровье. Да есть ли вообще на свете люди, не имеющие никакой предрасположенности к инверсиям? Вывод Фрейда – таких людей нет. «Речь идет о врожденных, данных в конституции, корнях сексуального влечения, развившихся в одном ряде случаев до настоящих носителей сексуальных действий (перверзий), а в других случаях испытывающих недостаточное подавление (вытеснение), так что обходным путем они могут как симптомы болезни привлечь к себе значительную часть сексуальной энергии; между тем как в самых благоприятных случаях, минуя обе крайности, благодаря влиянию ограничения и прочей переработки, развивается так называемая нормальная сексуальная жизнь».

Чтобы рассмотреть, что представляют собой и как ведут себя эти зародыши перверзий, обусловленные конституционально, следует обратиться к самому раннему периоду человеческой жизни. Инфантильная сексуальность – тема второй из трех статей, составляющих книгу.

Пожалуй, ни одно из открытий психоанализа не вызвало такого шока и озлобленного сопротивления, как подробное описание сексуальной жизни ребенка, начало которой практически совпадает с его появлением на свет. Ребенок считался воплощением чистоты и непорочности. Взрослым людям, угнетенным сознанием собственной греховности, легче

было мириться с собой, думая, что и в их жизни было время, когда ни в действиях, ни в мыслях к ним не могла прилипнуть никакая скверна. Преждевременные сексуальные проявления – эрекция, мастурбация, наивные попытки коитуса – не проходили незамеченными, но они говорили только об испорченности данного ребенка – паршивой овцы – и не меняли общего умиленного отношения. В течение долгого времени авторитет психоанализа подрывало упорное нежелание массового сознания расстаться с этой прекрасной иллюзией.

Первое сексуальное действие в нашей жизни – сосание. Поначалу оно просто присоединяется к сладостным ощущениям, связанным с утолением голода, со вкусом молока. «Кто видел, как ребенок, насыщенный, отпадает от груди с раскрасневшимися щеками и с блаженной улыбкой погружается в сон, тот должен будет сознаться, что эта картина имеет характер типичного выражения сексуального удовлетворения в последующей жизни». Затем эротический компонент отделяется от потребности в принятии пищи. Ребенок сосет соску, игрушку, но еще охотнее – собственный палец или другую часть своей кожи. Этим он приобретает независимость от внешнего мира и как бы создает себе еще одну, малоценную эрогенную зону. На примере сосания Фрейд отмечает три существенных признака инфантильных сексуальных проявлений: они соединены с какой-нибудь важной для жизни телесной функцией, автоэротичны, то есть не нуждаются в постороннем объекте, и сконцентрированы в области эрогенной зоны.

Присоединение сексуальности к другим функциям тела характерно и для зоны заднего прохода. Ее эрогенное значение в младенчестве очень велико. «Дети, которые пользуются эрогенной раздражимостью анальной зоны, выдают себя тем, что задерживают каловые массы до тех пор, пока эти массы, скопившись в большом количестве, не вызывают сильные мускульные сокращения и при прохождении через задний проход способны вызвать сильное раздражение слизистой оболочки. При этом вместе с ощущением боли возникает и сладострастное ощущение». Психоаналитик Лу Андреас-Саломе, на мнение которой с большим уважением ссылается Фрейд, ярко описала эти инфантильные функции анальной эротики. Запрет на удовольствие от анальной функции и ее продуктов – первое столкновение ребенка с окружающим миром, и от того, как это происходит, зависит все его дальнейшее развитие. Маленькое существо должно почувствовать власть этого мира, враждебного его влечениям, и совершить первое «вытеснение» возможного для него наслаждения. С этого времени «анальное» остается

символом всего, что необходимо отбросить, устранить из жизни.

(Возможно, подумалось мне, это категорическое неприятие, выросшее из собственного подавленного желания, обращенного в свою противоположность, проецируется и на восприятие массовым сознанием гомосексуализма. Еще авторы первых научных трудов на эту тему писали о том, что существует своего рода миф о сугубом пристрастии урнингов к анальным контактам, хотя на самом деле это не так. Гиршфельд приводил статистические выкладки, согласно которым такой половой акт встречается лишь в 8% случаев. В обычной сексуальной жизни к нему прибегают гораздо чаще. Этот миф жив и поныне. По крайней мере, все анекдоты о «гомиках» и «педиках» эксплуатируют именно эту особенность, как якобы всеобщую и обязательную. Взаимная мастурбация, доминирующая в сексуальной технике однополой любви, тоже лежит как бы за пределами допустимого, но все же не вызывает такой острой негативной реакции. А однополая любовь требует самого уничтожительного клейма…)

Зона «действительных половых частей», или генитальная, которой в будущей жизни предуготовлена такая большая роль, не бывает в младенчестве ни самой ранней, ни самой главной носительницей сексуальных переживаний. Но ощущения удовольствия, вызываемые прикосновением к этим органам хотя бы при выполнении обязательных гигиенических процедур, неизбежно фиксируются ребенком и будят потребность в их повторении. Младенческий онанизм Фрейд считал явлением всеобщим, приписывая ему важнейшее значение в дальнейшем утверждении примата этой эрогенной зоны в половой жизни.

В отличие от других функций организма, развивающихся по мере подрастания ребенка, продвижение инфантильной сексуальности идет волнообразно. После начальной фазы, во время которой бурно прогрессируют и достигают своего расцвета зародыши сексуальных переживаний, на границе четырех лет наступает латентный период. В это время формируются те душевные силы, которые впоследствии станут властно управлять страстями: отвращение, чувство стыда, эстетические и моральные требования идеала. На первый взгляд кажется, что это – заслуга правильного воспитания. Но воспитатели только довершают великое дело «очеловечивания», обусловленное органически как прямое наследство предыдущих поколений.

И еще одно важнейшее событие происходит во время латентного периода: ребенок научается любить. «Общение ребенка со своими няньками составляет для него беспрерывный источник сексуального возбуждения и удовлетворения через

эрогенные зоны, тем более что эта нянька – обыкновенно это бывает мать – сама питает к ребенку чувства, исходящие из области ее сексуальной жизни». Фрейд хорошо понимал, как могут его слова напугать или даже оскорбить женщину, считающую свое отношение к ребенку «чистым», то есть полностью асексуальным; она не замечает, что ее нежность, ее поцелуи и ласки несут в себе сильнейший эротический компонент, что ребенок для нее – полноценный сексуальный объект. Но именно это делает материнскую любовь незаменимой. «Она выполняет только свой долг, когда учит ребенка любить; пусть он станет дельным человеком с энергичной сексуальной потребностью и пусть совершит в своей жизни все то, на что толкает это влечение человека».

Именной указатель к «Трем статьям по теории сексуальности» включает десятки имен. С кем-то из своих современников Фрейд соглашается, с кем-то спорит, – но в любом случае мы чувствуем, что территория, по которой он нас ведет, уже и до него размечена, там и тут стоят опознавательные знаки. Но есть несколько уголков, до которых не только не добирался никто, но даже и догадаться не мог об их существовании. Одну из таких граней реальности, распознанных исключительно благодаря психоанализу, его создатель обозначил как инфантильное сексуальное исследование.

Всем, кто хоть как-то соприкасался с маленькими детьми, давным-давно было известно, что они чрезвычайно любопытны и готовы замучить взрослых своими вопросами. Заранее можно было ожидать, что в один прекрасный день ребенок спросит, откуда он появился и вообще – как делают детей. Заранее бывал готов и ответ. Кто считал нужным увести детские мысли в противоположную сторону от правды, чтобы подольше продержать его в состоянии ангельской невинности, держал в голове на этот случай сказки об аистах и капустных грядках. Кому претил такой беспардонный обман, придумывал более или менее правдоподобное объяснение – с расчетом, чтобы оно было посильно неокрепшему уму, но и не подталкивало к дальнейшим расспросам. Известно было также, что дети дополняют полученные ими сведения своими собственными рассуждениями, вызывающими у взрослых снисходительную улыбку. Все это представлялось абсолютно логичным и оправданным. Ребенок познает окружающий мир, отношения полов – часть этого мира, понятно, почему они вызывают интерес. Понятна и беспомощность ребенка, неспособность охватить сознанием сложные явления. Да он еще и слов таких не знает, какие тут требуются! Словом, все – как на ладони.

Психоанализ, открыв доступ к самым ранним, не охваченным сознательной памятью впечатлениям и переживаниям ребенка, представил эту познавательную деятельность совершенно по-новому.

Влечение к познанию оказалось в высшей степени избирательным. Ребенка действительно интересует все, что попадает в поле его зрения. Но самого энергичного и неутомимого исследователя пробуждают в нем именно сексуальные проблемы. Фрейд не исключал, что они вообще дают первый толчок желанию открыть для себя мир. Эту грандиозную внутреннюю работу дети ведут в одиночестве, сексуальное исследование становится для них началом самостоятельности и ведет к большому отчуждению от самых близких людей, пользовавшихся до того его безграничным доверием. Вопросы, с которыми он к ним пристает, отражают лишь малую часть проблем, на которых он сосредоточекн, и если он перестает переспрашивать или даже повторять услышанное, как выученный урок, это вовсе не означает, что он удовлетворился услышанным и принял его на веру.

Работая с пациентами, Фрейд помогал им поднять из бессознательного сохранившиеся там в неприкосновенности плоды их раннего исследовательского творчества – образы, представления, умозаключения. Много позже в число пациентов вошли и дети, находившиеся в процессе исследования или только что пережившие этот этап. Подтвердилась полная тождественность двух совершенно разных типов переживаний – сиюминутных и давних, подвергшихся вытеснению порой на очень длительный срок. Но еще более поразительными были совпадения в том, что Фрейд назвал детскими сексуальными теориями. Казалось бы, дети вольно фантазируют. Они и сами разные, и живут в разных странах, в различном семейном окружении, их по-разному воспитывают. Следовательно, и в воображении у каждого должны появляться свои собственные образы, не совпадающие с другими. Но нет, фантазия оказывается чем-то ограничена в своем свободном полете, при том, что работает она очень интенсивно и никогда не следует слепо за версиями, предложенными осторожными воспитателями.

С одной из таких детских теорий мы уже познакомились, когда говорили о комплексе кастрации. Эту теорию вызывает к жизни не факт существования двух полов (это ребенок «заглатывает» как данность, без размышлений и противодействия), а их разное анатомическое оформление. Теперь, сосредоточившись на событиях раннего детства, мы лучше можем понять упорство мальчика, считающего, вопреки

собственным наблюдениям, что пенис должен быть у всех людей. Порой он даже ищет что-то аналогичное и у неодушевленных предметов. По силе этого убеждения нетрудно судить о том, как много дает самому мальчику эта, говоря словами Фрейда, «легко возбуждаемая, переменчивая, столь богатая ощущениями» часть его собственного тела. Доказательством этой обостренной чувственности служит и то, что мошонку со всем ее содержимым, не менее важный элемент мужских гениталий, детское внимание обходит стороной. Если опираться только на данные психоанализа, никогда нельзя было бы заподозрить, что гениталии состоят из чего-то еще, помимо пениса.

Поскольку комплекс кастрации переживают и девочки, свои теории складываются и у них. Как влияет на эти построения их собственная генитальная организация, остается во многом для Фрейда загадкой. И лучше, чем все его критики вместе взятые, сознавал свою слабость сам создатель психоанализа. «К сожалению, мы можем описать данное положение вещей только у мальчика, что касается соответствующих процессов у маленькой девочки, у нас нет еще определенного взгляда», – признается он. А в другом месте приводит и объяснение: доступна исследованию только любовная жизнь мужчины, «между тем как любовная жизнь женщины, отчасти вследствие культурных искажений, отчасти вследствие конвенциональной скрытности и неоткровенности женщин, погружена еще в непроницаемую тьму».

Теории, отвечающие на вопрос, откуда берутся дети, у маленьких исследователей возникают независимо от их пола. Мотивы, заставляющие доискиваться ответа, во многом имеют практическую основу. Ребенок озабочен своим будущим, страх лишиться заботы и любви в связи с появлением на свет конкурента делает его на удивление проницательным. От Фрейда мы получаем совет обращать внимание не на ошибки и нелепости детского умственного творчества, а на достигнутое в нем понимание и собственной сексуальной конституции, и вообще процессов половой жизни – значительно более высокое, чем можно ожидать от человека, у которого и в самом деле молоко еще на губах не обсохло.

В том возрасте, который уже оставляет у большинства людей слой в сознательной памяти, дети обычно знают, что ребенок берется «из маминого живота». Анатомические детали варьируются: или его вырезают, или пупок отрывается, чтобы он мог выйти. Но есть и более ранний вариант, до которого, как правило, можно добраться только в ходе психоанализа, – и он у всех одинаков. Детей получают так: что-то едят, и они потом

выходят на свет через кишечник. Это самостоятельное измышление совсем маленького ребенка не случайно напомнило Фрейду о низших представителях животного царства, снабженных органами типа клоаки. Предположение, что информация о таких далеких предшественниках человека каким-то образом улавливается психическим аппаратом, показалось бы, наверное, слишком фантастическим для серьезной научной работы. Но я готов поручиться, что Фрейду оно в голову приходило. Он очень серьезно размышлял о том, как за спиной онтогенеза проявляется филогенез. А ведь ребенок еще так недалеко ушел от времени, когда он, прежде чем окончательно сформироваться в человеческом образе, проходил все стадии развития, начиная с самых примитивных…

Задачей инфантильного исследования является и разгадка полового общения. Не подталкиваемые ничем со стороны, дети сами додумываются до того, что женятся и выходят замуж не только чтобы просто жить в одном доме, но и чтобы что-то особенное вместе делать. При этом собственная сексуальная конституция дает им точный ориентир: они верно угадывают, какие части тела задействованы в этих таинственных процедурах, хотя и не приписывают органам иного назначения сверх того, которое им хорошо известно.

Поскольку восприимчивость маленьких детей обычно недооценивается, им нередко приходится становиться свидетелями полового акта. Воспринимают они его крайне неадекватно: как избиение, как насилие. Исследовательскую деятельность ребенка это не продвигает, но наносит ему чудовищную душевную травму. Психоаналитики знают, что такое впечатление, возможно даже не оставившее следов в сознательной памяти, нередко становится причиной садистского компонента в сексуальном влечении.

До какого-то момента ребенок развивает, уточняет свою теорию, а потом прекращает свои изыскания так же внезапно, как и начал. Фрейд связывал это с тем тупиком, в котором неизбежно оказывается инфантильный исследователь. В его собственной сексуальной организации отсутствуют два важнейших элемента – оплодотворяющее семя и женское половое отверстие. Нет их, следовательно, и среди тех мыслей-образов, которыми он оперирует, создавая свои теории. Эта типичная неудача может навсегда ослабить влечение к познанию.

Сейчас, наверное, никто не рассказывает детям сказок о капусте, а что касается аистов, то большинство городских детей просто не имеет о них представления. Педагогические установки сводятся к тому, что информировать ребенка следует с большим

опережением: пусть он не все сразу поймет, это не беда, зато по крайней мере не будет прикован к проблеме секса неудовлетворенным любопытством. Книжки для самых маленьких, то есть с большим количеством картинок и минимумом самого простого текста, дают целиком всю сексуальную азбуку. Да и до всяких книжек, если в доме есть телевизор, ребенок знает не намного меньше, чем он будет знать, вступая в свои первые любовные приключения.

В таких условиях, казалось бы, исследовательская фаза сексуального развития ребенка должна просто выпасть за полной ненадобностью, по аналогии с тем, как отмирает традиция домашней выпечки хлеба при появлении бесперебойно работающей хлебопекарной промышленности и торговли. И так бы, наверное, и случилось, если бы суть процесса заключалась только в добывании недоступных сведений. Но это только одна, и притом не самая главная сторона дела. В форме познавания мира ребенок совершает первый на своем пути подвиг самопознания, соединения жизни тела и жизни духа, он сам должен потрудиться, чтобы поймать ускользающую истину, а не получить ее бесплатно, в красивой подарочной упаковке. А с этих позиций допотопные басни и самые достоверные разъяснения выглядят равноценными.

Бурные переживания переходного периода, остающиеся обычно в памяти человека навсегда, изумляют не столько своей остротой, парадоксальностью, сколько новизной. А в то же время ничего по-настоящему нового с подростком не происходит. Все уже однажды было – и теперь возвращается, но в преображенных, неузнаваемых формах.

Многие сексуальные проявления человека заставляют вспомнить о его четвероногих предках, но такое двукратное начало, прерываемое длительной паузой латентного периода, составляет его исключительную, нигде в природе не встречающуюся особенность. В нем Фрейд видел и залог способности к развитию высшей культуры, но вместе с тем – и основание склонности к неврозам.

Инфантильная сексуальность не сконцентрирована, она как бы плавает между различными эрогенными зонами. Такой же неопределенностью, как бы недосказанностью отличаются в раннем детстве и сексуальные цели. С наступлением половой зрелости устанавливается примат генитальной зоны, а на смену своим предшественницам приходит новая сексуальная цель, связанная с функцией продолжения рода. За обоими превращениями стоит долгий сложный путь, определяемый множеством соподчиненных факторов и четко прочерченный во

времени, а мы по собственному опыту знаем, что чем больше условий должно быть выполнено в строго отведенные сроки, тем больше вероятности сбиться с маршрута или застрять на промежуточном этапе. По словам Фрейда, «все болезненные нарушения половой жизни можно рассматривать как задержки в развитии».

Есть и еще один важнейший компонент в процессе полового созревания. Влечение должно найти объект. И вновь перед нами продолжительный, извилистый путь от инфантильной любви к близким, прежде всего к матери, – к влюбленности, к первым юношеским романам. Сила детского чувства огромна, поэтому если бы не существовало серьезных помех, вряд ли кому-то из людей, встреченных в последующей жизни, удалось бы соперничать с родителями или с любимой няней. Но отсрочка в сексуальном созревании дает достаточно времени, чтобы табуировать инцест. Примечательно, что в объяснение мотивов строжайшего запрета на кровосмесительные связи Фрейд выдвигает не опасность физического вырождения, а нечто для него еще более важное – культурное требование общества, противодействующего поглощению всех интересов семьей во имя создания более высоких социальных единиц. Но прообразы детской любви никогда целиком не размываются, и даже психоанализ порой не нужен, чтобы угадать их в любовных отношениях давно уже выросших людей, далеко оторвавшихся от своих ранних переживаний.

«Возникающая при выборе объекта задача состоит в том, чтобы не упустить противоположный пол». Другими словами, гетеросексуальная направленность влечения ничем изначально не обеспечена: это задача, которую нужно решить (а можно, следовательно, и не решить). Необычайно выразительно в этой формулировке Фрейда и слово «упустить», оно еще сильнее подчеркивает неопределенность, вариативность окончательного исхода. Характер влечения формируется не сразу, этому моменту предшествует период, для которого вербальная интуиция подсказала создателю психоанализа выражение, обладающее большой экспрессией – «нащупывание». Наощупь различают предметы слепцы, в темноте приходится полагаться на осязание – так именно и ведет себя подросток на этапе «мечтательной дружбы» со сверстниками собственного пола, в которой нередко получает первые и чрезвычайно сильные уроки преданности и коварства, верности и ревности, умения подчинять и подчиняться… И вот здесь мы, наконец, попадаем на ту главную развилку, от которой дороги идут в разные стороны, чтобы затем соединяться лишь на время или не пересекаться вообще никогда.

Фрейд не отрицал, что противоположные половые признаки обладают силой взаимного притяжения, хоть и не знал, что лежит в ее основе. Но всемогущей эту силу он не считал. Чтобы она возобладала, к ней должны присоединиться и другие влияния – а конкурирующие с ней силы, напротив, должны быть исключены. Решающее значение имеет сдерживающий авторитет общества: там, где оно не видит в однополой любви большого греха, она входит в обычный репертуар утонченных удовольствий и даже поддерживается особыми социальными институтами.

Семейное воспитание, отношения с родителями могут сыграть двоякую роль. Воспоминания о матери и других женщинах, к которым мальчик был сильно привязан в детстве, энергично содействуют тому, чтобы выбор оказался направлен на женщину, и это подкрепляется сложными отношениями с отцом, способными породить у ребенка настоящую враждебность к собственному полу. Однако, немногочисленные примеры, получившие в этой книге последовательно психоаналитическое истолкование, говорят и о том, что любовь к матери может сыграть роковую роль. Под действием поглощающего чувства к матери мальчик может отождествить себя с нею, превращаясь в собственный сексуальный объект: встречаясь в дальнейшем с молодыми мужчинами, он видит в них себя и хочет любить их так, как любит его мать. Если горячо любимая мать внушает страх, это может породить феномен бегства от женщины. За кажущимся отвращением к прекрасному полу стоит сложное душевное движение: мужчина остро реагирует на женские прелести, но вызываемое ими возбуждение переносит на «безопасный» для себя объект. Так всю жизнь навязчиво воспроизводится механизм, благодаря которому появилась инверсия.

Если ребенка воспитывают оба родителя, риск уменьшается: сохраняется возможность компенсации. В случае отсутствия одного из родителей вероятность инверсии повышается. Схожие условия могут быть созданы и традициями, существующими в обществе. В древнем мире воспитание мальчиков препоручалось мужчинам – рабам. В позднейшие времена маленьких аристократов окружал многочисленный штат мужской прислуги, а матери ими почти не занимались. Этим можно объяснить несомненный «крен» в сторону гомосексуальности.

Читатель, надеявшийся найти у Фрейда развернутое и обстоятельное описание причин этого явления (хотя бы на том же уровне, как представлены в этой же работе причины неврозов), будет, возможно, разочарован. Вспоминая, как тщательно, по пунктам систематизирован исходный материал, я могу

предположить, что первоначально такое намерение у автора было: зачем так старательно развешивать в первом акте ружья, если не предполагаешь из них стрелять? Но этот замысел отступил перед не поддающимся учету многообразием поведенческих форм и психосексуальной первоосновы. Жесткость и прямолинейность, подразумеваемые самим нашим привычным представлением о причинно-следственных связях, вступают в непримиримое противоречие с этой ошеломляющей пестротой. Если же искать что-то общее, способное свести все вариации к единому знаменателю, то мы упремся в одну из самых специфических черт человеческой природы. У всех живых существ инстинкт продолжения рода включает в себя и устремленность полового влечения к одному строго определенному объекту. Право выбора существует лишь в узких границах, заданных принципом противоположности полов. В психосексуальном развитии человека такой беспрекословной заданности нет.

В годы моей молодости был популярен анекдот, тянувший лет на десять лагерей по статье об антисоветской агитации. Бог подводит Адама к Еве и говорит: «Выбирай себе жену». В политическом смысле эта злая метафора была точна на все сто процентов, но в биологическом – неправомерна. Модель безальтернативных выборов допускает параллель с библейским мифом, но природе человека она не соответствует.

В первом издании «Трех статей по теории сексуальности» этот вывод можно было прочесть только между строк. Подробно разворачивая агрументацию, Фрейд словно бы не решался сделать последний логический шаг. Но в дальнейшем он воспользовался возможностью дополнить текст ясным и недвусмысленным заключением.

«Психоаналитическое исследование самым решительным образом противится попыткам отделить гомосексуальных лиц от других людей как особого рода группы. Изучая и другие сексуальные возбуждения, а не только открыто проявляющие себя, оно узнает, что все люди способны на выбор объекта одинакового с собой пола и проделывают этот выбор в своем бессознательном. Более того, привязанности либидозных чувств к лицам своего пола играют, как факторы нормальной душевной жизни, неменьшую, а как методы заболевания большую роль, чем относящиеся к противоположному полу. Психоанализу кажется первичной независимость выбора объекта от его пола, одинаково свободная возможность располагать как мужскими, так и женским объектами, как это наблюдается в детском возрасте, в примитивных состояниях и в эпохе древней истории; и из этого первичного состояние путем ограничения в ту или другую

сторону развивается нормальный или инвертированный тип».

Как бы ни относиться к Фрейду, но сама длительность разделяющего нас исторического промежутка настоятельно требует своего рода ревизии его взглядов с позиций нынешней, далеко ушедшей вперед науки. После долгих размышлений о том, чей авторитет привлечь для такой экспертизы, я остановился на работах Станислава Грофа. Два соображения оказались тут решающими. От множества строгих, а порой и куда более азартных критиков великого учителя Гроф отличается тем, что у него и у самого есть что сказать. Как я уже упоминал, Гроф открыл новое направление и в психологической теории, и в практической психотерапии. Второй же мотив чисто личного свойства. О многих нашумевших открытиях последних лет я могу судить в основном по публикациям и отзывам уважаемых мною коллег. По методике же Грофа я давно и достаточно успешно работаю. За всеми высказываниями этого талантливого ученого стоит мой собственный врачебный опыт – так же, как для самого Грофа каждый постулат классического психоанализа стал в конце концов неотделим от впечатлений, получаемых в ходе повседневной работы.

Бегство от женщины

Рассказывая о скопцах, я уже говорил о пионерских работах Грофа. Если психоанализ открывает окно в потаенный мир человеческой души, то о Грофе правомерно сказать, что он его прорубает, используя в качестве инструментов либо особые химические препараты, типа ЛСД, либо немедикаментозную технику (дыхание плюс музыка плюс работа с телом). В отличие от алкоголя или наркотиков, вызывающих «токсический психоз», такое воздействие не разрушает ход ментальных процессов, но ускоряет и катализирует их. Человек совершает фантастическое внутреннее путешествие в собственное бессознательное. Мало того: это путешествие не ограничивается рамками собственного «Я». Богатейший спектр свойственных этому состоянию переживаний в точности соответствует образу души, вырвавшейся на время из телесного плена, из скучных рамок реальности и без малейших усилий преодолевающей любые пространственно-временные ограничения (такие переживания Гроф называет сверхсознательными, или трансперсональными).

В сеансах погружения человек становится и зрителем, и активным действующим лицом бесчисленного множества эпизодов, причем, эффект присутствия достигает абсолютной силы – живость, реальность и интенсивность восприятия порой даже превосходят все нам знакомое по обыденной жизни. Ни один из существующих экранов не дает таких ярких зрительных образов, но к ним присоединяются и звуки, и запахи, и полный спектр телесных ощущений – от жгучей боли до блаженного комфорта. Мощно работает интеллект, позволяя осмысливать и интерпретировать происходящее точнее и глубже, чем это обычно свойственно данному человеку. Для многих людей с пониженной эмоциональностью открытием становится непривычная для них пронзительность чувств. Как сказал один из моих пациентов, «как будто грязное окно протерли мокрой тряпкой».

Окружающий мир при погружении может представать в полном диапазоне, в том числе и такие его части, которые не доступны обычному восприятию без специальной аппаратуры – от атома и клетки до галактики. Так же легко могут совмещаться разные исторические эпохи, связываясь в необычные, захватывающие картины. Одна моя пациентка прожила длинную жизнь, полную опасностей и приключений, среди архаического племени амазонок. Она была дочерью предводительницы этих воинственных женщин. Мать погибла в битве, и к девочке перешла власть над племенем. Старый жрец – единственный

мужчина, которого эти мужененавистницы окружали почетом, учил ее скакать верхом, стрелять из лука, вести войну, справедливо разрешать конфликты. За считанные минуты сеанса девочка успела вырасти, возглавить несколько отчаянных по смелости походов, пережить любовь, узнать боль от впивающегося в тело копья… Моя ассистентка, которая должна была прослушать тоны сердца у этой пациентки, рассказала мне потом, что на боку у нее, в том самом месте, куда ударило копье, было странной формы родимое пятно, и в самом деле напоминающее старый шрам.

Время в психоделических состояниях пульсирует. Оно то убыстряется, то замедляет свой бег, может остановиться, может потечь в обратную сторону. Прошлое, настоящее и будущее иногда спрессовываются в переживании единого момента. Так же раскованно ведет себя и пространство. Некоторые пациенты уверяют, что им воочию представились четырехмерные или пятимерные миры, мгновенно узнанные ими и воспринятые с полным доверием. Часто пациенты пользуются словом «кино»: перед ними проходит связное повествование, со своей драматургией. Но бывает и так, что предстающие перед ними образы кажутся символами, требующими распознавания, расшифровки, – и нельзя не поразиться тут точности совпадений со сновидениями, по тем же самым законам препарирующими реальность и передающими ее в тех же самых кодовых системах.

Гроф, внимательно проанализировавший несколько тысяч психоделических «путешествий», разделяет их на четыре основные типа. Первый – это абстрактные или эстетические переживания, не содержащие в себе открытия ни для самого человека, ни для наблюдающего за ним терапевта. Значительно богаче аналитическим материалом переживания, относящиеся к психодинамическому или биографическому типу. Человека, близко знакомого с психоанализом, не может поразить раскрывающееся здесь всесилие памяти, которая не только фиксирует все, включая и то, что не было специально отмечено сознанием, но и ничего никогда не теряет. Но есть всем понятная разница между воспоминанием и переживанием заново, не в воображении, не в интеллектуальной реконструкции, а как бы в воскресшей реальности, и в этом преимущество методики Грофа.

Следы, которые оставляет в психике пребывание ребенка во чреве матери, сейчас всем представляются несомненными. С ними работают, как и со всеми другими пластами памяти, в них ищут корни беспокоящих человека психологических проблем. Но это стало возможно только благодаря работам Грофа. Как может помнить человек то, что предшествовало его рождению? Как

могут запечатлеться в его бессознательном сами роды, которые всегда считались тяжелейшим испытанием, но только для матери, не для ребенка? Ведь сам мозг новорожденного, не говоря уже о 7-9-месячном плоде, еще физиологически беспомощен для таких операций!

Гроф потратил много времени специально на поиск доказательств. Он сличал картину родов, всплывшую во время сеанса, с записями акушеров, заведомо неизвестными человеку, и убеждался, что память действительно с поразительной точностью воспроизводит особенности и аномалии утробного положения, всевозможные осложнения, вроде неправильного предлежания или обвитой вокруг горла пуповины, применение различных инструментов, ухищрения акушерки, к которым она прибегает, если первый крик младенца раздается не сразу. Более того, при повторном переживании родов нередко возникает феномен, который можно назвать памятью тела – появляются специфические физиологические симптомы: учащается пульс, меняется цвет кожи, увеличивается слюноотделение, возможно даже появление гематом и других видимых следов родовых повреждений. Пережитая некогда ситуация воспроизводится даже на клеточном уровне, о чем говорит снизившееся насыщение крови кислородом, изменившийся углеводный обмен и другие биохимические проявления стресса.

Открытия Грофа заставили в корне изменить взгляд на поведение женщины во время беременности. Раньше все рекомендации по поводу образа жизни, питания, стимулирования положительных эмоций имели в виду лишь физическое и психическое благополучие матери и лишь косвенно, через нее – пользу для ребенка, которого так и называли «будущим ребенком», как и женщину – «будущей матерью». Теперь характер советов изменился, они напрвлены на создание комфортных условий для ребенка как для вполне автономного человеческого существа, обладающего хоть и ограниченными, но все же достаточно конкретными ресурсами восприятия. Он слышит голоса, он по-своему переживает удовольствие и беспокойство, с ним можно контактировать. Если ему заранее дают имя и мать, подолгу разговаривая с ним, так его и называет, в дальнейшем это заметно ускоряет его развитие.

Для самого Грофа, как можно судить по его книгам, наиболее ценным представлялись открытия и гипотезы, сделанные благодаря трансперсональным переживаниям. Многие из них, утверждает он, можно интерпретировать как историческую регрессию в биологическое, культурное или духовное прошлое. Участники экспериментов возвращаются к своему существованию

в форме спермы или яйцеклетки, проходит момент зачатия и начала развития эмбриона. Проживаются эпизоды из жизни биологических предков, животных и даже растений, воспринимаемые как существование в предыдущем воплощении. Происходит приобщение к сознанию других людей и групп, вплоть до расы или всего человечества. Разрушаются границы между психологией и парапсихологией. Люди, не имеющие никакого представления о мистических учениях и культах, свидетельствуют о раскрытии перед ними мира в точном соответствии с этими представлениями. «Западная наука приближается к сдвигу парадигмы невиданных резервов, из-за которого изменятся наши понятия о реальности и человеческой природе, который соединит наконец концептуальным мостом древнюю мудрость и современную науку, примирит восточную мудрость с западным прагматизмом», – вот квинтэссенция излюбленной мысли Графа, и тысячи его добровольных помощников дороги ему прежде всего тем, что помогли ему в ней утвердиться. Это и в самом деле бездонная тема, в обсуждении которой я был бы рад поучаствовать, но сейчас вынужден коснуться ее лишь мимоходом.

А вот перинатальные переживания, исследованные Графом, имеют к нашему сюжету самое прямое отношение (поясню на всякий случай, что термин «перинатальный» означает события, предшествующие рождению, следующие сразу за ним либо так или иначе с ним связанные).

Все знают, как проходят роды. Первые схватки прерывают спокойное, гармоническое состояние плода. Тревожные химические сигналы и усиливающиеся мышечные сокращения уже причиняют немалые страдания. Затем шейка матки раскрывается, и плод начинает выдавливаться из нее через родовой канал. Боль резко усиливается, нередко ей сопутствует гипоксия и удушье. Но когда эти немыслимые муки достигают пика – следует мгновенное облегчение: дитя появляется на свет. Итого четыре стадии, каждой из которых в теории Графа соответствует своя особая область на перинатальном уровне бессознательного, другими словами – своя базовая перинатальная матрица. Их, таким образом, тоже четыре.

Первая матрица биологически основана на опыте исходного симбиотического единства плода с материнским организмом. В периоды благополучия – полная безмятежность, равновесие, идеальный покой, состояние блаженства, нирваны. Но вместе с тем – и чрезвычайная уязвимость. Мать может болеть, переживать стрессы, попадать в плохие условия, ее организм порой не справляется с вынашиванием – десятки вредоносных факторов не

только нарушают нормальный ход развития, но и навсегда запечатлеваются в этой матрице болью, страхом, предощущением гибели. Прослеживается прямая связь этих мучительных переживаний с паранойей.

К каждой матрице восходит свой ряд архетипических образов коллективного бессознательного, чем и объясняется их почти бесконтрольная власть. С первой матрицей сопряжены представления о Рае, о Царствии небесном, о Золотом веке, оставшемся где-то позади, но также и о злых, коварных Демонах. Здесь же мы находим и первоисточник преследующей многих людей вечной тоски по «родной душе», неутолимую жажду соединения, слияния с другим человеком. Первая матрица – праматерь идеалов вечной любви, нерушимой дружбы, духовного единения и братства.

Эмоциональный фон второй матрицы, соответствующей началу родов, – тревога, предощущение неминучей беды. Возникающие ассоциации напоминают кошмар сновидений: вас засасывает водоворот, вас пожирает страшное чудовище, вас обвивают щупальца гигантского спрута. Невыносимость состояния усиливается безнадежностью: матка закрыта, выхода нет. Это – Ад, пытка пребывания в котором состоит не столько в страданиях тела и духа, сколько в ясном понимании ее бесконечности. Характерный ряд ассоциаций – темница, концлагерь, сумасшедший дом.

Архетипические образы, привязанные ко второй перинатальной матрице – Вечный Жид, Агасфер, Летучий Голландец, Сизиф, Тантал, Прометей, несущие на себе печать вечного проклятия. Родственные религиозные темы – изгнание из рая и падение ангелов. Как организующая инстанция психики, вторая матрица концентрирует вокруг себя жизненные ситуации, в которых слабый и беспомощный человек попадает во власть беспощадной разрушительной силы без шансов на спасение.

Рисунки, в которых участники погружения воспроизводят переживания следующей стадии родов, способны привести в содрогание даже закаленных. Физические состояния при протискивании под ужасающим давлением через узкие родовые пути полностью тождественны гибели – и разве так уж редко бывает, что первые часы своего пребывания на земле человек проводит в реанимации, хотя при начале родов прослушивалось отчетливое сердцебиение? Беспощадное сдавливание, боль в каждой клеточке тела, нехватка кислорода, к которой особенно чувствителен мозг. Но как ответ – волна сопротивления, запредельная активизация всех жизненных сил в борьбе за выживание.

Смертельный ужас и напряжение борьбы – эмоциональная ось переживаний, фокусирующихся вокруг третьей матрицы. Здесь первооснова потрясения, которое мы переживаем сталкиваясь с буйством природных стихий (извержения, землетрясения, бури), с войнами, революционными взрывами, техногенными катастрофами. Это страшно, но резонанс с собственным опытом переживания чего-то подобного делает сам страх завораживающе притягательным. Смесь агрессии, испытываемой со стороны материнского организма в его яростных усилиях исторгнуть плод, и собственной всеохватывающей устремленности к жизни укореняют в психике садомазохистское начало.

В переживаниях, тяготеющих к третьей матрице, ощутим отчетливый сексуальный компонент, который можно объяснить гормональной бурей – обычным ответом на крайние формы стресса. Я целиком согласен с Грофом, связывающим с этой перинатальной стадией все самое низкое и грязное в эротических проявлениях – порнографию, бездуховность, бесчеловечность.

Архетипический ряд открывается картинами Страшного суда, Армагеддона, грандиозных битв с участием богов и титанов, ангелов и демонов. Элементы демонизма присутствуют и в таком часто встречающемся сюжете как Шабаш ведьм, с его острой извращенной сексуальностью, страхом, агрессией и кощунственным издевательством над святынями. Нераздельное единство величия и мерзости в человеческой природе, которым, наверное, она никогда не перестанет поражать чуткую душу, получает благодаря анализу этих переживаний убедительное объяснение.

Величайшим достижением Грофа, обещающим обессмертить его имя, я считаю открытый и подробно описанный им феномен смерти-возрождения, составляющий основу кульминации родовых мук и одновременно их счастливое разрешение. Находясь в точном смысле на пороге освобождения, человеческое существо ощущает приближение окончательной катастрофы. Гибель надвигается, смерть уже настигает свою жертву. Участники экспериментов сообщают о пережитом ужасе полного уничтожения, аннигиляции – и это оправдано не только физическим страданием, достигающим в момент рождения своего пика, а и тем бесспорным фактом, что плод, как определенная биологическая данность, в этой точке действительно перестает существовать. Но в миг, который невозможно точно зафиксировать, смерть оборачивается жизнью, возрождением уже в новом качестве – автономного индивида, связанного с матерью лишь пуповиной, но сразу же теряющего и эту последнюю связь. Темнота сменяется ярким светом (не отсюда ли движение по

длинному коридору навстречу свету, о котором рассказывают люди, пережившие клиническую смерть?), водная среда воздушной. Дает знать о себе сила земного притяжения, которая в окружении околоплодных вод ощущалась совсем по-другому. Частица материнского организма полностью принимает на себя нелегкое бремя жизни. В переживаниях, сопровождающих этот момент, кроме захватывающих ощущений облечения, конца мук, доминируют духовные мотивы освобождения, искупления вины, очищения от грехов.

Мифы, легенды, религиозные концепции, несущие образ умирающего и воскресающего бога, трактовались у нас обычно как отражение природных циклов – наступления весны после зимней неподвижности или пробуждения в начале сезона дождей, когда кончается период засухи. Нельзя исключить и эти наблюдения, имеющие самое прямое отношение к человеческой жизни. Но зачем идти так далеко, если с опытом смерти-возрождения каждый приходит на свет? Как бы свидетельствуя о ни с чем не сравнимой важности и значительности этих переживаний, завершающая перинатальная матрица позволяет испытать встречу или самоотождествление с Христом, Озирисом, Адонисом, Дионисом и другими богами, с Девой Марией, Шидой, Кибелой.

Как врач, Гроф чрезвычайно высоко оценивает лечебный эффект этих переживаний в ходе сеансов погружения, способных вызвать трансформацию личности. «Глубинное столкновение в собственном опыте с рождением и смертью, – говорит он, – как правило, сопровождается экзистенциальным кризисом невероятного размаха, во время которого человек самым серьезным образом задумывается о смысле существования, о своих фундаментальных ценностях и жизненных стратегиях. Этот кризис может разрешиться только через подключение к глубоким, подлинно духовным измерениям психики и стихии коллективного бессознательного». Но этот опыт служит не только в условиях клиники, когда к нему апеллирует профессиональный психотерапевт. Жизнь сама богата событиями, ставящими человека в ситуацию гибели, утраты всего, потери самого себя. Но если хватает сил ее пережить и не сломаться, возникает точно такое же ощущение нового рождения, переоценки, освобождения от суетной житейской накипи.

Ну, а теперь, как и было обещано – об отношении Грофа к психоанализу и, в частности, к фрейдовской теории сексуальности.

По первым своим впечатлениям от публикаций и от попыток практического применения его методик я, признаться, имел

наивность считать Грофа прямым наследником Фрейда, его символическим сыном. Сыну положено идти дальше отца, поскольку он стартует от той отметки, к которой отец двигался всю жизнь. Еще больше увеличивает эту дистанцию общий прогресс науки. Но даже если такой отрыв огромен, он не мешает сыну преклоняться перед величием отца и гордиться своим родством.

Когда Гроф увлечен раскрытием своих теоретических построений, он, в принципе, так себя и ведет. Он постоянно ссылается на Фрейда, опирается на его концепции, использует его понятийный аппарат. Хорошо видно, что вся грандиозная работа самого Грофа могла развернуться только на надежном фундаменте, подготовленном психоанализом, и не возникает никаких сомнений в том, что сам он полностью отдает себе в этом отчет. Но если главе предпослано название «Зигмунд Фрейд и классический психоанализ», то есть заявлено намерение специально высказаться на эту тему, ощущение родства исчезает. Я говорю не о количестве почтительных эпитетов – с этим как раз все в порядке. «Открытие основных принципов глубинной психологии стало выдающимся достижением одного человека»… «Гениальность Фрейда подводила его совсем близко»… «Как и во многом другом, он далеко опередил своих последователей»… «Фрейд в одиночку изучал территории ума, ранее неизведанные западной тауке»… И даже желание «проследить, какие из соображений Фрейда выдержали испытание новыми научными открытиями, а какие требуют фундаментального пересмотра», даже это желание не кажется мне ни чересчур дерзким, ни недостаточно почтительным. Не вызывают возражений и выводы, сделанные после такой обстоятельной проработки. Но в самом изложении этих выводов я замечаю тенденцию, которая меня глубоко задевает.

Значение того, что открыл Фрейд, последовательно преуменьшается, а важность достижений последнего времени не то, что даже преувеличивается, а подается с акцентированным энтузиазмом. «Эмпирические (то есть разработанные самим Грофом. – А. Б.) методы терапии принесли ошеломительные результаты»… «Знание перинатальной динамики и ее включение в картографию бессознательного обеспечивает простую, изящную и действенную модель для объяснения многих явлений, которые были загадкой для Фрейда и его последователей»… «Концепция женской сексуальности и вообще женского начала, как ее понимал Фрейд (который, как мы помним, на самом деле бесстрашно признавал, что он ее не понимает! – А. Б.), является безусловно самым слабым местом психоанализа и граничит со

смехотворной глупостью»… Словом, мавр сделал свое дело – и может уходить. Читать Фрейда, конечно, нужно для общего образования, но зачитываться им, искать в его суждениях что-то такое, что по-настоящему может быть понято только теперь, – занятие бессмысленное. «Фундаментальная ошибка психоанализа состоит в том, что главное внимание направляется на биологические события и индивидуальное бессознательное. Делается попытка распространить данные, полученные в одной поверхностной и очень узкой полосе сознания, на другие уровни сознания и человеческую психику вообще. Поэтому главным недостатком этой теории является то, что в ней нет подлинного признания перинатального и трансперсонального уровней бессознательного».

Что же питает этот яростный порыв к отмежеванию, к уходу прочь из родительского дома? Угадываются два мотива. Фрейд для Грофа – материалист, ярчайший представитель старой, опорочившей себя мировоззренческой парадигмы, развенчание которой этот ученый считает сверхзадачей своего творчества. Законы идейной борьбы не позволяют демонстрировать солидарность с противником, хоть бы он тысячу раз был прав. Но есть, чувствую, и еще один побудительный импульс. Амбивалентность, двойственность отношения к Фрейду – влечение и отторжение, готовность возвести на пьедестал и желание унизить – не случайно, наверное, так разительно напоминает сложную психологическую партитуру Эдипова комплекса, определяющего чувства сына к отцу. Любого сына к любому отцу, великому и невеликому.

Ошибка – понятие однозначное. Сесть на автобус, идущий в противоположную сторону. Дать больному лекарство, которое вместо пользы принесет ему вред. Принять врага за друга. Вот что такое ошибка. Находит ли Гроф что-то подобное в теории психоанализа? Оказывается, нет! Дело обстоит как раз наоборот!

«Вообще говоря, психоанализ является почти идеальной концептуальной системой – до тех пор, пока сеансы сосредотачиваются на биографическом уровне бессознательного. Если бы опыт анализа воспоминаний был единственным, что принимается в расчет в этом контексте, ЛСД-психотерапия могла бы рассматриваться в качестве почти лабораторного метода подтверждения основных психоаналитических предпосылок.

Психосексуальная динамика и фундаментальные конфликты человеческой психики, в том виде, в каком их описывал Фрейд, необыкновенно ясно проявляются даже при работе с наивными людьми, которые никогда не встречались с психоанализом, не читали психоаналитических книг и не подвергались ни

открытому, ни скрытому внушению каких-либо идей. Под действием ЛСД они переживают опыт детства и даже раннего детства, возвращаются к психосексуальным травмам и сложным ощущениям, связанным с младенческой сексуальностью, сталкиваются с энергетическими конфликтами в различных эрогенных зонах. Им приходится прорабатывать фундаментальные психологические проблемы, описанные в психоанализе, например, комплекс Эдипа или Электры, травму отнятия от груди, страх кастрации, зависть по поводу пениса и конфликты приучения к туалету. Сеансы с ЛСД подтверждают также разработанную Фрейдом динамическую картографию психоневрозов и психосоматических расстройств, их специфические связи с эрогенными зонами и стадиями развития Эго (в нашей традиции – «Я». – А. Б.)».

Гипотеза о базовых перинатальных матрицах и в самом деле может оказать огромную помощь в истолковании явлений сексуальной жизни и в разрешении возникающих здесь проблем. Но это никоим образом не опровержение Фрейда. Это всего лишь развитие и уточнение его теории.

В конце 70-х годов в США вышел уникальный труд – «Сексуальный профиль влиятельный мужчин». Психологи опросили большую группу дорогих проституток, имеющих дело только с представителями политической и деловой элиты, знаменитыми судьями, адвокатами и т. п. Возможно, впервые «дамы полусвета» выступили не как объект исследования, а как свидетели и эксперты – цель состояла в сборе информации о сексуальных привычках и вкусах сильных мира сего. Общий объем записей превысил 700 часов. Оказалось, что «примитивный» секс почти никого не интересует – даже с теми поправками, которые сексуальная революция внесла в представления о норме. Свои внушительные гонорары проститутки получают за нечто из ряда вон выходящее. Необычайно распространены садомазохистские «развлечения» – побои, пытки, имитация сцен изнасилования. Особое место в прейскуранте занимает акт мочеиспускания и испражнения на клиента – «золотой» и «коричневый» душ.

В книге приводятся отчеты ЦРУ, согласно которым это было излюбленным сексуальным блюдом Адольфа Гитлера: истинное удовлетворение фюреру доставляла крайняя степень унижения и муки. Само использование этого примера показывает, что авторов исследования интересовала глубинная природа крайнего честолюбия, жажды власти и презрения к морали, которые обуславливают выбор самых престижных, по меркам нынешнего общества, видов деятельности и успех в них.

Книга трактует эти сексуальные отклонения в полном соответствии с теорией Фрейда, соотнося их с разными стадиями инфантильной сексуальности и сопутствующими им событиями раннего детства. Грофа такое объяснение не устраивает – он, как мы догадываемся, переносит акцент на перинатальную фазу развития, на переживания, связанные с третьей матрицей. Но принципиального противоречия я в этом не вижу.

Фрейд неоднократно повторял, что ребенок уже приносит с собой в мир нечто не поддающееся определению, но явно отличающее его от других. С другой стороны, и Гроф не отрицает, что перинатальные переживания должны получить подкрепление в обстоятельствах младенческой жизни, в отношениях с родителями. Я уже говорил о том, какое значение придаю концепции смерти-возрождения. Но когда настраиваюсь на осмысление тех же явлений сквозь призму рассуждений Фрейда о вечной борьбе Эроса и Тапатоса, никакого насилия под мыслью совершать не приходится: мы попадаем в одно и то же психическое пространство, только входим в него с разных сторон.

У стареющих отцов тоже бывают свои проблемы с выросшими сыновьями. Напряженные отношения Фрейда даже с теми великими психоаналитиками, в ком он мог видеть прямых учеников, не случайно вошли во все хрестоматии. Но Грофу, я почему-то уверен, он за многое был бы благодарен…

Если же говорить о нашей главной теме, то специально на проблемах гомосексуальности Гроф не останавливался, а свой клинический опыт не считал достаточным для широких обобщений. Потребность в лечении испытывают только те, у кого однополое влечение вызывает трудности и проблемы внутреннего, психического свойства. Типичный пациент – человек, который страдает от депрессии, невроза или склонности к самоубийству, но попутно является гомосексуалом, а такое сочетание способно скорее запутать, чем прояснить картину.

Как и в других случаях, Гроф не отказывается от предложенной Фрейдом модели, но дополняет и по-своему расцвечивает ее. Феномен «бегства от женщины» в его интерпретации является прямым следствием родовой травмы. «Роды – серьезное и потенциально опасное событие, во время родов женские половые органы убили или довели почти до смерти довольно много детей. Для мужчин, у которых воспоминание о родовой травме расположено в самых верхних слоях бессознательного, образ влагалища как органа-убийцы настолько силен, что они неспособны относиться к нему как к источнику наслаждения. Чтобы расчистить себе дорогу к женщине как объекту сексуального влечения, необходимо

пережить и проработать такое травмирующее воспоминание. Женщине, психологически близкой к воспоминаниям о собственном рождении, будет трудно признать свою принадлежность к женскому полу, свою сексуальность и детородную функцию, так как для нее женственность и обладание влагалищем ассоциируются с пыткой и убийством. Чтобы вполне освоиться с ролью женщины и соответствующим сексуальным поведением, необходимо проработать воспоминание о родовой травме».

Как видим, уверенность в том, что его анализ доходит до самых корней явления, позволяет Грофу более оптимистично смотреть на перспективы изменения сексуального объекта: непреодолимый бессознательный страх перед женщиной может быть побежден.

В поведении бегство от противоположного пола и влечение к собственному сливаются воедино. Но психологически, как подсказывает простая логика, за этим должны стоять два разных механизма. Если бы сексуальный потенциал человека не открывал перед ним такой «запасной выход», страх перед женщиной оборачивался бы стойким воздержанием и ничем больше. Какие элементы перинатального опыта предрасполагают к такой перестановке, к инверсии в выборе объекта, говоря словами Фрейда? Никаких упоминаний об этом мы у Грофа не находим. Речь идет лишь о психологических зависимостях либо более поверхностного, либо трансперсонального уровней. Страстное восхищение мужским телом Гроф объясняет неутоленной потребностью в отцовском внимании. Но встречались, говорит он, и гомосексуалы, способные обнаружить корни влечения к собственному полу за пределами своей здешней биографии. Один, к примеру, мог быть в предыдущем воплощении женщиной, которой не посчастливилось обрести себя в любовном союзе с мужчиной, другому таким же мистическим способом передались склонности античного грека.

Как каждый увлекающийся человек, Гроф бывает более и менее убедителен в своих интерпретациях. Но по глубине ни одна из них не может соперничать с уже знакомым нам постулатом Фрейда о прирожденной двойственности полового инстинкта, который требует еще дополнительной доработки, чтобы выбор объекта совершился окончательно. Мы не ошибемся, сказав, что это положение, хоть и высказанное почти сто лет назад, и по сей день остается «последним словом» науки. Но зачем понадобилось природе наделять человека этой странной особенностью – вопрос, на который ответа пока нет.

Резерв главного командования

Знаменитый голландский биолог, Нобелевский лауреат Николас Тинберген обладал, помимо таланта ученого, незаурядным литературным даром. Его описания брачного поведения животных читаются, как увлекательный роман.

«Всю осень и зиму серебристые чайки живут семьями. Весной вся стая прилетает на гнездовые участки в песчаных дюнах. Когда птицы, покружив некоторое время в воздухе, опускаются на землю, они разделяются на пары, занимающие отдельные территории в пределах колонии. Однако пары образуют не все особи, многие объединяются, так сказать, в „клубы“. Продолжительное изучение меченых особей показало, что новые пары формируются в таких клубах, причем инициативу здесь берут на себя самки. Оставшаяся без партнера самка приближается к самцу особым образом. Она втягивает шею, направляет клюв вперед и слегка вверх, а затем, расположив тело горизонтально, медленно кружит вокруг избранного самца. Тот может реагировать двумя способами: либо начинает с важным видом оборачиваться и нападать на других самцов, либо издает протяжный крик и отходит вместе с самкой. Тогда она часто начинает выпрашивать у него корм, своеобразно подергивая головой. Самец реагирует на такое выпрашивающее поведение, отрыгивая часть проглоченной пищи, которую самка жадно съедает. В начале сезона размножения это может быть просто „флирт“, не завершающийся серьезной связью. Однако обычно птицы в таких парах привязываются друг к другу, что ведет к заключению прочного союза. Когда он возник, делается следующий шаг: поиск места для гнезда. Птицы покидают клуб и выбирают собственную территорию в пределах занятого колонией пространства. Здесь они начинают строить гнездо… Раз или два в день птицы спариваются. Этому всегда предшествует долгая церемония. Оба партнера начинают подергивать головой, как будто выпрашивают корм. Разница с „кормлением ухаживания“ заключается в том, что такие движения делают и самец, и самка. Спустя некоторое время самец начинает постепенно вытягивать шею, вскоре после чего вспрыгивает на самку. Спаривание заключается в неоднократном соприкосновении клоак партнеров».

Строительство гнезда, кладка яиц и насиживание, охрана территории, защита выводка – все эти сложные совместные действия самца и самки можно точно так же представить себе как многозвенную цепь, состоящую из бесчисленного ряда отдельных

операций. Первые фразы – рассказ о прилете на гнездовые участки – могут показаться данью повествовательности, подобной картинам природы в художественном произведении. Но это уже начальная фаза брачного поведенческого цикла, строго контролируемая половым инстинктом. Когда в тех местах, где птицы зимуют, удлиняется световой день, гипофиз в ответ увеличивает секрецию гормона, влияющего на рост половых желез. Половые гормоны, в свою очередь, действуют на центральную нервную систему, запускающую первую поведенческую реакцию, связанную с размножением – миграционную. Подталкивать процесс в нужном направлении может и отступление зимних холодов. И так – на всей цепи, до самого конца репродуктивного цикла.

Инстинкт слеп, как слепы и гормоны, сложнейшая игра которых составляет его материальную первооснову. Как бы ни поражала воображение изощренность поведенческих программ, в особенности когда речь идет о взаимодействии нескольких особей, брачной пары или родителей с потомством, любая нештатная ситуация мгновенно оборачивается катастрофой. Нерадивым матерям приводят обычно в пример слабых птичек, героически защищающих своих птенцов. Но если кукушонок вытолкнет из гнезда «законных» детей – они погибнут от голода у подножия дерева, их отчаянный писк не вызовет никакой реакции у заботливых родителей, целиком поглощенных теперь выкармливанием наглого пришельца. Механизм импринтинга, о котором я уже говорил, может закрепить подобную ошибку. В одном из опытов была подменена икра, только что выметанная и оплодотворенная парой цихловых рыб. Мальки, появившиеся из икринок, принадлежали к другому виду, но родители, у которых это было первое в их жизни потомство, приняли их за своих и стали опекать. Когда к ним в аквариум подпустили мальков их собственного вида, родители их съели. И точно так же стали они поступать в дальнейшем с родными детьми.

Такие сбои в развертывании поведенческих программ случаются и в естественных условиях. Тинберген наблюдал немало подобных трагедий в колонии серебристых чаек. Инстинкт повелевает родителям насиживать яйца по очереди. Когда одна птица встает с гнезда, другая тут же занимает ее место. Наибольший шанс выжить имеет потомство особей, у которых этот рефлекс работает без запинок. Достаточно матери или отцу проявить небольшое легкомыслие и хотя бы на минуту отлучиться, чтобы другая чайка бросилась сверху на гнездо в надежде поживиться. В одной паре обнаружился самец с более серьезным повреждением программы поведения. Он вообще не

желал сменять на гнезде свою подругу. 20 суток самка героически терпела, но в конце концов голод пересилил. Выводок погиб. Но горестная судьба птенцов является в таких случаях залогом благополучия вида в целом. Потомство могло унаследовать от отца поведенческий дефект, и тогда в стае вместо одного дегенерата появилось бы еще три.

Инстинктивные реакции, определяющие выбор партнера, многофункциональны. Чтобы оплодотворение успешно совершилось, все предварительные действия должны разворачиваться синхронно, в соответствии с «точным расписанием», охватывающим и двигательные процессы, и готовность внутренних органов репродуктивной системы. Подмечено, что если один из партнеров обгоняет другого в сексуальном напряжении, его настойчивые ухаживания подхлестывают у отстающего ход гормональных процессов. Вопреки обыденным представлениям, лишь у небольшой группы животных самец может насильно принудить самку спариваться с ним. Но в этом и не возникает необходимости, поскольку синхронизация обеспечивается сигнальной системой, действующей с точностью до долей секунды: каждая реакция действует как сигнал, запускающий ответную реакцию партнера.

Половой инстинкт, требующий физического контакта при спаривании, вступает в противоречие с силой, не менее могущественной – инстинктом самосохранения. Назначение многих предварительных процедур, ухаживания, танцев, – не только в соблазнении, но и в подавлении защитных реакций: потенциальный брачный партнер должен выделиться из ряда других живых существ, вызывающих инстинктивное стремление напасть на них или обратиться в бегство. Эти действия, как и те, что синхронизируют половую активность, по-разному выглядят у разных полов. У большинства видов самки составляют наиболее ценную часть «видового капитала», поэтому он самцов обычно требуется большая настойчивость в ухаживании. Зато самцы чаще всего бывают крайне агрессивны в период размножения, и если самки их не умиротворят, вместо любви всегда возможно нападение.

С точки зрения поддержания жизни, крайне нежелательно межвидовое спаривание. Генетические программы роста и развития у каждого вида свои, поэтому при скрещивании есть опасность гибели яйцеклетки или появления слабого, нежизнеспособного потомства. Брачное поведение выполняет функцию репродуктивной изоляции, отсекая вероятность спаривания даже с ближайшими родственниками, для чего одних только внешних признаков часто оказывается недостаточно.

Ошибка может возникнуть даже на уровне одной поведенческой реакции. У разных видов они близки, но поскольку таких действий много и они выстраиваются в последовательные причинно-следственные цепочки, правильный подбор пар гарантируется.

Половой инстинкт как показывают наблюдения, не создает каких-то особых противопоказаний для однополых контактов, и в определенных условиях его слепота делает их возможными. Николас Тинберген рассказывает об экспериментах над голубями. Самца и самку разделяли перегородкой в клетке так, что они видели и даже могли касаться друг друга, но совершить половой акт не могли. Голубь своими ухаживаниями доводил голубку до такого состояния, что она начинала нести яйца, естественно, нежизнеспособные. Самки, изолированные на долгое время от самцов, разбивались на пары, при этом одна из голубок начинала вести себя подобно ухаживающему самцу, а в результате обе неслись в одно и то же время.

Бывает, что животные как бы «путают» пол партнера. Это случается чаще всего с молодняком, осваивающим в игровой форме непривычные пока еще формы поведения, или с чрезмерно возбужденными самцами, готовыми (так говорят и о некоторых людях) наскакивать на все, что движется – на любую особь своего вида. Символическая, знаковая имитация посягательства используется у некоторых видов самцами для поддержания своих иерархических позиций в группе. При нарушении нормального соотношения полов, например, в условиях зоопарка животные, не находящие пару, прибегают к разным способам уменьшить напряжение, в том числе и к заигрыванию с себе подобными. Так же поступают и особи низких рангов, которых более сильные собраться не подпускают к самкам. Но во всех без исключения случаях эти формы поведения играют роль паллиатива. Когда нет препятствий и ограничений, инстинкт действует безальтернативно.

Но почему у человека эта закономерность оказалась нарушенной?

Каждый человек, не оставляющий потомства, – это своего рода тупик эволюции. Мы иногда говорим о старых фамилиях, о представителях древних родов, но означает это лишь то, что прошлое этих семей можно каким-то образом по именам и событиям проследить на много веков назад. В действительности ни старых, ни древних родов просто не существует – вся история развития жизни на земле может быть представлена как совокупность персональных историй каждого из нас. Попытаемся сосредоточиться на этой простой мысли, прочертить мысленно

весь бесконечно долгий путь, предшествовавший нашему рождению, – и только это позволит нам оценить истинное значение того факта, что в какой-то точке линия обрывается.

Конечно, есть много причин в силу которых может образоваться эволюционный тупик. Люди погибают, не успев дать жизнь следующему поколению. Пороки развития, болезни вызывают бесплодие. Встречается сознательный отказ от родительства, действуют социальные факторы, препятствующие вступлению в брак. Но все это либо не имеет никакого отношения к биологии, либо предполагает некую биологическую аномалию.

Гомосексуальность – это, пожалуй, единственный вариант, когда возможность тупикового исхода закладывается самой природой, создающей все необходимые предпосылки для того, чтобы каждый из родившихся мог примкнуть к третьему полу.

На каком этапе эволюционного развития половой инстинкт, унаследованный человеком от далеких прародителей, претерпел такую метаморфозу? Как ни слабы наши знания о том, как, в какие сроки, через какие промежуточные формы шло движение от животных к человеку, мы все же имеем достаточно оснований предположить, что эта особенность появилась в общем «пакете» с теми признаками, которые воплощают в себе единство биологического и социального начала. Появление компонентов пола, которые жизнь в обществе добавляет к чисто биологическим; возможность направлять могучую энергию либидо на цели, не имеющие прямого отношения к продолжению рода; расширение границ сексуальности, при котором деторождение становится не только не единственным, но зачастую чуть ли не побочным, а то и просто нежелательным ее проявлением – все это, как мы помним, стало и следствием, и условием выделения человека разумного из животного царства.

Если вновь, сделав все необходимые оговорки, мы позволим себе анализировать эволюционные задачи природы, то одной из самых бесспорных окажется увеличение разнообразия. Бисексуальность превосходно решает эту задачу, ровно вдвое увеличивая потенциал духовного развития. Фрейд подробно описал, как подавленное гомоэротическое влечение провоцирует психические расстройства. Но есть и другая возможность – сублимируясь, это влечение вносит дополнительные яркие краски в палитру доступных человеку переживаний. Как пряная приправа, которая не насыщает, но облагораживает вкус кулинарных шедевров, сублимированная гомоэротичность незримо присутствует в художественном творчестве, усиливает эстетические впечатления, обогощает отношения между людьми. У нас нет инструментов для проведения подобных спектральных

анализов, но я убежден, что без такой добавки мужская или женская дружба, составляющая одно из бесценных сокровищ человеческого существования, лишилась бы самых трепетных своих оттенков, а возможно, и вообще не могла бы родиться… Но ни человеку, ни человечеству блага не достаются бесплатно. Гомосексуальное меньшинство в каждом поколении, то есть люди, на которых грубо обрывается, отсекается от будущего эволюционная преемственность, и все ее достижения обращаются в прах, – это дань, привносимая за увеличение разнообразия, приближение к духовному совершенству.

Но когда я задумываюсь над тем, как старательно, в каком множестве вариантов отработан биологический механизм возникновения однополой любви, в голову невольно приходит и другое предположение… Животворящая мать-природа имеет в своем арсенале и средства мгновенного уничтожения вида или, на крайний случай, резкого уменьшения его численности. О скольких биологических формах мы имеет представление только по ископаемым останкам? Эпидемии, космические катаклизмы, экологические катастрофы… Возможно, и гомосексуальность стоит в этом же ряду – как самый легкий, наиболее гуманный способ прекратить не оправдавший себя эксперимент? Природа держит этот механизм про запас, но постоянно его проверяет, чтобы порох, как говорится, всегда оставался сухим…

Традиционные радости нетрадиционной семьи

Для большинства моих пациентов острейшей проблемой был всегда поиск партнера. Если судьба не шла навстречу, сводя двух будущих любовников в университетской аудитории, в служебном кабинете, в общежитии или в гостях, им приходилось ловить шанс во всевозможных злачных местах. Но не все способны адаптироваться к специфической атмосфере тусовки. Пару раз непосредственный импульс к началу лечения был следствием неприятностей, постигших пациента во время таких посещений.

Подталкиваемые острой нуждой, гомосексуалы одними из первых освоили достижения компьютерной революции. Они быстренько застолбили свою территорию в Интернете, заменив виртуальной реальностью вонючие клубы и подозрительные кафе.

Передо мной толстая пачка сообщений, прошедших по каналам электронной связи всего лишь за несколько июньских дней 1998 года. Для одних это возможность излить сердце, для других – попытка вернуть исчезнувшего друга, для третьих – способ привлечь к себе внимание. Я попытался отобрать несколько наиболее характерных посланий.

«Я видел его только один раз. Мы провели вместе четыре часа, гуляя по улицам. На первый взгляд – обычный человек. Но оказалось – человек с ножницами. С ножницами для моего сердца, которое аккуратно вырезал и положил себе в карман. Может, потом выкинул, подумав при этом: „А что это такое у меня заволялось в кармашке?“

Я – человек, по отзывам близких мне людей, сухой, бесчувственный, оказался бумажным змеем, которого несет туда, куда дует ветер. Я потерял самого себя. Ищу, брожу по тем улицам, где мы ходили вместе. Почти каждый день. Каждый час смотрю на его фотографию: не забыл ли какую-нибудь его черту? Одно помню – улыбку. Она пригвоздила меня к автобусной остановке, размазала, растворила в жаре.

Люди! Я молодой, красивый, умный, обеспеченный, правда, еще и наглый, циничный, почти лишенный чувства юмора, не умеющий общаться со сверстниками из-за образа жизни и образования… Как я мог настолько сильно полюбить человека за четыре часа общения, что и есть не могу, и дышать не могу?

Я люблю его. Он меня – нет. Простите за отнятое время».

«Меня зовут Николай. Живу в Москве. Закончил институт. Работал в силовых структурах. Материально обеспечен. Хотел бы

познакомиться с молодым парнем, пассивным, с хорошей внешностью. Но отношения могут сложиться, если увижу, что партнеру со мной хорошо, иначе это не для меня. Мне 25 лет, телосложение спортивное. Проблем не создаю».

«Хочу, как и многие, очень и очень хорошего – всерьез и надолго. Но жизнь бежит, и в ней редко встречается чудо. Поэтому – для затравки – готов за „мат. помощь“. Со спортивным, молодым, красивым, которого при всем при том еще не нашли агентства. Конечно, это грубо и неромантично, и утонченные эстеты жеманно поведут глазками и осудят. Но это не для них. Мне 36, актив, все на месте, не тусуюсь».

«Я не раз задумывался о нравах и традициях Древней Греции. В них что-то разумное есть. Не всегда родители могут дать вступающему во взрослую жизнь все необходимое. Мне 30 лет. Хочется познакомиться со старшеклассником или студентом для длительного и разностороннего общения».

«Высокий интеллектуал 26 лет ищет верного младшего (16? 22) друга. Возможна помощь и интеллектуальная поддержка».

«Хотел бы познакомиться с другом из Москвы, старше себя (мне 25), лет 30? 40, универсалом. В свободное от секса время читаю русскую классику и плаваю в бассейне».

«Слова отчаяния, прочитанные здесь, произвели на меня большое впечатление. Не могу сказать, что у меня нет проблем, к превратностям судьбы я отношусь очень даже болезненно. Но желания изливать свою страдающую душу у меня нет. Пишу с определенной целью – познакомиться с приличным человеком для разностороннего общения. Надоело каждый день: дом – работа, работа – дом. Материально независим, идти на содержание не собираюсь».

«Мне 24 года, живу и работаю в Москве. Хочу познакомиться с симпатичным и добрым парнем 25? 30 лет (не манерным, не тусовщиком, чистоплотным), который, как и я, увлекается компьютерами и всем, что с ними связано, тяжелым концептуальным роком и сексом. Очень хочу найти такого человека, который был бы мне не только очень близким другом, а намного больше, с которым я мог бы проводить все время вместе, любить друг друга. Но самое главное, что я ценю во взаимоотношениях между двумя людьми, это честность и порядочность».

«Только для постоянных отношений, молодой человек 26 лет, учитель русского языка и литературы, обычной внешности, не притязательный и не зануда, порядочный (есть хорошие друзья) познакомится с… Возраст не важен, как, впрочем, и все остальное. Главное – наличие желания иметь постоянные и

надежные отношения. Я не тусовщик, люблю музыку и прогулки. Порядочность и конфиденциальность гарантирую».

«Мне 19 лет. Студент психологического факультета. Ласковый, нежный, но не без характера. Хотелось бы встретить человека старше меня, мужественного (активного). Для длительных, может быть, постоянных отношений».

«Заранее скажу, что не коллекционирую ночные приключения. От одиночества они не спасают. Чувство, способное принести настоящее удовлетворение, невозможно без серьезной душевной привязанности. Но нельзя игнорировать и зов плоти. Мой идеал мужчины – это воин, грудью защищающий своего боевого товарища, моя заветная мечта – иметь друга-офицера. При этом сам я ни в какой степени ни внутренне, ни внешне не женственен. Я – физик, образование университетское, круг моих интересов очень широк: естествознание, история (особенно древняя), политика, литература, изобразительное искусство. Спортом занимался с детства, люблю лыжи, велосипед, у меня фигура бегуна. Мне нужен мужчина, и душой, и телом. Я знаю, что способен на очень глубокие чувства, но я устал влюбляться в натуралов. Неужели среди наших (т. е. геев) нет парней и умных, и душевных, и спортивных одновременно? Ребята! Если кто знает, где такие водятся и как их найти, напишите! Век буду благодарен».

«Молодой независимый паренек ищет друга, симпатичного, жизнерадостного, не манерного, не гулящего, просто классного парня, а не корыстного завистника, для великих жизненных дел!»

«Меня зовут Игорь. Человек я современный, многого достиг в жизни, почти полный набор „нового русского“ в хорошем смысле слова, но пока думал о материальном, сложилось так, что потерял близкого человека, с которым был вместе больше трех лет… А хочется опять почувствовать, что на свете есть человек, которого ты любишь и который любит тебя, что ты не один, что у тебя есть общие с кем-то семейные заботы, маленькие радости… Друзья – это хорошо, но не то. Хотел бы встретить хорошего парня, ни в коем случае не глупого, доброго и порядочного, который, как и я, ищет постоянства в отношениях».

«Я не считаю себя геем, хотя натуралом тоже назвать себя не могу. У меня не было сексуального опыта в этом плане, да я особо и не стремлюсь его получить. Почти все мои знакомые – натуралы, и я люблю и принимаю их такими. Зачем сюда пишу? Просто среди моих знакомых нет людей, которые меня любили бы и понимали, которым я мог бы рассказать все… В общем, у меня нет друга.

Я ищу человека, для которого секс – это не то, на чем нужно

строить жизнь и отношения, которому я мог бы доверить все, не опасаясь, что он меня не поймет или предаст. Мне 19 лет, учусь, насчет внешности – особо не жалуюсь, а насчет ориентации – даже сам не знаю, может быть би (надеюсь, это не будет решающим фактором)».

«В принципе меня можно считать счастливым человеком, у меня есть друзья, живы родители, доходная работа, ум, интеллигентность, обаяние и еще куча всяческих достоинств. Но хочу еще больше общаться, видеть, чаще смеяться… Просто – любить. В людях ценю – размеры. Ума, души, улыбки и… уау, в общем, все поняли. Где же ты, большой и добрый плюшевый медведь, под чью лапу можно забраться и успокоиться?»

«Здравствуй, мой милый. Мы не виделись уже три дня, а я соскучился так, словно прошел год. Последний раз мы не очень хорошо расстались. Не буду выяснять, кто виноват. Виноваты оба. Просто знай, мне очень плохо без тебя. Засыпаю в бреду, твердя три слова. Ты знаешь, какие это слова. Боюсь только, ты их не понимаешь.

Каждый раз, когда ты надолго пропадал, я не находил себе места. Но ты появлялся снова, и все повторялось. Вечные ссоры, недомолвки, пьянство. Помню, как мы встретились. Я сидел в парке, и ты первый подошел ко мне, попросил закурить. Ты был весь в слезах и жутко пьян. Тогда ты поссорился с родителями и ушел из дома. Тебе было негде ночевать. Мы пошли ко мне. Я напоил тебя крепким чаем и заставил умыться, потом постелил тебе на кровати, а сам лег на полу. Ты быстро уснул, а я долго сидел в темноте и смотрел на тебя. Лунный свет падал на твое лицо. Ты успокоился, улыбался во сне… Боже, я никогда этого не забуду!

Прошло несколько дней. Мы уже достаточно хорошо друг друга знали. Ты говорил, что любишь меня. Мой дом стал твоим домом. Но вдруг что-то сломалось. Ты стал исчезать, приходил пьяным, начались скандалы… Но не бросай меня. Я без тебя не могу. Я всегда с тобой, даже если меня не станет на свете, я все равно буду с тобой. Что еще могу сказать? Только три слова. Только три. Я тебя люблю».

«Смотря на себя со стороны, вспоминаю старый анекдот. В 20 лет – есть с кем, но негде и не на что, в 30 лет – есть на что, есть с кем, но негде, в 40 лет – есть на что, есть где, да не с кем! И хотя мне еще только тридцать, основная проблема – нет его, единственного и любимого, и где его искать – непонятно. Счастливые голубые пары – редкость, но надо искать, кто не пробует, тот не получает. Иногда такой опыт бывает болезненным. Знаю по себе. Прожив с человеком достаточно

длительное время, постигаешь, что ты ему был нужен лишь из-за определенных соображений и дальше видеть тебя в своей жизни он не планирует. И все же не теряю надежды познакомиться с серьезным и смелым человеком, способным поддерживать постоянные и равноправные отношения. Материально я независим, высшее образование, много работаю, но все же стараюсь вести интересную жизнь. Я сторонник традиционных отношений в семье с нетрадиционной ориентацией. Если вам от 25 до 35, вы независимы и имеете серьезные намерения – пишите…»

«Если молодые, красивые, спортивные, состоявшиеся месяцами никого найти не могут, что уж тогда говорить о тех, кому особо гордиться нечем? Мне уже тридцать два, и я едва ли уже смогу общаться с человеком значительно младше себя. Ни заметным ростом, ни статной фигурой, ни плакатной внешностью я не отличаюсь. Все самое обычное, даже можно было бы получше. Собственные фотографии иной раз подвергают в такое уныние, что знакомые начинают утешать с изяществом слонов в посудной лавке: зато ты добрый, умный, веселый и т. п. И „голый“ секс меня совершенно не интересует, все-таки должны быть у людей еще какие-то точки соприкосновения. Вот поразмыслишь этак и ничего не напишешь. Но сегодня мне в голову пришла гениальная по своей простоте мысль: ведь не может же быть, чтобы среди трехсот тысяч людей, посетивших этот „сайт“, не нашлось ни одного с подобными моими мыслями и проблемами! Так, может быть, вместо того, чтобы в одиночестве хлестать себя ушами по щекам, стоит объединиться? Кому надоело заниматься самоистязанием – пишите!»

«Спасибо основателю этой доски! Не умею и не хочу писать сочинения про себя. Как правило, в письмах все такие замечательные, а на самом деле – наоборот. Мне 37/179/64. Дальше все нормально, но не люблю, когда сильно замыкаются на постели. Наверное, важнее общение и стабильность, здесь, в Москве, этого не хватает. Приехал я в этот город год назад и до сих пор один. Сказывается моя застенчивость. Может, и найду кого-нибудь по переписке?..»

Ни с какой стороны мы не можем считать этот материал репрезентативным. Владельцы компьютеров, даже если прибавить к ним тех, кто имеет к ним постоянный доступ, составляют уже значительный процент в населении, но еще далеко не большинство, а «безлошадным» в этот престижный клуб доступ закрыт. Не слышим мы и голоса тех, кто не ищет знакомства, и ничего не знаем о том, что за этим стоит: отсутствие такой проблемы, или неверие в возможность решить ее с помощью

объявления, или своего рода брезгливость? Все это путает, искажает картину. Но зато у текстов, которые я хочу проанализировать, есть одно преимущество над данными опросов, проведенных по всем правилам социологической науки: это и в самом деле вопль души. Не ответ на вопрос, который составитель анкеты задает, исходя из собственных представлений и исследовательских интересов, а прямое отражение тех переживаний, которые сам человек считает наиважнейшими.

Любая анкета, разрабатываемая сегодня, наверняка ставила бы задачу прощупать социальное самочувствие гомосексуального меньшинства: взаимоотношения с «нормальным» окружением, трудности существования в таком качестве и отсюда – желание или нежелание перерождаться. Но даже в виде далеких отзвуков эта тема ни в одном из монологов не присутствует. Граница между меньшинством и преобладающей частью общества выглядит, по многим признакам, прозрачной. Никакой изоляции – ни по линии личных отношений, ни по служебной, карьерной, творческой. Чувствуется, что ничто извне не мешает этим людям принимать себя спокойно и уверенно такими, какие они есть.

Мне трудно допустить, что жизненный путь «голубых» всегда и повсюду проходит под знаком максимального благоприятствования. Но надо иметь в виду, что мы вообще живем в эпоху больших размежеваний. Тот же «новый русский» может встречать косые взгляды по множеству других своих отличий – он богат, а окружающие бедны, он поддерживает реформы, а окружающие мечтают о реставрации советского строя… Исконная человеческая потребность «быть таким, как все» стала за каких-то полтора десятилетия очень избирательной: мы начинаем с того, что определяемся – а кто такие для нас эти «все».

Причины, поставившие этих людей в ситуацию серьезного личного кризиса, относятся к иному миру явлений. Они называют его одиночеством. Но под этим словом могут подразумеваться разные состояния и разные способы их преодоления. Не с кем время провести, не с кем утолить сексуальный голод – это тоже форма одиночества, и я вовсе не хочу сказать, что огорчения, связанные с ним, несерьезны. Но жизнь, как правило, бывает достаточно благосклонна к тем, кто не предъявляет к ее дарам чрезмерно больших требований. Отличительная особенность развлечений – светских, переходящих в любовные, и любовных, преходящих в светские, – взаимозаменяемость. Не одна компания, так другая, не этот партнер, так тот.

Но вы, очевидно, заметили, что в объявлениях, рассылаемых по электронной почте, речь идет о другом одиночестве, – о

неутоленной потребности разделить с кем-то свою судьбу, мысли и мечты, постоянно чувствовать рядом родную душу. Я сознательно сохранил во всех письмах данные о возрасте – разброс очень велик, но мы видим, что сердечная тоска, вызванная отсутствием глубоких эмоциональных связей, поражает одинаково и желторотых юношов, и зрелых мужчин, близящихся к своему сорокалетию. Как бы ни складывалась жизнь – она будет пуста и бессмысленна, если не появится Друг: добрый, надежный, верный, всепонимающий, мое второе «Я».

Старый миф о возможности обрести полноту существования только в слиянии с другой половинкой некоего прекрасного и гармоничного целого владеет, оказывается, сознанием этих твердо стоящих на земле, а судя по способу выражать свои мысли – чуждых излишней сентиментальности мужчин. Отличие лишь в том, что для них эта вторая половина тоже должна принадлежать к другому полу.

Если бы только этот вывод был сделан нами из анализа материалов Интернета, он бы всего лишь продублировал пафос романтической повести, с которой я начал этот раздел книги. Разве что с большей весомостью: хор звучит убедительнее, чем одинокий голос. Но меня поразил еще один повторяющийся мотив.

Близость с искомым Другом должна быть, разумеется, «всесторонней», охватывающей все проявления любви. Но их ценность различна, и секс вовсе не играет первую скрипку. Конечно, от требований плоти никуда не денешься, но можно довольствоваться и скромной подачкой, так в развернутом виде могла бы звучать эта мысль. Но главным, что нас соединит, будет вовсе не это. Главным будет нерушимый духовный союз, взаимная преданность, чувство локтя и что еще важнее для современных молодых людей – чувство надежно защищенной спины. Друг не обманет и не предаст.

Объясню, чем так ошеломили меня эти при признания. Для мужской однополой любви чрезвычайно характерен высокий уровень сексуального аппетита. Связано это с особенностями нейтроэндокринной регуляции или с тем, что максимальную степень удовлетворенности природа все же приберегает для встреч перспективных, с точки зрения продолжения рода, – этого мы пока не знаем. Но весь мой опыт говорит о том, что гомосексуальность и темперамент – явления нераздельные.

«Я не тусуюсь», – говорит один молодой человек. «Не коллекционирую ночные приключения», – говорит другой. «Голый» секс меня совершенно не интересует», – сообщает третий. Это важные штрихи в их автопортрете, рисующие

достойный всяческого уважения уровень духовных и нравственных запросов. Но я вспоминаю своих пациентов, которые были людьми не менее тонкой душевной организации. Зачастую им было трудно рассказывать о том, с кем, как и в какой обстановке сводила их страсть – настолько это задевало их собственный вкус. Но «встать выше» требований плоти было им не по силам.

Чтобы проверить свои впечатления, я специально проконсультировался с коллегами. Они сказали то же самое. Во многих зарубежных исследованиях приводятся количественные данные, свидетельствующие о необычайно высокой интенсивности половой жизни геев. Это проявляется и в количестве партнеров, составляющих в жизни многих из них бесконечную череду, измеряемую четырехзначными, а то и пятизначными цифрами. Есть даже такая точка зрения, касающаяся главным образом этих «рекордсменов», что ненасытность входит в число важнейших причин гомосексуальнй ориентации, поскольку только принятые в этой среде обычаи и нравы создают условия для полной самореализации.

Так кто же эти люди, пытающиеся решить мучительную проблему своей жизни с помощью компьютерной техники? В их понимании взаимной любви не как источника удовольствий, а как ведущего начала, организующего жизнь, нет ничего специфически «голубого». За исключением отпетых циников, любой человек, делясь своими сокровенными мечтами, непременно даст понять в той или иной форме, что он не мыслит счастья без такой любви. Специфика в том, что место второй половинки – жены, подруги, возлюбленной в мечтах гомосексуалов занимает Друг. Почему – мы уже достаточно ясно можем себе представить. Но теперь, после знакомства с доской объявлений в Интернете, встает и другой вопрос: насколько это фатально?

Вспомним, с чего начинает анализ гомосексуальности Фрейд, – намеченную, но, к сожалению, не заполненную им в дальнейшем многорядную таблицу, в которой нашли отражение разные типы инверсии. Этот подход лежит в основе большинства статистических методов исследования сексуального поведения, начатых в свое время американцем Альфредом Кинзи. По данным Кинзи, развернувшего масштабные опросы в 40-х годах, только 56 процентов взрослого населения США отличались строгой последовательностью в сексуальной ориентации. Чуть больше половины нации – 52 процента – позволяли говорить о себе как о гетеросексуальном большинстве. В их жизни, на момент опроса, не было ни одного гомосексуального эпизода. С такой же

определенностью можно было назвать гомосексуалами тех, кто ни разу в жизни не изменил этому выбору: их, от общего числа опрошенных мужчин, набралось 4 процента.

Эти две группы заняли крайние, полярные позиции в шкале Кинзи. А что же между ними, что представляют собой остальные, составляющие такую значительную долю среди опрошенных, целых 44 процента? Если сказать коротко – это люди, ведущие двойную жизнь. Но между ними есть огромные различия. Фрейд говорил о психосексуальных гермафродитах и случайно инвертированных, а также о людях, у которых эта склонность в разные периоды жизни проявляется неодинаково. Кинзи, которому нужно было фрмализовать эти признаки для проведения подсчетов, ввел в свою шкалу еще четыре позиции, отражающие разную степень гомо или гетеросексуальных предпочтений (от единичных «проколов» до примерного равновесия) в сочетании с фактором времени. Это распределение наглядно показало многообразие промежуточных форм, лежащих между двумя полюсами (вместо четырех граф можно было ввести двадцать четыре, и для каждой нашлись бы содержательные отличия), но что еще более примечательно – огромную подвижность. Сексуальное поведение меняется в течение жизни. Одно небольшое уточнение в вопросе – как ведет себя человек всегда и к чему он же склоняется в течение последних лет, – приводит к перестройке всех фактических пропорций.

Есть еще немало социологических методик, позволяющих с большей или меньшей степенью достоверности определить общую картину сексуальной жизни в стране или в регионе, сравнить между собой различные социальные слои. Этот зондаж стал особенно актуальным после начала эпидемии СПИДа. Но в любом раскладе, как правило, присутствует это зыбкое, неустойчивое «болото», простирающееся между двумя одномерными, стабильными полюсами.

Напрашивается предположение, что биологические факторы, о которых мы много говорили, имеют безусловную власть только на самих этих полюсах и в непосредственном соседстве с ними. В средней же части спектра они по меньшей мере не господствуют. В силу вступают внешние обстоятельства, вся их пестрая совокупность. Жизнь человека, как и история, не имеет сослагательного наклонения. И все же порой невозможно не думать о том, что было бы, если бы человек этот с детства попал в другую культурную среду, если бы избежал соприкосновения с теми, кто в критические периоды его взросления оказался рядом…

Весь мой многолетний опыт подсказывает мне, что среди

молодых людей, с которыми нас свел Интернет, никто не отмечен печатью абсолютной инвертированности, во фрейдовском понимании этого термина, зато есть дебютанты, которым еще только предстоит испытать себя на этом поприще. Наивный 19-летний мальчик открыто признается, что у него нет гомосексуального опыта. Больше того – он даже не скрывает, что и сверстницы его волнуют. И можете мне поверить – он не один такой в этой случайно подобравшейся компании.

Откуда же приходит это твердое убеждение, что выход из одиночества для них возможен только в объятиях Друга, но никак не женщины, какой бы она ни была?

Если ранние годы молодого человека проходили в тех же условиях, что и у большинства его сверстников, ему почти наверняка суждено было пережить одну из самых больших трагедий детства – дефицит материнской любви. Скорее всего при этом женщина, родившая его, была нормальной любящей матерью. Но она – вероятность почти стопроцентная – работала. Уход в декретный отпуск создал для нее множество неприятных проблем. Домашняя нагрузка, в связи с появлением нового и необычайно привередливого члена семьи, выросла десятикратно. Таща этот неподъемный воз, женщина имела полное право считать, что совершает настоящий подвиг материнства. Но беда в том, что ребенок не способен оценить эти жертвы. Зато он жестоко страдает от недостатка тепла (в том числе и физического, предаваемого от тела к телу), от невнимания, от злобности, даже если в ней прорывается всего лишь бесконечная усталость… Меня, не раз случалось, до глубины души поражал зияющий контраст между тем, как описывает свою мать взрослый, то есть умеющий рассуждать, умудренный собственным житейским опытом мужчина, и ее первообразом, сохранившимся в его бессознательной памяти. Милая, добрая, отзывчивая женщина – и непонятное, непредсказуемое существо, необычайно красивое, но и столь же опасное. Первый опыт боли, которую несет в себе любовь. Первый импульс глубинного недоверия женщине.

Что касается дальнейшего, то исходя опять же из самых массовых стандартов образа жизни мы должны предположить, что мальчик рано, быть может даже чрезмерно рано поступил под опеку воспитательниц детского учреждения. Ни одна из них по силе влияния никак не может быть сравнима с матерью. Но их много, в общении с ними проходит почти вся жизнь ребенка, их власть над ним безгранична, и они ею часто злоупотребляют. На смену им приходит целая плеяда школьных учительниц. За все годы учебы мальчик может ни разу не встретиться в педагогом-

мужчиной, что особенно опасно, если и в семье нет яркой мужской фигуры.

Маленькому представителю сильного пола не нужно специально внушать идею превосходства над «бабами»: он и без того ею переполнен. В отсутствие же реальных, то есть всегда достаточно противоречивых впечатлений представления о том, что такое мужчина, идеализируются, романтизируются, наделяются всеми признаками совершенства. Женщин же, напротив, подрастающий мальчик видит во множестве, но увы – не в лучшие минуты их жизни и не с тех позиций, которые способствуют объективности. Глубинное, не всегда даже осознаваемое недоверие подкрепляется теперь выводами из этих повседневных наблюдений. Женщина истерична, несправедлива, коварна, склонна к предательству, хитра, деспотична, ничем никогда не бывает довольна…

Фрейд, мы помним, считал особенно интересными случаи, в которых «либидо меняется в смысле инверсии после того, как был приобретен мучительный опыт с нормальным сексуальным опытом». Я бы чуть-чуть расширил обозначенные здесь рамки. Речь, видимо, должна идти не только о половых отношениях в узком смысле и не только о собственном мучительном опыте. Несчастья некоторых моих пациентов разворачиваются передо мной как второй акт драмы, закономерно следующий за первым, разыгранным при участии их родителей. Мальчик тяжело переживает семейный разлад, сочувствуя отцу и всю вину за случившееся возлагая на мать, а в ее лице – и на всех представительниц ее пола. Тяжелый отпечаток в душе оставляют и любовные неудачи друзей, особенно когда подкрепляют уже сложившееся мнение о женщине как о низком, вероломном, безжалостном существе.

В книге Ивана Блоха главе о гомосексуальности предшествует раздел, посвященный женоненавистничеству, или мизогинии, которая к концу XIX века приобрела характер эпидемии. Знаменосцами идеи нравственной неполноценности и физиологического слабоумия женщин более многие выдающиеся люди – Шопенгауэр, Стриндберг, Вайнингер. Их авторитет зримо содействовал росту армии единомышленников, провозглашавших борьбу за «мужскую эмансипацию». «Каждый глупый мальчишка топорщится в своей „гордости мужчины“ и чувствует себя „рыцарем ума“ по сравнению с „поверхностным“ полом; каждый пресыщенный кутила относится благосклонно – впрочем, в большинстве случаев лишь на короткое время – к удовлетворяющей его самолюбие моде женоненавистничества. Если бы можно было вообще говорить о „физиологическом

слабоумии“, то такие мужчины вполне могли бы явиться представителями этого злосчастного типа», – с предельной резкостью звучит отповедь автора книги, который был уверен: «Лозунг будущего – не „свобода от женщины“, а наоборот: „свобода вместе с женщиной“.

Среди мизогинистов, претендовавших на признание себя в роли «четвертого пола», было немало и представителей третьего пола, то есть гомосексуалов. Они группировались вокруг газет соответствующего направления, что говорило не только о настроениях в этой среде, но и о зачатках общественного движения. Из этого следует, что бунтарский дух, который всегда скапливается у угнетаемого меньшинства, первоначально был направлен не против косного и несправедливого общества, а против женщин.

Блох старался доказать, что мизогиния и гомосексуальность, пересекаясь во многих точках, все же далеко не тождественны. И среди мизогинистов много гетеросексуальных мужчин, и для гомосексуалов совсем не обязательно питать к женщине враждебные чувства. Но вновь изумляет меня сила интуиции, позволявшей опытному врачу угадывать взаимосвязи между явлениями по чистой догадке, без малейшего понятия о том, на каких биологических механизмах зиждется это внутреннее родство. «Если внимательно всмотреться в жизнь тех, кто возвел мизогинию в систему, то нетрудно отыскать причину этого женоненавистничества в личных переживаниях и впечатлениях. Первый последовательный представитель новейшего женоненавистничества, маркиз де Сад, был несчастлив как в браке, так и в любовной связи и питал свою ненависть к женщинам с развратным образом жизни и проистекающим отсюда пресыщением. Кто при чтении Шопенгауэра не вспоминает о его печальных отношениях к матери? Ибо тот, кто действительно любит свою мать и в свою очередь испытывает к себе всю нежность и самоотверженность материнской любви, тот никогда не может быть истинным принципиальным „врагом женщины“. Между тем Шопенгауэр скорее был связан со своею матерью чувством ненависти, чем любви. Без сомнения, и его заражение сифилисом, о котором я первый сделал публичное сообщение, сыграло известную роль в его позднейшей ненависти к женщинам. Стриндберг в своем сочинении „Исповедь глупца“ сам дает указание на причинную связь между его мизогинией и жизненными неудачами и разочарованиями; точно так же и из книги Вайнингера вполне явствует, что он не имел у женщин никакого успеха и сношения с ними кончались для него неприятностями».

Никто не знает точных параметров гомосексуального меньшинства, никто не может ответить на вопрос, меняются ли они от поколения к поколению, устанавливаются ли новые внутренние соотношения между отдельными видами и подвидами, как называл это Гроф. Статистические исследования начались совсем недавно, результаты не с чем сравнивать, да я, по правде говоря, и не верю в возможность получения исчерпывающе точных данных. Сейчас создается ощущение, что общество переживает всплеск гомосексуализма, но это ощущение может быть обманчивым: когда тайное становится явным, всегда создается иллюзия численного прироста. Но так же велика и вероятность того, что прирост и в самом деле произошел.

Сексуальная свобода сняла многие барьеры и сильно повернула массовое сознание в сторону известного девиза «однова живем». Жизнь коротка, молодость еще короче, уважающий себя человек должен все испытать и испробовать. Тогда хоть не так обидно покидать этот свет. Жажда разнообразия, любовь к острым экспериментам порой становятся единственным мотивом, толкающим на гомосексуальные приключения. Объявления в Интернете заставляют вспомнить и о феномене мужской продажной любви, самопроизвольно возникающей всюду, где есть значительное имущественное неравенство. Блох, хорошо знавший среду проституток, как он, не мудрствуя лукаво из называл, утверждает, что лишь единицы в ней являются прирожденными урнингами. Для остальных это просто работа, не всегда приятная, но и не более трудная, чем другие занятия, обещающие сыну бедных родителей сытость, комфорт, а случается – и социальное продвижение. По всем этим каналам гомосексуальная среда постоянно рекрутирует новобранцев, но, очевидно, тоже в разные времена с разной интенсивностью.

Эпоха от эпохи, следовательно, отличается не только отношением общества к однополой любви, примирительным или нетерпимым. С переменным напором действуют силы, способствующие расширению гомосексуальной прослойки или, наоборот, ее уменьшению. Если моя гипотеза верна, в эти периоды должны происходить и заметные изменения в динамике численности населения. Так, как мы наблюдаем это в последние десятилетия в Западной Европе: крепнут позиции третьего пола – и параллельно сокращается естественный прирост численности.

Эволюционная биология не сомневается в том, что есть факторы, регулирующие количество представителей каждого вида в интересах его сохранения, хотя о законах, управляющих этими процессами, мы еще знаем слишком мало. Одну из таких

закономерностей, как мы помним, попытался разгадать Виген Геодакян, теория которого связывала соотношение полов, то есть реальный потенциал размножения вида, с изменением условий его жизни. Большинство примеров, подтверждающих эту интерпретацию, относится к животному и растительному миру, и там концы с концами действительно сходятся.

Перенося эти рассуждения на человека, мы должны будем принять во внимание одну его существенную особенность: долгий срок детства. От рождения до вступления в пору социальной зрелости проходит очень много времени, и тому соотношению полов, какое было определено первоначально, могут потребоваться коррективы. Строя планы на отдаленное будущее, мы стараемся предусмотреть ресурсный резерв: возможно, он и не понадобится, но «в случае чего» будет задействован. Что если на роль своеобразного резерва предназначен и наш третий пол? Такое предположение проливает свет на многие его загадки…

Высшая степень свободы

Недавно я вновь побывал в Нижнем Новгороде, с которым связано у меня столько воспоминаний. Рад был убедиться, что Ян Голанд, давний мой товарищ, находится в добром здравии и продолжает успешно работать. Мне показалось, что Нижний вновь стал местом паломничества гомосексуалов, мечтающих о перемене своей судьбы. Казалось бы, получить квалифицированную психотерапевтическую помощь теперь стало несравненно легче, чем в былые годы, но к данной категории пациентов это не относится. «Зачем вам лечиться? – весело говорят им врачи. – Как вы живете, с кем вы живете – теперь до этого никому нет ровно никакого дела. Успокойтесь, расслабьтесь, оставайтесь самим собой и будьте счастливы!» Вот и приходится им колесить по стране в поисках места, где к их проблеме отнесутся серьезно, хотя по нынешним временам ради такого путешествия приходится подчас жертвовать очень многим.

Так надо ли лечить гомосексуалов? И можно ли их лечить? В кабинете Яна Голанда, рядом с его архивами, собранными за долгие десятилетия, эти вопросы кажутся нелепыми.

Голанд вспоминает одного из первых своих пациентов. Тогда, в 60-х годах, принципы анонимного лечения у нас в стране не применялись, но поскольку для большинства людей, нуждавшихся в помощи, это было первое условие обращения к медицине, Доктор на свой страх и риск отказался от имен и фамилий. За каждым пациентом закрепилась кличка. Организации, которым, наоборот, требовались списки, были в ярости. Но врачу удалось взять верх в единоборстве. Пациент, о котором идет речь, преподавал в институте, за ним поэтому закрепилась кличка Доцент.

Человек этот, несомненно, имел полное право сказать о себе – «таким меня создала природа». Первые посланные ею сигналы относились к младшему дошкольному возрасту: маленький мальчик пользовался каждым случаем, чтобы проникнуть в горшечную и подсмотреть, как выглядят другие мальчики в момент, когда они снимают штанишки. Эти глубоко заложенные предпосылки были еще, видимо, закреплены своеобразным семейным воспитанием. Родители растили троих сыновей. Возможно, им – в особенности матери – не хватало дочки, девочки. Доцент рассказывал, что с ним обращались совсем не так, как с братьями. Мать была с ним необычайно нежна, водила его с собой в женскую баню. На елку мальчик любил нарядиться девочкой, старался добиться полного сходства – его за это

хвалили.

Оба брата выросли крутыми, как теперь говорят, мужиками, на весь Горький гремели их донжуанские подвиги. И это еще больше осложняло положение Доцента. В 16 лет он подпоил своего приятеля и попытался совершить с ним половой акт. Это могло иметь самые печальные последствия, но спасло то, что «объект», придя в себя, мало что помнил. Доценту удалось благополучно закончить школу и поступить в университет.

Во всем, что относилось к учебе и к работе, он был круглым отличником, но личная жизнь не приносила ничего, кроме терзаний. Девушки его не интересовали, все они казались ему на одно лицо. Он был способен выделить в толпе красивые глаза или волосы, но то были бесстрастные наблюдения аналитика. А вот юноши – не моложе 17 и не старше 21 года – приводили его в волнение, которое ни в коем случае нельзя было обнаружить.

Каждое лето Доцент ездил в Сочи – там он позволял себе немного расслабиться, но слишком долго приходилось ждать этого несчастного отпуска и слишком быстро он пролетал. С годами у этого человека выработалась своеобразная маска. Он изображал большого любителя спиртного. Пьяному прощается все – в том числе инеуместные ласки, объятия, поцелуи, в особенности, если потом он делает сконфуженное лицо и говорит, что ничего не помнит.

В нашем разговоре Голанд упомянул еще один характерный штрих. Прежде чем приступить к лечению, ему пришлось немало времени потратить на то, чтобы создать у пациента необходимый понятийный аппарат, «олитературить» гомосексуальные переживания, – без этого их контакт был невозможен. Кандидат наук, преподаватель, великолепно владевший литературной речью, был не в состоянии описать (а, следовательно, в значительной степени и понять) того, что с ним происходит.

На базе новообретенного языка должно было бы начаться широкое общение между пациентами – чтобы каждый, научившись понимать других, смог лучше понять и самого себя. Но это было небезопасно. Ко всем обвинениям могло прибавиться самое убийственное – под видом лечения создается клуб гомосексуалистов. И Голанд сделал единственное, что ему оставалось, – он призвал на помощь технику. Такую, какой она была в то время, – примитивную, громоздкую, ненадежную, с очень плохим качеством записи изображения и звука. Но главную задачу, возложенную на нее, эта техника все же выполнила. Аудиовизуальный архив Яна Голанда поистине неисчерпаем.

Психоаналитиков, помнится, упрекали в том, что состояние пациента «на входе» и «на выходе» оценивает сам врач, который

может оказаться и недостаточно прозорлив, и чересчур субъективен. Проходит время, ослабевает влияние врача, – и люди возвращаются к прежнему образу жизни. И вот достаточно нажать кнопку воспроизводящего устройства, чтобы значительная часть сомнений развеялась сама собой. Пациент говорит о себе сам. Он делится своими переживаниями, рассуждает, анализирует, отмечает перемены – откровенно, не таясь, не преуменьшая драму происходящей в нем борьбы. Он полон уважения и благодарности врачу, но роль ему отводит скорее подсобную: «я сам себя вылечил, а врач мне только помог в этом, создал необходимые условия». Он убежден, что принял правильное решение, и готов доказывать это и через десять, и через двадцать, и через тридцать лет.

Когда у Доцента появляется желание повидаться с врачом, он меняет внешность, надевает парик и очки. В городе его многие знают, к чему лишние разговоры? Судьба его сложилась счастливо. Он очень удачно женился, что подтверждается уже десятилетиями ничем не омрачаемой семейной жизни, вырастил замечательную дочь. Девочка оказалась на редкость талантливой. Не станем уточнять, в какой именно области, чтобы не сделать портрет излишне узнаваемым, тем более, что и сама дочь понятия не имеет о прошлом своего отца. Мне лишь хотелось подчеркнуть, что в дополнение ко всем другим радостям жизни, в которых ему первоначально было заведомо отказано, нашему герою дано оказалось пережить и ни с чем не сравнимое чувство отцовской гордости.

Еще один из давних пациентов Голанда живет в Риге. Общаться через государственную границу не так-то просто, но связь, тем не менее, не прерывается. У этого человека тоже все сложилось так, как он себе наметил 20 лет тому назад. Хорошие отношения с женой, выдержавшие испытания временем, двое любимых детей. Воспоминания о прошлом не искушают и не причиняют боли. «Со мной это было или не со мной?»

Часто ли приходится сталкиваться с рецидивами гомосексуального влечения? – спросил я. За все годы таких эпизодов было три, и всякий раз причиной становилось нетерпение пациентов. Им казалось, что они уже ухватили Бога за бороду, хотя врач настаивал на продолжении работы. К счастью, во всех этих трех случаях неудача оказалась лишь временной.

Изменилась ли за три с лишним десятилетия врачебная методика? Ян Голанд долго обдумывал ответ. В общих чертах, сказал он, принципы лечения остались прежними, какими их предложил профессор Иванов, но формы воздействия стали гораздо более утонченными. Увереннее, чем в советские годы,

применяет теперь врач элементы психоанализа. Время и опыт отшлифовали формулы самовнушения. Ну и, конечно, необычайно обогатился архив. Любому пациенту теперь можно подыскать «двойника» – так, чтобы совпадали не только возраст и контуры, судьбы, но и внешность, цвет волос и глаз…

Возвращаясь домой из Нижнего Новгорода, я думал о том, какую чудовищную ошибку может совершить медицина, если она и вправду самоустранится от решения проблем гомосексуальности.

Общество, которое не на словах, на на деле уважает права человека, естественным путем приходит к мысли о недопустимости малейшей дискриминации в отношении сексуального меньшинства. Но если нельзя давить на человека, запрещая ему следовать велениям своей природы или принуждая ее изменить, то точно так же ни в какой форме нельзя препятствовать его стремлению измениться. Это тоже своего рода дискриминация, ограничение свободы, попытка отстранить человека от решения самого кардинального вопроса жизни – выбора своей судьбы.

Душа, разминувшаяся с телом

Когда ко мне на прием приходит транссексуал, я заранее знаю, что рано или поздно он произнесет сакраментальную фразу: «Доктор, со мной произошла ошибка. Мне дано женское (или мужское тело), но в нем живет мужская (или женская) душа». Очевидно, это и есть точное определение данного психологического состояния: транссексуал и вправду чувствует себя пленником своей телесной оболочки, которая ему глубоко чужда и чаще всего – болезненно неприятна. Но почему-то всегда невольно настораживает стандартность формулировки. Впечатление такое, что это кем-то установленный и выученный назубок пароль. При депрессии, допустим, переживания пациентов тоже бывают однотипными, и все же разные люди, рассказывая о них, находят свои, особые слова.

Эта формула – женская душа в мужском теле – имеет свою историю. Первым человеком, который произнес ее публично, был уже знакомый нам Карл Генрих Ульрихс, ассесор из Ганновера, первый теоретик и первый поэт гомосексуализма. Напомню, что он и сам был гомосексуалом и считал себя при этом не мужчиной со специфическими половыми потребностями, а существом отдельного, третьего пола, урнингом. С его легкой руки красивая фраза о душе, разминувшейся с телом, замелькала и в других сочинениях, посвященных теме однополой любви, но продолжалось это недолго. Формула не соответствовала самоощущению значительной части гомосексуалов, у которых не было никакого разлада между душой и телом. Их даже оскорбляло предположение, что в них, хотя бы в небольшой дозе, присутствует женское начало: если они ни под каким видом не хотели общаться с женщинами, то уже и подавно не желали ими быть. Зато формула Ульрихса пригодилась как нельзя лучше «эфеминизированным урнингам», как называли их в прошлом веке. Подозреваю, что в эту категорию попадало и немало гермафродитов, которым невозможно было в то время поставить точный диагноз, и транссексуалов, и тренсвеститов – эти явления не выделялись и не рассматривались самостоятельно, даже терминов таких не существовало. Вполне возможно, что и сам Ульрикс был в действительности транссексуалом, и именно благодаря этому ему удалось так точно выразить душевную драму этих людей.

Мне не случайно, однако, пришло в голову понятие «пароль». Когда слово становится паролем, его буквальный смысл теряет значение, оно становится сигналом для каких-то действий.

Именно так пользуются транссексуалы формулой Ульрихса. В любом другом случае пациент, сообщая врачу о своем состоянии, предоставляет ему решать, каким образом будет оказана помощь. Транссексуал приходит с готовым решением. Он не нуждается ни в советах, ни в рекомендациях. Врач ему нужен лишь как квалифицированный исполнитель его требования. А сводится оно к хирургической реконструкции тела, оказавшегося в оскорбительном несоответствии с душой. Поэтому нет необходимости в поисках слов, передающих тонкие оттенки переживаний. Достаточно произнести пароль.

Транссексуализм – явление очень редкое, если судить по статистике. Но впечатление обычно складывается такое, что транссексуалов гораздо больше, чем есть на самом деле. Этот обман зрения создается благодаря их исключительно активному, зачастую даже демонстративному поведению. В этом зримое отличие данной разновидности третьего пола: в стремлении быть на виду, привлекать к себе внимание, втягивать окружающих в обсуждение своих проблем.

Что касается меня, то мое знакомство с этим феноменом произошло раньше, чем я что-либо о нем узнал, раньше даже, чем я мог услышать или прочитать это слово – транссексуализм: в 1951 году, года за два до того, как этот термин появился впервые в работах известного исследователя Бенджамина.

Дело было в Сибири. Не помню уже, с какой целью был я командирован в один из крупных лагерей – психические срывы, требовавшие срочного освидетельствования, часто случались и с заключенными, и с охранниками. И вот когда я сделал все, что от меня требовалось, кто-то из местного начальства предложил: «Хотите посмотреть на нашу Дусю?»

Само упоминание женского имени в мужской зоне прозвучало странно. Но еще более удивительным показалось, что этим именем называл себя мужчина.

Я узнал историю этого человека. В лагерь он попал несколько лет назад, по какой-то бытовой статье, не предполагавшей долгого срока. «Я – Дуся», – говорил он всем и старался, насколько это было возможно в той обстановке, внешне выглядеть как женщина.

В бараке вместе с ним жил молодой симпатичный парень. Вскоре все уже знали, что это – Дусин муж. В сексуальном плане их отношения были безгрешны, но во всем остальном поведение Дуси действительно было поведением влюбленной женщины, которая проявляет свои чувства в заботе, в желании ухаживать за любимым и исполнять все его прихоти. Над Дусей посмеивались, но готовность поделиться с «мужем» последним куском трогала

всерьез: полуголодные люди в состоянии были оценить чистоту и искренность этого жеста.

Однажды «муж» в чем-то провинился, и охранник его сильно избил. Парень не выдержал побоев и умер. А вскоре нашли мертвым охранника, повинного в его смерти. Долго вести расследование не понадобилось. Дуся и не пытался что-нибудь скрыть. Он доверчиво рассказывал и показывал, как раздобыл топор («топорчик», говорил он), как вошел в помещение, где находился охранник, как тот, увидев искаженное гневом лицо мстителя, попытался выпрыгнуть в окно, но Дуся оказался проворнее и достал его «топорчиком по головушке»… Похоже было что Дуся вовсе не считает себя преступником и не думает о наказании. Любимый муж погиб, и тот, кто был в этом виновен, тоже должен был умереть.

Дусю судили, проведя предварительно психиатрическую экспертизу. Заключения комиссии я не читал, но поскольку Дуся так и остался в лагере, только с добавочным, практически пожизненным сроком, он был признан вменяемым.

Мне его так и показали – как местную достопримечательность. Все считали его ненормальным – «дурачком», – но общее отношение к нему было добродушным, беззлобным. Начальство ценило его покладистость, безотказность. Дуся охотно выполнял любые приказания, особенно если требовалась от него женская работа – помыть полы, почистить картошку. Поведение его оставалось строго целомудренным: Дуся считал себя вдовой и истово хранил верность покойному «мужу». На окрик «Дуся!» – прибегал стремглав, с сияющим лицом: он получал особое удовольствие, убеждаясь в том, что и окружающие считают его женщиной, и в благодарность рад был угодить любому. А вот дразнить его, называя, как положено, Павлом Сергеевичем, было небезопасно, и это тоже все знали. В кроткой, безответной его душе вспыхивала та же неукротимая ярость, которая однажды уже толкнула его на убийство. Но над дурачками у нас любят издеваться, поэтому всегда находились желающие проделать с ним этот жестокий эксперимент…

В облике и в поведении Дуси мне виделось много признаков серьезных психических нарушений. Его уверенность в том, что он – женщина, и жажду убедить в этом всех я воспринимал всего лишь как один из симптомов нездоровья. Мало ли какие бредовые представления появляются в голове у наших больных! Я просто не знал тогда, что такое нарушение полового самосознания встречается и на фоне полного психического равновесия. Да и откуда мне было это знать, если даже профессор

Сумбаев, с его колоссальным врачебным опытом, придерживался того же мнения! Он, по понятным причинам, не имел возможности встретиться с Дусей, но очень внимательно выслушал мой подробный рассказ и задал несколько уточняющих вопросов. Все данные говорят о шизофрении – таково было заключение моего учителя. И с ним, не сомневаюсь, согласились бы все его коллеги-психиатры, включая и самых маститых. Та же история, с которой мы уже сталкивались, говоря о других разновидностях третьего пола: психиатрия лидировала в изучении этих явлений, но при этом в поле зрения психиатров попадали по преимуществу пациенты с целым комплексом психических отклонений, и это порождало невольный обман зрения.

Случая еще раз поехать в этот лагерь мне больше не представилось, дальнейшая судьба Дуси осталась неизвестной. Постепенно этот эпизод забылся, и лишь много лет спустя появился повод о нем вспомнить – уже в Москве, когда я стал сотрудничать с Ириной Голубевой и другими специалистами института эндокринологии.

Танец бабочки

Первым моим пациентом-транссексуалом был Рахим, талантливый танцовщик, приехавший из Ташкента.

Любовь к танцу пробудилась в нем в самом раннем детстве. Как только начинала звучать музыка, этот удивительный ребенок, не научившийся еще толком говорить, пускался в пляс, поражая всех пластичностью и поразительной точностью в передаче настроения, навеянного игрой музыкальных инструментов. Первым номером, который он исполнил публично, был танец бабочки на празднике в детском саду. Рахиму тогда было года четыре, но и теперь он с наслаждением вспоминал, как прекрасен был его костюм – пышная юбочка и крылышки искусно закрепленные на спине, какое счастье он испытывал, словно на самом деле паря в воздухе. Почему с мальчиком стали разучивать танец, явно предназначенный для девочки, я так и не понял. Возможно, Рахим сам натолкнул воспитателей на эту странную идею необычайной грациозностью, присущей ему от рождения. Танец бабочки имел огромный успех.

Поступить в хореографическое училище всегда бывает нелегко, но Рахим конкурсные испытания выдержал с блеском. Учился он очень хорошо. И вновь, по непонятным причинам, педагоги поощряли его увлечение женским танцем. На экзаменах он обычно показывал сольные номера, но иногда выступал и в дуэте, исполняя роль партнерши. Я видел множество фотографий, подтвержадющих это. Особенно хорош был Рахим в колоритных индийских танцах.

После училища молодого танцовщика приняли в штат республиканского театра оперы и балета. Карьера складывалась благополучно. Рахим участвовал во многих спектаклях, не раз побеждал на конкурсах и смотрах. Публика не догадывалась о мистификации – так убедителен был этот одаренный артист в женском образе.

В повседневной жизни Рахим тоже мог кого угодно ввести в заблуждение. Носить специфическую женскую одежду он не решался, но очень умело использовал возможности моды, создавая нейтральный – столько же мужской, сколько и женский – костюм. Профессия позволяла делать прически в таком же стиле. Женская походка, пластика движений, отточенные танцем, были настолько органичны, что даже не требовали контроля. Все портил голос, которому был свойствен самый нормальный мужской тембр. Рахим приучил себя говорить фальцетом, но это было тяжело, требовало постоянного напряжения.

В мечтах Рахим видел себя только женщиной. Переживал мысленно сцены, целые приключения, в которых отводил себе роль героини. Но поскольку эти фантазии, как он был убежден, осуществиться не могли, то и мучительной боли они не причиняли. Да и работа, дававшая выход затаенному влечению, примиряла с действительностью. В часы репетиций и спектаклей Рахим обретал внутреннюю гармонию и цельность.

Но вот однажды от артистов, побывавших на гастролях за рубежом, Рахим услышал поразительную новость. Оказывается, человека можно переделать – мужчину превратить в женщину и наоборот. Таких операций уже сделано немало. Один рассказчик уверял, что своими глазами видел балерину, которая раньше была мужчиной.

С этой минуты Рахим ни о чем не мог больше думать – только об операции, которая совершит с ним чудо полного перевоплощения. Он не будет больше изображать, подражать, притворяться – он станет настоящей женщиной! До сих пор его положение казалось молодому человеку в целом достаточно терпимым. Но теперь, когда он узнал, что выход есть, выяснилось, что дальше так жить просто невозможно. Стала просыпаться настоящая ненависть к своему телу, разительно отличавшемуся от тела женщины. Любой ценой нужно было избавиться от него!

В своем родном городе Рахим обошел всех врачей, но того, кто мог бы помочь ему хотя бы советом, так и не нашел. Не все даже слышали об операциях по перемене пола. И тогда Рахим решил отправиться в Москву.

Начал он с приемной союзного министерства здравоохранения и постепенно обошел все клиники и институты, хоть каким-то боком соприкасавшиеся с его проблемой. В первом же нашем разговоре меня поразила его осведомленность: он знал по имени и отчеству всех ответственных министерских чиновников, всех профессоров и академиков, всех директоров и главных врачей. Он знал, в каких странах и в каких именно центрах делают такие операции. Известна ему была даже их стоимость! Почти все, к кому молодой человек обращался, относились к нему участливо, думали, как ему помочь. Но решения не находилось.

Дважды Рахима помещали в клинику института эндокринологии на обследование. Может быть, думали специалисты, перед ними какой-то редкий случай гермафродитизма, который требует особых методов распознавания? Это сразу подвело бы какую-то объективную базу под настойчивое желание пациента сменить пол, а кроме того, послужило бы формальным оправданием хирургического

вмешательства. Но все усилия оказались напрасными. Рахим был стопроцентным мужчиной. Ни малейших признаков эндокринной патологии, никаких отклонений в строении органов или систем!

Когда меня пригласили на консультацию, сразу же всплыл в памяти эпизод в сибирском лагере. Но в отличие от Дуси, этот пациент производил впечатление вполне здорового психически человека. Обаятельный интеллигентный мальчик, уравновешенный, спокойный, логично рассуждающий – при всем желании не к чему было бы придраться. Кое-что я все же про себя отметил. Ну, представьте себе: до девятнадцати лет жить только искусством, отдавать ему все силы, добиться успеха – и вдруг разом все оборвать. Не пожалеть ни прошлого своего, ни будущего. Век у артистов балета и без того короткий, большинство из них выходят на пенсию, не достигнув и сорока лет. Мне случалось общаться с танцовщиками, вынужденными надолго покинуть сцену из-за полученных травм, и я видел, в какое отчаяние их приводит именно эта потеря, потеря времени. А тут без всяких серьезных причин (так мне казалось по неопытности) артист сам похищает у себя это драгоценное время! Готов скитаться по больницам, обивать пороги всевозможных ведомств. Сроки уже измерялись годами. При этом Рахим говорил, что не отступит и будет добиваться своего столько, сколько потребуется, – и видно было, что это не слова. А сколько еще месяцев, а то и лет, займет адаптация, в случае благоприятного для него исхода? Как-то поневоле настораживала эта готовность пожертвовать карьерой, а возможно, и самой профессией.

И еще один штрих обращал на себя внимание. Говоря о себе, Рахим постоянно подчеркивал свою нерешительность, непрактичность – слегка даже не от мира сего. И это подтверждалось фактами. Молодой человек плохо представлял себе, как решаются элементарные житейские проблемы, кругозор его заметно ограничивался специфическими рамками балетного театра. Отношения с коллегами и особенно с руководителями он строил не как взрослый мужчина, а скорее как инфантильный подросток. Но все его поведение в Москве выдавало другой рисунок характера. Это дьявольское упорство, эта непреклонность в достижении поставленной цели, деловитость – откуда что бралось? И при этом в том, что не имело отношения к пробиванию заветной идеи, Рахим оставался таким же, каким его знали всегда…

Как оценить эти детали в поведении пациента? Далеко не сразу удалось мне найти ответ. В какой-то момент я вдруг понял, что ответ этот целиком зависит от того, как мы воспринимаем

целевую установку: сочувствуем ей или считаем капризом, непонятной блажью. Представим, что речь идет о спасении жизни – собственной или кого-то из близких. Разве покажется нам чрезмерной любая жертва, если она способна отвратить беду? И разве не видим мы порой, как преображаются люди в минуты, когда что-то бесконечно важное поставлено на карту? В трусах просыпается храбрость, робкие и нерешительные собирают волю в кулак… Я впервые задумался: может быть, то, что мне кажется странным в поведении пациента, следует рассматривать не под углом нарушений в психике, а лишь как объективный показатель испепеляющей силы его желания?

Я пытался представить себе будущее Рахима. Он не сдастся, я уже понял это. Будет с тем же фанатичным упорством добиваться разрешения на операцию. Получит ли он его? Сомнительно. Ни один чиновник, ни один академик не возьмет на себя такую ответственность. Зато очень велика вероятность того, что в каком-нибудь высоком кабинете настырность юноши покажется подозрительной, и его направят психиатрам «на проверку». А результат такой проверки был в значительной степени предопределен, в особенности если направление подписывало высокое начальство. Поставить психиатрический диагноз было для врача намного безопаснее, чем написать в заключении «здоров». Если начальство отдало такое распоряжение, значит, у него были на то основания, некое мнение уже сложилось: проситель (чуть не написал «подозреваемый») был чрезмерно настойчив, осаждал занятых людей, отрывал их от дела, не слушал увещеваний, да и вообще, кто он такой, чтобы так навязываться со своими проблемами? И что же вы хотите сказать, это, по-вашему, адекватное поведение? Не подтвердить предположения начальства означало бросить ему вызов, косвенно обвинить в некомпетентности, в невнимании к просьбам трудящихся, в формализме, в бюрократизме. Ну, зачем врачу лишняя головная боль? Тем более, что от него вовсе не требовалось грубо сфабриковать диагноз. Разве нельзя интерпретировать идею перемены пола как бредовую, навязчивую? Разве нельзя назвать эмоциональной неадекватностью леденящее равнодушие, с каким Рахим стал воспринимать все остальные аспекты своей жизни, так много значившие для него раньше? Ну, а его упорство с которым он, вежливо выслушав аргументированный отказ, тут же записывался на прием к другому влиятельному лицу, – оно самым красноречивым образом говорило о снижении критики…

Я слишком хорошо знал, что ожидает молодого человека, если к нему прилипнет ярлык тяжелого психического

заболевания. Спасти его можно было только предупредив события, заранее подготовив благоприятное врачебное заключение. Рахим (очко в его пользу!) без колебаний согласился лечь на обследование в клинику нашего института, и я помог ему этого добиться.

Ни врачи, ни медсестры отделения, наблюдавшие за ним в течение долгого времени, не могли ни к чему придраться. Рахим держался спокойно, приветливо, здраво оценивал происходящее. Он даже отдавал себе отчет, каким нелепым должно выглядеть со стороны его желание перейти в другой пол, и очень терпеливо, без малейшего раздражения старался убедить всех нас в том, что природа действительно создала его женщиной, только почему-то допустила странную путаницу в отношении его тела.

С огромным интересом отнесся к этому необычному пациенту профессор Снежневский, величайший в то время авторитет в психиатрии. Поначалу его приговор звучал категорично: шизофрения, и думать нечего! Но тут как раз сказались преимущества стационарного обследования, благодаря которому человек предстает как на ладони. И в конце концов Снежневский вынужден был снять роковой диагноз, хотя это противоречило всем его давно выношенным взглядам.

Так впервые в нашей клинике, а возможно, и в стране в официальном медицинском документе был зафиксирован новый, непривычный диагноз – транссексуализм.

Житие святой Аполлинарии

Как и все другие разновидности третьего пола, явление, о котором идет речь, известно человеческому роду на протяжении всей его истории. В художественной литературе, а еще раньше – в преданиях и легендах можно найти множество упоминаний о странных людях, отказывающихся признать над собой власть того пола, в котором они рождены. Далеко не все из них решались, по вполне понятным причинам, открыто обнаружить это свое греховное свойство. Транссексуалы, как правило, прятались, душу отводили за крепко запертыми дверьми, но все же нередко попадались и с позором изгонялись из общества. Но самым решительным и отважным хватало душевных сил прожить жизнь в дерзко присвоенном себе образе. Женщины, которых все вокруг принимали за мужчин, мужчины, в которых никто не подозревал изящную женщину, оставили заметный след в исторических хрониках. Порою только после смерти, во время подготовки к обряду погребения, раскрывалась эта жгучая тайна. Но я не сомневаюсь, что было немалому числу транссексуалов удалось унести эту свою тайну в могилу.

Благодаря одному из своих пациентов я узнал об одной удивительной истории, случившейся полторы тысячи лет назад.

Сначала о самом моем пациенте, точнее сказать – о пациентке, поскольку природе было угодно создать обычную, нормальную девочку. Но с самого начала эта девочка, которую назвали Майей, вела себя как непоседливый, озорной мальчишка. Увлекалась только подвижными, силовыми играми, лазала по деревьям, не упускала случая подраться. Необходимость носить форменное платье с фартуком выводила ее из себя. Может быть, поэтому у нее никак не складывались отношения со сверстниками. Обычно в подобных случаях, когда рано проявляется неустойчивость половой идентификации, «казакам в юбке» лучше удается найти в детской среде свою нишу, чем «маменькиным сынкам». Мальчишки считают такую девочку «своим парнем», подчас даже внушают ей уверенность, что она лучше своих изнеженных, капризных подруг: на нее можно во всем положиться, она понимает толк в настоящих удовольствиях, и эта высокая самооценка помогает безболезненно переносить отчужденные, а то и пренебрежительные взгляды юных дочерей Евы. Но Майе и с этим не повезло. Ей довелось сполна пережить страдания гадкого утенка, которого травят и свои, и чужие. Это надломило ее характер, сделало замкнутой и недоверчивой. Но попутно сформировалась и особого рода независимость: что бы

ни думали и ни говорили окружающие – считаться с этим не следует.

О периоде детства в памяти у Майи осталось только несколько радостных эпизодов, и все они были связаны с появлением где-нибудь подальше от дома и от школы, среди незнакомых людей в мальчишеском костюме. Такие дивертисменты всегда ей удавались. И вот когда облик полностью соответствовал внутреннему самоощущению, а впридачу еще было видно, что окружающие принимают все за чистую монету – это и создавало ощущение прорыва в какую-то лучезарную, восхитительную реальность. Но школьнице, ведущей размеренную жизнь под строгим родительским контролем, нечасто удавалось совершить такой побег.

Голова у девочки работала прекрасно, училась она хорошо и без всяких осложнений поступила в институт. Но ведь надо было не только читать, конспектировать и сдавать зачеты – надо было еще и жить в окружении однокурсников, среди которых, как это было и в школе, ей опять не нашлось места. Девушкой она себя никак не чувствовала, а сказать всем «я мужчина» – не могла. Вокруг завязывались дружбы, складывались компании, беспрерывно кто-то влюблялся, кто-то отчаивался, ревновал. Сама эта атмосфера, полная расцветающего эротизма, приводила Майю в отчаянье. Не проучившись и года, она бросила институт.

Перебрав несколько профессий, девушка остановилась на работе шофера. Ее устраивало одиночество за рулем. На трассе, вдали от конторы, где лежали ее документы и где каждый человек в администрации знал о ней правду, она могла освободиться от мучительного напряжения. Но тем более ужасные минуты приходилось переживать, когда машину останавливали гаишники. «Ты чего, парень, спятил? – орал милиционер. – Как смеешь ездить по чужим документам?» И нужно было вступать в объяснения, выслушивать пошлые шуточки…

Один раз, еще до встречи со мной, пациентке пришлось полежать в психиатрической больнице. Врачи сошлись во мнении, что она страдает психопатией. Но облегчить ее состояние они не смогли.

Помощь пришла неожиданно, причем, с такой стороны, что предвидеть это было невозможно.

Однажды девушка проходила мимо церкви, когда там шла служба. Ее привлекло тихое пение, теплый свет, лившийся из неплотно притворенной двери. Она вошла. Народу в храме было немного, похоже, все знали друг друга, но на этот раз Майя не ощутила привычного отчуждения. И хоть обряд, совершавшийся на ее глазах, был ей совершенно непонятен, возникло чувство, что

она здесь, в храме, своя. Долго отсутствовала, но давно уже знала, что вернется обратно.

И вот тут история моей пациентки, современной девушки, переплетается с судьбой Аполлинарии, царской дочери, жившей в пятом веке. «Житие святой Аполлинарии» дала прочесть Майе богомольная старушка, с которой она познакомилась в храме. Старушка не задавала никаких вопросов, но почему-то Майе, впервые в жизни, захотелось рассказать о себе все. Ответом на исповедь и послужило предложение раскрыть священную книгу на нужной странице.

Царь Анфелий, дочерью которого была Аполлинария, был несчастлив в родительстве. Младшая сестра Аполлинарии была одержима бесами. Старшая же дочь, хоть она и отличалась с малых лет удивительным благочестием, преподнесла родителям другой сюрприз: категорически отказалась выходить замуж. На все мольбы она твердо отвечала: «Не хочу вступать в брак, но надеюсь, что Бог и меня сохранит в страхе перед ним чистою, как соблюдает в непорочности святых дев своих». В конце концов царь с царицей смирились и пригласили опытную инокиню, чтобы та подготовила царевну к пострижению в монахини. Но прежде, чем принять монашеский обет, Аполлинария решила совершить паломничество в Иерусалим, к святым местам. Путешествие было обставлено с подобающей пышностью. Аполлинария везла с собой много золота, серебра. Ее сопровождали толпы рабов.

В Иерусалиме Аполлинария стала одного за другим отпускать на волю своих рабов, щедро награждая их за службу и поручая себя их молитвам. Потом с двумя оставшимися рабами, один из которых был евнухом, отправилась почтить мощи святого великомученика Мины. По пути, в Александрии, она тайно купила монашеские одежды. Поклонившись мощам, царская дочь объявила, что хочет еще заехать в расположенный неподалеку скит, к святым отцам. В пути ее застал вечер, но Аполлинария велела рабам продолжать путь. Ближе к полуночи слуги задремали. Тогда святая облачилась в одежды мужчины-монаха и со словами «Ты, Господи, дал мне начаток сего образа, способи же мне до конца приобрести его, но по Твоей святой воле!» спряталась в болоте. Рабы, очнувшись, кинулись искать свою госпожу, но в болото, естественно, не полезли. Громко рыдая, они отправились в обратный путь.

В скит Аполлинария не пошла. Она так и осталась возле болота, в пустыне, и прожила там в полном одиночестве несколько лет. Бог охранял ее от всяческих напастей, помогал найти пропитание. Тело девушки, прежде нежное и слабое, стало похоже на броню черепахи – так закалила она его трудами,

постом и бдением. Ни беспощадное солнце, ни полчища комаров не могли принудить ее отступить от своего замысла, который, как можно понять, заключался не только в том, чтобы удалиться от мира, но и совершить это именно в образе мужчины.

Наконец, Господь убедился, что дьявол, который тоже вел неустанную борьбу за душу Аполлинарии, окончательно побежден, и послал к святой ангела. Посланец Всевышнего вывел ее из болота и повелел идти в скит, где и поселиться под именем Дорофея.

Никто из святых старцев так и не узнал, что среди них живет женщина. Вскоре Дорофей занял в скиту особое место благодаря строгости своего послушания и ниспосланному Богом дару исцелять болезни. Узнав, что младшая сестра по-прежнему мается, не в силах освободиться от нечистого, Дорофей отправился в отчий дом и вылечил несчастную. Царь Анфелий и его супруга сразу угадали в суровом монахе свою старшую дочь и со слезами счастья заключили ее в объятия. Но во дворце удерживать не стали, чтобы не перечить высшей воле.

После трудной и благочестивой жизни, в 470 году святая с молитвой на устах отошла в вечность. И только тут, перед положением в гроб, монастырская братия узнала, что преславный старец Дорофей был женщиной. Но это открытие не заставило их возмутиться обманом – наоборот, с небывалой силой ощутили они, как трудно человеку понять до конца чудо высшей мудрости, и в едином порыве склонили головы перед этим чудом: «Слава тебе, Христе Боже, имеющий много сокровенных святых у себя!» От святых мощей Дорофея в дальнейшем совершилось множество замечательных явлений, полностью оправдавших канонизацию. Но примечательно, что приобщение к лику святых произошло все же не под мужским именем, хотя под ним и был совершен весь подвижнический путь Аполлинарии. В истории христианства она осталась женщиной, принявшей, по решению самой высокой инстанции, мужской облик.

Историю Аполлинарии Майя прочитала по-своему. То, на чем спотыкается обычное человеческое восприятие, – зачем понадобилось девушке совершать переход в другой пол, – для Майи не содержало ничего непонятного или загадочного. Вступая в особые отношения с Богом, принося клятву посвятить всю жизнь служению Ему, девушка эта испытывала потребность быть самой собой, а это для нее означало – быть мужчиной. Вот почему она не могла выйти замуж, то есть вступить на путь, предначертанный женщине. Но и жить по мужским правилам и законам ей, рожденной с телом женщины, было не дано. А в мире можно жить, будучи либо мужчиной, либо женщиной, для таких,

как Аполлинария и как сама Майя, места не приготовлено… Аполлинария нашла для себя выход, и Бог ее на это благословил.

Граница времени стерлась. Через толщу полутора тысяч лет перед Майей открылся ее путь. «Если Господь допускает мое бытие, то я существо особого пола. Все, что происходило со мной раньше, было испытанием. Сейчас я продолжаю жизнь Аполлинарии-Дорофея».

Можно написать детективный роман о том, как Михаил – отныне для Майи существовало только это имя – преодолевал пропасть, отделявшую в те годы общество от церкви, и еще более глубокую пропасть между мужским и женским полом в понимании православной церкви. Во многом мне удалось ему помочь. Подобных случаев не было в моей практике, но интуитивно я чувствовал, что найдено верное решение. Так и получилось. Вскоре Михаила послали в один из сибирских монастырей. Пробыв полгода келейником, он получил направление в духовную семинарию, был затем посвящен в иеромонахи. Идея деятельного служения людям во имя Божие была воспринята им органично и с полным ввнутренним убеждением. Никто вокруг не знал, кто он на самом деле, но опасения, что тайна раскроется и многие от него отвернутся, Михаила не терзали, – новое мироощущение надежно защищало его от переживаний такого рода.

Была ли Аполлинария лицом историческим? Я не прояснял специально этого вопроса, но полагаю, что да. Люди, заносившие на бумагу жития святых, трансформировали в духе канона реальность, украшали ее фантастическими подробностями, но «из ничего» их творчество, насколько я понимаю, не возникало. И даже большее можем мы предположить: едва ли это был единственный, уникальный случай в анналах христианства. Если монастырская братия не содрогнулась, как от кощунства, обнаружив обман (чудовищный обман, если вдуматься!), если нашла ему самое возвышенное обоснование, то это, скорее всего, говорит о том, что прецеденты уже бывали и отношение к ним выработалось, обрело силу традиции. В монастырском уединении, в условиях максимальной дезактуализации всех проблем пола транссексуал и вправду обретает тихую пристань. Личные переживания здесь вообще утрачивают напряженность, «Я» растворяется в идее Бога. Принося обет безбрачия, отказываясь от всех радостей плоти, монах воспитывает в себе ощущение бесполости, непричастности ни к одному из активно проживающих отпущенные земные сроки полов.

Своеобразный след оставили транссексуалы и в художественной литературе. Шекспир, Гольдони, Кальдерон, а

следом за ними и легионы менее известных авторов охотно использовали в своих произведениях мотив переодевания, позволяющий энергично закрутить сюжет. Женщина переодевается в мужское платье и действует так, как дозволяется только мужчинам. Реже, по-моему, мы можем встретить обратную комбинацию – с участием мужчин, предстающих в виде женщины. Все, что приходит мне сейчас в голову, – это ситуации эпизодические. Никакой предрасположенности к перевоплощению у этих персонажей нет, душа их существует в полном согласии с телами, но обстоятельства вынуждают – и приходится прятать свое естество под более подходящей к случаю маской. Не случайно пишутся такие произведения в подавляющем большинстве случаев в жанре комедии и если даже героев постигают серьезные огорчения, от которых невозможно избавиться, не выдав себя, то это тоже – временное состояние, и разрешается все обычно под звон свадебных бокалов.

Но я сейчас думаю не о драматургии, а о действительности, питавшей воображение драматургов. И так же, как и в истории Аполлинарии, прихожу к выводу, что ситуация, когда люди достаточно непринужденно меняли свой пол, была, видимо, вполне заурядной. На этой трансформации не лежало никаких заклятий. Социальные нормы, определявшие поведение людей в соответствии с их полом, были очень жестки и строго дифференцированы. Девушка, например, не могла путешествовать одна, без надежных сопровождающих. Но в то же время положение не было безвыходным. Если все-таки переехать с места на место было необходимо, была возможность отправиться в путь под видом молодого человека. Существовали такие потайные дверцы в высокой стене, разделявшей два пола. А дальше уже невозможно теперь разобраться – когда речь идет о действительно насущной необходимости, а когда эта необходимость – всего лишь предлог, ширма. И главное, что испытывал при этом человек? Уступал обстоятельствам или осуществлял свое неотвязное желание? Мечтал поскорее завершить игру, стать тем, кто он есть или наоборот, жаждал побыть подольше в присвоенном себе образе?

Приходится, таким образом, повторить то, что уже говорилось о других разновидностях третьего пола. Известно явление было всегда: как только человек оказался способен осмыслить феномен половой принадлежности, тут же обнаружилось, что есть и тонкая, но очень заметная прослойка, состоящая из людей, выпадающих из крепко сбитой обоймы. К транссексуализму это относится ровно в той же мере, что и к гермафродитизму, гомосексуализму или бесполости. И точно так

же, как это было с другими, весь этот бесконечно длинный исторический путь, проделанный последовательно сменявшимися поколениями транссексуалов, был отмечен отверженностью, гонениями, и полным непониманием того, что делает этих людей непохожими на всех остальных. И только на последнем отрезке этого долгого пути начала появляться какая-то ясность.

Да и то произошло это далеко не сразу. Знакомая нам книга Ивана Блоха «Половая жизнь нашего времени и ее отношение к современной культуре», отражая уровень представлений рубежа XIX и XX веков, демонстрирует их ограниченность. Уже есть достаточно основательные теории, касающиеся гермафродитов и гомосексуалов – готова опора, на которой в дальнейшем будет развиваться научная мысль. Попадают в поле зрения исследователей и транссексуалы. Но как с ними быть, еще неясно. Очевидно, что они имеют много общего с первыми двумя группами. Но есть у них и явные отличия. К тому же встречаются они намного реже (это, к слову сказать, подтвердил и позднейший, более точный анализ: один случай транссексуализма приходится на несколько десятков тысяч человек). Блоху, в частности, довелось столкнуться с этим психосексуальным феноменом всего лишь дважды. Прокомментировать свои наблюдения он не смог и вынужден был ограничиться подробным описанием, воспользовавшись, для большей достоверности, собственноручными исповедями этих пациентов.

«С самой ранней юности мне страстно хотелось ходить в женском платье, – рассказывает 33-летний американский журналист. – Как только представлялась возможность, я доставал элегантное женское белье, шелковые нижние юбки и т. п. Я похищал у сестры предметы ее одежды и тайно носил их, пока смерть матери не открыла мне возможности свободного удовлетворения своей страсти. Таким образом, я вскоре приобрел гардероб, ни в чем не уступавший гардеробу элегантнейшей модной дамы. Вынужденный носить днем мужскую одежду, я носил под ней полный комплект женского нижнего белья, корсет, длинные чулки и вообще все, что носят женщины – даже браслет и лаковые дамские ботинки с высокими задниками. Когда наступает вечер, я вздыхаю свободной грудью, ибо тогда падает ненавистная мне мужская маска и я чувствую себя вполне женщиной. Только сидя в своем элегантном капоте и шуршащей шелковой нижней юбке, я чувствую себя способным серьезно предаться изучению любимых мною научных предметов (в том числе первобытной истории) или своим обычным повседневным занятиям. Меня охватывает чувство покоя, которого я не нахожу

днем в мужской одежде. Будучи вполне женщиной, я все же не чувствую никакой потребности отдаться мужчине. Правда, мне доставляет удовольствие, если я нравлюсь кому-либо в моем женском одеянии, но с этим чувством у меня не связано никаких желаний по отношению к лицам моего же пола.

Несмотря на мои ясно выраженные женские привычки, я все же решился вступить в брак. Моя жена – энергичная образованная женщина – была вполне осведомлена насчет моей страсти. Она надеялась с течением времени отучить меня от моей странности, но это ей не удалось. Я добросовестно выполнял супружеские обязанности, но еще сильнее предавался своей заветной страсти. Поскольку это для нее возможно, жена относится к ней терпимо. В настоящее время жена беременна. При виде элегантной дамы или актрисы, я невольно думаю, как красиво бы я выглядел в ее одежде. Если это окажется возможным, я совершенно перестану носить мужскую одежду».

Второй пациент Блоха рассказывает о себе примерно то же самое, с той лишь разницей, что более откровенно описывает сексуальную сторону своих переживаний. В юности материальные возможности долго не позволяли этому человеку надеть на себя женские вещи, которые он подолгу, с наслаждением рассматривал в витринах модных магазинов и мастерских. К тому же он долго подавлял свое влечение соображениями религиозного и рассудочного характера. «Во мне боролись (тогда еще неясно) мужчина и женщина. Но женщина оказалась победительницей, и однажды, воспользовавшись отъездом родителей, я переоделся в платье сестры. Но одев корсет, я вдруг почувствовал эрекцию с немедленным излиянием семени, не доставившим мне, однако, никакого удовлетворения».

Как и в первом случае, страсть к женской одежде, которую этот человек называет «костюмоманией», не помешала ему жениться. Но жена оказалась не в силах принять своего супруга таким, как он есть. Несмотря на рождение детей, отношения в браке складывались напряженно. «Жена никак не могла понять, как можно находить удовольствие в переодевании в женское платье. Сначала она относилась к моей мании равнодушно, но затем стала считать ее болезненным явлением, граничащим с сумасшествием». Хуже всего было то, что женщина не верила мужу, пытавшемуся доказать, что невинного, в общем-то, переодевания ему достаточно. Ей мерещились за ним куда более серьезные извращения, и она «добивалась правды» со всей настойчивостью и агрессивностью, какие умеют проявлять ревнивые женщины, подозревающие измену. Слежка, допросы с пристрастием… Дошло до того, что на помощь были призваны

подруги, которые, конечно, «не сказали ей ничего, кроме плохого и пошлого». По приговору этих дам, муж их приятельницы был тайным урнингом, гомосексуалом, предающимся разврату с женщинами, носящими мужские костюмы, или с совсем маленькими девочками. Так, смешав все в кучу, судило об урнингах общественное мнение. Разумеется, все это вызывало у жены самую резкую реакцию, и жизнь дома сделалась невозможной. Кончается исповедь на трагической ноте. «Целыми часами бродил я по отдаленным улицам. Мною овладевало чувство бессодержательности и пустоты. Все нервы дрожали. Не будь у меня детей или будь они обеспечены, я знал бы, что мне делать в такие моменты». Речь явно идет о самоубийстве.

Неизвестное ему Блох пытается определить через известное: желание носить одежду противоположного пола – нужно было еще подождать несколько лет, чтобы в науке родилось особое название для этого явления – он называет то бисексуальностью, то псевдогомосексуализмом, то психическим гермафродитизмом. Самого его эти терминологические манипуляции, похоже, не удовлетворяют. Не помогает делу и латинское название metamorphosis sexualis paranoica, дословно – мания перемены пола: оно роднит загадочную страсть с психическими заболеваниями, а интуиция врача заставляет особо подчеркнуть, что оба его пациента – люди вполне здоровые, разве что отличаются повышенной нервозностью, но это при переживаемых ими трудностях не удивительно. На память исследователю приходят исторические свидетельства о скифах или мексиканских мустерадо, которые «избирались из среды наиболее крепких мужчин, абсолютно не имеющих женского подобия, затем, путем постоянной верховой езды или усиленной маструбации, делались женственными и в половом отношении бессильными (атрофия половых органов), причем, вырастали даже, в качестве вторичного полового признака, груди». Эти примеры Блох тоже относит к категории псевдогомосексуализма, вместе с многочисленными персонажами более близкой ему европейской истории, типа знаменитого маркиза Эона, несшего в себе женскую душу, или мадемуазель де Люпен, – женщины с душой мужчины. Классификация не очень убедительная, чем-то напоминающая старинную кунсткамеру – примитивный музей, где без всякой системы выставлялись всевозможные диковинки. Но заслуга автора книги была уже в том, что он включил эти странности в общую панораму сексуальных проявлений.

Многие затруднения, с которыми столкнулся Блох, были разрешены, когда в медицинском мире наконец утвердился особый термин для психосексуальных нарушений, о которых мы

сейчас говорим. В 1910 году вышла монография Магнуса Гиршфельда «Трансвеститы», в которой не только было обосновано выделение этих нарушений в особый класс, требующий и особого подхода, но и прослежены закономерности, позволяющие провести внутри разбивку на отдельные специфические виды.

Таким распределением сам же Гиршфельд и занялся в дальнейшем. В его описании предстают пять групп трансвеститов, отличающихся одна от другой характером сексуального влечения: гетеросексульные, гомосексуальные, бисексуальные, асексуальные и аутомоносексуальные, то есть избирающие в качестве объекта любви самих себя.

По-разному проявлялась у пациентов Гиршфельда и глубина психических проявлений. Если одним трансвеститам достаточно было лишь надевать на себя несвойственную их полу одежду, то у других наблюдалось полное душевное перевоплощение. Несмотря на тяжелейшие последствия, к которым это приводило, люди шли на подделку документов, меняли фамилию и имя, обманом проникали в профессиональную среду, чуждую их «родному» полу или даже запретную для него. Бывало и так, что острота превратного самоощущения оборачивалась безудержной ненавистью к собственному, как бы неправильно устроенному телу, конкретно – к его половым признакам, в которых не без основания усматривался первоисточник всех бед. Ненависть приводила к диким вспышкам агрессии, направленной в собственный адрес – вплоть до попыток самокастрации.

Судьба трансвеститов в большинстве случаев складывалась крайне несчастливо. В жизни не находилось для них места. Тяжелейшие реактивные депрессии, а нередко и суицидальные попытки бывали самым типичным поводом обращения к врачу, несравненно более частым, чем собственно трансвестизм, который, понятно, не воспринимался как болезнь, то есть как что-то такое, от чего можно излечиться и, главное, нужно излечиваться. Человек всегда максимально дорожит тем, в чем, ему кажется, заключено своеобразие его души, и даже когда это свойство приносит ему одни сплошные огорчения, всеми силами отталкивает от себя мысль о том, чтобы от этого качества освободиться.

В течение нескольких следующих десятилетий прогресс медицины захватил и те области многих наук, для которых трансвестизм является объектом прямого интереса. Но вот что примечательно: хоть и было очевидно, что в самом остром и отчетливом проявлении этого состояния есть много резких отличий от более мягких и спокойных форм, как-то не приходило

никому в голову его обособить, выделить в отдельную классификационную единицу. И продолжалось это до тех пор, пока не появились первые надежные результаты у хирургов и эндокринологов, сделавшие возможным переход в другой пол. Это вызвало огромные перемены не только в поведении значительной группы трансвеститов, поставивших отныне получение такой помощи главной целью своей жизни, но даже и в симптоматике явления. Возможно, в истории науки такое случилось впервые – когда не лечение приспособилось к проблемам организма, а наоборот, эти проблемы приспособились к лечению, изменили благодаря ему свой ход.

Никогда до сих пор трансвеститы не заявляли, да, пожалуй, и не ощущали такой безудержной потребности в перерождении. Они жили себе и жили, отыскивая наощупь пути адаптации и нарабатывая защитные механизмы. Одним это удавалось лучше, другим хуже, но заведомое отсутствие радикального выхода накладывало отпечаток на всю гамму переживаний.

Есть у нас потребность летать? Кто его знает, может быть, и есть. Но мы ничего о ней не ведаем. Она нас не гложет, не лишает сна, не заставляет обращаться к самой судьбе с ультиматумом: или давай нам это – или можешь забирать назад все другие свои подарки, они нам не нужны. Наверное, нет человека, которому было бы незнакомо сладостное ощущение полета, периодически присутствующее в сновидениях. И нет человека, которому сейчас, когда коснулся этой темы разговор, не припомнились его детские и юношеские фантазии, в которых либо у него отрастали крылья, либо появлялось к его услугам какое-нибудь техническое чудо, и он взмывал в небеса, наслаждаясь небывалой свободой и возможностью быстро и беспрепятственно перемещаться в любом направлении. Да что там, авиации бы не возникло, если бы не эта глубоко сидящая в человеческой душе жажда полета! Но раз заведомо нельзя ее реализовать, мечта ведет себя тихо и скромно, не выплескиваясь через отведенные ей границы и не превращая человека в своего раба.

Таким же точно жестким велениям реальности подчинялись и все душевные движения у людей, страдающих от несовпадения между самоощущением и объективными параметрами половой принадлежности. Но лишь до тех пор, пока средства массовой информации не разнесли первых сенсационных сообщений о великом достижении науки, освоившей методы искусственной трансформации пола. Границы реальности раздвинулись. И в течение считанных лет, буквально на глазах, произошло превращение мечты в потребность – то есть силу, подчиняющую себе все структуры психики.

Мы не раз наблюдали, как появление нового способа лечения мгновенно мобилизует всех, кто в нем кровно заинтересован. Больные начинают охотиться за информацией, ищут способ попасть на прием к владеющим этим методом специалистам – это понятно: когда есть проблема, мы направляем все силы на поиски выхода. Но с изменением пола произошло нечто иное, напоминающее старый лозунг, который мы когда-то разбирали на уроках политграмоты: цель – ничто, движение – все. Борьба за то, чтобы подвергнуться трансформации, вошла в структуру переживания, приобрела самоценный характер, стала элементом всего сложного душевного комплекса. Когда трансвеститов стали называть трансвеститами, это означало всего лишь очередной закономерный шаг в поступательном развитии познания. Но когда, с легкой руки известного исследователя Бенджамина, в 1953 году из этого общего ряда была выделена особая группа транссексуалов, это отражало несколько иную закономерность. Появилось новое явление и потребовало особых подходов и особого словесного обозначения. Трансвеститы существовали всегда, независимо от того, какими сведениями о них располагала и что могла им предложить наука. Транссексуализм, при котором неудовлетворенность своей половой принадлежностью срастается воедино с маниакальным по силе желанием ее изменить, прежде всего анатомически, есть все основания считать прямым порождением научного прогресса.

Колдовство бегущих огней

Листаю свои старые записи, перебираю истории болезни, вызываю в памяти лица, эпизоды. Задача как-будто ясна: найти не только самые яркие, но и наиболее характерные примеры, способные послужить для читателя своего рода моделью явления. Обычно это предполагает прежде всего массовость: самыми типичными мы привыкли считать те проявления, которые встречаются чаще всего. Даже требование появилось стандартное к научным публикациям – подтвердите ваши выводы статистикой! В иных случаях этот подход вполне оправдан. Если, например, я защищаю новую лечебную методику, моя обязанность – подкрепить свою позицию убедительными цифрами. Но сейчас у меня другая цель: не доказывать, а показывать, для чего необходимы не только краски постоянно встречающиеся в жизни краски, но и редкие блики, которые даже в рамках третьего пола, то есть феномена, по определению исключительного, выделяются своей необычностью.

Я уже говорил и еще, наверное, не раз упомяну, что печать принадлежности к третьему полу становится видна невооруженным глазом чуть ли не с колыбели. Это считается одним из важнейших диагностических принципов. А вот пациент, о котором я хочу рассказать, впервые появился у нас в клинике в возрасте 60 лет, прожив самую обычную, ничем не примечательную жизнь нормального мужчины. В детстве ничем не отличался от других мальчишек – ни характером, ни склонностями. Если часто выполнял «женские» домашние обязанности, то только в силу необходимости: в семье было четверо детей, все – братья и все были приучены помогать матери. Каких-то акцентированных мужских черт в характере, правда, не намечалось, скорее наоборот – Александр Васильевич легко сходился с людьми, умел обходить острые углы в отношениях, был мягок и незлобив. Но никаким женоподобием это никогда не оборачивалось.

Отслужил, как положено, в армии, потом закончил Московский энергетический институт. Учился хорошо: и способности были, и интерес, и очень выручало усвоенное с детства умение правильно распределять время. Так же легко и успешно сложилась карьера. У Александра Васильевича была репутация хорошего инженера и ответственного, добросовестного работника, и когда ступенькой выше освобождалась вакансия, само собой получалось, что он – наилучший кандидат. На пенсию ушел с серьезной должности – был главным энергетиком

крупного станкостроительного завода в Поволжье.

До 30 лет не женился. Почему так поздно? Естественно, эту сторону жизни пациента мы рассматривали прямо-таки с лупой, но ничего сомнительного не нашли. Влюблялся Александр Васильевич только в девушек, но пока он ходил вокруг да около, борясь со своей застенчивостью и неуверенностью, его всякий раз опережали более расторопные конкуренты. К тому же в силу воспитания пациент наш считал недостойным флиртовать с девушкой, по отношению к которой нет «серьезных намерений». Одиночеством не тяготился, знал: получит диплом, начнет зарабатывать, тогда можно будет подумать о семье.

Так и получилось. К будущей жене сразу начал относиться как к невесте. Ухаживание продолжалось год. Семейной жизнью был доволен. В доме был мир, порядок, никаких конфликтов. Вырастили двоих детей, дождались внуков. Оглядываясь назад, Александр Васильевич находил, что в сексуальном плане его жизнь оставляла желать лучшего. Жена, говорил он, была холодновата, держала его на полуголодном пайке. Он приписывал это ее всегдашней усталости – работа, дом, дети отнимали все силы. Та же примерно ситуация была и в семьях приятелей. Но те находили выход, позволяя себе время от времени пикантные приключения, а Александр Васильевич считал своим долгом хранить верность жене. Даже когда, лет в 50, жена объявила: «мы уже в таком возрасте, что поздно думать о глупостях», Александр Васильевич молча подчинился ее решению. Дети выросли и отделились, появились внуки. Впереди маячила тихая и достаточно унылая старость.

Странные явления стали появляться еще лет за 5 до ухода на пенсию. Запомнилось начало: утреннее пробуждение в необычном, приподнятом настроении, сексуальное возбуждение, не связанное с влечением к жене или другой конкретной женщине, и на этом фоне – непривычная мысль: как приятно было бы стать женщиной! Эта мысль стала возвращаться в различных вариациях. То как своего рода зависть – женщины легче переносят воздержание, они не страдают так, как приходится страдать мне. То в оболочке причудливых фантазий – живо, к примеру, рисовалась сцена возвращения мужа домой, к любящей жене: он входит, она бросается ему на шею, они целуются, потом он отдыхает, а она занимается домашними делами, чувствуя на себе его ласковый взгляд… Удивительно было то, что себя Александр Васильевич видел на месте жены, и снова мысль «как хорошо быть женщиной» вызывала эмоциональный подъем.

Так продолжалось примерно год, затем наступил перелом: «не только было неуемное желание стать женщиной, но

почувствовал себя женщиной». Через несколько дней это чувство исчезло, но затем вернулось вновь. Постепенно эти позывы стали усиливаться, появилась цикличность. Захотелось надеть на себя все женское, и этому неотвязному желанию посопротивлявшись, Александр Васильевич уступил. Пошел в магазин и, сделав вид, что выполняет поручение жены, купил все, что носят женщины – от бюстгальтера до головного платка. При выборе вещей испытал необычайно острое волнение, руки дрожали, когда представлял, что скоро все это будет на нем. С трудом дождался момента, когда жена ушла, заперся на ключ и переоделся. «Испытал неописуемое блаженство», которое омрачалось тем, что никому не сможет показаться в таком виде, – а хотелось именно выйти на люди, чтобы все признали в нем женщину.

Жена сразу же обнаружила в доме чужие женские вещи, естественно, спросила, откуда они. Александр Васильевич попытался сказать, что это он купил для нее, но сам почувствовал, как нелепо это звучит, и во всем признался. Сама эта затея с переодеванием почему-то не произвела на жену большого впечатления, но встревожило необычное для него радостно-возбужденное состояние (сослуживцы, кстати, тоже это отметили). «Ты что, с ума сходишь, что ли?» – спросила она, не мудрствуя лукаво. Он не знал ответа на этот вопрос. Но вскоре подъем сменился упадком, появилась раздражительность, охватил стыд «по поводу содеянного». Как попало увязал женские вещи в узел и забросил в сарай.

Эта фаза тоже вскоре завершилась. «Стал обыкновенным мужчиной, мужем и отцом семейства». А затем «колесо» снова закрутилось в том же порядке. Незадолго до появления в клинике чувство перевоплощения в женщину стало всеобъемлющим. Самоконтроля при этом Александр Васильевич никогда не терял, понимал, как важно сохранить все в тайне. Он так усовершенствовал свой костюм, что мог выйти из дому в обычном виде, затем где-нибудь «в темном месте» мгновенно преображался, подкрашивал губы, увешивался пестрой бижутерией, повязывал платочек и уезжал куда-нибудь в отдаленный район. Там подсаживался к женщинам, коротающим время на скамеечке, и вступал с ними в длинные откровенные разговоры. Иногда выдавал себя за старую деву, спрашивал совета – стоит ли «в таких годах» выходить замуж. В другой раз рассказывал о своих детях, о том, как протекали роды («не то, что начинаю врать, я ощущаю, что все это действительно у меня было»), выслушивал чужие рассказы, и все это доставляло ни с чем не сравнимую радость. В этом состоянии возникали и гомосексуальные побуждения, но они носили особый характер: в

основе было желание получить еще и это подтверждение своей истинной женской сущности.

До выхода на пенсию, связанный работой, Александр Васильевич не мог ничего предпринять: обращение к врачам в родном городе для него исключалось. Но решение изменить пол хирургическим путем год от года крепло. Помимо этого, была еще одна причина, обусловившая приезд в Москву. Здесь можно было свободно ходить по улицам в женском обличье, не опасаясь встреч со знакомыми. Никогда, даже в пике своих «женских» фаз, наш пациент не забывал о необходимости хранить свою тайну.

Так он и появился впервые у нас в клинике – неузнаваемый в своем женском «обмундировании», носить которое уже хорошо наловчился. Процитирую запись, сделанную принимавшим его врачом: «Настроение повышенное, радостное, многоречив, несколько суетлив, лучезарное выражение лица, глаза сияют. Охотно делится своими переживаниями. Просит называть его женским именем:? Александра Васильевна¦, говорит о себе в женском роде, голос высокий, женский.

Одежда весьма оригинальная: на голове цветастый платок, кофточка, юбка, простые чулки (? капроновые – по возрасту не подходят¦), ботинки на высоких каблуках, шнурованные. Охотно раздевается в ответ на такую просьбу, демонстрирует искусственные груди в бюстгальтере, женское нижнее белье с кружевной обшивкой. Губы покрашены неяркой розовой помадой, в ушах серьги, на шее светлые, крупные бусы, на запястье браслет. Кокетливо посмеивается, крайне чувствителен к самым невинным комплиментам.? В этом виде вы совершенно не похожи на мужчину, всякий признает в вас женщину, хоть и пожилую¦, – услышав это, расцветает.? Так ведь я же и есть настоящая женщина, женщина с головы до пят, до последнего волоска на голове! ¦ Эта уверенность придает ему жизненные силы, забывается все плохое, все становится светлым и радостным. Говорит, что его обуревает мысль о возможности операции: сердца научились пересаживать, а уж половые органы пересадить можно бесспорно!»

Этого пациента мы наблюдали в течение семи лет. Он регулярно приезжал в Москву, почти всегда – в женском состоянии, но по его рассказам, письмам, дневникам можно было представить себе, как протекают у него другие фазы цикла: смешанная, депрессивная и обычная, то есть мужская. Те, кто видел его в мужской ипостаси, описывают пожилого человека, выглядящего старше своих лет. Он вполне разумен, спокоен, доброжелателен, вежлив. Одет скромно, но аккуратно. Не может объяснить, почему на него временами «накатывает». Но говорит

об этом спокойно, без горечи, несколько отстраненно. Уверен, что эти состояния будут возвращаться вновь и вновь.

Естественно, ни о какой операции речи и быть не могло, но насколько я помню, Александр Васильевич не слишком настойчиво ее добивался. Он даже отказывался лечь на обследование, что было бы первым шагом к хирургическому вмешательству. Только один раз удалось уговорить его провести в клинике некоторое время. Но сразу возникла неразрешимая проблема: в какое отделение поместить эту «Александру Васильевну»? В женское? Нельзя. Но ведь нельзя и в мужское! Решили в конце концов выделить ему отдельную палату в мужском отделении для самых легких больных. Но и там двери запираются на замок, и там лежат нездоровые люди… Пациента это возмутило до глубины души, он настоял на немедленной выписке и тут же уехал из Москвы, оставив нам гневное письмо: «В больнице меня приняли за психически ненормального, не слушали меня, и это глубоко потрясло меня. Ведь не только я считаю себя совершенно нормальным мыслящим человеком, но и окружающие меня люди (правда, не знающие о моей склонности к женственности) часто обращаются ко мне за советом для разрешения подчас очень трудных вопросов»…

И для такого мнения о самом себе у этого человека действительно были все основания! Никаких психических отклонений он не обнаруживал. Всегда, даже в кульминационные моменты своих транссексуальных переживаний, он полностью сохранял адекватное восприятие действительности. Если по каким-то причинам нужно было вернуться в свою мужскую «шкуру», он дисциплинированно переодевался, снимал с лица грим. Голос начинал звучать по-мужски, без следа исчезали женские окончания («пошла», «сказала»). Это было ему неприятно, тягостно, настроение сильно портилось, но зато сразу становилось ясно, что никаких признаков бреда в его «склонности к женственности» нет и в помине. Александр Васильевич легко поддерживал разговоры, был точен в суждениях, быстро и четко отвечал на вопросы.

Числилось за ним, правда, «снижение критики» – серьезный криминал с позиций психиатрической экспертизы. Но как я убедился сейчас, просматривая архивные документы, проявлялось это лишь в том, что пациент говорил «я женщина, и это прекрасно» вместо того, чтобы сокрушаться: «что за нелепость, с какой стати я чувствую себя женщиной?» Тут, видимо, все дело в том, что знакомство наше с Александром Васильевичем произошло примерно в те же годы, когда к нам приезжал и Рахим, – общение с транссексуалами было даже опытным врачам

еще в новинку, и как ни старались они идти «в ногу со временем», все равно давало о себе знать давнее убеждение, что здоровый человек не может считать себя существом противоположного пола.

Конечно, и среди транссексуалов этот пациент был фигурой в высшей степени необычной. Дожить до почтенных лет, честно пройти все предписанные природой возрастные трансформации, от маленького мальчика до стареющего мужчины – и вдруг ощутить в себе женскую душу! Похожее описание мы нашли у Крафт-Эбинга: речь там шла о враче, который тоже пережил внезапное превращение в женщину в зрелые годы, после горячей бани, рекомендованной ему в связи с подагрой. Но у того человека новое состояние стало стабильным, никаких циклов не отмечалось, и не было твердой уверенности в его психическом благополучии. Пациент Крафт-Эбинга жаловался на галлюцинации, на то, что с ним беседуют мертвые. Упоминаний о циклически протекающих нарушениях половой иднтификации в литературе обнаружилось больше, но «колесо» это во всех случаях начинало крутиться на стадии полового созревания, и тоже не обходилось без явных патологических симптомов.

Зато благодаря общению с Александром Васильевичем удалось сделать несколько важных наблюдений, оценить которые удалось лишь в дальнейшем.

Все транссексуалы-мужчины говорят, как мы знаем, что в их теле живет женская душа. Но что это означает, помимо тяги к переодеванию, изменений в речи и других чисто внешних метаморфоз? Когда эта женская душа присутствует постоянно, трудно бывает уловить этот ее специфический колорит, потому что не с чем сравнивать. А вот у нашего уникального пациента были, если принять эту метафору, две души, мужская и женская, они как бы чередовались, и разница между ними буквально бросалась в глаза. Александр Васильевич был сдержан, немногословен и скорее рассудочен. Александра Васильевна, напротив, отличалась повышенной эмоциональностью, импульсивностью и говорливостью. Александр Васильевич до старости сохранил юношескую застенчивость, которая делала его уступчивым и покладистым. Александре Васильевне нравилось демонстрировать себя, она прислушивалась прежде всего к собственным желаниям и напористо добивалась своего. Если не получалось, она обижалась, становилась капризной, тогда как Александр Васильевич своих реакций не обнаруживал и в общении был полностью предсказуем. Я бы не стал утверждать, что то был контраст именно между мужскими и женскими свойствами, хотя стереотипным представлениям такое

истолкование вполне бы отвечало. Но бесспорно просматривались два разных характера, вылепленных каждый по своей мерке. Если угодно – две души.

Еще один важный аспект. Что заставляло нашего пациента приезжать в Москву, подвергаться всевозможным обследованиям, далеко не всегда приятным? Желание получить от врачей помощь? Едва ли. Такой мотив можно было бы предположить, если бы визиты совпадали с депрессивными периодами, протекавшими по всем законам этого мучительного состояния. Но в такие дни Александр Васильевич, словно бы в наказание себе, старательно избегал врачей. Тема операции, я уже сказал, никогда не приходила в практическую плоскость, скорее она была формальным поводом – приехать, походить по кабинетам, пообщаться… Нам он, с профессиональной точки зрения, был чрезвычайно интересен. А мы, получается, были ему совершенно не нужны?

На самом деле – нужны, и даже очень.

В свое время я провел много часов, пытаясь сформулировать важнейшие диагностические критерии транссексуализма, – в помощь врачам, далеким от психоэндокринологии, которых жизнь сталкивает с этими проблемами. Задача оказалась исключительно сложной. Одни признаки приходилось отодвигать в сторону, потому что они встречаются не только у транссексуалов. Другие действительно специфичны для этого состояния, но свойственны далеко не всем пациентам. Особенностей, строго отвечающих принципу необходимости и достаточности, набралось совсем немного – всего четыре. Чувство принадлежности к противоположному полу, доходящее до уверенности, что при рождении произошла какая-то ошибка; отвращение и ненависть к своему телу, поскольку вся его половая оснастка кажется извращением и уродством; желание приобрести облик «правильного» пола путем лечения, включая оперативное, – обо всем этом мы уже подробно говорили. Но есть и четвертый признак, он может не так сильно бросаться в глаза, но без него, как и без любого из первых трех, нет цельного представления о транссексуализме. Это доходящее до такой же всепоглощающей настоятельности желание быть принятым в обществе в качестве представителя противоположного пола.

Этот постоянный позыв диктует транссексуалам манеру поведения, отличающую их не только от людей с обычной психосексуальной ориентацией, но даже и от всех тех, кто проживает жизнь в третьем поле. Вспомним о гермафродитах, готовых забиться в любую щель – только бы не привлечь к себе внимания. Стараются уйти в тень люди, не имеющие пола. Может

показаться, что поведение гомосексуалов, с их проявившейся последнее время склонностью шокировать общество, не вписывается в этот стандарт. Но тут другое, тут скорее политика, выяснение отношений, попытка отвоевать себе место под солнцем, а вовсе не проявление особой психологии. Сама же по себе однополая любовь вполне самодостаточна, она не нуждается ни в свидетелях, ни в третейских судьях, ни в аплодисментах, ни в знаках вражды.

Транссексуал, в отличие от всех, существо прежде всего публичное. Сколько бы он ни говорил о четкости и однозначности своего самоощущения, этой внутренней убежденности ему для душевного равновесия недостаточно. Необходима поддержка со стороны, доказательства, что все вокруг смотрят на него его глазами и видят в нем то же, что и он сам. Этой уверенностью он не может запастись впрок, как не мог бы за один раз надышаться на все предстоящее время. Сигналы, подтверждающие эту правильную, в его понимании, реакцию окружающих, должны поступать непрерывно. Отсюда, собственно, и идет имитация внешности, стиля поведения, манер, в чем транссексуал часто проявляет себя большим католиком, чем сам римский папа. Доводя свой облик чуть ли не до гротеска, он не столько себя этим тешит, сколько вымогает у других людей одобрение и поддержку.

Один из моих давних пациентов, в прошлом – женщина, добившаяся смены пола и в физическом, и в юридическом смысле, заставил свою жену, души в нем не чаявшую, поехать в дом отдыха, завести там роман, забеременеть и родить ребенка. Ни ревности, ни отчуждения от «чужой крови» он не испытывал. Наоборот – был счастлив, как никогда: он встал в один ряд со всеми настоящими мужчинами! Вот его семья, вот его жена, вот его сын. И ничуть не омрачала его счастья такая «мелкая» деталь, как всеобщая уверенность в том, что никак не мог он стать отцом. Даже из поездки жены на курорт не делал он большой тайны! Что поделать, не принимая в расчет эту главную особенность психики транссексуалов – резкий сдвиг в их восприятии границы между «быть» и «казаться», – невозможно разобраться в их поведении, в их мотивах.

Поздний транссексуальный «дебют» Александра Васильевича исключил для него возможность использовать в этой сложной игре свое привычное окружение. Ведь он был нормальным человеком во всем, он не мог поставить на карту свою репутацию, лишиться всеобщего уважения, не мог допустить, чтобы на его жену и детей смотрели косо. А публику, без которой ему грозило задохнуться, он как раз и нашел у нас в клинике…

Так же неожиданно, как он появился на нашем горизонте, Александр Васильевич и исчез. Просто один из очередных его приездов фактически оказался последним. Мы вспоминали о нем, даже думали разыскать, но покопавшись в бумагах, обнаружили, что пациент оказался достаточно предусмотрительным и точного адреса никому не сообщил. Никто не знает, как дальше сложилась эта единственная в своем роде судьба.

А вот еще одна история, тоже из самых давних. Действующих лиц в ней двое: Николай и Варвара. Коля и в мужском костюме казался бы переодетой женщиной: тоненький, хрупкий, с легкой, танцующей походкой. Говорю: казался бы, поскольку в брюках и пиджаке никогда его не видел. Не было такой силы, которая заставила бы его надеть эту ненавистую одежду. Родители, исчерпав все средства борьбы, капитулировали. Семья переехала в другой район, рассчитывая, что на новом месте их несчастный сын затеряется в толпе и его перестанут преследовать. Но и там вскоре правда всплыла наружу. Начались насмешки, издевательства. Но хуже всего было то, что Коля болтался без дела. Получить образование не удалось: после седьмого класса школа выдавила «ненормального мальчика». С работой не складывалось. Чувствуя себя женщиной, Коля и занятие постарался выбрать, в своем понимании, исконно женское – мечтал работать с маленькими детьми. Воспитательницей, на худой конец, нянечкой. Когда он приходил наниматься в очередной детский сад, заведующая встречала его широкой улыбкой: вакансий везде было чуть ли не больше, чем заполненных штатных единиц. Но через пять минут разговора улыбка исчезала, тон делался сухим, официальным, и Коле указывали на дверь. Убедившись, что с девушкой, имеющей мужской паспорт, никто разговаривать не станет, Николай решил превозмочь себя и свои обходы детских садов продолжил в мужской одежде. Но и это не помогло. Мужчина, рвавшийся работать с детьми, выглядел не просто странно – он внушал самые нехорошие подозрения. Однажды, выходя из кабинета, Коля услышал реплику заведующей: «неужели этот тип думает, что его кто-нибудь допустит к ребятам?»

Почувствовав себя в тупике, молодой человек решил разом оборвать все мучения. Но десяти таблеток люминала (больше раздобыть не удалось) не хватило. По «скорой» его отвезли в больницу, промыли желудок и тут же перевели в психиатрическую клинику.

Врач показался ему добрым, отзывчивым человеком. Он проявил полное понимание, сочувственно кивал головой, слушая рассказ о колиных вечных злоключениях, постарался облегчить

его пребывание в «скорбном доме», как не случайно называли когда-то больницы для умалишенных. Нет, пожаловаться на недостаток внимания Николай никак не мог. Даже известного профессора из академического института пригласили к нему на консультацию, и разговор с ним получился еще более задушевным. И только при выписке стало известно, что отныне его «ставят на учет» с диагнозом – шизофрения. Другими словами, с Колей произошло именно то, чего я так боялся, проигрывая мысленно будущее Рахима.

Были ли основания для такого врачебного вердикта? Хорошо зная этого пациента, могу смело утверждать – ни малейших. Попытка самоубийства определенно была реакцией на затянувшуюся стрессовую ситуацию. Желание изменить свой пол, хотя бы доступными средствами? За ним тоже никакой патологии не стояло, это должно было быть ясно любому грамотному врачу. Но в такие тонкости, похоже, никто не вдавался. Коля был не такой как все, и уже это одно не позволяло признать его психически здоровым. «Лучше перебрать, чем недобрать» – как ни горько признаваться, но это всегда было главным, хоть и неписанным законом советской психиатрии. За чрезмерно жесткий диагноз никаких неприятностей никому не грозило. А вот если проявить недосмотр…

Теперь жизнь несчастного парня стала совсем невыносимой. Нужно было постоянно посещать психдиспансер (два часа в очереди, пять минут на приеме), пить аминазин, от которого Коле становилось плохо. Перед большими праздниками, перед выборами его норовили уложить «на отдых» в стационар. А с работой вообще любые перспективы заглохли. Есдинственное, на что он мог рассчитывать, – клеить коробочки в лечебно-трудовых мастерских.

Но тут от кого-то Коля услышал, что в Москве есть врачи, которые могут изменить пол человека. Так он стал моим пациентом.

На бланке института, со всеми подписями и печатями, я написал заключение: больной такой-то страдает эндокринным заболеванием, ему предстоит операция по смене пола, но при этом он полностью работоспособен. Я нарушил сразу несколько правил: написал бумагу, не дожидаясь соответствующего запроса, выдал ее прямо на руки, да и вообще самовольно присвоил функции районного диспансера. Но, к счастью, в администрации «Мосгорсправки» этого не знали и Колю на работу приняли.

Слышать целыми днями: «девушка, дайте адрес», «девушка, подскажите, как проехать», было очень приятно. Коля даже немного повеселел. Но к осуществлению мечты сидение в

справочной будке его не приближало. Несколько раз он заговаривал о том, как было бы хорошо получить новый паспорт – с женским именем. Мгновенно решились бы все проблемы! Но тут уже я при всем желании не мог ничем помочь.

Однажды, явившись ко мне на прием и дожидаясь в очереди, Коля разговорился с молодым человеком, сидевшем на соседнем стуле. Коля, как обычно, был в женском наряде, так что со стороны эти двое вполне могли произвести впечатление самой обычной пары: вот юноша, вот девушка. И действительно юноша и девушка присутствовали здесь, у дверей моего кабинета, потому что случайный сосед Николая был мужчиной не больше, чем он сам был женщиной.

Варвара, еще одна моя пациентка, тоже была транссексуалом, и проблема, которую мы с ней пытались решить, была точным повторением проблемы Николая.

Завязался разговор – сначала просто чтобы скоротать время, но оба вскоре поняли, что понимают один другого, как никто. Оба чувствовали, что дошли в своей жизни до края, что будущего у них нет. Варе, правда, посчастливилось чуть больше. Она хотя бы нашла работу, которая и сама по себе ей нравилась, и отвечала ее представлениям о мужском деле. Варя водила автобусы. Но все удовольствие отравляли окружающие, никак не соглашавшиеся отнестись к ее «чудачеству» как к должному. Кассир, ежемесячно выдававший зарплату, каждый раз устраивал маленький спектакль: смотрел на фамилию в ведомости, потом на стоящую перед ним фигуру, потом опять на ведомость. Новеньким, поступавшим на работу в автопарк, первым делом показывали Варю, как местную достопримечательность. Ни с женщинами, ни с мужчинами не получалось у нее сойтись запросто, по-приятельски. И подумать только, что тоненькая, невесомая книжечка, точнее даже не она сама, а три записанные в ней слова позволили бы раз и навсегда покончить с этим кошмаром!

Мы с вами уже говорили о том, что транссексуализм – это не столько состояние, сколько желание, стремление к цели. Цель у этих двух моих пациентов была не совсем обычная. Ни Коля, ни Варя почти ничего не говорили об операции. Я объясняю это тем, что они были недостаточно наслышаны об этом медицинском чуде. Информация о том, что делается на Западе, до них просто не доходила, да и о первых советских опытах они не знали ничего конкретного, чтобы воспламениться этой идеей. Смена документов, которая чаще всего составляет для транссексуалов важную, но не первую по порядку задачу, приобрела для них поэтому сверхценный характер. Обычное для этого состояния неприятие своих телесных признаков тоже имело место у обоих,

но не в такой степени, чтобы толкнуть их на крайние меры. Обоих удовлетворял камуфляж, приблизительное внешнее подобие, которого можно достичь с помощью бинтов, ваты и пинцета для выщипывания волос.

И еще одна примечательная особенность их роднила: пониженное половое влечение. Они не влюблялись, им практически не нужны были интимные контакты, которые в полной мере обнажили бы несоответствие телесных признаков и психосексуального самочувствия, после чего уже никакие паспорта не могли бы смягчить драму. Возможно, по закону компенсации на это место выдвинулись другие проявления пола – те, что связаны с профессией, с работой, с официальным статусом, а значит и с документами, подтверждающими этот статус.

Десяти минут разговора хватило моим пациентам, чтобы осознать: Николаю жизненно необходим тот самый женский паспорт, от которого мечтает отделаться Варя, а ей, в свою очередь, идеально подошел бы паспорт, лежащий в кокетливой дамской сумочке у Коли. Так, может быть, сама судьба свела их вместе для того, чтобы они могли одновременно и таким простым способом выпутаться из беды?

В кабинет они вошли вместе. Коля, бледный, с дрожащим подбородком, не пошел дальше двери. Казалось, что вот-вот он убежит. Варя, наоборот, держалась уверенно и говорила за двоих. «Мы решили обменяться паспортами», – без предисловий объявила она. Моя первая реакция, должен признаться, была неадекватной. Мне показалось, что ребята действительно сумели найти выход из положения, которого я, как не старался, ни одному из них так и не смог подобрать. Но когда мы сели и уже спокойно принялись обсуждать все детали, одно за другим стали появляться сомнения. И опять, если быть до конца откровенным, смутила вовсе не незаконность операции. Не было у нас у ту пору, как, впрочем, нет и сейчас, священного трепета перед нарушением закона. Его подменял страх перед разоблачением, у меня же не было и этого страха: я всегда рассчитывал найти людей, в которых смогу пробудить сочувствие к моим пациентам, не по своей воле попавшим в беду.

Обмен паспортами пугал меня не сам по себе. Он создавал сложную проблемную ситуацию, причем, не ограниченную коротким периодом времени, а постоянную. Что будет с моими пациентами через год? Через два? Через десять? Будет ли и тогда устраивать их жизнь не только под чужим именем, но и по уже намеченным лекалам чужой судьбы? Что они смогут сделать, если выяснится, что совершена ошибка? В особенности если один

будет доволен обменом, а другой поймет, что не может так жить. Десятки подобных вопросов проносились в голове, но я не спешил их высказывать. Мне хотелось, чтобы ребята сами все взвесили и сами приняли решение. Сказал только, что на моих глазах никто к такому трюку не прибегал, что готового рецепта предложить не могу, что самое умное в подобных делах – следовать пословице: семь раз отмерь, один отрежь. На этом мы в тот день и расстались.

Как я мог не принять в расчет характера Варвары – резкого, волевого, решительного? Меня тут извиняет только то, что с транссексуализмом я знакомился в основном на примере мужчин, добивавшихся признания в женском поле. Варя была едва ли не первой женщиной, заявлявшей, что в ней живет душа мужчины. Это было закономерно. «Мужской-женский» транссексуализм встречается намного чаще, чем «женский-мужской»: по одним данным вдвое, по другим – даже в восемь раз. Должно было пройти немало времени, чтобы набраться опыта и полностью оценить, какая пропасть разделяет эти два человеческих типа.

Я уже упоминал, что в современном мире почти не попадаются «чисто» мужские и «стопроцентно» женские характеры. В большинстве случаев мы наблюдаем лишь некоторое укрупнение отдельных черт личности, акценты в поведении и в реакциях. У транссексуалов же души, сформировавшиеся вопреки всем биологическим и социальным законам, и в самом деле кажутся вылепленными из совершенно разного теста.

Начать с того, что предыстория возникновения транссексуализма у мужчин и женщин принципиально различна. Мальчики, как правило, отстают в физическом, а затем и психическом развитии, они очень инфантильны, все в их внутреннем облике как-то неопределенно, расплывчато – ни сильных интересов, ни отчетливых влечений. Порой создается ощущение, что их пламенное желание сменить пол заполняет собою некую пустоту.

Николай, у которого мысли о счастье, о благополучном будущем связывались с тем, что он станет делать, – вот он среди детей, он их защищает, учит, помогает им расти, – был скорее исключением. Гораздо чаще фантазии мужчин транссексуалов на тему будущего бессодержательны, бессюжетны. Их герой, вернее героиня, ничем не занята, она только появляется, вызывая восхищенные взгляды, только меняет наряды, украшения, прически. Нередко высказывается своего рода «белая зависть»: какое счастье – родиться женщиной, как прекрасна ее роль в этом мире. Но получить конкретный ответ – что именно так привлекает в женском бытии, в общественном положении

женщины – обычно бывает затруднительно.

А среди женщин-транссексуалов преобладает прямо противоположный психологический тип: с сильной волей, с резко обозначенным характером, нередко властным и напористым, с умением ясно осознавать свою цель и точно выбирать средства для ее осуществления. При этом в моей практике не было случая, чтобы смена пола становилась единственной целью, заставляющей забыть обо всем. Женщины с мужской душой ни в чем не удовлетворяются пассивной ролью, они хотят быть заметными, но привлекать внимание только своей половой принадлежностью им недостаточно – необходимо действовать, добиваться успеха, чем-то реальным отмечать свое присутствие в этом мире.

Как и у мальчиков, перст судьбы дает о себе знать в очень раннем возрасте. Но если мальчики запаздывают, девочки – потенциальные транссексуалы – развиваются, наоборот, со значительным опережением сроков, предусмотренных природой. Я не считаю целиком справедливой точку зрения, господствовавшую в начале века, – что женская натура представляет собой недозревший, недосформировавшийся вариант мужской личности, что она стоит ближе к ребенку, чем к взрослому человеку. Но в транссексуализме – и, пожалуй, только в нем, – этот взгляд получает неожиданное подтверждение.

Но всего этого, повторяю, я еще не знал, когда моей пациенткой стала Варвара, потому и выбрал неверную тактику. Ребята обещали подумать, взвесить все как следует с тем, чтобы в следующий раз принять решение. Но следующего раза не было. Ни Варя, ни Коля в назначенный день на прием не явились. И только много месяцев спустя я узнал, что Варя, видя мои колебания, взяла дело в свои руки. Полностью подчинить себе Николая для нее не составило труда. Он и опомниться не успел, как уже сидел в поезде, с вариными документами в кармане, и ехал в далекий город, где его никто не знал. Почти сразу же вслед за ним уехала и Варвара – тоже подальше от столицы, но в другую сторону. Они были готовы к тому, что жизнь им предстоит нелегкая, но это не пугало. У каждого теперь была волшебная палочка-выручалочка – паспорт, и оба были уверены, что она поможет преодолеть все преграды.

У Коли и вправду все пошло, как по маслу. Он сразу же нашел хозяев, согласившихся сдать комнату милой, скромной девушке, и что было еще более удивительно – сразу нашел работу в детском саду. Отсутствие специального образования и стажа смутило было заведующую, но воспитательниц не хватало, к тому же новенькая обещала, что будет учиться вечерами. Грозные

препятствия выросли в виде медицинской комиссии, которую непременно надо было пройти. Но Коля решил пойти ва-банк. Он встретился с немолодой женщиной, возглавлявшей эту комиссию, и рассказал ей о себе все. Побоялся только уточнить, что живет с чужими документами, но вопросов на эту тему ему и не задавали. Вспомнила его собеседница кого-то из своих пациентов или просто оказалась доброй женщиной, но справку она написала. Но и паспорт, конечно, сыграл магическую роль, именно он позволил на все остальное закрыть глаза.

Работа с детьми полностью оправдала все Колины ожидания. Он недоумевал: как могут другие воспитательницы раздражаться, кричать, если так просто понять, чего хочет ребенок, почему не делает того, что нужно от него взрослым? В городской библиотеке, у коллег Коля нашел множество книг по дошкольной педагогике. Не все там казалось ему правильным, но даже спор с авторами позволял сделать важные открытия. Для него каждый день был праздником – и он стремился к тому, чтобы так же воспринимали и дети свое пребывание в детском саду. Он был счастлив узнать, что между собой они разделились на «счастливых» и «несчастливых». Это зависело от того, когда за ними приходят родители. Наибольшую зависть вызывали ребята, которых забирали перед самым закрытием сада.

Но мало-помалу в письмах, которые я получал от Николая, эти восторженные нотки стали меркнуть. Между строк ощущалось прежнее беспокойство. Я чувствовал, что работа утрачивает для него свой знаковый, символический смысл. Она превращалась в обычное дело, с которым он все лучше и лучше справлялся, но почему-то приносимое ею удовлетворение уже не было всеобъемлющим, как это виделось в давних мечтах. Жизнь среди детей, любовь к ним, тепло их ответной любви не совершили чуда превращения в настоящую женщину, к чему так неистово стремилась душа. Вновь возникло страшное ощущение тупика, уже обернувшегося однажды покушением на самоубийство.

Некоторое облегчение наступало только в минуты, когда Коля чувствовал себя объектом мужского внимания. Выпадала ему эта радость не часто: в штате детского сада единственным мужчиной был престарелый сторож, а родительские обязанности в большинстве семей лежали на мамах. Но зато когда на территории сада появлялись отцы, они не упускали возможности пофлиртовать с эффектной молодой женщиной, и каждый такой эпизод на несколько дней делал Колю почти счастливым. Появление же серьезного поклонника привело его в настоящее смятение. Этот парень, бравый военный летчик, ухаживал за «Варенькой» по всем правилам искусства – поджидал после

работы, провожал до дому, дарил цветы, пытался назначить свидание. Надо было либо соглашаться, либо отказываться наотрез – а Колю, как он написал, и то, и другое страшило одинаково.

Чем кончилась эта история, я так и не узнал. Письма приходить перестали, а мое последнее письмо вернулось нераспечатанным, с пометкой: «адресат выбыл»…

Попытка начать новую жизнь под чужим именем скверно закончилась и для Вари. Чтобы оформиться на работу, ей потребовалась справка из психиатрического диспансера, что такой-то на учете не стоит. А в диспансере, вместе с паспортом, потребовали предъявить и военный билет и сразу увидели шифр, означающий, что владелец этого билета болен шизофренией. Справки, естественно, никакой не дали.

Но Варю нелегко было выбить из седла. Она пошла к главному врачу, рассказала, что действительно плохо чувствовала себя, лечилась, но все это давно прошло. «Обследуйте меня, и вы убедитесь, что я совершенно здоров». Главный врач показался ей человеком внимательным, участливым. «Нужно сделать запрос в диспансер по вашему прежнему месту жительства, – сказал он, словно бы даже извиняясь. – А тогда уже и наши врачи вас осмотрят».

Через месяц Варю пригласили на комиссию. Два врача, один молодой, другой постарше долго изучали ее зрачки, стучали молоточками по коленкам, задавали вопросы: почему вы пытались покончить с собой? Зачем ходили в женской одежде? Варя заранее подготовилась, собралась, отвечала спокойно, обстоятельно, в полной уверенности, что производит благоприятное впечатление. Вслед за психиатрами ею занялся психолог. Его тесты показались Варе забавной игрой, хотелось понять – что скрывают в себе эти задания и как они ее аттестуют, но эксперт был непроницаем, как робот. Не высказали своего мнения и психиатры, только сказали, когда освидетельствование закончилось, что за результатом можно прийти через три дня.

На этот раз главный врач держался с ней по-другому, сухо и даже несколько раздраженно.

? Мы не сможем снять вас с учета, Николай. У вас шизофрения, в очень тяжелой форме. Вдруг вы завтра кого-нибудь убьете?

? Как убью? – не поверила Варвара своим ушам.

? Очень просто: пойдете и убьете. Мало ли что бывает в жизни!

? А что сейчас написали обо мне врачи? Что они находят во мне ненормального?

? Нынешнее состояние ваше ни о чем не говорит. Диагноз вам поставили не где-нибудь, а в крупнейшей клинике. И подписал его виднейший специалист, профессор, мировая величина. Не можем мы вот так, запросто, взять и все это перечеркнуть!

На самом деле ирония ситуации заключалась совсем в другом. Я примерно представлял себе, что могло быть сказано о Коле в выписке, присланной московским диспансером. Если бы здешние врачи, во главе со своим начальником, вчитались в написанное, а затем внимательно всмотрелись в стоящую перед ними Варю, подлог сразу стал бы очевиден. Так же точно, как если бы ей предложили раздеться перед комиссией. Но ни вчитываться, ни всматриваться никто не стал. Всех заворожила магия титулов, высоких регалий.

Под конец главный врач все же смягчился, посоветовал устроиться на работу, на какую возьмут и без справки, пожить в коллективе, показать себя. «Заслужите хорошую характеристику, тогда и приходите, будем решать, как с вами быть».

В той же организации, где Варя хотела работать шофером, нашлось место автослесаря. Совсем не то, к чему она стремилась, но выбирать было не из чего. Вскоре она стала для всех «своим парнем». С работой справлялась, но из кожи вон не лезла, чего у нас нигде не любят, со всеми держалась ровно, дружелюбно. Никогда не отказывалась посидеть за бутылкой в приятной компании. Сначала наметила себе срок – полгода, но потом увеличила его на три месяца, а там и еще на три: рассуждала, что лучше потерпеть, но зато потом действовать наверняка.

Когда пришел запрос из диспансера, начальство слегка всполошилось, но уже было к тому времени, кому за Варю заступиться. Ей велели купить пару бутылок водки, а об остальном не беспокоиться. И точно – характеристику написали такую, словно речь шла о награждении орденом. Хороший производственник, активный общественник, в коллективе пользуется заслуженным уважением, дисциплинирован, морально устойчив…

На этот раз комиссия собралась в расширенном составе. Присутствовал и главный врач. И с первой же минуты у Вари возникло ощущение, что она – подсудимая, а люди в белых халатах, сидящие перед ней с суровыми, отчужденными лицами – судьи, которые уже вынесли ей приговор, а теперь ловят на каждом слове, чтобы не дать его обжаловать. Надо думать, судьям тоже было нелегко: о главной тайне пациента они не догадывались, а во всем остальном он не давал им ни малейшей зацепки, чтобы подтвердить диагноз шизофрении. Наконец, одному из членов комиссии пришел в голову спасительный

выход. «О чем мы тут вообще говорим, если больной не лежал в стационаре? Выпишем путевку, пусть в больнице за ним посмотрят, дадут свое заключение – тогда и вернемся к этому вопросу». «Но я не хочу ложиться в больницу!» – вскричала Варя. «Не хотите – не надо. Но запомните: будете скандалить – госпитализируем и без вашего согласия».

Бойцовского духа Варе хватило еще на несколько попыток освободиться от диагноза, превратившегося в страшный несмываемый ярлык, но в конце концов она сдалась. Борьба, если вести ее по существовавшим в Советском Союзе правилам, требовала поездок в Москву, обращений в Министерство здравоохранения, а этот путь для моей бывшей пациентки был закрыт. Ведь ее скорее всего направили бы для переосвидетельствования к тем врачам, которые когда-то лечили настоящего Николая… Пришлось смириться с тем, что пытаясь выбраться из одного капкана, она угодила в другой, еще более беспощадный, еще меньше оставлявший надежды на то, что сокровенные мечты Вари когда-нибудь сбудутся.

История Николая и Варвары во многом уникальна. С подделкой документов, с полулегальным и вовсе нелегальным изменением имен и фамилий, мне не раз приходилось сталкиваться, но о взаимном превращении двух людей двуг в друга ни до, ни после даже слышать не приходилось. Благодаря этому и все перипетии, связанные с психиатрическим диагнозом-ярлыком, приобретают особенно зловещий оттенок, поскольку ярлык этот оказался приклеен к абсолютно здоровому человеку. Все вместе поначалу вызывало во мне чувство досады – как нагромождение нелепых случайностей, опрометчивых шагов, экспромтов с дурно просчитанными последствиями.

Но с течением времени, когда число транссексуалов среди моих пациентов стало измеряться многими десятками, а опыт зарубежных коллег стал более доступен, я начал смотреть на этот горестный сюжет по-другому. Я понял, что исключительны в нем только конкретные детали, а общий рисунок судьбы не только не редок – он, можно сказать, типичен для людей, родившихся под этой несчастливой звездой. Есть средневековая легенда о бегущих огнях, которые манят темной ночью заблудившегося путника. Он стремится к ним, воображая, что огонек указывает путь к спасению, преодолевает всевозможные препятствия, рискует свернуть себе шею, но когда добегает – перед ним по-прежнему зияющая темнота, а огонек так же далек, как и был. И снова начинается изнурительный и опасный бег.

Жизненный путь транссексуалов часто напоминает мне эту погоню.

Никто из представителей третьего пола, с которыми приходится иметь дело врачам, не может сравниться с транссексуалами в том, с какой энергией, настойчивостью, целеустремленностью добиваются они того, в чем им видится спасение. Да никто больше и не имеет такого четкого и уверенного представления о том, в чем спасение заключается. Но поймать блуждающий огонек невозможно. Он сразу вспыхивает где-то в другом месте.

Так постепенно я стал приходить к убеждению, что ощущение себя лицом противоположного пола составляет всего лишь одну грань этого специфического душевного устройства, причем, самую заметную – и для самого человека, и для окружающих. Но есть и другие особенности. Они не так хорошо видны и не всегда ясна их внутренняя связь с собственно транссексуальными проявлениями. Но именно эти сопутствующие, побочные штрихи психического склада зачастую делают страдания этих людей безысходными, а попытки помочь им – безнадежными.

Об этом – об особенностях личности транссексуалов – нам и пришло время поговорить подробнее.

На одно лицо

Первые исследования, отразившиеся в публикации 50-х годов, базировались на непривычных для медицинской литературы объемах материала. Солидные диссертации писались на основании одного-двух случаев! Но уже в ту пору был сделан принципиально важный вывод относительно общности психологии этих людей, делающей их как бы родными братьями вопреки и всем индивидуальным различиям, и тем своеобразным чертам, которые складываются под влиянием социального окружения или культуры. Мои пациенты, принадлежавшие к особому и во многом неповторимому человеческому типу «хомо советикус» и жившие в условиях, неприемлемых для цивилизованного мира, ничем в этом смысле от французов, бельгийцев или американцев не отличались.

Что же доминирует в этом психологическом портрете?

На первое место выдвигается мощь идеи, несокрушимой убежденности в ошибке, допущенной природой, и в необходимости исправить эту ошибку. Поразительно упорство, с каким сознание удерживает, оберегает в себе этот сверхпрочный монолит, отбрасывая все, что ему противоречит. Общество смотрит на транссексуала как на мужчину (для простоты изложения я буду говорить только об этой мужской-женской разновидности)? Что ж, тем хуже для общества – это оно заблуждается, придерживается извращенных мнений. Характерно внимание транссексуалов к мельчайшим деталям, либо подкрепляющим их версию, либо опровергающим ее. Известны случаи, когда транссексуал категорически отказывался лечь в мужское отделение больницы или не желал читать важные для него письма, если на конверте его имя значилось в мужском роде. Строго избирательным бывает общение: отношения поддерживаются только с теми, кто воспринимает транссексуальное восприятие как должное или просто не догадывается, что за подчеркнуто женской внешностью скрывается мужчина.

Сосредоточенность на доминирующей идее сужает поле сознания. Все остальные грани существования утрачивают всяческую ценность. Разрыв с семьей, потеря работы, утрата социального статуса – все события такого рода, приводящие в ужас обычных людей, тут совершаются походя, без всяких переживаний. Доходит до того, что человек вообще оказывается неспособен подчиняться мотивам, не имеющим касательства к его сверхцели. Тем больше поражает настойчивость и

работоспособность, направляемые на ее достижение. Транссексуалы самостоятельно проводят сложнейшие расследования, добывают нужную им информацию, добиваются приема у множества специалистов, причем не столько чтобы выяснить их точку зрения, сколько чтобы навязать им свою, вываливая на стол горы вырезок, фотографий, копии различных документов. Нередко я наблюдал (и подобные описания встречал у западных исследователей), как скромный, застенчивый человек становится в такие минуты активен до назойливости. Он повышает голос, делается многоречив и раздражителен, он буквально выдавливает из собеседника то, что хочет услышать.

Идея «женской души» при ближайшем рассмотрении расслаивается на несколько уровней. Есть констатация: «Я – женщина», – признание реального факта, не требующее оценки. Но есть и более сложные конструкции: «я хочу быть женщиной» и «быть женщиной – прекрасно». Порой складывается ощущение, что эти посылы выстраиваются в сознании пациента своеобразной лесенкой. Женский образ идеализируется, окружается ореолом этического и эстетического совершенства, затем появляется желание приобщиться к этому идеалу и уже потом, как высшая ступень, – делается признание, что это желание уже, оказывается, осуществлено, причем, очень давно – с первых дней жизни.

Многие исследователи, имевшие возможность не только фиксировать рассказы пациентов о своем детстве, но и проверять их, свидетельствуют, что память часто подводит транссексуалов. Да, они действительно были «необычными» детьми, но не в такой абсолютной степени, как им теперь вспоминается. Что-то было в них и от мальчика: в играх, в поведении, в отношениях со сверстниками. Но ко всем попыткам установить истину пациенты относятся с агрессивностью, выдающей потаенный, бессознательный страх.

Идея всесильнеа, но до конца подавить человеческую природу она не в состоянии. Биологический аппарат пола функционирует, давая, казалось бы, неопровержимое подтверждение своей независимости от духовной сферы. Но это только усиливает отвращение к собственному телу и к вещественным аксессуарам пола – одежде, запахам, бытовым мелочам.

Эрекции приводят мужчин-женщин в состояние неописуемой паники, до готовности изувечить самих себя. Один из пациентов утверждал, что никогда и ни при каких обстоятельствах не дотрагивается до своего полового члена – такая охватывает его брезгливость. В процессе исследований, когда нужно было сделать анализ спермы, врачи уговорили его нарушить это табу.

Реакция была такой острой, что исследователи испугались и больше таких попыток не повторяли.

Я уже упоминал, что «зов плоти» в обычном понимании у транссексуалов приглушен. Такое мнение подтверждается тем, что эти люди годами живут в режиме полного воздержания и само по себе оно их не тяготит. Некоторые, впрочем, рассказывают о попытках гетеросексуальных контактов, кончившихся неудачей. Одни «не знают, как себя вести», других постигает импотенция, третьи кое-как совершают акт, но в памяти он остается безобразным пятном.

То же самое, к слову сказать, бывает и с женщинами-мужчинами. Две мои пациентки, не знакомые между собой, рассказывали о совершенно идентичных эпизодах из своего прошлого. Обе жили в маленьких городах, где каждый человек на виду. Их «противоестественные» склонности были всеобщим достоянием, обсуждались и осуждались. Чувствуя себя изгоями, девушки готовы были прислушаться к любым советам, направленным на их «исправление». И обе получили одну и ту же рекомендацию – отдаться настоящему мужчине, после чего «дурь должна будет сразу соскочить».

Девушки добросовестно выполнили всю предварительную программу. Выбрали себе партнеров, сумели даже их привлечь и заинтриговать. На решительное свидание они шли даже не без искреннего волнения, с твердым намерением пройти испытание до конца. Но переход от поцелуев и ласк к самому половому акту привел каждую из них в состояние неконтролируемого бешенства. Ни в чем не повинные молодые люди были жестоко избиты.

В тех случаях, когда половое влечение бывает достаточно сильным, оно объективно имеет гомосексуальный характер, хотя это страстно отрицается пациентами обоего биологического пола. Наоборот, в нем они хотят видеть истинное проявление своей сущности. «Разумеется, раз я женщина, то меня и должно тянуть к мужчинам. Вот если бы мне нужна была женская любовь, то это и было бы настоящим извращением!» При этом далеко не всегда предпринимаются попытки реализовать это влечение: наполненная событиями сексуальная жизнь откладывается до поры, когда хирурги совершают трансформацию и тело придет в соответствие с душой. Многие исследователи отмечают, что пациенты имеют самое смутное представление о том, как выглядят женские гениталии, как происходит совокупление. И не стремятся узнать больше. Одно упоминание об этих органах, которые они так жаждут приобрести хотя бы в приближенном виде, вызывает у них страх и отвращение.

Едва ли не все исследователи, работающие с

транссексуалами, одной из определяющих черт их личности считают нарциссизм. Достаточно подсмотреть, как любуются они своим отражением в зеркале, сколько удовольствия получают, украшая себя, играя с волосами, экспериментируя с косметикой. Сосредоточенность на себе делает отношения с другими людьми по-детски поверхностными: окружающие воспринимаются тоже как зеркала особого рода, в которых так приятно ловить собственное отражение в лучах восхищения и восторга. Мечты о счастливом будущем, как я уже говорил раскладываются на бесконечную цепь эпизодов, в которых, в сущности, ничего не происходит, – только появляется прекрасная женщина, на которую все обращают внимание, любуясь ее красотой и изумительным нарядом.

Нарциссизм крайне осложняет взаимоотношения транссексуалов с обществом, и без того не простые. Для многих из них проблемой становится даже элементарно заработать себе на жизнь – и потому, что все устремления направлены на решение трудной задачи трансформации, и в силу подчеркнутой дезадаптивности, неспособности внедриться в социальную среду. Встречая, как правило, непонимание, транссексуал, в то же время, не может удовлетвориться и скромной ролью какого-нибудь «певца за сценой», человека-невидимки, не привлекающего ничьих взглядов. Нарциссическое восприятие себя как центра Вселенной требует ежеминутного подкрепления делом! Так постепенно формируется отчужденность: мир зол и равнодушен, его населяют ограниченные, косные люди.

На этом фоне сотрудничество с врачами, необходимое при любом медицинском вмешательстве, делается крайне затруднительным. Если врач отказывается исполнять все желания пациента, то какие бы доводы он ни приводил – пациент их не услышит. Врач в его глазах превратится во врага, станет частицей злобного и жестокого мира. У многих авторов, писавших о транссексуализме, мы встречаем предположение, что навязчивое желание смены пола является своеобразной формой бегства от действительности.

Корни такой подчеркнутой дезадаптивности часто лежат в обстоятельствах раннего периода жизни. Не могу припомнить ни одного случая, когда в рассказах пациента рисовались бы картины мирного, радостного детства, гармоничной семьи. Отца либо нет вообще, либо он не может служить моделью для идентификации. Первые представления о мужчине, запечатленные в бессознательном, окрашены в пугающие и вызывающие отвращение тона, и это полностью оправдывается реальной личностью отца – деградировавшего алкоголика, или

тяжелого психопата, или жестокого, авторитарного воспитателя. Отношения с матерью, как правило, неспокойные, тревожные: она внушает к себе сильную любовь, но не создает у ребенка ощущения безопасности, защищенности. Распространенная ситуация – ребенок растет в приюте или его воспитывают приемные родители.

Мне запомнилась история одного пациента, рано потерявшего мать, которую заменила мачеха. Утром, проводив мужа на работу, она выгоняла из дома ребенка, и целыми днями он вынужден был бродяжничать. Перед возвращением отца он обязан был вернуться, и тут мачеха запирала его в комнате. Перед сном она отпирала дверь и ставила на пол миску с едой. Мальчику не приходило в голову переставить ее на стол, и он ел на полу, как собака. Пациент не мог сказать, как относился к этому отец, но по его впечатлению, он просто не интересовался жизнью сына. Когда детство проходит в таких чудовищных условиях, чувство одиночества, изолированности в мире возникает раньше, чем появляется возможность близко познакомиться с этим миром.

Однако, подобные штрихи, хорошо объясняющие происхождение глубокого внутреннего разлада, дисгармонии, не дают ответа на вопрос, почему у транссексуалов наиболее слабым местом оказывается ощущение половой принадлежности. Иногда подробности биографии как-будто подсказывают такой ответ. Мне не раз приходилось выслушивать рассказы о том, как мать мечтала о дочери, иногда даже была уверена, что ребенок, которого она вынашивает – девочка, а вместо нее на свет появлялся мальчик. Мы уже знаем, что материнские ожидания, то есть исходящие от нее концентрированные психологические импульсы, обладают способностью влиять на личность и судьбу ребенка; теперь психоэндокринология все ближе подходит и к распознаванию материальных агентов этого влияния – сложных гормональных соединений. Но к этому органическому воздействию нередко добавляется и чисто внешнее, воспитательное. Женщина бывает не в силах окончательно распрощаться с дорогими ей фантазиями, в которых рядом с ней была очаровательная маленькая девочка. Не отдавая себе в этом отчета, она затевает странную игру – в «как-будто». Сын становится особенно мил ее сердцу, когда его можно принять за девочку, а когда он ведет себя, как мальчишка, смотреть на это ей совсем не нравится. Ему отпускают длинные волосы, покупают костюмы, дающие простор воображению. Ловя восхищенные взгляды, которые мать бросает на девочек, сын интуитивно учится им подражать и получает за свои успехи награду в виде

дополнительных доз материнской ласки… Мы получаем, таким образом, целую систему превращения мальчика в девочку, и в отдельных случаях она, безусловно, срабатывает. Но считать такое объяснение универсальным ни в коем случае нельзя. Далеко не все мужчины, испытавшие в детстве дезориентирующее влияние, вырастают транссексуалами. И далеко не все настоящие транссексуалы проходят через эту утонченную психологическую обработку.

Перечитывая работы, опубликованные 50, 40, даже 30 лет назад, я вижу, что не только научные представления меняются, обогащаясь новыми открытиями, но и само явление не стоит на месте. В ранних исследованиях мужчины-женщины предстают как существа по преимуществу слабые. Они плохо переносят психические перегрузки, что делает их по-особому нетерпеливыми и капризными, и даже в их внешности объективный взгляд находит мало мужского. Низкий рост, недостаточный вес, мышечная слабость – неоткуда, при всем желании, взяться силе. Но в следующих поколениях этот феминоподобный конституциональный тип оказался потеснен. На прием ко мне являются настоящие атлеты с бычьей шеей и 44-м размером обуви, чьи голосовые связки категорически отказываются перестраиваться с рокочущего баса на серебристый фальцет. Их кокетливые ужимки, утрированная пластика выглядят каким-то зловещим гротеском. Так и ждешь, что этот верзила сейчас расхохочется и прекратит дурной розыгрыш. Но нет, он тоже твердит о своей женской душе, тоже требует немедленной операции…

Посеешь характер – пожнешь судьбу

Насколько очевидны отличия транссексуалов от людей, не страдающих нарушениями психосексуальной сферы, настолько же зыбкими и неопределенными кажутся порой границы, которые отделяют эту разновидность третьего пола от прочих.

Транссексуалы переодеваются в одежду противоположного пола – и то же самое делают трансвеститы. И это не только внешнее тождество. И для тех, и для других в этом заключен глубочайший внутренний символ, утоление сокровенного желания, порожденного всеобъемлющей дисгармонией личности. В совершении этого действия, в эмоциональном переживании полученного эффекта достигается иллюзия обретения психического равновесия, восстановления целостности духовного мира.

Это – общее. Но есть и существенные различия. Транссексуалы настаивают на том, что этот присвоенный ими внешний облик целиком соответствует их душевной сути. Трансвеститы скорее играют роль. С огромной самоотдачей, со всеми психологическими атрибутами полного перевоплощения – но именно актерского. Эмоциональный накал, сопровождающий метаморфозу, очень высок, и все же остается островок трезвого самоконтроля, осознания своего «Я». Каким бы фантазиям ни предавался трансвестит, идея анатомической трансформации ему глубоко чужда. Ужасает сама мысль о том, что реально стоит за этим, – то есть о кастрации.

Есть и иные отличия. «Фирменный знак» трансвестита – отчетливое сексуальное наполнение ритуалов смены костюма. Эпизодически или регулярно совершается переодевание, толкает к нему одно – напряжение, гложущая потребность, другими словами, обычный сексуальный голод, только в необычной поведенческой упаковке. В кульминационный момент наступает и разрядка, нередко тоже в самой банальной форме семяизвержения. Поэтому можно утверждать, что собственные половые органы служат трансвеститу источником наслаждения – потому он и дорожит ими, потому и боится потерять. У транссексуалов, как мы видели – все наоборот.

Очень интересен вопрос публичности. Известны случаи «подпольного» трансвестизма: переодевание совершается в одиночестве или, как элемент своеобразной любовной игры, – наедине с партнером. Но в принципе это не характерно. Если мы говорим о роли, об исполнении роли, то необходим становится и зритель – активно реагирующая инстанция, без которой нет ни

чувства завершенности, ни радости успеха. Демонстративные, вызывающие манифестации транссексуалов резко контрастируют с поведением трансвеститов, к которому хорошо подходит поговорка «и хочется, и колется»: потребность предстать перед публикой и сорвать аплодисменты вступает в противоречие с осознанной необходимостью сохранить свою манию в глубоком секрете. Подобно нашему Александру Васильевичу, многие ведут двойную жизнь. В явной ее части никто не догадывается о том, чем этот почтенный член общества занимается на досуге, а в тайной, напротив, сохраняется инкогнито.

Возможно, это различие основывается не столько на глубинных психологических механизмах, сколько на чисто прагматических соображениях. Транссексуалу нужно получить санкцию общества: добиться изменения гражданского пола, получить медицинскую помощь. Какой бы дискомфорт ни вызывали столкновения с окружающими, приходится терпеть. Трансвестит же ни от общества, ни от медицины не зависит. Единственная его цель – чтобы его оставили в покое.

Казалось бы, дифференциация достаточно четкая, никаких затруднений при определении состояния врачи испытывать не должны. Но опыт показывает, что есть множество промежуточных, переходных стадий, когда правомерными могут оказаться оба диагноза. Коварство этих случаев заключается в том, что колебания зависят не столько от внутренних причин, сколько от внешних воздействий. Когда усиливается общественный интерес к этим в высшей степени необычным людям, а проще сказать, когда одна за другой начинают появляться сенсационные публикации, я уже заранее знаю, что мой рабочий график немедленно уплотнится за счет притока новых пациентов.

Немалые диагностические затруднения порой вызывает необходимость провести и другую границу – между транссексуализмом и гомосексуальностью. С биологических позиций они вообще неразличимы, но психологически проявляют себя по-разному. Не случайно многие транссексуалы всячески подчеркивают свое отвращение к «голубым», и нет для них страшнее оскорбления, чем получить такую кличку. Гомосексуалу мысль об изменении пола глубоко чужда. Своеобразие любовных влечений ничуть не разрушает его собственного устойчивого представления о себе как о существе определенного пола. Он высоко ценит свои половые признаки, а иногда даже гордится ими, старается подчеркнуть.

Транссексуал считает все, что с ним происходит, естественным. Он такой, таким он создан. О гомосексуалах этого сказать нельзя даже теперь, когда они склонны бравировать своей

свободой. Разве что внутренний голос, твердящий им об их «ненормальности», превратился в тоненький, еле слышный шепот.

Черты несомненного сходства в сочетании с такими же очевидными различиями приводят ученых к диаметрально противоположным выводам. Согласно одной точке зрения, транссексуализм – явление обособленное, имеющее свои особые корни. По мнению же оппонентов, его родство с трансвестизмом и гомосексуализмом предопределено общностью происхождения, что позволяет этим формам развиваться одна из другой. Ясно, что произнести окончательное суждение об этих гипотезах наука сможет не раньше, чем будут раскрыты все тайны третьего пола. Пока же известно слишком мало.

Сами пациенты в большинстве случаев высказывают твердое убеждение, что организм транссекусуалов устроен не так, как у остальных людей, мужчин и женщин. «Что-то такое есть» – либо в строении, либо в функционировании органов, определяющих половую принадлежность. Но подтверждений эта их уверенность пока не нашла, хотя отражение ее можно найти в многочисленных теориях.

На первых конференциях, в 50-е годы, явный перевес имели генетические концепции. Правда, никто не мог сказать, какие именно нарушения и в каких узлах механизма наследственности должны произойти, чтобы душа у человека разминулась с телом, но многие факты наталкивали на эту мысль, в частности – обоюдная склонность к этой аномалии у однояйцевых близнецов. Открытия последующих десятилетий должны были дать таким феноменам исчерпывающее объяснение, но этого пока не случилось. «Кое-что» действительно есть. Например при изучении H-Y антигена, входящего в состав клеточной мембраны и играющего огромную роль в формировании тканей мужского организма, было установлено, что его состояние у транссексуалов в большинстве случаев соответствует тому полу, в каком они себя ощущают, а не тому, к которому биологически принадлежат. Но такого рода закономерности справедливо расцениваются, как подсказка, а не как полный ответ на загадку.

Направления в исследовании биохимических факторов, участвующих в формировании психосексуальной сферы, нам уже знакомы по изучению корней гомосексуальности. Результаты этой сложнейшей работы не менее актуальны и для ученых, специализирующихся в области транссексуализма: когда нормальное развитие этих процессов будет детально прояснено, появится и возможность выявить картину отклонений от нормы, с их причинами и специфическим течением. Многообещающей кажется теория пренатальных гормонов, участвующих в

формировании связанных с полом центров гипоталамуса и других мозговых структур. Но и эта теория пока что вопросов ставит больше, чем дает ответов. Базу, пожалуй, удалось подвести лишь под одно предположение, интуитивно сформулированное врачами-практиками, – что пути мужского и женского транссексуализма лежат в далеких, непересекающихся плоскостях.

Гипотеза, которая сложилась в результате многолетних наблюдений у меня, ставит под сомнение азбучную, казалось бы, истину: самое обычное, такое же, как у всех мужское или женское тело становится при трансекссуализме вместилищем души, уверенно относящей себя к противоположному полу. Знак вопроса я решаюсь поставить над словами: «такое же, как у всех». И вот почему.

Анализируя сведения, собранные о раннем детстве десятков пациентов, я обратил внимание на характерное различие между мальчиками и девочками. Мальчики – будущие транссексуалы – отличаются от своих ровесников того же пола не только внешней изнеженностью и любовью к «девчоночьим» играм. У них резко снижен, а иногда и вообще отсутствует интерес к собственным гениталиям, даже в тот период, между 3 и 5 годами, когда, согласно Фрейду, инфантильная сексуальность переживает пору расцвета. А вот у девочек, в сравнении с обычными девочками, наблюдается повышенное внимание к собственным половым органам: фиксация на клиторе, часто эрегирование, тяга к самораздражению, раннее пробуждение онанизма.

Эти тенденции сохраняются и на всем пути развития. В подростковом возрасте многие мальчики-транссексуалы подвергают себя настоящей экзекуции, пытаясь сделать свои половые органы невидимыми: бинтуют их, привязывают, зажимают и в таком состоянии проводят долгие часы. Волосы начинают шевелиться, как представишь себе эту адскую боль! Нет, говорят пациенты, особых страданий им это не причиняло. Может быть, психологическая установка блокирует болевые ощущения? Но есть и объективные показатели пониженной чувствительности гениталий. Дополнительным аргументом могут служить и такие распространенные явления, как позднее возникновение слабых эрекций, или атония предстательной железы.

Девочки же, вырастая, сохраняют и усиливают генитальную гиперчувствительность. Обостренное мужское самочувствие проявляется и в сильнейшем половом влечении. Дневники женщин-транссексуалов полны эротических сцен, часто мучительных для обеих участниц, не владеющих гомосексуальной

техникой, а возможно, и не желающих из принципа ее применять. Мужчина и действовать должен по-мужски!

Различия в генитальной чувствительности отражаются и в фантазиях. Мечтая об операции, транссексуалы мужского пола представляют ее себе как освобождение от чего-то им ненужного, мешающего. Женские же требования направлены на то, чтобы получить недостающее.

Своеобразие мужского и женского тела проявляется и в том, как размещены эрогенные зоны. Здесь у транссексуалов тоже наблюдается характерный сдвиг. Мужчины необычно остро реагируют на прикосновения к области соска. А у женщин, наоборот, и эти точки, и вся поверхность грудных желез в сексуальном плане практически атрофированы и вызывают к себе такое же отношение, какое мы видим у мужчин к своим половым органам. Это лишнее, мешающее, то, что нужно убрать! Девушки-подростки перетягивают грудь резиновыми бинтами, нередки случаи, когда прибегают и к ножу, и к кислоте, и к раскаленному металлу.

О чем это может говорить? Первой приходит в голову мысль о нарушениях в системе нейроэндокринной регуляции. Но значительных сдвигов в ней анализы не показывают. Встречаются лишь явления, которые можно расценить как легкую стигматизацию, знаковую примету. У женщин – повышенный уровень мужских гормонов (и на этом фоне – дисфункция яичников, тенденция к мужскому типу оволосения). У мужчин – такое же нарушение баланса в сторону женских гормонов. Но трудно доверять этим анализам полностью. Известно, что многие транссексуалы подкармливают себя гормональными препаратами, иногда – в высоких дозах, хотя тщательно это скрывают.

Вспомним, однако, о том, что системы биохимической регуляции построены по принципу цепи. Сигнал должен быть послан – но он должен быть и принят соответствующими мишенями. Таких мишеней, рецепторов, много в тканях и органах, прямо или косвенно участвующих в продолжении жизни: как бы иначе могли образовываться в этих участках тела эрогенные, то есть сверхчувствительные к возбуждению зоны? Можно считать практически доказанным, что сенсорные стимулы со стороны гениталий и эрогенных зон побуждают социально-психологическую мотивацию, участвуют в формировании половой идентификации личности и психосексуальной ориентации, хотя подробности этого процесса еще не ясны. Моя гипотеза сводится к тому, что «поломки» в сложном рецепторном аппарате выводят из строя всю цепь, ломают генетически закрепленную программу половой дифференциации психики.

Мне вспоминаются слова одного из родоначальников современной психиатрии, В. Сербского, о том, что телесные ощущения служат ядром, вокруг которого формируется индивидуальность. Специфические сенсорные реакции, свойственные транссексуалам – мужчинам и женщинам, – придают, очевидно, этому ядру характерные очертания. Потому, наверное, и получается, что эти люди, стоящие особняком среди всего человеческого рода, так удивительно похожи друг на друга. Рассказывая о Николае и Варваре, я уже слегка затронул эту тему. Но сейчас есть прямой смысл к ней вернуться.

Передо мной несколько десятков медицинских карт – подробнейшие сведения о пациентах, проходивших в течение нескольких лет лечение в нашей клинике. Самое первое, бросающееся в глаза различие: образовательным уровень у женщин намного выше. Это говорит о многом. Тяжелейшие психологические проблемы, борьба с собой и с миром, неопределенность дальнейшей судьбы все же не помешали мобилизоваться на учебу, посещать учебное заведение, сдавать экзамены. Многие пациентки отличались незаурядными математическими способностями, пространственным воображением. Массовым бил и интерес к технике. Мне запомнились рассказы нескольких женщин о своем детстве. Как обычно, родители воевали с ними из-за страсти к мальчишеским забавам, силком приучали к куклам. Девочки покорялись, но играли не «в дочки-матери» – они разнимали кукол на части, чтобы рассмотреть, что у них внутри и как двигаются руки и ноги.

Мужчины не только с учением – вообще с задачами социализации справлялись гораздо хуже. Об инфантилизме я уже говорил, но к этому надо добавить и недостаток познавательных способностей, интеллектуальные изъяны, типичным свойством оказалось ослабленное чувство юмора.

Наблюдая пациентов в ситуациях если не стрессовых, то достаточно напряженных, можно было наглядно увидеть, насколько лучше женщины вооружены для жизненной борьбы. Они решительны, тверды, при этом держатся естественно, сохраняют дистанцию в общении с врачами, с администрацией. Даже при наличии явных психопатических черт умеют, когда нужно, держать себя в руках и что еще важнее – реалистически оценивать происходящее. У мужчин все эти качества представлены с обратным знаком, а самым, пожалуй, слабым местом в их психологической «экипировке» часто бывает отсутствие реализма в восприятии. Порой сердце начинает щемить от сострадания, когда вслушиваешься в наивный лепет

пациента. Он свято верит, что стоит только врачам захотеть – и он превратиться в прекрасную женщину. Но при этом совершенно не принимает в расчет, что никакой медицине не под силу подарить ему другие черты лица, другие глаза или зубы…

Статистическая обработка биографических данных 72 пациентов обоего пола позволила составить в высшей степени выразительную таблицу. Оказалось, что 100 процентов мужчин на протяжении всей своей жизни последовательно избегали вступать с кем-то в соревнование или в конкурентную борьбу. Среди женщин такой линии поведения придерживались лишь неполные 10 процентов. Для 97 процентов мужчин главный принцип существования – физическая безопасность, необходимость гарантировать себя от телесных травм. Среди женщин таких – 0 процентов. Все мужчины поголовно избегают драк. Женщины – тоже все до одной – всегда готовы постоять за себя, в том числе и с помощью кулаков. Целая пропасть обозначается между моделями поведения, системами житейских приоритетов, способами самоутверждения и самозащиты! А в основе этих сложнейших психологических образований лежит одна очень простая вещь. У мужчин-транссексуалов повышенная чувствительность к физической боли, а у женщин, наоборот – пониженная…

Так постепенно корректируется в наших представлениях сакраментальная формула о душе, залетевшей по ошибке в чуждое ей тело. В самом теле наука мало-помалу распознает признаки, позволяющие не более чем условно называть его мужским или женским. Жалобы пациентов, которые некогда могли казаться надуманными, нелепыми, получают объективное обоснование. Во всяком случае, практикующий врач сегодня достаточно вооружен, чтобы отличить истинных транссексуалов от имитаторов, чья подкупающая искренность соответствует глубине самообмана. Врач вполне способен оценить истинную тяжесть состояния: когда пациент говорит, что не может жить в условиях мучительнейшего раздвоения, то эти признания полностью соответствуют действительности.

И все равно каждый раз заново приходится решать поистине проклятый вопрос: что делать дальше?

«Что Вы со мной сделали?»

Эта давняя телепередача в популярной рубрике «Тема» запомнилась, я уверен, не только мне. Нельзя сказать, что до нее свет гласности не проникал в эту область жизни. Печатались рассказы о судьбах транссексуалов, очерки о медицинских центрах, журналисты брали интервью у специалистов. Но глубоко эти публикации не копали. Авторы, что называется, били на сенсацию и не делали из этого особого секрета. Вот какие бывают на свете необычные люди! Или: вот какие чудеса творит современная наука! Разумеется, для этих целей подходил только сугубо позитивный материал: успешно завершившаяся трансформация пола, благополучно сложившаяся дальнейшая судьба. Все улыбаются! Доволен врач, чье искусство уменьшило количество несчастья на земли и увеличило количество счастья. Доволен пациент, осуществивший свою мечту. Доволен и журналист, удовлетворяющий вечную потребность публики в необычном, экстравагантном, возбуждающем любопытство. В этой оптимистической, улыбчивой тональности и входила данная информация в массовое сознание.

Телепередача, о которой я говорю, одной из первых показала транссексуализм как острую социальную проблему, ждущую принципиального разрешения. Жизнь открывала для такого показа широкий веер возможностей. Кто-то из великих назвал это явление «вызовом природе», но в ничуть не меньшей степени это и вызов обществу, которое зачастую и не готово, и не располагает средствами, чтобы вызов принять. Из всех этих сложных драматических коллизию авторы программы выбрали одну: человек нуждается в помощи, но не может ее получить. Мне было понятно, почему именно этому повороту было отдано такое предпочтение. Локальный сюжет, перегруженный узко профессиональными подробностями, выходил на дискуссию о правах человека, необычайно актуальную в тот период, приобретал политическое звучание. Что ж, можно было, наверное, рассмотреть судьбу наших пациентов и с этих позиций. Но тут в полный голос заговорили стереотипы, диктующие журналистам приемы подачи материала. И вот что получилось в результате.

Сценарий был построен по одной из самых беспроигрышных схем – судебного разбирательства. Стороны, истец и ответчик, выясняют свои отношения. Суд взвешивает их доводы и решает, кто прав. Судейские функции были возложены на сидевшую в студии массовку. Настоящие судьи в делах, требующих специальных познаний, прибегают к помощи экспертов. В этом

«процессе» обошлись без таковых. Правда, в число участников были включены представители медицины, но им досталась другая роль – ответчиков. Если же у суда все же возникали какие-то недоумения, то нужную информацию они получали от свидетеля. Им, по воле судьбы, оказался один из наших давних пациентов, переживший все стадии трансформации и благополучно перешедший в женский пол.

При всей серьезности замысла обойтись совсем без экзотики было, наверное, слишком трудно. В кадре царил истец – молодой транссексуал, выглядевший, сказать по правде, очень эффектно. Если бы не подчеркивалось поминутно, что перед нами мужчина – настоящий мужчина, вы только подумайте! – ошибиться и в самом деле было бы немудрено. Он рассказывал о страданиях, терзавших его с самого детства, о бесчисленных мытарствах, которым его подвергают бюрократы от медицины, о том, что теряет последнюю надежду. Но глаза его при этом сияли, голос звенел от радостного возбуждения. Да, так уж они устроены, эти наши пациенты. Сидеть перед телекамерами, чувствовать себя в центре внимания, можно сказать, всей страны, ловить восхищенные, ободряющие взгляды… Звездный час!

Что должен был вынести из этого яркого шоу зритель, впервые столкнувшийся с этой проблемой? Ему показали человека, обреченного нести тяжелейший крест (что, как мы знаем, полностью соответствует действительности). Но тут же и убедили, что снять этот крест ровно ничего не стоит! Вот сидит товарищ этого человека по несчастью, и он свидетельствует, что для современной медицины это буквально пара пустяков. Какие еще нужны доказательства? Но вместо того, чтобы оказать герою передачи незамедлительную помощь, его отфутболивают от одного врача к другому, заставляют проходить какие-то бесконечные обследования, хотя кто лучше него самого может сказать, кем он себя ощущает и что ему требуется для нормальной жизни? Разумеется, суд всей душой встал на сторону истца! Думаю, что и незримый суд, состоящий из миллионов телезрителей, занял точно такую же позицию. Наверное, нет человека, которому не припомнился бы в этот момент собственный опыт обид и унижений по вине бездушных формалистов, перестраховщиков, чинуш, так что тут и вопроса не могло возникнуть – с кем отождествит себя аудитория.

У ответчиков был крайне беспомощный вид. Переломить сложившееся настроение они не сумели, да и как бы им это удалось? Обсуждать профессионально проблемы пациента, ставшего героем передачи, – никто на такое пойти бы не мог. Объяснять в общем плане, почему между первым появлением

пациента и окончательным решением его судьбы всегда проходит много времени, почему нередко приходится в ответ на страстные мольбы твердо говорить «нет»? В два слова этого не вместишь, а пространные монологи – не в жанре динамичного ток-шоу. Возможно, во время записи мои коллеги и пытались обосновать свою позицию, но при монтаже все их аргументы выпали. Вот и получилось то, что собственно, и требовалось продемонстрировать по замыслу: человек отстаивает свою свободу, право распоряжаться собственной судьбой, а наталкивается на грубый и бессмысленный произвол.

Почему так задела меня эта несправедливость? Поверьте – меньше всего из соображений цеховой солидарности! Опыт всей моей жизни убеждает меня в том, как опасна привычка сводить сложные задачи к четырем простейшим арифметическим действиям. Белое – черное, друг – враг… Попытаюсь показать, как на самом деле выглядит проблема помощи транссексуалам, а для этого мне как нельзя лучше пригодится отложенная нами про запас история Рахима, моего самого первого пациента.

Прервали мы ее в тот драматический момент, когда авторитетнейшая экспертиза отмела все сомнения в психической адекватности пациента и он был выписан из клиники с точным диагнозом. Но что от этого изменилось? Рахим с удвоенной энергией продолжал добиваться операции. Следовательно, и тем, от кого это зависело, пришлось удвоить усилия, чтобы его отговорить. Ситуация, как выражаются ныне политики, приобретала откровенно патовый характер.

К тому времени у меня уже был кое-какой опыт работы с гермафродитами, настаивавшими на том, чтобы их «узаконили» в ошибочно установленном поле. Теми же доводами я пытался переубедить и Рахима. Говорил об опасностях хирургического вмешательства, о непредсказуемости последствий, о мстительности природы, которая не терпит посягательств на свои прерогативы. Прибегал к изощренным методам психотерапии, даже к гипнозу. Гермафродиты были более понятны мне в своем упорстве: как-никак, вся их жизнь лежала в фундаменте ложного представления. Но даже их взгляды в конце концов постепенно начинали меняться. Почему же доводы рассудка не пробьются в сознание Рахима, порабощенное каким-то фантомом? Сейчас он твердит, что готов претерпеть любые муки, готов даже «умереть под ножом» – все равно жизнь в мужском образе не имеет для него никакой ценности. Но не может это продолжаться бесконечно!

Так мы и ходили по замкнутому кругу, не много, не мало – шесть лет. Из юноши Рахим постепенно превращался в зрелого

мужчину, но никаких изменений в его душевном состоянии не произошло. Вся его жизнь сосредоточилась на борьбе за изменение пола. Помимо этого, его не интересовало ничего.

Но почему с таким же упорством мы сопротивлялись его желанию? Проще всего было бы сказать, что мы раболепно следовали инструкциям министерства здравоохранения, которые ведь и в самом деле не предусматривали подобных хирургических акций. Но это не объяснение, по крайней мере, для меня. Если бы я был уверен, что мы должны пойти навстречу необъяснимому желанию Рахима, меньше всего могли бы меня затормозить какие-то формальные ограничения. Инструкции пишутся людьми – и людьми же переписываются. Нет, останавливали меня совсем другие «инструкции» – нерукотворные: глубочайшее ощущение барьеров, дальше которых никто не смеет идти, имея дело с живыми созданиями природы.

Рахим настаивал на кастрации, ведь именно это составляло суть того преображения, к которому он стремился. Другими словами, прежде чем вылепить из него медицинскими средствами женщину, нужно было убить в нем мужчину – здорового, полного сил, имеющего все, чтобы полноценно жить по законам своего пола. Все во мне противилось этому! Я все время представлял, как приходит ко мне этот славный человек, изуродованный, искалеченный при моем попустительстве, приходит в отчаянии, не зная, как жить дальше, и говорит: «Что же вы наделали, доктор? Да, я сам этого хотел, – но мне простительная была слепота, я же не медик, я не мог заглянуть в будущее. Но вы-то знали, вы обязаны были все предвидеть! Как же вы могли пойти у меня на поводу?» И что же я скажу в ответ?.. Смутная жила во мне надежда, что каким-то естественным образом это наваждение у Рахима пройдет: пробудится в нем голос пола, заявит свои права. Как это было, например, с Женей: сегодня он категорически требует любой ценой избавить его от ненавистных половых признаков, а завтра чуть не со слезами на глазах благодарит за то, что мы его не послушались…

Поэтому когда Рахим вдруг исчез на длительное время – не приезжал в Москву, не звонил, не писал, – я не встревожился. Решил: слава Богу, наконец-то человек обрел покой. Но я ошибался.

Отчаявшись пробить стену сопротивления в лоб, Рахим предпринял обходной маневр. Из всех своих злоключений он сделал верный, в общем-то, вывод: главный камень преткновения – не биологический, а гражданский пол. Паспорт, вот что до сих пор ему мешало! И Рахим поставил себе цель – поменять документы. Как он действовал, я не знаю, но думаю, что все

решила самая банальная взятка. И ситуация в самом деле изменилась в корне! Теперь гражданка такая-то, страдавшая несоответствием половых признаков ее полу, просила врачей устранить эту досадную аномалию. Никаких специальных министерских разрешений на эту законную операцию уже не требовалось.

Еще до того, как новый паспорт был получен, Рахим прекратил «вынужденный маскарад». Завел нормальный женский гардероб, начал употреблять косметику, знакомясь, называл себя женским именем, которое себе выбрал… Сразу же выяснилось, что он очень нравится мужчинам, которым и в голову не могло прийти, что эта нежная, грациозная брюнетка имеет хоть какое-то отношение к их собственному полу. Один из этих новых знакомых стал ухаживать за красавицей всерьез и вскоре сделал ей предложение. Рахим отвечал уклончиво. Сказал, что вскоре предстоит серьезная операция в связи с заболеванием яичников, что уже уже сейчас можно твердо сказать, что детей в их браке не будет… Но влюбленного это не испугало. Рахим познакомился с родителями жениха, которые были так очарованы «милой скромной девушкой», что тоже были согласны простить ей все… Состоялась помолвка, Рахим стал невестой. День свадьбы, в виду предстоящей операции, не назначали, но уж с операцией точно следовало поторопиться. Со всеми этими новостями и с новым паспортом Рахим приехал в Москву – уже не умолять, а требовать.

Непростая задача – определить чувство, которое питал мой пациент к своему жениху. Я выслушал немало уверений в том, что это – настоящая любовь. Местные нравы не допускали до свадьбы никаких интимных проявлений, лишь изредка невеста позволяла себя поцеловать. Поцелуи волновали, вызывали желание близости, которое по многим причинам приходилось подавлять, но участились эротические сны, в которых Рахим видел себя, женщину, в постели с любимым мужем. Было ли это влечение сродни гомосексуальному? Или таким образом находила подтверждение уверенность Рахима в том, что он на самом деле – женщина? А может быть, все было еще проще – его многолетняя борьба подходила к завершению, он уже чувствовал себя победителем, он утверждался в жизни не просто в роли женщины, но в роли возлюбленной, желанной, вызывающей мужское восхищение, и этот чисто психологический заряд окрашивался в сексуальные тона? Однозначного ответа я не нашел. Да и трудно было его искать – Рахим больше не расположен был слушать ничьих советов, он несся на всех парусах к близкому уже берегу, и его явно раздражало все, в чем виделась ему задержка…

Даже когда выяснилось, что для приезда он выбрал крайне неудачное время – лето, период отпусков, «мертвый сезон» во многих ведущих клиниках – Рахим не стал менять своих планов. Нашел маленькую городскую больницу вдали от Москвы, где подобными операциями никто никогда не занимался, нашел там двух хирургов, то ли достаточно легкомысленных, то ли достаточно корыстных, чтобы «войти в положение»… После молниеносной предоперационной подготовки мечта Рахима сбылась.

Сбылась ли?

В руках у меня старая магнитофонная кассета – Рахим разрешил записать на пленку наш первый разговор, состоявшийся несколько месяцев спустя. Передо мной сидела эффектная нарядная молодая женщина, но с первых слов можно было догадаться, что ожидаемого чуда не свершилось. По-прежнему Рахим говорил о себе: «я хотел», «я увидел»…

Вот дословная расшифровка этой записи.

«До операции мне очень хотелось стать женщиной, мне почему-то казалось, что операция меня полностью переделает. Но потом, как ни странно, почувствовал, что в принципе никаких изменений не произошло. Психологически я себя ощущаю точно таким же человеком, что и до операции…

– Так ты же утверждал тогда, что чувствуешь себя женщиной!

– Мне самому не совсем это понятно. Я хорошо анализирую свое состояние. Да, оно такое же, как было раньше, но при это твердо знаю, что никакая я не женщина. Понимаете, оперировали меня в гинекологическом отделении, я все время был в окружении женщин. А до этого мне, честно говоря, не приходилось с ними близко и постоянно общаться, наблюдать все их, так сказать, физиологические особенности…

– Тебе стало противно от всего этого?

– Нет. Но я понял: то, что я с собой сделал – противоестественно. Таким, как они, я все равно не стал и никогда не стану, потому что их такими сделала природа. А все, что произошло со мной, – это не настоящее…

– Но что же произошло?

– Меня самого это мучает. Отчего, когда все, что я хотел, получилось, когда мечта моя сбылась, я не чувствую никакого удовлетворения? Я ведь столько лет угробил на то, чтобы добиться операции, всю свою юность на это положил. От всего отказался. И вдруг – полный крах! Все оказалось не так, как я ожидал!

– Что именно, ты можешь сказать подробнее?

– В первую очередь, я уже сказал – насилие над природой.

Затем меня стали мучить фантомные ощущения отсутствующего полового члена.

– И сейчас это ощущение держится?

– Сейчас – нет. Впервые оно появилось дня через два, когда прошло тяжелое состояние после операции, и держалось месяца три. Раньше меня мои половые органы жутко тяготили, я мечтал, чтобы их не было. И тут вдруг, когда мне их удалили, я стал чувствовать, что они у меня есть. И это как-то странно на меня повлияло. Мало того, я констатировал такой чудовищный для меня факт, что испытываю ощущение эрекции!

– А когда это ощущение появлялось?

– При виде обнаженных женщин. Раз было так: меня пригласили в процедурную, а там уже была больная, лежала на гинекологическом кресле. Мне ее не хотелось, она меня абсолютно не возбуждала, мне даже трудно объяснить, почему это состояние возникло, такое же, как было при поцелуе мужчины. Это мгновенно вызвало резкую боль, сильное кровотечение. Врач в процедурном испугался, побежал звать хирурга, который меня оперировал. Но они так и не докопались до причины, а я им объяснять ничего не стал. Боль, кровотечение – все это быстро прекратилось. Но душевное состояние осталось ужасное, у меня прямо все перевернулось внутри.

– Мы с тобой много об этом говорили, ты всегда утверждал, что женщины тебя не возбуждают…

– Так оно и было! Я был к ним совершенно безразличен. Даже мысленно я никогда не хотел близости ни с одной из них! И что еще странно: если до операции я знал, что такое потребность в половом акте с мужчинами, то теперь это пропало. Вообще исчезли все половые чувства. Ноль, полный крах! Мне не нужно ничего. Даже возникло какое-то отвращение к половой жизни. От сознания того, что все это противоестественно, что вся моя затея – абсурд.

– Значит, ты хотел бы вернуться к прежнему?

– Ну что об этом говорить! Я же знаю, что такое невозможно. Но если бы шанс был – да, я бы им воспользовался!

– Другим больным ты бы не посоветовал идти таким путем?

– Трудно сказать, на мне ведь свет клином не сошелся. Может быть, у других все проходит благополучно… Я только так скажу: чтобы от чего-то отказываться, надо хорошо знать, от чего отказываешься. Поэтому если у вас есть такие больные, я бы им посоветовал то, что вы говорили мне когда-то: проверить себя. Пожить нормальной половой жизнью. Пусть это психологически будет казаться немыслимо, но следует себя перебороть. И если после этого они все-таки решатся на операцию… Тогда, по-моему,

до таких мук дело не дойдет.

– А ты? Помнишь, как ты реагировал, когда я тебя уговаривал попробовать вступить в связь с женщиной?

– Помню, конечно. Меня это оскорбило. Меня даже оскорбляло, когда вы посылали меня на анализ эякулята…

– Чем же это могло тебя задевать?

– Я считал, что любой разговор обо мне как о мужчине унижает мое женское самолюбие. Но после операции это чувство неожиданно исчезло. Все встало на свои места…

– Ты почувствовал, что ты мужчина?

– Нет, не почувствовал. Я не хочу быть мужчиной, не хочу. Но знаете, какая мысль меня мучает? Я сказал мужу с самого начала, что у меня никогда не будет детей, поскольку мне нельзя рожать. А теперь мне тошно, потому что я его обманываю, но и правду сказать не могу. Потом другое. Мне хочется ребенка, как любой нормальной женщине, но этого тоже никогда не будет.

– Вы же можете взять ребенка на воспитание.

– Можем. Но тоже буду знать, что все это неестественно. Психологически мне необходимо именно родить, пережить сами роды. Но этого не будет никогда.

– Муж твой знает хоть что-нибудь о твоем прошлом?

– Ничего не знает, абсолютно ничего. И даже не догадывается. Никто не догадывается, когда видит меня в женской одежде, в гриме, с красивой прической. С мужем говорили гинекологи, сказали, что у меня была сложная операция, и он, конечно, этому поверил. Мой муж очень чистый парень, он ничего не понимает в половой жизни. Ему сказали, что со мной будет трудно в постели, что он должен быть осторожен – и он поверил. Он меня буквально боготворит. Но дело-то ведь не в том, что мне больно. Я не умею вести себя, как женщина, в минуты нашей близости. Абсолютно не знаю, что и как мне надо делать, и чувство мне ничего не подсказывает, потому что никакого чувства нет. Делаю все исключительно ради мужа. Мне хочется отдаться ему полностью, но все идет только от ума. Это настоящий обман. Я лгу ему, лгу всем окружающим…

– Помнишь, ты рассказывал, что когда тебя принимают за девушку, ты испытываешь прилив гордости. А теперь?

– Меня поднимало, как на крыльях! Но теперь никакой реакции. Все безразлично.

– Ты начал работать?

– Пробую. Тело стало немного пластичное, мягче, но особой радости это не приносит. Сейчас я немного взял себя в руки, а первое время была полная пустота. Казалось бы, достигнуто то, о чем мечтал всю жизнь, и вдруг все это оказывается миражом.

Может быть, влияет еще и то, что операция прошла неудачно…

– Почему ты так думаешь?

– Я сужу по своим ощущениям. Оперировали меня шесть с половиной часов. Все сделали сразу: ампутацию члена, пересадку гонад, сформировали влагалище из брюшины, при этом часть мошонки удалили, часть оставили. Уретра оказалась совершенно открыта, обнажена. Неудобно вставать, сидеть, ходить, плотная одежда причиняет боль. Я готов был к тому, что придется потерпеть, но слишком много оказалось таких неудобств. Поэтому я и думаю, что врачи в чем-то ошиблись. Но самая большая ошибка, конечно, была моя. Прежде мне казалось, что я в точности похож на женщину, ну хотя бы манерами, но это только потому, что я женщин совершенно не знал. Я никогда не видел их обнаженными, не слышал, как они говорят между собой обо всем интимном. А тут понял: все, что им доступно, мне не дано, несмотря на операцию.

Мне хотелось, чтобы все было нормально в моей жизни, но знаю, что этого не будет. Я понял только сейчас смысл всего того, что вы мне говорили и после смены паспорта, и до этого.

– Ты подкладываешь грудь?

– Нет, не ношу никаких протезов. Раньше, во время приема гормонов, у меня что-то появилось, лифчик можно было надеть, первый номер. Но вскоре все исчезло. И на лице усилилась растительность, на ногах. Я теперь чаще хожу на эпиляцию.

– Что тебе снится? Бывают, как раньше, эротические сновидения?

– Нет, ничего сексуального в сновидениях не стало. После операции ни разу не было. Сны очень насыщенные, яркие, но все, связанное с сексом, из них исчезло.

– А само ощущение, что ты – женщина? Кем ты видишь себя во сне?

– Да никем, как и наяву. Не женщиной и не мужчиной. Чувствую себя как живой труп, нечто среднее. Вот что мне странно. До операции я чувствовал к своему телу отвращение, но психологически был для себя полноценным человеком. А теперь я неполноценный человек. И это оказалось намного страшнее, чем быть в своих глазах неполноценной женщиной, как это было раньше.

– Я правильно тебя понял? Отсутствие женских физических черт ты переживал как неполноценность. Но когда эти черты появились, ощущение изъяна переместилось в психическую область. Ты не обнаруживаешь у себя «женской души». Так?

– Совершенно верно. Сейчас я кажусь себе просто уродом. Знаете, я не говорил этого даже вам, но раньше у меня бывали

поллюции. Меня это раздражало, но, наверное, в то же время и успокаивало. В глубине души я знал, что у меня есть такой резерв. Я могу быть полноценным мужчиной. Мне это было не нужно, но в запасе такой вариант существовал. А теперь нет ни мужских, ни женских ощущений. Ничего не осталось. Пустота.

– Ты говорил мне, что сексуальный опыт у тебя отсутствует. Это действительно так?

– Никаких контактов у меня не было, это правда. Но был сильный отклик на эротические сцены в кино или в книгах, когда я представлял себе соответствующие эпизоды. Больше всего возбуждало меня само совершение полового акта, но при этом я не отождествлял себя ни с партнером, ни с партнершей. Лишь иногда бывало, что я мысленно видел себя на месте женщины. Но на месте мужчины – никогда. Поэтому я и надеялся, что хирурги возместят мне то, что не было дано природой. Но то, что они сделали, оказалось всего лишь имитацией.

– Давай попытаемся представить, что возможности изменить свой пол хирургически у тебя в принципе не было. Ты бы мог приспособиться к своему мужскому статусу, как ты считаешь?

– Да, я мог бы прожить жизнь полноценным человеком. Надо было бы взять себя в руки, не жить вообще половой жизнью – отбросить все, что связано с сексом. Уйти с головой в хореографию, в работу.

– Но что означало бы одиночество, отказ от семьи. Ты бы чувствовал себя очень несчастным.

– То, что сейчас – хуже во сто крат. Мне с мужем хорошо, он так меня любит, но это все – до поры до времени. Я же даже раздеться при нем не могу, только в темноте. Не даю трогать себя. Каждая близость с ним – мука. Пока что он приписывает это моей болезни. Но в конце концов ему это надоест. Сколько он сможет отказываться от нормальной половой жизни? С ним не мне нужно быть, а нормальной женщине. Мне хочется дать ему как можно больше, а я не могу. И мне от этого еще тяжелее. Так тяжело, что даже жить не хочется…»

Так при первом же столкновении с проблемой транссексуализма дано мне было понять всю ее безграничную сложность – и не только для пациента, но и для врача. В словах Рахима все время звучал для меня невысказанный, а возможно, неосознаваемый им упрек. Что с того, что всю ответственность он брал на себя или возлагал ее на неопытных, неумелых хирургов, от которых, кстати, я тоже его пытался предостеречь? То, что случилось – случилось. Не с моего благословения, скорее, наоборот, но как мне было убедить себя в том, что я сделал все, что мог, для предотвращения непоправимого? Может быть, думал

я, существовали какие-то слова, обладающие магической силой, какие-то аргументы, но я не сумел их найти? Ничего нет на свете тяжелее для врача, чем ощущение собственного бессилия…

Были в истории Рахима подробности, вызывающие серьезные сомнения: можно ли толковать этот драматический сюжет расширительно? Типичен ли он, подходит ли для извлечения принципиальных уроков? Первое, что бросается в глаза, – вопиющий дилетантизм врачей, взявшихся за решение сверхсложной задачи. Даже чисто хирургической техники им не хватало для ее выполнения, а ведь перемена пола, как мы уже знаем, – это проблема прежде всего комплексная, лежащая на пересечении сексологии, психиатрии, нейроэндокринологии и хирургии. К пациенту отнеслись ничуть не более трепетно, чем если бы, скажем, ему удаляли аппендикс: сняли швы, убедились, что нет нагноения – и может идти на все четыре стороны. Сложнейший период реабилитации пациент провел наедине с собой, лишенный даже самой примитивной дружеской поддержки: ведь рядом с ним не было никого, с кем он мог бы поговорить откровенно. Боясь, что тайна станет известна жениху, а затем и мужу, Рахим оборвал все старые связи…

Отсюда, кстати, и второе предположение напрашивается: не была ли совершена трагическая ошибка в самом начале сватовства? Не решившись рассказать о себе правду, Рахим заложил в основу отношений с будущим спутником жизни бомбу замедленного действия. Не отсюда ли это губительное ощущение лжи, самозванства, которое привело в конце концов и к разочарованию в семейной жизни, и глубже – к самоотрицанию?

Мне могут возразить: ну а был ли у вашего пациента выбор? Разве мог он, в самом деле, признаться во всем молодому человеку, видевшему в нем обычную девушку? Но в том-то и дело, что мог. Одна из самых таинственных загадок транссексуализма заключается в том, что очень часто еще до хирургического и медикаментозного воздействия, до смены документов сексуальные партнеры распознают в этих людях их «истинный», то есть обратный биологическому и паспортному пол. Вспыхивают романы, складываются семьи. Любовь толкает на изобретение немыслимых разновидностей сексуальной техники, благодаря которой оба могут быть счастливы. Сплошь и рядом именно эти прочные, устоявшиеся связи толкают транссексуалов на борьбу за изменение пола: перед собой и людьми им хочется выглядеть нормальной парой, законно оформить свои отношения, без чего невозможно усыновить ребенка или справиться с многочисленными бытовыми трудностями. Как повел бы себя, узнав правду, молодой человек,

связавший свою судьбу с Рахимом, я, естественно, сказать не могу. Но разве помог изначальный обман хоть что-нибудь выиграть в итоге? В самой любви, которой так дорожил Рахим, был растворен страшный яд: мысль, что это подкупающее тепло, восхищение, страсть – все адресовано, по сути, не ему, а какому-то третьему, вымышленному, призрачному существу.

Эти детали крайне осложняют анализ. Если опыт был поставлен в нечистых условиях, насколько можно доверять результату? Но с другой стороны, жизнь – не лаборатория. В каждой реальной судьбе есть какие-то свои, неповторимые особенности, и только проследив несколько судеб, можем мы получить представление о том, что составляет признак явления, а что должно быть расценено как принадлежность одного конкретного случая.

И действительно, некоторое время спустя такая возможность представилась.

Героиней моего рассказа на этот раз будет Тамара, хотя и она в момент нашего знакомства носила мужское имя. Для полноты сходства упомяну, что вся ее жизнь – и в мужском и в женском обличии – тоже была связана с танцем, но не классическим, а эстрадным. Внешне трансформация прошла исключительно удачно. Тамара стала примой Ленинградского мюзик-холла, получила звание, у нее были толпы поклонников, она – вершина преуспеяния для советского человека! – вошла в число «выездных» артистов, а постоянные заграничные гастроли обеспечивали фантастически высокий, но общим меркам, материальный уровень. Семейная жизнь тоже сложилась, муж, что называется, носил Тамару на руках, при этом никаких недомолвок между ними не было. Короче говоря, насколько Рахим мог показаться пасынком судьбы, настолько же Тамара выглядела ее любимой, балованной дочкой.

Но вот передо мной ее письмо, написанное через пять лет после смены пола.

«Чуда, Арон Исаакович, не произошло. На месте одних страданий возникла масса других. И кажется, что они гораздо тяжелее, чем предыдущие. Все вокруг меня ложь. Я одеваюсь в чужое платье, я всех обманываю и что самое страшное – лгать я должна до конца жизни, твердо зная, что настоящей женщины из меня никогда не выйдет.

В коллективе меня любят, люди ко мне тянутся. Муж все такой же красивый и так же обожает меня. У меня с ним полное взаимопонимание во всем… кроме секса. Половой жизни для меня не существует. Я не испытываю оргазма, вообще никаких чувств. С моей стороны – только долг. Секс воспринимаю как

какую-то гнусность. К сожалению, муж понимает это превратно и продолжает меня сильно ревновать.

Последние годы исчезла инициатива, пропала всякая естественность. Я чувствую, что нарушила природу и теперь перед ней в ответе. Исчезли мои стремления, исчез апломб, кураж. Когда разговариваю с женщинами, чувствую, что у них есть фундамент, – у меня его нет! Роль женщины, в которую я вошла с детских лет, – это всего лишь роль, чужая роль. Я жила в мире фантазий и грез, а когда очнулась – поняла, что все это не мое! Внимание мужчин меня раздражает.

Из года в год прогрессирует физическая слабость. Живу, что называется, на таблетках. Когда мне дают новый препарат, первое время испытываю облегчение, настроение поднимается, появляется внутреннее горение, вдохновение, радость, но потом все возвращается к прежнему. По-моему, меня убили гормоны. Иногда яркие сновидения – я вновь мужчина. Просыпаюсь в тоске. Давит пустота, никчемность. В этой жизни меня держит только теплое отношение мужа, все остальное я со сменой пола потеряла – близких, родных и саму себя».

В этом письме звучат те же жалобы, хотя многие обстоятельства не совпадают. Тамара не прибегала ни к какой конспирации, но все равно она страдает, чувствуя себя обманщицей. Мираж развеялся. Победа обернулась горьким поражением. По существу, оба, и Рахим, и Тамара, признаются в одном и том же – в иллюзорности своего былого мнения о себе, в превратности собственной самоидентификации. То, в чем они видели проявление своей женской души и что должно было раскрыться в полную силу благодаря вмешательству хирургов, теперь стало казаться пустой фантазией. Выяснилось, что быть женщиной – это нечто иное, для них недостижимое. Тамара нашла очень точные слова: они действительно потеряли себя.

Тот же мучительный путь – от радушных надежд, от эйфории к разочарованию – проходят вместе с пациентами и врачи. Конечно, не все их попытки приводят к такому горестному результату, возможно даже общая статистика, если бы мы ею располагали, показала бы преобладание удач над неудачами. Но очень уж тяжело переживается каждая из этих неудач.

Бывали в недолгой истории этого направления медицины периоды острейших кризисов, когда вчерашние энтузиасты объявляли о прекращении работы. Мы бессильны решить эту проблему, помощь пациентам оборачивается для них еще более злой бедой! Такое решение, например, приняла однажды знаменитая клиника половой идентичности в Балтиморе (США), один из самых уважаемых в мире центров. Этому предшествовал

период, когда специалисты этой клиники, воодушевленные расширяющимися возможностями хирургии, гормонотерапии и психологии, поставили, что называется, операции на поток: только скажи, что ты недоволен своим полом, и тебя обслужат по высшему классу. Тем тяжелее было встречаться несколько лет спустя с людьми, жестоко обманувшимися в своих ожиданиях.

Но и мораторий продержался недолго. Это решение тоже оказалось неудовлетворительным. Клинику продолжали осаждать люди, исполненные решимости добиться операции, и нужно было вообще не иметь сердца, чтобы хладнокровно указывать им на дверь. Приходили страшные известия: о самоубийствах, о варварских попытках самокастрации. Кто будет следующим? Может быть, тот самый пациент, которому мы, из самых лучших побуждений, отказываем в исполнении его желания?

Поставьте себя на место врача, который слышит от пациента: если вы не пойдете мне навстречу, вот что я с собой сделаю! Правда, давно замечено, что угрозы далеко не всегда выполняются. Транссексуалы, если называть вещи своими именами, склонны к шантажу, это один из присущих им способов взаимодействия с внешним миром, обусловленный своеобразием их психики. Но какая польза врачу от того, что он это знает? Невозможно отличить пустое запугивание от готовности совершить страшный, непоправимый поступок. Сами наши пациенты не всегда бывают способны предсказать собственное поведение.

Еще одна опасность всегда подстерегает нас в работе с этой категорией пациентов – я назвал бы ее эскалацией потребности. Цель достигнута, а внутренний механизм, нацеливающий на ожесточенную борьбу с миром, оборотов не снижает. Начинаются новые атаки на врачей, выдвигаются новые пожелания. Иногда они касаются дальнейшей реконструкции гениталий: хирурги, видите ли, оплошали. То есть они сделали все возможное на момент операции, но теперь техника ушла в вперед. Выходит, что в первый раз был допущен своего рода брак, значит, работа должна быть переделана. И это еще не самые фантастические запросы. Почему трасформация не принесла мне того счастья, на которое я рассчитывал? – спрашивает человек. И сам же отвечает: конечно же, потому, что она не завершена. Вершина женского существования – материнство. Следовательно, нужно добиться, чтобы мне была дана способность зачать и родить ребенка! Вы говорите, что это невозможно? Чепуха! Пересаживают сердце? Пересаживают почки? Так почему же нельзя трансплантировать все органы репродуктивной системы – яичники, матку?

Уже несколько месяцев хожу под впечатлением тяжелейшего

разговора, к которому я никак не был подготовлен. Пришла пожилая женщина, сказала, что разыскивает хирургов, с которыми, как ей запомнилось, много лет назад я сотрудничал. Мы разговорились. Имя посетительницы ни о чем мне не говорило, внешность и подавно стала неузнаваемой, но потом в памяти что-то забрезжило – действительно, был такой молодой человек, из числа тех, кто с особым упорством добивался операции. Меня приглашали на консультацию, но дальнейшая его судьба до сих пор была мне неизвестна. Оказалась, что он настоял на своем и до последнего времени это решение казалось единственно правильным. Все, о чем грезят наяву мальчики-транссексуалы, сбылось по полной программе. Эффектная внешность, успех у мужчин, взаимная любовь и, наконец, замужество.

Но у всех этих благ оказался ограниченный срок действия. В молодости они и вправду служили источником счастья. С течением же лет, их волшебная сила иссякла, а новые стимулы, соответствующие зрелой поре жизни, не появились. Возникло страшное чувство пустоты и фальши: «я не то, за кого себя выдаю». В житейском плане приближающаяся старость тоже принесла много горя. Умер муж. Его дети от первого брака, и прежде проявлявшие себя достаточно враждебно, тут окончательно распоясались. Ее выгнали из дому, лишили всего имущества. Закон был на стороне вдовы, но она даже не попыталась себя защитить. Приняла покорно случившееся: «так мне и надо, я – никто».

В тот вечер я услышал те самые слова, которые так страшили меня еще на раннем этапе работы: «Зачем вы, врачи, со мной это сделали? Да, я была настойчива, я не оставляла вас в покое, но мне простительно – я не медик. Я не могла предвидеть всего. А вы были обязаны уберечь меня от ошибки!» С кем угодно я мог бы вступить в дискуссию по этому поводу. Но этой женщине, переживающей полный крах своей жизни, возразить было нечего.

Зачем, однако, понадобились ей хирурги, чем они-то могли теперь помочь? Ответ меня ошеломил. «Я хочу поменять документы. Жить уже осталось недолго, но пусть хоть на могиле будет написано мое настоящее имя».

Вот как выглядит при ближайшем рассмотрении проблема выбора врачебной стратегии при транссексуализме. Как ни горько признавать, это не выбор наилучшего из имеющихся вариантов. Это выбор наименьшего из возможных зол. Потому и приобретает решающее значение фактор времени. Длительность наших контактов с пациентами не исключает ошибок, но риск, безусловно, уменьшается.

Не понимать этого, не видеть в действиях врача ничего кроме тупого упорства и бездушного формализма, укреплять в таком убеждении самих транссексуалов – значит брать на свою душу тяжелейший, несмываемый грех.

Человек нарождается вновь

Есть ли альтернативы операции при трансексуализме?

Расскажу еще одну историю, из самых давних. Одна из главных ее особенностей была в том, что развернулась она и достигла кульминации в глуши, в маленьких городах и поселках, куда никакой информации о транссексуалах, меняющих пол, тогда еще не донеслось, Наташа, назову ее так, не могла руководствоваться в своей жизни ничем, кроме внутреннего побуждения. Но оно в ней было настолько сильно, что даже окружающие согласились признать в ней мужчину. Никто не оспаривал ее права ходить в мужской одежде, работать в мужской бригаде и называть себя Виктором. Щекотливая ситуация создалась, когда решался вопрос с общежитием: поселиться в мужской комнате сама Наташа не стремилась, но и среди женщин ей было неуютно. В конце концов ей выделили отдельную комнату, что со стороны администрации вполне можно было считать верхом терпимости и доброты.

Там же, в общежитии, Наташа встретилась с девушкой, пробудившей в ней страстную любовь и такую же сумасшедшую ревность. У Насти, так звали эту девушку, было много поклонников, но она видела в них только грубых, примитивных парней, не умеющих даже красиво сказать о своих чувствах. Виктор был совсем другим. Он дарил ей цветы, конфеты, посвящал неуклюжие, но потрясающе искренние стихи. Оттолкнуть его девушка была не в силах, хотя подруги и внушали ей, что Виктор – гермафродит и связываться с ним опасно. Роман развивался бурно, мучительно, и все это время его герои, ссорились они или сходились вновь, чувствовали себя, как в аквариуме, – в условиях общежития нельзя было ступить и шага, чтобы это тут же не становилось известно всем. Это побудило молодых людей уехать туда, где тайна Виктора никому не была бы известна.

У Насти проблем с переездом не возникло. По совету своих родных она нашла еще один маленький городок, где требовались строители, устроилась работать маляром, прописалась, сняла квартиру. Виктор, он же Наташа, сразу оказался в тупике. Дерзости, свойственной, как мы уже знаем, женщинам-мужчинам, хватило на то, чтобы подделать паспорт. Но не было военного билета, а без него документы на прописку не принимали. Именно это затруднение, а вовсе не надежда получить профессиональный совет или помощь, заставило мою будущую пациентку обратиться к харьковским, а затем к московским врачам. Врачи должны были

дать хоть какую-нибудь справку, и Наташа рассчитывала, что «творчески» поработав над ней, то есть вписав пару нужных слов, сможет представить в милицию официальное заключение о непригодности к военной службе. Как ни странно, этот фокус удался.

Когда все формальности были улажены, влюбленные зарегистрировали брак.

«Невозможно описать каждый день нашей жизни, – читаем в записках Натальи. – За год, прожитый нами вместе, я не раз слышал от Насти:? Витенька, я так счастлива! ¦ Мы постепенно все больше и больше привязывались друг к другу. Каждый из нас с работы спешил скорее домой, чтобы увидеться. Мы не могли насмотреться друг на друга и нацеловаться.

Однажды у нее пошли месячные. Она страшно мучилась болями в животе. Я ничего не заставлял ее делать дома – со всем справлялся сам, и стирал, и убирал, и есть готовил. В тот раз ей было особенно плохо, и она сказала:? Как болит, Витенька, ты не можешь себе представить, если бы хоть один мужчина испытал это!». Я решил признаться, что и у меня бывает менструация, поэтому я все понимаю и очень ей сочувствую. Настя удивилась, но так как ничего не знала о гермафродитах, то приняла это как должное. «Ну и пусть, – сказала, – все равно я тебя люблю!.

На кирпичном заводе я получал мало. Настя перешла на хлебозавод. Там три смены. Я здорово уставал, но все равно в двенадцать ночи всегда ходил провожать ее или встречать. Потом я поступил в литейный цех формовщиком, с деньгами стало легче. Все постепенно налаживалось. Но я мучился страхом, что рано или поздно обман раскроется. За себя я не боялся, а за Настеньку переживал. Из-за этого мы ссорились по пустякам, но, к счастью, тут же мирились. С каким трудом я добился, чтобы она стала моей женой! И как глупо потом потерял!

Настин брат с семьей жил в Эстонии. Мы поехали к ним в гости. Там был богатый совхоз, не дома, а дворцы. Платили рабочим очень хорошо. Родные стали уговаривать переехать к ним жить. И мы согласились, хотя хорошо помню: у меня было предчувствие, что вот переберемся – и что-то случится. Они все вместе останутся там, а я уеду. Так и вышло. А ведь если бы мы не затеяли этого переезда, то вряд ли я был бы разоблачен…»

Что именно произошло в Эстонии, я не помню, и в записях об этом ничего больше не сказано. Сохранился в памяти лишь результат пережитой драмы: весь свой вулканический темперамент Наталья направила на то, чтобы добиться хирургической трансформации пола. О том, что это возможно, ей стало известно еще во время поездки в Харьков и в Москву, но

поскольку Настя знала и принимала ее такой, как она была, информация прошла мимо сознания. Теперь же Наташа видела в операции единственны выход. И я должен сказать, что объективно все данные были за то, что ей удастся настоять на своем. Из всех женщин-мужчин, проходивших в тот период обследование в нашей клинике, ее психологические особенности, да и вся история ее жизни в наибольшей степени соответствовали диагностическим критериям транссексуализма.

Но случилось непредвиденное. В один прекрасный день, без объяснения причин, Наталья подошла к своему лечащему врачу и сказала, что хочет выписаться. Мало того: призналась, что покинуть больницу ей хотелось бы в женской одежде, но денег на покупку нет, как быть, она не знает. Врач уговорила Наташу подождать до вечера, помчалась домой, разворошила весь свой небогатый гардероб, кое-что прихватила из вещей своей дочери и с полными сумками вернулась в отделение. Наташа переоделась, с большим удовольствием осмотрела себя в зеркале и ушла. Вернулась через несколько дней, чтобы попрощаться со всеми, объявила, что решила уехать из Москвы, что от операции отказывается и начинает новую жизнь. «Мне сейчас трудно объяснить что-либо, но как соберусь с мыслями, я тут же напишу!» – сказала на прощание Наталья. И точно, через несколько дней пришел по почте толстый пакет.

Своей исповеди Наталья предпослала примечательное название: «Человек нарождается вновь».

«В душе произошла великая революция. Стремление изменить свой пол, стать мужчиной, лопнуло, как мыльный пузырь. Я возвращаюсь к действительности, к прекрасному образу женщины, выхожу из состояния двойственности, из этой непосильной и ненужной роли – роли мужчины. К прошлому возврата не будет, но это понятие нужно укреплять. Эти вкоренившиеся и такие ненужные для женщины мужские привычки надо отбросить. Конечно, это постепенно, но начало есть. Я себя обокрала в жизни, но у меня есть молодость, силы, здоровье, я все это наверстаю. И буду драться за свое достоинство, как львица. Пусть я не мужчина, но я человек со всеми своими нормальными свойствами. И ничего, что в жизни будут трудности, главное, что я не калека. Конечно, я вижу, как приезжают другие люди, такие, как и я, и как они мучаются своей двойственностью, но до их сознания еще не доходит то, что дошло до меня. Никакой операции не нужно делать. Им нужны какие-то другие пути.

Конечно, в сознании остается все то, что было в моей жизни. Но это был абсурд, это было не естественно, и поэтому я не буду

переживать. Главное – впереди: мое будущее. Если я не выйду замуж, я все равно рожу для себя ребенка, но прежде всего подготовлю почву, чтобы произвести его не на голом месте. И это не порыв. Нет! Все сознательно продумано и взвешено.

Конечно, это нужно глубже описать, но у меня, к сожалению, нет времени. Билет уже взят, пишу перед отъездом. Будет лучше, если я потом напишу в другой обстановке, более подробно, и пришлю А. И. Белкину.

Хорошо я все-таки сделала, что приехала в Москву и меня исследовали. Слава Богу, все кончилось хорошо, как после летаргического сна. Я постараюсь, если такие люди еще на моем пути встретятся, помочь им понять, что не стоит создавать себе искусственное несчастье, когда ты полноценный человек – мужчина или женщина.

Господи! Дай мне силы смириться с тем, чего я не могу изменить, дай мне мужество бороться с тем, что я должна изменить, и дай мне мудрость суметь отличить одно от другого».

Возвращение к действительности, пробуждение от летаргического сна, преодоление двойственности – сами слова, которые использованы в этом тексте, подтверждают подлинность совершившейся перемены. У другого человека, более начитанного и более искушенного в письме, их можно было бы посчитать литературным упражнением на заданную себе тему. Наташе неоткуда было заимствовать, слова могли родиться только в стихии ее собственных глубочайших переживаний. Но чем они были вызваны? Что заставило совершить это непосильное для транссексуала душевное движение – встать выше себя, посмотреть на себя со стороны?

Прямого ответа исповедь не дает. Для такого прорыва в самоанализе силенок Наташе не хватило. Потому, вероятно, она и хотела прислать мне еще одно письмо – но оно либо не дошло, либо так и не было написано. Придется нам поэтому ограничиться только теми намеками, которые содержатся в присланном тексте.

В одно время с Наташей обследование проходила Марина, называвшая себя Славой, – еще одна женщина-транссексуал. Ее жизнь была нескончаемой цепью любовных приключений, о которых она с гордостью рассказывала всем. Наташу страшно коробило от этой безудержной похвальбы. Ее собственное отношение к любви было совсем другим – возвышенным, романтическим. Травма от крушения иллюзий, связанных с браком, еще не изгладилась. Но когда человек лежит в больнице, да еще в чужом городе, выбор у него невелик – с кем общаться, как проводить свободное время.

Слава же и в Москве активно продолжал расширять свой донжуанский список. С одной из новых подружек, он познакомил Наташу. Девушку звали Леной. Она была удивительно хороша собой, но не только красота поразила Наташу – Лена показалась ей «замечательным, рассудительным человеком, в котором есть кое-что еще от детства». Вспыхнула любовь. Но хозяином положения был Слава. Наташе оставалось занять позицию «третьего лишнего» – тихо сидеть в сторонке, наблюдать и думать.

Если Наташа права и толчком к совершившемуся в ней душевному перевороту действительно была встреча с Леной, то решающую роль тут, думаю, могла сыграть сшибка экстраординарных по силе чувств – влечения и ревности. Всплеск эмоций обострил у Наташи проницательность. Она увидела, что Слава нравится Лене, но не очень серьезно. Однако, он очень настойчив, самоуверен и вполне способен добиться успеха. Но то ли это, чего заслуживает Лена, которую Наташа уже успела мысленно наделить самыми прекрасными женскими качествами? Такой ли должна быть первая любовь у прелестной чистой девушки? Вся эта сцена, когда Слава, как мог старался загипнотизировать Лену своим натренированным обаянием, вдруг показалась Наташе отвратительной. Кто такой этот Слава? Разве он мужчина? Нет, это ряженый – в его ухватках есть что-то уродливое карикатурное.

Это было страшное открытие, страшное для самой Наташи, которая увидела в этом карикатурном образе и себя. Защита могла быть только одна – отмежеваться от привидевшегося уродства. «Да, я влюбилась во второй раз, но почувствовала, что эта любовь уже не такая, не как мужчины к женщине. Глупого чувства у меня к Лене не было, а было что-то родственное. Мне не хотелось повторить то, что было раньше с Настей. Я поняла, что от Славки эту девочку надо уберечь. И от себя тоже».

Чтобы спасти Лену, нужно было рассказать ей правду. «Разоблачить» Марину-Славу труда не составило, а откровенность в отношении самой себя потребовала огромного нравственного усилия. К счастью, Лена и в самом деле оказалась добрым и чутким человеком и к тому же не полным профаном в медицине: она работала медсестрой в железнодорожной больнице.

Как это чаще всего и бывает у транссексуалов, Наташа всегда ощущала психологический барьер в общении и с женщинами, и с мужчинами. С самого детства у нее не было ни друзей, ни подруг. Опыта открытого обсуждения своих проблем она не имела – врачи в данном случае не в счет, слишком большая дистанция разделяет врача и пациента. Впервые появился близкий человек,

сочувствующий, сопереживающий перед которым можно было открыть душу.

Но и то не до конца! Интуиция подсказала Наталье, что нельзя рассказывать Лене о том, какие отношения связывали ее с женой. «Мы жили, как брат в сестрой», – такую выбрала она версию. Что же заставило ее ограниться полуправдой? Я вижу только одно возможное объяснение. В контексте тех признаний, которые были уже сделаны, близость с женщиной выглядела бы чисто гомосексуальной, а отождествление себя с лесбиянками было невозможно, это означало бы зачеркнуть собственное «Я». Наташа не подругу обманула – она сыграла в прятки с собой. Но не исключено, что сам этот наивный маневр был еще одним шагом к прозрению.

Из письма Наташи я с удивлением узнал еще об одном важном эпизоде. Собственно, знал я о нем и раньше, но не подозревал, какое он имел значение. Я уже говорил, что в нашей практике интенсивно использовались кинокамеры и магнитофоны, но в тот период мы работали с ними преимущественно «для себя» и только начинали эксперименты по демонстрации записей самим пациентам. В группе гермафродитов результаты обнадеживали, транссексуалы же, как правило, были непробиваемы. Они видели себя на экране точно такими же, как рисовал им их внутренний взор, эффект взгляда на себя со стороны не срабатывал.

С Наташей получилось по-другому – видимо, почва была уже подготовлена. «Посмотрев немного фильм о себе, я пришла в ужас. Неужели это я? Бог мой! Это просто игра, роль, совсем не то. И это еще больше отравило в душе то, как я вела себя в мужской одежде и все прочее! Черт знает, что такое! Мне просто захотелось подойти и ударить этого Виктора, или же сказать: какой же ты дурак или дура! Ведь я понимаю и люблю все прекрасное, что есть в жизни. А это просто дурь!» И дальше – изумительный по своей бесхитростной ясности вывод: «Если женщина ходит в мужском, курит, коротко подстрижена, работает на мужской работе, ведет себя по-мужски – это не значит, что она мужчина». Точное повторение того, что мы с вами читали в дневниках Рахима! Только без той чудовищной цены, какую Рахим заплатил за прозрение…

В истории Наташи слишком многое зависело от Его Величества Случая, чтобы опереться на него в методических целях. Но этот опыт укрепил меня в мысли, что альтернативы операции могут существовать. Приоткрылись и какие-то маленькие психологические пружинки, знание которых не раз помогало мне в дальнейшем. Я не знаю, удалось ли Наташе

исполнить свое намерение и стать проповедницей «антитранссексуализма» – отвращать подобных себе от «искусственного несчастья», как очень точно она выразилась. Но ее записи, как часть нашего архива, сам ее пример исправно служат этой цели.

А можно ли добиться полного избавления от транссексуализма? Многие специалисты считают любые попытки заведомо безнадежными. Приговор звучит примерно так: и не старайтесь, и не пытайтесь – все равно ничего не получится. Этому твердо сложившемуся мнению я могу противопоставить всего лишь один случай. Но и единичного результат достаточно, чтобы с удвоенной энергией продолжать поиски.

Пациент, о котором я хочу рассказать, приехал из Сибири, хотя принадлежит он к славной грузинской фамилии. Грузин у нас традиционно считают супермужчинами. Отар же чуть ли не с пеленок стал называть себя девочкой. В детстве его идеалом была сказочная Снежная Королева – холодная, недоступная красавица, повелевавшая всеми. Даже во сне – а мы в течение долгого времени анализировали все его сновидения – этот молодой человек никогда не видел себя мужчиной. После нескольких телешоу, поставленных в уже знакомом нам ключе, Отар полностью уверовал, что путь к счастью лежит только через операцию. Эти же передачи предопределили его отношение к врачам. Мы не кинулись сломя голову исполнять его желание, а потому в его глазах сразу стали врагами. И я просто не представляю себе, как можно было бы переломить эту ситуацию, если бы не наши кассеты с исповедями пациентов, тетради с их дневниками, их письма, написанные через пять, десять, пятнадцать лет после операции.

В отличие от тележурналистов, мы не заботились о пропагандистском эффекте, не старались запугать пациента. Цель была совсем другой – показать реальную перспективу. Чуда не произойдет. Все, что способна сделать медицина, – это сначала убить в нем мужчину (что будет сопряжено с большими страданиями, с физическим дискомфортом), а затем воспроизвести хирургическими средствами некое подобие женского организма. Приблизит ли это к осуществлению его мечты? Вполне возможно. Такие примеры есть, их не выдумывают специально для телевизионных передач. Но исход может быть и другим, это своего рода лотерея, до самой последней минуты никто не знает, кому какой выпадет билет… Отар не был бы транссексуалом, если бы под влиянием этих доводов отказался от мыслей об операции. Но он решил попробовать полечиться, оставляя за собой право в любой момент вернуться в своим

требованиям. И уже это было огромной победой.

В работе с Отаром мы использовали комплексный метод – психотерапию, основанную на психоанализе, в сочетании с гормональными препаратами. Психоаналитики давно отступились от транссексуалов. Ничего не дает сам по себе и прием гормонов. Гормон слеп, его психологическое воздействие целиком определяется ситуацией – внешними обстоятельствами или событиями в духовном мире человека. Зато совмещение этих факторов, благодаря уже знакомому нам тоннельному эффекту, не только удесятеряет их силу, но и направляет ее на определенные точки в мозговых структурах.

Беда наша в том, что пока приходится двигаться наощупь. Настоящие строители, при прокладке тоннелей могут заранее начертить карту, проложить маршрут, рассчитать, какие ресурсы, в каком соотношении потребуются для совершения необходимой работы. Нам до этого еще далеко. Но иногда интуиция дает правильные подсказки.

Маленький мальчик прокрадывается в комнату матери, надевает ее красивую кружевную комбинацию, туфли на высоком каблуке, смотрится в зеркало. Его охватывает восторг: из зеркала на него смотрит настоящая королева! Но счастье длится недолго. Появляется бабушка, ругает его, отнимает мамины вещи. Что это он выдумал, белье может порваться, испачкаться! Мальчику страшно, он понимает, что сделал что-то плохое, но не может забыть об испытанном им наслаждении. Оно остается самым важным открытием…

Когда Отар рассказывал о своем детстве, этот эпизод был заслонен позднейшими, более отчетливыми воспоминаниями. Но на сеансе психоанализа он всплыл в мельчайших подробностях, включая даже запах, исходивший от тонкого шелка. Этот запах играл огромную роль и в дальнейшем, когда переодевание в материнские платья стало для мальчика настоящей потребностью. Никакие другие занятия, развлечения, никакие подарки не приносили ему такой острой, охватывающей все существо радости. И с возрастом волны этого душевного подъема поднимались все выше.

Клинический опыт подсказывал, что эти эмоциональные «свечки» не позволят пациенту вырваться из заколдованного круга. Нужно было их пригасить, снизить в глазах Отара их значимость. Помог, как и во многих подобных случаях, окситоцин. Этот препарат, вводимый в малых дозах перед началом психоаналитического сеанса, нейтрализовал эмоциональное давление давних переживаний. Впрочем, вряд ли читателю много скажут названия применявшихся при

гормональной терапии лекарств. Скажу лишь о результате: мало-помалу была расшатана рабская зависимость эмоциональной сферы от транссексуального феномена.

Не прерывая курса психотерапии, поддерживаемого гормонами, мы предложили Отару включиться в игру. Он должен был познакомиться с девушкой и завязать с ней отношения в роли ловеласа. К сожалению, первый опыт оказался неудачным, а второй – и того хуже: так уж распорядилась Фортуна, столкнувшая Отара с двумя мегерами подряд. Пациент отреагировал очень бурно, даже сказал, что прерывает лечение. Но тут, чисто случайно, завязалось еще одно знакомство, и Отар, впервые в своей жизни, оказался в положении мужчины, которого, как он выразился, старается «закадрить» симпатичная девушка. Встречаясь с ней, Отар старательно выполнял программу, которая была нами заранее проговорена, но был при этом холоден, чувствовал себя то ли плохим актером, то ли бездушным роботом. Впору было сказать, что эксперимент закончился неудачей… Но даже внешняя имитация мужского поведения дала неожиданны эффект. После одного из свиданий Отар впервые увидел себя во сне в своем истинном поле. В этом сне он был с женщиной, он поцеловал ее в грудь. Охватившее его при этом чувство долго сопровождало его и наяву.

Внимательный читатель наверняка уже заметил сходство терапевтических подходов к транссексуалам и гомосексуалам. Это закономерно при достаточно близком родстве этих состояний. Но инверсия при транссексуализме затрагивает несравненно более глубокие структуры личности, образуя целую систему стойких комплексов. Нарушение в выборе объекта полового влечения – всего лишь одно звено в этой системе. Но если здесь удается добиться сдвига, то и остальные блоки становятся более податливыми.

Колоссальное значение для Отара имел первый настоящий контакт с женщиной. Когда психологически он был к нему уже подготовлен, да и партнерша стала проявлять нетерпение, я заметил в пациенте странную боязливость. Он все откладывал, тянул, придумывал отговорки… Я уловил здесь крайне болезненную струнку, имевшую, возможно, отношение к формированию самого транссексуального синдрома. Будучи подростком, Отар постоянно ощущал свое отличие от мальчишек-сверстников. Они были выше ростом, сильнее, их излюбленные забавы требовали большой ловкости и выносливости, – и именно своей удалью и вызывали восхищение подружек. Не только это заставило Отара сказать о себе: я – женщина, но и это в том числе. Задачи, которые жизнь ставит перед мужчиной уже в 14

лет, казались подростку непосильными. И вот теперь, накануне решающего свидания, вся неуверенность в себе, сопутствовавшая половому созреванию, заговорила во весь голос. Он просто боялся осрамиться, оказавшись с женщиной в постели… К счастью, в нашем арсенале нашлось достаточно средств, чтобы подкрепить его перед трудным испытанием, и оно прошло более чем успешно.

Недавно Отар приезжал в Москву. Он очень изменился за два года. Было видно, с каким удовольствием и гордостью демонстрирует он свои достижения. Я не решился бы сказать, что прошлое полностью преодолено и он превратился в обычного мужчину. Как и на начальных этапах лечения, он скорее играет эту роль. Но теперь делает это мастерски, с наслаждением. Так же, как и в былые времена, для него исключительно важен ритуал одевания. Отар в курсе всех веяний мужской моды, но явно предпочитает вещи, символизирующие силу этого пола: куртки, расширяющие фигуру в плечах, массивную обувь, которая придает значительность каждому шагу и превращает походку в поступь. Сохранилась и страсть к украшениям, но утоляется она теперь за счет множества металлических заклепок, пуговиц, цепей. Знаком глубокой перемены стала для меня перестройка обонятельных рефлексов. Я понял, что запах по-прежнему служит для Отара камертоном, которому послушны все душевные вибрации, но это уже не нежные, сладковатые ароматы духов, неотделимые от образа матери, а специфическая терпкость дорогой мужской парфюмерии.

Отар, несомненно, пользуется успехом у женщин. Его приход в кафе или в магазин никогда не остается незамеченным: продавщицы, официантки, барменши сразу же оживляются, начинают рассыпать улыбки и кокетливые взгляды. Отар в совершенстве освоил этот бессловесный язык и не упускает случая попрактиковаться в нем. В сущности, его поведение осталось прежним. Он постоянно провоцирует ситуации, заставляющие окружающих проявить свое отношение к нему. Его самоощущение нуждается в такой непрерывной подпитке, как комнатный цветок – в регулярном поливе. Но содержательная часть этих сигналов, поступающих извне, теперь должна быть другой: «ты парень что надо».

Эта метаморфоза внушает оптимизм. Я не переоцениваю достигнутого. Наш пациент не превратился в мужчину, он по-прежнему принадлежит к третьему полу. Переключились лишь силовые линии психологической ориентации – с женского пола на мужской. Но пусть это всего лишь роль – Отар выглядит в ней гораздо органичнее, чем в своем былом стремлении к женскому

совершенству. Что ни говорите, природа берет свое. И адаптироваться к жизни в этом своем качестве ему стало несравненно легче. У него появились планы, мечты, свободные от мучительных забот о собственной половой принадлежности. В Москву он приехал не только повидаться со мной, но и получить информацию о приеме в театральные институты. Не мне судить, есть ли у него полноценные актерские данные, но если смотреть с моих профессиональных позиций, стать «человеком с тысячью лиц» Отару очень бы подошло.

Коллеги могут мне сказать, что ни Отар, ни Наташа не страдали, судя по всему, так называемым ядерным транссексуализмом. Так принято в медицине обозначать самые резкие, самые выраженные его формы. Ядерный транссексуализм не только не согласился бы на попытку лечения – он и разговаривать с врачом на эту тему никогда бы не стал. Динамика становления сексуальности у этих людей такова, что смена пола становится для них безусловной, жизненной необходимостью. Но встречаются ядерные транссексуалы чрезвычайно редко. За все годы работы мне встретилось не более 10 таких случаев. И нет другого способа удостовериться в этом диагнозе, кроме длительного педантичного прощупывания, наблюдения за человеком в череде различных жизненных ситуаций.

Неядерные, краевые формы транссексуализма достаточно разнообразны. Не раз приходилось убеждаться, что пациенту вполне достаточно смены паспортного пола. Если удавалось им в этом помочь, на операции они больше не настаивали. У себя в отделении мы ввели в правило прохождения перед операцией годичного испытательного срока. Пациенты получали необходимые документы и должны были прожить год в новой социально-психологической роли: найти работу, сжиться с коллективом, создать себе соответствующее окружение. Экзаменовала сама жизнь, и далеко не все справлялись с ее требованиями. А с другой стороны, реальное существование в ином поле не всегда оказывалось таким лучезарным, как это рисовалось в мечтах. Вспоминаю немало бесед, в ходе которых мы с пациентом приходили к общему мнению, что проблемы, мешающие ему нормально жить, не исчезнут при переходе в другой пол.

Добиться изменения паспортного пола было чрезвычайно трудно. Никакими юридическими нормами такая процедура не предусматривалась, приходилось искать окольные пути. Теперь, как я уже упоминал, новый Закон о записи актов гражданского состояния предусматривает возможность изменения пола. Общество сделало громадный шаг вперед, признав, что не всем

его членам предначертано пройти путь от колыбели до могилы под знаком одного из двух полов. Но разработчики закона тут же перечеркнули это завоевание, сделав хирургическую операцию обязательным условием внесения изменений в запись о рождении. Тем самым нас – и врачей, и пациентов – лишили возможности маневра. Отказаться от идеи испытательного срока я никак не могу. Но это толкает на поиск путей в обход закона.

Жестокость и непонимание продолжают доминировать в отношении к третьему полу даже в тех случаях, когда общество пытается проявить широту души…

Что сказать напоследок?

Мое профессиональное знакомство с третьим полом началось лет сорок назад. Срок порядочный в масштабе одной человеческой жизни, – и одновременно ничтожно малый, если судить о нем по меркам истории. Тем значительнее кажутся мне перемены, которые произошли на моих глазах.

В течение первых нескольких лет пациенты, относящиеся к этой категории, появлялись поодиночке и с большими интервалами. Но постепенно поток нарастал, и сейчас среди людей, обращающихся со своими проблемами в наш центр, эта группа – одна из самых многочисленных. Однако, это вовсе не означает, что третий пол стал более многочисленным, как и сорок лет назад ошибались те, кто считал подобные случаи редкими, чуть ли не исключительными. Точной статистики никто не знает, но в целом, я полагаю, из поколения в поколение сохраняется примерно один и тот же порядок величин. Сдвиги происходят совсем в другом.

Люди, рожденные под знаком третьего пола, мало-помалу перестают рассматривать это состояние как проклятье, как каинову печать своего рода, а следовательно, у многих из них нет уже, как было в прошлом, отчаянной потребности забиться куда-нибудь в угол, в густую тень, стать невидимым и не слышимым. Они знают, что природа, в большинстве случаев еще до рождения, поставила перед ними серьезную проблему, но ничего в этом стыдного или позорного нет – как и ко всякой сложной проблеме, к ней нужно искать подходы, пытаться ее решать.

Конечно, большая заслуга в том, что такой перелом совершился, принадлежит медицине и прежде всего – психоэндокринологии. Многие загадки третьего пола сегодня разгаданы, и не только в теории – есть уже немало средств, позволяющих исправить или как-то компенсировать несправедливость, допущенную природой. Но всего этого было бы недостаточно, если бы параллельно не шла эволюция массового сознания – в сторону большей терпимости, широты взглядов и

уважения к личности каждого человека.

Погодите, да про нас ли это сказано? Последнее время господствующим стало прямо противоположное мнение – что люди ожесточились, озлобились, разучились сострадать друг другу. Что ж, примеров жестокости и злобы я и сам могу привести сколько угодно. Но не обманывает ли нас память, рисуя прошлое в розовых идиллических тонах? Чтобы не уходить далеко от темы, ограничусь судьбами которые только что прошли перед вами. Много ли доброты было в жизни моих пациентов? Много ли сочувствия и поддержки со стороны окружающих? Скорее наоборот! Скорее их отрицательное отношение к самим себе, в котором на 90 процентов заключалась их проблема. Об их существовании всем в общем-то известно, но мало кто удостаивает их своего внимания. Нам бы со своими проблемами как-нибудь разобраться, разве мало их в жизни нормальных, как мы обычно говорим, мужчин и женщин!

Попытаемся все же прервать эту давнюю инерцию равнодушия и жестокости. Присмотримся к людям, составляющим третий пол: кто они такие? Почему отличаются от большинства: Как складываются их судьбы? Можно ли отменить или хотя бы смягчить суровый приговор природы, который она выносит своим пасынкам?